

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2024 № 2 (32)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT LITERARY FACT

Academic journal

No. 2 (32). 2024

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2024. № 2 (32)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Алена Эдвартовна Исахаян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ф. Кофман* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Фоссаги, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrey F. Kofman* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrupa* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

Содержание

Литературный факт. 2024. №2 (32)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- С.В. Сапожков.* Николай Минский — исследователь и переводчик Гомера: история советского издания «Илиады» (ГИХЛ, 1935 г.) и сопроводительные материалы к нему 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

- С.В. Федотова.* К истории ответа А. Блока на анкету СДХЛ (1918): на материале переписки Ф. Сологуба, С. Кондурушкина и других 52
- М.А. Перепелкин.* А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой. Часть 1. Лёша и Маничка 90

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

- Н.Л. Виноградская.* «Наши одноборщники все, слава богу, здоровы». (Из комментария к письму Н.В. Гоголя В.В. Тарновскому от 2 октября 1833 г.) 123
- П.А. Дружинин.* Фальсификаты рукописей Исаака Бабеля и их распознавание..... 136

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

- Л.А. Трахтенберг.* Полемика о русском анекдоте в 1805 г. 161
- Е.Б. Бурлаченко, В.Э. Молодяков.* «Не всегда плох» или «приятное исключение»: поэт Георгий Рыбинцев и его критики (1913–1914 гг.)..... 183
- В.Б. Зусева-Озкан.* Человек и машина: гендерная инверсия и проблема искусственного тела в рассказе А.А. Барковой «Стальной муж» (1926) 204
- Олег Лекманов.* Новое о Мандельштаме в Грузии 227
- А.С. Пахомова.* Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века 239

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

- Д.Д. Николаев.* Шмелев в СССР. (Статья первая: издания и рецепция в довоенный период) 263
- Ю.А. Скальная.* «Панталоне» и «Коломбина» в Стране Советов: визит Б. Шоу и Н. Астор в СССР в 1931 г. 292
- А.В. Добряшкина.* Первые визиты писателей ФРГ в СССР 320
- О.И. Щербинина.* «Испытанный союзник»: советские контакты Ф. Боноски 341

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

- И.А. Виноградов.* Неизданная статья историка-медиевиста В.Т. Сиротенко о Гоголе 362

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- А.И. Рейтблат.* Русские писатели как прототипы литературных персонажей. (Материалы для словаря прототипов в русской литературе XIX — начала XX века) 379

Contents

Literary Fact. 2024, no. 2 (32)

FROM CREATIVE HERITAGE

- Sergey Sapozhkov*. Nikolai Minsky as a Researcher and Translator of Homer:
The History of the Soviet Edition of the *Iliad* (GIKHL, 1935)
and Accompanying Materials to It..... 8

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

- Svetlana Fedotova*. To the History of A. Blok's Response
to the UFF Questionnaire (1918): Based on the Correspondence of F. Sologub,
S. Kondurushkin and Others 52
- Mikhail Perepelkin*. A. N. Tolstoy in the memoirs of M. V. Neustrueva.
Part 1. Lyosha and Manichka 90

TEXTOLOGY AND COMMENT PROBLEMS

- Nataliya Vinogradskaya*. "Our Classmates Are All Well, Thank God"
(From a Commentary on N.V. Gogol's Letter to V.V. Tarnovsky
Dated October 2, 1833) 123
- Petr Druzhinin*. The Falsifications of Isaac Babel's Manuscripts and Their Recognition ... 136

ARTICLES. NOTES. REPORTS

- Lev Trakhtenberg*. The Polemics on the Russian Anecdote in 1805 161
- Ekaterina Burlachenko, Vassili Molodiakov*. "Not Always Bad" or "Pleasant Exception":
Poet Georgy Rybintsev and His Critics (1913–1914) 183
- Veronika Zuseva-Özkan*. Human and Machine:
Gender Inversion and the Problem of Artificial Body
in the Short Story by Anna Barkova "The Steel Husband" (1926) 204
- Oleg Lekmanov*. Mandelstam in Georgia: New Information 227
- Aleksandra Pakhomova*. Mikhail Kuzmin's Circle and the Creation
of unofficial literature in Leningrad in the Latter Part of the 20th Century 239

LITERARY CONNECTIONS AND RECEPTION

- Dmitry Nikolaev*. Shmelev in the USSR.
(Chapter One: Editions and Reception in Pre-War Period)..... 263
- Yulia Skalnaya*. "Pantaloons" and "Columbine" in the Land of the Soviets:
Bernard Shaw and Nancy Astor's Visit to the USSR in 1931 292
- Anna Dobryashkina*. First Trips of West German Writers to the USSR 320
- Olga Shcherbinina*. "Trusted Ally": : Phillip Bonosky's Soviet Contacts 341

FROM SCIENTIFIC HERITAGE

- Igor' Vinogradov*. An Unpublished Article by Medievalist Historian V.T. Sirotenko
About Gogol 362

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

- Abram Reitblat*. Russian Writers as Prototypes of Literary Characters.
(Materials for a Dictionary of Prototypes in Russian Literature
of the 19th — Early 20th Centuries) 379

Литературный факт.
2024. № 2 (32)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-8-51>
<https://elibrary.ru/BSZTNX>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (32), 2024

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Николай Минский — исследователь и переводчик Гомера: история советского издания «Илиады» (ГИХЛ, 1935 г.) и сопроводительные материалы к нему

© 2024, С.В. Сапожков

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

Аннотация: Источником для настоящей публикации послужили архивные документы, хранящиеся в фонде А.В. Луначарского в РГАСПИ. Это сопроводительные материалы, высланные в 1929 г. Н.М. Минскому (1855/1856–1937) Луначарскому для издания собственного (пятого по счету) перевода «Илиады» в советском Госиздате. Они состоят из четырех разделов: 1) история «гомеровского вопроса»; 2) идея «Илиады»; 3) перевод «Илиады»; 4) «Новейшая (зарубежная) литература по гомеровскому вопросу». По идеологическим соображениям Госиздат заблокировал выход в свет этих материалов. В статье они публикуются и комментируются впервые. Анализ материалов показал, что Гомер для Минского — не столько предмет строго исторической критики, сколько индикатор смыслов, отвечающих духовным потребностям человека *fin de siècle*. Встраивая художественное мышление Гомера в парадигму современной культуры, Минский еще в статье 1896 г. «Идея “Илиады”» закономерно наделял содержание поэмы ницшеанскими смыслами, интерпретируя образ Ахилла в духе культа «сверхчеловека». Однако в 1929 г. Минского, чей меонизм прошел суровое испытание катастрофой первой мировой войны (пьеса «Лики войны», 1915), в героях Гомера уже больше привлекает их готовность отказаться от «сверхчеловеческого» в себе в пользу «человеческого», от жажды мести и ненависти к обретению прощения и сострадания. Акцентируя в материалах 1929 г. гуманистический пафос Гомера, Минский указывал современникам на «Илиаду» как на памятник, в котором «Греция навсегда отмежевалась от варварства и сделала первый шаг к будущему союзу всего человечества».

Ключевые слова: «Илиада», Н. Минский, перевод, «гомеровский вопрос», идея «Илиады», «сверхчеловек», «Лики войны», гуманистический пафос, «новый Гомер».

Сведения об авторе: Сергей Вениаминович Сапожков — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор кафедры русской классической литературы, Московский педагогический государственный университет, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6465-7958>

E-mail: servensap@yandex.ru

Для цитирования: Сапожков С.В. Николай Минский — исследователь и переводчик Гомера: история советского издания «Илиады» (ГИХЛ, 1935 г.) и сопроводительные материалы к нему // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 8–51. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-8-51>

Среди обширного переводческого наследия Н.М. Минского¹ одно из первых мест, и по известности среди читателей, и по значимости для творческого самоопределения автора, занимает перевод «Илиады» Гомера, впервые опубликованный в 1896 г. в издательстве К.Т. Солдатёнова. После революционных событий 1905 г., спасаясь как редактор-издатель большевистской газеты «Новая Жизнь» от ареста бегством за границу и впоследствии оставшись там пожизненно на положении эмигранта, Минский тем не менее еще трижды переиздает свой перевод в России. Он выходит в столичном издательстве «Шиповник» в 1909, 1912 и 1917 гг. Пятое издание, существенно им переработанное, предназначалось уже для читателей нового государства — СССР.

Следует отметить, что это была далеко не первая попытка Минского-эмигранта пробиться на советский книжный рынок. В 1927 г. он поступает на службу в советское полпредство в Лондоне, порывает почти все связи с эмигрантскими кругами и отныне надежды на издание своих произведений связывает исключительно со «страной победившего социализма». В осуществлении этих надежд он рассчитывает на помощь наркома просвещения А.В. Луначарского, хорошо ему знакомого еще со времен сотрудничества в редакции «Новой Жизни» и выхлопотавшего для него в 1927 г. персональную пенсию от советского правительства как «революционному поэту»². Жизненные обстоятельства и мировоззренческие интенции, побудившие Минского к судьбоносному повороту своей биографии, уже были предметом

¹ Библиографию переводов Минского см.: [7, с. 930–932; 16, с. 529–533].

² Документальное подтверждение этого факта см.: [16, с. 369].

анализа автора настоящей статьи [16, с. 367–381]. Равно как и активная переписка Минского с руководством советского Госиздата (в первую очередь — с А.Б. Халатовым) [16, с. 439–465] на предмет возможности издания в большевистской России юбилейного сборника своих стихов и некоторых переводов. Из этой переписки, в частности, следует, что договор на переиздание перевода «Илиады» Минский заключил с представителем Госиздата еще в 1923 г. в Берлине, о чем он поведал Луначарскому в парижском письме от 14 июня 1927 г. [16, с. 445]. В нем же он сообщал, что помимо «Илиады» в этом договоре значились переводы трех комедий Аристофана («Облака», «Лисистрата» и «Плутос»). К ним нужно добавить и перевод «Птиц», сданный в Госиздат на рецензию; о его судьбе речь заходит в парижском письме к Луначарскому от 10 октября 1928 г.³ Однако в итоге юбилейный сборник стихов и переводы Аристофана так и не были напечатаны. Не помогли ни посредничество Луначарского, ни заступничество Л.П. Гроссмана. Рукописи этих текстов ныне утрачены, их местонахождение неизвестно.

В контексте драматичной судьбы советских книгоиздательских проектов Минского перевод «Илиады» являет собой счастливое исключение, если под счастьем понимать сам факт его выхода в свет в 1935 г. тиражом 10 тысяч экземпляров (что в общем-то немало для литературных памятников такого рода). Однако для Минского, растерявшего к тому времени почти все контакты с издательскими центрами эмиграции и долгое время не имевшего критической трибуны, это событие не ограничивалось демонстрацией своей работы как переводчика. Осуществление этой цели отодвигалось на второй план на фоне желания реализовать другие, более актуальные для него замыслы. К новому изданию перевода «Илиады» он подготовил довольно обширные материалы, включавшие в себя четыре раздела: 1) история «гомеровского вопроса»; 2) идея «Илиады»; 3) перевод «Илиады». В качестве библиографического приложения четвертым пунктом шел раздел «Новейшая литература по гомеровскому вопросу», содержащий исключительно зарубежные (в основном, немецкие, английские и французские) научные источники, вышедшие в 1910–1920-е гг.

Рукопись (21 лист) Минский в апреле 1929 г. отослал Луначарскому, который ранее обнадежил его обещанием написать вступительную статью к новому изданию перевода «Илиады». Сейчас трудно в точности ответить на вопрос: рассматривал ли Минский прислан-

3 См.: РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 674. Л. 1–2.

ный текст именно как «материалы», своего рода черновые заготовки для будущей статьи Луначарского или придавал им самостоятельное значение в структуре будущего издания? В любом случае он рассчитывал, что авторитет наркома положит конец негласному бойкоту, который идеологический аппарат ВКП(б) объявил всем издательским проектам «революционного поэта», и даст ему возможность донести до читателя свою концепцию «Илиады», имевшую для него программный смысл, далеко выходящий за рамки узкоспециального филологического анализа древнегреческого памятника. Приобретенный этой перспективой Минский явно торопился. В этом убеждает даже беглый взгляд на присланную рукопись. Видно, что она написана в спешке, без тщательной стилистической редактуры, с ошибками и опечатками, возможно, под диктовку, что называется, «с чистого листа».

Увы, эти усилия не увенчались успехом. Перед советской бюрократической волокитой оказался бессилён даже авторитет наркома просвещения. Осенью 1929 г. Луначарский был смещён с этого государственного поста, и рукопись Минского навсегда положили под сукно, а сам перевод долгих 6 лет пылился на полках книжных редакций. Вышел он, как сказано ранее, в 1935 г., в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ). Автором же вступительной статьи волею судеб стал не Луначарский, к тому времени покойный, а профессор МГУ Петр Федорович Преображенский (1894–1941), историк культуры Древней Греции и Рима, известный этнограф и этнолог. Ни имя Минского, ни высланные Луначарскому материалы в статье даже не упоминаются.

Приступая к их характеристике, следует в первую очередь отметить, что из четырех подготовленных для Луначарского разделов, только к двум — первому и четвертому — применима оценка «впервые». Второй же и третий разделы представляют собой существенно переработанную и дополненную Минским редакцию статей, приуроченных к первому выходу его перевода «Илиады» в 1896 г. (см.: [10; 11]).

Следует сразу же сказать о разделе «Перевод “Илиады”». Он представляет собой немного отредактированную версию «Предисловия переводчика» к изданию поэмы 1896 г. В нем Минский излагает концепцию своего перевода в сравнении с предшественниками, главным образом, с Н.И. Гнедичем. Наиболее важные моменты редактуры Минского прокомментированы в подстрочных примечаниях к тексту раздела. Автограф же самого перевода, подготовленного Минским для издания 1935 г., пока не найден. Фамилию

Минского-переводчика издатели все же поместили на титульном развороте книги. Однако о сути работы, им проделанной, не сказали почти ничего. Эта информация убрана в «подвал», на самую последнюю страницу, где мелким шрифтом перечисляются фамилии редактора, технического редактора, корректора и художника, данные об объеме книги, шрифте, тираже и типе бумаги. В начале этого списка еще более мелким шрифтом набрано: «Перевод “Илиады” печатается с четвертого издания: “Шиповник” Петроград, 1917. Для настоящего издания перевод заново пересмотрен Н.М. Минским» [2, с. 354 (2)]. И это все, что издательство сочло уместным сообщить о его участии в этом проекте. Но поскольку на титульном листе книги официальным редактором значится упомянутый выше профессор Преображенский, то, вероятно, на «заново пересмотренный» перевод Минского наложилась и его редакция. Во всяком случае у жены Минского, З.А. Венгеровой, оставались серьезные сомнения по поводу того, насколько полно была учтена в этом издании последняя воля переводчика⁴. Сделать самые приблизительные выводы о существовании изменений, внесенных в текст пятого издания перевода «Илиады», таким образом, можно, лишь сравнив этот перевод с редакцией «Шиповника» 1917 г. — задача, которую не ставил перед собой публикатор настоящих материалов. Ее решение должно стать предметом отдельного исследования, которое еще ждет своих специалистов⁵.

Из впервые опубликованных материалов Минского особого внимания заслуживает довольно обширный раздел, в котором дан обзор истории «гомеровского вопроса» в зарубежной эллинистике.

Этот вопрос в начале XX в. доминировал в трудах гомероведов. Полемика шла между сторонниками Ф.А. Вольфа или, как их сегодня именуют, — аналитиками, настаивавшими на причастности к созданию «Илиады» множества авторов, и партией унитаристов,

⁴ См.: Письмо З.А. Венгеровой А.Л. Слонимскому от 25 апреля 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 52.

⁵ К сожалению, современных работ, квалифицированно и обстоятельно анализирующих переводческие стратегии Минского, нет. В известную монографию А.Н. Егунова [3] анализ труда Минского не вошел. Все, чем на сегодня располагают исследователи, — это прижизненные рецензии, приуроченные, в основном, к выходу первого издания «Илиады» в 1896 г. [16, с. 530], а также поздняя рецензия С. Соболевского 1911 г., содержащая первый научный анализ перевода Минского. Рецензент аргументированно указывает на многочисленные ошибки переводчика и приходит к неутешительному выводу: «Перевод Минского не удовлетворителен ни в научном отношении, ни относительно слога, ни относительно стиха» [17, с. 360]. Как отреагировал Минский на критику Соболевского и учел ли он выявленные серьезные ошибки в последующих переизданиях «Илиады» — вопрос, остающийся открытым.

полагавших, что главенствующая роль в формировании замысла поэмы и его художественном воплощении должна быть отведена Гомеру. Причем в чистом виде эти теории в науке времен Минского встречались уже весьма редко. Так, А.Ф. Лосев, давая историографический обзор «гомеровского вопроса» в исследованиях конца XIX – начала XX вв., говорит о существовании множества «синтетических теорий», представляющих собой различные компромиссные версии этих двух противоположных концепций [6, с. 54–56]. Согласно Лосеву, они объективно отражают переходную природу древнегреческого эпоса, переживающую во времена Гомера сложную «ломку» патриархально-родового сознания на его пути к признанию ценности индивида и демократических форм социума [6, с. 67–68, 76–78, 249].

На этом исследовательском фоне позиция Минского-унитариста отличается редким для того времени максимализмом. Мысль о переходной природе гомеровского эпоса ему явно чужда, поэтому он обходит молчанием те работы, которые к ней отсылали или ее касались: П. Кауэр, К. Роберт, У. Виламовиц-Мёллендорф и др.⁶. Он не только монополизирует авторство Гомера на *всех* этапах создания текста, но и полагает, что «Илиада» — это памятник *письменной* древнегреческой литературы, утративший всякую связь с устной, фольклорной традицией. Причем, по его мнению, Гомер уже имел дело с налаженным алфавитным письмом, а письменная версия поэм Гомера существовала еще до начала работы комиссии Писистрата⁷; роль же последней состояла лишь в формальном редактировании практически *готового* текста с четко выраженной идеей и завершенной композицией.

В современных исследованиях «Илиады» тоже можно встретить похожие точки зрения (см.: [4, с. 400–401; 13, с. 19–21; 20; 24, с. 13]). Однако при этом никто не отрицает столь решительно, как Минский, широкое присутствие в «Илиаде» поэтической техники, характерной для устной импровизации, и никто столь категорично не настаивает на книжном генезисе гомеровского эпоса. Среди современников Минского, пожалуй, только К. Роте и Э. Дреруп могли сравняться с ним в отстаивании подобной точки зрения. В этой связи обращает на себя внимание контекст, в котором Минский пишет о Гомере как о единоличном авторе поэм. Речь идет о категории автора в современном ее понимании: это творец, отвечающий за

⁶ Характеристику их работ см.: [6, с. 68].

⁷ См. примеч. 26.

каждую клеточку художественной ткани своего текста и выражающий в ней свою волю. Переводчик Гомера убежден: только при этом условии можно ставить вопрос об идейно-композиционном единстве «Илиады». Вот почему проблему противоречий текста, до сих пор являющуюся для текстологов поэмы камнем преткновения (и одновременно стимулом для продуктивных концепций авторского замысла), Минский не то чтобы не замечает — он ее демонстративно игнорирует.

Из его трактовки «гомеровского вопроса», в частности, следует, что мировоззрение автора «Илиады» далеко отстоит от мировоззрения эпического автора периода общинно-родовой формации, ибо, как увидим далее, отдельные персонажи поэмы, в интерпретации Минского, героизируются Гомером именно за то, что готовы ценность индивида демонстративно поставить выше ценности рода, что возможно лишь в ситуации полного разрыва творца поэмы с эпическим сознанием своей эпохи. Таким образом, процесс «разложения героического патриархата», который начинал довольно робко проявлять себя только на окончательной стадии оформления текста поэмы [6, с. 63], Минский кладет в основу ее замысла, считая выражением всего духа эллинской эпохи. Так постепенно экскурс в историю «гомеровского вопроса» органично подводит Минского к пересмотру традиционных представлений об идее «Илиады».

Этот раздел нужно отнести к наиболее важным, концептуальным из всего корпуса присланных Луначарскому материалов. Предваряя разговор о трактовке Минским замысла Гомера, следует подчеркнуть: она помогает читателю лучше понять не столько Гомера, сколько самого Минского. Поэтому давать критическую оценку его интерпретации «Илиады» с точки зрения состояния вопроса в современной науке — цель, которую вряд ли можно назвать продуктивной. Применительно к узловым моментам интерпретации расхождение Минского с современными исследователями поэмы будет представлено в подстрочных примечаниях к публикуемым материалам. Минский, однако, не ставил перед собой в качестве первоочередной задачу исследовать сугубо специальные филологические проблемы, связанные с изучением «Илиады» как классического литературного памятника VII–VI вв. до н. э., хотя робкие попытки в этом направлении были сделаны. Понимали это и советские издатели перевода Минского. Специально или нет, но как бы в пику «попутчику» и «дилетанту» Минскому в том же 1935 г. издательство «Academia» издает «Илиаду» в переводе Н.И. Гнедича. Над этим изданием трудился весь цвет тогдашней «марксистско-ленинской» эллинистики:

И.М. Троицкий (впоследствии — Тронский), И.И. Толстой и тот же П.Ф. Преображенский.

Как отреагировал Минский на факт одновременного выхода двух «Илиад» — неизвестно. Не исключено, что он правильно почувствовал и оценил идеологический контекст этой «очной ставки», которую ему устроила советская пропагандистская машина. Но, думается, не очень огорчился. Несмотря на попытку придать и своему изданию Гомера «академический» вид (о чем свидетельствуют хотя бы его разыскания и список «новейшей литературы» по гомеровскому вопросу), он оставался приверженцем совсем другой школы критики — символистской, или, как бы определил ее Д.С. Мережковский, — «субъективно-художественной» [8, с. 220]. Ибо текст Гомера для Минского — это прежде всего духовный аккомпанемент тем процессам, которые происходили внутри его собственной личности на протяжении более 30 лет творческой работы (1896–1929), и попытка найти отзвуки своих умонастроений в мирозерцании художника, казалось бы, давно ушедшей эпохи.

Логично поэтому будет сопоставить два взгляда Минского на идею «Илиады», разделенные друг от друга этим временным промежутком. Речь о статье 1896 г. и рукописи, присланной Луначарскому в 1929 г.

Свою статью Минский начинает с программного заявления: «Между эстетическими настроениями Гомера и мирозерцанием наших дней существует глубокое сродство, делающее “Илиаду” одним из наиболее близких нам и понятных произведений всемирной поэзии» [10, с. 1]. Это «глубокое сродство» в первую очередь он усматривает в гомеровском взгляде на характер главного героя поэмы — Ахилла (в рукописи везде — Ахиллес). В интерпретации Минского 1929 г. — это бунтарь, ставящий превыше гражданского и морального закона и долга культ личной чести и личного чувства, открыто предпочитающий «личное» «общему» и именно за эти свои качества якобы и прославляемый Гомером — в противовес добропорядочному гражданину и семьянину Гектору, чьи представления о счастье и славе не выходят за рамки, выражаясь языком Ницше, «человеческого, слишком человеческого».

Прямых отсылок к Ницше нет ни в материалах 1929 г., ни в статье 1896 г., но Минский так или иначе оперирует «мыслеобразами» немецкого философа (в нашем изложении далее они выделены курсивом), в основном взятыми из «Рождения трагедии из духа музыки» (1872) и «Опыта самокритики» (1886) (соответствующие примеры см. далее в подстрочных примечаниях). Так, с исполь-

зованием этого инструментария трактуется в материалах 1929 г. культурный генезис пресловутого «гнева» Ахилла. В нем Минскому чудится сила «*подъемной жизнерадостности*», которая побуждает героя везде и во всем доказывать превосходство собственного «я» — вплоть до того, чтобы смело идти навстречу страданиям и смерти, видя в них не трагическую безысходность бытия, а мощный стимул для подъема собственной жизненной энергии и героического духа⁸. По сути, Минский превращает Ахилла в героя ницшеанского толка, чья «*трагическая жизнерадостность*»⁹ является ярчайшим выражением духа эллинской культуры. И не только ее, но и своего собственного «я»: «И в те минуты, когда душой овладевает бес мании величия <...>, мне казалось, что в мире *трагической жизнерадостности* (так в тексте. — С.С.), в мире всеоправданий мне удалось достигнуть некоторых вершин...» [15, с. 41]. Наделяя Ахилла подобным мироощущением, Минский усматривает именно в нем источник его победы над Гектором, в личности которого «чувствуется вечный надрыв, надлом, отсутствие веры в свой подвиг».

В ранней статье Минский прямо называл Ахилла «*богочеловеком языческого мира*», который «выше других и потому сильнее чувствует пошлость житейской дисциплины» [10, с. 16] (правда, в этом контексте героя правильнее было бы назвать «*человекобогом*»). Его ответ Агамемнону (сцена посольства, IX песнь) «дышит *сверхчеловеческой гордостью*» [10, с. 21–22]. Наконец, он обладает «*сверхчеловеческой силой*» [10, с. 12]. Антитеза Ахилла, «с самого рождения осужденного на славу и бессмертие», и Гектора, «героя по необходимости» [10, с. 12], заявлена в статье еще более развернуто, чем в позднейших материалах. Героев разделяет принципиально различное отношение к судьбе: «Более слабый Гектор, хоть и предвидит погибель Трои и свою, но как бы старается не глядеть судьбе в глаза. <...> Не таков Ахиллес. Вся его судьба — это слитный аккорд из торжества и печали, из жажды подвига и сознания своей скорой смерти» [10, с. 15]. Это душевное состояние Ахилла Минский назовет «*активным фатализмом*» [10, с. 13], имея в виду, конечно, ницшеанское «*amor fati*» («любовь к судьбе») [12, т. 2, с. 721]. Вслед за Ницше Минский отвергает «*легенду о жизнерадостной красоте*

⁸ Ср. в «Опыте самокритики»: «Испытующее мужество острейшего взгляда, жаждущего ужасного (курсив автора. — С.С.), как врага, достойного врага, на котором оно может испытать свою силу» [12, т. 1, с. 49].

⁹ В «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше говорит о «метафизической радости о трагическом», учит, что, «лишь исходя из духа музыки, мы понимаем радость об уничтожении индивида» [12, т. 1, с. 121].

греков» [10, с. 17]¹⁰. Но если Ницше дух «трагической жизнерадостности», или, выражаясь его языком, — «дух Диониса», связывает в основном с древнегреческой трагедией, то его последователь усматривает воплощение этого духа, как минимум, на столетие раньше — в древнегреческом эпосе: «В самой поэме, — речь идет об “Илиаде”, — мы находим яркое доказательство того, как *необходим элемент трагизма для идеально-прекрасного*» [10, с. 17–18]¹¹. Такая трактовка поэмы кардинально расходится с ницшеанской оценкой Гомера как «аполлонического», «наивного», «грезящего» художника [12, т. 1, с. 63, 65, 68]. Минский, привнося в его мироощущение «опьяняющие», «восторженно-гибельные» [12, т. 1, с. 140, 141] краски «дионисического» художника, тем самым одним рывком преодолевает «огромную пропасть», которой автор «Рождения трагедии...» отделял ее от эпоса [12, т. 1, с. 86]. Эта радикализация, по сравнению с Ницше, взгляда на исторические судьбы древнегреческой культуры, акцент на более раннем зарождении «духа дионисизма» и попытка связать его генезис не с древнегреческой драмой, а с эпосом, несомненно, выделяют Минского среди отечественных символистов рубежа веков, так или иначе апеллирующих к идеям знаменитой книги немецкого философа.

Но Минский 1929 г. не был бы верен себе, если бы не слил эти ницшеанские краски в образе Ахилла с красками бунтаря-пролетария, усмотрев в противостоянии героя Агамемнону характер и формы современной экономической борьбы рабочих с мировым капиталом. Такое прямое и обескураживающее читателя своей наивностью осовременивание образа не должно расцениваться как грубая уступка большевистской цензуре или как идеологическое «заблуждение» Минского. Оно восходит к его эстетике периода первой русской революции 1905 г., получив оформление в трактате «Религия будущего» (1905), в известном «Гимне рабочих» (1905) и в драматургической трилогии о «силе вещей», особенно в ее заключительной драме «Хаос» (1912). То, что с точки зрения любого грамотного филолога выглядит как социологизм самого вульгарного пошиба, для Минского является органической частью его «пролетарской утопии» [16, с. 251–276], которой он оставался верен вплоть

¹⁰ В «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше тоже говорит о «греческой веселости» «как о некоторой старческой, непроизводительной жизнерадостности» — следствии влияния на современное ему искусство «недионисического духа» [12, т. 1, с. 125].

¹¹ Ср. из «Опыта самокритики»: «...в чем могла бы иметь корни трагедия? Быть может, в удовольствии, в силе, в быющем через край здоровье, в преизбытке полноты?» [12, т. 1, с. 51].

до конца 1920-х гг. Древняя Греция, ее философия и литература для Минского в этом контексте всегда оставались колыбелью его религиозно-философских идеалов, служа подтверждением вечной, неразрывной связи между греко-византийской культурой и его культурным идеалом «двуединства».

Однако главное содержательное отличие материалов 1929 г. от ранней статьи Минского заключается вовсе не в акцентировании «пролетарского» характера бунтарства Ахилла. «Поздний» Минский ставит принципиальный вопрос об «эволюции» его «характера»¹², объявляя «величайшим заблуждением» свою раннюю концепцию идеи «Илиады» как «апофеоза индивидуализма». По мысли Минского, авторский взгляд на Ахилла как на «богочеловека языческого мира» по мере развития сюжета поэмы смещается в сторону открытия в нем «сердца», способного «наряду с чувствами непримиримой ненависти на столь же глубокую нежность». В заметках 1929 г. значительно возрастает количество примеров, акцентирующих гуманистический пафос «Илиады», причем эти примеры относятся не только к Ахиллу, но и к другим героям¹³. Именно в этом пафосе «поздний» Минский видит зерно авторского замысла так называемой «Ахиллеады», то есть той сюжетной линии, которую исследователи поэмы традиционно связывали с авторством Гомера. Своей кульминации этот пафос, как полагает автор материалов, достигает в последней, XXIV песне, в сцене выдачи Ахиллом тела Гектора старцу Приаму. В статье 1896 г. Минский тоже будет делать акцент на «мудром самоограничении», которое, выражая инстинктивный страх Ахилла перед «сверхчеловеческим в себе», призвано смирять аффекты его «гнева», — но смирять только затем, чтобы еще сильнее поднимать их «новой волной» [10, с. 19]. Отсюда и ранняя трактовка финала: да, сцена примирения «отрицает весь героический идеал Греции» и предвосхищает «идеал иного подвижничества» (имеется в виду христианство), но только предвосхищает [10, с. 23]. Качественного перелома в характере Ахилла не происходит: его миролюбивый порыв тут же сменяется очередным приступом гнева против Приама и троянцев (и такая трактовка, заметим в скобках, вполне соответствует тексту Гомера).

¹² Об «эволюции» и «неоднозначности» характера Ахилла пишет и А.И. Зайцев [4, с. 403]. Вообще сама категория «характера» применительно к поэтике «Илиады» позволяет, по мнению ученого, сделать вывод о книжной природе гомеровского эпоса.

¹³ Аналогичную тенденцию в истолковании «Илиады» встречаем в работах Дм. Панченко. См. об этом в примечаниях к публикации материалов.

33 года спустя Минский смотрит на эту сцену уже совсем другими глазами. Появление Приама в стане ахейцев, по его мнению, «можно считать одним из величайших событий в истории человечества, ибо в этот миг древние стены эгоизма и индивидуализма, которыми личность наглухо оградилась от мира, впервые стали прозрачны, и человек увидел человека, не вспомнив о “своем” и “чужом”». Минский даже выдвигает свою версию особого психологического рисунка, суть которого состоит, выражаясь современным языком, в добровольном «принуждении к миру» главного героя и в котором важную роль посредников Гомер отводит богам-олимпийцам. В такой трактовке есть изрядная доля преувеличения¹⁴, однако Минский на нее идет, поскольку она вызвана серьезными изменениями в его осмыслении идеала героического.

Этот идеал в гомеровскую эпоху обязательно включал в себя и критерий физической силы. Именно так он и трактуется в статье 1896 г.: «Понятие о силе было в то время неразрывно связано с представлением о сильно развитых мышцах. Доблесть заключалась в быстроте ног и умении бросать копье» [10, с. 1]¹⁵. И, главное, доблесть не подлежала моральной оценке: «Мы прощаем Ахиллесу его жестокость, — пишет Минский, — потому что она принадлежала не ему, а той ступени нравственного развития, на которой находилась тогдашняя Греция, но мы преклоняемся пред его силой, цельностью, верностью себе...» [10, с. 13]. И, надо сказать, что в последнем случае Минский 1896 г. едва ли не ближе к историческому Гомеру, чем Минский 1929 г. Ведь в реальности в тексте «Илиады» красота и доблесть, если и не «внеморальны», как у Ницше, то во всяком случае «доморальны», еще как бы не знают четких этических критериев, что, например, отмечает А.Ф. Лосев¹⁶. Многие «подвиги» героев Гомера могут быть оправданы только как эстетический феномен. Но Минскому 1929 г. важна в этом, как и в других случаях, не историческая верность мироощущению Гомера, а верность самому себе. Он чутко прислушивается к духовным процессам, совершающимся в глубинах его сознания, и текст Гомера для него — своего

¹⁴ См. об этом в примечаниях к публикуемым материалам.

¹⁵ Ср. у Лосева: «Прекрасное у Гомера <...> не только трудно отделимо от представлений о физических вещах вообще, но очень часто прямо связывается с огромными размерами или с мощно действующими физическими силами» [6, с. 209].

¹⁶ Ср.: «Героическая область отнюдь не отличается у Гомера специфически моральным характером» [6, с. 208]. И в другом месте: «Для Гомера гораздо важнее красота тела, физическая сила, великолепие одежды, блестящее развитие интеллекта, счастье, успех, слава, чем мораль в собственном смысле слова» [6, с. 210].

рода «лакмусовая бумага», помогающая прояснить вектор эволюции внутреннего «я».

Если в статье 1896 г. все военные жестокости и зверства, коими полон до краев текст Гомера, Минский перечислял нарочито отстраненно, то в заметках 1929 г. многие «подвиги» Ахилла описываются весьма эмоционально, нарочито натуралистично, с явным желанием вызвать у читателя реакцию отторжения (особенно эпизоды глумления над телом поверженного Гектора). Ранее свойственная Минскому апология героизма Ахилла теперь подвергается критической переоценке: «Так неужели Гомер воспел эллинского Голиафа, и неужели такая поэма могла бы лечь в основу всего греческого искусства и быть признанною во все времена венцом всемирной поэзии?» Более того, поступки Ахилла как бы увидены новым взглядом, с которого сняты путы прежнего мироощущения.

Этот новый взгляд в чем-то совпадает у Минского с «открытием» им для себя жестокостей первой мировой войны, приведших к решительной переоценке этических постулатов «мэонизма» [16, с. 332–338]. В этой связи будет уместно вспомнить пьесу Минского «Лики войны» (1915). Пьеса эта, впервые напечатанная в «Вестнике Европы», так и не вышла за рамки единственной журнальной публикации и, вероятно, по этой причине осталась незамеченной библиографами Минского. Однако она занимает важное место в его творчестве. Ее сюжет призван продемонстрировать качественный перелом в мировоззрении Поэта, персонажа пьесы, образ которого автобиографичен. На заданный ему героиней вопрос: «Разве нет в войне поэзии?», Поэт отвечает: «Конечно, есть. Иначе не существовало бы “Илиады”» [9, с. 63]. И далее в образной форме дает описание идеала героического, ориентированного на эстетику Гомера: это «почти чистый порыв», сметающий все на пути, «самый могущественный» и в то же время «самый слепой» в своей разрушительной силе, превращающий солдата, идущего в атаку, в подобие «одухотворенного снаряда» [9, с. 63–64]. В эту эстетизацию героического, «по Гомеру», Поэт добавляет и ницшеанские тона. Он вступает в принципиальный спор с Христом, противопоставляя его заветам свое понимание героического, основанное не на любви, а на ненависти. Ибо только она совершает «чудо»: превращает «людей маленькой жизни, малых дел и малых чувств» в те самые «одухотворенные снаряды», летящие не раздумывая навстречу своей и чужой гибели [9, с. 66]. Более того, согласно Поэту, человек *нуждается* в ненависти, ибо только она дает ему возможность полюбить и предьявить миру свое могущественное «я» и делает его настоящим

патриотом страны. Именно этим сплавом «любви» и «ненависти», согласно Минскому 1896 г., и будет порожден «гнев» Ахилла, делающий его поведение «этически безразличным» [10, с. 22].

Так рассуждал Поэт до тех пор, пока перед его мысленным взором не предстало видение: поле боя, посреди него — Распятие, и вокруг него уснувшие сестры милосердия. Далее он видит, как Христос сходит с Распятия, прикасается к головам спящих, и они, словно причастившись Его жертве, просыпаются и начинают самоотверженно спасать на поле брани раненых, не разделяя их на «своих» и «чужих». Эта картина производит переворот в сознании Поэта. Он привык видеть на войне врага, который, ослепленный гневом ненависти, «одному <...> вырезывает <...> язык, другому выкалывает глаза, третьему обрезывает (так в тексте. — С.С.) уши» [9, с. 69]. Это почти совпадает с описаниями «подвигов» Ахилла и его сподвижников в «Илиаде», но уже без покрова эстетизации¹⁷. В листовке, изданной Минским отдельно в 1917 г., картина зверств немецких солдат на оккупированных землях северной Франции (дома, наполненные трупами и залитые нечистотами, захоронения-«ловушки», начиненные взрывчаткой, разграбленные могилы, человеческие черепа и кости, разбросанные по кладбищу) напомнила ему «апокалипсическое видение» (цит. по: [16, с. 336–337]). Минский как бы хочет сказать: вот во что «конвертировался» в деяниях современных «ахиллов» «дионисический дух» античности!

Но в финале «Ликов войны» Поэт прозревает другую картину. Перед ним воочию совершается подвиг Любви, которая «не нуждается в ненависти» [9, с. 68]. В пьесе, носящей подзаголовок «современная мистерия», можно вполне усмотреть тот же финал добровольного «принуждения к миру», какой Минский спустя 14 лет «вычитает» в XXIV песне «Илиады». И в обоих случаях посредниками выступают боги: у Гомера — языческие, у Минского — Христос. Пораженный увиденным, Поэт, обращаясь к Христу, трижды восклицает: «Ты прав! Ты прав! Ты прав! Ты увидел в нас свет, которого мы еще не видим. Ты прозрел в нас богов, которые сами себя не знают!» [9, с. 69]. Согласно «позднему» Минскому, такое же прозрение постигает Ахилла: «И вдруг ослепительный луч прорезывает мрак и происходит акт преображения. Воля Ахиллеса преображается, и он по совету богини соглашается выдать труп Гек-

¹⁷ Ср. с описанием из статьи 1896 г.: «Гомер с виртуозностью и неистощимыми подробностями рассказывает о том, как герои крошили друг друга на поле сражения, выливали внутренности на землю, вышибали зубы, обрубали руки и ноги, какие наносили копытами затайливые раны» [10, с. 1].

тора для почетного погребения. Соглашается сразу, без борьбы и колебаний, забыв свой гнев и угрозы. <...> Чтобы исполнить просьбу Приама, Ахиллес должен был переродиться...» Таким образом, финал «Ликов войны» явно рифмуется с финалом «Илиады» — так, как ее прочел «прозревший» Поэт спустя 33 года после публикации своей ранней статьи.

В контексте духовной биографии Минского, как она представлена в «Ликах войны», становится более понятно, почему он так долго и настойчиво добивался публикации своего перевода Гомера и особенно материалов к нему, когда, казалось бы, все его другие советские книгоиздательские проекты давно канули в Лету. По его замыслу, взору читателя должен был предстать «новый Гомер», а вместе с ним и «новый Минский». В этом Гомере, качественно им переосмысленном, заключалась не только духовная исповедь Минского, но и своего рода послание миру, в 1930-е гг. неотвратимо шедшему к своей новой катастрофе. Как бы предвидя ее, Минский указывал современникам на «Илиаду» как на памятник, в котором — «Греция навсегда отмежевалась от варварства и сделала первый шаг к будущему союзу всего человечества».

Все тексты Н.М. Минского воспроизводятся по машинописным подлинникам, хранящимся в фонде 142 (А.В. Луначарского) в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, Москва): письма А.В. Луначарскому: д. 674. Л. 3–4; сопроводительные статьи и материалы к переводу «Илиады»: д. 674. Л. 5–25. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Благодарю С.И. Панова за указание на эти архивные материалы и предложение опубликовать их в журнале «Литературный факт».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Н.М. Минского А.В. Луначарскому

1. Минский — Луначарскому

10-го декабря 1928.

202 Boulevard de Charonne, Paris XX.

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич,

Вы легко поймете, как я обрадовался, узнав из Вашего письма, что Вы намерены снабдить мой перевод «Илиады» Вашим предисловием¹⁸. Теперь я верю, что «Илиада» выйдет в свет. Ввиду Вашего участия Госиздат, может быть, согласится теперь же заключить со мной договор об издании «Илиады», не откладывая дела в долгий пятилетний плановый ящик. Пишу об этом тов. Халатову¹⁹ и буду Вам благодарен, если Вы с ним поговорите.

Что касается сборника моих избранных стихотворений²⁰, то всю надежду возлагаю на Ваше заступничество. Тов. Халатов на мое письмо не ответил. В сущности, у меня нет оснований обвинять Госиздат в недружелюбном отношении ко мне. Он же первый предложил мне издать мои избранные стихотворения, но потом по каким-то формальным соображениям отказался «в числе других книг»²¹ печатать и мою. Если бы речь шла вообще о книге, я отнесся бы к этому отказу спокойно. В жизни писателя одной книгой больше или меньше не составляет события. Но в данном случае речь идет не о книге, а о моем литературном бытии как поэта. Отказ печатать мои избранные стихотворения обрекает меня на полное забвение²², что едва ли входило в намерения Госиздата. Поэтому надеюсь, что Вам удастся убедить их извлечь меня из общей могилы, куда меня толкнули по чисто формальным «условиям производства».

На днях пришло Вам заметку об «Илиаде» и о моем переводе.

¹⁸ Такое письмо не выявлено.

¹⁹ Халатов Артемий Багратович (1894–1938) — член коллегии Наркомата просвещения, председатель правления Госиздата, с 1929 г. его глава. Письмо Минского к А.В. Халатову от 26 октября 1928 г. см.: [16, с. 458–461].

²⁰ Об истории неиздания юбилейного сборника стихотворений Минского в советском Госиздате см.: [16, с. 376–381].

²¹ Эта и другие цитаты взяты Минским из письма к нему Гершена Берковича Сандомирского (1882–1938), в то время врио заведующего Литературно-художественным отделом Госиздата. Само письмо не выявлено. Однако есть основания предполагать, что оно написано на основании докладной записки Сандомирского Халатову от 28 сентября 1928 г. См.: [16, с. 455–457].

²² Эта фраза — лейтмотив письма Минского к Халатову от 26 октября 1928 г.

Глубоко Вас уважающий и признательный Вам

Н. Минский.

2. Минский — Луначарскому

9-го апреля 1929

10, Rue du Square Carreaux, Paris 18 (новый адрес).

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич,

Посылаю Вам, согласно выраженному Вами желанию в письме от 17-го ноября прошлого года²³, несколько слов об «Илиаде».

Первая заметка содержит краткую историю гомеровского вопроса. Вторая излагает идею «Илиады» с нашей современной точки зрения. Третья поясняет, почему я счел нужным приступить к новому переводу «Илиады» после перевода Гнедича.

Предоставляю Вам использовать эти заметки как пожелаете.

Позволяю себе еще обратить Ваше внимание на следующий факт. В письме от 27-го ноября прошлого года²⁴ тов. Халатов сообщил мне, что «Госиздат готов заключить со мною договор на переиздание моего перевода “Илиады” немедленно по изъявлении мною принципиального согласия на это». Я тогда же изъявил свое согласие, и тем не менее договор до сих пор со мною не заключен. Бесконечно буду Вам благодарен, если Вы поспособствуете скорейшему заключению со мною этого договора.

Меня глубоко обрадовало Ваше намерение написать предисловие к моему переводу. Теперь начинаю верить, что «Илиада» выйдет в свет, а то мне с Госиздатом не везет²⁵.

Душевно преданный Вам и признательный

Н. Минский.

Н. Минский

**<Сопроводительные статьи и материалы к переводу
«Илиады»>**

I

**ГОМЕРОВСКИЙ ВОПРОС
сто лет назад и теперь**

²³ Это письмо А.В. Луначарского не выявлено.

²⁴ Это письмо А.Б. Халатова не выявлено. Вероятно, оно было ответом на письмо к нему Минского от 26 октября 1928 г.

²⁵ Этот абзац Минский написал от руки.

Гомеровский вопрос, то есть вопрос о том, должна ли быть признана «Илиада» (и «Одиссея») созданием одного автора по имени Гомер или многих поэтов-гомеридов, или же произведением народного творчества, вроде наших былин, впоследствии объединенных в одно целое, — вопрос этот на первый взгляд представляет мало интереса для тех, кто в «Илиаде» ценит ее поэтические и социальные достоинства — благородную простоту, правдивое изображение быта и общественного строя, яркость образов. Казалось бы, не все ли равно, кому принадлежат эти достоинства — Гомеру, гомеридам или анонимным народным аэдам. Однако это не все равно. Если «Илиада» — творение одного поэта, то в ней можно отыскать план, идею, которая свяжет отдельные эпизоды центральным замыслом. Если же «Илиада» — собрание разрозненных эпизодов, только внешним образом приведенных в порядок при Писистрате²⁶ и Аристархе²⁷, то, очевидно, не может быть речи о центральном замысле поэмы. И, с другой стороны, присутствие или отсутствие в поэме центральной идеи явилось бы самым убедительным доводом при решении гомеровского вопроса за или против единства.

Гомеровский вопрос, насколько речь идет об «Илиаде», есть вопрос об идее «Илиады».

Однако в действительности гомеровский вопрос возник по соображениям, не имеющим ничего общего с идеей поэмы. Дело взяли в свои руки ученые-филологи, и живая «Илиада» задохлась под грузом их придиричливой эрудиции. К счастью, после долгих споров критики наконец вспомнили, что Гомер — поэт, и что «Илиада» — художественное произведение. Девятнадцатый век убил Гомера, двадцатый век его воскресил.

Вождем похода против единства «Илиады» выступил знаменитый филолог Вольф, хотя и до него высказывались отдельные мнения в этом смысле — в 17 веке аббатом д'Обиньяком²⁸, в 18 веке Бентлеем

²⁶ Писистрат — афинский тиран (VI в. до н. э.). Распорядился создать специальную комиссию, перед которой стояла задача упорядочения текста поэм Гомера, сведения многочисленных их вариантов в единый текст. Обзор основных мнений о работе комиссии Минский мог найти в труде: *Cauer P. Grundfragen der Homerkritik: zweite, stark erweiterte und zum Teil umgearbeitete Auflage.* Leipzig: S. Hirzel, 1909. 552 S.

²⁷ Аристарх Самофракийский (217–144 гг. до н. э.) — хранитель Александрийской библиотеки, первый профессиональный текстолог и создатель аутентичного текста («диортозы») поэм Гомера вместе с комментариями к ним. Восстановленные Аристархом по многочисленным рукописям авторские тексты «Илиады» и «Одиссеи» до сих пор являются основой для их переиздания.

²⁸ Франсуа Эделен, больше известный как аббат д'Обиньяк (1604–1676) — французский драматург, теоретик французского классицизма, ученый-эллинист. В 1664 г. в ходе разгоревшегося во Франции спора о сравнительных достоинствах

в Англии²⁹, Вико — в Италии, Вольтером во Франции³⁰. Вико считал «Илиаду» плодом народного творчества³¹, По его догадке, если семь городов³² спорили о месте рождения Гомера, то это потому, что сами эти города, т. е. сам греческий народ, был этим Гомером.

Все-таки зачинщиком гомеровского вопроса следует считать Вольфа, который в своих «Prolegomena», появившихся в 1795 г. и сразу вызвавших огромную литературу, не довольствовался повторением мнений своих предшественников, главным образом, д'Обиньяка, но впервые постарался подкрепить эти мнения объективными доводами. Самый главный довод, который, по мнению Вольфа, имел силу математического доказательства, заключался в том, что в Греции в эпоху, к которой относятся гомеровские песни, то есть в девятом столетии до христианской эры³³, еще не было письменности, которая лишь появилась в шестом столетии, после того, как из Египта был привезен папирус. При отсутствии же письменных знаков, — доказывал Вольф, — физически невозможно, чтобы кто-либо мог запомнить наизусть тридцать тысяч с лишком стихов. Физическая невозможность — довод, против которого

античной и новой литературы прочел речь, в которой вообще отрицал существование Гомера как исторической личности, а его поэмы охарактеризовал как слабые компиляции позднейшей эпохи [4, с. 414]. Эти соображения он изложил в труде «Академические предположения по поводу Илиады» («Conjectures académiques sur l'Iliade»), опубликованном посмертно в 1715 г.

²⁹ Ричард Бентли (1662–1742) — королевский профессор богословия Кембриджа, основатель английской научной школы эллинизма. Опираясь на поздние античные свидетельства о работе комиссии Писистрата, в 1713 г. утверждал, что Гомер создавал лишь разрозненные песни, уже после его смерти сведенные в эпические поэмы [4, с. 414].

³⁰ Вольтер неоднократно высказывался о поэмах Гомера, чаще всего в статьях из «Философского словаря» («Древние и новые», «Эпопея» и др.). В ходе спора «о старых и новых» он, однако, открыто не принимал сторону ни защитников Гомера, ни его противников, призывая спорящих к объективной оценке его творчества. Соглашаясь с критикой «недостатков» и «противоречий» «Илиады», он в то же время призывал к исторической точке зрения в их оценке и никогда не подвергал сомнению авторство Гомера, как, например, д'Обиньяк (см.: [1, с. 177, 183–187, 229–232]).

³¹ Джамбаттиста Вико (1668–1744) — итальянский мыслитель эпохи Просвещения, заложивший основы современной философии истории. В своем главном труде «Основания новой науки об общей природе наций» (первое издание — 1725 г.), в его третьей книге, утверждал, что Гомер «был идеей героического характера грека, как они рассказывали свои истории в песнях», и что «греки сами были Гомером» (цит. по: [21, с. 150]). В итоге Вико приходил к выводу, что Гомер — собирательное имя для многих поэтов и поколений.

³² Названия городов содержатся в известной эпиграмме, вошедшей в «Греческую антологию»: Семь городов, пререкаясь, зовутся отчизной Гомера: // Смирна, Хиос, Колофон, Пилос, Аргос, Итака, Афины (цит. по статье: [4, с. 399]). Кроме того, некоторые варианты эпиграммы упоминают Родос, Саламин, Иос и Киму.

³³ Минский не точен. Временем создания гомеровских поэм Вольф полагал X век.

спорить нельзя. К тому же, для поэта той эпохи не было смысла создавать обширные произведения, так как выступления поэтов перед публикой ограничивались тогда чтением на пиршествах или народных празднествах лишь небольших поэм. Обширные произведения не находили бы тогда ни читателей, за отсутствием письменности, ни слушателей, за недостатком времени. Отсюда Вольф делал вывод, что если Гомер и жил, то он создал лишь несколько песен «Илиады». Остальное же — дело гомеровидов, которые самостоятельно развивали намеченный Гомером план. Этим объясняются противоречия в тексте песен и отступления от плана, которые были бы немыслимы при единстве автора. Впервые, по мнению Вольфа, песни рапсодов были собраны и записаны Писистратом. Позже джорджонты³⁴ очищали текст от интерполяций. Нынешнее деление на песни сделано Аристархом, которому принадлежит самая знаменитая диортоза³⁵.

В течение 19 столетия теория Вольфа нашла многочисленных последователей среди филологов всех стран. Некоторые из них шли дальше своего учителя. Так, Лахман отрицал в «Илиаде» какой бы то ни было план, утверждая, что между песнями нет никакой связи³⁶. Люгас-Монтбель, как до него Вико, считал «Илиаду» плодом народного творчества.

Произволу ученых в определении того, какие песни можно считать первоначальным текстом и какие следует признать вставками, поистине нет границ. В подкрепление своих догадок они ссылаются, главным образом, на попадающиеся в «Илиаде» противоречия и неточности, как верно замечает Финслер, ловят Гомера на противоречиях, руководимые каким-то злорадством³⁷. Так, в 5-ой песне Пилемен убит, а в 13 он еще жив, следовательно, эти песни принадлежат разным авторам, затем, в 12 песне изображается бой перед стеною, а в 16 песне стена *еще* не воздвигнута, следовательно 16 песня сочинена раньше 12. На это рассуждение Бертрэн резонно отвечает, что если в 16 песне не упоминается о стене, то это потому,

³⁴ Здесь в значении «редакторы», «переписчики».

³⁵ Здесь в значении «канонический текст». Деление «Илиады» на 24 песни принадлежит не Аристарху, а Зенодоту Эфесскому (IV в. н. э.) [5, с. 23].

³⁶ См.: [20]. Карл Лахман попытался реконструировать 18 песен, созданных в разное время разными авторами, из которых, как он полагал, «Илиада» и возникла. Подробнее см.: [6, с. 52].

³⁷ См.: *Finsler G. Homer in der Neuzeit von Dante bis Goethe: Italien — Frankreich — England — Deutschland.* Leipzig: B.G. Teubner, 1912. S. 465–466.

что к тому времени стена была уже разрушена³⁸. Л. Лоран сосчитал противоречия и неточности, которые встречаются в произведениях Эсхила, Софокла и Еврипида, и показал, что если бы применить к ним метод вольфианцев, то легче было бы отрицать подлинность их авторства³⁹. К тому же присутствие противоречий в «Илиаде» говорит, скорее, против теории вольфианцев, чем в ее пользу, ибо легче допустить неточности, сделанные по забывчивости или недосмотру самим Гомеров, чем гомеридами, которые, имея перед собою первоначальный текст, тщательно избегали бы всего, что противоречило бы этому тексту.

С неменьшим злорадством, как по части противоречий, вольфианцы ловили «Илиаду» на отступлениях от первоначального плана поэмы. Но тут дело осложняется. В конце предисловия к изданию 1795 года Вольф полагал, что легко доказать, что Гомеру принадлежит лишь известная часть поэмы и что все остальное — дело гомеридов, которые выполняли намеченный Гомером план⁴⁰. Но в чем этот план заключался, Вольф не досказал. Последователи его решили, что первоначальная «Илиада» сводилась к апотеозу (так! — С.С.) и прославлению силы Ахиллеса как национального героя. План этой «Илиады» или, вернее, «Ахиллеиды» заключался в том, чтобы показать, что Ахиллес сам по себе был сильнее не только всех ахейских вождей вместе взятых, но и всего ахейского войска⁴¹. Если поставить на одну чашку весов силу Ахиллеса, а на другую — силу всех вождей и всего войска, то чашка Ахиллеса перетянет. Для того, однако, чтобы осуществить такой план, необходимо было найти фавбу, которая сделала бы подобное «взвешивание» возможным. Такая фавбула и найдена в рассказе о гневе Ахиллеса против Агамемнона. Разгневанный герой удаляется к своим судам, где он будет ждать, пока троянцы не прогонят ахейцев и Гектор не бросит огонь на их суда. Тогда Ахиллес вернется в сражение, отразит войско троянцев и победит Гектора, т. е. один совершит то, чего не могли сделать все вожди и все войско вместе взятые. План поэмы таким образом будет выполнен и единство действия соблюдено.

³⁸ См.: *Bertrin G.* La Question homérique. Variétés littéraires. Paris: Poussielgue, 1897. 330 p. Многие из названных Минским противоречий перечисляются в современной монографии: [5, с. 7–10, 29]. Более обширный свод сюжетных противоречий в «Илиаде» см. в кн.: [6, с. 36, 38–39].

³⁹ См.: *Laurand L.* Progrès et recul de la critique. Paris: C. Klincksieck, 1912. 72 p.

⁴⁰ См.: [26, p. XXI–XXIV].

⁴¹ Современные реконструкции плана «Ахиллеиды» см.: [6, с. 52–53; 5, с. 482–484].

Такой простой и очевидный план намечен в первой песне, и, выполняя его, гомериды, в отсутствие Ахиллеса, воспевали подвиги Агамемнона, Диомеда, Гектора и других героев ахейских и троянских, — что вполне входило в этот план, так как только победа над сильными могла прославить Ахиллеса. Но вот попадаются эпизоды и целые песни, будто бы отступающие от основного плана. Такие эпизоды и песни, по мнению вольфианцев, уже явно принадлежат гомеридам и составляют вставку в первоначальный текст. Например, весь эпизод с Патроклом. Он нарушает целостность плана и также единство действия. Ведь как только Гектор бросил огонь на ахейские суда, уже наступило событие, которое Ахиллес поставил условием для того, чтобы вернуться в сражение. Зачем же понадобилось вмешательство Патрокла? Зачем впридачу к первому гневу Ахиллеса против Агамемнона понадобился второй его гнев против Гектора? Ведь Гектор и без того главный враг Ахиллеса, и прибыл он под Троию с тем, чтобы сразиться с Гектором. Очевидно, решают вольфианцы, весь эпизод с Патроклом — сочиненная гомеридом вставка в первоначальный текст. Такое же рассуждение применимо к поездке Приама в ставку Ахиллеса и к другим эпизодам поэмы. В результате подобной критики вставками в первоначальный текст, нарушающими основной план поэмы, оказались следующие наиболее яркие эпизоды «Илиады»: беседа старцев при виде Елены; подвиги Диомеда; прощание Гектора с Андромахой; обращение Зевса к богам; посольство к Ахиллесу⁴²; путешествие Посейдона; обольщение Зевса Юноной; изготовление Гефестом оружия Ахиллеса и, наконец, подвиги и смерть Патрокла и поездка Приама в ставку Ахиллеса.

Таким образом, утверждения Вольфа, что гомериды осуществляли план, начертанный Гомером, теперь, после трудов вольфианцев, приходится заменить другим утверждением, что гомериды только то и делали, что нарушали этот план. Но если это так, если гомериды позволяли себе вводить новые эпизоды в состав «Илиады», нарушая и первоначальный план, и единство действия, то возникает вопрос, почему «Илиада» кончается на погребении Гектора, а не продолжается вплоть до взятия Трои? Почему поэты эпического цикла — Арктин Милетский, автор «Взятия Илиона», и Стасин из Кипра — не включили свои поэмы в состав «Илиады», о существовании которой они знали, так как — по верному замечанию Нича — они повеству-

⁴² По поводу авторства IX песни Минский открыто полемизирует с Дж. Гротом в статье 1896 г. [10, с. 9–10]. По мнению Д. Панченко, посольство к Ахиллу — позднейшая вставка, внесенная в текст «Илиады» самим Гомером на этапе его работы над «Одиссеей» [14, с. 89–91].

ют лишь о событиях, происходивших до⁴³ и после⁴⁴ «Илиады», но никогда о тех, которые воспеваются в самой «Илиаде»? И как могло случиться, что посредственные циклические поэты оставили потомству свои имена, а гомериды — авторы непревзойденных по красоте поэм — предпочли безвестность в тени Гомера своей собственной славе⁴⁵?

[Морис] Круазе предвидел вопрос, почему «Илиада» кончается погребением Гектора и не воспевает дальнейшие подвиги Ахиллеса. По его объяснению, гомериды, руководимые чувством меры, инстинктивно сознавали, что со сценой погребения Гектора поэма закончена и что больше ничего нельзя к ней прибавить⁴⁶. Объяснение вполне произвольное. Не вернее ли допустить, что план «Илиады» вовсе не так прост и очевиден, как это казалось вольфианцам, и что если раскрыть подлинный план «Илиады», то окажется, что эпизод с Патроклом и поездка Приама в ставку Ахиллеса являются одними из самых необходимых частей поэмы?⁴⁷ Если бы «Илиада» воспевала только физическую силу и злопамятство Ахиллеса, то ее культурное значение вообще было бы ничтожно. Агамемнон во время спора говорит Ахиллесу, что если он сильнее других и умеет лучше метать копье, то «богом дано ему это» (Ил., I, с. 24)⁴⁸ и не является его личной заслугой. Но Агамемнон говорит так, желая унижить Ахиллеса, между тем как Гомер желает воспеть его как национального героя. Так неужели Гомер воспел эллинского Голиафа, и неужели такая поэма могла бы лечь в основу всего греческого искусства и быть признанною во все времена венцом всемирной поэзии?

⁴³ Предыстория событий «Илиады» отражена в поэме Стасина «Киприи» (VII в. до н. э.).

⁴⁴ Постистория, вплоть до смерти Ахилла, изложена в поэме Арктина Милетского «Эфиопиада» (конец VIII в. до н. э.), за которой по хронологии событий следуют поэмы Лесха из Митилены «Малая Илиада» (VII в. до н. э.), Арктина Милетского «Разрушение Илиона» (конец VIII в. до н. э.) и Агия Трезенского «Возвращения» (VII в. до н. э.).

⁴⁵ См.: [23, с. 225–280].

⁴⁶ См.: *Croiset A., Croiset M. L'histoire de la littérature grecque*. Paris: Albert Fontemoing, 1887. Т. I: *Croiset M. Homère — La poésie cyclique — Hésiode*. P. 149–162.

⁴⁷ Согласно гипотезе Д. Панченко, подобная концовка — это позднейшая редакция поэмы, принадлежащая Гомеру, но не как автору «Илиады», а уже как автору «Одиссеи» [14, с. 114–115]. К такому же мнению склоняется Л. Клейн [5, с. 356].

⁴⁸ В рукописи Минский (иногда неточно, эти случаи не оговариваются) цитирует «Илиаду» по собственному переводу. Все цитаты сверены и приводятся по изд.: [2]. В настоящей публикации после каждой цитаты в круглых скобках римской цифрой указывается номер песни, арабской — номер страницы (нумерация стихов «Илиады», как принято в современной книгопечатной практике, в этом издании отсутствует).

С конца 19 века и до настоящего времени начинается реакция ученых против разрушительной критики вольфианцев. В. Берар цитирует американского ученого <Shewog? нрзб.>, который, рассмотрев 40 трактатов о Гомере на разных языках, пришел к заключению, что настоящее положение гомеровского вопроса можно резюмировать словами: Гомер воскрес⁴⁹. То же самое утверждает Л. Лоран в своем «Manuel des études grecques et latines», говоря, что двадцатым веком начинается реакция против критики Вольфа, сперва робкая, но вскоре переходящая в решительное наступление со стороны ученых, убежденных в едином авторстве Гомера⁵⁰. Прежде всего устранен был краеугольный камень, на котором Вольф воздвиг здание своей критики — «математический» довод об отсутствии письменности. Новейшие исследования показали, что нынешний алфавит был известен в Греции за два столетия до гомеровской эпохи, а письменные знаки вообще за десятки веков до этой эпохи⁵¹.

Затем, вместо того чтобы разыскивать или примирять противоречия, ученые занялись основным вопросом об отношении между народным, «натуральным» эпосом (*poésie de nature*) и эпосом художественным (*poésie d'art*) — разделением, которое принято было наукой после появления песен Оссиана. Вольф писал в своих «Prolegomena»: «Гомеровское искусство было близко к природе и имело своим источником не определенные правила, выработанные теорией, но врожденное чувство правды и красоты»⁵². Некоторые из последователей Вольфа прямо признали «Илиаду» сборником саг древнего происхождения, созданных народным творчеством. Новейшие исследования опровергают эту теорию. А. Ольрик, изучая законы народного творчества, доказал, что наиболее характерной чертой народных саг и легенд является единство фабулы и быстрый темп действия, в отличие от искусственного эпоса, в котором одновременно переплетаются несколько сюжетов, ведущих к медленной, извилистой развязке, как мы это видим в «Илиаде»⁵³. Таким образом, обилие фабул в «Илиаде», которое вольфианцам казалось наруше-

⁴⁹ См.: *Bérard V. Un mensonge de la science allemande. Les "Prolegomènes à Homère"* de Frédéric-Auguste Wolf. Paris: Hachette, 1917. 297 p.

⁵⁰ См.: *Laurand L. Manuel des études grecques et latines: Fasc. I–VIII*. Paris: Auguste Picard, 1925. Fasc. II. 460 p.

⁵¹ Минский ссылается на монографию, приводя ее выходные данные: *Naville E. Archéologie de l'ancien testament*. Paris: Altinger, 1914. 230 p.

⁵² См.: [26, p. CCLXXVIII].

⁵³ См.: *Ollrik A. Epische Gesetze der Volksdichtung // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur / herausgegeben von Edward Schroeder und Gustav Roethe*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1909. S. 1–12.

нием первоначального плана, по ближайшем изучении, оказывается признаком более сложного художественного плана. Джон Майер, исследуя различные виды эпоса, доказывает, что сложный эпос, вроде «Илиады», всегда предполагает творчество индивидуальное, а не коллективное⁵⁴. К тому же выводу приходит Пёльман, изучивший саги первобытных народов. По его мнению, народные легенды, вроде тех, которые мы еще теперь встречаем у каракиргизов, существовали в Греции задолго до Гомера, который не собирал их, а пользовался ими, очистив от всего, что ему казалось уродливым или неестественным. Было бы ошибочным, говорит он, считать эпоху Гомера детством Греции. Это, скорее, ее средний возраст, когда уже вполне сложились все социальные и классовые различия⁵⁵.

Макель видит ошибку разрушительной критики в том, что она смешивала понятие о поэме с понятием о легендах, служивших источником поэмы. По его мнению, комиссия Писистрата уже имела перед собою писанные экземпляры поэмы, и роль комиссии заключалась только в выборе наилучших списков. Такого же мнения держатся и Скотт⁵⁶, и ван Лювен⁵⁷. Последний также упрекает вольфианцев в том, что они смешивали «*questio de compositione*» с «*questio de oratoria*»⁵⁸.

Новый свет бросили на гомеровский вопрос производившиеся в последнее время раскопки⁵⁹. Они показали, что Гомер черпал свой материал не из древних народных легенд, а изображал свою эпоху на основании собственного опыта и наблюдений. По сравнению найденных при раскопках предметов с их описанием в «Илиаде» оказалось возможным с некоторой точностью определить время, когда жил Гомер, и место, где он жил. Ф. Шампо считает вероят-

⁵⁴ См.: *Myres J.L. Herodot und die Anthropologie // Die Anthropologie und die Klassiker. Sechs Vorlesungen gehalten vor der Universität Oxford von Arthur J. Evans, Andrew Lang, Gilbert Murray, F.B. Jevons, J.L. Myres, W. Warde Fowler / herausgegeben von R.R. Marett; Übersetzt von Johann Hoops. Heidelberg: Carl Witer's Universitätsbuchhandlung, 1910. S. 147–200.*

⁵⁵ См.: *Pöhlmann R. von. Aus Altertum und Gegenwart: gesammelte Abhandlungen. Neue Folge. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung Oskar Beck, 1911. S. 277–322.*

⁵⁶ См.: *Scott J.A. Athenian interpolations in Homer // Classical Philology. 1911. V. 6. № 4. P. 419–428. Критику концепции Скотта см.: [6, с. 70, 72–73].*

⁵⁷ См.: *Leeuwen J. van. Commentationes Homericae. Leiden: A.W. Sijthoff's Uitgeversmaatschappij, 1911. 235 S.*

⁵⁸ «Вопрос о композиции» (*лат.*) с «вопросом о мастерстве оратора» (т. е. певца, аэда) (*лат.*).

⁵⁹ Минский имеет в виду многолетние раскопки в Хаттусе, столице Хеттской державы (территория нынешней Турции). В Хаттусе обнаружено более 20 тысяч клинописных документов. Эти таблички подробно описывают жизнь хеттского общества в XIV–XIII вв. до н. э. и позволяют воссоздать историю древнего государства.

ным, что песни Гомера сочинены были вскоре после переселения ахейн в Азию, во всяком случае никак не раньше десятого века⁶⁰. Э. Мааб, восставая против мнения, будто Гомер является собирательным именем, доказывает, на основании раскопок, что поэт жил в Смирне⁶¹.

В результате всех этих изысканий критика Вольфа потеряла свой прежний авторитет. Всего хуже то, говорит Финслер, что многие ученые забывают, что, критикуя Гомера, они имеют дело с поэзией, и поэзию нельзя мыслить без существования поэта⁶². Еще определеннее высказывается Дреруп. По его мнению, только та критика, которая заботится больше о самой поэме, чем о ее источниках, способна раскрыть замысел поэта и значение его творчества⁶³.

Таким образом, гомеровский вопрос после долгого блуждания среди догадок и гипотез, имеющих самое отдаленное отношение к самой поэме, свелся наконец к вопросу об идее «Илиады».

II ИДЕЯ «ИЛИАДЫ»

Для того чтобы понять идею «Илиады», необходимо прежде всего составить себе верное представление о герое поэмы — об Ахиллесе. Не может быть сомнения в том, что цель «Илиады» — прославление Ахиллеса, в котором поэт видит идеал героизма, воплощение лучших черт национального характера, образец для подражания. Вопрос лишь в том, видит ли поэт этот героизм только в силе мышц и в быстроте ног или в чем-либо ином, для чего физическая сила служит лишь средством, условием, а не целью. И еще: остается ли Ахиллес с начала до конца поэмы равным себе или же под влиянием событий он меняется, становится совершеннее, мудрее, — и в последнем случае, в сторону какого идеала происходит эта эволюция? Все это вопросы крайне важные для понимания «Илиады». И тут мы

⁶⁰ См.: *Champault Ph.* Les héros d'Homère. Contribution à l'étude des origines grecques // *Extrait de la science sociale: suivant la méthode d'observation.* Paris, 1893. Vol. 189. Обзор разных точек зрения о времени и месте жителства Гомера см. в современной монографии: [5, с. 19, 540–543].

⁶¹ См.: *Maab E. von.* Die Person Homere // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur / herausgegeben von Johannes Ilberg.* Leipzig: B.G. Teubner, 1911. Bd. 27. S. 539–550.

⁶² См.: *Finsler G.* Homer in der Neuzeit von Dante bis Goethe: Italien — Frankreich — England — Deutschland. Leipzig: B.G. Teubner, 1912. S. 458–462.

⁶³ См.: *Drerup E.* Neue Wege und Ziele der Homerforschung // *Goesminne Monatschrift für Religiöse Dichtkunst.* Hamm: Breer et Chiemann, 1912. S. 692–767; 771–789.

на первых же порах находим причину всех заблуждений, связанных с гомеровским вопросом.

Немецкая филология, находящаяся в близком родстве с педагогикой, не видела и не могла видеть в истинном свете образ Ахиллеса, а, не поняв характера Ахиллеса, она не поняла и не могла понять ни плана, ни идеи «Илиады». По странному недоразумению классическое школьное воспитание, в основе которого лежали поэмы Гомера, признавалось в Германии — как и у нас — условием политической благонадежности, с точки зрения монархического строя. Предполагалось, что изучение древних авторов, требующее преодоления скучных грамматических правил, отвлекает внимание юношества от острых вопросов современности, между тем как реальное образование, знакомящее с окружающей природой, отождествлялось с политическим вольнодумством. Нельзя не видеть иронии жизни в том, что Гнедич посвятил свой первый перевод «Илиады» Николаю Первому, а граф Д. Толстой надеялся спасти классицизмом русское юношество от духа революции.

Ахиллес-бунтарь, революционер, враг освященных временем форм и устоев, протестант во имя новой правды. Сцена, которой открывается «Илиада», была бы невысказана ни в какой другой литературе. Воспеваются гнев героя, который причинил страдания без счета не врагам родины, а своему же народу, своим же ахейцам. Но такова судьба героев. Герой-патриот причиняет страдания врагам родины. Герой-революционер причиняет страдания своим. То, что поэт не проклял, а воспел Ахиллеса как идеал героизма, и то, что «Илиада» почиталась в Греции как священная книга, наложило печать свободомыслия и дерзновения на всю греческую культуру, на все ее искусство и философию. Как далек этот идеал от идеала законности и сухого формализма, воплощенного в «благочестивом» Энее, национальном герое Рима.

Чтобы понять всю дерзость Ахиллеса, всю неистовость его бунта, стоит перевести первую сцену «Илиады» на современные нравы. Агамемнон по отношению к другим царям и вождям ахейским играл приблизительно такую же роль, какую император Вильгельм к другим немецким королям и военачальникам. Так вот, представьте себе, что кто-нибудь из этих королей во время войны перед лицом неприятеля, в присутствии всех королей и командующих армиями назвал бы Вильгельма пьяницей, трусом, собакой. Такого вопиющего нарушения дисциплины и отсутствия патриотизма и представить себе нельзя. Между тем Ахиллес именно так и поступает. И не следует думать, что в те времена вожди отдельных войск не были

связаны дисциплиной по отношению к Агамемнону и обращались с ним, как равные с равным. Гомер неоднократно и не без умысла показывает, что Агамемнон проявлял над ним полноту царской власти, которую они все признавали, — все, кроме Ахиллеса. Так, Одиссей называет Агамемнона «единым <...> властителем», которому «скипетр дан и законы, затем, чтоб царил он над нами» (Ил., II, с. 38). При обходе Агамемноном войска Диомед признает, что за ним право давать приказания и делать выговоры другим вождям, «ибо ему же хвала воспоследует, если ахейцы // Трои сынов истребят...», также ему будет скорбь, «если войско ахейцев погибнет» (Ил., II, с. 70). Любопытно, что так говорит именно Диомед, который во всей «Илиаде» тщится заменить собою Ахиллеса и которого Гомер каждый раз ставит на место. Диомед-патриот и дисциплинированный солдат. Ахиллес — враг народа и бунтарь. Однако Гомер воспеваает как национального героя не Диомеда, но Ахиллеса.

Каковы же мотивы его распри с Агамемноном? С первого взгляда может показаться, что это конфликт двух вождей, из которых за одним сан и авторитет власти, а за другим сила и доблесть. Но, взглядевшись ближе, мы увидим, что революционность Ахиллеса, как и всякая революционность, обусловлена причинами экономическими. Мы должны взглянуть на войну глазами той эпохи. Война у Гомера называется тяжелой «работой Арея» (Ил., II, с. 42). Ахиллес смотрит на себя как на рабочего этой «работы Арея», и сущность его конфликта видна из следующих слов, обращенных им к Агамемнону: «Ныне грозись ты придти и насильно удел мой похитить, добытый тяжким трудом» (Ил., I, с. 24). И затем: «При нападении бурном всех больше, трудясь, совершают // Руки мои, а лишь только пора дележа наступает, // Ты наибольший удел достаешь, но, довольствуясь малым, // Я удаляюсь к судам, утомленный от бурного боя» (Ил., I, с. 24). В переводе на наш язык, конфликт между Ахиллесом и Агамемноном — это конфликт между рабочим и эксплуатирующим его труд империализмом. «Царь — пожиратель народа» (Ил., I, с. 26), — бросает Ахиллес в лицо Агамемнону, и, кажется, до сих пор более верного определения империализма не найдено. Поразительно то, что в этом определении Ахиллес отождествляет себя с народом, будучи сам царем.

Заявив право на продукт своей работы, Ахиллес избирает тактику борьбы с Агамемноном, к которой и до сих пор прибегают все революционно настроенные рабочие, имеющие против себя грубую

силу империализма, — тактику скрещенных рук⁶⁴. Ахиллес объявляет забастовку. Он удаляется к своим судам, где будет ждать, пока Агамемнон не убедится, что не может обходиться без его работы.

Бунт Ахиллеса против Агамемнона — один из мотивов поэмы, но не главный. Поэт пользуется этим эпизодом, чтобы сразу показать характер главного героя — гордый, неистовый, грозный, как стрелы полуденного солнца. Прибегая к закону контраста, Гомер противопоставляет Ахиллесу Гектора, который на весах цивических и этических добродетелей, пожалуй, перевесит Ахиллеса. Гектор — почтительный сын, верный супруг, нежный отец и самоотверженный гражданин. Ахиллес творит свою волю, не признавая над собой ничьей власти, ни закона. Но Гомер отдает предпочтение Ахиллесу⁶⁵. Как тонкий психолог и глубокий сердцевед, он подмечает, что душа Гектора, при всех его добродетелях, издает надтреснутый звук. В нем чувствуется вечный надрыв, надлом, отсутствие веры в свой подвиг. Перед опасностью он предается унынию, в моменты удачи он не прочь хвастнуть. Готовясь в бой с Ахиллесом, он знает, что «будет когда-либо день» (Ил., VI, с. 101) и если он все-таки идет почти на верную смерть, то потому, что ему было бы стыдно показаться на глаза троянцам и троянкам, «если бы здесь, вдалеке, я, как трус, уклонялся от битвы» (Ил., VI, с. 101). Нет в Гекторе подъемной жизнерадостности, потому что он всегда и во всем подчиняется долгу, между тем как каждое слово и жест Ахиллеса, не признающего ни долга, ни обязанностей, жжет, горит и светит. Если бы Гектору судьба дозволила дожить до старости в родном Илионе в почете и довольстве, он благословлял бы богов и ничего другого не желал бы. Такое обывательское благополучие было дано в удел Ахиллесу, и он добровольно от него отказался. Ему предстояло сделать выбор между двумя жребиями — либо в неизвестности дожить до глубокой старости в родном доме, либо рано умереть на поле битвы, стяжав громкую славу, и он предпочел второй жребий. Гектор покоряется судьбе, Ахиллес создает свою судьбу. Оба знают, что их ожидает скорая смерть, но как различно их отношение к смерти. Для Гектора

⁶⁴ Забастовка «скрещенных рук» — явление, получившее такое название в ходе борьбы европейского пролетариата против интервенции стран Антанты в Россию в 1919–1920 гг. См.: [13, с. 125].

⁶⁵ Такая точка зрения не находит поддержки среди авторитетных гомероведов XX в. Ср., например, с концепцией А.Ф. Лосева: «...старый стихийный героизм в «Илиаде» заметен критикуется; и ему противопоставляется герой нового типа, именно Гектор, которому теперь уже не свойственно ничего зверского или безрассудного, но который является идейным защитником своей родины и не действует из-за чувства мести, корыстолюбия или властолюбия» [6, с. 120].

смерть — исход от грозящих бедствий. «Пусть же я раньше умру и могильной покроюсь землею, // Чем я услышу твой плач и твое похищение увижу» (Ил., VI, с. 102), — говорит он Андромаче. Для Ахиллеса смерть — начало бессмертной славы, ветер, не гасящий, но раздувающий пламя жизни, сила, которая не обрывает струны жизни, но натягивает их, для того чтобы они звучали ярче и звонче⁶⁶. Кто желает постигнуть гений Греции и ту трагическую жизнерадостность, которая выделяет эллинов среди всех народов мира, тот должен обратиться как к источнику к Гомеру, к «Илиаде», к Ахиллесу.

Грозный, как солнце, Ахиллес умеет быть, как солнце, ласковым. Стоит сравнить, как Агамемнон и Ахиллес относятся к своим пленницам. Первый говорит, что предпочел Хризеиду Клитемнестре-супруге, взятой давно, оттого что и эта другой не уступит «телом и ростом своим, ни умом, ни искусством в работах» (Ил., I, с. 23). Он предпочел бы молодую рабыню старой жене, потому что он расценивает жену как рабыню — за ее тело, рост и искусство в работах. Ахиллес же почитает рабыню, как жену. «Каждый <...> добропорядочный муж, — говорит он, — свою любит жену и жалеет. // Так же и ты я любил от души, хоть копьем ее добыл» (Ил., IX, с. 132). В ту эпоху, когда женщин добывали копьем и делили среди прочей добычи войны, такая в нашем стиле романтическая нота в устах сурового воина звучит необычайно, обнаруживая сердце, способное, наряду с чувствами непримиримой ненависти, на столь же глубокую нежность.

Еще больше в этом убеждает нас союз беззаветной дружбы, существовавший между Ахиллесом и Патроклом. Древние ставили дружбу выше любви как чувство более героическое и прочное, чуждое корыстного обладания и себялюбивой ревности. Для того чтобы два существа могли слить воедино свои воли и свои судьбы, нужна готовность к самопожертвованию и безусловная верность, — два качества, на которые способны только исключительные натуры. Гомер, как бы предвидя, что союз между обоими героями может быть заподозрен в эротизме, и желая показать чистоту их отношений, мимоходом указывает, что с наступлением ночи оба удалились

⁶⁶ Д. Панченко эту особенность мировоззрения героев объясняет «феноменом трагической эфемерности великого вождя и воина» [14, с. 69], который был свойствен древнегреческой «аристократии духа». Ее представители полагали, что «только человек, в полной мере распоряжающийся собой и в избытке владеющий земными благами, может обнаружить величие в отказе от них и готовности рисковать собственной жизнью» [14, с. 67].

в свои палатки, где рядом с Ахиллесом легла Диомеда, а рядом с Патроклом — Ифеса (Ил., IX, с. 139)⁶⁷.

Таким образом, Ахиллес, подчиняющийся только личным чувствам — суровым или нежным — и пренебрегающий всякой дисциплиной и законом, может показаться нам воплощением того, что на нашем современном языке мы назвали бы абсолютным индивидуализмом. Но было бы величайшим заблуждением думать, что «Илиада», воспевающая Ахиллеса как высший национальный тип, является апотеозом (так в тексте. — С.С.) индивидуализма. И тут мы вплотную подходим к вопросу об идее «Илиады».

Нужно заметить, что психологический рисунок в «Илиаде» весьма своеобразен и подчинен определенному формальному закону, который остается неизменным в отдельных эпизодах и во всей поэме. Заключается этот закон в том, что каковы бы ни были переживания героев, и в особенности Ахиллеса — центрального героя поэмы — элемент рассудочности, сомнений, рефлексии не влияет на их психологию⁶⁸. «Илиаде» чужда не только та двойственность, которая впоследствии была рождена христианским учением о борьбе между духом и плотью, но также и та двойственность, которая лежит в основе античной трагедии, т. е. борьба между чувством и долгом. Ситуация Ахиллеса такова, что ее легко было бы развить в борьбу между долгом по отношению к ахейскому войску и чувством обиды по отношению к Агамемнону. Но Гомер слишком дорожит чистотой своих красок, чтобы внести в психологию своих героев муть разлада и колебаний. Если же герои «Илиады» иногда сомневаются, как поступить, то эти сомнения касаются лишь отдельного и ближайшего шага, а не общих мотивов поведения. На палитре Гомера мы находим только чистую эмоцию и чистый волевой акт. Эмоция является основным мотивом, импульсом, приводящим в движение волю. Импульс всегда силен и напряжен, как туго натянутая тетива, и волевой акт стремителен, как спущенная с тетивы стрела. Но волевой акт никогда не превращается в неистовый порыв. Неистовство подобает варварам, а не тонкой организации эллина. И Гомер, враг рассудочности и друг мудрости, прибегает к следующему приему. Когда волевой порыв достигает высшего напряжения, прямая линия полета

⁶⁷ Современные исследователи значительно расширили диапазон сцен и сюжетных линий в «Илиаде», в которых так или иначе ошутим гуманистический пафос Гомера. См., например: [14, с. 99–114].

⁶⁸ Лосев называет эту особенность стиля Гомера «антипсихологизмом»: у Гомера «нет почти никакого изображения внутренних переживаний человека, и об этих переживаниях мы только догадываемся по внешней ситуации излагаемых у него событий» [6, с. 174].

вдруг закругляется и первоначальное слепое чувство проясняется, уступает место мудрому решению, не проходя через разлагающий процесс борьбы и сомнений. Перелом этот всегда совершается при посредстве божества. Бог или богиня являются к герою, дают ему мудрый совет, который он беспрекословно принимает. Вот почему Гомеру понадобилось вмешательство богов в дела людей: только при этом условии он мог сохранить в полной чистоте эмоцию и волю своих героев⁶⁹.

Уже в первой сцене «Илиады» мы находим указанный психологический рисунок со всеми ярко выраженными четырьмя его моментами: эмоциональным импульсом, порывом волевого акта, кульминационным напряжением этого порыва и внезапным, под наитием божества, просветлением воли героя. Корыстолюбие Агамемнона, желающего лишить Ахиллеса его платы за «тяжкую работу Арея», вызывает яростный гнев героя. Эмоция гнева служит импульсом, ведущим к волевому акту, который выражается в бунте против «царя над царями» (Ил., IX, с. 127), как Нестор называет Агамемнона. Бунт сперва сказывается в резкой брани, но вскоре волевой акт достигает своего высшего напряжения. После короткого колебания Ахиллес извлекает из ножен большой меч. Еще мгновение — и свершилось бы непоправимое. Но тут является богиня (Ил., I, с. 25)⁷⁰ и дает герою мудрый совет воздержаться от борьбы. Ахиллес повинуется и вместо немедленного революционного акта избирает тактику скрещенных рук, которая, как обещала ему богиня, «в будущем второе» ему «дорогими дарами воздастся» (Ил., I, с. 25). Вмешательством богини достигнута тройная цель. Во-первых, образ героя остался чисто эмоционально-волевым, чуждым всякой рассудочной расчетливости. Во-вторых, достигнута цель эстетическая — открыт простор эпосу, ибо если бы Ахиллес убил Агамемнона, поэмы была бы взорвана в самом начале. В-третьих — и это всего важнее — достигается цель этически-культурная: конечный пункт волевого порыва оказался выше, разумнее, «божественнее», т. е. человечнее первоначального пункта. Выражаясь языком математики, можно сказать, что по мере нарастания эстетической переменной, растет ее моральная функция.

Этот психологический рисунок повторяется и в других второстепенных эпизодах поэмы. Так, в сцене на Олимпе Гера восстает

⁶⁹ Этот художественный прием в качестве важного компонента поэтики «Илиады», независимо от Минского и нередко — с опорой на его же примеры, исследует и современный гомеровед А. Зайцев [4, с. 403–404].

⁷⁰ Имеется в виду Афина Паллада, которая явилась с Олимпа по просьбе Геры.

против воли Зевеса, и отец богов грозит «наложить на нее свои непобедные руки» (Ил., I, с. 33). Является Гефест и мудрым советом укрощает строптивость Геры. Она, улыбаясь, берет из рук сына кубок с нектаром, и ссора, грозящая неминуемым бедствием, кончается «несмолкаемым смехом» «блаженных богов» (Ил., I, с. 33). Таким же образом и также при вмешательстве божества — на этот раз Афродиты — падает гнев Елены против Париса, и она после резких упреков и брани соглашается делить с ним ложе (Ил., III, с. 61)⁷¹.

Огромное значение указанного психологического рисунка для понимания «Илиады» заключается в том, что, повторяясь в отдельных эпизодах, он проходит через всю поэму. Это, во-первых, доказывает, что все части поэмы и вся она в целом вышли из единого замысла и задуманы одним лицом. А, во-вторых, этот формальный рисунок помогает нам раскрыть истинную глубокую идею поэмы и ее сложный план.

Мы знаем, что в начале волевого порыва находится эмоциональный импульс, скрытая пружина, управляющая волей героя, а в конце порыва внушенное божеством нечто высшее, более просветленное и человеческое, чем первоначальный импульс. Импульсом, приводящим в движение волю Ахиллеса, оказывается то же самое чувство слепого, свирепого эгоизма, в котором замыкается каждый индивидуум, деля мир на «свое» и «чужое» и стараясь возвысить «свое» и унижить «чужое». Только у Ахиллеса этот индивидуализм выражается в формах наиболее облагороженных вследствие превосходства его силы. Сила дает ему возможность быть правдивым, ибо лжет и притворяется трусливая слабость. Он сам говорит о себе: «Точно ворота Аида, мне тот человек ненавистен, // Кто в своих мыслях скрывает одно, говорит же другое» (Ил., IX, с. 132). Сила не дает ему быть корыстолюбивым, ибо он знает, что всегда возьмет свое. Гомер видит в нем совершеннейший тип героя, образец чести и доблести. И, тем не менее, этот безукоризненный герой оказывается грозой для чужих и своих. Принимая самое доблестное обличье то национальной чести, то защиты своего труда против чужой эксплуатации, то мести за убитого друга, волевой порыв Ахиллеса разносит смерть и разрушение. Он признает, что троянцы перед ним «ни в чем неповинны» (Ил., I, с. 24), и, однако, защищая честь ахейцев, разрушает двадцать один троянский город, причем «много сокровищ богатых из каждого города вывез» (Ил., IX, с. 132). Своим гневным

⁷¹ Не всегда, однако, боги в «Илиаде» выполняют гуманные и миротворческие миссии, помогая героям укротить жестокие порывы их сердец. Можно привести множество примеров противоположного рода. См., например, в статье: [19].

бездействием он «причиняет страдания без счета» (Ил., I, с. 21) уже своим собственным союзникам. Это единственный случай, когда на стороне Ахиллеса была революционная правда. Во всех же других случаях ему было безразлично, кого ни истреблять — врагов или друзей, лишь бы проявлять свою собственную силу и доблесть. Как мало он дорожил честью Атридов и ахейского войска, видно из поразительного признания, которое он делает Патроклу: «<...> О, если б // Смерти никто не избег из несметного войска троянцев, // Также никто из ахейн, а нас только двое осталось, // Чтобы вдвоем нам разрушить бойницы священные Трои» (Ил., XVI, с. 226). Так говорит чистый, обнаженный индивидуализм, хотя бы это был индивидуализм вдвоем, индивидуализм, расширенный дружбой.

Гомер не порицает Ахиллеса за его эгоизм, но прославляет его, ибо конечной целью, *causar finalis*, подвигов Ахиллеса была жажда славы, и поэт воздает герою должное. Но поэт знает нечто высшее, чем слава, добытая убийствами и разрушением. Однако для того чтобы раскрыть это высшее, Гомер, согласно своему основному психологическому рисунку, пожелал довести разрушительный волевой порыв Ахиллеса до крайнего напряжения. Таким образом перед нами открывается план «Илиады». План этот заключается в том, чтобы яростный гнев Ахиллеса довести до пароксизма, до иступления. Мы понимаем теперь всю необходимость эпизода с Патроклом. Гнев против Агамемнона не достигал этой цели. То был гнев не волевого акта, а волевого бездействия. По плану поэмы, гнев против Агамемнона должен был служить лишь завязкой, сделавшей возможным другой, подлинный гнев, который превратил бы всю волю Ахиллеса в один яростный, неудержимый порыв. Освященный местью во имя дружбы эгоизм Ахиллеса нарушает все правила чести и справедливости. Гектор перед ним ни в чем не повинен. Если он убил Патрокла, то в честном бою, после того как Патрокл умертвил многих его друзей. Но то были «чужие» друзья, за которых не надо мстить, а это «свой» друг, за которого надо мстить до остервенения. И вот остервенелый Ахиллес бросается в сражение, рубит без разбора кого попало, убивает или, вернее, режет, как барана, безоружного Антилоха⁷² (Ил., XXI, с. 292–294) и запружает Скамандр телами убитых (Ил., XXI, с. 296). Встретив наконец Гектора, он отвергает, вопреки всем правилам чести, условия единоборства, говоря, что «нет соглашения меж волком и слабым ягненком» (Ил., XXII, с. 310). Затем уже над умирающим врагом, который умоляет «не допустить,

⁷² Ошибка Минского. Данному описанию («режет, как барана, безоружного...») соответствует смерть не Антилоха, а Ликаона.

чтобы псы растерзали его пред судами» (Ил., XXII, с. 311), он пронесит внушающие ужас и отвращение чудовищные слова: «Если б позволило сердце, я сам растерзал бы на части, // Съел бы сырым твое мясо <...> // Не обрядит тебя мать, <...> // Но без остатка пожрут твое тело собаки и птицы» (Ил., XXII, с. 311). Наконец, уже насытившись мстостью, он волочит труп врага сперва вокруг стен Илиона (Ил., XXII, с. 312), потом в течение многих дней вокруг насыпи Патрокла (Ил., XXIV, с. 334). Волевой порыв дошел до высшей точки напряжения, и мы ждем, что он должен завершиться последним актом надругательства над трупом — бросанием его в пищу собакам и птицам. И вдруг ослепительный луч прорезывает мрак и происходит акт преобразования. Воля Ахиллеса преобразуется, и он по совету богини⁷³ соглашается выдать труп Гектора для почетного погребения. Соглашается сразу, без борьбы и колебаний, забыв свой гнев и угрозы (Ил., XXIV, с. 336–337). Появление Приама в ставке Ахиллеса можно считать одним из величайших событий в истории человечества, ибо в этот миг древние стены эгоизма и индивидуализма, которыми личность наглухо оградила себя от мира, впервые стали прозрачны, и человек увидел человека, не вспомнив о «своем» и «чужом»⁷⁴. Чтобы исполнить просьбу Приама, Ахиллес должен был переродиться, изменить всему своему прошлому, изменить долгу солдата, который обязывал его задержать как заложника царя вражеского народа, изменить своей дружбе с Патроком. О таком прозрении Ахиллеса нельзя б было догадываться по всему ходу поэмы, и только один поэт знал, куда он ведет, и, сочиняя первый стих «гнев, о богиня, воспой», предвидел всю траекторию, которую опишет этот гнев, какой победой он завершится, и какой новой славой он увенчает его любимого героя. Когда Олимпийцы велят Гермесу похитить тело Гектора и отнести в Илион, Зевс восстает против такого решения, говоря: «Я ж всю славу и тут предоставить хочу Ахиллесу» (Ил., XXIV, с. 336)⁷⁵. В этом стихе всего ярче и полнее выразилась идея «Илиады»⁷⁶.

⁷³ Имеется в виду Фетида, мать Ахилла.

⁷⁴ Ср. с трактовкой Лосева этой миролюбивой акции Ахилла: «После такого неблагоприятного, зверского поступка его мягкое отношение к Приаму в XXIV песне есть только признание своей вины и моральная победа над ним его врагов» [6, с. 119].

⁷⁵ Неточный перевод фразы. У Гомера Зевс хотел дать Ахиллу не «славу», а достойную «почесть». Л. Клейн последнее слово переводит как «выкуп» и резонно заключает, что в данном случае сложно говорить о бескорыстии Зевса и благородстве Ахилла. [5, с. 19–20].

⁷⁶ Есть гипотеза Виламовица-Мёллендорфа о том, что такой финал появился в позднейших версиях текста поэмы. В предшествующих редакциях Ахилл погибал раньше, чем получал возможность выдать тело Гектора Приаму или

Становится понятным, почему «Илиада» почиталась греками как книга священная. Этой поэмой Греция навсегда отмежевалась от варварства и сделала первый шаг к будущему союзу всего человечества.

III ПЕРЕВОД «ИЛИАДЫ»

Я приступил к новому переводу «Илиады» (которого первое издание вышло в 1896 г.) по двоякого рода соображениям — метрическим и лингвистическим.

Много спорили о том, возможно ли греческие и латинские спондеи заменять русскими хореем ввиду отсутствия в русском языке долгих гласных. Греческий долгий слог равняется по темпу двум коротким и поэтому два греческих гекзаметра, из которых один написан дактилями, а другой дактилями и спондеями, ритмически равнозначущи. Не то будет с подобными двумя русскими стихами, и если один из них считать гекзаметром, то другой должен быть назван как-нибудь иначе. Поэтому, держась строгих требований ритма, следует признать, что русские стихи, написанные одним определенным размером, в данном случае гекзаметром, должны состоять из одного и того же количества слогов⁷⁷. Защитники смешанного гекзаметра указывают на то, что такое строение придает стиху разнообразие и выразительность. С этим можно было бы согласиться, если бы дактили и хорей употреблялись в зависимости от значения и смысла стиха, а не случайно и произвольно, смотря по тому, какие слова легче укладываются в стих. Если обратиться к переводу Гнедича, то увидим, что чередование дактилей и хореев у него вполне произвольное. Почему, например, в стихах:

кому-то еще [25, с. 79]. Согласно Вилламовицу, дошедшая до наших дней редакция финала — следствие вмешательства постороннего поэта-«гомерада». Эту точку зрения разделяет и современный исследователь Лев Клейн [5, с. 368–369]. По его версии, воспеть радость победителей не вышло, потому что как таковой победы в исторической реальности и не случилось: все многочисленные набеги греков на Илион заканчивались неудачно. Так что прославлять Ахилла было не за что, и план «Ахиллеады» как торжества победившей сплоченной нации над «варварской» Троей не мог состояться. Зато возник другой план — из самого факта поражения извлечь необходимые исторические и нравственные уроки, которые помогли бы грекам исключить в будущем роковые ошибки, которые могут поставить нацию на грань исторической катастрофы. «Призыв к единению всех греческих племен в борьбе за освоение и защиту Эгейского моря от складывающихся на востоке все более крупных и грозных империй...» — это и есть основная «идея “Илиады”», по мнению исследователя [5, с. 489].

⁷⁷ Критику издержек такого перевода как нарочито «книжного» см.: [5, с. 14–17].

Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителям равный,
И рожденный Эгеем Тезей, бессмертным подобный —

для одного только героя Тезея понадобился хорей, а не дактиль? В подобных стихах, весьма многочисленных у Гнедича, чередование хореев и дактилей ничем, кроме произвола, не может быть объяснено. Сверх того, такие смешанные гекзаметры представляют при чтении постоянные неожиданности. Иногда при первом взгляде на стих не знаешь, начинается ли он с дактиля или с хорей. Так, например, стих начинается словами: «Сделаешь счастливой супругой» (XIX, 298). Если читать «сделаешь» как дактиль, то нет стиха — получается проза. Чтобы получился стих, нужно слово «сделаешь» читать с двумя ударениями: «сдѣлаѣшь», что крайне неблагозвучно.

Вот почему Жуковский, совершенствуя русский гекзаметр, употреблял смешанные стихи только в виде исключения. На <11.983? нрзб.> полных гексаметра насчитывается в «Одиссее» только 123 стиха с хорейми.

Первоначально я стал переводить смешанным гекзаметром, но убедившись в произвольности такого размера, переделал написанное и стал держаться правильного гексаметра; причем в первых песнях осталось несколько стихов с хореем в начальной стопе. В остальных песнях я употребляю хорей лишь в одном случае, именно после мужской цезуры в третьей стопе <2 слова по-древнегречески от руки нрзб.>, так как необходимая остановка голоса в этом месте дает возможность соблюсти ритм и в русском гекзаметре, как в греческом.

Помимо этих метрических соображений я видел необходимость в новом переводе «Илиады» еще по соображениям лингвистическим. Язык Гнедича (допушкинский язык) был многими найден устаревшим при самом своем появлении, а теперь местами стал непонятен. Можно еще мириться со славянскими оборотами вроде дательного самостоятельного: «не свершенному делу», или с чисто славянскими речениями, каковы: «наглезны», «воспящать», «схимны», «скрании», «сулица», «меск», «плесницы», «пруги», «рамо», «наляцатель», «паки», «глаголю» и т. п. Можно смотреть на них, как на иностранные слова, нуждающиеся в переводе. Гораздо более портят язык Гнедича слова и обороты полуславянские, неудачные новообразования или обороты двусмысленные, выражающие теперь не то, что хотел сказать переводчик: «туков воня»; «спнул фаланги»; «обетуй жертвы»; «рыдательный плач»; «трояницы ужасно завопили сзади»; «мески стадаются»; «холм протяжно лежащий»; на предводителях «сбруя» — вместо «доспехов»; «пресмыкающиеся гривы»;

«вливая» — вместо «вливая»; «изойти» — вместо «настигнуть»; «встречая мужей на печальную битву коснящих» — вместо «уклонившихся от грозной битвы»; «Идомея подобрался вепрю»; вождь Мерион у него «позади возбуждал ополченья»; племена «ясновеющие» — вместо «говорящие раздельной речью»; «медь разостлала по земле множество классов» — вместо «колосьев»; Ахиллес «безобразно терзал» волосы; «крепкий на Зевса» — вместо «надеющийся на Зевса»; «изученный самой богиней» — вместо «наученный»; «разом сражались кожи» — вместо «ошиблись»; «Вселенная повиснет на высоких» — вместо «в воздушном пространстве»; Аякс «отсторонивал щит» — вместо «отвел в сторону»; «взметчивый муж»; «воздвигнуть жестокою жёсточь» — и т. п.⁷⁸ На эти обороты натываешься, как на ухабы, и прелесть плавной гомеровской речи при этом совершенно теряется⁷⁹.

Первое издание моего перевода «Илиады» — К. Солдатёнова — вышло в 1896 г. После в исправленном и переработанном виде вышло несколько изданий в издательстве «Шиповник». В настоящее время на книжном рынке нет ни одного экземпляра моей «Илиады».

IV

НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ГОМЕРОВСКОМУ ВОПРОСУ⁸⁰

Belzner Dr. E. Die kulturellen Verhältnisse der “Odyssee” als kritische Instanz // *Homerische Probleme.* Leipzig: B.G. Teubner, 1911. Bd. I. S. 1–104.

Bérard V. Un mensonge de la science allemande. Les “Prolégomènes à Homère” de Frédéric-Auguste Wolf. Paris: Hachette, 1917. 288 p.

Bertrin G. La Question homérique. Variétés littéraires. Paris: Pous-sielgue, 1897. 334 p.

⁷⁸ По сравнению с «Предисловием» 1896 г. список «двусмысленных» выражений из перевода Гнедича Минским значительно расширен.

⁷⁹ В «Предисловии» 1896 г. Минский также критикует стиль перевода Гнедича за «излишнюю торжественность»: «У него гомеровские герои объясняются таким языком, как будто они сами себе казались древними и величавыми» [11, с. VI]. Кроме того, он отрицает «энциклопедичность» «Илиады», полагая ее «следствием позднейших вставок и прибавлений» [11, с. VII], а также считает ложным сам тезис о национальной специфике идеала прекрасного в поэме: Гомер если и воплотил «образец красоты», то «не какой-либо особенной, древнегреческой, а красоты вообще, единственной, какая возможна на земле» [11, с. VII].

⁸⁰ Составлена Минским с многочисленными пропусками выходных данных, ошибками и опечатками. Публикатор, по возможности, сверил весь список с первопечатными оригиналами, выправил его в соответствии с современными требованиями библиографического описания и расположил в алфавитном порядке.

Bréal M. Pour mieux connaître Homère. Paris: Librairie Hachette & Cie, 1911. 309 p.

Cauer P. Grundfragen der Homerkritik: zweite, stark erweiterte und zum Teil umgearbeitete Auflage. Leipzig: S. Hirzel, 1909. 552 S.

Champault Ph. Les héros d'Homère. Contribution à l'étude des origines grecques // Extrait de la science sociale: suivant la méthode d'observation. Paris, 1893. Vol. 189.

Croiset A., Croiset M. L'histoire de la littérature grecque. Paris: Albert Fontemoing, 1887. T. I: *Croiset M.* Homère — La poésie cyclique — Hésiode. 575 p.

Die Anthropologie und die Klassiker. Sechs Vorlesungen gehalten vor der Universität Oxford von Arthur J. Evans, Andrew Lang, Gilbert Murray, F.B. Jevons, J.L. Myres, W. Warde Fowler / herausgegeben von R.R. Marett; Übersetzt von Johann Hoops. Heidelberg: Carl Witer's Universitätsbuchhandlung, 1910. 228 S.

Dörfeld W. Zu den altgriechischen Bestattungssitten // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum Geschichte und deutsche Literatur / herausgegeben von Johannes Ilberg. Leipzig: B.G. Teubner, 1912. Bd. 29. S. 1–26.

Drerup E. Neue Wege und Ziele der Homerforschung // Gouesminne Monatschrift für Religiöse Dichtkunst. Hamm: Breer et Chiemann, 1912. S. 692–767; 771–789.

Festa N. Dalla questione omerica al poeta Omero // La cultura. 1911. Anno 30. № 10–12.

Fick A. Die homerische Ilias nach ihrer Entstehung betrachtet und in der ursprünglichen Sprachform wiederhergestellt. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht's Verlag, 1886. 592 S.

Finsler G. Homer in der Neuzeit von Dante bis Goethe: Italien — Frankreich — England — Deutschland. Leipzig: B.G. Teubner, 1912. 473 S.

Kralik R. Homeros: Ein Beitrag zur Geschichte und Theorie des Epos // Kralik R. Gessammelte Werke Reihet. Ravensberg, 1910. Bd. 1. 397 S.

Lang A. The World of Homer. London: S.I. Longmans, 1910. 306 p.

Laurand L. Manuel des études grecques et latines: Fasc. I–VIII. Paris: Auguste Picard, 1925. Fasc. II. 494 p.

Laurand L. Progrès et recul de la critique. Paris: C. Klincksieck, 1912. 72 p.

Leeuwen J. van. Commentationes Homericae. Leiden: A.W. Sijthoff's Uitgeversmaatschappij, 1911. 235 S.

Maab E. von. Die Person Homere // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur / herausgegeben von Johannes Ilberg. Leipzig: B.G. Teubner, 1911. Bd. 27. S. 539–550.

Meier J. Werden und Leben des Volksepos: Rede gehalten den 15. November 1907 am Jahresfeste der Universität Basel. Halle A.S.: Niemeyer, 1909. 54 S.

Myres J.L. Herodot und die Anthropologie // Die Anthropologie und die Klassiker. Sechs Vorlesungen gehalten vor der Universität Oxford von Arthur J. Evans, Andrew Lang, Gilbert Murray, F.B. Jevons, J.L. Myres, W. Warde Fowler / herausgegeben von R.R. Marett; Übersetzt von Johann Hoops. Heidelberg: Carl Witer's Universitätsbuchhandlung, 1910. S. 147–200.

Mülder D. Die Ilias und ihre Quellen. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1910. 372 S.

Olrik A. Epische Gesetze der Volksdichtung // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur / herausgegeben von Edward Schroeder und Gustav Roethe. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1909. S. 1–12.

Osterwald K.W. Homerische Forschungen. Halle: C.E.M. Pfeffer, 1853.

Pecz W. von. Die Tropen der Ilias und der Odyssee // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum Geschichte und deutsche Literatur / herausgegeben von Johannes Ilberg. Leipzig: B.G. Teubner, 1912. Bd. 29. S. 665–670.

Plüss H.T. Mykenische und nachmykenische Gleichnisse in der Ilias. Berlin, 1910.

Pöhlmann R. von. Aus Altertum und Gegenwart: gesammelte Abhandlungen. Neue Folge. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung Oskar Beck, 1911. 322 S.

Reinach A.J.A. van J. La question d'Homère. Paris, 1909.

Robert C. Studien zur Ilias. Berlin: Weidmann, 1901. 608 S.

Roethe K. Der augenblickliche Stand der homerischen Frage. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912. 94 S.

Römer A. Homerische Aufsätze. Leipzig: Teubner, 1912. 64 S.; Berlin: Teubner, 1914. 232 S.

Scott J.A. Athenian interpolations in Homer // Classical Philology. 1911. V. 6. № 4. P. 419–428.

Tiburce E. Etudes homériques. Paris: E. Leroux, 1923. 278 p.

Wittich E. Homer in seinen Bildern und Vergleichen. Stuttgart: J.F. Steinkopf, 1908. 71 p.

Литература

1. *Вольтер*. Эстетика: Статьи, письма, предисловия и рассуждения / сост., вступ. ст. и коммент. В.Я. Бахмутского. М.: Искусство, 1974. 391 с.
2. *Гомер*. Илиада / пер. Н. Минского; ред. и вступ. ст. проф. П.Ф. Преображенского. М.: ГИХЛ, 1935. 355 с.
3. *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001. 397 с.
4. *Зайцев А.И.* Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // *Гомер*. Илиада / пер. Н.И. Гнедича; изд. подгот. А.И. Зайцев. 2-е изд., стереотип. СПб.: Наука, 2008. С. 395–415.
5. *Клейн Л.* Расшифрованная «Илиада». СПб.: Амфора, 2014. 574 с.
6. *Лосев А.Ф.* Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
7. *Магомедова Д.М.* Н. Минский // Русская литература конца XIX – начала XX вв.: Библиографический указатель. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 1: А–М. С. 924–939.
8. *Мережковский Д.С.* Эстетика и критика. М.; Харьков: Искусство, 1994. 670 с.
9. *Минский Н.* Лики войны: современная мистерия // Вестник Европы. 1915. № 12. С. 62–70.
10. *Минский Н.* Идея «Илиады» // Северный вестник. 1896. № 5. С. 1–24.
11. *Н.М. [Минский Н.]* Предисловие переводчика // *Гомер*. Илиада. М.: К.Т. Солдатёнов, 1896. С. I–VIII.
12. *Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. / сост., ред., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990.
13. *Ольша Р.* Пролетариат Антанты в борьбе против интервенции в советскую Россию (1919–1920) // Вопросы истории. 1947. № 10. С. 106–127.
14. *Панченко Д.* Гомер. Илиада. Троя. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2016. 304 с.
15. Писатели о себе // Новая русская книга. 1922. № 8. С. 39–42.
16. *Сапожков С.* По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Дмитрий Сечин, 2021. 607 с.
17. *Соболевский С.* «Илиада» Гомера. Перевод Н.М. Минского. Издание второе. СПб., 1909. 358 стр. // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 4. С. 346–360.
18. *Goold G.P.* The Nature of Homeric Composition // Illinois Classical Studies. 1977. Vol. II. P. 1–34., esp. 10 f.
19. *Hild J.A.* Le pessimisme chez Homère et Hésiode // Revue de l'histoire des religions. 1887. T. XIV. P. 168–188; T. XV. P. 22–45.
20. *Lachmann K.* Die Betrachtungen über Homers Ilias. Berlin: G. Reimer, 1847. 110 S.
21. *Mazzotta G.* The Homeric Question // The New Map of the World. The Poetic Philosophy of Giambattista Vico. Princeton: Princeton University Press, 2014. P. 140–161.
22. *Naville E.* Archéologie de l'Ancien Testament. Paris: Altinger, 1914. 230 p.
23. *Nitzsch G.W.* Beiträge zur Geschichte der epischen Poesie der Griechen. Leipzig: B.G. Teubner, 1862. 472 S.
24. *West M.L.* The Making of the Iliad. Disquisition and Analytical Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2011. 441 p.

25. *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Die Ilias und Homer. Berlin: Weidmann, 1916. VI, 523 S.*

26. *Wolf F.A. Prolegomena ad Homerum, sive de operum Homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi. Halis Saxonum: Libraria Orphanotropei, 1795. Vol. I. CCLXXIX p.*

Research Article and Publication of Archival Documents

Nikolai Minsky as a Researcher and Translator of Homer: the History of the Soviet Edition of the *Iliad* (GIKHL, 1935) and Accompanying Materials to It

© 2024. Sergey V. Sapozhkov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia

Abstract: The information for this publication comes from archival documents from the fund of A.V. Lunacharsky (Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow). These documents were prepared by N.M. Minsky (1855/1856–1937) as accompanying materials for the publication of his own (fifth) translation of the *Iliad* in the Soviet State Publishing House (Gosizdat). Minsky had sent these materials to Lunacharsky in 1929. The materials comprise four parts: 1) the history of the “Homeric question”; 2) the idea of the *Iliad*; 3) the translation of the *Iliad*; and 4) the latest foreign literature on the Homeric question. However, due to ideological reasons, Gosizdat banned the publication of these materials. In the “Literary Fact,” they are published and commented on for the first time. Minsky’s materials lack a strictly historical understanding of the *Iliad*. He searches for meanings relevant to man fin de siècle in Homer’s poem. In his early article “The Idea of the *Iliad*” (1896), Minsky interprets the image of Achilles in the spirit of the cult of the “superman” by F. Nietzsche. However, the horrors of the First World War convinced Minsky of the insolvency of this cult, which was reflected in the “modern mystery” “Faces of War” (1815). In the accompanying materials of 1929, Minsky emphasizes the *Iliad*’s humanistic pathos. He appreciates the ability of Homer’s characters to be compassionate and merciful. By 1929, Minsky’s understanding of the idea of the *Iliad* had changed significantly. In his opinion, the *Iliad* is a poem in which “Greece forever dissociated itself from barbarism and took the first step towards the future union of all mankind.”

Keywords: “*Iliad*,” N. Minsky, translation, “the Homeric question,” the idea of the *Iliad*, “superman,” “Faces of War,” humanistic pathos, “the new Homer.”

Information about the author: Sergey V. Sapozhkov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor of the

Department of Russian Classical Literature, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1, bld. 1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6465-7958>

E-mail: servensap@yandex.ru

For citation: Sapozhkov, S.V. “Nikolai Minsky as a Researcher and Translator of Homer: The History of the Soviet Edition of the *Iliad* (GIKHL, 1935) and Accompanying Materials to It.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 8–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-8-51>

References

1. Vol'ter. *Estetika. Stat'i, pis'ma, predisloviia i rassuzhdeniia* [*Aesthetics: Articles, Letters, Prefaces and Arguments*], comp., introd. article and comm. by V.Ia. Bakhmutsky. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 391 p. (In Russ.)
2. Gomer. *Iliada* [*Iliad*], trans. by N. Minskii, ed. and introd. article by Prof. P.F. Preobrazhenskii. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1935. 355 p. (In Russ.)
3. Egunov, A.N. *Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov* [*Homer in Russian Translations of the 18th–19th Centuries*]. Moscow, Indrik Publ. 2001. 397 p. (In Russ.)
4. Zaitsev, A.I. “Drevnegrecheskii geroicheskiy epos i ‘Iliada’ Gomera” [“The Ancient Greek Heroic Epic and the ‘Iliad’ of Homer”]. Gomer. *Iliada* [*Iliad*], trans. by N.I. Gnedich, publ. prep. by A.I. Zaitsev. 2nd ed., stereotypical. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 395–415. (In Russ.)
5. Klein, L. *Rasshifrovannaia “Iliada”* [*The Deciphered “Iliad”*]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2014. 574 p. (In Russ.)
6. Losev, A.F. *Gomer* [*Homer*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 400 p. (In Russ.)
7. Magomedova, D.M. “N. Minskii” [“N. Minsky”]. *Russkaia literatura kontsa XIX – nachala XX vv.: Bibliograficheskii ukazatel'* [*Russian Literature of the Late 19th – 20th Century: Bibliographic Index*], vol. 1: A–M [A–M]. Moscow, IWL RAS Publ. 2010, pp. 924–939. (In Russ.)
8. Merezhkovskiy, D.S. *Estetika i kritika* [*Aesthetics and Criticism*]. Moscow, Kharkiv, Iskusstvo Publ. 1994. 670 p. (In Russ.)
9. Minskii, N. “Liki voiny: sovremennaia misteria” [“Faces of War: A Modern Mystery”]. *Vestnik Evropy*, no. 12, 1915, pp. 62–70. (In Russ.)
10. Minskii, N. “Ideia ‘Iliady’.” [“The Idea of the ‘Iliad’.”] *Severnyi vestnik*, no. 5, 1896, pp. 1–24. (In Russ.)
11. N.M. [Minskii, N.] “Predislovie perevodchika” [“Translator’s Preface”]. Gomer. *Iliada* [*Iliad*]. Moscow, K.T. Soldatenkov Publ., 1896, pp. I–VIII. (In Russ.)
12. Nitszhe, F. *Sochineniia: v 2 t.* [*Works: in 2 vols.*], comp., ed., introd. article and notes by K.A. Svas'ian. Moscow, Mysl Publ., 1990. (In Russ.)
13. Ol'sha, R. “Proletariat Antanty v bor'be protiv interventsii v sovetskuiu Rossiiu (1919–1920)” [“The Proletariat of the Entente in the Struggle Against Intervention in Soviet Russia (1919–1920)”]. *Voprosy istorii*, no. 10, 1947, pp. 106–127. (In Russ.)
14. Panchenko, D. *Gomer. Iliada. Troia* [*Homer. The Iliad. Troy*]. St. Petersburg, European University Publ., 2016. 304 p. (In Russ.)

15. “Pisateli o sebe” [“Writers About Themselves”]. *Novaia russkaia kniga*, no. 8, 1922, pp. 39–42. (In Russ.)
16. Sapozhkov, S. *Po opasnoi trope “kholodnykh slov”: poeziia i sud’ba Nikolaia Minskogo* [Along the Dangerous Pathway of “Cold Words”: Poetry and the Fate of Nikolay Minsky]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ. 2021. 607 p. (In Russ.)
17. Sobolevskii, S. “‘Iliada’ Gomera. Perevod N.M. Minskogo. Isdanie vtoroe. Sankt-Peterburg, 1909. 358 str.” [“Homer’s ‘Iliad.’ Translated by N.M. Minsky. Second Edition. St. Petersburg, 1909. 358 p.”]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia*, no. 4, 1911, pp. 346–360. (In Russ.)
18. Goold, George Patrik. “The Nature of Homeric Composition.” *Illinois Classical Studies*, vol. 2, 1977, pp. 1–34., esp. 10 f. (In English)
19. Hild, Joseph-Antoine. “Le pessimisme chez Homère et Hésiode.” *Revue de l’histoire des religions*, t. 14, 1887, pp. 168–188; t. 15, pp. 22–45. (In French)
20. Lachmann, Karl. *Die Betrachtungen über Homers Ilias*. Berlin, G. Reimer, 1847. 110 S. (In German)
21. Mazzotta, Giuseppe. “The Homeric Question.” *The New Map of the World. The Poetic Philosophy of Giambattista Vico*. Princeton, Princeton University Press, 2014, pp. 140–161. (In English)
22. Naville, Edouard. *Archéologie de l’ancien testament*. Paris, Altinger, 1914. 230 p. (In French)
23. Nitzsch, Gregor Wilhelm. *Beiträge zur Geschichte der epischen Poesie der Griechen*. Leipzig, B.G. Teubner, 1862. 472 S. (In German)
24. West, Martin Litchfield. *The Making of the Iliad. Disquisition and Analytical Commentary*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 441 p. (In English)
25. Wilamowitz-Moellendorff, Ulrich von. *Die Ilias und Homer*. Berlin, Weidmann, 1916. VI, 523 S. (In German)
26. Wolf, Friedrich August. *Prolegomena ad Homerum, sive de operum Homericorum, prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi*, vol. 1. Halis Saxonum, Libraria Orphanotropei, 1795. 279 p. (In Latin)

Статья поступила в редакцию: 30.07.2023
Одобрена после рецензирования: 18.12.2023
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 30.07.2023
Approved after reviewing: 18.12.2023
Date of publication: 25.06.2024

Литературный факт.
2024. № 2 (32)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (32), 2024

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-52-89>
<https://elibrary.ru/BXWRFN>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

К истории ответа А. Блока на анкету СДХЛ (1918): на материале переписки Ф. Сологуба, С. Кондурушкина и других

© 2024, С.В. Федотова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается ответ А. Блока на анкету Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ), написанный в мае 1918 г. для однодневной газеты на тему «Пути возрождения России» (не вышла). На основе анализа состояния вопроса выявляется недостаточная изученность истории текста и разноречивые сведения о нем в научной литературе. Предлагается анализировать заметку Блока в контексте его отношения к СДХЛ в 1918 г. на материале неизвестной переписки активистов Союза (Ф. Сологуба, С. Кондурушкина, Ан. Чеботаревской и др.). Впервые публикуемый комплекс писем позволяет конкретизировать историю создания СДХЛ, реконструировать замысел газеты и причины, помешавшие его осуществлению. Выясняется, что помимо объективных причин (закрытие небольшевистских изданий, проблемы с печатниками), были и внутренние, в частности, отказ редактора газеты от дальнейшего редактирования из-за разнородности собранного материала. Предполагается, что заметка Блока сыграла в этом решении не последнюю роль, т. к. поэт сознательно противоречил основной теме газеты, подменив анкетный вопрос «Что сейчас делать русскому гражданину» на вопрос «Что сейчас делать художнику». Доказывается гипотеза, согласно которой «ответ» Блока полемичен, во-первых, по отношению к творческой интеллигенции, протестующей против большевиков; во-вторых, по отношению к писателям, объявившим ему бойкот после появления поэмы «Двенадцать».

Ключевые слова: А. Блок, Ф. Сологуб, С. Кондурушкин, Ан. Чеботаревская, Союз деятелей искусств, Союза деятелей художественной литературы, ответ на анкету, однодневная газета, переписка, текстология.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: Федотова С.В. К истории ответа А. Блока на анкету СДХЛ (1918): на материале переписки Ф. Сологуба, С. Кондурушкина и других // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 52–89. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-52-89>

Настоящая публикация связана с одним эпизодом в творчестве позднего Александра Блока, который до сих пор оставался если не загадочным, то, прямо скажем, запутанным. Речь идет об ответе поэта на анкету Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ), написанном в мае 1918 г. Он входит в состав девятого тома Полного собрания сочинений и писем А.А. Блока в 20-ти тт., включающего прозу 1917–1921 гг.¹ При подготовке комментария выяснилось, что история этого текста практически не изучена и сведения о нем довольно разноречивы.

В немногих работах последних десятилетий «ответ» рассматривается в контексте послеоктябрьского творчества Блока прежде всего с содержательной стороны. Так, Д.Е. Максимов считает, что Блок отвечал на газетную анкету под названием «Что же сейчас делать?» «в духе страстного сочувствия революции и в сознании обязанностей, которые накладывает на художника революционная эпоха» [12, с. 295–296]. Е.В. Иванова относит «ответ» к ряду статей (!), написанных зимой-весной 1918 г. (от «Искусства и революции» до «Катилины»), но называет его несколько иначе: «Что сейчас делать?» [6, с. 205]. Ни в том, ни в другом случае текстологический аспект не затрагивается, что побуждает к попытке распутать клубок неясностей в истории этого текста. В ходе исследования всплыл целый комплекс писем активистов СДХЛ, до сих пор не введенных в научный оборот. Поэтому мы предлагаем рассматривать «ответ» Блока на материале публикуемой ниже эпистолярной хроники.

Впервые «ответ» Блока был опубликован Вл. Орловым в 1937 г. по принадлежащей ему машинописной копии, подготовленной для типографского набора в 1918 г.² [8, с. 675–676]. В комментарии

¹ В подготовке академического издания участвуют Блоковские группы ИМЛИ им. А.М. Горького РАН и ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Послереволюционная проза Блока войдет в т. 9 (ИМЛИ) и т. 10 (ИРЛИ).

² В личном фонде Орлова имеется машинопись на трех листах тетрадного формата с редакторскими пометами: в верхнем поле л. 1 черными чернилами вписано — «Ал. Блок»; слева — порядковый номер «4») и надпись карандашом: «В набор корпусом на шпонах». Под текстом печатная подпись: «Александр Блок»

сообщалось, что заметка Блока была написана для однодневной газеты «Пути возрождения России» (ред. С. Кондурушкин), которая планировалась к выпуску 19 мая, но в свет не вышла. Атрибуция текста устанавливалась на основе пометы Блока в записной книжке № 56, сделанной 13 мая, а также записки Ф. Сологубу, отправленной на следующий день: «Дорогой Федор Кузмич, вот мой ответ на анкету для газеты, за которым Вы предлагали прислать. Вместо этого, буду Вас просить прислать мне экземпляров 5 газеты вместе с рукописью. Всего Вам хорошего Ал. Блок». Исходя из того, что «ответ» не упоминается Блоком в «Списке моих работ» и подлинник отсутствует в его архиве, публикатор сделал вывод, что рукопись не была возвращена поэту Сологубом [8, с. 679–680].

Вопреки утверждению Орлова, черновой автограф отложился в фонде Блока (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 76). Тот факт, что «ответ» действительно не включен в «Список моих работ», где указаны ответы на другие анкеты, позволяет допустить два варианта его судьбы. Первый маловероятен, но исключать его нельзя: рукопись могла вернуться к Блоку при жизни, но он о ней просто забыл. Второй гипотетичен, но более правдоподобен: автограф мог быть найден среди бумаг Федора Сологуба, которые разбирали Иванов-Разумник и Д.М. Пинес после кончины писателя (1927). Все письма Блока к Сологубу, включая приложенное к «ответу», были переданы в Пушкинский Дом в 1928 г.³ Подлинник же «ответа», если он был обнаружен, скорее всего был передан наследнице блоковского архива, Л.Д. Блок. В конце 1930 г. все рукописи поэта она предоставила Иванову-Разумнику, который с помощью Пинеса приступил к подготовке Собрания сочинений Александра Блока в 12 томах (1932–1936)⁴. Есть, правда, одна неувязка. В материалах к оглавлению этого издания, с подробной росписью содержания всех томов и пометами Пинеса, интересующий нас ответ на анкету

и дата «13 мая 1918 года», зачеркнутая тем же карандашом (РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 391).

³ См. описи материалов Ф. Сологуба и писем к нему, переданных в Пушкинский дом Академии Наук, подписанных О.Н. Черносвитовой, Ивановым-Разумником и Д.М. Пинесом (РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 74). Письма Блока к Сологубу хранятся в РО ИРЛИ (Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 69).

⁴ Первые семь томов вышли в свет в 1932–1933 гг. в «Издательстве писателей в Ленинграде» под редакцией Иванова-Разумника; следом должны были выйти остальные, но в начале 1933 г. Иванов-Разумник и его верный помощник были арестованы по обвинению в создании «народнического центра» (Д.М. Пинес расстрелян в 1937-м) [1]. Последние пять томов, посвященные «прозе» Блока, появились в 1934–1936 гг. уже под редакцией В.Н. Орлова (подробнее см.: [9, с. 125–128]).

не указан (РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 98). Однако в личном фонде Пинеса сохранилась машинописная копия, сделанная, очевидно, с чернового автографа (РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2). По крайней мере здесь не отражены редакторские пометы, содержащиеся в машинописи 1918 г. из коллекции Орлова. В архивном описании эта анкета получила название «Что сейчас должен делать сознательный русский гражданин?», но, — еще раз подчеркнем, — в копии..., как и в оригинале, заголовок отсутствует.

При повторной публикации в т. 6 Собрания сочинений в восьми томах текст воспроизведен уже по рукописи, под условным названием <<«Что сейчас делать?..»>, которое является не совсем точно оформленной цитатой из первого предложения заметки Блока (ср.: «Я должен дать ответ на вопрос, волнующий каждого сознательного русского гражданина: “Что сейчас делать?”») [4, т. 6, с. 58]. В кратком комментарии встречаем отсылку к первой публикации, ту же информацию о том, что текст был написан по просьбе Соллогуба для однодневной газеты «Пути возрождения России», но на этот раз без упоминания о Союзе деятелей художественной литературы [4, т. 6, с. 503]. Что это за газета, по каким причинам она не вышла, наконец, какое отношение имел Блока к СДХЛ в 1918 г., остается не вполне понятным.

Прояснить этот маленький, но показательный эпизод в творческой биографии Блока послеоктябрьского периода позволяет переписка Ф. Соллогуба, С. Кондурушкина⁵, Ан. Чеботаревской и других активистов Союза, публикуемая ниже. Она имеет прямое отношение к замыслу однодневной газеты, на страницах которой должна была появиться заметка Блока. Помимо этого, благодаря живым свидетельствам участников переписки можно составить более-менее полную картину о первом этапе истории СДХЛ, на сегодняшний день наименее изученном⁶.

Идея создания профессионального Союза деятелей художественной литературы возникла внутри литературной курии Союза деятелей искусств (СДИ, 1917–1918)⁷. Эта общественная организация возникла после Февральской революции и объединяла творческую

⁵ Семен Степанович Кондурушкин (1874–1919) — автор сборников рассказов о русской деревне и путевых очерков, организатор газеты «Земля»; см. о нем [15].

⁶ История СДХЛ рассматривается в давней статье П.П. Ширмакова [19] и ценной публикации В.П. Муромского [7, с. 125–196], но основное внимание в них уделяется второму этапу Союза, с осени 1918-го по весну 1919 г. Нереализованный проект издания однодневной газеты в них не упоминается.

⁷ См. основательную статью В.В. Перхина «Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917–1918 гг.). Из хроники событий» [7, с. 47–124].

интеллигенцию Петрограда; в ней было 8 курий: 1) архитектуры, 2) скульптуры, 3) живописи, 4) музыки, 5) литературы, 6) театра, 7) истории и теории искусства, 8) художественной промышленности и прикладного искусства. Основная цель СДИ — выработка программы переустройства художественной жизни страны на началах самоуправления и автономии искусства от любой формы государственной власти. Союз управлялся Временным комитетом уполномоченных, общие собрания проходили в здании Академии художеств под председательством архитектора А.И. Таманова. Федор Сологуб был одним из несомненных лидеров СДИ, он входил в состав руководства от литературной курии, являясь ее председателем. Идеи писателя во многом определяли политику Союза, а сам он не только участвовал, но и инициировал многие протестные акции. 31 марта 1917 г. Сологуб выступил с программной речью, в которой провозглашались принципы «вольности искусства», независимости художника от бюрократических учреждений, невмешательства власти в дела культуры. Это был протест против создания при Временном правительстве Министерства изящных искусств, предложенного группой художников во главе с Горьким и А.Н. Бенуа [14]. В апреле–мае 1917 г. Сологуб был организатором однодневной газеты, нацеленной на пропаганду «Займа свободы» для привлечения средств на продолжение войны⁸. Под названием «Во имя Свободы» она вышла 25 мая 1917 г. На ее страницах были напечатаны произведения А. Ремизова, Ф. Сологуба, А. Ахматовой, А. Аверченко, И. Северянина, С. Есенина, В. Хлебникова, С. Черного; статьи Ф. Зелинского, Г. Плеханова, П. Милукова, В. Чернова и др.

Показательно, что Блока среди них не было. Имя его встречается в списках членов СДИ с апреля 1917 г. [7, с. 66], однако его участие в мероприятиях Союза было формальным, ни на одном заседании он не был. Отношение Блока к этой общественной инициативе не могло не быть противоречивым. С одной стороны, идея «вольности искусства» была ему кровно близка, с другой — объединение художников в общественную организацию было совершенно чуждым. Ср. запись от 16 мая 1917 г.: «Разбудил меня звонок Сологуба, который просил принять участие в однодневной газете для популяризации Займа Свободы и посетить сегодня литературную курию в Академии художеств. То и другое мне кажется ненужным и не требующимся с меня, как и с него, а говорил он все это тем же своим *прежним голосом*, так что мне показалось, что он изолгался окончательно

⁸ См. материалы по «Займу свободы» и рукописи, присланные для однодневной газеты, в фонде Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. Ед. хр. 63).

и даже Революция его не вразумила» [3, с. 329]. Не менее характерна ироническая заметка Блока по поводу празднования Дня поддержки Займа Свободы, организованного СДИ 25 мая: «На Невском в разубранных автомобилях “художники, поэты и музуканты” пропагандируют “Заем Свободы”!» [3, с. 346].

В ноябре 1917 г. Федор Сологуб дважды приглашал Блока к участию в мероприятиях в поддержку выборов в Учредительное собрание, защите его целостности и неприкосновенности⁹. Отвечал ли на них Блок, точно неизвестно. Определенно можно утверждать, что он откликнулся на письменное приглашение Сологуба выступить на Вечере Поэтов, устроенном СДИ 16 декабря 1917 г. в конференц-зале Академии художеств¹⁰. В ответном письме от 12 декабря Блок сообщал: «Дорогой Федор Кузьмич, постараюсь непременно придти в Академию художеств в субботу вечером. Если вечер обыкновенный, придется читать старое; если же круг людей тесный и проще, и можно сесть за стол и затруднить внимание на полчаса, — хотелось бы прочесть хотя и старый, но еще ненапечатанный отрывок из поэмы. Преданный Вам Ал. Блок» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 9). Но этот, по-видимому, единственный случай едва ли свидетельствует об интересе Блока к Союзу деятелей искусств.

С самого основания СДИ на заседаниях литературной курии весной 1917 г. по инициативе Сологуба обсуждались вопросы о создании профессионального союза писателей, правилах приема в него (писательский ценз и т. д.). В силу разных обстоятельств этот замысел приобрел конкретные очертания только через год, уже в условиях диктатуры большевиков¹¹. На заседании курии 20 февраля 1918 г. были утверждены название Союза деятелей художественной литературы, его цели и задачи: 1) охрана и защита общих интересов самого дела, т. е. самой литературы; 2) защита моральных и правовых интересов членов Союза и 3) непосредственная охрана материальных нужд членов Союза [7, с. 94–96].

⁹ В архиве Блока сохранились два типовых обращения с просьбой выступить или прислать стихи, имя адресата и подпись Сологуба вписаны от руки (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 408. Л. 18, 19).

¹⁰ См. письмо Сологуба от 10 декабря (Там же. Л. 20).

¹¹ Создание СДХЛ происходило в ситуации обострения борьбы, с одной стороны, между «левыми» и «правыми» в Союзе деятелей искусств, с другой — между профсоюзами и новой властью. На Первом Всероссийском съезде профсоюзов (Петроград, 7 (20)–14 (27) января 1918 г.) большевики выдвинули идею постепенного превращения профсоюзов в органы государственного управления, меньшевики выступали под лозунгом единства и независимости профсоюзного движения. Ан.Н. Чеботаревская активно общалась с оппозиционными лидерами профсоюзного движения, см. ниже п. 8.

Сразу после этого развернулась кампания по учреждению нового Союза. 10 марта в газете «Наш век» публикуется воззвание Литературной курии СДИ «Ко всем деятелям искусства», подписанное председателем Сологубом, где сообщалось об инициативе объединения деятелей художественного слова в профессиональный союз, разработанном проекте устава, а также о назначении на 13 марта в Академии художеств организационного собрания нового союза. 12 марта 1918 г. Блок получил приглашение от Сологуба на это собрание (см. запись от этого числа [3, с. 394]), но, по всей видимости, не пошел. В течение марта проходят еще два собрания (20 и 27 марта), на которых был учрежден профессиональный Союз деятелей художественной литературы, принят устав, избран Временный совет: Л. Андреев, М. Горький, Н. Гумилев, К. Жихарева, Ф. Зелинский, А. Кайдаров, С. Кондурушкин, В. Муйжель, В. Немирович-Данченко, Ю. Слезкин, Ф. Сологуб, В. Трахтенберг, Н. Тэффи, Ан. Чеботаревская, К. Эрберг. Председатель — Федор Сологуб. Информация об этом событии была обнародована в заметке С.С. Кондурушкина «Союз деятелей художественного слова (письмо в редакцию)» с призывом к писателям вступать в Союз и объявлением о членских взносах, необходимых для аренды отдельного помещения, устройства библиотеки, столовой, взаимопомощи и издательских предприятий (Наш век. 1918. № 61 (85). 30 (17) марта). 10 апреля Народный комиссариат имуществ выдал Союзу удостоверение, подписанное А.В. Луначарским; на основании которого Союз и осуществлял свою деятельность в дальнейшем [7, с. 133, 144]. Эту дату следует считать днем официального признания СДХЛ как самостоятельной общественной организации профсоюзного типа; фактическое преобразование литературной курии СДИ в Союз деятелей художественной литературы произошло, специально подчеркнем, в марте 1918 г.¹² Если деятельность СДИ в основном сводилась к спорам о влиянии на государственную политику в области культуры и искусства, то СДХЛ ставил более конкретные задачи защиты интересов писателей. Вплоть до закрытия СДИ в конце сентября того же года СДХЛ входил в его состав, и Сологуб оставался одним из его руководителей [7, с. 98–122]. Параллельно велась работа по усилению позиций СДХЛ, расширению состава участников и пропаганде профессионального

¹² Отметим, что в книге Е.В. Ивановой «Александр Блок: последние годы жизни», подробно описывающей служебную деятельность Блока после революции, СДИ и СДХЛ не различаются, первый из них вообще не упоминается. Ошибочное утверждение, что СДХЛ «был создан после Февральской революции по инициативе Федора Сологуба и Анастасии Чеботаревской как объединение профессионального характера», влечет за собой ряд других фактических неточностей [6, с. 322–323].

Союза среди литераторов Москвы, Петрограда и других российских городов¹³. 19 апреля в московской газете «Раннее утро» появилось воззвание «Деятелям художественной литературы», подписанное Сологубом.

Публикуемый ниже эпистолярный текст начинается с обсуждения этого текста. В переписке, охватывающей период с начала апреля 1918 г. по март 1919 г., участвуют отдельные члены Совета СДХЛ первого призыва: Федор Сологуб, С.С. Кондурушкин, Ан.Н. Чеботаревская, К.М. Жихарева, В.А. Трахтенберг и А.К. Кайдаров. Нет никаких сомнений, что писем и деловых записок, которыми обменивались активисты Союза, было намного больше. Но даже найденные документы дают возможность увидеть, как разворачивалась деятельность СДХЛ на первом этапе своего существования. В мае 1918 г. все силы Союза были брошены на организацию мероприятия «Утро о России», выпуск однодневной газеты и поиски дома для СДХЛ. Большая часть переписки, так или иначе связанная с этой тематикой, относится к весне 1918 г., до отъезда Федора Сологуба и Ан. Чеботаревской в Кострому. В двух летних письмах Сологуба и одном ответном Кондурушкина идет обмен мнениями о тревожных изменениях в работе Союзе, начавшихся в отсутствие его вдохновителей и основателей. Как только супруги вернулись в Петроград (14 октября), сразу разгорелся громкий скандал. После исключения их из Совета СДХЛ, они демонстративно вышли из Союза, придав своему демаршу широкую огласку (см. их открытое письмо в газете «Северная коммуна» (1918. 3 ноября), а также разоблачительную статью Сологуба «О союзе деятелей художественного слова» (Вестник литературы. 1919. № 4). Все действия нового руководства «под флагом “Союза” как общественной организации», резюмирует здесь автор, оказались «слабо замаскированным шкурничеством и эгоизмом» (Там же, с. 11). О всей этой некрасивой истории, на сегодня хорошо изученной [7, с. 125–196; 13, с. 608–610], мы упоминаем исключительно ради последних из публикуемых писем, имеющих к ней самое прямое отношение. Особенно любопытно с психологической точки зрения эпистолярное поведение В.А. Трахтенберга. Являясь

¹³ Ср. например, ответ от 7 мая 1918 г. самарского прозаика и журналиста А.К. Гольдебаева (наст. фам. Семенов; 1863–1924) на неизвестное письмо Кондурушкина, где явно содержалось приглашение вступить в ряды СДХЛ. Корреспондент сообщал: «...письмо и инструкцию получил, действовать начал. Членов, которые бы подходили под ценз инструкции, в Самаре не найдется»; тем не менее он просил прислать «инструкции более подробные, более доступные для провинциалов-литераторов, и в большом количестве. И всё, одним словом, что надо, чтобы действовать, как надо» (РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 303).

секретарем СДХЛ начиная с его возникновения и до его бесславного конца, он, бывший соратник, оказался замешан в «низвержении» Сологуба и Ан. Чеботаревской. В последнем письме, завершающем нашу подборку на драматической ноте, Трахтенберг взволнованно кается «дорогому, светлому Федору Кузьмичу» в своем предательстве, но в постскриптуме опасливо умоляет: «Разорвите это письмо (это ведь только для Вас... только)» (п. 22).

В контексте истории первого этапа СДХЛ наиболее информативным оказывается сюжет, связанный с подготовкой однодневной газеты. Переписка активистов СДХЛ впервые дает возможность реконструировать историю этого издательского проекта довольно подробно. В апреле 1918 г. на заседаниях только что учрежденного профессионального союза было принято решение о выпуске газеты, которая представляла бы СДХЛ как сплоченную организацию художников слова, оппозиционную по отношению к большевистской власти. Создан был «газетный комитет» во главе с Федором Сологубом, Ан. Чеботаревской и Семеном Кондурушкиным. В начале мая многим писателям Москвы и Петрограда было разослано воззвание, составленное членами комитета¹⁴. В нем сообщалось следующее: «Профессиональный Союз Деятелей Художественной Литературы, желая отозваться на события, выяснить смысл происходящего и *наметить, что сейчас должны делать все русские граждане*, решил выпустить в Петрограде 19 мая однодневную газету на тему: Пути возрождения России. В пределах этой темы мы рассчитываем иметь статьи, стихи, очерки или хотя бы краткие ответы анкетного характера (форма по желанию автора), в которых бы выражалось отношение автора вообще к событиям, или в частности к роли народных масс, интеллигенции, религиозного и национального движения. Доход от газеты пойдет в пользу только что возникшего Профессионального Союза Д.Х.Л., и потому мы просим Вас поддержать первое идейное начинание Союза и дать без гонорара то, что Вы найдете возможным. Желательный размер — не более 120 стр. <...>» [17, с. 369–370].

Ответственным редактором газеты был Кондурушкин, к нему стекались все собранные материалы, которые он должен был подготовить для типографского набора. Из переписки членов совета СДХЛ следует, что по поводу названия газеты у них не было едино-

¹⁴ В частности, такое письмо получили В.Я. Брюсов [17, с. 369-370], Вяч. Иванов, К.Д. Бальмонт (РГБ. Ф. 109. Карг. 34. Ед. хр. 64), И.А. Бунин [10, с. 917], М.О. Гершензон (РГБ. Ф. 746. Карг. 2. Ед. хр. 8). Это машинописный текст, с вписанным от руки именем адресата и подписями-автографами Ф. Сологуба и С.С. Кондурушкина.

го мнения. Как можно заметить, в приведенном письме-воззвании «Пути возрождения России» — это не заглавие задуманной газеты, а ее основная тема. В ходе подготовки дебатировалось четыре варианта: «Что сейчас делать?», «Проснись, Россия!», «Общий голос» и «Возрождение». Ни одно из них не понравилось Горькому, предложившему назвать газету-летучку «К делу!», что «указывало бы на содержание, заключало бы и призыв, и удобно для выкрикивания на улицах» (п. 10). Из процитированного письма К.М. Жихаревой от 13 мая 1918 г. ясно, что за Конурушкиным оставалось последнее слово в выборе названия газеты. «Посылаю Вам бумагу в комиссариат, в которую Вы будьте добры вписать избранное заглавие, а также припишите и насчет типографии, если Вы сговорились окончательно с кем-нибудь», — наставляла Жихарева своего соратника, надеясь оформить «бумагу» чуть ли не на следующий день. На каком из пяти вариантов заглавия остановился редактор, неизвестно. 19 мая газета не вышла. Можно предположить, что к запланированному сроку разрешения на ее издание получено не было. Возможно, что так и не удалось решить проблему с печатниками, несмотря на все усилия Ан. Чеботаревской (см. п. 5, 8, 11).

В ситуации душения небольшевистской печати¹⁵ такой поворот событий был вполне ожидаем. Вместе с тем неудачу с выпуском газеты можно объяснить не только внешними препятствиями, но и внутренними разногласиями между членами «газетной комиссии». Об этом узнаем из письма Кондурушкина от 20 мая, вместе с которым он отправляет Сологубу рукописи, отказываясь от дальнейшего участия в их редактировании. «Материал получился разный, неоднотемный», заключает он и прямо упрекает в этом Ан.Н. Чеботаревскую (п. 12). Хотя для передачи рукописей имелась веская причина (редактор собирался покинуть Петроград), заявленный отказ говорит сам за себя, к тому же свою заметку Кондурушкин отозвал. Между тем окончательный крах издательского проекта он связал с отъездом Сологубов в Кострому, намеченным на 2 июня: «Думаю, что предприятие наше не осуществится, раз Вы уезжаете» (п. 14). Так оно и произошло.

Каков был полный состав участников газеты и кто из них вызвал недовольство редактора, отклонившись от заданной темы, остается неясным. По воле случая из всего собранного для нее материала достоверно известна лишь заметка Блока, но, судя по всему, имен-

¹⁵ 28 января 1918 г. вышел декрет Совнаркома «О Революционном трибунале печати», 22 февраля — постановление Комитета революционной обороны Петрограда о закрытии «всей контрреволюционной печати».

но она шла вразрез с тематикой газеты. В самом деле, хотя СДХЛ призывал писателей консолидироваться на основе профессионального, а не политического единства, основной вопрос анкеты («*что сейчас должны делать все русские граждане*») акцентировал прежде всего общественно-политическую, гражданскую позицию авторов. Ожидалось, что они выскажут свое отношение «вообще к событиям, или в частности к роли народных масс, интеллигенции, религиозного и национального движения». При этом в самой формулировке темы («Пути возрождения России») уже заложена установка на осуждение большевистской диктатуры, погубившей страну с великими культурными и национальными традициями. Не случайно Сологуб хвалит статью Кондурушкина за четко выраженную позицию, разделяемую инициаторами газеты: «...это — как раз то, что надо сказать социалистам, и Вы сделали это прекрасно, ясно, отчетливо, решительно» (п. 13).

На этом фоне «ответ» Блока насковзь полемичен, но не по отношению к «событиям», а по отношению к самой постановке анкетного вопроса, подразумевающей некрасовское — «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Насколько известно, в 1918 г. Блок не входил в СДХЛ, не платил членских взносов и даже не был приглашен на литературное «Утро о России» (7 мая), организованное Союзом¹⁶. Такая взаимная отстраненность вызвана, разумеется, позицией Блока после октябрьской революции. «Любимое занятие интеллигенции — выражать протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь — протест», — записывает Блок в дневнике 5 января 1918 г., набрасывая мысли для «Интеллигенции и революции» В этой статье он провозглашает: «дело художника, *обязанность* художника» — слушать «музыку революции»; русской интеллигенции, оплакивающей гибель России, «точно медведь на ухо наступил» [4, т. 6, с. 9–20]. После выхода в свет первой «большевистской» статьи, затем цикла «Россия и интеллигенция» и особенно

¹⁶ Блок вошел в редакционную коллегию СДХЛ только с конца января 1919 г., когда ее возглавил Горький, по предложению которого прежний состав коллегии (В. Муйжель, Н. Гумилев, Ю. Слезкин) пополнился новыми членами (А. Блок, Е. Замятин, К. Чуковский, В. Шишков, А. Куприн). Это произошло уже после того, как Сологуб и Ан. Чеботаревская демонстративно вышли из Союза. Повидимому, Блок узнал об этом демарше с опозданием, ср. его запись от 1 февраля 1919 г.: «Сологубий бунт» [3, с. 448]. Вся «команда» Горького, Блок и Гумилев в том числе, вышла из СДХЛ в конце апреля 1919 г., когда финансовые и пр. махинации руководства Союза были преданы огласке, что подтверждало правоту Сологуба; отсылаем к хронике этого скандального процесса, опубл. В.П. Муромским [7, с. 125–126, 156–196]. 25 апреля Блок отметил: «Ушли из Союза деятелей литературы — из редакционной коллегии» [3, с. 457]. К маю 1919 г. СДХЛ фактически перестал существовать.

после «Двенадцати» и «Скифов» от Блока, «предателя» и «ренегата», отвернулись многие старые знакомые. Первостепенное значение имеет и тот факт, что он отвечал на анкету СДХЛ, буквально накануне получив «поразительное известие» о том, что Вл. Пяст, А. Ахматова и Ф. Сологуб «отказались» от него. Это зафиксировано в записной книжке дважды, 11 и 13 мая. Примечательно, что во второй записи парадоксально соплагаются два события. Начинается она с констатации: «Вечер “Арзамаса” в Тенишевском училище. Люба читает “Двенадцать”. Отказались Пяст, Ахматова и Сологуб», а чуть ниже: «Письмо от Сологуба с предложением ответить на анкету профессионального союза. Ответив, я таки пошел на вечер и читал (с успехом)» [3, с. 406–407]. Последнее предложение указывает на сложное психологическое состояние Блока в момент ответа на анкету («таки пошел» — значит, не хотел, пошел вопреки). Немаловажно, что это было первое выступление автора «Двенадцати» в 1918 г., и сама возмущившая многих поэма впервые читалась Л.Д. Басаргиной-Блок со сцены («Люба, говорят, читала хорошо» [3, с. 407]). В таком контексте участие Блока в затеянной СДХЛ однодневной газете выглядит по меньшей мере мужественным поступком, стоическим исповеданием художника в ситуации, когда его предадут анафеме.

Заметка Блока начинается с резкого размежевания с либеральной интеллигенцией: «“Русским гражданином”, как понимали это слово *старые русские либералы*, я никогда не был и не буду, как бы далеко не простерлась травля на мою душу. Я — художник, следовательно, не либерал». Блок признает себя гражданином «в некотором смысле», ровно настолько, насколько «слова писателя суть его дела». В этом ключе он решительно меняет анкетный вопрос — «что сейчас должны делать все русские граждане» — на другой, «не волнующий, а сжигающий» его — «что делать сейчас художнику». И отвечает по пунктам, задействуя положения из статьи «Катилина», работа над которой подходила уже к концу:

1) Художнику надлежит знать, что той России, которая была, — нет и никогда уже не будет <...> Мир вступил в новую эру. *Та* цивилизация, *та* государственность, *та* религия — умерли. <...> Не забудьте, что Римская империя существовала еще около 500 лет после рождения Христа. Но она только *существовала*, она раздувалась, гнила, тлела — уже мертвая. <...>

2) Художнику надлежит пылать гневом против всего, что пытается гальванизировать трупы. Для того чтобы этот гнев не вырождался в злобу (злоба — великий соблазн), ему надлежит хранить огонь

знания о величии эпохи, которой никакая низкая злоба недостойна. Одно из лучших средств к этому — не забывать никогда о *социальном неравенстве* <...>.

3) Художнику надлежит готовиться встретить еще более великие события, имеющие наступить, и, встретив, суметь склониться перед ними [3, с. 58–59].

Д.Е. Максимов справедливо отметил, что «ответ» объясняется «“художнической” точкой зрения», которая раскрывает «определенный аспект авторского образа во всех прозаических сочинениях Блока, имеющих поэтическое значение» [12, с. 296]. Теперь мы со всей уверенностью можем внести значимое уточнение в историю блоковского текста: поэт сознательно пошел наперерез основной идее однодневной газеты СДХЛ, тем самым разрушая ее тематическое единство и давая повод для раздражения редактора.

Остается затронуть еще один не очень понятный момент. Почему вообще Ф. Сологуб предложил Блоку ответить на вопрос профессионального союза? Почему он, «отказавшийся», обратился к «отказнику»? Письмо от Сологуба, к сожалению, не сохранилось. Но вряд ли можно ошибиться в том, что это было то же самое типовое машинописное воззвание с приписанной под ним личной просьбой. В каких выражениях обращался старший поэт к младшему, можно догадаться по ответной записке Блока («Дорогой Федор Кузьмич», «Всего Вам хорошего»), т. е. они были самыми обычными: «Дорогой Александр Александрович», «Сердечно Ваш Федор Сологуб» и т. п. Конечно, можно усматривать здесь лишь вежливые эпистолярные формулы, однако этого явно недостаточно. Сологуб прекрасно мог, не нарушая письменного этикета, облить ледяным презрением «хамов» от литературы¹⁷ (см. п. 21). Обмен любезными письмами в высшей точке противостояния говорит, на наш взгляд, о том, что Блок и Сологуб, поверх общественно-политических барьеров, ценили друг в друге подлинных поэтов.

«Мы знаем Пушкина — человека, Пушкина — друга монархии, Пушкина — друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин — поэт. Поэт — величина неизменная», — скажет Блок

¹⁷ Ср. описание инцидента на заседании СДХЛ 15 октября 1918 г., где Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревскую исключали из состава членов Совета: «После доклада Ан.Н. Чеботаревская в очень несдержанных выражениях позволила себе критиковать постановление Совета <...>, употребив выражения “это хамство”, “хамы”, “это не собрание писателей, это черт знает что такое”, после чего покинула заседание, вместе с Ф.К. Сологубом, который высказал свою солидарность с мнением Ан.Н. Чеботаревской» [7, с. 146].

в своей знаменитой речи «О назначении поэта» (1921) [4, т. 6, с. 161]. К этому времени от его романтически-восторженного отношения к большевикам не останется и следа, «музыка революции» заглохнет, уступая место какофонии чиновников, «дельцов и пошляков, духовная глубина которых безнадежно и прочно заслонена “заботами суетного света”». Блок презрительно назовет их «чернью», замечая попутно, что именно в таком значении будет пониматься пушкинское слово, «если русская культура возродится» [4, с. 164]. Неуверенно прозвучавший мотив возрождения, вместе с обвинением «черни», душащей «тайную свободу» художника, сближает позднего Блока с Сологубом, который в 1917–1918 гг. защищал принципы «вольности», автономности искусства от власти бюрократии. Однако мечты Сологуба об идеальном обществе, управляемом с помощью религии, философии, искусства, науки, наподобие республики Болеарских островов в «Творимой легенде» [14, с. 40], как показывает история СДХЛ, также потерпели крах. И ровно по той же причине — из-за литературной «черни», пришедшей на смену энтузиастам Союза.

Но когда задумывалась однодневная газета на тему «Пути возрождения России», Сологуб и Блок, оба — романтики, были по разные стороны баррикад. Их представления о *деле* и *обязанности* художника в это время диаметрально противоположны, что определило полемический характер блоковского «ответа». В противовес активной гражданской позиции «деятели художественной литературы» Блок отстаивал идею жертвенности «художника», трагически смиряющегося перед стихией революции. Иными словами, он отвечал не на анкетный вопрос СДХЛ, а прежде всего Сологубу и в его лице — всем тем собратьям-поэтам, кто *бросил в него камень*.

Все письма публикуются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (Санкт-Петербург) и РГАЛИ (Москва). Архивные шифры указываются под каждым письмом. Мы старались выстроить их в хронологическом порядке, но многие из них не датированы, что создает определенные трудности в определении их места в подборке. Тем не менее, в целом публикуемый эпистолярный корпус из 22 писем дает представление об интенсивном характере работы СДХЛ на первом этапе его существования, немного захватывая и его драматический финал. Сокращения, кроме общепринятых, раскрываются в ломаных скобках; сохраняется написание Ан.Н. (Ан.Н. Чеботаревская). Орфография и пунктуация приводятся к современным нормам, за исключением п. 22, где отсутствие запятой свидетельствует о волнении автора.

Сердечно благодарю М.М. Павлову, Т.В. Мисникевич и А.Л. Со-
болева за помощь в подготовке публикации.

1. Кондурушкин — Сологубу
5 апреля (23 марта) 1918, <Петроград>

Многоуважаемый Федор Кузьмич, мне кажется, что очень хорошо для газеты¹. Две предлагаемые мной поправки имеют в общем один и тот же смысл: в том и другом случае вы суживаете цели, в первом случае называете только духовными, во втором — житейскими, т. е. преимущ<ественно> мелкими и литературными. Перечисление адресов будет отчетливее, если каждый адрес с нов<ой> строки.

Кайдарову² сегодня отправлю квитанц<ионную> книжку.
23 марта – 5 апреля 1918 г.³

С уваж<ением> С. Кондурушкин.

ДЕЯТЕЛЯМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

События последнего времени поставили на очередь вопрос о необходимости сплочения культурных сил страны. В дни всеобщего стремления к организованному отстаиванию своих прав работники художественного слова оказались наименее объединенными. Поэты, беллетристы, драматурги, критики, историки и теоретики искусства и литературы, переводчики художественных произведений доньше не имеют союза, который отстаивал бы их права и нужды и общие интересы русской литературы. Поэтому столь значительные для русской культуры и писательской среды вопросы, как вопрос об авторском праве, о монопольном издании классиков, обсуждались без соображения с мнением самих писателей. Такое пренебрежение к правам и мнению русских писателей, кроме общих причин, вызывается и той рознью, той неорганизованностью, которые царят в литературной среде. Путь русского писателя останется тернистым и чрезмерно затрудненным, если сами писатели не поймут необходимости сплочения. Деятели художественной литературы в России имеют возможность образовать мощный профессиональный союз, который даст им возможность улучшить свое положение и вести, в случае надобности, борьбу за [духовные]⁴ интересы русской литературы и русских писателей.

Эти соображения побудили в прошлом году некоторых членов литературной курии Союза Деятелей Искусства приступить к ор-

ганизации профессионального союза. Был выработан устав и правила приема в члены. в марте этого года на трех организационных собраниях устав и правила были приняты, и образован Временный Совет, в который вошли Л. Андреев, Горький, Гумилев, Жихарева, Зелинский, Кайдаров, Кондурушкин, Муйжель, Немирович-Данченко, Слезкин, Сологуб, Трахтенберг, Тэффи, Анс. Чеботаревская, Эрберг. Вр. Совет озабочен приисканием постоянного помещения, где был бы зал для собраний, библиотека, столовая, кооператив и пр. Он просит товарищей помочь ему, а также записываться в члены союза: только действительно мощное единение будет целесообразно и поможет облегчить [житейские] писателям все⁵ тягости наших трудных дней.

ВРЕМ. СОВЕТ ПРОФ. СОЮЗА ДЕЯТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Желающие вступить в члены профессионального союза деятелей художественной литературы доставляют Совету письменно заявление с перечислением своих сочинений⁶. При заявлении вносится не менее 15 р. (вступительный взнос 10 р. и за первый месяц 5 р.), годовой взнос — 60 р. Запись в члены принимается⁷: 1) В.О., 9 лин., 44, Сологуб, 12–2; 2) Клинский пр. 27, Эрберг, 6–7, тел. 81.89; 3) Колпинская 14, Жихарева, 12–2; 4) Невский 63, Библиот. нов. кн., 3–5; 5) Николаевская 20, Союз драм. пис.⁸, 3–5, кроме суб. и воскр.; 6) Екатерининский кан. 31, Редакция Петроград. Голоса, В.В. Бруснянин, 4–6, кроме воскр.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 6.

Письмо вписано перед печатным текстом воззвания, присланным Сологубом, с правкой Кондурушкина.

¹ Воззвание опубликовано в газ. «Раннее утро». 1918. 19 апр.

² Кайдаров Антон Казимирович (псевдоним Ивановский) — малоизвестный драматург, сведений о котором, включая даты жизни, найти не удастся. См. негативную оценку его пьесы в письме Б.А. Пильняка к А.К. Воронскому от 3 сентября 1922 г.: «А. Кайдаров — „Лазун Ничка“ — вещь совершенно невероятная, тут и „Дубровский“, и разбойники из Пастухова, и княжны, и медведи: совершенно, как в сытинских изданиях „для народа“» [5, с. 567–568]; см. п. 15.

³ Кондурушкин указывает сначала дату по ст. ст.

⁴ На полях возле зачеркнутого слова — знак вопроса.

⁵ Вместо зачеркнутого вписаны два следующих слова.

⁶ После этого вставка: *а также отдельные книги сочинений.*

⁷ Далее перед всеми порядковыми номерами указанных контактов вставлен знак абзацного членения. Помимо Сологуба, названы: Эрберг Константин Александрович (наст. фамилия Сюннерберг, 1871–1942) — поэт, философ, теоретик искусства; Жихарева Ксения Михайловна (1876–1950) — переводчица (см. п. 10); Бруснянин Василий Васильевич (1867–1919) — писатель-беллетрист.

⁸ Вписано: *А.К. Кайдаров*.

2. Сологуб — Кондурушкину

26 апреля 1918 г. <Петроград>

26 апреля 1918 г.

Многоуважаемый
Степан Семенович,

Сейчас я был у Ремизова, он чувствует себя лучше, и согласился читать 7 мая¹. Таким образом, Ваш упрек, что мы легковесно ставим на программу тех, кто заведомо не придет, оказывается неосновательным. Ручаться за то, что Ремизов непременно будет, конечно, нельзя, — но Ан.Н. так и предполагала, что в случае его отсутствия его вещь прочтет Голубев² или Чекан³ или еще кто-нибудь. — Вообще, я передал Анастасии Николаевне Ваши опасения. Она находит, — и я с нею в этом согласен, что нельзя менять программы, которую мы согласно наметили в среду в совете, и к осуществлению которой приняты уже меры. Приглашены Ан. Николаевна⁴ Ахматова, Венгеров, Мандельштам, и вычеркивать их из списка невозможно. Прошлый раз не приехали Ахматова и Тэффи⁵, обе были больны, и никто в этом не виноват, и публика никаких претензий не выражала. Были и такие участвующие, которых мы не сообщали, а они все же выступили. Что претензий со стороны публики не было, видно уже из того, что несколько человек написали у Григорьева⁶ свои номера телефонов, чтобы их уведомили, когда мы будем опять устраивать что-нибудь. Одним словом, дело совсем не так мрачно, как Вы думаете. Надо теперь только подумать о рекламе, т. е. о газетных заметках. Посылаю Вам 8 экз<емпляров> извещения, и Ан.Н. очень просит раздать их в газеты, кое-куда можно по телефону. Крайне желательно, чтобы появилось в воскресенье. — Посылаю также удостоверение о моем псевдониме. Будьте добры подписать удостоверение, приложить к нему печать, и при случае переслать Трахтенбергу⁷, чтобы он скрепил, занес в журнал исходящих, поставил номер и потом передал мне.

С приветом

Федор Сологуб.

На бланке: Федор Кузьмич Тетерников (Федор Сологуб). Петроград. В. О., 9 линия 44, кв. 19. Машинопись, подпись — автограф.

¹ В этом и двух следующих письмах речь идет о подготовке мероприятия «Утро о России», организованном СДХЛ 7 мая 1918 г. в Академии художеств. А. Ремизов не участвовал. Его «Заповедное слово русскому народу» прочитал Ф. Сологуб, вместе со своими стихами. Выступали также В. Муйжель, В. Шишков, С. Кондурушкин, Е. Замятин, Д. Цензор, О. Мандельштам и А. Ахматова [11, с. 182].

² Голубев Андрей Андреевич (1881–1961) — актер, режиссер, театральный деятель.

³ Чекан-Мгеброва Виктория Владимировна (1888–1972) — актриса, театральная педагог и режиссер.

⁴ Описка: Анна Андреевна Ахматова (1889–1966). Историк литературы С.А. Венгерова (1855–1920) в «Утре о России» не участвовала.

⁵ О каком литературном вечере идет речь, не ясно. Тэффи Надежда Александровна (наст. фамилия — Лохвицкая, в замужестве — Бучинская) — русская писательница и поэтесса, мемуаристка, переводчица.

⁶ Лицо не установлено.

⁷ Трахтенберг Валентин Артурович (1888–1937) — драматург, сценарист, секретарь СДХЛ; см. п. 6, 7, 16, 20, 22.

3. Кондурушкин — Сологубу

27 (14) апреля 1918 г., <Петроград>

14 / 27 апр<еля> 1918

Многоуважаемый Федор Кузьмич.

Не знаете ли адреса Пришвина¹ — сообщите. Данный мне — 13 л. 47 — не верен. Если можно, и квартиру сообщите, а по 13 линии номера четные. Исакова² <так!> никак не могу дозвониться ни вчера, ни сегодня. Не знаю, можно ли будет напечатать объявление, не переговорив с ним. Вот сейчас звонил — сказали будет дома в 4 часа.

С уважением С. Кондурушкин³.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 1.

На бланке: Редактор газеты «Земля». Петроград, ул. Жуковского, 24. Тел. 113-04.

¹ Очевидно, планировалось, что писатель М.М. Пришвин (1873–1954) будет одним из участников «Утра о России», но он не выступал.

² Исаков Сергей Константинович (1875–1953) — историк искусства, скульптор, педагог, музейный работник; с 1918 по 1922 г. занимал должность хранителя музея Академии художеств. В СДИ Исаков был активным представителем «блока левых».

³ Ниже рукой Сологуба простым карандашом приписан адрес Пришвина: «13 л., 20, кв. 43».

4. Сологуб — Кондурушкину*27 апреля 1918 г., <Петроград>*

27 апреля 1918 г.

Многоуважаемый
Степан Семенович,

Адрес Пришвина — В.О., 13 линия, 20, кв. 43. — Ждать ответа Исакова для печати объявлений не надо: если нам не дадут на 7 мая зал Совета, то утро можно устроить в том зале, где у нас по воскресеньям читаются лекции и который я Вам показывал. Анастасия Николаевна очень просит Вас передать эти заметки сегодня с таким расчетом, чтобы они завтра были напечатаны хоть где-нибудь¹. Теперь все и без того делается страшно медленно, и потому невозможно над каждым шагом так непомерно долго останавливаться.

С уважением

Федор Сологуб.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 3.

На бланке: Федор Кузьмич Тетерников (Федор Сологуб). Петроград. В.О., 9 линия 44, кв. 19., подпись — автограф.

¹ Объявления о проведении «Утра о России» были опубликованы в московской газете «Новое слово» (28 апр.) и в петроградских газетах «Новая жизнь» (30 апр.); «Вечерние огни» (30 апр.); «Дело народа» (3 мая) [11, с. 182].

5. Ан. Чеботаревская — Кондурушкину*<30 апреля 1918 г., Петроград>*

Уважаемый Степан Семенович.

Сообщите, пожалуйста — надо ли вести дополнительные переговоры с Розенфельдом¹, или уже условились с печатниками. Также отн<осительно> названия², ибо надо начинать рекламу.

Также выяснился ли вопрос с домом Г<инзбур>га³, о котором я еще 3 нед<ели> тому назад просила похлопотать Ан-ского⁴?

Я написала Р-му⁵ в М<оск>ву, и вчера месяц с 29 марта.

С приветом

Ан. Чеботаревская.

Н. <свет?>⁶

возвращаю с благодарностью.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 2.

¹ Розенфельд Исаак Максимович (псевдоним — И.М. Ольгин, 1880–?) — журналист, публицист, редактор; сотрудник редакции петербургской газеты

«День» (1912–1918), заведующий Петроградским отделением газеты «Ранее утро» (1907–1918); см. его письма к Ан. Чеботаревской за 1912–1921 гг. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр.°235).

² Речь идет о названии однодневной газеты, которое к этому моменту еще не было окончательно выбрано (см. п. 10).

³ Бывший особняк М.А. Гинзбурга (11-я линия Васильевского о-ва, 18) СДХЛ получил в свое распоряжение 1 июня 1918 г., благодаря усилиям Ан. Н. Чеботаревской. Ср. объяснение Сологуба «К докладу Контрольно-ревизионной комиссии по делу Союза деятелей художественной литературы в Петрограде»: «Бывший особняк Гинзбурга... был уступлен союзу не сразу — местный совдеп склонен был оставить его для своих надобностей, так как нуждался в помещении, и только благодаря хлопотам и настойчивости единолично А.Н. Чеботаревской это помещение Комиссариат внутренних дел предоставил союзу; при этом любезно пошедший навстречу нашей нужде управляющий делами комиссариата т. Каплун при передаче дома определенно указывал А.Н. Чеботаревской, что дом должен быть использован в интересах учреждений, а не отдельных лиц, что совершенно согласовывалось и с воззрениями моими и А.Н. Чеботаревской» [7, с. 148]. Позднее официальное «объяснение» с небольшими изменениям опубликовано в статье «О Союзе деятелей художественной литературы» (Вестник литературы. 1919. № 4. С. 10–11). Далее ссылки будут даваться на первый источник.

⁴ Вероятно, имеется в виду Анненский Валентин Иннокентьевич (псевд. Кривич) (1880–1936), член СДХЛ.

⁵ Фамилия не поддается расшифровке.

⁶ Слово не разборчиво. Определить, о чем речь, затруднительно.

6. Трахтенберг — Кондурушкину

До 7 мая 1918 г., Петроград

Глубокоуважаемый Степан Семенович!

Будьте добры подписать ордер на выдачу денег и приложить печать, а в понедельник передать мне.

Прилагая при сем маленькую заметку для нашей газеты¹, очень прошу ее поместить, она займет всего несколько строк, а мне доставит большое удовольствие, надеюсь мне в этом не откажут.

Звонили вы к Ионову² насчет помещения в Ак<адемии> Худож<еств>³?

Сегодня разошлите повестки всем членам союза.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный и готов<ый> к услугам

Валентин Трахтенберг.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 365.

Датируется по содержанию.

¹ Заметка не найдена.

² Ионов (Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942) — поэт-пролеткультовец, издательский деятель; с 1918 г. заведовал издательством Петроградского Совета

рабочих и крестьянских депутатов, с 1919 г. — руководитель Госиздата, с 1924 г. — ГИЗ РСФСР.

³ Речь идет о помещении для проведения «Утра о России».

7. Трахтенберг — Сологубу

Первая декада мая 1918 г. Петроград

Дорогой
Федор Кузьмич.

Собрание состоится у Кондурушкина в 7 ч. в пятницу, хотелось бы Вас там увидеть. Посылаю ордер. Привет Ан. Николаевне.

Преданно любящий вас

Вал. Трахтенберг.

P.S. Порядковый №№ бумаг 24–25.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 113. Л. 47.

Датируется приблизительно.

8. Ан. Чеботаревская – Кондурушкину

Первая декада мая 1918 г., Петроград

Уважаемый Степан Семенович,

я только что (в 9 ½ ч. в<вечера> вернулась с собрания, где читала доклад и приходилось бесконечно кого-то в чем-то убеждать, — легла сегодня в 4 ч. у<тра> и сейчас буквально нет сил доползти до какого-нибудь телефона. Да и что же! ведь я и вчера (письменно) и сегодня спрашивала Ив. — КК.¹ с печатниками, и *сегодня* же в 4 ч. занесла Розенф<ельду>² письмо с тем, что мы сговорились с печатниками. Позвоните к нему 681-81 и спросите — в КК. положение дела. Хорошо бы завтра на наше собрание (у нас в 4 ч. д<ня>) пригласить или Бовшовского³, или Когана (из Копейки)⁴ для того, чтобы *окончательно* решить, с кем же мы имеем дело. Также пришлите наст<оящую> бумагу, кот<орую> дал Лун<ачарск>ий, относит<ельно> права получения помещения⁵ — я завтра увижу Рязанова⁶ и попытаюсь его настроить относит<ельно> дома Гинзбурга. А.Ч.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 1–1 об.

Датируется по содержанию.

¹ Речь идет, вероятно, о профсоюзе печатников на Ивановской бумагоделательной фабрике (с. Ивановское, Ямбургского уезда Петрогр. губ.), которая на тот момент

еще принадлежала Торговому дому «Пильблад и Моравец»; национализирована Декретом СНК от 28 июня 1918 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 6); КК. — культкомиссия Союза работников печатного дела.

² См. прим. к п. 5.

³ Бовшовский Александр Григорьевич (1882–?) — член РСДРП, с 1916 г. председатель Петроградского союза печатников (см.: «Банк биографических данных по меньшевистскому проекту», http://scherbina.net/ukazatel_b.htm).

⁴ Коган Александр Эдуардович (1878–1949) — редактор-издатель бульварной «Газеты–Копейки» (1908–1918) и еженедельника «Солнце России», выходившего в издательстве «Копейка» (1910–1917).

⁵ СДХЛ действовал на основании удостоверения Народного комиссариата имуществ республики от 10 апреля 1918 г. за № 1092, подписанного А.В. Луначарским [7, с. 144]. Возможно, было специальное разрешение, о котором идет речь; ср. в изложении Сологуба: «Когда весной этого года мы разговаривали с т. Луначарским о нашем праве иметь дом, то мы говорили, что малочисленность наша в тот момент не должна служить решающим мотивом при обсуждении этого нашего права, т.к. получение дома даст нам возможность устроить в нем многое, что объединит всю писательскую и особенно нуждающуюся массу. С этим нашим соображением т. Луначарский согласился, почему и дал нам письменное разрешение на осмотр помещений» [7, с. 150].

⁶ Рязанов Давид Борисович, Рязанов Н. (псевдоним) (наст. фамилия Гольдендах, 1870–1938) — видный деятель российского социал-демократического и профсоюзного движения, историк, библиограф, архивист, марксовед. Убеденный марксист, член РСДРП, известен как противник большевистской диктатуры; проголосовал против декрета о роспуске Учредительного собрания. В 1917–1918 г. возглавлял Петроградский Совет Профессиональных Союзов [16, с. 39–40, 44]. Расстрелян.

9. Кайдаров — Кондурушкину

Первая декада мая 1918 г., Петроград

Многоуважаемый Степан Семенович!

Не откажите поместить в нашей газете пересылаемую Вам статью, если найдете ее подходящей; если же она покажется Вам слишком резкой, то лучше не пускайте, — я не буду в претензии¹.

Со вторника валяюсь в кровати, — инфлуэнца. —

Всего хорошего.

С искренним уважением

А. Кайдаров.

P.S. Так как мы предполагаем, что Вы на собрании у Федора Кузьмича Сологуба, то и направляем письмо в его квартиру.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 8. Ед. хр. 9.

Конверт: ЕВР. Степану Семеновичу *Кондурушкину* <так!> от А.К. Кайдарова.

Вас. Остр., 9 линия, д. 44, кв. 19, Фед.Куз. Сологуба

Датируется по содержанию.

¹ Это замечание подтверждает наше предположение, что в однодневной газете могли участвовать, кроме приглашенных известных писателей, члены СДХЛ, независимо от их литературной репутации, как в случае с Кайдаровым. Кроме того, «резкость» заметки, очевидно, соответствовала общему настрою газеты.

10. Жихарева — Кондурушкину

13 мая 1918 г., Петроград

13 / V 1918

Многоуважаемый Степан Семенович,

я что-то расклеилась от беготни и разных волнений, и поэтому не смогла попасть к Вам сегодня между часом и тремя. Попыталась звонить к Вам по телефону, но неудачно, а еще раз попробовать было неоткуда. У Горького я была. Он обещал приготовить статью к пятнице часам к 3-м, я же и зайду за ней. Для распространения газеты в Москве он тоже указал на Радецкого¹, кроме того сказал, что можно бы переговорить по тел<ефону> с Тихоновым², кот<орый> сейчас в Москве и мог бы подобрать артель³, но, думается, хватит и Радецкого. Заглавия наши А.М. не очень понравились: «Что сейчас делать?» — слишком обязывает и «мы тут такого напорем...»; «Проснись, Россия!» — напоминает «Спящий, пробудись!»⁴, а «Общий голос» и «Возрождение» — одно сухо, а другое ассоциируется с «Пробуждением»⁵. Сам он тоже затруднился предложить что-нибудь, потом сказал, что можно бы назвать газету просто «К делу!» — это и указывало бы на содержание, заключало бы и призыв, и удобно для выкрикивания на улицах. Посылаю Вам бумагу в комиссариат, в кот<орую> Вы будьте добры вписать избранное заглавие*, а также припишите и насчет типографии, если Вы сговорились окончательно с кем-нибудь. А.М. знает секретаря печатников, отзывался о нем очень хорошо и говорил, что с ним можно будет устроить что-ниб<удь> и покрупнее газеты. Если Вяч<еслав> Як<овлевич>⁶ Вас не застанет и не сможет, значит, доставить мне бумагу обратно сегодня, то я заеду за ней завтра утром часов в 11–12, оставьте ее для передачи мне. И сообщите, когда нам опять собираться — у меня завтра весь день занят, м. б., в среду, после засед<ания> союза? Если получу разрешение завтра, то сообщу Вам — да и вообще сообщу, вернее всего часов около 4-х или вечером.

Всего хорошего.

К. Жихарева.

* Против «К делу!» я ничего не имею.

Р. С. Я не всегда пишу так длинно и бестолково — это от головной боли и бессонной ночи.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 312.

¹ Возможно, имеется в виду Радецкий Федор Константинович (1873–1943), юрист, до революции чиновник особых поручений при Министерстве финансов; гражданский муж Е.И. Оболенской, матери художницы Ю.Л. Оболенской. Или его брат, Сергей Константинович, вместе со своей семьей после революции он также жил в большой квартире Оболенских на 1-й Тверской-Ямской, 26/8 (см.: [2]).

² Тихонов Александр Николаевич (1880–1956) — русский советский писатель, давний соратник Горького, один из основателей издательства «Всемирная литература».

³ Газетные артели, распространяющие печатную продукцию, существовали до революции и некоторое время спустя. 26 июня 1918 г. вступил в действие Декрет о национализации газетной торговли, согласно которому газеты должны были продаваться не артелями, а учрежденной центральной организацией по распространению прессы.

⁴ Ср. слова ап. Павла: «Посему сказано: “Проснись, спящий! Воскресни из мертвых — и осветит тебя Христос”» (Еф. 5:14).

⁵ «Пробуждение» — литературно-художественный глянецовый журнал, выходил в Санкт-Петербурге с 1906 г. по 1918 г. (ред. Н.В. Корецкий), пользовался широкой популярностью у непритязательных читателей, особенно в провинции.

⁶ Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) — русский советский писатель; муж К.М. Жихаревой. Член временного Совета СДХЛ в 1918 г.

11. Кондурушкин — Ан. Чеботаревской

15 (2) мая 1918 г., Петроград

Уважаемая Анастасия Николаевна.

Печатники и сейчас не имеют типографий, очень сконфужены, извиняются, назначили еще ответ на час, но на них надеяться нельзя. Говорил с Коганом¹ сейчас. Он приходит на Совет на наш не может, обещался все окончательно сообразить и дать мне окончательный ответ в 9 ч. Если раньше более определенного ответа ни откуда получить нельзя, придется ждать от Когана.

С. Кондурушкин.

2/15 мая 1918.

11 ½ ч. утра.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 134.

На бланке с частично вырезанным штампом, остался только адрес: Петроград, ул. Жуковского, 24. Тел. 113-04. Рядом простым карандашом вписано: Редактор газеты Земля.

¹ См. прим. к п. 8.

12. Кондурушкин — Сологубу*20 (7) мая 1918 г., Петроград*

7 / 20 мая 1918.

Многоуважаемый Федор Кузьмич.

При сем посылаю все рукописи, какие у меня имеются для однодневной газеты. Сегодня быть на заседании не могу. Я не смог бы также принять участия в окончательном редактировании газеты, ибо члены комиссии нашей (газетной) не одинаково излагали участникам тему: я держался той формулировки, какую мы дали ей в заседании комиссии при составлении письма в Москву; А.Н. Чеботаревская, не желая признавать той формулировки, предлагала свою; оттого материал получился разный, неоднотемный; я увидел, что при рассмотрении всего материала это выступает еще явственнее. Однако полагаю, что, если получится разрешение, мое отсутствие в редакции нисколько не повредит делу выхода газеты, чем и утешаюсь. Я только желал бы иметь право сказать, — это не от меня зависело, — если бы именно в одном смысле возникли какие-нибудь недоразумения и публичные нарекания, чего, впрочем, полагаю не будет. Во всяком случае не посчитайте, что я в раздражении или каком-нибудь неискоренимом самолюбии. У меня такое понимание общественного дела.

Если бы Вы сочли возможным прислать мне для ознакомления материал доклада на среду, я бы был очень признателен. В среду я, наверное, смогу быть в заседании.

С уважением и приветом

С. Кондурушкин.

После письма. Не откажитесь вернуть со служанкой мою заметку для однодн<евной> газ<еты>, я хотел бы там кое-что почистить и прояснить.

С.К.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 2–2 об.

На бланке: Редактор газеты «Земля». Петроград, ул. Жуковского, 24. Тел. 113-04.

13. Сологуб — Кондурушкину*25 мая 1918 г., Петроград*

25 мая 1918 г.

Дорогой Степан Семенович,

Во время Вашего отсутствия может понадобиться *печать* Союза. Будьте добры или переслать ее мне, или, если не успеете, попросите Вашу супругу сделать это. Мы уедем не раньше среды. — Рукопись посылаю. Понимаю, если Вы захотите ею воспользоваться в другом месте. Но она очень для нашего ежедневного¹ выпуска подходила бы, и мне было бы огорчительно в высокой степени, если бы она появилась в другом месте: это — как раз то, что надо сказать социалистам, и Вы сделали это прекрасно, ясно, отчетливо, решительно.

С приветом

Федор Сологуб.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 4.

На бланке: Федор Кузьмич Тетерников (Федор Сологуб). Петроград. В.О., 9 линия 44, кв. 19. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Описка — речь явно идет о выпуске той же однодневной газете.

14. Кондурушкин — Сологубу

25 (12) мая 1918 г., Петроград

Дорогой Федор Кузьмич.

Все-таки я сегодня уезжаю, как и предполагалось. Печать посылаю. Статьеку взял, потому что нет у меня черновика, а восстанавливать писанное всегда мучительно. Думаю, что предприятие наше не осуществится, раз Вы уезжаете. Пожелаю Вам всего лучшего, а главное — здоровья. Крепко жму руку.

С. Кондурушкин.

12/25 мая 1918 г.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 4.

На бланке: Редактор газеты «Земля». Петроград, ул. Жуковского, 24. Тел. 113-04.

15. Кайдаров — Сологубу

27 мая 1918 г., Петроград

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич!

Так как я не состою больше в Совете профес<ионального> Союза деят<елей> худ<ожественной> лит<ературы>¹, то возвращаю Вам имеющуюся у меня квитанционную книжку; что касается дежурств в Союзе драм<атических> и музык<альных> писателей² для записи

членов, то со среды 29-го Мая (нов. ст.) я их прекращаю, и эту миссию возьмет на себя, вероятно, кто-либо другой.

Мне очень жаль, что приходится прекратить деятельность, направленную, так или иначе, к устройению определенного, на этот раз всем нам дорогого, коллектива; но, как вы знаете, это лежит вне моей воли.

Очень досадно еще, что такое простое и интересное начинание встречает на первых уже порах какое-то странное недоброжелательство и сопряженные с этим трения.

Знаю, что мне звонил в Союз В.А. Трахтенберг; это было в субботу до 12-ти часов, когда я там не бываю; узнал же я это случайно, тогда я сам звонил ему на службу дважды, и оба раза мне ответили, что не знают, в каком отделе В.А. служит³.

На днях покидаю Петроград недели на три – на четыре, и когда Вы получите это письмо, я уже буду по пути к Уралу.

Мой привет Анастасии Николаевне.

Всего лучшего.

С искренним уважением

А. Кайдаров.

27 /V 18 г.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 305.

Конверт: *Здесь. ЕВ Федору Кузьмичу Сологубу*. В.О. 9-ая линия, д. № 44, кв. 19. От А.К. Кайдарова.

¹ Вернувшись в Петроград, Кайдаров примкнул к тем «энергичным» молодым членам Совета, которые в отсутствие Сологубов изменили его политику (см. п. 18–19). Осенью, после скандала с Сологубом и Ан. Чеботаревской, Кайдаров занимал должности председателя хозяйственной комиссии, заведующего канцелярией, заведующего отделом альманаха в Редакционной коллегии. В заключении Особой комиссии по делам СДХЛ его фамилия фигурирует среди тех членов Совета, чья деятельность была названа «синекурой» [7, с. 145, 193].

² Союз драматических и музыкальных писателей — общественная организация, возникшая в Санкт-Петербурге (затем Петрограде) после раскола в 1904 г. Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, в результате появились две организации — московская и петербургская; после 1918 г. они претерпели множество реорганизаций и изменений в названии.

³ Согласно докладу Контрольно-ревизионной комиссии по делу СДХЛ от ноября 1918 г., В.А. Трахтенберг служил контролером Государственной сберегательной кассы [7, с. 147].

16. Трахтенберг — Сологубу*Май 1918 г. Петроград*

Дорогой Федор Кузьмич!

Посылаю Вам на подпись две бумаги, если возможно, отошлите почтой сегодня. Буду очень благодарен. Завтра мне обещан какао. Зайду. Привет Ан.Н.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно любящий Вас

Вал. Трахтенберг.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 687. Л. 1.

Датируется по содержанию.

17. Сологуб — Кондурушкину*12 июня 1918 г., Кострома*

12 июня 1918.

Кострома, пристань Нагорова,
усадьба Набатовой Княжнино.

Дорогой Степан Семенович,

Надеюсь, что к тому времени, когда мое письмо дойдет до Питера, Вы уже будете дома. 1 июня мы приняли дом Гинзбурга. 2 июня я и Ан.Ник. уехали в Кострому¹. Пока не имею сведений о делах нашего Союза. Черкните несколько строчек. — Здесь, на Волге, невесело, но тихо.

С приветом

Федор Сологуб.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 5.

Почтовая карточка: С.С. Кондурушкину, В.О. 6 линия 27, кв. 24, Петроград.

¹ С 1915 г. Ф. Сологуб и Ан. Чеботаревская арендовали на летние месяцы дачу в имении М.И. Набатовой Княжнино. В Петроград они вернулись 14 октября 1918 г.

18. Кондурушкин — Сологубу

Конец июня 1918 г., Петроград

Сологубу от Степана Семеновича.

Вернулся я дней десять назад. Дом Гинзбурга очень хорош, это клад, только пошел бы он нам впрок. Расхватывание помещений «в залог вознаграждения»¹ может послужить нам общественным укором. Ал.Н. Чеботаревская² заведовать хозяйством отказывается, потому что фактически не может; Слезкин тоже, как сообщил мне Трахтенберг, собирался оставить портфель «министра иностранных дел»³, но пока удовлетворен в доме помещением и «страстно?». Впрочем, я был в собрании всего-то раз, на общем, а потом уж и не смог. Но теперь у нас там энергичный молодой народ⁴, даже и не предупреждает о времени собраний, а только извещает. Дай им бог здоровья и сил, а главное — умения⁵.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 276.

Открытка без штемпеля.

¹ В доме Гинзбурга было 24 комнаты, в отсутствие Сологубов в большую часть из них заселились «энергичные» члены СДХЛ.

² Александра Николаевна Чеботаревская (1869–1925) — переводчица, писательница, сестра Ан.Н. Чеботаревской.

³ Ю.Л. Слезкин (1885–1947) выполнял обязанности зав. внешними делами СДХЛ. Один из главных фигурантов в скандальном процессе по поводу Союза, участвовал во всех неблагоприятных «деяниях» Совета второго призыва. Особенно отличился тем, что, используя свое служебное положение, присвоил подлежащее реквизиции имущество своей родственницы, выехавшей из Петрограда, и частично распродал его. После этого инцидента группа писателей во главе с Горьким заявила о своем выходе из состава редакционной коллегии и совета Союза, финансирование объединения было прекращено [7, с. 126–127].

⁴ По статистике, приведенной в докладе Совета Общему собранию 30 октября 1918 г., в период с 22 мая по 15 октября наиболее активно посещали заседания В.А. Трахтенберг (18 раз), Ю.Л. Слезкин (17), Г.И. Урюпинский (15), Н.И. Гумилев (12), А.К. Кайдаров (10) [7, с. 145].

⁵ На обороте записи рукой Сологуба «<?>», нам не очень понятные.

Кондурушкин	13	
Гумилев	11	1–37–16. Кваскова 20 кв. 15
Жихарева	11	Колпинск<ая> 14
Сологуб	11	отказался
Горький	—	больной
Трахтенберг	8	
Чеботаревская Ан.	8	отказалась
Андрей Алексеевич Гизетти	7	6–08–78 Английский пр. 31 кв. 19

Фаддей Францевич Зелинский	6	5-52-17	+
Кайдаров	6	отказался	
Эрберг	6	— —	+

19. Сологуб — Кондурушкину

15 июля 1918 г., Кострома

15 июля 1918.

Кострома,
пристань Нагорново
усадебна Набатовой

Дорогой Степан Семенович.

Получил я Вашу открытку с большим опозданием, — шла она 16 дней. Спасибо за весточку. Угадываю Ваше неприятное чувство, и разделяю его. То, что я узнаю случайно о делах нашего Союза, не совсем утешает. Хорошо было бы, если бы Вы нашли время и охоту заняться пристально делами Союза. Я совершенно согласен с Вами в том, что расхватывание помещений взамен вознаграждения¹ вредно для Союза и может навлечь нарекания. И с тем Вашим мнением вполне согласен, что до осени в смысле новых начинаний лучше ничего не предпринимать. Хорошо бы, если Вы хоть немного остановили чрезмерную энергичность молодых людей. Они там, кажется, хотят даже газету издавать². Все это не столько энергично, сколько неосторожно. По-видимому, членов в Союзе еще немного, и раньше газеты есть дела, более необходимые для Союза. Все это Вам на месте виднее, и очень жаль, если дело повелось так, что у Вас пропадает охота бывать часто в нашем Доме: хотелось бы, чтобы он был действительно нашим общим домом, и чтобы всем было приятно туда приходиться и там работать. — Мы здесь последние дни живем без газет. Одни только бывают местные газетки, советские да с.-р.-ские. Питаемся слухами, ждем событий, про Ярославль рассказывают разное о пожарах и разрушениях, в Костроме осадное положение, а о других городах и совсем ничего не знаем. — Начал писать Вам рукописно, да такая плохая бумага, такие гадкие чернила и такой скверный у меня стал почерк, что неприятно стало самому глядеть на свое рукописание, почему и перешел на машинку. Машинка у меня здесь неважная, — свою оставил в Петрограде, едва достал здесь. И то на прокат не давали, так что один из наших здешних приятелей купил эту машинку и дал ее мне на подержание. — Уж и не знаю, ког-

да и как мое письмо к Вам дойдет. Пожалуйста, черкните несколько строчек, как и что у Вас.

Желаю всякого благополучия.

С приветом,

Федор Сологуб.

РГАЛИ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 6–7. Машинопись, подпись — автограф.

¹ Ср. описание ситуации с «квартирным вопросом» в статье Сологуба: «Места для товарищеских встреч писатели не имеют, потому что дом прочно занят только вселившимися Слезкиным, Трахтенбергом, Печковским, Муйжелем и др., но ведь хлопотали о доме мы в интересах писательской массы, а не для того, чтобы в нем устроилось на постоянное пребывание несколько человек, из которых далеко не все действительно нуждаются» [7, с. 149–150].

² В пользу несостоявшегося проекта по изданию газеты «Современник» говорит счет от 17 июля 1918 г., хранящийся в делах Союза, в котором упоминаются расходы на составление заголовка газеты [19, с. 457].

20. Трахтенберг — Сологубу

16 октября 1918 г. Петроград

Глубокоуважаемый и дорогой
Федор Кузьмич.

Вчера на заседании¹ я вам давал для ознакомления доклад союза Общему собранию, но Вы забыли его прочесть, а мы забыли лишний раз напомнить об этом, поэтому считаю своим долгом ознакомить Вас с этим докладом и потому посылаю его Вам.

Крепко жму вашу руку. Примите уверения в совершенно почтенной и глубокой преданности.

Искренне любящий вас

Вал. Трахтенберг.

Привет Ан. Ник.

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 113. Л. 48.

Датируется по содержанию.

¹ Судя по всему, имеется в виду заседание 15 октября, которое со скандалом покинули Сологуб и Ан. Чеботаревская. Сологуб излагает последовательность событий несколько иначе, чем протоколы заседаний: «...я был на заседании совета 14 октября, в самый день моего возвращения в Петроград. Выборы нового совета произведены не 15 октября, а позже, в следующем общем собрании. <...> Следует отметить, что решение совета не было поддержано общим собранием, и в заседании 15 октября за него было подано лишь 2 голоса. Тем не менее к следующему заседанию был изготовлен доклад, в котором я уже не совсем исключался, а для

А.Н. Чеботаревской был изобретен новый предлог — несдача ею денежного отчета, что является, повторяю, измышлением и неверным и злонамеренным» [7, с. 151].

21. Сологуб — Слезкину

Начало февраля 1919 г. Петроград

Издательству Товарищеского Кооператива при Профессиональном Союзе деятелей художественной литературы.

ММ. ГГ.

Я получил Ваше письмо от 4 февраля за № 10. Ввиду того, что я принужден был вытти из Пр<авления> С.Д.Х.Л., я считаю совершенно невозможными какие бы то ни было деловые отношения между мною и Союзом. Поэтому я не могу предоставить Вам право на издание моих сочинений¹.

Федор Сологуб.

РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 2. Машинопись, подпись — автограф.
Датируется по содержанию.

¹ Сологуб презрительно отклоняет предложение издать его сочинения товарищеским кооперативом при СДХЛ, председателем которого был некий А.М. Бродский. Кооператив должен был издавать отдельные сочинения и сборники произведений писателей, членов Союза (существовали списки первой и второй очереди), а также альманахи и периодический журнал. При содействии Горького, на это предприятие Наркомпрос выделил 400 000 руб. Однако ничего из заявленных планов выполнено не было. Анализ финансовых махинаций Правления СДХЛ изложен в Заключении Особой комиссии по делам Союза деятелей художественной литературы от 2 ноября 1919 г., которая с мая по октябрь провела 32 заседания [7, с. 192–193].

При этом Сологуб, конечно, был заинтересован в издании своих сочинений. Ср. показательную запись в дневнике К. Чуковского 5 марта 1919 г., когда у него на квартире состоялось «небывалое собрание знаменитых писателей: М. Горький, А. Куприн, Д.С. Мережковский, В. Муйжель, А. Блок, Слезкин, Гумилев и Эйзен». Среди прочего он отмечает: «Мы долго решали вопрос, что делать с Сологубом. Союз Деятелей Художественного Слова хотел купить у него “Мелкого беса”. Сологуб отказался. А сам подал тайком Луначарскому бумагу, что следовало бы издать 27 томов “Полного собрания сочинений Сологуба”».

— Так как, — говорит Горький, — Луначарский считает меня уж не знаю чем, — он послал мне Сологубово прошение для резолюции. Я и заявил, что теперь нет бумаги, издавать полные собрания сочинений нельзя. Сологуб, очевидно, ужасно на меня обиделся, а я нисколько не виноват. Издавать полные собрания сочинений нельзя. У Сологуба следовало бы купить “Мелкий бес”, “Заклинательницу змей” и “Стихи”. — Нет, — говорит Мережковский, — “Заклинательницу” издавать не следует. Она написана не без Анастасии.

И все стали бранить Анастасию (Чеботаревскую), испортившую жизнь и творчество Сологуба» [18, т. 11, с. 240].

22. Трахтенберг – Сологубу

26 марта 1919 г. Петроград

Глубокоуважаемый и дорогой

Федор Кузьмич.

Простите, что я отрываю Вас на несколько минут этим совсем не нужным для Вас письмом, но я не мог его не написать, мне нужно было облегчить себя и сказать Вам несколько слов:

Мне так тяжело было это время, так я чувствовал себя виноватым перед Вами; (ведь мне не было это безразлично) и все время на мне была такая тяжесть. Это Федор Кузьмич не покаяние, нет. Ведь мало ли людей, которые делают большие и маленькие подлости, (но ведь я, я-то кому невольно ее сделал) и чувствуют себя чуть ли не «героями». Все это не то, что я хочу сказать. Федор Кузьмич мы вероятно теперь уже никогда не встретимся, как прежде, (я понимаю, что иначе и не может быть) но я хочу, чтобы вы поверили, что ни к одному человеку, которые встречались на моем пути я не испытывал такой бесконечной нежности и любви, вот почему мне так трудно. Федор Кузьмич Вы можете презирать меня, (все что хотите), но я всегда сохраняю о наших встречах самое лучшее, самое трогательное воспоминание.

Я прошу Вас поверить мне хоть на минуту, а потом хоть забудьте навсегда о моем существовании. Ведь у меня (Вы поверите) нет никаких задних мыслей, целей. Я веровал интуиции, и вот получив это письмо может быть Вы почувствуете, что, что мучает меня. Простите дорогой Федор Кузьмич за «грехи» вольные и невольные¹. Больше я никогда не посмею написать вам.

В последний же раз целую Вас со всей своей нежностью дорогой, светлый Федор Кузьмич.

Горячо вас любящий

В.Т.

Простите за сумбурное, может быть неясное письмо, но я очень волновался, когда писал его.

P.S. Разорвите это письмо (это ведь только для Вас... только)².

ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 687. Л. 3–4.

Конверт: *Здесь*. В.О. 10 Линия, д. 5 кв. 1. Федору Кузьмичу Сологубу. От В. Трахтенберга. Фонтанка 80 кв. 13. Датируется по штемпелю.

¹ Трахтенберг был членом Совета и секретарем СДХЛ с самого его основания и, по-видимому, пользовался доверием Сологуба и Ан. Чеботаревской. Ср. письмо Сологуба к нему из Костромы от 19 июля 1918 г.: «...как обстоит дело с библиотекою,

с кооперативом, со столовою, вообще с теми учреждениями, которыми могли бы пользоваться не малое число счастливых, а все члены Союза? Признаюсь, я представлял себе, что наш дом будет общим домом, а не только квартирою для десятка писателей. <...> А сколько у Вас членов? Кто исполняет обязанности казначея? В каком состоянии денежные дела Союза? Можно надеяться, что в блестящем, — не правда ли?» (цит. по: [13, с. 609]). В то же время Трахтенберг был одним из тех, кто участвовал в «расхватаывании помещений» в доме Гинзбурга, а после возвращения Сологубов в Петроград — в составлении ложных протоколов и документов, направленных на злонамеренное «очернение» инициаторов Союза. Двойственность Трахтенберга прослеживается в изложении событий Сологубом. Так, объясняя несдержанное возмущение своей жены на заседании 15 октября 1918 г., он пишет: «Самый этот инцидент был вызван моим и А.Н. Чеботаревской справедливым негодованием на общее поведение оставшихся в Петрограде членов совета, которые, не выполнив условий, на которых дом союзом получен, и не желая иметь в нас постоянную оппозицию и контроль, решили не стесняться средствами, чтобы сделать наше участие в союзе психологически невозможным. С этой целью в докладе совета общему собранию сообщены совершенно ложные сведения о том, будто бы А.Н. Чеботаревская, уехав, не сдала денежного отчета. Что это неверно, признал заместитель председателя Н.С. Гумилев; признал это и секретарь Трахтенберг, когда А.Н. Чеботаревская в присутствии моем и письмоводителя совета прямо поставила ему вопрос, признает ли он, что в докладе содержится ложь; Трахтенберг ответил, что в докладе, действительно, неправда. Отчет, копия которого прилагается, должен находиться у секретаря Трахтенберга, у него же хранились ордера и оправдательные документы, относительно которых на наш запрос он заявил, однако, что все это увезено Арк. Буховым на Украину» [7, с. 150]. Добавим также, что Н.С. Гумилев, отвечая на вопросы комиссии о Трахтенберге, составившем подложный протокол, признавался: «Я мало знаю секретаря, но я знаю о нем, как о человеке честном и порядочном» [7, с. 175].

² Приписка другими чернилами.

Литература

1. Белоус В.Г. «Ближайший и многолетний сотрудник мой по историко-литературным работам». О Дмитрие Михайловиче Пинесе (1891–1937) // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб.: Глагол, 1998. Вып. II. С. 217–227.
2. Бернштейн Л., Неклюдова Е. Курсивный шрифт эпохи. Почтовая проза из архива Ю.Л. Оболенской // Наше наследие. 2017. № 121. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12108.php> (дата обращения: 11.03.2024).
3. Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М.: Худож. лит., 1965. 664 с.
4. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова и К.И. Чуковского. М.; Л.: Худож. лит., 1960–1963.
5. Динерштейн Е.А. А.К. Воронский. Из переписки с советскими писателями // Литературное наследство. М.: Наука, 1983. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. С. 531–616.
6. Иванова Е.В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 604 с.
7. Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910–1930-х гг.: Исследования и материалы / отв. ред. В.П. Муромский. СПб.: Наука, 2002. Кн. 1. 389 с.
8. Из неизданных текстов Александра Блока / Сообщение Вл. Орлова // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 27/28. С. 675–682.

9. *Лавров А.В.* Этюды о Блоке. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 320 с.
10. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2: 1910–1919 / сост. С.Н. Морозов. 1184 с.
11. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. 768 с.
12. *Максимов Д.Е.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. 552 с.
13. *Павлова М.М.* «Путеводная нить»: поэтическое творчество Федора Сологуба последнего десятилетия в контексте биографии // *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: в 3 т. / изд. подгот. М.М. Павлова. СПб.: Наука, 2020. Т. 3. С. 591–659.
14. *Павлова М.М.* Федор Сологуб: Выступление в Академии художеств 31 марта 1917 года // *De Visu.* 1994. № 1/2. С. 40–43.
15. Переписка с С.С. Кондурушкиным / предисл., публ. и коммент. В.Н. Чувакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1988. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. С. 944–987.
16. *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент. Академик Д. Б. Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М.: Academia, 1996. 464 с.
17. *Соболев А.Л.* Письма Федора Сологуба В.Я. Брюсову // *Соболев А.Л.* Летейская библиотека: в 2 т. М.: Трутень, 2013. Т. 2. С. 320–372.
18. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. 2-е изд., испр. М.: Агентство ФТМ, 2012–2013.
19. *Ширмаков П.П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы (1918–1919 гг.) // Вопросы советской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1958. Вып. 7. С. 454–475.

Research Article and Publication of Archival Documents

On the History of A. Blok's Response to the UFF Questionnaire (1918): Based on the Correspondence of F. Sologub, S. Kondurushkin and Others

© 2024. Svetlana V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article examines A. Blok's response to a questionnaire of the Union of Fiction Figures (UFF), written in May 1918 for a one-day newspaper on the theme "The Ways for the Revival of Russia" (not published). The analysis of the state of the issue reveals insufficient study level of the history of the text and contradictory information about it in the research literature. The article proposes to analyze Blok's note in the context of his attitude to the UFF in 1918 on the material

of unknown correspondence between Union activists (F. Sologub, S. Kondurushkin, An. Chebotarevskaya, etc.). The published set of letters for the first time makes it possible to concretize the history of the making of UFF, to reconstruct the main idea of the newspaper, and the reasons that prevented its implementation. It turns out that in addition to objective reasons (closing of non-Bolshevik publications, problems with printers), there were also internal ones, in particular, the refusal of the newspaper editor to further edit because of the heterogeneity of the collected material. The article assumes that Blok's note played no last role in this decision since the poet deliberately contradicted the main idea of the newspaper by replacing the survey question "What should a Russian citizen do now?" with the one "What should an artist do now?" The presented research proves that Blok's "answer" was of polemical way, firstly, towards the creative intelligentsia protesting against the Bolsheviks; and secondly, towards the writers who declared a boycott of him after the publishing of his poem "The Twelve."

Keywords: A. Blok, F. Sologub, S. Kondurushkin, An. Chebotarevskaya, Union of Artists, Union of Fiction Figures, response to a questionnaire, one-day newspaper, correspondence, textology.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova, S.V. "To the History of A. Blok's Response to the UFF Questionnaire (1918): Based on the Correspondence of F. Sologub, S. Kondurushkin and Others." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 52–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-52-89>

References

1. Belous, V.G. "Blizhaishii i mnogoletnii sotrudnik moi po istoriko-literaturnym rabotam. O Dmitrii Mikhailoviche Pinese (1891–1937)" ["My Closest and Long-Term Assistant in Historical and Literary Works. About Dmitry Mikhailovich Pines (1891–1937)"]. *Ivanov-Razumnik. Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture: Publikatsii i issledovaniia* [Ivanov-Razumnik. Personality. Creative Work. Role in Culture: Publications and Research], issue 2. St. Petersburg, Glagol Publ., 1998, pp. 217–227. (In Russ.)
2. Bernshtein, L., and E. Nekliudova. "Kursivnyi shrift epokhi. Pochtovaia proza iz arkhiva Iu.L. Obolenskoi" ["Italic Font of the Era. Postal Prose from the Archives of Yu.L. Obolenskaya"]. *Nashe nasledie*, no. 121, 2017. Available at: <http://www.nasledierus.ru/podshivka/12108.php> (Accessed 11 March 2024). (In Russ.)
3. Blok, A.A. *Zapisnye knizhki 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920], comp., text prep., preface and notes by V.I. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 664 p. (In Russ.)
4. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.], ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov, and K.I. Chukovsky. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1960–1963. (In Russ.)

5. Dinershtein, E.A. “A.K. Voronskii. Iz perepiski s sovetскими pisateliami” [“From Correspondence with Soviet Writers”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 93: Iz istorii sovetской literatury 1920–1930-kh godov [From the History of Soviet Literature of the 1920–1930s]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 531–616. (In Russ.)
6. Ivanova, E.V. *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni* [Alexander Blok: Last Years of Life]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012. 604 p. (In Russ.)
7. Muromskii, V.P., editor. *Iz istorii literaturnykh ob’edinenii Petrograda-Leningrada 1910–1930-kh gg.: Issledovaniia i materialy* [From the History of Literary Associations of Petrograd-Leningrad in the 1910s–1930s: Research and Materials], book 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 389 p. (In Russ.)
8. “Iz neizdannykh tekstov Aleksandra Bloka” [“From Unpublished Texts by Alexander Blok”], report by Vl. Orlov. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 27/28. Moscow, Gazetno-zhurnal’noe ob’edinenie Publ., 1937, pp. 675–682. (In Russ.)
9. Lavrov, A.V. *Etiudy o Bloke* [Sketches About Blok]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)
10. *Letopis’ zhizni i tvorchestva I.A. Bunina (1910–1919)* [Chronicle of I.A. Bunin’s Life and Work (1910–1919)], vol. 2, comp. S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)
11. *Literaturnaia zhizn’ Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia* [Literary Life in Russia in the 1920s. Events. Reviews from Contemporaries. Bibliography], vol. 1, part 1: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 768 p. (In Russ.)
12. Maksimov, D.E. *Poeziia i proza Al. Bloka* [Poetry and Prose of Al. Blok]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1981. 552 p. (In Russ.)
13. Pavlova, M.M. “Putevodnaia nit’”: poeticheskoe tvorchestvo Fedora Sologuba poslednego desiatiletiia v kontekste biografii” [“Guiding Thread’: The Poetic Work of Fyodor Sologub of the Last Decade in the Biographical Context”]. Sologub, F. *Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem: v 3 t.* [Complete Collection of Poems: in 3 vols.], vol. 3, ed. prep. by M.M. Pavlova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2020, pp. 591–659. (In Russ.)
14. Pavlova, M.M. “Fedor Sologub: Vystuplenie v Akademii khudozhestv 31 marta 1917 goda” [“Fyodor Sologub: Performance at the Academy of Arts on March 31, 1917”]. *De Visu*, no. 1/2, 1994, pp. 40–43. (In Russ.)
15. “Perepiska s S.S. Kondurushkinym” [“Correspondence with S.S. Kondurushkin”], preface, publ. and comm. by V.N. Chuvakov. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 95: Gor’kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizdannaiia perepiska [Gorky and Russian Journalism of the Early 20th Century: Unpublished Correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 944–987. (In Russ.)
16. Rokitianskii, Ia., and R. Miuller. *Krasnyi dissident. Akademik D.B. Riazanov — opponent Lenina, zhertva Stalina. Biograficheskii ocherk. Dokumenty* [Red Dissident. Academician D.B. Ryazanov as an Opponent of Lenin and a Victim of Stalin. Biographical Essays. Documents]. Moscow, Academia Publ., 1996. 464 p. (In Russ.)

17. Sobolev, A.L. “Pis'ma Fedora Sologuba V.Ia. Briusovu” [“Letters from Fyodor Sologub to V.Ya. Bryusov”]. Sobolev, A.L. *Leteiskaia biblioteka: v 2 t.* [*Lethean Library: in 2 vols.*], vol. 2. Moscow, Truten' Publ, 2013, pp. 320–372. (In Russ.)

18. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*] 2nd ed., corr. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012–2013. (In Russ.)

19. Shirmakov, P.P. “K istorii literaturno-khudozhestvennykh ob'edinenii pervykh let sovetskoi vlasti: Soiuz deiatelei khudozhestvennoi literatury (1918–1919 gg.)” [“On the History of Literary and Artistic Associations of the First Years of Soviet Power: Union of Fiction Figures (1918–1919)”]. *Voprosy sovetskoi literatury* [*Issues of Soviet Literature*], vol. 7. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1958, pp. 454–475. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.03.2024
Одобрена после рецензирования: 18.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 15.03.2024
Approved after reviewing: 18.05.2024
Date of publication: 25.06.2024

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-90-122>
<https://elibrary.ru/BLMGZX>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой Часть 1. Лёша и Маничка

© 2024, М.А. Перепелкин

Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького,
Самара, Россия

Самарский национальный исследовательский университет им. Академика
С.П. Королёва, Самара, Россия

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00699 «А. Толстой как зеркало российской истории и культуры советского времени» (<https://rscf.ru/project/24-28-00699/>).

Аннотация: Настоящая публикация представляет собой фрагмент воспоминаний М.В. Неуструевой (1885–1961), написанных ею в середине – второй половине 1950-х гг., и открывает цикл из двух статей, в первой из которых — «Лёша и Маничка» — идёт речь преимущественно о первом периоде знакомства мемуаристки с будущим писателем А.Н. Толстым, датирующемся концом 1890-х – серединой 1900-х гг. Уроженка Самары, Мария Неуструева (до замужества — Прохорова) была сестрой однокашника Алексея Толстого по Самарскому реальному училищу, общалась с ним и с его родителями, будущей женой Ю.В. Рожанской и т. д. В своих воспоминаниях Неуструева описывает знакомство и встречи с Толстым, любительские спектакли, в которых они вместе принимали участие, а также — ряд эпизодов, относящихся к тому времени, когда Толстой уже стал студентом и возвращался в Самару на каникулы. Воспоминания Марии Неуструевой сопровождаются вступительной статьёй, в которой по доступным источникам восстанавливается биография мемуаристки и история её работы над текстом. Воспоминания М.В. Неуструевой публикуются впервые.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, М.В. Неуструева, воспоминания, биография писателя, Самара, 1890–1900-е гг., реальное училище, студенчество, культурный быт, А.Л. Толстая, А.А. Бостром, Ю.В. Толстая (Рожанская).

Информация об авторе: Михаил Анатольевич Перепелкин — доктор филологических наук, директор, Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького, ул. Фрунзе, д. 155, 443010, г. Самара, Россия; профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия; научный

сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, 191011, г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Для цитирования: *Перепелкин М.А.* А.Н. Толстой в воспоминаниях М.В. Неуструевой. Часть 1. Лёша и Маничка // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 90–122. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-90-122>

Вначале — несколько слов о мемуаристе.

Мария Васильевна Прохорова, по мужу — Неуструева, родилась 9 августа 1885 г. в Самаре. Известно, что её отцом был купец Василий Леонтьевич Прохоров, имевший в городе несколько домов — на Сенной (дом 86, после перенумерации середины 1900-х гг., — 108) и Уральской улицах, на углу Николаевской и Заводской, на Лесной пристани № 13 на Волге под Оренбургским спуском. В 1890-х гг. он выполнял обязанности старосты при храме святых Петра и Павла¹ (сегодня этот храм находится на улице Коммунистической). Жenu В.Л. Прохорова звали Олимпиадой Леонтьевной; вспоминая о ней, М.В. Неуструева пишет о том, что её мать «беседовала с Л.Н. Толстым, была у него в Ясной Поляне»².

Кроме Марии в семье Прохоровых были также два её старших брата — Андрей и Александр, первый из которых родился 10 августа 1878 г., а второй — в 1882 г.; они оба учились в Самарском реальном училище. Сама М.В. Неуструева характеризовала своих братьев следующим образом: «Братья — красивые юноши — были совершенно различны и по внешности, и по характеру. Старший Андрей — брюнет с глубокими тёмными глазами — любил философию, и у него был ограниченный круг товарищей. Больше всех он любил Дронского. Александр, светлый блондин с тёмными бровями и с тёмными ресницами, голубоглазый, быстро сходилcя с людьми, любил петь, танцевать и глубокими мыслями вряд ли много утруждал себя <...> Его стихией были фантазия и поэзия. Он писал стихи и мог целыми вечерами, в комнате без огня, увлекательно рассказывать таинственные истории. Почти все реалисты его класса были его товарищами

¹ См.: Адрес-календарь и памятная книга Самарской губернии на 1893 год. Самара, 1892. С. 50.

² *Неуструева М.В.* От юности до старости. Рукопись. Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького. Книга поступлений-14883 (далее — СЛМ. КП).

и все у него бывали, но всё же и он имел избранных друзей среди одноклассников»³.

О старшем из братьев, Андрее, известно также, что в 1910 г. он окончил химическое отделение императорского Московского технического училища, после чего служил на сахарных заводах, заведовал городской электрической станцией в Самаре, в 1919–1920 гг. исполнял обязанности начальника квартирного отдела Самарского военного комиссариата, а в 1920–1922 гг. преподавал в Самарском университете. Что касается другого брата М.В. Неуструевой, Александра, то сведений о нём сохранилось меньше: его имя несколько раз упоминается в семейной переписке Толстых 1900–1902 гг. (так, в письме от 16 июля 1900-го родители рассказали Алёше, что они видели «Саню Прохорова мельком, когда он шёл мимо нашего дома за гробом Хижнякова (директора реального училища. — *М.П.*)»⁴, в двух ноябрьских письмах 1901 г. они же сообщили студенту-первокурснику А.Н. Толстому о том, что «здесь устраивается кружок любителей с целью играть в народном театре», в котором среди прочих участвует и Прохоров⁵, а в апреле следующего 1902 г. уже А.Н. Толстой просил родителей «похристосоваться за него с Сашкой»⁶); известно также, что он был женат на Вере Александровне Любимовой. По словам М.В. Неуструевой, «печальна была его судьба, порою глубоко трагична, и ужасен его одинокий конец»⁷. Что стоит за этими словами и как сложились судьбы старших братьев М.В. Неуструевой, увы, не известно, но, как следует из её письма в Куйбышевский музей от 28 сентября 1959 г., в конце 1950-х в Куйбышеве, на улице Братьев Коростелёвых, ещё жил сын А.В. Прохорова Владимир Александрович⁸.

О самой М.В. Неуструевой известно следующее. Окончив в 1903 г. с серебряной медалью Первую самарскую женскую гимназию, в следующем году она вышла замуж за одного из её преподавателей С.С. Неуструева. По словам внучки С.С. и М.В. Неуструевых Ирины Юрьевны Неуструевой, обвенчавшись, её дед и бабушка отправились в свадебное путешествие, длившееся два месяца, посетив Варшаву, Вену, Венецию, Флоренцию, Рим, Неаполь, Геную, Марсель, Париж, Кёльн и Берлин. В 1907 г. М.В. Неуструева родила

³ Там же.

⁴ СЛМ. КП-5501.

⁵ ОР ИМЛИ. № 6327/4.

⁶ СЛМ. КП-123.

⁷ Там же.

⁸ СЛМ. КП-14991.

первенца — сына Юрия (всего в семье родилось трое детей, двое из которых умерли в младенческом возрасте). Вместе с мужем и сыном в 1910 г. М.В. Неуструева переехала из Самары в Петербург, где поступила на химическое отделение Бестужевских Высших женских курсов, которое окончила в 1918 г. по специальности «неорганическая химия». В 1910-х она неоднократно принимала участие в почвенных и географических экспедициях мужа в Среднюю Азию, в 1916–1918 гг. работала на почвенно-метеорологической станции в городе Ош Ферганской области.

Муж М.В. Неуструевой Сергей Семёнович Неуструев родился 23 сентября 1874 г. в Нижнем Новгороде в семье капитана волжских пароходов, географа, автора «Словаря волжских судовых терминов» и «Практической карты реки Волги», а также издателя многих книг и атласов Семёна Петровича Неуструева (1843–1914). В 1893 г. С.С. Неуструев окончил Нижегородскую гимназию, после чего поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, где учился до 1898 г. Недолго прослужив в университете, с дипломом по специальности «органическая химия», он приехал в Самару, где служил в земской управе в качестве биолога-почвовода, изучая географию ряда уездов Самарской губернии⁹, а также преподавал в разных учебных заведениях и участвовал в общественной жизни города, в частности — в издании газеты «Самарский вестник». Описывая недолгую «марксистскую» страницу в истории этой газеты, Н. Самойлов пишет о том, что, будучи ещё студентом-естественником, С.С. Неуструев «тяготел, но отнюдь не сливался» с группой самарских марксистов, а «социологи-

⁹ В январе 1913 г. в газете «Волжское слово» была помещена заметка следующего содержания, озаглавленная «Отзыв о работах»: «В 1900–1908 гг. С.С. Неуструев, как известно, произвел по поручению самарского губернского земства почвенные исследования в Самарской губернии. В результате этих работ им были опубликованы три капитальных труда: “Николаевский уезд” (совместно с Л.И. Прасоловым), “Новоузенский уезд” (совместно с А.И. Безсоновым) и “Самарский уезд” (совместно с Л.И. Прасоловым). Эти исследования, опубликованные земством в издании “Материалы для оценки земель Самарской губернии. Естественно-историческая часть”, представляют собой детальное почвенно-геологическое описание соответствующего уезда, основанное не только на весьма подробных собственных исследованиях, но резюмирующее также всю, относящуюся к предмету, литературу. К каждому тому приложена гипсометрическая и почвенная, а иногда и геологическая карта. В одном из последних журналов Императорского географического общества об этих работах помещён следующий отзыв: “Упомянутые выше работы выполнены образцово и делают честь столько же авторам их, сколько и самарскому земству, сумевшему привлечь к делу почвенных исследований таких первоклассных работников, как С.С. Неуструев, Л.И. Прасолов, А.И. Безсонов и П.И. Доценко”» (Волжское слово. 1913. 5 января. № 4. С. 3).

ческие послылки марксизма получали у него содержание в историзме и основную базу в естествознании и дарвинизме» [5, с. 99].

В 1908–1914 гг. С.С. Неуструев неоднократно участвовал в исследованиях Переселенческого управления в Туркестане, выступал организатором комплексных экспедиций, руководил почвенными исследованиями в Оренбургской губернии и в Западной Сибири, участвовал в создании Почвенного комитета, был членом Совета Высших географических курсов. Уже в советские годы он работал в Институте опытной агрономии, на географическом факультете Ленинградского университета и др. В 1925 г. Русское географическое общество наградило С.С. Неуструева золотой медалью имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, а в 1927 г. он принял участие в первом Международном конгрессе почвоведов в США, где выступил с докладом. Весной 1928 г. С.С. Неуструев был командирован для проведения студенческой практики в Бузулукском бору, но в поездке тяжело заболел и 24 мая скончался в Сызранской больнице¹⁰.

В 1918 г. супруги Неуструевы расстались, С.С. Неуструев женился вторым браком на О.Э. Кнорринг, а М.В. Неуструева вначале жила с сыном Юрием в Петрограде, а потом вернулась в Самару, где принимала участие в работе коллегии при губернском отделе народного образования, преподавала в средне-медицинской школе, на командных курсах РККА и в Самарском университете. Работая в эти годы в Самаре, она проживала по адресу: Хлебный переулок, дом 1, квартира 5.

В 1930 г. из Самары М.В. Неуструева переехала в Ленинград, где работала в геохимической лаборатории в Радиевом институте и преподавала в электротехническом институте им. В.И. Ульянова (Ленина). Там же, в Ленинграде, она встретила и пережила всю блокаду — охраняла лаборатории института, дежурила в госпиталях, работала инженером-химиком на заводе «Красногвардеец», а после войны работала преподавателем химии в 1-м медицинском институте. По словам её внучки, И.Ю. Неуструевой, Мария Васильевна «была очень одарённой и незаурядной личностью, <...> носителем культуры и гармонически развитым человеком. В последние годы, будучи преподавателем химии в медицинском институте, она придавала очень большое значение общему образованию студентов, в том числе — в разных областях искусства. Она прекрасно рисовала, играла на рояле, пела, возглавляла художественный совет самодеятельности в институте и часто у себя дома (хотя жила в большой

¹⁰ См. о нём также: [3].

коммунальной квартире) устраивала музыкальные вечера, учила студентов пению»¹¹.

После расторжения брака отца и матери, с 1921 г., Юрий жил в семье отца и его второй жены, О.Э. Кнорринг. Женой Юрия в начале 1930-х гг. стала дочь инженера и писателя Н.Г. Гарина-Михайловского Ольга Николаевна Михайловская, родившая ему двух дочерей — Эрдени и Ирину. Ю.С. Неуструев погиб 20 декабря 1941 г. при обороне Ленинграда.

Теперь скажем несколько слов о том, как воспоминания М.В. Неуструевой появились на свет и как они оказались в Самарском литературном музее, где хранятся и сегодня. В середине 1950-х М.В. Неуструева узнала о том, что живущий в Куйбышеве однокашник её брата Александра и ещё работавший в Куйбышевском индустриальном институте или совсем недавно вышедший на пенсию Евгений Юльевич Ган то ли уже завершил, то ли трудится над воспоминаниями об А.Н. Толстом¹². По-видимому, познакомившись с этими воспоминаниями, М.В. Неуструева осталась не просто не удовлетворена, но местами и раздражена ими, о чём она сообщила в обратившийся к ней в конце 1950-х Куйбышевский музей М. Горького. Здесь следует напомнить, что примерно в это время музей стал обладателем толстовского семейного эпистолярного архива, поступившего в его фонды от семьи Гуревичей, и теперь разыскивал другие материалы, связанные с самарским периодом жизни А.Н. Толстого. Скорее всего, именно Е.Ю. Ган посоветовал музейщикам связаться и с М.В. Неуструевой, отрекомендовав её в качестве одной из знакомых юного Толстого.

В ответном письме в музей, датированном 28 сентября 1959 г., М.В. Неуструева сообщила, что никаких материалов, которые можно было бы использовать в качестве музейных экспонатов, у неё нет и быть полезной музею при организации экспозиции, относящейся к Толстому, она, к сожалению, не может. Относительно своих воспоминаний о Толстом, «которого знала с 14 лет и на протяжении всей жизни», она дала знать, что «это работа чисто литературного характера», опубликовать которую ещё рано по целому ряду соображений, а «крошить её на мелкие вопросы (это по поводу вопросов

¹¹ СЛМ. КП-16450.

¹² Сокращённый вариант воспоминаний Е.Ю. Гана «Молодой А.Н. Толстой на фоне старой Самары» был опубликован: [1, с. 310–337]. До сих пор эти воспоминания оставались единственным более или менее подробным мемуарным источником о годах юности будущего писателя, проведённых им в Самаре. См. также воспоминания Е.П. Пешковой о её самарской встрече с совсем юным Толстым, относящейся «вероятно к осени 1890 года»: [2, с. 22–26].

о любительских спектаклях)» она считает нецелесообразным, так как «о фактах, конечно, можно писать и с чужих слов, но писать о людях и их поступках, о характерах действующих лиц, не выражая своего отношения, очень трудно, да и не нужно»¹³. В связи с последним замечанием автор письма и поделилась с музейщиками своими соображениями о мемуарах Е.Ю. Гана: «Одновременно с Е.Ю. Ган<ом> я начала писать свои воспоминания об А.Н. Толстом (на первой странице тетради воспоминаний стоит дата — 1955 год) <...> На протяжении многих лет я и Е.Ю. Ган знали одних и тех же людей, а при описании их так разошлись, что даже поссорились. Особенно меня возмутило его поголовное оплёвывание преподавателей реального училища (эти же преподаватели работали и в нашей 1-ой женской гимназии). Считаю, что и братьев моих унижил он, не приняв во внимание многих обстоятельств. При описании людей нельзя забывать о мудрости А.П. Чехова: “Какою мерою нужно измерять достоинства людей, чтобы судить о них справедливо?”. Всё, что рассказывает и пишет Е.Ю. Ган, — дело его ума и совести. Моя работа ещё далека от завершения, и ещё рано отдавать её на суд других»¹⁴. Одновременно с этим М.В. Неуструева сообщила, что ранее с вопросами о её воспоминаниях об А.Н. Толстом к ней также обращалась С.И. Дымшиц, и посоветовала куйбышевским музейщикам попробовать обратиться за интересующими их материалами к родственникам недавно скончавшейся в Куйбышеве артистки Марии Никифоровны Ти<ли>нской, «ровесницы А.Н. Толстого, встречавшейся с ним с детских лет».

Ранней осенью 1960 года М.В. Неуструева побывала в Куйбышеве, посетила Музей М. Горького, осмотрела открывшиеся к этому времени выставки, посвящённые А.Н. Толстому и Н.Г. Гарину-Михайловскому. В ответ на интерес музейщиков, проявленный к её воспоминаниям, М.В. Неуструева пояснила, что, разойдясь в оценке некоторых событий в жизни реалистов с Е.Ю. Ганом, она бы хотела прежде показать свои воспоминания сыновьям А.Н. Толстого: «Пусть они посмотрят эти воспоминания и скажут, можно ли их отдать вам. А может быть, всё то, о чём я вспомнила, в самом деле, не имеет значения?».

8 апреля 1961 г. М.В. Неуструева скоропостижно скончалась и была похоронена на Серафимовском кладбище в Ленинграде. Дальнейшая судьба тетради с её воспоминаниями на протяжении пример-

¹³ СЛМ. КП-14991.

¹⁴ Там же.

но двух десятилетий нам неизвестна. По словам М.П. Лимаровой, «с 1961 года куйбышевцы добивались, чтобы эти воспоминания попали в музей, пытаюсь решить этот вопрос через сноху Марии Васильевны О.Н. Михайловскую, но по разным причинам она так и не смогла встретиться с сыновьями А.Н. Толстого»¹⁵. Сегодня трудно делать предположения и о том, что стоит, например, за надписью, сделанной на последнем авантитуле этой тетради: «Москва. Музей Горького <...> Ул. Воровского, 25 А. Научн<ому> сотрудрн<ику> Антоненковой Анне Петровне». Надпись сделана чьей-то посторонней рукой — не рукой М.В. Неуструевой. Означает ли она, что кто-то из родственников или знакомых мемуаристки — по её воле, либо — по собственному разумению, предполагал передать эти воспоминания в Москву, но почему-то так и не сделал этого? Сегодня на этот вопрос ответа уже не найти.

В конце 1970-х или в самом начале 1980-х гг., накануне открытия в Куйбышеве Музея А.Н. Толстого, сотрудники этого музея вновь вспомнили о воспоминаниях М.В. Неуструевой и обратились с вопросом о них к её внучкам — Эрдени Юрьевне и Ирине Юрьевне Неуструевым, которые ответили, что они могли бы передать в музей воспоминания своей бабушки, но при одном условии — если родственники А.Н. Толстого, выступающего в этих воспоминаниях одним из главных героев, не будут возражать против их хранения в куйбышевском музее. Тогда научный сотрудник музея З.В. Стрелкова, по поручению директора М.П. Лимаровой, сообщила внучкам адреса и телефоны проживавших в Ленинграде сыновей А.Н. Толстого Никиты Алексеевича и Дмитрия Алексеевича Толстых, а встретившаяся с последним из них И.Ю. Неуструева передала ему тетрадь с мемуарами её бабушки (по всей видимости, именно в это время на конверте, в который была вложена тетрадь, рукой И. Ю. Неуструевой сделана надпись следующего содержания: «Воспоминания Марии Васильевны Неуструевой (урожд. Прохоровой) о годах юности в Самаре, в том числе — о встречах с Алексеем Николаевичем Толстым в 1900-х годах. Вернуть Ирине Юрьевне Неуструевой <...> или отправить в литературный музей г. Куйбышева М.П. Лимаровой или А.Г. Романову»¹⁶.

¹⁵ Поиски и находки. Новые приобретения для Музея-усадьбы А.Н. Толстого. Текст выступления М.П. Лимаровой по телевидению 13 января 1988 г. Машинопись. СЛМ. Фонд М.П. Лимаровой.

¹⁶ Романов А. Г. (1955–2020) — сын М.П. Лимаровой, в 1993–2010 гг. директор Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького.

Далее, по словам М.П. Лимаровой, «с нарочным из дома Толстых эта рукопись попала в музей»¹⁷, о чём музейщики поставили в известность внучек мемуаристки, получив от них такое письмо, адресованное М.П. Лимаровой: «Глубокоуважаемая Маргарита Павловна! Благодарим Вас за большую и неожиданную радость, которую доставило нам Ваше выступление по Ленинградскому телевидению вечером 29 октября в передаче “Телекурьер”. Приятно было узнать, что Вы получили тетрадь с воспоминаниями Марии Васильевны Неуструевой после того, как, согласно её воле, с ними познакомились сыновья А.Н. Толстого. Мы рады, что, судя по Вашим словам, эти воспоминания существенно дополнили материалы, касающиеся юности А.Н. Толстого. Жаль только, что мы не знали об этом литературном вечере в Ленинграде. Но тем не менее нам было очень приятно услышать лестный отзыв о записях Мар<ии> Вас<ильевны>, и <мы> благодарим Вас за бережное к ним отношение»¹⁸.

К этому остаётся добавить, что, познакомившись в 2022 г. с И.Ю. Неуструевой, мы получили от неё в дар ещё одну тетрадь её бабушки, озаглавленную «1927/8 г. Искусство с 3/X по 11/XI. Литература. Музыка. Живопись. Театр». Эта тетрадь представляет собой читательско-зрительский дневник, в который жившая в это время в Самаре М.В. Неуструева вносила лаконичные записи о прочитанных ею книгах, увиденных спектаклях, кинофильмах и т. д. Среди прочего упоминаются «Голубые пески» Всеволода Иванова, «Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого, «Любовь Яровая» К. Тренёва, кинофильмы «Человек из ресторана», «Цепи брака», «Его превосходительство», оперные и драматические спектакли, музыкальные концерты. Наряду с кратким пересказом содержания прочитанного и увиденного автор дневника делится своими впечатлениями, анализирует, сопоставляет. На наш взгляд, эта тетрадь полностью подтверждает слова И.Ю. Неуструевой о Марии Васильевне как о «носителе культуры и гармонически развитом человеке», которым она была и оставалась в любых жизненных обстоятельствах и на протяжении всей её жизни.

Теперь переходим к самим воспоминаниям М.В. Неуструевой. Как уже было сказано, эти воспоминания, озаглавленные «От юности до старости», занимают общую тетрадь почти в 200 листов, испи-санных с обеих сторон от руки и пронумерованных сверху автором.

¹⁷ Поиски и находки...

¹⁸ СЛМ. КП-16450.

Два листа — а это страницы 184–186 — в тетради отсутствуют и, скорее всего, — вырезаны автором. Воспоминания обрываются на полуслове, но существовало ли какое-то их продолжение — выяснить нам не удалось. Текст воспоминаний поделён на главы: «В Самаре: отрочество и юность», «Тоска», «Петербург», «Среди художников», «Среди студентов», «Гнёт авторитета». В каждой из глав описывается больший или меньший промежуток времени, связанный с тем или иным событием, определяющим жизнь и настроение мемуаристки на этом этапе, и почти в каждой из глав в качестве одного из главных героев фигурирует А.Н. Толстой, фотографический портрет которого вклеен мемуаристкой на первом форзаце тетради.

Воспоминаниям предшествует эпитафия из стихотворения А. Апухтина («Пусть даже время рукой беспощадно / Мне указало, что было в вас ложного, / Всё же лечу я к вам памятью жадною, / В прошлом ответа ищу невозможного») и короткое предисловие, датированное 20 марта 1955 г., в котором мемуаристка, прежде всего, делает оговорку о том, что «настоящая повесть не рассчитывает на опубликование в печати тех воспоминаний, которые сохранила моя память», а также сожалеет о том, что уничтожила дневники своей юности и зрелых лет: «Повседневные, напряжённые заботы многое вытеснили из памяти, но встречи с яркими, значительными и своеобразными людьми остаются незабываемыми. Счастлив тот, кто имеет такие воспоминания. Только крупный, выдающийся талант, глубокий оригинальный мыслитель или же отменный специалист в своей области может, не подчиняясь требованиям эпохи, без искажения действительности, образов, опубликовать свои произведения. В искусстве искренность, безыскусственность, правдивость + мастерство — всё. Всякая подделка, фальшь невыносимы в литературе так же, как в живописи и в музыке».

Первая глава воспоминаний охватывает период с середины 1898-го по середину 1901 г. Во второй главе воспоминаний — «Тоска» — мемуаристка описывает две самарские встречи с Толстым, произошедшие в 1900-х. Первая из этих встреч, скорее всего, случилась летом 1904 г., когда автор воспоминаний, уже окончив гимназию и выйдя замуж за С.С. Неуструева, проводила летнее время в родительском доме, куда и приехал Толстой — навестить её и её братьев. Вторая «самарская» встреча произошла уже в зимние каникулы, в Дворянском собрании на студенческом балу «специалистов» в «большом двухсветном зале с традиционными колоннами и хорами». Все остальные встречи мемуаристки с Толстым — а их было ещё не менее трёх — произошли уже после 1909 г. в Петербурге,

и о них М.В. Неуструева рассказала в трёх следующих главах — «Петербург», «Среди художников» и «Среди студентов». Несмотря на то, что время действия всех трёх названных глав занимает не больше двух лет — с 1910-го по 1911-й, и сама мемуаристка, и её окружение и образ жизни, и Толстой, с которым она встречается — случайно и намеренно, стремительно меняются, и поэтому в каждой из этих глав читатель встречается и с новой М.В. Неуструевой, и с другим А.Н. Толстым.

Как уже было сказано, мемуары М.В. Неуструевой обрываются на полуслове: начав шестую главу — «Гнёт авторитета» — мемуаристка не только не завершила её, остановившись ровно там, где окончилась тетрадь, но и удалила из уже написанной главы два листа, придя, видимо, к выводу, что то, о чём на них рассказывалось, не должно быть прочитано никем посторонним. Заметим, что речь в этой недописанной главе шла о муже мемуаристки С.С. Неуструеве и об их семейных взаимоотношениях, названных теперь автором воспоминаний «гнѐтом авторитета»: по всем видимости, сложность разговора об этой неоднозначной, но и обязательной для рассказа странице жизни и заставила мемуаристку прибегнуть к самоцензуре и оборвать повествование, не завершив его. По словам внучки автора воспоминаний, И.Ю. Неуструевой, никакого «продолжения» этих мемуаров, скорее всего, никогда не существовало, и в архиве её бабушки — кроме уже перечисленных выше документов — остались лишь дневниковые записи о повседневной жизни Ленинграда 1950-х. Из этого мы можем сделать вывод о том, что то ли М.В. Неуструева не успела продолжить начатую ею работу, то ли — и не планировала продолжать её, доверив тетради самой решить, где она должна остановиться.

А теперь о том, что ещё нам представляется важным подчеркнуть в связи со всем сказанным выше. И прежде всего — два слова о жанровых особенностях мемуаров М.В. Неуструевой, представляющих собой, по нашему мнению, двойко ориентированный текст. С одной стороны, как это уже подчёркивалось выше, мемуаристка настаивала на том, что «настоящая повесть не рассчитывает на опубликование в печати тех воспоминаний, которые сохранила моя память», но с другой — не только не скрывала самый факт того, что такие воспоминания имеются, но и в некоторой степени афишировала это, поставив в известность куйбышевских музейщиков и, возможно, Е.Ю. Гана, и намереваясь познакомить с этими воспоминаниями потомков А.Н. Толстого. Таким образом, будучи глубоко интимными, написанными как бы «для себя», эти мемуары в то же время обраще-

ны вовне, к читателю — если не современному, то «провиденциальному». С последним обстоятельством связан и факт самоцензуры, не только не замалчиваемый, но и подчёркнутый мемуаристкой, которая, вырезав две страницы текста, не стала менять нумерацию страниц и как-то ещё пытаться скрыть то, что четыре страницы были вырезаны ею. Любопытно также, что воспоминания поделены на главы, всему тексту мемуаров предпослан эпитаф, а вместо «я» мемуаристка последовательно использует обозначение себя в третьем лице — Маня, Маничка, Мария Васильевна.

Выше, обозначая главные сюжетные вехи мемуаров М.В. Неуструевой, мы уже сказали о том, что А.Н. Толстой — обязательный герой каждой главы, и то, что его фотография, а не фото, скажем, самой мемуаристки, была помещена ею на внутреннюю сторону лицевой обложки тетради. Но нельзя в то же время не заметить, что и портрет Толстого, и портреты всего его окружения, включая автора воспоминаний, даются мемуаристкой на фоне истории Самары, Петербурга и страны в целом. Так, в самарских главах присутствует описание географии города, нравов и характеров его жителей, гимназических и студенческих увлечений и т. д.

Ну и, наконец, о том, что касается самого А.Н. Толстого, выступающего, вне всяких сомнений, главным героем всего мемуарного текста, то здесь нам кажется важным обратить внимание на то обстоятельство, что иногда он заслоняет собой даже саму мемуаристку, прекрасно осознающую, что детали и тонкости её биографии чаще всего могут представлять интерес только для неё самой, а вот зато всё, что касается Толстого, имеет несомненный интерес для многих. Именно по этой причине М.В. Неуструева, почти ничего не сказав о своих родителях, даёт развёрнутую характеристику родителям А.Н. Толстого — его матери А.Л. Толстой и отчиму А.А. Бострому, в дальнейшем ещё не раз возвращаясь к ним и пробуя обозначить главные этапы формирования и взросления Толстого, в том числе, через его отношения с родителями, в частности — с А.А. Бостромом (в этой связи представляет интерес, например, реакция Толстого на прозвучавшую ещё в Самаре, на гимназическом балу, похвалу С.С. Неуструева бостромовскому чтению Некрасова). Важно подчеркнуть, что мемуаристку интересуют не сами по себе факты из жизни Толстого, какими бы интересными они ни были, — её интересует становление человека, выросшего в большого художника, для чего ему пришлось и выйти из своего окружения, оставив далеко позади всё, что ему при этом мешало, и измениться внутренне — интеллектуально и эмоционально. При этом «Маничка», зная

и помнившая Толстого озорным и непосредственным в отношениях с друзьями «Лёшей», может не принимать произошедших с ним перемен и его отстранённости и холодности в последующих отношениях, но взрослый, умный и проницательный человек, каким была мемуаристка в 1950-е гг., читавшая произведения, написанные тем самым и совсем не тем «Лёшей», понимавшая масштабы его дарования, глубину психологического анализа, представленного на страницах «Детства Никиты», «Хождения по мукам», «Петра I» и других произведений, не просто прощает ему эту «холодность» и «отстранённость» (она хорошо осознаёт, что ни в каком прощении А.Н. Толстой и не нуждается), но понимает их драматизм и глубинную необходимость. Только порвав с оставшимися во вчерашних привычках друзьями детства, отстранившись от читающего из года в год на гимназических вечерах одно и то же некрасовское стихотворение А.А. Бострома, раз и навсегда обозначившего своё нынешнее «я» при встречах с ней, «Маничкой», Толстой и смог стать автором всех названных и многих других произведений, в которых биографическое перемалывается в эстетическое, а частное и преходящее — в общее и продуцирующее вневременные смыслы.

Текст печатается по авторской рукописи (СЛМ. КП-14883), подстрочные примечания принадлежат публикатору; зачёркнутое автором приводится в прямых скобках [...], конъектуры — в угловых <...>.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. В. НЕУСТРУЕВОЙ

Братья Мар<ии> Вас<ильевны> Андрей (1878 г<ода> рожд<ения>) и Александр (1882 г<ода> рожд<ения>) учились в реальном Самарском училище. Братья — красивые юноши — были совершенно различны и по внешности, и по характеру. Старший Андрей — брюнет с глубокими тёмными глазами — любил философию, и у него был ограниченный круг товарищей. Больше всех он любил Дронского. Александр, светлый блондин с тёмными бровями и с тёмными ресницами, голубоглазый, быстро сходился с людьми, любил петь, танцевать и глубокими мыслями вряд ли много утруждал себя. Ведь он не знал тогда, как печальна будет его судьба, порою глубоко трагична, и как ужасен будет его одинокий конец!.. Его стихией были фантазия и поэзия. Он писал стихи и мог целыми вечерами, в комнате без огня, увлекательно рассказывать таинственные истории. Почти

все реалисты его класса были его товарищами и все у него бывали, но всё же и он имел избранных друзей среди одноклассников. <Это, прежде всего,> Коля Арычкин — сын городского головы, впоследствии профессиональный артист Самарин, Саша Чумаков — сын инженера, заведующего городским водопроводом, впоследствии инженер-технолог, и Алёша Толстой, впоследствии талантливый знаменитый писатель. Эти товарищи у брата Александра бывали почти ежедневно — то один, то другой, а иногда и все вместе. Науками из них больше всех занимался Саша Чумаков, а Саша Прохоров, Коля Арычкин и Лёша Толстой не принадлежали к разряду первых учеников, учились с грехом пополам и больше предавались искусствам, дискуссиям, спорту, поездкам за город.

Маню воспитывали строго, и обычно, когда к Саше приходили товарищи, отец плотно закрывал дверь в комнату Мани, но товарищи брата Маню интересовали не меньше её подруг, и за чайным столом они неизменно встречались, так как «чай пить» и обедать полагалось обязательно и притом всем вместе[, чтоб никого не затруднять]. Обычно для сохранения большей независимости Маня садилась за большой самовар с его задней стороны, но и там «недремлющее око» строгой мамани находило её. И стоило Мане весело взглянуть на мальчиков, как указательный палец мамани как бы случайно ложился около носа на щёку, что означало: «Не кокетничай!..».

Однажды, когда Мане было всего 13 лет (1898 г.), она услышала за стеной, в комнате брата, весёлый дружный смех и непрерывный разговор, как будто говорили все разом. Маня с особым нетерпением ждала, когда позовут «чай пить!», так как один голос был незнакомым и смеялся он особенно раскатисто и заразительно. «Кто это? Кто-то новый!». А всё новое непреодолимо привлекало Маню. Как только раздался звонкий голос горничной Маши «Чай пи-и-ить!», Мария в мгновение ока заняла свою позицию за шумевшим самоваром. [Маманя налила ей чаю, а мальчики не шли. «Чего же ты ждёшь? Пей, а то остынет...». Маня была в отчаянии и зачерпывала ложечкой буквально по две капли чаю, потому что больше двух чашек ей пить не полагалось и так сидеть за столом тоже не полагалось: напился и уходи]. Вслед за ней чинно вошли реалисты, и Александр представил матери нового товарища: «Алексей Толстой!»¹. Тот совершенно необычайно для круга знакомых Прохоровых элегантно, по-светски, раскланялся и подошёл к Мане, ожидая, когда она подаст руку, а не хватая её за руку, как Колька Арычкин.

¹ А.Н. Толстой перевёлся в 5-й класс Самарского реального училища из Сызрани, где он окончил 4-й класс.

«Вот он какой!» — с изумлённым восхищением подумала Маня. Перед ней был стройный, высокий красивый юноша с гордо посаженной [от природы] головой, с необычайно чистым породистым лицом, с тёмными русыми, слегка волнистыми, пышными волосами. Мане трудно было оторвать от него взгляд, но палец мамани уже лежал около носа. Чай пили почти молча, только мальчишки изредка перекидывались незначительными фразами.

Лёша Толстой быстро освоился в новом для него доме. С Александром они стали закадычными друзьями, соперничая друг с другом не только в фантастическом творчестве, но и в бесконечном озорстве. «Я сангвиник!» — часто говорил про себя Лёша Толстой и громко, раскатисто при этом хохотал. Он искренно, без тени самовлюблённости, радовался своей неотразимой красотой, здоровью, силе и ловкости. Он умел высоко прыгнуть, схватиться за притолоку двери и на одной руке подтянуться несколько раз, а спустившись на пол, сгибал руку и требовал, чтобы другие убедились в его силе. «Маничка, смотрите, какие бицепсы!», — подставлял он свою руку Мане, и та нерешительно [(«неприлично прикасаться к постороннему юноше»)] одним пальцем прикасалась к твёрдым, вздувшимся мышцам и в смущении опускала глаза. Скоро это бахвальство перешло в недопустимое озорство: демонстрируя силу и ловкость, Лёша стал ломать вещи, которые по своей прочности безусловно пережили бы нас, — ломал кресла, столы, стулья, архитектурные украшения на деревянной даче Прохоровых. Этого наш бережливый аккуратный отец допустить не мог. Он категорически запретил впускать Толстого в дом, а брату Александру запретил приглашать его. Но добрейший отец наш сам же первый забывал свои строгие приказы.

Отец глубоко уважал труд человека во всех его проявлениях. И учил нас людей труда уважать глубоко, приглашая плотника или печника, он обязательно угощал их обедом или завтраком и внушал нам, что люди труда выше нас, потому что умеют делать необходимые вещи. «А вы пока что лодыри», — заканчивал он, сокрушённо качая головой.

Для боевого характера брата Александра вообще никаких запретов не существовало, он всегда умел обойти их, да и дружба трёх товарищей была сильнее всех запретов. Старинный, приобретённый ещё дедами, большой, тенистый, роскошный фруктовый сад Прохоровых в пяти верстах от города, обладал волшебной притягательной силой для всех товарищей братьев и подруг Мани. Три друга садились на велосипеды, дорогой любовались широким видом, открывавшимся с водораздела между Волгой и Самаркой. Вид открывался

вёрст на 40, и друзья намечали, куда им следует пойти на охоту, где они ещё не бродили, и так в увлекательных разговорах они незаметно переезжали запретную зону и, въезжая в сад, полной грудью вдыхали все его ароматы.

Вот яркий, солнечный, летний день Иван-Купалы. Тишина, и над ней, взлетая выше деревьев и уплывая в другие сады, летит стройная многоголосая старинная мордовская песня: это поют девушки, пришедшие из Каменки, Селитьбы и из других сёл на заработки в сады. Смотря по сезону: рыхлят землю, поливают, собирают ягоды или яблоки, и всё поют, поют протяжные, замысловатые, с непонятными словами песни. Голоса прекрасные. Тон задаёт баба Катя, старуха лет 60, но её мощное контральто слышно больше, чем за километр, а репертуар её неисчерпаем. Она сама была поэтом и композитором, не отдавая в том себе отчёта, а просто пела и пела, умолкая только на время трапезы и сна.

Внезапно стройное пенье сменяется невероятным визгом: бегут мокрые, [как утопленницы], девушки, а за ними с ведрами холодной, колодезной воды, сами такие же до нитки все мокрые, наши друзья-реалисты, и все одновременно заливчато хохочут, [это целый оркестр смеха-хохота, на все голоса]. По старинным обычаям в этот день надо искупать всех, кому желаешь добра.

Маня с ужасом бежит к дому, надеясь спрятаться и запереться в своей комнате, но реалисты настигли её — и четыре ведра воды обрушились на девочку, как горный водопад! Всем необычайно весело, и все хохочут без конца.

Маня выбежала в цветник под палящие лучи солнца и раскинула руки, [волосы, платье]. Но тонкое, белое, [батистовое] платье плотно облепило детскую фигурку, и Мане кажется, что она при всех стоит, как обнажённая. Заплавав от стыда, она бежит в дом, но у двери её комнаты Лёша Толстой настигает её: «Маничка, дайте хоть простыню, пока высохнут мои штаны, у Сашки ничего здесь нет, а мне в город скоро надо» — и таинственно шепчет: «На свидание...».

Дело серьёзное, действительно нужна скорая помощь, а то «ведь Юличка Рожанская² страдать будет», — быстро соображает Маня. Они роются в сундуке, и Маня уже не обращает внимания на то, что с неё по полу бегут ручьи.

Среди белого белья мелькнули яркие ленты. Девушки украшали тогда своё бельё кружевами и пышными бантами из атласных лент.

² Ю.В. Рожанская (1880–1943) — дочь доктора медицины В.М. Рожанского, первая жена А.Н. Толстого (состояла в браке с ним с 1902 по 1907 гг.). См. о ней подробнее: [4, с. 218–245].

Лёша восторженно хохочет и, выхватывая нарядное бельё, он кричит одно только слово: «Вот! Вот! Ха-ха-ха-ха» и с целой пачкой девичьего белья внезапно скрывается.

Переодевшись, Маня выходит на верхнюю террасу, откуда сад весь, как на ладони, и видит она необычайную картину: на ветках могучих яблонь, растопырив ноги и руки, висят вверх ногами одежды реалистов, старательно расправленные, приколотые так, чтоб составила цельная фигура, вместо голов из воротников торчат наскоро скрученные газетные головы, а живые реалисты в это время опять с ведрами холодной воды, одетые в девичье бельё, украшенные бантами, по ярко зелёной дорожке, прячась за кустами, тихо подкрадываются к поющим девицам — и опять стройная песня сменяется невероятным визгом...

Всё это было крайне неприлично: и полуобнажённые юноши, и всё их поведение... Маня в ужасе: «Чем же всё это кончится?! А вдруг приедут маманя или тятяша?». Нет, она тут не при чём, на ней чистое, сухое платье, и она сидит за очередное вышивание. Реалисты же все «приличия» считали признаком большой отсталости и нарушали их с большой охотой.

<...>

<Однажды> брат Сашка как ни в чём не бывало, обращаясь к товарищам, сказал: «Приходите к нам, я познакомлю вас с Типом, вот это человек! Древний мужик, но как рассказывает — прямо садись и пиши! Вот это человек!..».

«Тип» действительно был необычайный человек. Старый крестьянин-инвалид, он был у Прохоровых истопником: в подвале дома была «камера» с громадной печью, и воздушно-тепловая система обогревала весь дом. Мы любили забираться в эту камеру и слушать неторопливые рассказы деда Иллариона («Ларивон» — называли его). Он так причудливо переплетал быль с небылицей, что молодёжь часто теряла представление о времени, слушая его. Печёная в золе картошка, которой угощал нас «Ларивон», казалась редким лакомством.

Друзья заинтересовались рассказчиком и вскоре пришли: Толстой, Чумаков и Арычкин. Кольку Арычкина послали на разведку: где «Ларивон», в камере или ещё не спустился?..

Войдя в большую кухню, которая помещалась в нижнем этаже, Коля Арычкин увидел там крестьян, приехавших из далёкого села. Они, приезжая в город, останавливались у Прохоровых. На постоялом дворе платить надо, а отец рассуждал просто: «А какой нам от них убыток? Пускай переночуют».

Арычкин — врождённый артист — жаждал перевоплощения и жадно изучал все «типы». Его пленили крестьяне-эрзя из мордовских сёл, так не похожие на городских жителей. Это были люди из другого мира. В голове Арычкина возник смелый спектакль и, быстро договорившись с крестьянами, в карманах которых каждый двугривенный был редким гостем, Арычкин весь отдался творчеству. В такие моменты он всех умел подчинить своей воле, и товарищи беспрекословно выполняли его требования. Его артистический авторитет никогда не вызывал у нас сомнений. И через каких-нибудь полчаса реалисты преобразились: Коля Арычкин — бородатый солидный мужик в тулупе, подпоясанный цветным кушаком, в лохматой шапке, надвинутой на глаза; взгляд его угрюм, суров и даже страшноват, Алёша Толстой — тоже в тулупе, но шапка на затылке — это парень, который впервые видит город, он всему удивляется, на него нельзя смотреть без улыбки, а встретив улыбку, Алёша ухмыляется до самых ушей, показывая прекрасные зубы, и готовый в каждый момент разразиться хохотом, но он с опасением поглядывает на батю (Арычкина). А наш Сашка! В голову не придёт! Чумаков, с жгуче чёрными глазами на молочно-белом лице, и Сашка Прохоров, с голубыми глазами в чёрных ресницах [под тёмными бровями] — две красавицы-молодухи, в дублёных шубах с борами, в ярких полушалках, скромные, стыдливые, закрывающие лицо то шалью, то локтем.

Вся эта компания ввалилась на сено в дровни, запряжённые мухрышкой-лошадёнкой, на которой обычно возили воду [(водопровода во дворе ни в одном доме не было)], и поехали на главную, Дворянскую улицу. Спектакль сочинялся и разворачивался по мере их движения. Несомненно было одно: реалистов больше не существовало — они переродились. На каждый дом, на каждого встречного они смотрели во все глаза: всё так не похоже на их деревню.

На Дворянской улице (главной в городе) был большой пустырь, поросший полынью, крапивой да муравой травой. Предприимчивый купец огородил этот пустырь дощатым, без одной щёлочки забором и устроил там, как теперь говорят, «стадион», а тогда и летом, и зимой это предприятие называлось «каток». Летом там за плату катались на велосипедах (велосипеды давались напрокат), а зимой весь пустырь заливался водой и получался прекрасный каток для конькобежцев. Там устраивались гонки, костюмированные балы на льду — для молодёжи развлечение, а купцу нажива. [(Мы все были ярыми спортсменами и конькобежному спорту предавались ежедневно в ущерб наукам)].

Вот на этот-то каток, где собиралась молодёжь всего города, и направилось новоявленное артистическое семейство: впереди боязливые, как дикие козы, пригожие молодухи, а за ними богатырь-мужик с окладистой бородой и растяпа-перень Лёшка Толстой. С безукоризненным волжским акцентом окая, медлительно-певуче, громко высказывали они свои замечания, возмущались барским легкомыслием городских жителей, способных целый вечер ухлопать на такое никчемное занятие, [как катание на коньках по большому кругу]. «Тятя, смотри, смотри, срамница какая, ногу-то как задрала!». Это Лёша пальцем показывает на фигурное катание великосветской барышни Звягинцевой, всех поражавшей своим мастерством. «А ты что, дурень, глаза-то вылупил, срамоту таку и глядеть-то грех! Тьфу! — сплюнул Колька Арычкин. — Бабы, не смотрите на эту бесстыдницу!». «Как ведь выворачиватца!» — с восторгом добавлял он, и бабы косили глаза на срамницу. «Тятя, смотри, коньки-то си-реб-ря-я-ныи», — тоненьким голоском выпевает Саша Чумаков и трогает коньки на ремне, перекинутые через плечо гимназиста. Гимназист от души хохочет: «Эх ты, деревня! Сама-то ты си-реб-ря-я-ная», — передразнивает он бабёнку. «Но, но! — властно отстраняет гимназиста степенный мужик — Коля Арычкин. — Ты наших молодух не замай, это вам не городские вертихвостки, вон со своей мамзелью лясы точи...».

Сконфуженная гимназистка-«мамзель» тянет гимназиста за рукав, и они убегают, но Колька Арычкин успевает дать «тумака» гимназисту. Это привлекает внимание праздных обывателей, раздаются смешки: «Так его! Тузи!». «Господи Иисусе, пресвятая Богородица, — причитают тоненько Сашки, — страсти-то каки!.. Тятя, айда домой, смеютца над нами городские-то!».

— Смеютца! — басом трагика взревел Колька Арычкин, — я им такой смех покажу. «Деревня!» — передразнивает он гимназиста, скрывшегося в толпе. — Сопляк какой! Деревня-то весь ваш город кормит, да не один город! Погоди, просмеютца!» — угрожающе потряс он кулаком. Игра становилась опасной: в публике многозначительно переглядывались, любителей подражаться в те времена было много, и кулачные бои возникали мгновенно. Но неиссякаемая инициатива в озорстве спасла наших артистов: им пришлось в голову отправиться к знаменитому адвокату Самойлову и сыграть импровизированную сцену: разыграть жалобу на незаконный захват земли купцом-миллионером Шихобаловым. Так решили они проверить своё артистическое дарование: «Если примут за настоящих — значит, мы настоящие артисты».

Но эта же озорная компания не чужда была и больших серьёзных вопросов, занесённых в Самару «ссылными политическими». Среди ссыльных существовала «коммуна», которая использовала все возможности для работы с молодёжью: они снабжали учащихся запретной литературой, листовками и программами для чтения и не упускали случая забросить зерно революционного протеста в юные сердца.

Реалисты, семинаристы и гимназисты, сверстники наших героев и их приятели, порой часами вели споры по вопросам социологии, а в связи с этим и о судьбах русской литературы и русского искусства: как они должны служить народу?!

Мать Алексея Толстого Александра Леонтьевна Тургенева, выданная замуж за графа Толстого, ушла от него и стала женой Алексея Аполлоновича Бостром<а>, она была писательницей³. Кроме романов и повестей она писала для юношества и любила молодёжь. Умная, красивая и в высшей степени скромная, Александра Леонтьевна обладала исключительным тактом в отношениях с людьми. Молодёжь часто собиралась у них на Саратовской улице, где было у них два дома⁴. Тот, что выходил на улицу, сдавался жильцам, это и составляло их главные средства к существованию. А в доме во дворе одну из небольших квартир во 2-м этаже направо занимали сами Бостром<ы>. В узкой длинной комнате стояло старинное фортепиано, формой напоминавшее высокий стол. Наши товарищи — Маня Арычкина, Суша Чумаков и другие — по очереди играли на нём, и под звуки разбитых струн мы с упоением танцевали.

Александра Леонтьевна специально для нашей компании писала пьесы, с учётом всех взаимоотношений. Она знала, кто в кого влюблён, и строила пьесы так, что репетировать и разыгрывать эти спектакли нам было чрезвычайно интересно. Александра Леонтьевна пересчитывала на пальцах, сколько в нашей компании девушек и сколько юношей, и пьеса писалась так, что все оказывались заняты в ролях, сообразно своему характеру. Юлия Рожанская (первая любовь Алексея Толстого) всегда играла девушку скромную, благовоспитан-

³ Перу А.Л. Толстой (1854–1906) принадлежат роман «Неугомонное сердце» (1882), сборник «Захолустье» (1886), многочисленные рассказы, публиковавшиеся в периодических изданиях, книги для детей («Два мирка», «Как Юра знакомится с жизнью животных», «Подружка», «Сестра Верочка» и др.); писала также пьесы, оставшиеся неопубликованными.

⁴ Сегодня здесь находится Музей-усадыба А.Н. Толстого, открытый в 1983 г., к 100-летию писателя. В квартире, занимавшейся семьёй А.А. Бострома и А.Л. Толстой, располагается мемориальное пространство, эспонируется подлинная семейная мебель и другие вещи и документы.

ную. Маня Арычкина (первая любовь брата Александра) на сцене хохотала так же заразительно, как и в жизни. Репетиции, обычно по воскресеньям, происходили у Бостром<ов>. Тогда Александра Леонтьевна давала нам указания о характерах героев. Говорила она тихо, приветливо, красивым голосом с большим диапазоном говорила музыкально. Видели мы её [высокую], статную фигуру в неизменном сером платье с серым пуховым платком на плечах. Алексей Аполлонович Бостром, отчим Алексея Толстого, также всегда выходил поздороваться с молодёжью и беседовал с нами весело и приветливо, но Коля Арычкин утверждал, что далеко не приветливо беседовал он с мужиками-крестьянами на кухне. Была у Бостром<ов> приёмная девочка Шура, маленькая, черноглазая, кудрявая, она лепетала на детском языке не всем понятные слова.

Для репетиций иногда собирались у члена Земской управы Тресвятского. В этом семействе так много было детей всяких возрастов, что точного числа их мы не знали. Старшая из них, Нина, очень некрасивая, но стройная девушка, считалась у нас по своей артистической одарённости примадонной; она играла драматические роли. Спектакли в зимние каникулы и на масленицу ставили в школе на Уральской улице (в доме В.Л. Прохорова). Сцену, декорации, костюмы и весь реквизит — всё делали сами под руководством Коли Арычкина, он был нашим режиссёром и художником-постановщиком. Но когда наши реалисты перешли в последний класс, их потребности возросли: постановки для «своих» не удовлетворяли; стали искать общественную арену. Выбрали для постановки пьесу Островского «Свои люди — сочтёмся», а ставить спектакль решили в Томашевом Колке (психиатрическая больница) для выздоравливающих больных. Сама поездка по зимней дороге за 15 вёрст от города казалась нам поэтической и заманчивой.

Приехали мы к завед<ующему> больницей известному доктору-психиатру Белякову. Он был знаменитым лектором и очень любил читать публичные лекции о вреде алкоголизма, а сам был типичный алкоголик. Его дети служили прекрасной иллюстрацией вреда алкоголизма, и доктор Беляков мужественно всенародно рассказывал об этом. Первые, сын и дочь Ольга, <были> очень одарённые. Ольга училась в одном классе с М<арией> В<асильевной> и окончила гимназию с золотой медалью, поступила на высшие женские Бестужевские курсы, восхищала всех своим развитием, но спилась и кончила проституцией. Третий сын покончил самоубийством на почве ипохондрии. Четвёртая дочь, хорошенькая блондинка, была уже с погашенными способностями, а последний сын родился идио-

том с нечленораздельной речью, но этот идиот обладал абсолютным музыкальным слухом, редкой музыкальной памятью и врождённой пальцевой техникой. Он был прекрасным пианистом. Мы с интересом слушали его необычную игру, но ужасно было видеть, как при этом текла у него слюна, а мать, с безысходным горем в глазах, смотрела на это музыкальное чудо природы.

Потом перешли в помещение со сценой. В этом спектакле Маня Прохорова играла Линочку, Нина Тресвятская — мать, Коля Арычкин — отца, Меня Арычкина — бесподобная сваха была, Мирбах <играл> Рисположенского, а жениха Липочки — Саша. После пьесы Островского, тяжёлой драмы, как тогда полагалось, шёл одноактный весёлый водевиль. Он написан был Ал<ексан>дрой Леонт<ьев>ной, и в нём были заняты все, кому не хватило ролей в пьесе Островского.

Спектакли сошли очень хорошо, только в самом драматическом месте пьесы Островского (в последнем акте) в зале раздался саганинский хохот, который оказался заразительным, и многие из публики по-сумасшедшему захохотали. Пришлось опустить занавес, увели буйных больных, а остальным разрешили остаться, если они обещают не хохотать так. Больные дали слово, но даже во время весёлого, смешного водевиля больные чрезвычайно серьёзно смотрели на сцену и не только не хохотали, но даже ни разу не улыбнулись. Они сдержали данное слово. Увести их из зала после спектакля оказалось очень трудно, а нам были ещё обещаны после спектакля танцы.

Мы спустились в зал и беседовали с некоторыми «выздоровливающими». Они имели вполне нормальный вид, внимательно слушали собеседника, но как только начинали говорить, обнаруживался весь их сумасшедший сумбур, и это производило удручающее и жуткое впечатление. Постепенно всех больных увели и, несмотря на поздний час ночи, мы всё же танцевали неизменными парами: Юлия Рожанская с Лёшей Толстым, Маня с Сашей Чумаковым, Саша Прохоров с Маней Арычкиной. Юлия кончала гимназию и была очень хороша. Блондинка с вьющимися от природы волосами, с тёмными глубокими глазами, с тонкими чертами лица, стройная, застенчивая. Улыбаясь, она опускала глаза, а на щеках [смеялись] ямочки. Она была обаятельна, говорила и смеялась очень тихо, и это выгодно выделяло её из нашей зевластой компании. Впоследствии, когда М<ария> В<асильевна> читала и перечитывала «Хождение по мукам», в образе Даши она неизменно видела Юлю, [какой она была в этот последний вечер].

*М.В. Прохорова, начало 1900-х гг.
Личный архив И.Ю. Неуструевой.
Публикуется впервые*

*M.V. Prokhorova, early 1900s.
Personal archive of I.Yu. Neustrueva.
Published for the first time*

*А.Н. Толстой. Самара, 1901 год.
СЛМ. КП-300
(Надпись на фото:
«Означенный на сей карточке
Алексей Толстой окончил курс»)*

*A.N. Tolstoy. Samara, 1901.
(Inscription on the photo:
“Alexei Tolstoy mentioned on this card
has completed the course”).
M. Gorky Literature and Memorial
Museum in Samara*

*Алексей Толстой — учащийся Самарского
реального училища, 1900 год. СЛМ. КП-302
(Надпись на обороте: «Милой мамочке-
режиссёрше от П.И. Бобчинского в
память о наших спектаклях. 1900 г.»)
Alexey Tolstoy, a student at the Samara Real
School, 1900.
M. Gorky Literature and Memorial Museum
in Samara
(Inscription on the back: “To my dear mother-
director from P.I. Bobchinsky in memory of
our performances. 1900.”)*

Дача Прохоровых под Самарой, 1902 год. Слева направо: И.А. Войков, Е.Ю. Ган, П.К. Карпов, М.В. Прохорова, С.Ю. Ган, С.С. Неуструев. СЛМ. КП-9260. Публикуется впервые
The Prokhorovs' dacha near Samara, 1902. From left to right: I.A. Voikov, E.Yu. Gan, P.K. Karpov, M.V. Prokhorova, S.Yu. Gan, S.S. Neustruev. Published for the first time. M. Gorky Literature and Memorial Museum in Samara

Карнавал на масленице в Самаре, в доме Прохоровых. СЛМ. КП-7973. Публикуется впервые
Carnival at Maslenitsa in Samara, in the Prokhorovs' house. Published for the first time M. Gorky Literature and Memorial Museum in Samara

А.Л. Толстая (во втором ряду слева) и А.Н. Толстой (в третьем ряду, в центре, внизу) с участниками любительского драматического кружка в Самаре, в доме Толстых. СЛМ. КП-293. Публикуется впервые
A.L. Tolstaya (second row, left) and A.N. Tolstoy (third row, center, bottom) with members of the amateur drama club in Samara, in the Tolstoy's house. Published for the first time M. Gorky Literature and Memorial Museum in Samara

Была там тогда вся семья Рожанских: отец, известный врач по детским болезням: красивый, кудрявый, сосредоточенно-грустный; грузная мамаша с большими печальными глазами и красивые братья — старший студент, настолько холодно-корректный, что мы боялись его: он казался нам чужим, а младший брат Юли, Герман, молчаливый гимназист, тоже достаточно корректный, был внимателен к Мане Прохоровой, часто приглашал её на танцы, и она с удовольствием танцевала с ним — уж очень он был хорош: пусть посмотрит Саша Чумаков, какие у неё кавалеры. Все знали, какие чувства связывают Лёшу и Юлю, и все смотрели на них, как на будущих супругов на всю жизнь! (Тогда мы все твёрдо верили: если брак, то уж, конечно, на всю жизнь!)

И каково же было изумление Мани Прохоровой, когда через несколько недель, на пасху... (ведь так недавно была масленица, когда мы танцевали в Томашевом Колке!) произошло нечто совершенно неожиданное.

Первый день пасхи всегда был скучнейший и бесконечно длинный. Девушкам не полагалось в этот день ходить в гости, да и небезопасно было выходить на улицу, трезвых пешеходов почти не было, а нравы были дикие: драки и резня на улицах в пасхальные дни были обычным явлением.

Благовест церковей с весенним перезвоном зовёт куда-то в этот весенний день: Маня, раскрыв окно, мечтательно смотрит вдаль, где за зелёным полем, в лесу стоит белый дом — Субботинская дача. Маня не знала обитателей этого таинственного дома, и для её фантазии открывался большой простор, но вот по грязной улице на извозчичьей пролётке едет молоденький офицер. Он снимает фуражку и приветствует Маню, она в ужасе от такого неприличия и убегает в глубину комнаты, но в то же время слышит звонок в коридоре. Сердце Мани радостно вздрагивает: «Кто-то пришёл! Наконец-то!». Маня мчится открывать парадное, стараясь опередить старую деву — Дашу-горничную. «Кто? Кто пришёл?» — стучит её сердце. 24 ступеньки Маня пронесится вихрем, раскрывает дверь... Перед ней торжественный, праздничный, красивый Лёша Толстой! Маня смущена:

— Лёша, никого нет, я одна...

— Вот и прекрасно, — Лёша спокойно запирает парадную дверь и степенно идёт наверх.

— Я одна... — лепечет Маня уже со слезами смущения в голосе.

— Это очень хорошо, Маничка, мне надо с Вами поговорить! Это удачно, что Вы одна, пойдёмте к Вам в комнату...

Маня в ужасе! Оставив шинель в передней, Толстой через зало, через столовую, впереди Мани быстро идёт к цели. Маня в полном смущении, щёки её пылают, проносятся неясные мысли: «Ведь Юля... Юля... неужели он пришёл мне объясниться?!». Когда вошли в комнату Мани, Лёша закрыл дверь и тихо, с опущенными глазами, торжественно начал: «Сядьте, Маничка, я пришёл предложить Вам дружбу... Любовь — это чувство очень редкое... неустойчивое... Оно прекрасное, но мучительное. В любви больше страданий, чем счастья. Я не хочу, чтобы Вы страдали, я хочу, чтоб жизнь Ваша была светлой, радостной, и я буду Вам верным другом... вот я принёс Вам книгу... Вы обязательно её прочтите! Это очень интересно!..» Он подал Мане том Спенсера и начал говорить о взглядах Спенсера. Маня ничего не понимала: «Что всё это значит? Причём тут Спенсер?..», и вдруг её поражает мысль: «Он думает, что я в него влюблена!».

Чувство возмущённой гордости вызывает слёзы на глазах Мани, и, вся вспыхнув, тихо дрожащим голосом она говорит, прерывая философию Лёши: «Но ведь Вы же знаете, что я люблю Сашу Чумакова, и он меня любит... Мы любим друг друга!». Она так твёрдо это сказала, и в то же мгновение ужасная мысль поражает её в самое сердце: «А может быть, Саша разлюбил меня и послал Лёшу утешить меня?!..».

— Не плачьте, Маничка, любовь — чувство мимолётное, а дружба может быть вечной.

— Как Вы можете говорить так. А Юля?

Она с отчаянием думает: «Ну, конечно, Саша разлюбил меня!..», и уже рыдает, не стесняясь. Слёзы обильными ручьями текут по её лицу, она старается унять их рукавом кофточки, а Лёша, в полной уверенности, что имя Саши Чумакова произнесено только из гордости, а что истинная причина отчаяния Мани — её безнадёжная любовь к нему, взял её за плечи и всё говорит высокие слова о дружбе.

В эту пору Алексей Толстой был так хорош, что ему и в голову не приходило, что можно любить какого-то дохленького Сашку Чумакова. Лёша мысли не допускал, что может найтись девушка, которая хоть чуточку не влюблена в него. Ведь он самый красивый, самый умный, начитанный, интересный!

Конец этому недоразумению положил возвратившийся брат Саня. Шумно распахнув дверь, он с возмущением вскрикнул: «Лёшка, чего ты с этой плаксой возишься? Пойдём!..». Они ушли, а Маня, всё ещё всхлипывая, принялась за длинное письмо Саше Чумакову и надеялась, что умнейшая из её подруг, Маня Арычкина, всё разъяснит, всё уладит...

Маня Арычкина обладала живым, трезвым умом, и хотя всю жизнь до старости писала лирические стихи, но жила твёрдо на земле. Рассказ о странном визите А. Толстого она восприняла юмористически: «Да он, дурак, думает, что и я в него влюблена, а я нарочно его разыгрываю: пускай полюбуется на себя... Наскачится! Не беспокойся, жизнь ему покажет...»

<...>

«Вырваны поэтические страницы из книги жизни...» — писала Маня брату в Москву, дав согласие на брак с С<ергеем> С<емёновичем> Н<еуструевым>⁵, и проплакала всю ночь. Получив это письмо, плакал и брат Андрей, он тогда ещё любил сестру: «Ты сама не понимаешь, что ты делаешь! Остановись и, если возможно, откажись...». Поздно! Слово дано, и М<ария> В<асильевна> слишком уважала и ценила С<ергея> С<емёновича> Н<еуструева>, чтоб так поступить с ним, хотя жизнь и литература и рисовали Мане брак как удручающую прозу, тупик, из которого нет выхода, нет движения вперёд. Но, чтоб вырваться из тесного круга обывателей, Маня перешагнула порог своей девичьей комнаты и очутилась среди бордачей-политиков, учёных-исследователей, дельцов-адвокатов. Её юный ум ещё только-только начинал жить, и Маня ничего не понимала ни в словах, ни в делах окружавших её людей.

Когда среди приятелей мужа, много читавших, много издававших, возникали страстные споры, и казалось, они готовы хватить графином по голове один другого, Маня не успевала схватить мысли их спора, не понимала возражений, и весь этот шум представлялся ненужным <и> далёким, она оставалась холодна и равнодушна, на неё напал столбняк какой-то и душила одна мысль: «Боже, какая тоска...». Это состояние тоски всё росло, а ей не было ещё и 19 лет.

На лето учёный муж уезжал в экспедицию — изучать почвы, а Маня перебиралась к родителям, в уединённый старый сад. Там не стоило одеваться, не стоило причёсываться. С утра Маня надевала на рубашку лёгкий батистовый капот, расчёсывала длинные золотистые волосы, сама пленялась их роскошным видом и сама хмуро отвечала «всё это ни к чему», кое-как укладывала волосы на голове — она «дама», нельзя ходить с косой... но по-настоящему причёской заниматься не стоило: «не для кого...».

За утренним чаем ели горячие пирожки с ягодами и рассказывали сны.

— Ну как тебе не стыдно, Андрей! Это же мой сон...

⁵ См. о нём в предисловии к этой публикации.

— Как это то есть твой, когда я его видел?

— Да ничего не ты, это я тебе рассказывала третьего дня, а ты мне же мой сон рассказываешь!

Все хохотали, но весёлое настроение быстро таяло. От безделья, от бессодержательности и однообразия бытия все одолевало уныние — тоска.

Спасала музыка: пианино каждое лето путешествовало в сад. Брат Александр пел, Маня аккомпанировала. Потом Маня ставила на пюпитр инструмента том Некрасова или Пушкина и пела, импровизируя мелодию и подбирая аккорды. Играла упражнения Ганона, к чему-то готовясь. «Брось, надоело!» — протестовали братья, и все шли в сад, в вишнёвую рощу: «есть вишню». Выбирали на ветках самую зрелую, самую крупную, тёмную, почти чёрную; потом шли «есть сливу», она также росла отдельной рощицей. Слегка встряхивали деревья, и сочные, сладкие перезрелые сливы мягко падали на бархатную землю. Земляника уже «отошла», малина «кончается», но всё же заходили в высокие ряды малинника, ели спрятавшиеся под нижними листьями ягоды. Яблоки ещё не созрели: закусывали их, физиономию сводила гримаса: «Кислые!», забрасывали подальше закусанное яблоко. Есть больше нечего... Прогулка исчерпана.

Возвращались в поместительный дом причудливой архитектуры, расходились по комнатам, по терраскам и читали, читали без конца, всё, что попадалось под руку, без плана, без разбора. Лето. Духота... Все двери и окна раскрыты настежь, но ни один листочек не шелохнется. Казалось, всякое движение в природе остановилось... Тело покрывается испариной. «Искупаться что ли?» — лениво думает Маня. В это время вбегает горничная Маша. «Маня, на извозчике кто-то приехал...», — таинственно шипит она, хватая щётку и неистово метёт пол, вздымая облако пыли. Маня отрывается от романа Мопассана, её воображением ещё владеет «Милый друг», а на крыльцо уже поднимается, весь озарённый ярким солнцем, нарядный, торжественный, роскошный граф А.Н. Толстой. Он в форме студента-технолога: белый китель, сверкает золото вензелей на синем бархате эполет, белый жилет с золотыми пуговками — они все смеются! Диагональные сине-голубые брюки обтягивают стройные ноги, яркие жёлтые полуботинки... Он весь сверкает, благоухает. Огромный, породистый, красивый, с изумительно свежим лицом, с лёгкими волнистыми волосами, с тёмными глубокими глазами. «Лёша!» — с испугом вскрикивает Маня и быстро поправляется и шепчет виновато: «Алексей Николаевич...». Маня уничтожена: «в капоте, непричёсанная...».

– Ах, Маничка, какая жара! Адово пекло! — но, спохватившись, также быстро поправляется: «Мария Васильевна...». Не скрывая усмешки, он с ног до головы рассматривает Маню, а она готова заплакать, в голове у неё вихрем проносится: «Боже мой! Ведь он из Петербурга, а я провинциалка, обывательница в розовом капоте, непричёсанная, в туфлях на босу ногу. Боже мой! Боже мой...».

Они выходят на террасу, и Маня, перегнувшись через перила, громко кричит: «Маша, самовар!». Маша накрывает стол, приносит утренние пирожки, ставит несколько сортов варенья в вазочках... Появляются братья — нечёсанные, в рубахах без пояса, с расстёгнутыми воротами. У Андрея заспанное лицо, Сашка кисло здороваётся: «А-а, Лёшка...».

Маша приносит пыхтящий и фыркающий огромный, медный самовар. Маня садится разливать чай.

— Вам, Алексей Николаевич, крепкого?

— Мне, Мария Васильевна, — подчёркнуто величает её Толстой, — никакого! Это сумасшествие, в такую жару кипятком пить!

Братья молча надуваются чаем. Андрей угрюмо, молча пьёт уже восьмой стакан и изредка роняет: «Хорошо!». Разговор не клеится. Прежнего дурачества в Толстом и следа не осталось. Реалистом он любил смущать Маню:

— Маничка, а что такое, по-вашему, «тармашки»?

— Какие «тармашки»?

— Ну, вот говорят: «упал кверху тармашками»...

— Ну, значит, кверху ногами.

— Что вы, Маничка, ноги и есть ноги, а это «т-а-р-м-а-ш-к-и!».

Вы подумайте!

Обиженная такой нескромностью, Маня убежала.

Или придумает игру какую-либо: «Давайте играть: всё будем говорить правильно, настоящими русскими словами, а то у нас чорт знает как портят язык: жёртые туфли, например, называют “говнопяцы”!»!

— Лёша! Таких гадостей никто не говорит, кроме Вас. Как Вам не стыдно!

Но Лёша не смущается: «Ну, ладно, а вот когда на обращение отвечают: “А-а”? Это ужасно глупо, надо говорить: “Что?”. Если кто из вас будет отвечать мне “А-а”, я так и буду говорить: “Дурак!”, “дура!”, чтобы отучить вас». Это всем понравилось, и если Толстому приходилось заночевать у Прохоровых в саду — а это часто случалось с товарищами братьев, спали они обычно в верхней терраске

на полу, под открытым звёздным небом (крыши не было) — только проснувшись, Толстой громко кричал: «Маничка!». — «А-а!» — звонко отвечала она с 3-го этажа башни, и все ликующе, хором, кричали: «Д-у-у-р-ра!».

Брат Александр любил спать на сене в телеге и отвозил телегу под берёзы. Рано утром товарищи окружали его, и Толстой тормозил Сашку: «Вставай, Сашка! Сашка!». Тот спросонок мычал: «А-а?»». И опять все хором кричали: «Ду-р-рак!», и хохотали без конца. Глупее не придумать! Но ведь все мы были так молоды!

Лёша возмущался, что три подруги имели одинаковое имя: «Обращаешься к одной, а отвечает другая. Давайте называть Маню Загорскую — “За-за”, Маню Арычкину — “А-а”, Маню Прохорову — “Пр-пр”». Все Мани обиделись, у них даже слёзы на глазах показались.

Но всё это давно прошло. Сейчас перед ними сидел холёный, роскошный, умный, корректный... граф, начинающий писатель! Всем было ясно: он перерос их, а вот они — отстали!

Маня не могла оторвать глаз от красивого профиля Толстого, от его красивых рук, как будто впервые видела этого необыкновенного человека и думала: «А что за этой красивой внешностью? Что у него в голове, какие мысли? Какие чувства? — Пучина морская, глубина?!.. а я? Лужа — воробью по колено... опустившаяся обывательница... жена... Боже мой! Перед ним в розовом капоте, с босыми ногами...». Стыд и тоска заливали всё её существо.

После этого нудного приёма А.Н. Толстой не появлялся больше у Прохоровых. Встретила его М<ария> В<асильевна> в студенческие годы ещё раз в Самаре, в зимние каникулы, в Дворянском собрании на студенческом балу «специалистов» (так назывался объединённый бал студентов технических вузов; «универсантов» в Самаре было больше, и они устраивали свой бал отдельно).

В большом двухсветном зале с традиционными колоннами и хорами была большая эстрада, и вечер начинался с концерта просвещённых, высоко [квалифицированных] просвещённых любителей, иногда выступали и артисты, но в смысле мастерства исполнители-«любители» не уступали профессионалам. Обязательным участником этих концертов был отчим Ал<ек>сея Никол<ае-вича> Толстого Алексей Аполлонович Бостром⁶. Во фраке, с весьма импозантной, красивой внешностью, он артистически читал стихи

⁶ А.А. Бостром (1852–1921) — отчим А.Н. Толстого, гражданский муж его матери, А.Л. Толстой. Получивший лишь гимназическое образование, служил в земстве, занимался сельским хозяйством, а в 1899–1918 гг. был домовладельцем

Некрасова, обязательно «Железную дорогу» и «Песнь Ерёмушки». Не только любители, но и артисты тогда не гнались особенно за большим репертуаром и обычно на всех концертах из года в год выступали с одними и теми же вещами. И из года в год при словах Ал<ексея> Ап<оллоновича> Бостром<а> «А по сторонам-то всё косточки, косточки русские...» дамы вследствие условного рефлекса вынимали кружевные платочки и вытирали глаза. Артистки обязательно читали «Идёт, гудёт зелёный шум, Зелёный шум, весенний шум». После концерта стулья чинными рядами расставлялись за колонны, и там рассаживались важные мамы. На хорах гремел духовой военный оркестр, и бал начинался традиционным вальсом. Но особое значение для молодёжи имела 3-я кадрили — виновница завязки романов, а иногда — и горестной развязки.

Вот на таком балу и встретила М<ария> В<асильевна> А.Н. Толстого с его женой Юлией. Но тут уж она была во всеоружии: в белом вечернем туалете со шлейфом, затянутая в корсет, с искусной причёской, украшенной цветами, под руку с учёным мужем в строгом сюртуке, она уже не чувствовала себя опустившейся провинциалкой.

А.Н. Толстой в парадном студенческом мундире был великолепен, прост и приветлив. Но Юля! Изящная красавица Юля! Что стало с ней?! Боже мой! Это была почти квадратная дама, с толстыми щеками, с двойным подбородком, большое декольте, спускавшееся с плеч, подчёркивало эту преждевременную полноту, и у непосредственной М<арии> В<асильевны> вырвалось: «Юля, как Вы...». Но в это время муж больно сжал её локоть, и она, смутившись, прошептала: «Как Вы похорошели...».

— А Вы, Маничка... Мария Васильевна, всё такая же, — улыбаясь, сказал Толстой.

«Это он про мою бестактность», — с грустью думала М<ария> В<асильевна>, сознавая, что никакие шлейфы не помогут стать ей светской дамой. Юля и Маня, улыбаясь, молча смотрели друг на друга и с грустью думали: «Вот уж мы и дамы, а не гимназистки с русой косой...». С<ергей> С<емёнович> Н<еуструев> хвалил чтение Бострома, на что А.Н. Толстой бормотал что-то невнятное, но вот грянул с хор<ов> призыв на танцы. Щёголь-распорядитель танцев, красивейший кудрявый студент с огромным белым бантом на плече, раскатился по паркету и открыл бал с красавицей Неклютиной — всё закружилось, зазвучало, тут не до разговоров!

в Самаре, принимал активное участие в деятельности семейно-педагогического кружка и ряда других общественных организаций.

Литература

1. А.Н. Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1982. 368 с.
2. Воспоминания об А.Н. Толстом. М.: Сов. писатель, 1973. 463 с.
3. *Донцова З.Н.* Сергей Семёнович Неуструев (1874–1928). М.: Наука, 1967. 200 с.
4. Перепелкин М.А. «Ходившие по мукам»: самарский код в трилогии А.Н. Толстого. Самара: Научно-технический центр, 2022. 704 с.
5. *Самойлов Н.А.* Первая легальная марксистская газета в России («Самарский вестник», 1896–1897 гг.) // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 90–109.

Research Article and Publication of Archival Documents

A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 1. Lyosha and Manichka

© 2024. Mikhail A. Perepelkin

Samara National Research University,

Samara, Russia

M. Gorky Literature and Memorial Museum in Samara,

Russia

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky,

St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the Russian Christian Academy for the Humanities with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00699 “A. Tolstoy as a Mirror of Russian History and Culture of the Soviet Era” (<https://rscf.ru/project/24-28-00699/>).

Abstract: This publication is a fragment of the memoirs of M.V. Neustrueva (1885–1961), written in the mid-second half of the 1950s, and opens a cycle of two articles, the first of which, “Lyosha and Manichka,” deals primarily with the first period of the memoirist’s acquaintance with the future writer A.N. Tolstoy, dating from the late 1890s to the middle of 1900s. In her memoirs, Neustrueva describes her acquaintance and meetings with Tolstoy, amateur performances in which they took part together, and several episodes dating back to the time when Tolstoy had already become a student and was returning to Samara on vacation. The publication accompanies the memoirs of Maria Neustrueva with an introductory article, which reconstructs the biography of the memoirist and the history of her work on them using available sources. Memoirs of M.V. Neustrueva are published for the first time.

Keywords: A.N. Tolstoy, M.V. Neustrueva, memoirs, biography of the writer, Samara, 1890–1900s, real school, students, cultural life, A.L. Tolstaya, A.A. Bostrom, Yu.V. Tolstaya (Rozhanskaya).

Information about the author: Mikhail A. Perepelkin, DSc in Philology, Professor, Samara National Research University, Moscow Hwy., 34, 443086 Samara, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

E-mail: mperepelkin@mail.ru

For citation: Perepelkin, M.A. “A.N. Tolstoy in the Memoirs of M.V. Neustrueva. Part 1. Lyosha and Manichka.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 90–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-90-122>

References

1. *A.N. Tolstoy i Samara. Iz arkhiva pisatel'ia* [A.N. Tolstoy and Samara. From the Writer's Archive]. Kuybyshev, Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'svo Publ., 1982. 368 p. (In Russ.)
2. *Vospominaniia ob A.N. Tolstom* [Memories of A.N. Tolstoy]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1973. 463 p. (In Russ.)
3. Dontsova, Z.N. *Sergei Semenovich Neustruev (1874–1928)* [Sergei Semenovich Neustruev (1874–1928)]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 200 p. (In Russ.)
4. Perepelkin, M.A. “*Khodivshie po mukam*”: *samarskii kod v trilogii A.N. Tolstogo* [“Walking Through Calvary”: The Samara Code in A.N. Tolstoy's Trilogy]. Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr Publ., 2022. 704 p. (In Russ.)
5. Samoilov, N.A. “Pervaia legal'naiia marksistskaia gazeta v Rossii (‘Samarskii vestnik,’ 1896–1897 gg.)” [“The First Legal Marxist Newspaper in Russia (‘Samara Herald,’ 1896–1897)”. *Proletarskaia revoliutsiia*, no. 4, 1927, pp. 90–109. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024
Одобрена после рецензирования: 07.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 10.02.2024
Approved after reviewing: 07.05.2024
Date of publication: 25.06.2024

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И КОММЕНТАРИЯ

Литературный факт.
2024. № 2 (32)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (32), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-123-135>
<https://elibrary.ru/AICOTE>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

**«Наши одноборщники все, слава богу, здоровы»
(Из комментария к письму Н.В. Гоголя
В.В. Тарновскому от 2 октября 1833 г.)**

© 2024, Н.Л. Виноградская

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается письмо Н.В. Гоголя его товарищу по Нежинской гимназии высших наук В.В. Тарновскому от 2 октября 1833 г.; приводятся материалы, составляющие основу академического комментария к этому письму, которое до сих пор не было прокомментировано с достаточной полнотой и точностью. Сообщаются, в частности, ранее не публиковавшиеся биографические сведения о тех лицах, которые упоминаются в письме: друзья Гоголя и Тарновского, их бывших соучениках, живущих в столице и входящих в так называемое «нежинское братство» в Петербурге (А.С. Данилевском, Н.Я. Прокоповиче, В.Я. Прокоповиче, Н.В. Кукольнике, П.Г. Редкине, В.И. Любиче-Романовиче и др.). С целью составления исчерпывающего научного комментария к письму изучается его биографический, историко-культурный и литературный контекст, при этом привлекаются архивные данные и материалы из печатных источников по истории первой трети XIX в., расширяющие научные представления об интересах, занятиях и среде общения Гоголя начала 1830-х гг. Исследование реалий, упомянутых в письме, убеждает в том, что Гоголь, несмотря на приобретенную писательскую известность и знакомства в литературном мире, дорожил отношениями с земляками и «одноборщниками», которые по-прежнему играли большую роль в его жизни, и живо интересовался тем, как складываются их судьбы.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, В.В. Тарновский, Г.С. Тарновский, А.С. Данилевский, Н.Я. Прокопович, В.Я. Прокопович, Н.В. Кукольник, П.Г. Редкин, В.И. Любич-Романович, Нежинская гимназия высших наук, «нежинское братство», письма, комментарий.

Информация об авторе: Наталия Леонидовна Виноградская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9669-2061>

E-mail: nvinograd@yandex.ru

Для цитирования: *Виноградская Н.Л.* «Наши одноборщники все, слава богу, здоровы» (Из комментария к письму Н.В. Гоголя В.В. Тарновскому от 2 октября 1833 г.) // *Литературный факт. 2024. № 2 (32).* С. 123–135. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-123-135>

В письмах Н.В. Гоголя первой половины 1830-х гг. немало реалий, до сих пор недостаточно полно прокомментированных и не до конца проясненных. Уточняя их значение, мы узнаем новые факты о биографии Гоголя и его окружении раннего петербургского периода. Примером может служить письмо Гоголя от 2 октября 1833 г. его товарищу по Нежинской гимназии высших наук В.В. Тарновскому, в котором обсуждаются их друзья — бывшие соученики, живущие в столице и составляющие так называемое «нежинское братство» в Петербурге, а также близкий им круг людей, выходцев из Малороссии, с которыми Гоголь поддерживал общение в то время. Изучение биографического, историко-культурного и литературного контекста письма расширяет научные представления об интересах, занятиях и среде Гоголя в те годы.

Адресат письма Василий Васильевич Тарновский (1810–1866) — уроженец Прилукского уезда Полтавской губернии, сын поручика В.В. Тарновского¹. В пору учебы в Нежинской гимназии (1820–1826) сфера интересов Тарновского была близка гоголевской: он увлекался литературой, историей, этнографией². Вместе с Гоголем Тарновский участвовал в издании школьных рукописных журналов, занимался с друзьями-единомышленниками составлением курса всеобщей истории³. Из Нежинской гимназии он был выпущен в 1826 г. со степенью кандидата, затем окончил этико-политическое отделение Московского университета (1828) и по воле родителей 19 августа 1829 г. поступил на службу в Департамент горных и соляных дел

¹ *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник: в 5 т. Киев, 1996. Т. 5. Вип. 1. С. 35–37.

² О.К. Супронюк перечисляет отрывки из его сохранившихся записных книжек: «О поэзии русского народа и о влиянии Малороссии на русскую поэзию», «Мои мечты», «О знахарях», «О малороссийском журнале», «О малороссийских песнях» [11, с. 178].

³ Этот труд был задуман как «возможно полное сокращение всеобщей истории, изданной обществом английских ученых» (*Толбин В. П.Г.* Редкин // *Лицей князя Безбородко.* СПб., 1859. Отд. II. С. 120).

в Петербурге, но из-за неблагоприятного влияния климата на здоровье 12 сентября 1830 г. уволился и уехал в Житомир, где в конце 1832 г. стал учителем истории и статистики Волынской губернской гимназии⁴ [11, с. 178].

Сохранились три письма Гоголя В.В. Тарновскому, относящиеся ко времени его пребывания в Житомире: от 2 октября 1833 г., от 7 августа и конца сентября 1834 г. В первом из них Гоголь сообщает приятелю, что потерял его из виду и пытался разыскать через его родственников в Петербурге:

Я хотел писать к тебе, несмотря на два года антракта⁵. Осведомлялся о твоём жительстве у дядюшки твоего, что с сладкою миною <и> у *настоящего*; но ни один из них не дал мне никакого удовлетворительного ответа. Дядюшка объявил, что совершил-де какой-то странный карьер и находится, несмотря на древность фамилии, учителем в Волынской, или Литовской или Гродненской губернии [3, с. 278–279].

О каких же именно двух дядюшках идет здесь речь? По всей видимости, «сладкою миною» отличался двоюродный дядя В.В. Тарновского Григорий Степанович Тарновский (1788–1853), состоятельный черниговский помещик, «страстный поклонник Малороссии и всего малорусского», меценат и коллекционер: в своем имении Качановке, местном центре культурной жизни, он собрал большую библиотеку, множество картин, рисунков, рукописей, старинного оружия и других древностей⁶. Г.С. Тарновский регулярно приезжал в столицу, вращался в кругу художников, посещал дом конференц-секретаря петербургской Академии художеств В.И. Григоровича, где бывал и Гоголь⁷.

К числу родных («настоящих») дядюшек Василия Васильевича Тарновского принадлежали братья его матери, Анны Феодосиевны,

⁴ Там же. С. 37; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1834. Ч. 1. СПб.: При Имп. Акад. наук. С. 553.

⁵ Судя по этой фразе, переписка велась и раньше (в 1831 г.), но письма того времени нам не известны (см.: *Пономарев С.И.* Письма Гоголя к В.В. Тарновскому (1833–1834 г.) // Киевская старина. 1883. Т. V. Март. С. 624).

⁶ *Стасов В.В.* Живописец Штернберг // Вестник изящных искусств. 1887. Т. V. Вып. 5. С. 370. Впоследствии, став наследником Г.С. Тарновского, Василий Тарновский постоянно пополнял это собрание; позднее оно было передано его сыном губернскому земству и стало основой фонда Черниговского исторического музея.

⁷ Там же.

урожденной Александрович⁸. Один из них, Иван Феодосиевич Александрович, жил в Петербурге⁹ и служил контролером в счетном отделении Департамента горных и соляных дел¹⁰. Вероятно, племянник был принят на службу туда же («по контрольному ведомству»¹¹) по протекции этого дядюшки. Скорее всего, именно от него Гоголь узнал, что его однокашник совершил «какой-то странный карьер» и «находится, несмотря на древность фамилии, учителем в Волынской, или Литовской или Гродненской губернии». В.В. Тарновский видел в преподавании свое призвание¹² и готовил себя к университетской профессуре, но родные не одобряли его выбор как неподходящий для представителя древнего дворянского рода¹³. Гоголь, считавший карьеру провинциального учителя недостойной способностей и личных качеств Тарновского, в 1835 г. просил М.А. Максимовича, в то время профессора русской словесности Киевского университета, о помощи в переводе приятеля в Киев адъюнктом, отзываясь о нем как о бескорыстном и увлеченном наукой человеке¹⁴, но этот план не удалось реализовать. В рассматриваемом письме Тарновскому от 2 октября 1833 г. Гоголь рассуждает о его месте службы не без иронии:

Я, зная сам, что русское землеописание есть самая неблагоприятная вещь, не утруждал его вопросом, что значит именно Волынская, и что Литовская, и что Гродненская и в которой из них должен

⁸ *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 5. Вип. 1. С. 35.

⁹ *Аллер С.И.* Руководство к отысканию жилищ по Санкт-Петербургу, или Прибавление к адресной книге: Указатель жилищ и зданий в С.-Петербурге. СПб., 1824. С. 5.

¹⁰ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1830. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1830. Ч. 1. С. 554; РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 19. Л. 94; Ф. 1349. Оп. 4. 1833 г. Д. 8. Л. 119–126 — формулярный список за 1833 г. обер-бергмейстера 7 класса И.Ф. Александровича, 41 года.

¹¹ *Юзефович М. В.В.* Тарновский // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 461.

¹² Об этом он писал своему другу П.Г. Редкину 20 февраля 1834 г. [11, с. 178].

¹³ *Юзефович М. В.В.* Тарновский. 1881. С. 461.

¹⁴ См. письма Гоголя М.А. Максимовичу от 22 января и 22 марта 1835 г.: «Есть некто мой соученик, чрезвычайно добрый малый и очень преданной науке. Он, имея довольно хорошее состояние, решился на странное дело: захотел быть учителем в Житомирской гимназии из одной только страсти к истории. Фамилия его Тарновский. Нельзя ли его как-нибудь переташить в университет? Право, мне жаль, если он закиснет в Житомире» [3, с. 349]; «...это такой человек, которого всегда наподхват можно взять. Он добр и свеж чувствами, как дитя, слегка мечтателен и всегда с самоотвержением. Он думает только о той пользе, которую можно принести слушателям, и детски предан этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себе, награждают ли его, или нет. Для него не существует ни чинов, ни повышений, ни честолюбия» [3, с. 357].

обретаться ты и решился было писать к твоей маменьке в славную губернию Антоновку. Но Рудановский¹⁵ с письмом твоим весьма во время упредил меня. Итак, ты находишься в Житомире! Житомир! Клянусь Иисусом, если мне не во второй раз только приходится произносить это имя. Один раз, когда Моисеев спрашивал урок, а другой — ныне. Житомир! у тебя, должно быть много слушателей жидов. Тебе должно удовлетворить меня подробным описанием этого города в отношении к тебе, только чтоб это описание не пахло кафедрой! [3, с. 279].

Шутливое замечание Гоголя по поводу «русского землеописания» связано с тем, что перечисленные губернии учреждались, объединялись, снова делились и переименовывались, и это порождало немалую путаницу: в 1795 г. из присоединенных к России земель Великого Княжества Литовского были образованы Виленская и Слонимская губернии¹⁶, в 1797 г. они были объединены в Литовскую губернию¹⁷, в 1801 г. вновь восстановлены¹⁸, причем Слонимская губерния получила наименование Гродненской; она существовала до 1921 г. Виленская и Гродненская губернии в некоторых случаях назывались литовскими¹⁹. Волынская губерния была учреждена в 1796 г.²⁰, ее губернский город с 1804 г. — Житомир, в котором служил В.В. Тарновский.

Что же касается «славной губернии Антоновки», то под ней Гоголь имеет в виду село Антоновку Пирятинского уезда Полтавской губернии, в котором находилось имение Тарновских²¹. Мать В.В. Тарновского — Анна Феодосиевна, урожденная Александрович, умерла в 1835 г. в селе Богдановке Прилукского уезда, в имении своего зятя Николая Яковлевича Александровича, где была временно похоронена; в 1854 г. ее прах был перенесен в село Антоновку для захоронения рядом с мужем²².

¹⁵ Вероятно, выпускник Нежинской гимназии Л.П. Рудановский, приехавший в Петербург в 1833 г. и передавший Гоголю письмо В.В. Тарновского.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17634. С. 229–230.

¹⁷ Там же. Т. XXIV. № 17788. С. 318.

¹⁸ Там же. Т. XXVI. № 20004. С. 775–777.

¹⁹ *Каменецкий Т.А.* Краткое всеобщее землеописание по новому разделению. М., 1827. С. 103.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXIV. № 17634. С. 229–230.

²¹ *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 5. Вып. 1. С. 35; РГИА. Ф. 577. Оп. 30. Д. 1698, 1699.

²² Там же. С. 35, 38.

Мимоходом упомянутый Гоголем Кирилл Абрамович Моисеев (1790–1853) — профессор истории, географии и статистики Нежинской гимназии высших наук (1820–1837), у которого учились и Гоголь, и Тарновский [11, с. 219; 5, с. 154–156, 163–165]. Согласно гимназическим ведомостям, в 1824 г. Моисеев преподавал российскую географию в 5 классе, в котором числился Гоголь; на этих уроках уделялось внимание различным губерниям Российской империи; при этом оценки Гоголя варьировались от посредственных до самых высоких [5, с. 154–156, 163–164].

Предположение Гоголя о составе учеников Тарновского («у тебя, должно быть, много слушателей жидов») объясняется тем, что город тогда являлся одним из центров черты оседлости и доля еврейского населения в нем была высокой. Евреям разрешалось, согласно положению от 9 декабря 1804 г.²³, поступать в российские училища и гимназии, но родители предпочитали отдавать детей в еврейские религиозные учебные заведения. В 1833 г. в только что открытой Житомирской (Воынской губернской) гимназии из 321 учеников — 6 евреев, 270 католиков, 38 православных, 7 протестантов²⁴.

Далее Гоголь в том же шутовском тоне сообщает Тарновскому новости об их общих знакомых, выпускниках Нежинской гимназии, живущих в столице:

Наши одноборщники все, слава богу, здоровы. Прокопович Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисе. Прокопович Василий получил <.....>. [3, с. 279].

Названный здесь Николай Яковлевич Прокопович (1810–1857), один из самых близких школьных друзей Гоголя, в 1832 г. окончил Петербургское театральное училище и до 1835 г. служил актером столичной драматической труппы императорских театров, выходя на сцену во второстепенных, часто самых незначительных ролях²⁵ [9, с. 574]. Весной или в начале лета 1833 г. он женился на начинающей актрисе М.Н. Трохневой, недавно выпущенной из того же театрального училища; ей было тогда около 20 лет [12, с. 248–249].

²³ Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXVIII. № 21547. С. 731.

²⁴ Материалы для истории и статистики наших гимназий // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. Ч. 121. № 2. Отд. 2. С. 381.

²⁵ См.: *Гербель Н. Н. Я. Прокопович // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. Отд. 2. С. 105.*

Младший брат Н.Я. Прокоповича Василий (1812–1840), выпускник Нежинской гимназии 1832 г., вслед за ним приехал в Петербург. О знакомстве В.Я. Прокоповича со столичными «достопримечательностями» (а именно, о посещении публичного дома) Гоголь рассказывал А.С. Данилевскому в письме от 20 декабря 1832 г. [3, с. 252–253]. Осенью 1833 г. Василий поступил в канцелярию Государственной экспедиции для ревизии счетов Госконтроля и получил чин коллежского регистратора²⁶ [11, с. 144]. Впоследствии он стал учителем в Дворянском полку²⁷. Здесь же вел занятия выпускник Нежинской гимназии Е.П. Гребенка, сообщивший своему товарищу Н.М. Новицкому, также бывшему нежинцу, в письме от августа–сентября 1835 г.: «Я читаю в Двор<янском> полку словесность, Гудима географию, а Васька Прокопович — историю» [4, т. 3, с. 584]; Е.В. Гудима, друг Е.П. Гребенки, окончил Гимназию вместе с В.Я. Прокоповичем в 1832 г.

Василий Прокопович был восприемником трех старших детей Николая; записи в метрических книгах свидетельствуют, что в апреле 1835 г. В.Я. Прокопович, имея чин 14 класса, служил в Контрольной экспедиции²⁸, в феврале 1836 г. преподавал во Втором кадетском корпусе²⁹, в феврале 1837 г. — в Дворянском полку³⁰.

Гоголь упоминает в письме и Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868)³¹, еще одного воспитанника Гимназии высших наук, впоследствии известного драматурга, и сообщает, что тот «навалил дюжину дюжинных трагедий» [3, с. 279]. О невероятной плодотворности литературной деятельности Кукольника Гоголь писал также А.С. Данилевскому 8 февраля 1833 г., но тогда речь шла лишь о 7 готовых трагедиях [3, с. 261]. Известно, что Кукольник к осени 1833 г. завершил работу над исторической драмой «Рука всевышнего отечество спасла», поставленной в 1834 г. и имевшей шумный успех на сцене, а также над драматической фантазией «Торквато Тассо», появление которой в 1833 г., по воспоминаниям современников, произвело большое впечатление на столичную литературную молодежь и пробудило интерес к личности автора:

²⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1834 г. Д. 86. Л. 1745–1746.

²⁷ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1836. Ч. 1. СПб.: При Имп. Акад. наук. С. 792; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1841. Ч. 1. СПб.: При Имп. Акад. наук. С. 555.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 272. Л. 159 об.

²⁹ Там же. Д. 279а. Л. 193.

³⁰ Там же. Д. 282. Л. 404 об.

³¹ См. о нем подробнее: [11, с. 96–103].

«Носились слухи, что он привез с собою множество удивительных произведений, долженствовавших сделать переворот в русской литературе» [8, с. 67]. Вероятно, эти слухи исходили отчасти от самого Кукольника, который на одном из чтений его «Руки всевышнего...» сообщил присутствовавшим, «что он не считает эту драму лучшим своим произведением; что у него задуман целый ряд драм из жизни итальянских художников, требовавших огромной эрудиции, из которых одна — «Джулио Мости» — приведена почти совсем к окончанию, и что это его любимое, *задушевное* произведение» [8, с. 68]. Слова Гоголя о «дюжине дюжинных трагедий», по всей видимости, представляют собой ироническое преувеличение подобных громких заявлений Кукольника: его драмы о судьбе художника, как и ряд исторических трагедий, вышли в свет позднее, в 1830-е–1840-е гг. [7, с. 213]. Отрывок из «второй большой драматической фантазии» «Джулио Мости» был опубликован в журнале «Сын отечества и Северный архив» за 1834 г.; в предисловии сообщалось, что автор «возымел идею великую и прекрасную»: «задумал представить в нескольких драмах», называемых фантазиями, «жизнь людей, обреченных искусству»; «Торквато Тассо» «есть первое звено великолепной цепи, которую г. Кукольник намеревается выковать», «Джулио Мости составляет второе звено, Джакомо Санназар, уже написанный, — третье; за ними последуют: Доминикино, Рафаэль и многие другие»³².

С иронией Гоголь отзывался и о Василии Игнатьевиче Любич-Романовиче³³ (1805–1888), также бывшем соученике по гимназии, однокласснике В.В. Тарновского:

Романович не добыл ума ни на копейку после того и часто, идя в должность из Литейной на Гагаринскую, забегает по дороге ко мне в Малую Морскую [3, с. 279].

В 1833 г. Любич-Романович служил в Капитуле российских орденов, размещавшемся в казенном здании на Гагаринской улице, возле одноименной пристани³⁴. Дом Лепена на Малой Морской улице, в котором тогда снимал квартиру Гоголь, находился вдали от маршрута, по которому Романович мог следовать «в должность»

³² Сын отечества и Северный архив. 1834. Т. 41. № 2. Отд. I. С. 81.

³³ См. о нем: [11, с. 112–118; 10, с. 439].

³⁴ *Аллер С.И.* Руководство к отысканию жилищ по Санкт-Петербургу, или Прибавление к адресной книге. С. 180; *Нистрем К.М.* Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб.: В тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1837. С. 1159.

с Литейной улицы (позднее проспекта); о его привычке «забегать по дороге к приятелям за две версты в сторону» Гоголь писал и А.С. Данилевскому в письме от 8 февраля 1833 г.:

Кажется, он чем далее делается легче на подъем, так что в глубокой старости улетит, я думаю, с телом в поднебесные страны, отчизну поэтов [3, 261].

В письме Тарновскому Гоголь касается и обстоятельств жизни своего одноклассника, друга детства и постоянного корреспондента Александра Семеновича Данилевского (1809–1888):

Данилевский опять здесь, только служит не в военной, а в министерстве внутренних дел [3, с. 279].

После окончания Нежинской гимназии Данилевский пробовал свои силы на военном поприще: с 1829 по 1831 г. учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и состоял сначала в Измайловском, а затем в Уланском гвардейском полку, но из-за болезни был вынужден уволиться и весной 1831 г. покинул Петербург [1, с. 340–363]. Побывав в родной Малороссии и на Кавказе, он вернулся в столицу в марте 1833 г. Вскоре, 14 апреля 1833 г., он подал прошение на имя Д.Н. Блудова о приеме на службу в Министерство внутренних дел и 20 апреля был назначен в канцелярию министерства чиновником без жалования до открытия вакансии «для занятий по 3 экспедиции»; 4 мая был утвержден в чине коллежского регистратора; в апреле 1834 и июле 1835 г. получил денежное пособие (400 р.) за «отлично-ревностную службу»; 28 мая 1836 г. уволился по причине «расстроенного здоровья»³⁵.

Еще о двух нежинцах Гоголь пишет так:

Благодаристойный, иначе Николай Бороздин, кланяется тебе (его костьль получил такую гибкость, что он отваживается с ним даже плясать мазурку). Кобеляцкий так же мастерски умеет плевать, как и прежде [3, с. 279].

Речь идет о Николае Корнильевиче Бороздине (1808–1880), завершившем учебу в 1827 г. [11, с. 35], и Иване Николаевиче Кобеляцком (1806 – после 1849), который был отчислен из гимназии

³⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 18. Отделение 2. Стол 3. Д. 70. Л. 1, 7, 15, 16, 17 об.; см. также: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1845 г. Д. 263–3. Л. 459 об.–461 — формулярный список за 1845 г.

в 1826 г. за дурное поведение; осенью 1833 г. он служил в Царско-сельском дворцовом правлении вотчинным комиссаром [11, с. 86].

Далее Гоголь спрашивает Тарновского о его близком друге Петре Григорьевиче Редкине (1808–1891), одном из лучших воспитанников Нежинской гимназии, окончившем ее в 1826 г. с золотой медалью, «первым кандидатом первого выпуска»³⁶, впоследствии известном правоведе. В том же 1826 г. Редкин поступил на отделение этико-политических наук Московского университета (вместе с Тарновским, с которым поддерживал дружеские отношения на протяжении всей жизни); в 1828 г. был командирован в Дерптский профессорский институт для подготовки к профессорскому званию; в октябре 1830 г. поступил на службу во 2-е отделение Собственной Е.И.В. канцелярии; в 1830–1834 гг. слушал лекции в Берлинском университете. По возвращении выдержал испытание на степень доктора прав и стал профессором Московского университета (1835)³⁷. В дневнике художника А.Н. Мокрицкого, выпускника той же гимназии, упоминается обед по случаю отъезда Редкина из Петербурга в Москву, который собирались устроить нежинцы 18 сентября 1835 г. [6, с. 44].

Интересуется Гоголь в письме и судьбой своего старшего товарища по гимназии Герасима Ивановича Высоцкого (1804 — после 1870), одноклассника Тарновского. С ним Гоголь переписывался в 1827 г., после его отъезда в Петербург, однако затем их общение прервалось [см.: 11, с. 41–42; 2, с. 67–69].

Сам же Тарновский 2 октября 1835 г. оставил службу³⁸. В 1833 г. скончался его отец, в 1835 г. — мать; «на его попечении остались братья и сестры и небольшое состояние, требовавшее личных его трудов и забот»³⁹. Он был вынужден отказаться от научной и преподавательской карьеры и посвятить жизнь управлению родовым имением [11, с. 179]. В дальнейшем занимался крестьянским вопросом, участвовал в подготовке реформы 1861 г., в 1860-е гг. был членом от правительства в Полтавском губернском по крестьянским делам присутствии и состоял в Черниговской губернской земской управе. Им опубликован ряд статей по хозяйственно-экономическим, юридическим, этнографическим вопросам. В 1840-е гг. в Киеве на литературных вечерах у Тарновского бывали Н.И. Костомаров,

³⁶ Толбин В. П.Г. Редкин. С. 120.

³⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. Ч. 1, 2. М., 1855. Ч. 2. С. 376–386; Толбин В. П.Г. Редкин. С. 120–124.

³⁸ Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 5. Вып. 1. С. 38.

³⁹ Юзефович М. В.В. Тарновский . С. 461.

Т.Г. Шевченко, В.М. Белозерский и др. Есть сведения, что Гоголь посетал Тарновского в Качановке [11, с. 179].

Рассмотренное письмо Гоголя убеждает в том, что значительную часть круга его общения в столице в 1833 г. составляли товарищи по Нежинской гимназии, с которыми его связывали разнообразные интересы и обстоятельства. Несмотря на приобретенную писательскую известность и знакомства в литературном мире, отношения с земляками и «одноборщниками» продолжали играть в жизни Гоголя существенную роль, он дорожил ими, находил в них опору, утешение и развлечение. Переписка с В.В. Тарновским за 1834 г. относится к следующему этапу биографии Гоголя (в это время он начал читать лекции по истории в Петербургском университете, готовил к публикации «Миргород» и «Арабески») и потому заслуживает отдельного изучения.

Литература

1. *Виноградская Н.Л.* Гоголь и Школа юнкеров. (Из комментария к письмам Гоголя А.С. Данилевскому) // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 340–363. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-340-363>
2. *Виноградская Н.Л.* Письма Н.В. Гоголя к Г.И. Высоцкому: Из истории автографов // *Вопросы источниковедения и текстологии русской литературы XIX века: сб. ст. по мат. Междунар. науч. конф.* М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 66–77. DOI: 10.22455/978-5-9208-0687-1-66-77
3. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. <Б. м.>: АН СССР, 1937–1952.
4. *Гребінка Є.П.* Твори: у 3 т. / ред. Б.А. Деркач. Київ: Наука, 1980–1981.
5. М.В. Гоголь у документах Державного архіву Чернігівської області (до 200-річчя від дня народження): Збірник документів і матеріалів / відп. ред. Р.Б. Воробей; упорядники А.В. Морозова, Н.М. Полетун. Чернігів: Чернігівські Обереги, 2009. 400 с.
6. *Мокрицкий А.Н.* Дневник художника А.Н. Мокрицкого. М.: Изобразительное искусство, 1975. 271 с.
7. *Охотин Н.Г., Ранчин А.М.* Кукольник Нестор Васильевич // *Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь.* М.: Большая Российская энциклопедия; Фанит, 1994. Т. 3. С. 212–217.
8. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 442 с.
9. *Сбоева С.* Прокопович Николай Яковлевич // *Национальный драматический театр России. Александринский театр. Актеры. Режиссеры: энциклопедия.* СПб.: Балтийские сезоны, 2020. С. 574.
10. *Супрунюк О.К.* Любич-Романович Василий (Валериан) Игнатьевич // *Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь.* М.: Большая Российская энциклопедия; Фанит, 1994. Т. 3. С. 438–440.
11. *Супрунюк О.К.* Н.В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии: Биобиблиографический словарь. Киев: Академперіодика, 2009. 249 с.
12. *Супрунюк О.К.* Новые материалы о Н.Я. Прокоповиче (к изучению литературного окружения молодого Гоголя) // *Гоголь: Материалы и исследования.* М.: Наследие, 1995. С. 239–252.

Research Article

“Our Classmates Are All Well, Thank God” (From a Commentary on N.V. Gogol’s Letter to V.V. Tarnovsky dated October 2, 1833)

© 2024. Nataliya L. Vinogradskaya

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper deals with the commentary on N.V. Gogol’s letter dated October 2, 1833, to his friend at the Nizhyn Gymnasium of Higher Sciences V.V. Tarnovsky. This letter, which has not yet been commented on with sufficient completeness and accuracy, discusses the mutual friends of Gogol and Tarnovsky, their former classmates living in the capital (A.S. Danilevsky, N.Y. Prokopovich, V.Ya. Prokopovich, N.V. Kukulnik, P.G. Redkin, V.I. Lyubich-Romanovich, etc.), as well as a circle of people close to them, with whom Gogol maintained contact. The letter’s biographical, historical, cultural, and literary context helps to compile a comprehensive academic commentary on it, using archival data and materials from printed sources on the history of the first third of the 19th century. That allows us to understand better Gogol’s interests, activities, and environment in the early 1830s. A study of the realities contained in the letter convinces us that Gogol, despite his acquired literary fame and acquaintances in the literary world, valued his relationships with his fellow countrymen and classmates, who still played a big role in his life and were keenly interested in how their destinies turn out.

Keywords: N.V. Gogol, V.V. Tarnovsky, G.S. Tarnovsky, A.S. Danilevsky, N.Ya. Prokopovich, V.Ya. Prokopovich, N.V. Kukulnik, P.G. Redkin, V.I. Lyubich-Romanovich, Nizhyn Gymnasium of Higher Sciences, letters, commentary.

Information about the author: Nataliya L. Vinogradskaya, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9669-2061>E-mail: nvinograd@yandex.ru

For citation: Vinogradskaya, N.L. “‘Our Classmates Are All Well, Thank God’ (From a Commentary on N.V. Gogol’s Letter to V.V. Tarnovsky Dated October 2, 1833).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 123–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-123-135>

References

1. Vinogradskaya, N.L. “Gogol’ i Shkola iunkerov. (Iz kommentariia k pis’mam Gogolia A.S. Danilevskomu)” [“Gogol and the School of Cavalry Junkers. (From a Commentary on Gogol’s Letters to A.S. Danilevsky)”. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3. 2022, pp. 340–363. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2022-4-17-29> (In Russ.)
2. Vinogradskaya, N.L. “Pis’ma N.V. Gogolia k G.I. Vysotskomu: Iz istorii avtografov” [“N.V. Gogol’s Letters to G.I. Vysotsky: From the Autographs’ History”]. *Voprosy*

istochnikovedeniia i tekstologii russkoi literatury XIX veka: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Questions of Source Study and Textual Criticism of Russian Literature of the 20th Century: Proceedings of International Scientific Conference]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 66–77. DOI: 10.22455/978-5-9208-0687-1-66-77 (In Russ.)

3. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.]. <S. I.>, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1937–1952. (In Russ.)

4. Grebinka, Je.P. *Tvori: u 3 t.* [Works: in 3 vols.], ed. B.A. Derkach. Kyiv, Nauka Publ., 1980–1981. (In Ukrainian)

5. M.V. Gogol' u dokumentakh Derzhavnogo arkhivu Chernigivs'ko' oblasti (do 200-rihchja vid dnia narodzhennia): zbirnik dokumentiv i materialiv [M.V. Gogol in the Documents of the State Archive of the Chernihiv Region (for the 200th Anniversary of His Birth): Collection of Documents and Materials], ex. ed. R.B. Vorobei, uporiadniki A.V. Morozova, N.M. Poletun. Chernigiv, Chernigivs'ki Oberegi Publ., 2009. 400 p. (In Ukrainian)

6. Mokritskii, A.N. *Dnevnik khudozhnika A.N. Mokritskogo* [Diary of the Artist Mokritsky]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1975. 271 p. (In Russ.)

7. Okhotin, N.G., and A.M. Ranchin. “Kukol'nik Nestor Vasil'evich” [“Kukolnik Nestor Vasilievich”]. *Russkie pisateli: 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian Writers: 1800–1917: Biographical Dictionary], vol. 3. Moscow, Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia, Fianit Publ., 1994, pp. 212–217. (In Russ.)

8. Panaev, I.I. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1988. 442 p. (In Russ.)

9. Sboeva, S. “Prokopovich Nikolai Iakovlevich” [“Prokopovich Nikolai Yakovlevich”]. *Natsional'nyi dramaticheskii teatr Rossii. Aleksandrinskii teatr. Aktery. Rezhissery: entsiklopediia* [National Drama Theater of Russia. Alexandrinsky Theater. Actors. Directors: Encyclopedia]. St. Petersburg, Baltiiskie sezony Publ., 2020, pp. 574. (In Russ.)

10. Suproniuk, O.K. “Liubich-Romanovich Vasilii (Valerian) Ignat'evich” [“Lyubich-Romanovich Vasily (Valerian) Ignatievich”]. *Russkie pisateli: 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian Writers: 1800–1917: Biographical dictionary], vol. 3. Moscow, Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia, Fianit Publ., 1994, pp. 438–440. (In Russ.)

11. Suproniuk, O.K. *N.V. Gogol' i ego okruzhenie v Nezhinskoj gimnazii: Biobibliograficheskii slovar'* [Gogol and His Entourage at the Nizhyn Gymnasium: Bio-Bibliographic Dictionary]. Kyiv, Akadempriodika Publ., 2009. 249 p. (In Russ.)

12. Suproniuk, O.K. “Novye materialy o N.Ia. Prokopoviche (k izucheniiu literaturnogo okruzhenniia molodogo Gogolia)” [“New Materials about N.Ya. Prokopovich (To the Study of the Literary Environment of the Young Gogol)”]. *Gogol': Materialy i issledovaniia* [Gogol: Materials and Research]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 239–252. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024
Одобрена после рецензирования: 28.04.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 24.03.2024
Approved after reviewing: 28.04.2024
Date of publication: 25.06.2024

Фальсификаты рукописей Исаака Бабеля и их распознавание

© 2024, П.А. Дружинин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье, посвященной рукописному наследию Исаака Бабеля, исследуются письма, инскрипты, рисунки писателя, введенные в научный оборот в последнее десятилетие. На основании анализа этих находок делается вывод о том, что все эти «автографы Исаака Бабеля» представляют собой мистификации различной степени убедительности. Тем самым подтверждается действенность филологических методов для распознавания фальсификатов рукописей классиков литературы. В частности, исследована дарительная надпись Исаака Бабеля Соломону Михозлсу, написанная частично на идише: в результате установлено, что текст надписи свидетельствует о слабом владении идишем писавшего, что в свою очередь опровергает возможность подлинности такого инскрипта в целом. Рассмотренные в статье вопросы коррелируют с общей проблематикой современной научной текстологии.

Ключевые слова: Исаак Бабель, Соломон Михозлс, идиш, иудаика, язык писателя, текстология, рукописи, автографы, мистификации, фальсификаты

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ул. Волхонка, д. 18/2, 119019 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

E-mail: petr@druzhinin.ru

Для цитирования: Дружинин П.А. Фальсификаты рукописей Исаака Бабеля и их распознавание // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 136–160.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-136-160>

Введение

В последнее десятилетие в открытую продажу поступает значительное число рукописей классиков литературы. Исследователь, фиксирующий эти памятники письменности, оказывается ограничен преимущественно печатными или электронными каталогами распродаж, поскольку рукописи эти происходят из частных собраний, а затем, единожды мелькнув, вновь оседают в частных руках. То есть в большинстве случаев исследователь не имеет возможности обратиться к подлинникам, что таит ряд серьезных опасностей при некритическом отношении к вновь обретаемым рукописям. В значительной части случаев помощь исследователю оказывают воспроизведения, по которым оказывается возможным сделать определенные текстологические наблюдения.

Первоочередная задача, которая должна стоять перед исследователями, — рассмотрение вновь выявляемых рукописей на предмет подлинности, поскольку год от года возрастает число мистификаций, а их распознавание на раннем этапе позволяет воспрепятствовать проникновению мистифицированных текстов в корпусы наследия писателей. Безусловно, для суждений о вопросах подлинности рукописей писателей необходимы определенные навыки, в том числе опыт работы с рукописными источниками, знание специфических особенностей наследия конкретного автора, осведомленность о фальсификатах и тенденциях в этой специфической области. Подчас для аргументированного разоблачения мистификации от исследователя требуется не поверхностное знакомство, но значительное погружение в рукописное наследие писателя, в его биографию. Ведь и «мистификаторы, так же как исследователи, стремятся определить черты писателя, а затем применяют свои наблюдения» [17, с. 139].

Каждый текстолог должен осознавать, что сегодняшний мистификатор — это не герой истории науки наподобие автора окончания пушкинской «Русалки», а современник, обладающий значительным арсеналом средств для фальсификации рукописей. Поэтому к специалистам, которые берутся за решение вопросов подлинности письменных источников, предъявляются и высокие профессиональные требования. Ведь каждый частный вывод об отдельной рукописи оказывает воздействие на текстологию конкретного автора, а также способен влиять и на науку о литературе в целом. Напомним слова С.А. Рейсера, «что произведение, даже на основании самой легкомысленной атрибуции, легче ввести в корпус работ того или иного писателя, чем на основании самого серьезного анализа его из него вывести» [16, с. 102].

В настоящей статье мы рассмотрим ряд рукописей, связанных с именем Исаака Эммануиловича Бабеля (1894–1940). Отбирая экспонаты для статьи, мы имели возможность изучить и немало подлинных (не вызвавших у нас сомнений) рукописей И. Бабеля, однако были одновременно удивлены и массивами фальсификата: наследие этого писателя, как оказалось, привлекает значительное внимание мистификаторов, как будто в ответ на свойства характера самого И. Бабеля. Как вспоминал Лев Никулин, Бабель «любил забавные мистификации. Занимался мистификациями в шутку и всерьез...» [3, с. 132].

Для распознавания фальсификатов рукописей могут использоваться различные методы; мы же постараемся рассмотреть некоторые из вновь выявленных рукописей Бабеля исключительно с точки зрения науки о литературе, изредка с привлечением некоторых других дисциплин в зависимости от специфики конкретного автографа. Предваряя наше рассмотрение, скажем, что большинство из рассматриваемых нами рукописей ранее были признаны экспертами и исследователями подлинниками, так что мы рассмотрим их достаточно подробно, представив ряд аргументов, убедительность которых предлагаем оценить читателям.

1

Во-первых, рассмотрим почтовую открытку, отправленную И. Бабелем 21 сентября 1935 года Л.Г. Багрицкой (1895–1969), вдове друга и соотича-одессита Эдуарда Багрицкого (1895–1934).

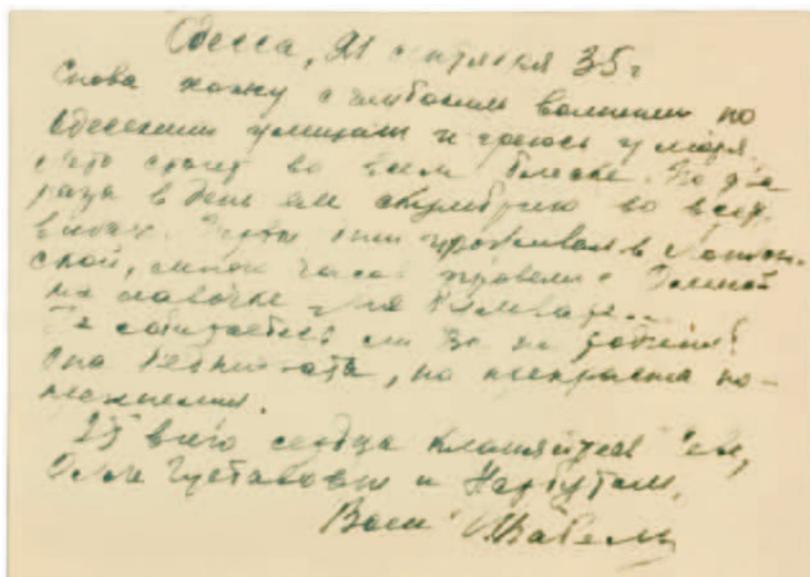
*«<Куда> г. Москва Камергерский пер. д. 2 кв. За
<Кому> Багрицкой Лидии Густавовне
<Адрес отправителя> г. Одесса Главпочтамт до востребования И Бабель /*

Одесса, 21 сентября 35 г.

Снова хожу с глубоким волнением по одесским улицам и греюсь у моря. Лето стоит во всем блеске. По два раза в день ем скумбрию во всех видах. Первые дни прожил в Лондонской, много часов провели с Олешей на лавочке, на бульваре...

Не собираетесь ли Вы на родине? Она бедновата, но прекрасна по-прежнему.

*От всего сердца кланяйтесь Севе, Ольге Густавовне и Нарбутам.
Ваш И. Бабель»*

Имитация письма Исаака Бабеля Лидии Багрицкой, 2020-е.
(Лицевая и оборотная стороны).

Подлинное письмо Исаака Бабеля Лидии Багрицкой, 21 сентября 1935.
(Лицевая и оборотная стороны).
РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Ед. хр. 111. Л. 2.

The original Isaac Babel's letter to Lydia Bagritskaya. September 21, 1935.
Russian State Archive of Literature and Art, coll. 1399, inv. 2, item 111, p. 2

Когда это послание было выставлено на публичные торги, то в подтверждение подлинности указывалось: «Письмо опубликовано в книге: Бабель И. Собрание сочинений. В 4 т. М., Время. 2006 г.», что соответствует истине.

Тем не менее, обилие вопросов, которое с самого первого взгляда возникает к этой рукописи, побудило нас рассмотреть ее внимательно. Оговоримся сразу, что мелкие орфографические несообразности, которые отмечаются при сличении оригинального текста с публикацией, не могут служить серьезным доводом для опровержения подлинности (поскольку и публикация могла осуществляться по неверному списку, и транскрипция оригинала могла иметь ошибки). Мы же остановимся на тех вопросах к рукописи, которые для текстолога являются более принципиальными.

Первый.

В тексте письма мы видим дату «Одесса, 21 сентября 35 г.» На первый взгляд она ничем не примечательна, тем более, что писатель действительно в тот день находился в Одессе, а письмо впоследствии с этой датировкой попало в собрание сочинений.

Суть же нашего наблюдения в том, что у некоторых писателей существовала устойчивая форма написания дат. Скажем, по воспоминаниям Ариадны Эфрон, такая форма была у Марины Цветаевой: «Датировка писем и прозы верная и точная. Она всегда очень точно писала дату, причем месяц писала буквами, а не цифрами» [12, с. 223].

У Исаака Бабеля же наблюдается обратный принцип: писатель всегда при указании месяца использует цифирь (чаще римскую, реже — арабскую), то есть никогда не записывает месяц буквами. Это совершенно устойчивый для Бабеля признак, и 371 письмо его опубликованного эпистолярия — тому подтверждение [2].

Вспоминая расхожую фразу «исключение лишь подтверждает правило», или, цитируя уже Цицерона про «оговорку, в которой можно было бы усмотреть исключение для чего-то нерушимого» (Cicero. Pro Balbo, XIV 33), скажем здесь и об одном-единственном исключении в эпистолярии Бабеля. Речь идет о письме писателя маленькой девочке Тане Невревой, дочери возлюбленной писателя, его «несостоявшейся жены» Т.В. Ивановой (урожд. Кашириной; 1900–1995) от брака с Н.В. Невревым, в котором писатель указывает дату «12 декабря 1928» [2, с. 256].

Второй.

Привлекает внимание адрес получателя, написанный на лицевой стороне открытки: *г. Москва, Камергерский переулок*. Это наблюдение уже не столько текстологическое, сколько историко-топографическое: переулок между Тверской и Большой Дмитровкой сегодня жителям города Москвы известен как Камергерский, однако он не всегда носил свое историческое название: в октябре 1923 года по случаю 25-летия Московского художественного театра он решением Моссовета был переименован в «Проезд Художественного театра», а в «дом писательского кооператива № 2», построенный на рубеже 1920–1930-х годов, Эдуард Багрицкий с семьей заселился в 1931 году [9, с. 350], когда о прежнем названии переулка уже и не вспоминали: гремевшее имя МХАТа затмило былую топонимику. Сам И. Бабель также не застал никакого Камергерского переулка — он впервые побывал в Москве в октябре 1924 года [2, с. 9–10]. То есть в нашем случае эта ошибка в адресе — ничуть не анахронизм И. Бабеля, а свидетельство неблагополучия представленной рукописи.

Подобные наблюдения побуждают, естественно, обратиться к собранию сочинений, чтобы разрешить накопившиеся вопросы. В издании 2006 года [2, с. 338, № 346] текст письма имеет некоторые разночтения относительно рукописи:

«Одесса, 21/IX–35

Милая Лидия Густавовна.

Снова хожу с глубоким волнением по одесским улицам и греюсь у моря. Лето стоит во всем блеске. По два раза в день ем скумбрию во всех видах. Первые дни прожил в Лондонской, много часов провел с Олешей на лавочке, на бульваре... Не соберетесь <!> ли Вы на родину? Она бедновата, но прекрасна по-прежнему.

От всего сердца кланяйтесь Севе, Ольге Густавовне и Нарбутам. Мой адрес — Главный почтамт, до востребования.

Ваши И. Бабель»

Из разночтений отметим различные написания ряда слов (в т.ч. *проживал* в Лондонской / *прожил* в Лондонской; *не собираетесь* ли Вы / *не соберетесь* ли Вы). В целом нередки случаи, когда текст из частного собрания публикуется либо по неисправной копии, либо же копируется с ошибками. При этом мы видим иное написание даты (21 сентября 35 г / 21/IX–35), что уже не столь безобидно на фоне изложенных выше наблюдений над характерными чертами

эпистолярия И. Бабеля. Однако собрание сочинений не указывает нам местонахождения подлинника.

Обратившись к более ранней публикации этого письма — двухтомнику И. Бабеля, мы видим небольшие разночтения относительно последнего собрания сочинений (например, «не собираетесь ли»). Местонахождение оригинала не указывается, зато имеется помета «Печатается впервые» [1, с. 347, № 186; с. 461].

Трудно не заметить, что принципы публикации эпистолярия как в сочинениях (1990), так и в собрании сочинений (2006) далеки от академических. Очевидна и неполнота, вплоть до того, что упущены даже письма из государственных хранилищ. Скажем, в Музее МХАТа (инв. МФ-81) сохраняется подлинное письмо Ф.Н. Михальскому (1896–1968), главному администратору Художественного театра, достаточно интересное и вполне достойное публикации:

Дорогой Федор Николаевич.

Голос мой в телефон должно быть анафемски Вам надоел, поэтому я меняю тактику и стратегию и посылаю домохозяина (вернее, домохозяйку). Прибавьте к безчисленным благодеяниям еще одно и помогите ей купить на сегодня [два билета] один билет.

Преданный Вам и благодарный

И Бабель

5. XI. 34.

Вернемся к обсуждаемому письму. К счастью, указание «Печатается впервые» (1990) оказалось неточным: одновременно с подготовкой двухтомника С.Н. Поварцов (1944–2015), историк литературы из Омска, защитивший одну из первых диссертаций о творчестве Бабеля (1970), подготовил и краткую публикацию шести писем, которая опередила том сочинений. Именно здесь указывается местонахождение письма И. Бабеля от 21 сентября 1935 года — ЦГАЛИ. Ф. 1399, оп. 2, ед. хр. 111 [15, с. 271]. (Нельзя умолчать о том, что публикатор «раскрыл» даты, указав месяц каждого письма буквами.)

Таким образом, и этих наблюдений достаточно для вывода: перед нами не подлинник, а мистификация. Сделана она достаточно простым и распространенным способом: за основу берется фрагмент подлинного текста писателя, который с небольшими изменениями воспроизводится заново, тем самым как будто представляя собой подлинник.

Третий.

Нельзя не сказать о том, что мистификаторы позаботились, чтобы их произведение было неопровержимо и как будто бы имело подтверждение еще с одной стороны, весьма далекой от литературоведения. Для того чтобы пояснить замысел мистификаторов, предлагаем рассмотреть это письмо не как источник текста, а как предмет филокартии, поскольку текст написан на почтовой карточке. Причем перед нами действительно подлинная маркированная почтовая карточка стандартного выпуска 1935 г. для иногородней корреспонденции¹. То есть она соответствует эпохе и своему функционалу.

Однако у фальсификатов, которые маскируются почтовыми отправлениями, имеется своя ахиллесова пята — это наложенные на них календарные почтовые штемпели. Фальсификация календарных почтовых штемпелей в действительности крайне затруднительна; то есть она формально как будто бы проста, однако почти всегда распознается визуально, поскольку неодинаков материал, из которого изготовлена матрица этого штемпеля. Если вкратце, то почтовые календарные штемпели интересующего нас времени (и вообще XX в.) были металлическими, а гашение корреспонденции производилось с усилием (либо штемпелевальной машиной, либо вручную штемпелем на удлиненной ручке — т.н. молотковым штемпелем), оставляя характерный вдавленный след. Фальсификаты же новейшего времени изготовлены из полимера и по характеру оттиска напоминают обычную круглую канцелярскую печать, оттиснутую черной краской. Глаз историка или филолога, имеющего опыт архивной работы и чтения эпистолярия XX в., достаточно легко сможет отличить фальсификата от оригинального календарного штемпеля.

Мы видим здесь исходящий и входящий штемпели, которые наложены на адресной стороне почтовой карточки (это соответствует правилам гашения маркированных карточек), но даже визуально очевидно, что штемпели эти — фальсификаты. И хотя исходящий штемпель не имеет никакой топографии, но входящий, с указанием «Москва», имеет иные число и месяц, нежели дата письма, однако эти подробности кажутся излишними, поскольку, повторимся, фальсификация штемпелей визуально очевидна.

¹ См.: Маркированные почтовые карточки СССР: Каталог / сост. Г.М. Листов. М.: Радио и связь, 1982. С. 20, № I-113.

Уточнение места хранения оригинального письма позволило нам сверить фальсификат с подлинником РГАЛИ. Как мы и предполагали, дата в оригинале указана в свойственной писателю манере «Одесса 21. IX. 35.», адрес: «Москва. Проезд Художествен<ного> театра, 2.».

Нельзя умолчать о том, что изучение подлинника лишь подтвердило выше высказанные мысли о том, что эпистолярный И. Бабеля опубликован крайне неакадемично. Суть не столько в неточностях транскрипции во всех публикациях этого послания, а в том, что лишь при обращении к подлиннику мы обнаруживаем, что это в действительности не письмо, а почтовая открытка. Но не обычная, а фотографическая: на лицевой стороне изображение «Одесса. Маяк». Это тот самый Воронцовский маяк, еще чугунный, подорванный советскими войсками в 1941 г., который мы встречаем и в стихах Э. Багрицкого и в произведениях очень многих писателей-одесситов; именно эту фотографию родного города отправил Бабель в Москву. И мы не можем не привести строки того, с кем Бабель провел, судя по этому письму, «много часов» — Юрия Олеши:

Шенгели говорил мне как-то, что он хотел бы жить на маяке. Ну что ж, это неплохая фантазия! А что там, на маяке? Какой формы там жилище? Что это — комната, несколько комнат, маленькая казарма? Ничего нельзя себе представить! Я не был на маяке, я только видел, как он горит. Мало сказать видел — вся молодость прошла под вращение этого гигантского то рубина, то изумруда. Он зажигался вдали — сравнительно не так уж далеко, километрах в двух, что при чистоте морского простора — ничто! Зажигался в темноте морской южной ночи, как бы появляясь из-за угла, как бы взглядывая именно на вас. Боже мой, сколько красок можно подыскать здесь, описывая такое чудо, как маяк, — такую древнюю штуку, такого давнего гостя поэзии, истории, философии... [13, с. 122–123].

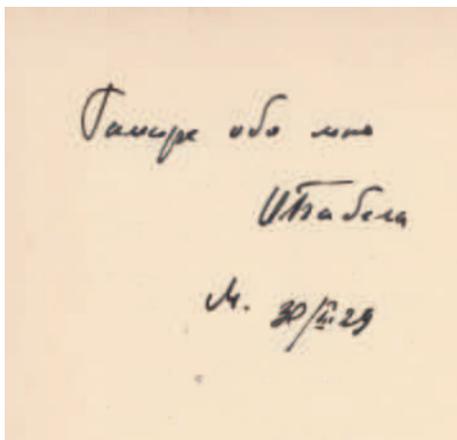
2.

Вторая рукопись И. Бабеля, которая привлекла наше внимание, — дарительная надпись писателя на сборнике «И.Э. Бабель: Статьи и материалы» (1928), изданном в серии «Мастера современной литературы»; в книгу вошла автобиография писателя и статьи о нем Н.Л. Степанова, П.И. Новицкого и Г.А. Гуковского.

На чистом листе в начале книги имеется автограф героя:

*«Тамаре обо мне
И. Бабель
М<осква>. 30/III. 29».*

Нельзя не отметить, что при данном экземпляре имелось официальное заключение на бланке Российской государственной библиотеки (подписано — кандидатом исторических наук Ю.С. Белянкиным), в котором мы читаем,

во-первых, что «Рассматриваемый автограф И. Бабеля не вызывает сомнений и со всей очевидностью принадлежит руке писателя, соблюдены все характерные черты начерка <!> Исаака Бабеля, прослеживаемые в его автографах и подписях. Рассмотренный экземпляр представляет значительный интерес для музеев и библиотек, а также имеет несомненное коллекционное значение в связи с его мемориальностью и автографичностью». Во-вторых, «Можно предполагать, что автограф адресован второй жене Исаака Бабеля — актрисе театра Мейерхольда Тамаре Кашириной (Ивановой; 1900–1995), известной также как супруга писателя Всеволода Иванова».

Нехарактерность почерка была одной из причин нашего внимания к этой рукописи; мы же рассмотрим этот инскрипт с точки зрения науки о литературе.

Итак, книга вышла в свет в Ленинграде между 7 и 13 мая 1928 г. [14, с. 622], когда И. Бабель был в Париже. Писатель получил экземпляр, по-видимому, еще до поступления книги в продажу: уже 21 мая в письме к матери он сообщает: «В России вышел сборник статей обо мне. Читать его очень смешно, — ничего нельзя понять, писали очень ученые дураки. Я читаю все, как будто писано о покойнике — так далеко то, что я делаю теперь, от того, что я делал раньше. Книжка украшена портретом работы Альтмана, тоже очень смешно, я вроде веселого мопса. Сборник pošлю вам завтра. Пожалуйста, сохраните его, надо все-таки собирать коллекцию» [2, с. 218–219].

1 октября 1928 г. Бабель выехал из Парижа, через пять дней был в Берлине, где провел несколько дней и 9 числа выехал в Варшаву, оттуда, проехав через Шепетовку, и прибыл в Киев, где пробыл несколько месяцев, до весны 1929 г.; 16 марта он

выехал в Ростов-на-Дону, где пробыл до ноября 1929 г., выезжая в Кисловодск, в Центрально-Черноземную область (на знаменитый конезавод в с. Хреновое), в Липецк, три недели на Украину... И только 19 ноября он собрался навестить столицу: «Через несколько дней поеду “инкогнито” в Москву. Так как я и там хочу продолжать работать с прежней невозмутимостью, то прошу о моем приезде никому не говорить» [2, с. 277]; 24 ноября он выехал из Ростова в столицу [14, с. 624].

Биографы Бабеля трактуют отсутствие писателя в Москве разнообразно; скажем, что писатель не приезжал в столицу вследствие политической ситуации — «Со стороны Бабеля было умно, что в те месяцы он держался подальше от центра событий. Разъезжал повсюду, в основном по югу России. Там он получил известие, что жена Женя 17 июля 1929 г. родила дочь <...> В Москву Бабель вернулся лишь в декабре» [10, с. 114].

К причинам задержки мы еще вернемся, но, в любом случае, 30 марта 1929 г. (дата на дарительной надписи) И. Бабель никак не мог находиться в Москве, что однозначно опровергает статус этого инскрипта как подлинника.

Не менее важно обратиться к адресату дарительной лаконичной надписи — *Тамаре*. Не без оснований Ю.С. Белянкин предполагает, что «автограф адресован второй жене Исаака Бабеля» Т.В. Кашириной (Ивановой), никого другого в таком контексте мы действительно не видим. Однако насколько вообще вероятно существование такого автографа, даже если отвлечься от только что опровергнутого нами топографического указания, несопоставимого с реальной биографией?

Отношения Бабеля с Т.В. Кашириной начались в 1925 г., когда у обоих были собственные семьи. К лету 1926 г. первая жена И. Бабеля уехала за границу, а 13 июля родился сын Т.В. Кашириной и И. Бабеля — Эммануил (Михаил), Тамара Каширина переехала в комнату Бабеля в Чистом переулке. Как она писала позднее, «Новый, 1927-й год я встречала в Москве и вместе с Исааком Эммануиловичем. Я хотела верить, что новый год принесет мне наконец счастье. В общем-то, так и случилось, потому что в конце этого года началась моя жизнь со Всеволодом <Ивановым> — наша с ним любовь. Но до этого (октября 1927 года) я еще хлебнула горя полной мерой» [8, № 2, с. 205].

С отъездом Бабеля за границу и последовавшей ссорой в жизни Т.В. Кашириной возникла фигура Вс. Иванова, который прие-

хал из Парижа с поручением Бабеля примирить его с супругой. «В ноябре <1927> я уже сообщила Исааку Эммануиловичу, что Всеволод полюбил меня и я его ответно полюбила» [8, № 3, с. 172]. Вс. Иванов, на тот момент женатый прежним браком, оказался крайним ревнивцем: «Так, например, я не могла посещать репетиций “Заката”, ибо Всеволод посчитал бы это предательством с моей стороны» [8, № 3, с. 175]. «По мере развития наших с ним взаимоотношений Всеволод все больше и больше ревновал меня к Бабелю. Ревновал не только к моему прошлому, но и к настоящему, подозревая, что я все еще люблю Бабеля. А Бабель, игнорируя мои признания (возможно, считая их “игрой”), продолжал писать мне так, как будто я еще неразрывно с ним связана» [8, № 3, с. 175]. Никак не прерывающаяся переписка Т.В. Кашириной с Бабелем держала Вс. Иванова «в состоянии, близком к взрыву» [8, № 3, с. 179].

Сам Бабель, живя в Париже, сошелся со своей первой женой; а вернувшись в СССР в октябре 1928 г., в Москву отнюдь не спешил. Он отказался даже приехать на суд по своей жилплощади, в которой жила Т.В. Каширина: «Меня этот отказ после всех заверений в дружбе и желании быть полезным так возмутил, что я написала ему очень резко, наотрез отказываясь от дальнейшей переписки и каких-либо взаимоотношений с ним» [8, № 3, с. 183]. В декабре 1928-го произошел окончательный разрыв:

Под горячую руку я еще раз написала, что прошу оставить меня в покое и не писать мне больше никогда. <...> На этом наша переписка кончилась и Исаака Эммануиловича я больше уже никогда не видела.

За исключением одного случая в Париже (в 1932 г.), когда он появился (вероятно, пришел к кому-то в гости) в том отеле, где мы жили тогда со Всеволодом. Мы спускались по лестнице, весело разговаривая. Вдруг Всеволод замолчал и как-то весь сразу почернел. Я посмотрела в направлении его взгляда и увидела в вестибюле Исаака Эммануиловича. Мы прошли мимо него не поздоровавшись. Я предложила Всеволоду переехать в другой отель. Он радостно согласился. И мы немедленно переехали.

В Москве, в нашем кругу, всем было известно, что Всеволод не переносит не только вида Бабеля, но даже упоминания его имени, поэтому Бабеля от нас прятали. Так поступали, например, в Горках, у Горького, если Бабель там оказывался к моменту нашего приезда. Да и сам Бабель прятался от нас... [8, № 3, с. 185]

То есть именно в перемене личных обстоятельств мы видим наиболее серьезную причину, по которой Бабель уже с середины 1928 г. не планировал появляться в Москве. 30 августа 1928 г. И. Бабель пишет Л.В. Никулину: «В Россию я поеду в октябре. Где буду жить — не знаю, выберу место поглуше и подешевле. Знаю только, что в Москве жить не буду. Мне там (в Москве) совершенно делать нечего...» [2, с. 236].

Оставшись у разбитого корыта, Бабель уже сам избегал возвращения в Москву. И стоит отринуть предположения, будто виной тому «политика», ничуть: «В некоторых своих делах, а также и в чувствах, таких, как, например, ревность, Исаак Эммануилович был крайне скрытен» [8, № 2, с. 198].

Возвращаясь в свете изложенного к нашей дарительной надписи, можно лишь сказать, что даже если бы И. Бабель и был в Москве 30 марта 1929 г., то маловероятно, чтобы он преподнес эту книгу Т.В. Кашириной (к тому времени Ивановой).

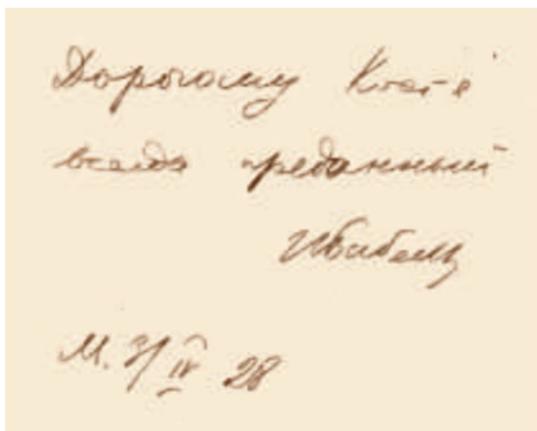
3.

Еще одна группа рукописей И.Э. Бабеля, к которой мы обратимся, связана с художником К.П. Ротовым (1902–1959). Это две записки писателя к художнику, дарительная надпись на «Конармии» и, наконец, набросок портрета писателя, исполненный прославленным карикатуристом.

Первое.

Дарительная надпись на авантитуле книги «Конармия» (1928):

«Дорогому Косте
всегда преданный
И Бабель
М<осква>. 3/IV 28»

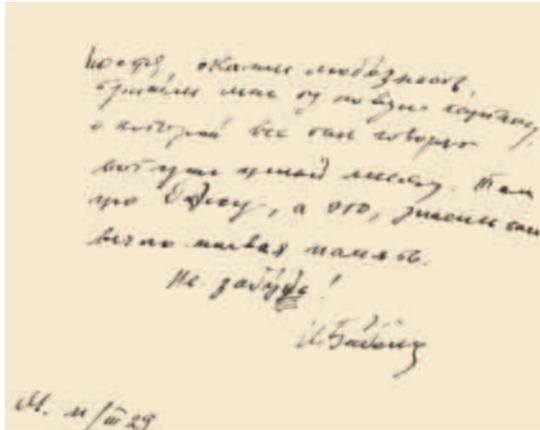
Второе.

Записка, написанная чернилами на листке бумаги:

«Костя, окажи
любезность,
пришли мне ту новую
картину,
о которой все так
говорят
вот уже целый месяц.
Там про Одес<с>у,
а это, знаешь сам —
вечно-живая память.
Не забудь!

И. Бабель

М<осква>. 11/III 29.»

Относительно «новой картины» мы читаем пояснение в описании, что это «иллюстрация к новому изданию “Одесских рассказов”, которое не было напечатано»².

Третье.

Записка И. Бабеля, аналогичная предыдущей, чернилами на сложенном вдвое небольшом листочке, причем здесь сохранился рисунок, который представляет собой шарж на писателя. Приведем полностью текст:

«Константину Ротову
лично!

от

И. Бабеля

М<осква>. 10 / III 30 г.

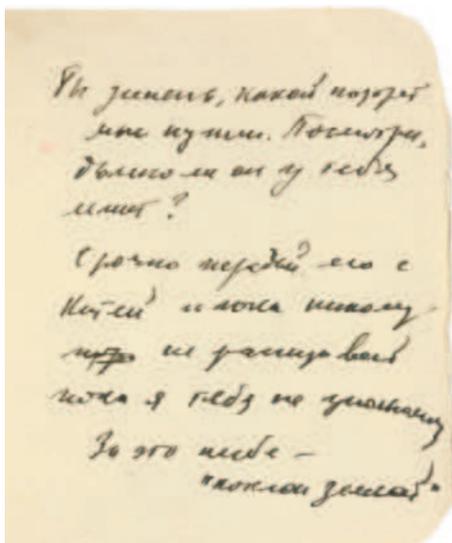
Ты знаешь, какой портрет
мне нужен. Посмотри,
далеко-ли он у тебя
лежит?

² Fine Literary Manuscripts / Bonhams, auction catalogue, sale date: 9 March 2017. New York, 2017. P. 5, No 2.

*Срочно передай его с
Катей и пока никому
про <?> не рассказывай
пока я тебя не уполномочу
За это тебе —
“поклон земной”».*

В аннотации к рукописи указывается, что «по-видимому, речь о портрете Евгении Соломоновны Хаютиной, жены Николая Ежова, которую с Бабелем связывали романтические отношения»³.

Этот комплекс рукописей открывает дружеские и творческие связи Бабеля с одним из прославленных художников эпохи. Шаржи К. Ротова печатались в газетах и журналах, а общеизвестная дружба художника с одесситами И. Ильфом и Е. Петровым воплотилась в иллюстрациях к новеллам «1001 день, или Новая Шехерезада», и ничего нет удивительного, что именно К. Ротову было доверено создание иллюстраций к «Золотому теленку». Учитывая московское знакомство одесситов, прославленный «Гудок» и прочие символы эпохи, нет сомнения, что И. Бабель был знаком с К. Ротовым. Более того, сразу приходит на память хрестоматийный шарж на писателя, которого мы коснемся ниже.

Однако приведенная переписка рисует нам отношения И. Бабеля с художником совершенно иначе, чем можно было бы подумать: это не просто знакомство, а тесная дружба, причем семьями, ведь упоминаемая Катя — супруга художника Екатерина Борисовна (1906–1972). Ротов даже оказывается более чем в курсе интимной жизни писателя и его связи с Е.С. Фейгенберг (Хаютина, Гладун, Ежова; 1904–1938). Но подобная осведомленность нас скорее настораживает: вряд ли происхождения писателя были достоянием широкого круга, а Е.С. Фейгенберг летом 1929 г. познакомилась с Н.И. Ежовым (в 1931 они станут супругами). Кроме того, Бабель все-таки стоял в стороне от основной когорты московских сатириков-одесситов,

³ Fine Books and Manuscripts / Bonhams, auction catalogue, sale date: 12 June 2018. New York, 2018. P. 90, No 188.

будучи к началу 1930-х уже классиком советской литературы (одна дискуссия о «Конармии», хотя бы и не столь лестная для писателя, поставила его в совершенно исключительное положение).

Ранее было известно лишь об одном дружеском шарже К. Ротова на писателя (1933), оригинал которого хранится в Литературном музее (инв. ГС-3454). Но доказывает ли он наличие дружбы между И. Бабелем и К. Ротовым?

Посмотрим подробнее на этот шарж (воспроизведен: [11, ил. 12]). На первом плане портрет писателя, за ним пейзаж с тремя колоннами, на которых едва держатся обломки портика с надписью «буржуазная литература». Колонны же несут не только фрагменты портика, но и смысл: это в действительности ликторский пук, ионическая колонна (которая до капители заслонена фигурой писателя) и дубина с гвоздями (в первоначальном варианте карикатуры на колоннах были изображены предметы письма — пишущая машинка и проч.) Вся эта шарада разъясняется текстом, помещенным под первой публикацией шаржа:

11 сентября редакция «Литературной газеты» и редакция «Вечерней Москвы» устроили вечер встречи вернувшегося недавно из-за границы И. Бабеля с московскими писателями, критиками и журналистами. На этом вечере Бабель рассказал собравшимся о своих впечатлениях, вынесенных им из поездки по Италии, Франции и Германии. Его рассказ, отличавшийся остротой характеристик и выразительностью, раскрыл перед собравшимися картину культурного упадка буржуазного Запада⁴.

Полагаем, что указание «дружеский шарж» относится исключительно к характеру изображения, а не к взаимоотношениям писателя

⁴ Литературная газета. 1933. 17 сентября. № 43. С. 4.

и художника. Само же произведение носит не столько дружеский, сколько официальный, служебный характер. И мы не можем воспринимать этот рисунок как подтверждение их дружеских отношений.

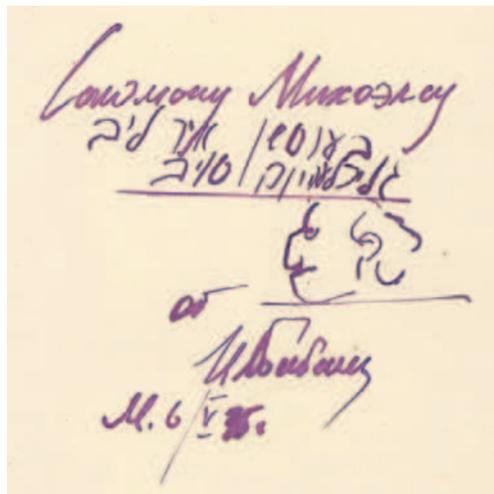
Шарж, который набросан на письме от 10 марта 1930 г., отличается полной художественной беспомощностью. Здесь нужно напомнить слова Бориса Ефимова, еще одного классика советской сатиры и автора нескольких шаржей на И. Бабеля: «Я не знаю художника, который был бы равен Ротову в богатстве юмористической выдумки и в умении придать ей изящную, отточенную, я не боюсь сказать, виртуозную графическую форму <...> Ротов никогда не уродовал людей, не окарикатуривал их до кретиноподобного обличья, а очень точно, с неопровержимой и веселой наблюдательностью подчеркивал и как бы брал под увеличительное стекло их смешные стороны. Наблюдательность и зрительная память его были изумительны» [6, с. 48].

Чтобы определиться окончательно, предлагаем сопоставить топографию писем (везде указана Москва) с реальным местом пребывания писателя. Где И. Бабель был в эти дни? 3 апреля 1928 — в Париже, 11 марта 1929 — в Киеве, 10 марта 1930 — в Киеве или окрестностях [14, с. 621–625]. То есть топография всех трех рукописей опровергается реальными фактами биографии И. Бабеля, что позволяет признать их мистификациями, включая шарж.

4.

И, наконец, еще одна рукопись И. Бабеля, которую мы хотели бы подробно рассмотреть. Это дарительная надпись на книге «Рассказы» (1934), адресованная другому великому еврею XX века:

«Соломону Михоэлсу
от
И Бабеля
М<осква>. 6/V 35 г».

Общеизвестна их близость: «Бабель очень любил Соломона Михоэлса и дружил с ним» [2, с. 441], не раз говорилось об их сотрудничестве [4; и др.]. Однако дарительные надписи «звезда — звезда», которые объявляются впервые, должны привлекать особенно пристальное внимание исследователей.

Вызывает, к примеру, удивление, что писатель дарит С. Михоэлсу эту книгу в 1935 г.: по сути, это издание «Рассказов» представляло собой дополненное издание «Конармии» (которая вошла в книгу 1934 г. полностью), а сама «Конармия» даже в отдельности претерпела к тому времени множество переизданий.

Также отметим, что мы выявили особые экземпляры «Конармии» (1926) — переплетенные в специально заказанные издательские кожаные переплеты с вытисненным названием и фамилией-факсимиле автора. Таков экземпляр, подаренный писателем своим ближайшим друзьям — Исааку Леопольдовичу и Людмиле Николаевне Лившицам, с дарительной надписью «*Милым Лившицам — вечным друзьям. И. Бабель М<осква>. 25/V.26.*» (ГЛМ, инв. Биб-300221). То есть дарственные экземпляры тем получателям, которых писатель действительно ценил, нередко имели и особое полиграфическое исполнение.

В любом случае, еще большее внимание вызывает инскрипт, который представляет собой как бы квинтэссенцию еврейства: кроме самих автора и адресата мы видим две строки на идише и, наконец, рисунок, да еще какой — портрет Михоэлса! Весь этот набор (адресат, идиш, портрет) скорее вызывает подозрения в аутентичности, нежели производит синергию. Приходят на память знаменитые слова Бабеля о пошлости, сказанные с трибуны I Всесоюзного съезда советских писателей...

Но рассмотрим непосредственно инскрипт. Сразу привлекает внимание почерк автографа: не только недостаточно уверенный, но и не слишком похожий на эталонные инскрипты И. Бабеля, обращает на себя внимание нехарактерная для эталонных образцов почерка Бабеля прописная «С» — у писателя она обычно округлая, а не такая вытянутая по вертикали. Настораживает и то, как расплзаются чернила при нанесении на бумагу (довольно характерная для мистификаций особенность). Несколько режет слух и обращение «*Соломону*», которое не было свойственно для отношений писателя с режиссером: единственное сохранившееся письмо 1933 г. демонстрирует нам обращение хотя бы и дружеское, но с отчеством: «*Дорогой С. М.*», а завершается «Ваш И. Бабель» [2, с. 298–299]. Первая публикация этого письма в статье, посвященной отношениям двух

великих [4, с. 23], обходится без упоминания рассматриваемого инскрипта.

Датировка 6 мая 1935 г. как минимум не опровергается: Бабель был в Москве [14, с. 633]. Что касается Михоэлса, то он, по-видимому, тоже: гастроли Государственного еврейского театра в Ленинграде относятся к двадцатым числам мая: Михоэлс пробыл в городе почти месяц — играл в спектаклях своего театра, в том числе выступил в роли короля Лира⁵, 9 июня участвовал в сборном концерте «Знатные люди ленинградских театров — в фонд постройки воздушной эскадрильи», а 14 июня выступил на конференции драматургов, протестуя против шаблонности сюжетов в кинематографии, призывая раскрыть тему «Евреи на земле» («Приезжаешь в иной еврейский колхоз. И странное дело: тракторы портятся по... субботам. Шесть дней тракторы отлично работают, а на седьмой день отдыхают. Вы же замечаете, что старики-колхозники утром работают на виноградниках, копают землю, а вечером открывают заплесневелый фолиант талмуда»)⁶.

Однако в этом автографе нас привлекла отнюдь не биографическая сторона, а лингвистическая, поскольку Бабель написал две строки на идише:

בענטשן איר ליב
גליכ ליום טויב

Эта транскрипция сделана не нами. По сути, пришлось провести представительный консилиум гебраистов, чтобы разобраться в сути этих двух строк применительно к рассматриваемой проблеме. И мы благодарим профессора Семена Якерсона (Тель-Авив) и профессора Анну Вершик (Таллинн) за помощь в «созыве» этого научного собрания и их собственные текстологические соображения, на которые мы опираемся. Вывод привлеченных специалистов был однозначен: автор надписи обнаруживает крайне слабое владение идишем. Давид Фишман, профессор Еврейской теологической семинарии (Нью-Йорк), так охарактеризовал идиш в этом автографе:

⁵ Пиотровский А. «Король Лир» в гос. еврейском театре // Вечерняя Красная газета. Л., 1935. 28 мая. № 121. С. 2.

⁶ Рест Б. Драматургия пролетарского гуманизма: Письмо из Ленинграда // Литературная газета. 1935. 20 июня. № 34. С. 1.

«The Yiddish is written by someone who doesn't know how to write proper Yiddish. The grammar is really bad. The spelling too. <...> It is Yiddish as if written by a three-four year old child, learning the language».

А.С. Френкель (С.-Петербург), один из лучших знатоков и переводчиков с идиша, выразился иначе:

«Уж не знаю, подделка или нет, но выглядит как очень корявая и малограмотная попытка написать праздничное поздравление на идише. Что-то вроде “Благословлять люблю счастливого праздника”. Возможно, бОльшие, чем я, знатоки идиша увидят тут что-то более связанное, но сомневаюсь. В любом случае не думаю, что человек, знавший идиш из семьи, читавший Шолом-Алейхема в оригинале и переводивший “Тевье-молочника” на русский, был не в состоянии написать Михоэлсу что-то более “изящное”...»

Как вспоминала его последняя жена А.Н. Пирожкова, в конце 1930-х «Бабель заново переводил рассказы Шолом-Алейхема, считая, что они очень плохо переведены на русский язык. Переводил он из Шолом-Алейхема и то, что никем не переводилось ранее» [2, с. 477]. Да и Соломон Михоэлс тоже смотрел на идиш отнюдь не как на иностранный...

То есть мы подходим к выводу, что действительный автор этой надписи не только не знал в достаточной мере идиш, но и, возможно, лишь перерисовывал надпись с другого оригинала (этот способ мы встречали совершенно в ином историко-литературном контексте: когда в годы советской власти КГБ изымал при обысках книги на иностранных языках, сотрудники, не владевшие этими языками, зачастую не имели возможность переписать названия, а потому их перерисовывали, неминуемо делая при этом массу ошибок) [5, с. 171]. И если характеристика текста на идише несовместима с тем, что мы знаем о владении И. Бабеля этим языком, значит, и весь автограф в целом должен быть сочтен мистификацией.

Однако нельзя не отметить, насколько заманчивый историко-литературный сюжет увядает на наших глазах. В этой связи скажем, что нередко честолюбие возможности публикации такого громкого памятника письменности побеждает необходимость критического подхода. Проиллюстрируем это конкретным примером из той же области.

Когда в середине 2010-х годов появилось мистифицированное письмо С.М. Михоэлса от 2 декабря 1934 г. неизвестному, якобы

написанное по следам убийства С.М. Кирова, то историк театра и специалист по творческому наследию С.М. Михоэлса В.В. Иванов, оговаривая спорность этого послания (которое написано нарочито чуждым почерком и абсолютно несовместимо с исторической реальностью), все-таки решился на его публикацию [7]. И хотя название его статьи «Стилизация Михоэлса?», а в аннотации указывается, что «ряд фактических нестыковок, выявленных в письме, заставляет относиться к нему с осторожностью и определять его скорее как приписываемое Михоэлсу», однако на деле содержательное богатство этой мистификации оказалось столь соблазнительным для публикатора, что вместо разоблачения и однозначного вывода о неподлинности ученый действует ровно наоборот, пытаясь ввести эту мистификацию в биографию своего героя на правах подлинной рукописи. В.В. Иванов вводит в литературу заведомо мистифицированный источник из частной коллекции, комментируя его как подлинник, а в свое оправдание сообщает: «Никогда прежде мне не приходилось публиковать документы, чья подлинность вызывала бы столько вопросов. Да, и почерк в этом письме вызывает сомнения. Но несомненно то, что документ передает харизму Михоэлса, ритм и энергию его речи, твердость его формулировок» [7, с. 248].

Здесь мы говорим не столько о научной добросовестности, сколько о последствиях такого прельщения, когда ученый вместо научного критицизма всецело подчиняется «харизме, ритму и энергии» мистификации. В результате в литературу проникают мистифицированные источники, на которых будут основываться научные и не слишком научные построения.

Заключение

Рассмотрение комплекса разнообразных рукописей, приписываемых И.Э. Бабелю, позволило прийти к выводу, что они представляют собой мистификации различной степени убедительности. Нельзя не упомянуть о том, что большинство рассмотренных рукописей были ранее сертифицированы в качестве подлинников рукописного наследия И. Бабеля. Расхождение мнений относительно подлинности рукописей побуждает нас повторить тезис о необходимости тщательного текстологического исследования вновь выявляемых рукописей на предмет их подлинности.

Литература

1. *Бабель И.* Сочинения: в 2 т. / сост. и подгот. текста А.Н. Пирожковой; коммент. С.Н. Поварцова. М.: Худож. лит, 1990. Т. 1. 478 с.
2. *Бабель И.* Собр. соч.: в 4 т. / сост. и примеч. И.Н. Сухих. М.: Время, 2006. Т. 4. 640 с.
3. Воспоминания о Бабеле: сб. / сост. А.Н. Пирожкова, Н.Н. Юргенева. М.: Книжная палата, 1989. 336 с.
4. *Гейзер М.* Михоэлс, Бабель и «Еврейское счастье» // Советский экран. 1990. № 4. С. 22–23.
5. *Дружинин П.А.* Идеология и филология. М.: Новое литературное обозрение, 2016. Т. 3: Дело Константина Азадовского. 528 с.
6. *Ефимов Б.* Мне хочется рассказать. М.: Сов. художник, 1970. 208 с.
7. *Иванов В.В.* Стилизация Михоэлса? // Вопросы театра. 2017. № 1–2. С. 247–252.
8. *Иванова Т.* Глава из жизни: Воспоминания. Письма И. Бабеля / коммент. Е. Перемышлева // Октябрь. 1992. № 5–7.
9. *Инбер В.* Поэзия была для него всем: (Эдуард Багрицкий) // *Инбер В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1966. М.: Т. 4. С. 347–366.
10. *Крумм Р.* Исаак Бабель. Биография. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 208 с.
11. *Левин Ф.М.* И. Бабель: Очерк творчества. М.: Худож. лите., 1972. 206 с.
12. *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. М.: Культура и традиции, 1992. 348 с.
13. *Олешиа Ю.* Ни дня без строчки: Из записных книжек. М.: Сов. Россия, 1965. 302 с.
14. *Погорельская Е.И.* Хроника жизни и творчества И.Э. Бабеля // *Бабель И.* Рассказы / сост, подгот. текстов, послесл. и коммент. Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 599–650.
15. *Поварцов С.* Неизвестные письма Исаака Бабеля / публ. С. Поварцова // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 269–271.
16. *Рейсер С. А.* Основы текстологии. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 175 с.
17. *Чудакова М.О.* Рукопись и книга: Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей. М.: Просвещение, 1986. 176 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

The Falsifications of Isaac Babel's Manuscripts and Their Recognition

© 2024, Petr A. Druzhinin

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article is dedicated to the handwritten legacy of Isaac Babel and examines the writer’s letters, inscriptions, and drawings introduced into scientific circulation in the last decade. Based on the analysis of these findings, the article concludes that all these “autographs of Isaac Babel” are hoaxes of varying degrees of persuasiveness. These results confirm the effectiveness of philological methods for recognizing falsified manuscripts of the classics of literature. The article pays special attention to the analysis of Isaac Babel’s gift inscription to Solomon Mikhoels, written partly in Yiddish. The research establishes that the text of the inscription testifies to the writer’s poor command of Yiddish, which in turn refutes the possibility of the authenticity of such an inscription as a whole. The issues considered in the article correlate with the general problems of modern textual criticism.

Keywords: Isaac Babel, Judaica, Yiddish, Solomon Mikhoels, textual criticism, manuscript, signature, fake, counterfeit, forgery, falsifier, language of writers.

Information about the author: Petr A. Druzhinin, PhD in History, Senior Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 12, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3097-3375>

E-mail: petr@druzhinin.ru

For citation: Druzhinin, P.A. “The Falsifications of Isaac Babel’s Manuscripts and Their Recognition.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 136–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-136-160>

References

1. Babel', I. *Sochineniia: v 2 t. [Works: in 2 vols.]*, vol. 1, comp. by A.N. Pirozhkova, comm. by S.N. Povartsov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 478 p. (In Russ.)
2. Babel', I. *Sobranie sochinenii: v 4 t. [Collected Works: in 4 vols.]*, vol. 4, comp. and comm. by I.N. Sukhikh. Moscow, Vremia Publ., 2006. 640 p. (In Russ.)
3. *Vospominaniia o Babele [Memoirs About Babel]*, comp. by A.N. Pirozhkova and N.N. Iurgeneva. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1989. 336 p. (In Russ.)
4. Geizer, M. “Mikhoels, Babel' i 'Evreiskoe schast'e'.” [“Mikhoels, Babel and 'Jewish Happiness'.”] *Sovetskii ekran*, no. 4, 1990, pp. 22–23. (In Russ.)
5. Druzhinin, P.A. *Ideologiia i filologiia: v 3 t. [Ideology and Philology: in 3 vols.]*, vol. 3: Delo Konstantina Azadovskogo [The Case of Konstantin Azadovsky]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 528 p. (In Russ.)
6. Efimov, B. *Mne khochetsia rasskazat' [I Want to Tell]*. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)
7. Ivanov, V.V. “Stilizatsiia Mikhoelsa?” [“Stylized as Mikhoels?”]. *Voprosy teatra*, no. 1–2, 2017, pp. 247–252. (In Russ.)
8. Ivanova, T. “Glava iz zhizni: Vospominaniya. Pis'ma I. Babelia” [“A Chapter from Life: Memories. Letters of I. Babel”], comm. by E. Peremyshlev. *Oktiabr'*, no. 5–7, 1992. (In Russ.)
9. Inber, V. “Poeziia byla dlia nego vsem: (Eduard Bagritskii)” [“Poetry Was Everything for Him: (Eduard Bagritsky)”]. Inber, V. *Sobranie sochinyeni: v 4 t. [Collected Works: in 4 vols.]*, vol. 4. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966, pp. 347–366. (In Russ.)

10. Krumm, R. *Isaak Babel'. Biografiia* [*Isaac Babel. Biography*]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)
11. Levin, F.M. *I. Babel': Ocherk tvorchestva* [*I. Babel: Essay on His Work*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972. 206 p. (In Russ.)
12. Losskaia, V. *Marina Tsvetaeva v zhizni: Neizdannye vospominaniia sovremennikov* [*Marina Tsvetaeva in Her Life: Unpublished Memoirs of Contemporaries*]. Moscow, Kul'tura i traditsii Publ., 1992. 348 p. (In Russ.)
13. Olesha, Iu. *Ni dnia bez strochki: Iz zapisnykh knizhek* [Not a Day Without a Line: From Notebooks]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1965. 302 p. (In Russ.)
14. Pogorel'skaia, E.I. "Khronika zhizni i tvorchestva I.E. Babelia" ["Chronicle of Isaac Babel's Life and Work"]. *Babel'. I. Rasskazy* [Stories], comp. by E. Pogorel'skaia. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2014, pp. 599–650. (In Russ.)
15. Povartsov, S. "Neizvestnye pis'ma Isaaka Babelia" ["Unknown Letters of Isaac Babel"]. *Voprosy literatury*, no. 1, 1990, pp. 269–271. (In Russ.)
16. Reiser, S.A. *Osnovy tekstologii* [Fundamentals of Textual Criticism]. 2nd ed. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1978. 175 p. (In Russ.)
17. Chudakova, M.O. *Rukopis' i kniga: Rasskaz ob arkhivovedenii, tekstologii, khranilishchakh rukopisei pisatelei* [A Manuscript and a Book: A story About Archiving, Textual Criticism, and Repositories of Writers' Manuscripts]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 176 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.09.2023
Одобрена после рецензирования: 21.01.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 03.09.2023
Approved after reviewing: 21.01.2024
Date of publication: 25.06.2024

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2024. № 2 (32)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (32), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-161-182>
<https://elibrary.ru/AUJTDR>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Полемика о русском анекдоте в 1805 г.

© 2024, Л.А. Трахтенберг

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается одна из литературных дискуссий начала XIX в., ранее не привлекавшая внимания исследователей. Демонстрируется, что в 1800-е гг. в русской литературе возникает интерес к анекдоту на национальном материале. Консервативный журнал «Друг просвещения», который выходит в 1804–1806 гг., с первого номера делает «Русский анекдот» постоянной рубрикой. В 1805 г. русский анекдот становится предметом литературного спора. Поводом для дискуссии служит публикация в майском номере «Друга просвещения». Полемические реплики появляются в июне в «Северном вестнике», в июле — в «Журнале для пользы и удовольствия», в сентябре — в «Журнале российской словесности». В статье прослеживается ход дискуссии, расшифровываются подтексты полемических высказываний, анализируются позиции участников. В работе показано, что предметом спора становится природа анекдота как жанра. Дискуссия позволяет очертить круг вопросов его понимания: сюда входят тематика, объем, стиль. В ходе полемики определяется парадигма жанровых вариантов. Кроме того, спор об анекдоте выступает как часть полемики о языке между сторонниками А.С. Шишкова и Н.М. Карамзина, летом 1805 г. обостряющейся. На материале этого жанра проясняются позиции сторон, причем разнообразие мнений не сводится к двум полярным концепциям.

Ключевые слова: русская литература начала XIX в., малая проза, журналистика, спор «о старом и новом слог».

Информация об авторе: Лев Аркадьевич Трахтенберг — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4345-0955>.

E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

Для цитирования: Трахтенберг Л.А. Полемика о русском анекдоте в 1805 г. // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 161–182. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-161-182>

В литературе начала XIX в. жанр анекдота исключительно популярен [20; 38; 42; 29; 9; 41; 19]. Как известно, в этот период под анекдотами понимаются в первую очередь рассказы не заведомо вымышленные, а имеющие историческую основу, причем необязательно комические.

Многие анекдоты, которые печатаются в то время, представляют собой переводы иностранных образцов жанра. Но в начале XIX столетия возникает особый интерес к анекдоту на национальном материале, объясняемый патриотическими соображениями.

В 1804 г. начинает выходить журнал «Друг просвещения» [22]¹. Начиная с первого номера в этом журнале появляется рубрика «Русский анекдот». Она становится постоянной: в течение первых двух лет публикации журнала раздел под таким названием есть в каждом номере; в последний год издания — 1806 — название появляется уже не всегда, но анекдоты из русской истории остаются приметой журнала вплоть до его завершения.

За ним следуют другие издания. В 1805–1806 гг. в «Московском курьере» [37, с. 378–381], «Северном вестнике» [44, с. 319–322], «Журнале для пользы и удовольствия» [23, № 7, с. 69–75; № 12, с. 276–282], «Журнале российской словесности» [24, № 9, с. 19–24], «Авроре» [1, с. 134–143], «Любителе словесности» [30, с. 138–145], «Вестнике Европы» [15, с. 106–113] печатаются статьи под заглавием «Русский анекдот» или «Русские анекдоты». Через несколько лет появляются и книги — сборники русских анекдотов [5; 6; 17].

В 1805 г. вопрос о русском анекдоте вызывает журнальный спор. Ему дают начало публикации в «Друге просвещения»; с полемическими репликами выступают «Северный вестник», «Журнал для пользы и удовольствия» и «Журнал российской словесности». В ходе дискуссии формулируются разные концепции русского анекдота. Кроме того, в этом споре проявляются позиции журналов по основному в то время литературному вопросу — о русском языке, актуализированному статьей Н.М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802) и ставшей ответом на нее книгой А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803).

¹ Далее при ссылках на журнал «Друг просвещения» указываются год, номер и страница; на «Журнал для пользы и удовольствия» и «Журнал российской словесности» — номер и страница; на другие периодические издания 1800-х гг. — только страница, поскольку упоминается не более одного номера каждого из них. В журналах этого периода, как правило, несколько номеров объединяются в часть, нередко имеющую сквозную пагинацию; при ссылках часть не указывается.

Как часто бывает в журнальных спорах начала XIX в., полемические суждения нуждаются в расшифровке, поскольку многие идеи не высказываются прямо, а остаются в подтексте. Прокомментировать эту полемику и, реконструировав позиции участников, вскрыть ее смысл — задача статьи.

Журнал «Друг просвещения» издают П.И. Голенищев-Кутузов, Г.С. Салтыков и Д.И. Хвостов [40, с. 111; 4; 13, с. 141 сл.; 18; 43, с. 95–126; 35; 21]. Его направление консервативное; издатели — союзники А.С. Шишкова в литературной борьбе [47; 3, с. 185 сл.; 16, с. 159].

Патриотический смысл «русских анекдотов» «Друга просвещения» отвечает идеологии журнала. Преобладают анекдоты о полководцах (в частности, А.В. Суворове), вельможах, даже о царях — Алексее Михайловиче, Петре I, Екатерине II. Но героями многих рассказов становятся простые люди — солдаты и крестьяне.

Важнейшее место здесь занимает военная тема. Так, в первом из анекдотов прославляется великодушие М.М. Голицына, который в награду за храбрость при штурме Нотебурга в 1702 г. попросил Петра I простить своего недруга А.И. Репнина [22, 1804, № 1, с. 29–30]; во втором — храбрость генерал-майора Г.Г. Кудрявцева во время пугачевского бунта (будучи столетним стариком, генерал встретил повстанцев и обличал их, пока не погиб от их рук) [22, 1804, № 2, с. 123–124]; в шестом — смелость и решительность русских солдат, победивших превосходящие силы шведов во время войны 1788–1790 гг. [22, 1804, № 6, с. 237]. Под рубрикой «Русский анекдот» помещен даже рассказ о подвиге Ивана Сусанина [22, 1805, № 1, с. 27–29].

Героическая верность долгу — тема и других рассказов, не только о войнах. Один из анекдотов повествует о том, как А.С. Матвеева, вскоре после смерти царя Федора Алексеевича вызванного в столицу, по дороге встретили сочувствующие ему стрельцы и предупредили о готовящемся бунте; осознавая опасность, он прибыл в Москву, где был убит восставшими [22, 1804, № 8, с. 111]. Отмечены и другие заслуги: например, рассказывается о справедливости А.Д. Меншикова, который наградил за честность человека, сообщившего царю Петру о допущенных самим Меншиковым злоупотреблениях [22, 1804, № 3, с. 218].

Иногда «Друг просвещения» печатает анекдоты на русскую тему, переведенные с иностранных языков, со ссылками на источники. Например, рассказ о жене приказчика Семена Таратунина Анне Алексеевне, сумевшей хитростью захватить в плен

двух сообщников Пугачева [22, 1804, № 5, с. 135–136], взят из воспоминаний принимавшего участие в подавлении восстания генерал-поручика Ф. Фреймана, напечатанных в рижском журнале «*Neue nordische Miscellaneen*» за 1794 г. А заметка о том, как царь Алексей Михайлович отказался принимать послов от О. Кромвеля, заимствован из французской книги «*La morale en action*» [22, 1805, № 3, с. 183].

Стиль анекдотов в «Друге просвещения», как правило, отмечен архаизмом; синтаксис отличается сложностью. Вот пример: «*Голыцын* в то время, когда выводил войско свое на берег, у самых почти окопов, простирающихся до реки, встречен был с крепости с такою неустрашимостию и таким сильным огнем, что Петр I нашел себя принужденным отложить свое предприятие и послать к войску приказ назад возвратиться» [22, 1804, № 1, с. 29]. Это обстоятельство важно в контексте полемики о языке.

Как видно из приведенных примеров, в «Друге просвещения» реализована концепция анекдота как рассказа серьезного, иногда даже героического. Повествуя о заслуживающих уважения поступках, он дает читателям образец поведения.

Декларация этой концепции жанра появляется в журнале уже после того, как она реализуется на практике, — в майском номере за 1805 год, в анонимной заметке, по традиции озаглавленной «Русский анекдот», но фактически лишенной сюжета. Поводом для нее становится рескрипт Александра I, в котором царь выражает намерение воздвигнуть памятник П. Д. Еропкину, незадолго до того скончавшемуся. Это основная тема заметки; в историко-литературном отношении, однако, важнее ее вступление, в котором говорится следующее: «Весьма похвально отрывать из летописей на поучение человечества знаменитые происшествия и речения великих мужей, высокую добродетель и мудрость изображающие». Следуя этому правилу, издатели помещают в журнале «каждо-месячно <...> по анекдоту, почерпнутому из истории любезного Отечества нашего» [22, 1805, № 5, с. 114–115].

Эту статью можно считать началом полемики, хотя сама она не имеет полемического содержания. Она служит поводом для дискуссии, которую открывает другой журнал.

«Северный вестник» выходит в 1804–1805 гг. Он принадлежит к числу наиболее заметных журналов своей эпохи [32; 40, с. 113–114; 36, с. 66–70, 80–81, 101–105, 113–117; 7, с. 155–161; 21]. Его издает И. И. Мартынов — к тому времени небезызвестный писатель, начавший литературную карьеру еще в 1790-х гг., и директор депар-

тамента Министерства народного просвещения (он, в частности, составляет цензурный устав 1804 г.) [45; 25; 11]. «Северный вестник» начинается как журнал, враждебный Шишкову, хотя в дальнейшем вызывает недовольство и у одного из наиболее заметных представителей противоположной литературной «партии» — И.И. Дмитриева [13, с. 141, 148].

Полемику об анекдоте с «Другом просвещения» «Северный вестник» открывает в июне статьей «Опыт русских анекдотов». Начало этой дискуссии можно связать с общим контекстом литературной борьбы. Лето 1805 г. — период ее обострения, инициатором которого и становится «Северный вестник». Именно в этом шестом номере журнала за 1805 г. публикуется (как часто в то время, без подписи) статья Я.А. Галенковского с призывом к переоценке литературных репутаций, которая вызывает ожесточенные споры [13, с. 153–155].

Статья «Опыт русских анекдотов» подписана криптонимом «Г-й В-ъ» [44, с. 322]. По указанию В.С. Карцова и М.Н. Мазаева [27, с. 35], а затем И.Ф. Масанова [33, с. 225], так подписывается Григорий Волков — актер, младший брат Ф.Г. Волкова. Содержание статьи подтверждает возможность такой атрибуции: в двух из четырех анекдотов, включенных в ее состав, речь идет о Д.И. Фонвизине и артистах, игравших в его пьесах, в том числе о знаменитом И.А. Дмитревском — друге Ф. Волкова.

«Опыт русских анекдотов» начинается с рассуждения о том, что сюжеты из отечественной истории достойны внимания, тогда как в русском обществе господствует интерес к сюжетам французским, объясняемый галломанией, которая заслуживает порицания. Критика галломании — традиционная еще с XVIII в. тема, и с этой мыслью согласились бы консерваторы; можно подумать, что «Северный вестник» становится на их сторону. Но это риторический маневр; в действительности журнал, напротив, выступает против консервативного «Друга просвещения».

Более того, уже в этом рассуждении можно усмотреть завуалированный выпад в сторону конкурирующего журнала. Следующие слова: «...очень, очень не редко наше происшествие, наше острое словцо выказывается русским их (т. е. французскими — Л.Т.) журналами» [44, с. 319] — можно прочитать как намек на сюжет об Алексее Михайловиче, помещенный в «Друге просвещения» со ссылкой на французское издание.

Далее автор «Опыта русских анекдотов» переходит к острой критике; объект ее, как это часто бывает в журналах той эпохи, не назван, но его можно угадать: «...мелькают в новейших изданиях описания

некоторых событий; но большая часть из них так распещрены побочными красками, так высокопарно написаны, что едва вероятными кажутся» [44, с. 320]. Некоторые подробности этой характеристики позволяют догадаться, что под «новейшими изданиями» подразумевается «Друг просвещения». Упрек в высокопарности архаистам нередко адресуют их противники, и, как отмечено выше, слог анекдотов в «Друге просвещения», отвечая стилистическим установкам своей «партии», дает для такой оценки некоторые основания. Верно и то, что в рассказах «Друга просвещения» немало деталей. С точки зрения автора статьи в «Северном вестнике», в жанре анекдота этим приемом не следует злоупотреблять: «Справедливое происшествие, острое слово должно стараться выразить в самом непринужденном, естественном образе, и здесь-то лаконизм нужнее, нежели где-либо» [44, с. 320].

Из этих слов становится ясным и другое: в статье предлагается альтернативная концепция не только стиля, но и содержания анекдота. Его предметом может быть «острое слово»; для анекдота в целом это традиционно, но, как показано ранее, авторы «Друга просвещения» предпочитают иные темы. Существенна и установка на краткость. Это общий жанровый признак анекдота, но вопрос в мере: у «Северного вестника» требования по этому критерию строже, чем у «Друга просвещения», где анекдот может занимать более страницы, иногда две и даже больше [22, 1804, № 1, с. 29–30; № 2, с. 123–124; 1805, № 2, с. 94–96; 1806, № 1, с. 49–52; № 3, с. 247–249].

Намеки на сочинения предшественников заставляют по-иному осмыслить уже название статьи в «Северном вестнике», увидев и в нем элемент полемики. Слово *опыт* в данном случае означает попытку сделать что-то новое; раз «русские анекдоты» после статей «Друга просвещения» все еще остаются делом новым, значит, сами эти статьи не рассматриваются как достойные внимания образцы жанра. По-видимому, не случайно в тексте они названы не «анекдотами», а «описаниями некоторых событий»; возможно, это намек на то, что автор «Северного вестника» анекдотами считать их отказывается.

В качестве иллюстрации своей позиции автор приводит четыре анекдота. В первом из них рассказывается о том, как к Д.И. Фонвизину, уже больному, пришел И.А. Дмитриевский и в шутку сказал: «Я стою твоих упреков как непотребный!» «К чему *как!*» — «подхватил сатирик дрожащим голосом, протягивая ему дружески руку» [44, с. 320]. Действующее лицо двух следующих — генерал-поручик Ф. Ангальт, директор Сухопутного шляхетного кадетского корпуса

в 1786–1794 гг. В одном анекдоте рассказывается, как он остроумно намекнул опаздывающим воспитанникам, что пора идти в классы, и тем самым, не прибегая к власти, добился педагогической цели; в другом — как он, обнаружив, что не может проехать к корпусу в карете, поскольку Исаакиевский мост через Неву в неположное время разведен, перешел реку пешком по мосткам. Наконец, четвертый анекдот — об актере С.Е. Рахманове, который, придя на прием в присутственное место, на вопрос, кто он, ответил, намекая на свою роль в комедии Фонвизина: «...вчера был я бригадиром, а завтра не знаю чем пожалуют» — и был пропущен [44, с. 322].

Эти сюжеты явно отличаются от тех, которые предлагает читателям «Друг просвещения». Достоинства героев — остроумие и (в третьем анекдоте) скромность. В трактовке «Северного вестника» анекдот чуждается героизма; персонаж, будь он актер, писатель или генерал, предстает как частный человек. Показательно, что Ангалът характеризуется эпитетами *добросердый* и *добродушный* [44, с. 321, 322].

Остроумие может быть на грани обиды, но не переходит через эту грань. Жест протянутой руки в первом анекдоте — важная подробность, подчеркивающая, что герой рассказа, пусть и острый на язык, остается прежде всего добрым человеком. Контраст между обидным смыслом слов и выраженной невербально приязнью становится в анекдоте источником эстетического эффекта. Способность же Фонвизина, несмотря на болезнь, сохранять чувство юмора свидетельствует о присутствии духа, достойном уважения; в этом психологический смысл сюжета.

В анекдотах «Северного вестника» налицо и декларированный во вступлении к статье лаконизм. Они заметно короче, чем многие из опубликованных в «Друге просвещения»: меньше подробностей, проще слог.

Статья завершается словами: «Продолжение будет впредь» [44, с. 322]. Но продолжение не следует — возможно, потому, что уже в следующем месяце, июле, «Опыт русских анекдотов» встречает неожиданно резкую отповедь.

«Журнал для пользы и удовольствия» [40, с. 115–116; 43, с. 320–326; 21] выходит в течение одного года — 1805; выпускает его А. Варенцов [14, с. 84]. На публикацию «Северного вестника» журнал отзывается статьей «Рассмотрение “Опыта российских анекдотов”».

Статья подписана криптонимом «А... — ...а» [23, № 7, с. 75], пока не расшифрованным; больше он в «Журнале для пользы и удо-

вольствия» не встречается. Не указывает ли он на самого издателя — *Алексея Варенцова* (первая буква имени и последняя — фамилии в родительном падеже)? Во всяком случае, в завершающей журнал статье за своей полной подписью Варенцов говорит, что «все почти прозаические сочинения» в издании принадлежат ему [23, № 12, с. 294]. Правда, в сносках, комментирующих чужие произведения, он подписывается иначе — «Изд. В.....» [23, № 2, с. 126], «Изд. В.» [23, № 3, с. 214; № 7, с. 16] или полностью [23, № 4, с. 51]. Но в «Журнале для пользы и удовольствия» есть и другие примеры, когда один и тот же автор подписывается по-разному. Например, под произведениями Е.П. Люценко стоят разные криптонимы, хотя и сходные, представляющие собой сокращения имени и фамилии: «Е..... Л.....ко» [23, № 1, с. 8], «Евф... Лу..ко» [23, № 1, с. 87], «Е... Луцк» [23, № 1, с. 89], «Е. Луцко» [23, № 7, с. 23] а иногда полная подпись [23, № 2, с. 107; № 3, с. 182].

Как и разбираемая публикация, «Рассмотрение...» состоит из полемического введения и нескольких анекдотов, демонстрирующих, каким, на взгляд автора, должен быть этот жанр.

Разбор начинается с подробного и сочувственного пересказа введения к «Опыту русских анекдотов». В частности, рецензент солидаризируется с автором «Опыта...» в традиционной критике засилья французских сюжетов. Однако поводом для спора с «Опытом...» становится первый из анекдотов, помещенных в составе этой статьи, — о Фонвизине и Дмитревском. Применение к Дмитревскому (который в то время еще жив) слова *непотребный* рецензент считает оскорбительным. Такая трактовка анекдота не вполне точна, так как не учитывает завершающей детали, о которой было сказано выше, — жеста Фонвизина, указывающего на иронический смысл его слов и подчеркивающего дружеские чувства. К тому же можно думать, что Григорий Волков (если автор анекдота в «Северном вестнике» действительно он) не стал бы оскорблять Дмитревского — своего давнего товарища по сцене. И все же двусмысленность в анекдоте есть. Очевидно, по мнению автора, она оправдывается законами жанра. Однако рецензент понимает жанр иначе и далее приводит тому примеры.

Рецензент также упрекает автора «Опыта русских анекдотов» в том, что он не следует обычаю скрывать имена реальных лиц, а печатает их полностью. В дальнейшем изложении эта конвенция соблюдена; впрочем, некоторые намеки прозрачны.

В составе «Рассмотрения...» три анекдота. Первый из них — о вельможе, решившем поставить в своем имении «мраморный

столб» в память о том, как его посетила императрица Екатерина II. По-видимому, речь идет о П.Б. Шереметеве. Императрица была в его подмосковном имении Кускове в 1785 г. На следующий год там был установлен обелиск, повторяющий форму Румянцевского обелиска в Царском Селе, который был воздвигнут в 1771–1772 гг. в честь победы при Кагуле [8, с. 29]. Как говорится в анекдоте, вельможа спросил своих гостей, какой надписью снабдить монумент, и один из них, поэт (также в тексте не названный), ответил: «*От столба столб*». «Острота показалась оскорбительной», — замечает автор, но сюжет продолжается; поэт разъясняет смысл своих слов, который оказывается для вельможи благоприятным: «...в России государственных людей называют *столбовыми*, или государственными *столбами*» [23, № 7, с. 73]. Имеется в виду *столбовое дворянство*; Шереметеву этот намек может лишь польстить, поскольку он — представитель древнего боярского рода.

Анекдоты о Фонвизине и о Шереметеве — первые по порядку в «Опыте...» и в «Рассмотрении...». В обоих действует остроумный литератор (соответственно, Фонвизин и не названный по имени поэт). Связывает два анекдота и некоторое композиционное сходство. В центре обоих — пара реплик (в первом случае принадлежащих двум собеседникам, во втором — одному и тому же человеку), где вторая словно спорит с первой. Но смысловое соотношение реплик различно. В анекдоте о Фонвизине вторая реплика усиливает грубость первой; этот смысл снимается лишь невербальными средствами, чего, на взгляд автора «Рассмотрения...», недостаточно. В анекдоте о Шереметеве и поэте, наоборот, первая реплика кажется оскорбительной, но после разъяснения во второй раскрывает свой комплиментарный смысл.

Главное действующее лицо следующего анекдота в «Рассмотрении...» — «преображенский протопоп Л..., известный по своему присутствию духа, даже и в сражениях» [23, № 7, с. 74]. Судя по первой букве имени и по указанию на участие в войне, имеется в виду протоиерей Лукиан Федотов Протопопов, служивший в Преображенском всей гвардии соборе в 1774–1798 гг. [26, с. 215; 34, с. 161–162; 10]². В анекдоте рассказывается, как жена майора полка, опоздав к обедне, стала выговаривать протоиерею за то, что начал

² За этот период Преображенский полк участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг. [46, с. 226–256]. Еще один протопоп Преображенского собора с именем на букву Л — Лука Иванов, служивший в 1752–1758 гг., но в это время полк в походах не был. Притом события последних десятилетий XVIII в. в 1805 г. сохранялись еще в памяти, тогда как 1750-х гг. — скорее всего, уже забывались.

службу без нее: «...разве не знаете, что я ваша командирша?» Тот ответил: «Впервые слышу, сударыня, что митрополит у нас жепанат!» [23, № 7, с. 74]. Это типичный анекдот об остроумном ответе, причем суть остроумия — в светской вежливости, которая сглаживает служебный конфликт.

Таким образом, анекдоты о Шереметеве и о протоиерее Лукиане выражают иную концепцию жанра, нежели анекдот о Фонвизине из «Северного вестника». Острой, грубоватой дружеской шутке автор статьи в «Журнале для пользы и удовольствия» противопоставляет мягкий юмор, уместный в светском обществе.

Третий и последний анекдот «Рассмотрения...» в историко-литературном смысле, возможно, важнейший, так как связан с идущей в это время полемикой о языке. Здесь «князь Б.....», представленный как «ревностный защитник славянского языка», доказывает его превосходство над русским тем, что в нем будто бы можно «возвысить, *облагородить*» любое слово, прибавив к нему приставку *воз-*. В качестве примера князь приводит стихотворную строку: «Восстал, воспел, вознесся, воспарил». Присутствующий при этом «сатирик К.» отвечает: «Ваше сиятельство столько наставили *возов*, что и разъехаться некуда» [23, № 7, с. 75]. Перед нами снова остроумный ответ, основанный на каламбуре — омонимии префикса *воз-* и существительного. Установить участников событий трудно — может быть, текст на это и не рассчитан. Во всяком случае, сказанные во вступительной части «Рассмотрения...» слова о том, что анекдот о Фонвизине «едва ли не вымышленный» [23, № 7, с. 71], можно прочитать как намек на допустимость в этом жанре фикциональных сюжетов. Важно другое: в контексте спора о языке этот анекдот явно указывает на то, что автор статьи занимает карамзинистскую позицию, выступая против злоупотребления церковнославянизмами.

В свою очередь, это позволяет увидеть скрытый полемический смысл еще в одном, на первый взгляд, незначительном замечании из вводной части «Рассмотрения...». Критикуя «Опыт русских анекдотов», автор вспоминает другую статью, опубликованную в том же шестом номере «Северного вестника», — разбор издаваемого И. Рихтером журнала «Russische Miscellen» [44, № 6, с. 298–307]. В этой статье журнал Рихтера подвергается суровой, более того — насмешливой критике, и издатель снабжает ее рядом подстрочных примечаний, в которых осуждает рецензента (разумеется, анонимного) за нарушение правил полемики, тем самым символически дистанцируясь от его позиции. Едва ли

это осуждение стоит принимать всерьез: ведь если бы статья на самом деле не отвечала позиции журнала, то она не была бы напечатана. Но такая диалогическая структура дает возможность для различных истолкований. Этой возможностью и пользуется автор «Рассмотрения...», солидаризируясь с издателем «Северного вестника» в осуждении рецензента. Между тем одна из ключевых идей рецензии — критика Рихтера за то, что он преувеличивает роль Н.М. Карамзина и его единомышленников в русской словесности. Рихтер действительно высоко ценит творчество Карамзина и много делает для ознакомления с ним зарубежного читателя [28, с. 103–104, 252–263; 49; 50]. Соответственно, поддерживая издателя в его якобы споре с рецензентом, автор «Рассмотрения...» становится на сторону Карамзина.

В анекдотах этой подборки выдерживается декларируемый в предисловии принцип анонимности. Но стоит отметить, что еще в одной статье под названием «Российские анекдоты», помещенной в последнем, двенадцатом номере «Журнала для пользы и удовольствия» (она не подписана даже криптонимом), некоторые из действующих лиц: Суворов, английский капитан Марчал — выступают под своими подлинными именами [23, № 12, с. 277, 279–282].

В дискуссию включается и еще одно издание — «Журнал российской словесности» Н.П. Брусилова [31; 40, с. 116; 36, с. 104–107; 2; 7, с. 161–162; 43, с. 523–530; 21], в споре о языке не присоединяющееся вполне ни к одному лагерю. В августе 1805 г. под рубрикой «Анекдоты» в журнале печатаются, среди прочих, две истории из русской жизни с примечанием, в котором издатель говорит об интересе к таким сюжетам и выражает благодарность приславшему их неназванному корреспонденту [24, № 8, с. 224–225]. А в сентябре появляется уже раздел, озаглавленный «Русские анекдоты», включающий предисловие-рассуждение и девять образцов жанра [24, № 9, с. 19–24]. Подписи под ним нет.

В «Журнале российской словесности», как и в «Друге просвещения», «Северном вестнике» и «Журнале для пользы и удовольствия», осуждается галломания и высказывается мысль о том, что в России также есть заслуживающие внимания сюжеты. Публикации русских анекдотов, осуществленные «Северным вестником» и «Журналом для пользы и удовольствия», названы как образцы. О полемике между этими журналами не говорится. Анекдоты «Друга просвещения» также не упоминаются. Однако сюжеты, которые излагаются далее, показывают, что опыт этого издания оказывается «Журналу российской словесности» во многом близок.

Среди русских анекдотов в «Журнале российской словесности» есть рассказы разных содержательных типов: о героических подвигах, вообще нравственных поступках, мудрых или остроумных ответах. При этом по объему они невелики — многие даже короче, чем в «Северном вестнике» и «Журнале для пользы и удовольствия», а стиль отличается простотой.

Уже первый анекдот из сентябрьской подборки служит примером того, как героическую тему можно разработать кратко и ясным слогом. Вот он полностью: «Гетман Желковский требовал от патриарха Эрмогена, чтобы он запретил Пожарскому собирать войско. *А кто же спасет Отечество?* — спросил сей великий муж, и умер на саблях поляков. Сии слова, достойные гордого римлянина, еще любезнее в устах росска!» [24, № 9, с. 20].

Состраданию и вместе с тем скромности посвящен анекдот о Е.И. Кострове, названном в тексте по фамилии, из августовского номера [24, № 8, с. 224–225]. Встретив в трактире офицера и услышав, что тот потерял 150 рублей, Костров, когда тот вышел, нагнал его и отдал столько же собственных денег, сделав вид, что нашел потерянное, а сам остался ни с чем. (Анекдот на этот же сюжет восемь месяцев ранее напечатан в «Друге просвещения» [22, 1804, № 12, с. 247]; его автор — С.Н. Глинка [43, с. 109].)

Другой анекдот из того же номера демонстрирует мудрость простого человека. Во время русско-шведской войны, в то время еще всем памятной, старик-крестьянин спросил отставного солдата: «Когда кончится этот мятеж?» — «*Когда людей не будет!*» — ответил тот. «Философы! что ваши умствования пред сим ответом!» — комментирует эти слова рассказчик [24, № 8, с. 224].

А вот пример остроумной реплики, скрывающей притом нравоучительный смысл: «Л. обедал однажды у князя Орлова. За столом подали вино, которого рюмка, по словам князя, обходилась в несколько червонцев. Когда подали вино Л., он сказал князю: *Ваша светлость! прикажите отпустить натурою!*» [24, № 9, с. 22]. Ответ Л. можно понять как иносказательное обличение хвастовства и расточительности.

Примером сочетания тем героики и остроумия служит анекдот о Суворове. Когда австрийский генерал, видя его приготовления к битве, спросил, «где он назначает место ретирады в случае неудачи? — *На месте сражения!* — отвечал герой» [24, № 9, с. 22]. Имя Суворова упомянуто; кто был австриец, автор умалчивает.

Приведенные примеры демонстрируют, между прочим, что автор «Журнала российской словесности» не принимает выдвину-

того «Журналом для пользы и удовольствия» требования скрывать подлинные имена участников событий. Многие действующие лица названы.

В плане литературной полемики наибольший интерес представляет предпоследний, восьмой анекдот из сентябрьской подборки. Его тема — языковая ошибка. Рассказывается о чиновнике (очевидно, вымышленном), который, «желая сказать, что он служил с великим усердием к общей пользе или *патриотизмом*, написал в прошении, что *он служил двадцать лет при магазейне с величайшим эгоизмом и просил за это пенсии!!*» [24, № 9, с. 23]. Изложение предваряется декларацией: «Страсть к иностранным словам, предубеждение, что их нельзя выразить на русском, столь богатом и сильном, иногда по невежеству доводит людей до оскорбительной необходимости быть предметом насмешек» [24, № 9, с. 23]. Выбор лексем не случаен: оба слова в то время обсуждаются как примеры новых для русского языка заимствований. А.С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» приводит как пример непонятого из-за заимствований слога фразу: «*Королевская прокламация воспламенила даже до энтузиазма патриотизм жителей провинции Абруццо*» [48, с. 174], а А.Х. Востоков в 1802 г. выступает на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств с докладом «Нечто о переводе слова “эгоизм”» [39, с. XIV].

Этот анекдот демонстрирует, что автор солидарен с архаистами в их критике варваризмов. Однако его собственная речевая манера не похожа на ту, которую культивируют архаисты: она отличается простотой синтаксиса, для нее нехарактерна стилистически маркированная лексика (как церковнославянизмы, так и просторечие). Таким образом, «Русские анекдоты» указывают на то, что «Журнал российской словесности» занимает в споре о языке формально архаистическую, а фактически промежуточную позицию.

Сентябрьскую публикацию в «Журнале российской словесности» можно считать завершением полемики. Русские анекдоты продолжают публиковаться, но споров уже не вызывают.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Прежде всего, полемика об анекдоте намечает границы жанра, выявляя основные варианты, различающиеся по нескольким критериям.

В содержательном отношении определяются две полярных концепции жанра: героическая (под анекдотом понимается рассказ о подвиге) и комическая (анекдот — рассказ об остроумном поступке, чаще всего — остроумном ответе). Они не исчерпывают всего многообразия тем: анекдот может рассказывать о словах мудрых, но

не смешных или о поступках достойных, но не героических. Более того, иногда эти две концепции совмещаются: остроумный ответ Суворова в приведенном выше примере — проявление его героического характера. Различие этих концепций не означает антагонизма — напротив, один и тот же журнал может публиковать анекдоты разных тематических типов, даже подряд, в рамках одной подборки. Это видно на примере «Журнала российской словесности».

Актуальной в 1805 г. оказывается и проблема связи анекдота с реальностью. Литературная условность предполагает, что анекдот — рассказ из жизни, о произошедших в реальности событиях, о действительно сказанных словах. Это лишь установка, которая очень часто оказывается игровой — подобно тому, как в то же время сохраняет популярность так называемая «справедливая повесть», где рассказчик подчеркивает истинность своих слов, но сюжет очевидно неправдоподобен [12, с. 36]. Однако в тех случаях, когда действуют известные в истории люди (некоторые из них в момент публикации живы), возникает вопрос: можно ли называть их имена. Единства в этом вопросе нет. «Журнал для пользы и удовольствия» выступает против раскрытия имен, но даже в его публикациях есть отступления от принципа анонимности.

Общее требование к анекдоту — краткость. Как таковое оно не вызывает споров, однако вопрос о мере объема оказывается непраздным: «Друг просвещения» подвергается критике со стороны «Северного вестника» за то, что его анекдоты слишком длинные.

Актуален и вопрос о стиле. Спор об анекдоте выступает как один из аспектов общей полемики о языке. Соответственно, архаисты из «Друга просвещения» пользуются сложными синтаксическими конструкциями и церковнославянизмами. Это соответствует их интересу к героической теме, позволяющему актуализировать стилевые ресурсы высокого слога. Напротив, «Северный вестник» призывает к краткости и ясности. «Журнал для пользы и удовольствия» и «Журнал российской словесности» идут по близкому пути.

Одновременно анекдот оказывается удобной формой принципиального высказывания по языковым вопросам. Характеристика анекдотов «Друга просвещения», данная в «Северном вестнике», выдает карамзинистские симпатии рецензента. Сюжет последнего из трех анекдотов в «Журнале для пользы и удовольствия» тем более явно свидетельствует о принадлежности автора к карамзинистскому лагерю. Напротив, анекдот о чиновнике из «Журнала российской словесности» позволяет думать, что его автор выступает против «нового слога».

Вместе с тем анализ дискуссии об анекдоте демонстрирует, что спор о языке не приводит к безусловной поляризации мнений. Не все литераторы присоединяются к одной из двух крайних точек зрения; многие занимают промежуточную позицию. Пример «Журнала российской словесности» в этом отношении особенно показателен. Автор «Русских анекдотов» в этом издании критикует эксцессы «нового слога», но его собственный стиль отличается простотой. В отношении формы — объема и слога — его анекдоты ближе примерам «Северного вестника» и «Журнала для пользы и удовольствия», чем «Друга просвещения», и не случайно издание архаистов он не упоминает среди своих образцов. В то же время с издателями «Друга просвещения» его сближает содержательная установка — интерес к героической теме.

Очерчивая границы жанрового поля, дискуссия о русском анекдоте определяет направление, в котором будет развиваться этот жанр. Он вступит в период расцвета вскоре — в пушкинскую эпоху.

Литература

1. Аврора. Ежемесячное издание. 1806. Т. 2. № 2. С. 84–168.
2. Акутин Ю. Метаморфозы Николая Брусилова // Альманах библиофила. М.: Книга, 1979. Вып. 6. С. 103–125.
3. Альтиуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М.: НЛЮ, 2007. 444 с.
4. Альтиуллер М.Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века («Друг просвещения» и «Московский журнал») // XVIII век. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти П.Н. Беркова. С. 98–106.
5. Анекдоты и деяния великих и славных мужей, также отличившихся храбростию и неустрашимостию во время прошедших кампаний российских героев. СПб.: При 1-м кадетском корпусе, 1809. [2], 8, 278 с.
6. Анекдоты русские или Великие достопамятные деяния и добродетельные примеры славных мужей России... СПб.: При Академии наук, 1809. Ч. 1. 313 с.; Ч. 2. 323, VIII, XVI с.
7. Архипова А.В. Предромантические тенденции в критике 1800–1810-х годов // Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. / отв. ред. А.М. Панченко. СПб.: Наука, 1999. Т. 1: XVIII – первая четверть XIX в. / ред. Ю.В. Стенник. С. 153–193.
8. [Баранова О., сост. и авт. текста]. Кусково: Путеводитель. 2-е изд., доп., перераб. М.: Московский рабочий, 1987. 64 с.
9. Белова Н.А. Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX в. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. 230 с.
10. Бовкало А.А. [Соборы и церкви (клир)]. Санкт-Петербург. Преображенский всей гвардии собор. URL: <http://www.petergen.com/bovkalokl/spburgprs.html> (дата обращения: 25.01.2024).

11. Будрин П. Лоренс Стерн и «философия простоты» Ивана Мартынова // *Studia slavica*: сб. научных трудов молодых филологов. Таллин: [Б. и.], 2015. Вып. 13. С. 11–26.
12. Вацуро В.Э. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» // *Вацуро В.Э. Записки комментатора*. СПб.: Академический проект, 1994. С. 29–48.
13. Вацуро В.Э. И.И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 139–179.
14. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 4. Отд. 2: Материалы для критико-биографического словаря русских писателей и ученых. Вавилов — Введенский. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1895. [2], 212 с.
15. Вестник Европы, издаваемый М. Каченовским. 1806. Ч. 27. № 10. С. 81–160.
16. Виноцкий И. Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: НЛО, 2017. 352 с.
17. Глинка С.Н. Русские анекдоты военные, гражданские и исторические, изображающие свойство и знаменитые деяния русских в различных состояниях: с присовокуплением некоторых стихотворений: [в 2 ч.] М.: Унив. тип., 1811. Ч. 1. VIII, 172 с.; Ч. 2. [2], 189, [1] с.
18. Демина Л.И., Мохначева М.П. А.И. Мусин-Пушкин и круг журнала «Друг просвещения» // Мусины-Пушкины в истории России: к 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина / председатель ред. совета С.О. Шмидт. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 119–126.
19. Доброзракова Г.А. Исторический анекдот от XVIII века до Довлатова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара: Научно-технический центр, 2019. Вып. 18: Памяти Н.А. Буранок. С. 38–57.
20. Дробова Н.П. Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление // XVIII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. С. 275–283.
21. [Дроздов Н.А.] Rusbook: [Электронная библиотека. Журналы и газеты]. URL: <https://archivebooks.ru/> (дата обращения: 25.01.2024).
22. Друг просвещения. Журнал литературы, наук и художеств. 1804. Ч. 1–4. № 1–12; 1805. Ч. 5–8. № 1–12; 1806. Ч. 9–12. № 1–12.
23. Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 1–4. № 1–12.
24. Журнал российской словесности, издаваемый Н. Брусиловым. 1805. Ч. 2. № 8. С. 175–230; Ч. 3. № 9. С. 1–54.
25. Зорин А.Л. Мартынов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; Фианит, 1994. Т. 3. К–М / гл. ред. П.А. Николаев. С. 533–535.
26. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии / изд. С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб.: Тип. департамента делов, 1876. Вып. 5. [478] с.
27. Карцов В.С., Мазаев М.Н. Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1891. [6], 158 с.
28. Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. 461 с.

29. *Курганов Е.* Литературный анекдот пушкинской эпохи. Helsinki: University of Helsinki, 1995. 278 с. (Slavica Helsingiensia. Vol. 15).

30. Любитель словесности. Ежемесячное издание Н. Остолопова. 1806. Ч. 3. № 8. С. 91–169.

31. *Максимов А.Г.* Описание русских периодических изданий XIX века. «Журнал российской словесности» 1805 года // Литературный вестник. 1904. Т. 8. С. 187–202.

32. *Максимов А.Г.* Описание русских периодических изданий XIX века. Журналы И.И. Мартынова: «Северный вестник» 1804–1805 гг. и «Лицей» 1806 года // Литературный вестник. 1904. Т. 7. Кн. 3. С. 28–50.

33. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / ред. Б.П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. Т. 1: Псевдонимы русского алфавита. А–И. 440, [4] с.

34. *Матисон А.В.* Городское духовенство России XVIII в. (историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 385 с.

35. *Мельцин М.О., Цылина А.А.* Князь Александр Долгоруков — «поэт одного года» // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2016): сб. научных трудов XVIII Всероссийской научной конференции: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2017. Ч. 1. С. 122–136.

36. *Мордовченко Н.И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: АН СССР, 1959. 431 с.

37. Московский курьер. Ежедневное издание С. Львова. 1805. Ч. 1. № 24. С. 369–384.

38. *Никанорова Е.К.* Малые жанры историко-повествовательной прозы в русской литературе XVIII века: анекдоты и апофегмы: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 223 с.

39. *Попугаев В.В.* История Общества любителей словесности, наук и художеств // Периодическое издание Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств. 1804. Ч. 1. С. 1–XXXIII.

40. Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черпахова. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 835 с.

41. Русский исторический анекдот: от Петра I до Александра III / сост. Е. Курганов. СПб.: Пушкинский фонд, 2017. 366 с.

42. Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / вступ. ст. Е. Курганова; сост. и примеч. Е. Курганова и Н. Охотина. М.: Худож. лит., 1990. 270 с.

43. Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2000. Т. 2: Журналы (Г–Ж). С росписью содержания / председатель ред. колл. В.Н. Зайцев; ред. тома Е.К. Соколинский. 853, [2] с.

44. Северный вестник. 1805. № 6. С. 237–377.

45. *Теплова В.А.* Общественно-политические взгляды и политическая деятельность И.И. Мартынова в конце XVIII – начале XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1965. 235 с.

46. *Чичерин А.К.* История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1883. Т. 2: 1725–1801. 642 с.

47. *Шишкин А.Б.* Голенищев-Кутузов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г / гл. ред. П.А. Николаев. С. 604–605.

48. [Шушков А.С.] Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб.: Медицинская тип., 1813. [6], 436 с.

49. *Hexelschneider E.* Johann Richter // *Sächsische Biografie*, hrsg. vom Institut für Sächsische Geschichte und Volkskunde e.V. Online-Ausgabe. URL: [https://saebi.isgv.de/biografie/Johann_Richter_\(1763-1829\)](https://saebi.isgv.de/biografie/Johann_Richter_(1763-1829)) (дата обращения: 25.01.2024).

50. *Joost H.* Das Moskaubild Johann Gottfried Richters // *West-Östliche Spiegelungen*. Reihe A. München: Fink, 1992. Bd. 3: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung. 1800–1871. S. 100–118.

Research Article

The Polemics on the Russian Anecdote in 1805

© 2024. Lev A. Trakhtenberg

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: The paper views a literary debate of the early 19th century that has not yet received the due attention of specialists. The 1800s see emerging interest in original anecdotes that show the virtue and wit of Russians. The journal *Drug Prosveshcheniia*, which represents one of the influential literary factions of the time, the politically and stylistically conservative “Archaists” led by Alexander Shishkov, makes “Russian anecdote” a permanent section since its first issue. In 1805, the Russian anecdote becomes the object of a literary controversy. The discussion is initiated by a publication in the May issue of *Drug Prosveshcheniia*. It is followed by polemical replies of *Severnyi Vestnik* in June, *Zhurnal dlia Pol'zy i Udovol'stviia* in July, and *Zhurnal Rossiiskoi Slovesnosti* in September. The present paper traces the course of this discussion, deciphers the sub-texts, and analyses the participants' positions. The research shows that the subject of the dispute is the nature of the anecdote as a genre. The discussion helps to outline the range of issues of its understanding: this includes the subject matter, volume, and style. During the polemics, the paradigm of genre variants is determined. In addition, this dispute acts as part of the polemic about language between the supporters of A.S. Shishkov and N.M. Karamzin, which intensifies in the summer of 1805. The article clarifies the positions of the parties on the material of this genre, demonstrating the diversity of opinions that cannot be reduced to two polar viewpoints.

Keywords: early 19th-century Russian literature, short prose, journalism, debate “on the old and new style.”

Information about the author: Lev A. Trakhtenberg, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID : <https://orcid.org/0000-0002-4345-0955>

E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

For citation: Trakhtenberg, L.A. “The Polemics on the Russian Anecdote in 1805.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 161–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-161-182>

References

1. *Avrora. Ezhemesiachnoe izdanie*, vol. 2, no. 2, 1806, pp. 84–168. (In Russ.)
2. Akutin, Iu. “Metamorfozy Nikolaia Brusilova” [“Metamorphoses of Nikolai Brusilov”]. *Al'manakh bibliofila*, issue 6. Moscow, Kniga Publ., 1979, pp. 103–125. (In Russ.)
3. Al'tshuller, M.G. *Beseda liubitelei russkogo slova: u istokov russkogo slavianofil'stva* [Colloquy of Russian Word Lovers: At the Origins of Russian Slavophilism]. 2nd ed., enl. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 444 p. (In Russ.)
4. Al'tshuller, M.G. “Neizvestnyi epizod zhurnal'noi polemiki nachala XIX veka (‘Drug prosveshcheniia’ i ‘Moskovskii zhurnal’)” [“An Unknown Episode of Magazine Polemics in the Early 19th Century (‘Drug Prosveshcheniia’ and ‘Moskovskii Zhurnal’)”]. *XVIII vek* [The 18th Century], issue 10: Russkaia literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi. Pamiati P.N. Berkova [Russian Literature of the 18th Century and Its International Connections. In Memory of P.N. Berkov]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 98–106. (In Russ.)
5. *Anekdoty i deianiia velikikh i slavykh muzhei, takzhe otlichivshikhsia khrabrostiui i neustrashimostiui vo vremia proshedshikh kampanii rossiiskikh geroev* [Anecdotes and Deeds of Great and Famous Men, also of Russian Heroes, Distinguished by Their Bravery and Intrepidity During the Past Campaigns]. St. Petersburg, At the 1st Cadet Corps Publ., 1809. [2], 8, 278 p. (In Russ.)
6. *Anekdoty russkie ili Velikie dostopamiatnye deianiia i dobrodetel'nye primery slavykh muzhei Rossii...* [Russian Anecdotes, or Great Memorable Deeds and Virtuous Examples of the Famous Men of Russia...], part 1; 2. St. Petersburg, At the Academy of Sciences Publ., 1809. 313 p.; 323, VIII, XVI p. (In Russ.)
7. Arkhipova, A.V. “Predromanticheskie tendentsii v kritike 1800–1810-kh godov” [“Pre-Romantic Tendencies in 1800–1810s Criticism”]. Panchenko, A.M., editor. *Ocherki istorii russkoi literaturnoi kritiki: v 4 t.* [Essays on the History of Russian Literary Criticism: in 4 vols.], vol. 1: XVIII – pervaiia chetvert' XIX v. [18th – the First Quarter of the 19th Century], ed. by Iu.V. Stennik. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 153–193. (In Russ.)
8. [Baranova, O.] *Kuskovo: Putevoditel'* [Kuskovo: A Guide]. 2nd ed., enl. and rev. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1987. 64 p. (In Russ.)
9. Belova, N.A. *Literaturnyi anekdot v russkoi proze i periodike pervoi treti XIX v.* [The Literary Anecdote in the Russian Prose and Periodicals of the 1st Third of the 19th Century]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk Institute for the Humanities Publ., 2008. 230 p. (In Russ.)
10. Bovkalo, A.A. *Sobory i tserkvi (klir). Sankt-Peterburg. Preobrazhenskii vsei gvardii sobor* [Cathedrals and Churches (Clergy). Transfiguration Cathedral of All the Guard]. Available at: <http://www.petergen.com/bovkalo/kl/spburgprs.html> (Accessed 25 January 2024). (In Russ.)
11. Budrin, P. “Lorens Stern i ‘filosofia prostoty’ Ivana Martynova” [“Lawrence Sterne and Ivan Martynov’s ‘Philosophy of Simplesness’”]. *Studia slavica: sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov* [Studia Slavica: Collected Scholarly Works of Young Philologists], issue 13. Tallinn, [S. n.], 2015, pp. 11–26. (In Russ.)
12. Vatsuro, V.E. “Povesti pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina” [“The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin”]. Vatsuro, V.E. *Zapiski kommentatora* [Notes of a Commentator]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994, pp. 29–48. (In Russ.)
13. Vatsuro, V.E. “I.I. Dmitriev v literaturnykh polemikakh nachala XIX veka” [“I.I. Dmitriev in the Literary Polemics of the Early 19th Century”]. *XVIII vek* [The 18th Century], issue 16: Itogi i problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka [Results and

Problems of Studying Russian Literature of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 139–179. (In Russ.)

14. Vengerov, S.A. *Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovannosti do nashikh dnei)* [Critical-Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists (from the Beginning of Russian Education to the Present Day)], vol. 4, section 2: Materialy dlia kritiko-biograficheskogo slovaria russkikh pisatelei i uchenykh. Vavilov — Vvedenskii [Materials for the Critical-Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists. Vavilov — Vvedensky]. St. Petersburg, I.A. Efron's Typography Publ., 1895, [2], 212 p. (In Russ.)

15. *Vestnik Evropy, izdavaemyi M. Kachenovskim*, part 27, no. 10, 1806, pp. 81–160. (In Russ.)

16. Vinitskii, I. *Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaia kul'tura* [Count of Sardinia: Dmitrii Khvostov and Russian Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 352 p. (In Russ.)

17. Glinka, S.N. *Russkie anekdoty voennye, grazhdanskie i istoricheskie, izobrazhaiushchie svoistvo i znamenitye deianiia russkikh v razlichnykh sostoianiiakh: s prisovokupleniem nekotorykh stikhotvoreniĭ: v 2 ch.* [Russian Anecdotes, Military, Civil and Historical, Showing the Traits and Famous Deeds of Russians in Different Estates; Complemented by Some Poems: in 2 parts]. Moscow, University Typography Publ., 1811. VIII, 172 p.; [2], 189, [1] p. (In Russ.)

18. Demina, L.I., and M.P. Mokhnacheva. "A.I. Musin-Pushkin i krug zhurnala 'Drug prosveshcheniia'." ["A.I. Musin-Pushkin and the Circle of the Magazine 'Drug Prosveshcheniia'."]. Shmidt, S.O., editor. *Musiny-Pushkiny v istorii Rossii: k 250-letiiu so dnia rozhdeniia A.I. Musina-Pushkina* [The Musins-Pushkins in the History of Russia: On the 250th Anniversary of A.I. Musin-Pushkin's Birthday]. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e Publ., 1998, pp. 119–126. (In Russ.)

19. Dobrozrakova, G.A. "Istoricheskii anekdot ot XVIII veka do Dovlatova" ["The Historical Anecdote from the 18th Century to Dovlatov"]. *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka* [Problems of Study of 18th-Century Russian Literature], issue 18: Pamiaty N.A. Buranok [In Memory of N.A. Buranok]. St. Petersburg, Samara, Nauchno-tekhnicheskii tsentr Publ., 2019, pp. 38–57. (In Russ.)

20. Drobova, N.P. "Biograficheskie predaniia o russkikh pisateliakh XVIII v. kak istoriko-literaturnoe iavlenie" ["Biographical Legends about Russian 18th-Century Writers as a Phenomenon of Literary History"]. *XVIII vek* [The 18th Century], issue 13: Problemy istorizma v russkoi literature. Konets XVIII – nachalo XIX v. [Historicism Issues in Russian Literature. The End of the 18th – the Beginning of the 19th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 275–283. (In Russ.)

21. [Drozdov, N.A.] *Rusbook: Elektronnaia biblioteka. Zhurnaly i gazety* [Rusbook: Electronic Library. Magazines and Newspapers]. Available at: <https://archivebooks.ru/> (Accessed 25 January 2024). (In Russ.)

22. *Drug prosveshcheniia. Zhurnal literatury, nauk i khudozhestv*, parts 1–4, no. 1–12, 1804; parts 5–8, no. 1–12, 1805; parts 9–12, no. 1–12, 1806. (In Russ.)

23. *Zhurnal dlia pol'zy i udovol'stviia*, parts 1–4, no. 1–12, 1805. (In Russ.)

24. *Zhurnal rossiiskoi slovesnosti, izdavaemyi N. Brusilovym*, part 2, no. 8, 1805, pp. 175–230; part 3, no. 9, 1805, pp. 1–54. (In Russ.)

25. Zorin, A.L. "Martynov" ["Martynov"]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary], vol. 3, ed. by P.A. Nikolaev. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, Fianit Publ., 1994, pp. 533–535. (In Russ.)

26. *Istoriko-statisticheskie svedeniia o S.-Peterburgskoi eparkhii* [Historical-Statistical Data on St. Petersburg Eparchy], issue 5. St. Petersburg, Department of Appanage Estates Typography, 1876. [478] pp. (In Russ.)
27. Kartsov, V.S., and M.N. Mazaev. *Opyt slovaria psevdonimov russkikh pisatelei* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers]. St. Petersburg, I.A. Efron's Typolitography, 1891. [6], 158 p. (In Russ.)
28. Kuleshov, V.I. *Literaturnye sviazi Rossii i Zapadnoi Evropy v XIX veke (pervaia polovina)* [Literary Connections of Russia and Western Europe in the 19th Century (The First Half)]. Moscow, Moscow University Publ., 1965. 461 p. (In Russ.)
29. Kurganov, E. *Literaturnyi anekdot pushkinskoi epokhi* [The Literary Anecdote of Pushkin's Epoch]. Helsinki, University of Helsinki Publ., 1995. 278 p. (In Russ.)
30. *Liubitel' slovesnosti. Ezheimesiachnoe izdanie N. Ostolopova*, part 3, no. 8, 1806, pp. 91–169. (In Russ.)
31. Maksimov, A.G. "Opisanie russkikh periodicheskikh izdaniia XIX veka. 'Zhurnal rossiiskoi slovesnosti' 1805 g." ["Description of Russian 19th-Century Periodicals. 'Journal of Russian Literature' of 1805"]. *Literaturnyi vestnik*, vol. 8, 1904, pp. 187–202. (In Russ.)
32. Maksimov, A.G. "Opisanie russkikh periodicheskikh izdaniia XIX veka. Zhurnaly I.I. Martynova: 'Severnyi vestnik' 1804–1805 gg. i 'Litsei' 1806 g." ["Description of Russian 19th-Century Periodicals. I.I. Martynov's Journals: 'Northern Herald' of 1804–1805 and 'Lyceum' of 1806"]. *Literaturnyi vestnik*, vol. 7, book 3, 1904, pp. 28–50. (In Russ.)
33. Masanov, I.F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: v 4 t.* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 vols.], vol. 1. Moscow, All-Union Book Chamber Publ., 1956. 440, [4] p. (In Russ.)
34. Matison, A.V. *Gorodskoe dukhovenstvo Rossii XVIII v. (istoriko-genealogicheskoe issledovanie po materialam Tverskoi eparkhii)* [The Town Clergy of 18th-Century Russia (Historical-Genealogical Study on the Example of the Eparchy of Tver): DSc Dissertation]. Ekaterinburg, 2015. 385 p. (In Russ.)
35. Mel'tsin, M.O., and A.A. Tsyliina. "Kniaz' Aleksandr Dolgorukov — 'poet odnogo goda'." ["Prince Alexander Dolgorukov, 'a Poet of One Year'."] *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniia-2016): sbornik nauchnykh trudov XVIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii: v 2 ch.* [Press and Word of St. Petersburg (Petersburg Readings-2016): Collected Scholarly Works of the 18th All-Russian Scholarly Conference: in 2 parts], part 1. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industry and Design Publ., 2017, pp. 122–136. (In Russ.)
36. Mordovchenko, N.I. *Russkaia kritika pervoi chetverti XIX veka* [Russian Criticism of the First Quarter of the 19th Century]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959. 431 p. (In Russ.)
37. *Moskovskii kur'er. Ezhenedel'noe izdanie S. L'vova*, part 1, no. 24, 1805, pp. 369–384. (In Russ.)
38. Nikanorova, E.K. *Malye zhanry istoriko-povestvovatel'noi prozy v russkoi literature XVIII veka: anekdoty i apofegmy* [Short Historical-Narrative Prose Genres in Russian 18th-Century Literature: Anecdotes and Apothegms: PhD Dissertation]. Leningrad, 1984. 223 p. (In Russ.)
39. Popugaev, V.V. "Istoriia Obshchestva liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv" ["History of the Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts"]. *Periodicheskoe izdanie Vol'nogo Obshchestva liubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv*, part 1, 1804, pp. I–XXXIII. (In Russ.)

40. Dementiev, A.G., A.V. Zapadov, and M.S. Cherepakhov, editors. *Russkaia periodicheskaia pechat' (1702–1894): Spravochnik [Russian Periodical Press (1702–1894): Handbook]*. Moscow, State Publishing House for Political Literature, 1959. 835 p. (In Russ.)
41. *Russkii istoricheskii anekdot: ot Petra I do Aleksandra III [Russian Historical Anecdote: From Peter I to Alexander III]*, comp. by E. Kurganov. St. Petersburg, The Pushkin Fund Publ., 2017. 366 p. (In Russ.)
42. *Russkii literaturnyi anekdot kontsa XVIII – nachala XIX veka [Russian Literary Anecdote of the Late 18th – Early 19th Century]*, preface by E. Kurganov, comp. and comm. by E. Kurganov and N. Okhotin. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 270 p. (In Russ.)
43. Zaitsev, V.N., editor. *Svodnyi katalog serial'nykh izdaniy Rossii (1801–1825) [Summary Catalogue of the Serial Publications of Russia (1801–1825)]*, vol. 2: Zhurnaly (G–Zh). S rospis'iu sodержaniia [Journals (G–Zh). With List of Contents], ed. E.K. Sokolinskii. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 2000. 853. [2] p. (In Russ.)
44. *Severnyi vestnik*, no. 6, 1805, pp. 237–377. (In Russ.)
45. Teplova, V.A. *Obshchestvenno-politicheskie vzgliady i politicheskaya deiatel'nost' I.I. Martynova v kontse XVIII – nachale XIX veka [The Socio-Political Views and Political Activity of I.I. Martynov in the Late 18th – Early 19th Century: PhD Dissertation]*. Gorky, 1965. 235 p. (In Russ.)
46. Chicherin, A.K. *Istoriia leib-gvardii Preobrazhenskogo polka. 1683–1883 g. [History of Preobrazhensky Life Guards Regiment. 1683–1883]*, vol. 2: 1725–1801 [1725–1801]. St. Petersburg, A.A. Kraevsky's Typography, 1883. 642 p. (In Russ.)
47. Shishkin, A.B. “Golenishchev-Kutuzov” [“Golenishchev-Kutuzov”]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar' [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary]*, vol. 1: A–G [A–G], ed. by P.A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 604–605. (In Russ.)
48. [Shishkov, A.S.] *Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossiiskogo iazyka [Discourse on the Old and New Style in Russian Language]*. St. Petersburg, Medical Typography, 1813. [6], 436 p. (In Russ.)
49. Hexelschneider, Erhard. “Johann Richter.” *Sächsische Biografie, hrsg. vom Institut für Sächsische Geschichte und Volkskunde e.V. Online-Ausgabe*. Available at: [https://saebi.isgv.de/biografie/Johann_Richter_\(1763-1829\)](https://saebi.isgv.de/biografie/Johann_Richter_(1763-1829)) (Accessed 25 January 2024). (In German)
50. Joost, Heike. “Das Moskaubild Johann Gottfried Richters.” *West-Östliche Spiegelungen. Reihe A. Bd. 3. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung. 1800–1871*. München, Fink, 1992, S. 100–118. (In German)

Статья поступила в редакцию: 20.01.2024
Одобрена после рецензирования: 10.02.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 20.01.2024
Approved after reviewing: 10.02.2024
Date of publication: 25.06.2024

«Не всегда плох» или «приятное исключение»: поэт Георгий Рыбинцев и его критики (1913–1914 гг.)

© 2024, Е.Б. Бурлаченко, В.Э. Молодяков

Независимый исследователь, Москва, Россия
Университет Такусёку, Токио, Япония

Аннотация: В статье впервые исследуется критическая рецепция поэзии Георгия Ивановича Рыбинцева (1885–1944), «неизвестного поэта», который невольно оказался вовлечен в литературную борьбу 1913–1914 гг. Первый сборник стихов Рыбинцева «Ожерелье из слез и цветов» (1913) прошел незамеченным в печати, однако позволил автору войти в литературные круги, близкие к издательству «Альциона». Владелец «Альционы» А.М. Кожебаткин публиковал сборники начинающих поэтов модернистской ориентации за счет авторов, но появление книги под этой маркой означало принадлежность к кругу московских модернистов, что учитывалось критикой. Второй сборник стихов Рыбинцева «Осенняя просинь» (1914), изданный «Альциной», уже привлек внимание критиков. Однако их отзывы диктовались не столько достоинствами и недостатками стихов, сколько логикой литературной борьбы. Выпустивший в «Альционе» свой сборник «Счастливый домик» (1914) В.Ф. Ходасевич одобрителем отозвался о книге Рыбинцева. Враждовавший с «Альциной» по личным и литературным мотивам С.М. Городецкий подверг Рыбинцева резкой критике, поставив его в ряд бездарных дилетантов. Радикальный модернист С.П. Бобров обрушился на книгу Рыбинцева в своей обычной издательской манере, причем как в футуристических (альманах «Руконог»), так и в немодернистских изданиях. Критик реалистического направления В.В. Брусянин, напротив, дал развернутый положительный отзыв о поэзии Рыбинцева, противопоставив его модернистским авторам круга «Альционы». Отзывы критиков о поэзии Рыбинцева впервые републикуются в полном объеме.

Ключевые слова: Г.И. Рыбинцев, издательство «Альциона», В.Ф. Ходасевич, полемика, С.М. Городецкий, акмеизм, С.П. Бобров, В.В. Брусянин.

Информация об авторах: Екатерина Борисовна Бурлаченко — независимый исследователь, г. Москва, Россия.

E-mail: nfje@yandex.com

Василий Элинархович Молодяков — доктор политических наук, профессор, университет Такусёку, Оцука 1-7-1 G210, Бункё-ку, Токио, 112-0012, Япония.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473>

E-mail: dottore68@mail.ru

Для цитирования: Бурлаченко Е.Б., Молодяков В.Э. «Не всегда плох» или «приятное исключение»: поэт Георгий Рыбинцев и его критики (1913–1914 гг.) // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 183–203. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-183-203>

Г.И. Рыбинцев по окончании гимназии, 1905 г.
(ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1614. Л. 10).

Georgy Rybintsev upon graduation from the gymnasium, 1905.
(Central State Archive of Moscow, coll. 418, inv. 418, fol. 1614, p. 10.)

Георгий Иванович Рыбинцев (23.11 (5.12). 1885. Пятигорск – 29.4.1944. Лимей-Бреванн, деп. Сена и Уаза, Франция)¹ принадлежит к категории «неизвестных поэтов». Сборники Рыбинцева давно известны библиографам русской поэзии [16, с. 323; 17, с. 585; 14, с. 461], фамилия и годы жизни (с ошибочной датой рождения) встречаются в примечаниях к различным изданиям. Однако справки о нем не попадают в биографические словари, а его стихи — в антологии или тематические подборки, за единичными исключениями: [1, с. 557, 559] (приведены ссылки на посвященные Блоку стихотворения «Коломбина» из сборника «Ожерелье из слез и цветов» и «О тайной деве, мехами скрыленной...» из сборника «Осенняя просинь», но тексты не воспроизведены), [5, с. 366] и [6, с. 141] (в обоих изданиях воспроизведено стихотворение «Скука назойливых будней...» из сборника «Осенняя просинь»), [15, с. 127–130] (воспроизведены стихотворения «Скука назойливых будней...» и посмертно опубликованное по архивному источнику «Не золотилась в сердце осень...»). Филологи изредка цитируют Рыбинцева, но исключительно для иллюстрирования положений общего характера: [18, с. 109; 19, с. 104, 199–200] (влияние и перепевы Анненского в поэзии Рыбинцева), [4, с. 51] (четырёхстопный ямбу «младших поэтов 1910-х годов»), [12, с. 320–321] (образ и метафора «ожерелья»).

До сих пор никто не задался вопросом, откуда эта редкая фамилия появилась в известном тексте «Зовущие зори» (1918) — коллективном киносценарии С.А. Есенина, Н.А. Павлович, М.П. Герасимова и С.А. Клычкова, где фигурирует: «Владимир Михайлович Рыбинцев. Интеллигент. Белокурый, с ясным, открытым лицом (немного усталым), характер постоянного искания. Это выражается даже в движениях. Бывший офицер царской службы военного времени. 28 лет» (впервые [9, с. 289–300]). Подготовленную Н.А. Павлович публикацию сопровождал ее мемуарный очерк «Как создавался киносценарий “Зовущие зори”» [9, с. 301–304], но информации о Рыбинцеве-персонаже или его прототипе там нет. На момент написания сценария бывшему военному служащему (офицерский чин он так и не получил) «царской службы военного времени» Георгию Рыбинцеву было 33 года, и в отличие от сценарного героя он присоединился не к Красной армии, а к Вооруженным силам Юга России, о чем сценаристы знать не могли. Судя по сохранившимся фотографиям молодого Георгия Ивановича, «белокурым» он не был,

¹ Точные даты жизни Рыбинцева установлены на основании архивных документов Е.Б. Бурлаченко, потомком рода Рыбинцевых и исследователем его истории; ею же составлен первый очерк его биографии [3].

но его лицо вполне можно назвать «ясным», «открытым» и даже «немного усталым», особенно с учетом присущей ему, судя по письмам и стихам, ипохондрии. Слова о «характере постоянного искания» тоже не противоречат тому, что нам известно о нем. Кто из авторов сценария мог знать поэта Рыбинцева? Из его письма к Е.Я. Архипову от 8 октября 1913 г. следует, что он как минимум встречался с Клычковым у общих знакомых из круга издательства «Альциона» (выпустившего первую и вторую книги Клычкова и вторую книгу Рыбинцева)... а было ему тогда 28 лет². Так что загадка пока не разгадана.

Не ставя целью в настоящей работе дать характеристику поэтической и вообще литературной деятельности Рыбинцева, выступавшего также как литературовед и критик (статьи о Лермонтове, Ахматовой, Шагинян и др.)³, рассмотрим более частный вопрос о реакции рецензентов на его поэтические сборники «Ожерелье из слез и цветов» (М.: Типография товарищества Н.Л. Казецкого, 1913. 98 с. 1000 экз.) и «Осенняя просишь» (обложка Н. Крымова. М.: Альциона, 1914. 52 с. + 6 с. каталог. 600 экз.). Отзывы о стихах «неизвестного поэта» представляют интерес: во-первых, благодаря личностям критиков и литературной среде, к которой они принадлежали; во-вторых, в контексте борьбы модернистов и не-модернистов, а также борьбы внутри модернистского лагеря; в-третьих, как возможный материал для сопоставления газетной и журнальной критики на конкретном, причем случайном примере.

Приведем основные факты биографии поэта, установленные нами на сегодняшний день.

Георгий Иванович Рыбинцев принадлежал к состоятельной и многодетной семье пятигорских купцов, проучился 8 лет в Пятигорской гимназии и один год в 10-й Санкт-Петербургской гимназии, которую окончил в 1905 г. Пропустив год из-за болезни, в 1906 г. поступил в Московский Императорский университет вольнослушателем юридического факультета, через год перевелся в действительные студенты; уволился из университета в августе 1911 г. для отбывания воинской повинности, не окончив курса. Литературную деятельность начал, согласно разным анкетам, в 1906 г. или в 1909 г. Публиковал стихи и рассказы в газетах «Пятигорское эхо», «Кавказский край» (Пятигорск; одно время был секретарем редакции),

² РГАЛИ. Ф. 1458 (Архиппов Е.Я.). Оп. 1. Д. 76. Л. 3–4 об.; далее цит. без ссылок.

³ Е.Б. Бурлаченко готовит переиздание литературного наследия Г.И. Рыбинцева с подробным очерком его жизни и творчества.

«Отклики Кавказа» (Армавир) и др. (выявление и изучение текстов Рыбинцева в периодике продолжается).

Отбыв воинскую повинность, Рыбинцев вернулся в Москву и возобновил литературную деятельность. Первую книгу он выпустил за свой счет, заплатив немногим более 200 рублей за набор и печать, и рассылал людям, мнением которых дорожил. 16 апреля 1913 г. он отправил экземпляр — полагаем, одному из первых — Валерию Яковлевичу Брюсову (1873–1924), снабдив его инскриптом, «Дорогому учителю В.Я. Брюсову / в знак исключительного уважения и / пристрастия. / Автор. 913. 16/IV. Москва»⁴. Через три дня за книгой последовало письмо:

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Не сочтите за навязчивость и излишнее беспокойство письменное мое к Вам обращение. К своему несчастью, я незнаком с Вами; ваше же высокое и дорогое для меня мнение поможет разобраться мне в вопросах, касающихся моей книги стихов: «Ожерелье из слез и цветов», несколько дней тому назад посланной Вам по адресу редакции «Скорпион».

Сочту за величайшее счастье, если Вы не оставите без внимания мою просьбу, и своим добрым, справедливым словом только укрепите то пристрастие мое, с которым я отношусь, хотя и тайно, к Вашей литературной деятельности. В вопросах поэзии я не знаю более настоящего и глубокого критерия, как Ваш просвещенный вкус и обширное знание, к которым я прибегаю вот уже много лет, как к своему руководителю. Примите искренние уверения в моем уважении.

Георгий Иванович Рыбинцев.

Москва, Воздвиженка, д. 11.

Меблир[ованные] комн[аты]

«Америка»⁵

1913-й год — апогей славы Брюсова как литературного мэтра, которого начинающие стихотворцы буквально заваливали книгами и рукописями. «Авторы этих стихов в приложенном письме большей частью извиняются в том, что не будучи со мною знакомы, отнимают у меня время, просят прочитать присланную тетрадь и дать об ней отзыв, а также указать, следует ли им продолжать писание стихов, —

⁴ НИОР РГБ. Ф. 386 (Брюсов В.Я.). Книги. 1336.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 101. Ед. хр. 17. Л. 1–2. Публикуется впервые. Другие письма Рыбинцева Брюсову неизвестны.

сетовал тогда же Валерий Яковлевич в “Открытом письме молодым поэтам”, которое однако оставил ненапечатанным. — <...> Подумайте, что должен был бы я сделать, чтобы добросовестно исполнить ваше желание! Мне пришлось бы, прочтя внимательно присланную мне тетрадочку стихов (иной раз рукопись в 100 и более страниц), подумать над ней хорошенько и написать ее подробный критический разбор. Если бы я захотел быть действительно полезным каждому из вас, я должен был бы указать при этом каждому его промахи, художественные и чисто технические, объяснить подробности русского стихосложения, не изложенные ни в каких учебниках, дать советы, каких поэтов и как следует изучать и тому подобное, то есть написать не только статью, но и целый маленький трактат. Ведь если бы я написал в ответ автору, приславшему мне свою тетрадь, просто: “Ваши стихи, по-моему, не хороши”, это никакой пользы ему бы не принесло, да он и не поверил бы мне. Но чтобы писать трактаты и критические разборы ежедневно, я должен был бы отдать на это дело весь свой день и уже ничем другим не заниматься. <...> Если рукопись кажется мне интересной, я тогда пишу ее автору письмо, но опять-таки не принимаю на себя обязательства непременно писать ответ, только потому, что автору пришло на мысль послать свою тетрадку мне и приложить к письму почтовую марку. Наконец, вовсе не обязуюсь я авторов всех этих рукописей и принимать у себя и вести с ними беседы. <...> Продолжая получать сотни тетрадок со стихами в год (хотя ныне я не состою членом ни одной редакции), я отныне ставлю себе правилом отвечать лишь тем авторам, которые покажутся мне людьми талантливыми» (цит. по: [10, с. 313–314]).

Приславший Брюсову в январе 1910 г. свой дебютный сборник «Потерянный Эдем», а затем почтительное письмо со стихотворным посвящением (опубликовано: [11, с. 143–147]) А.И. Булдеев удостоился похвального отзыва в персональной (точнее, в паре с Н.Н. Животовым) рецензии (Русская мысль. 1910. № 4. Отд. III. С. 79–80), которую автор затем включил в сборник «Далекие и близкие» (1912) (перепечатано: [2, с. 309–311]). Ответил ли Булдееву Брюсов письмом, неизвестно. Рыбинцеву Брюсов явно не ответил (на конверте карандашная помета неизвестной рукой «Рыбинцев. Случайное»), но уделил ему строку в обзоре «Новые течения в русской поэзии. Эклектики» (Русская мысль. 1913. № 8. Отд. III. С. 71–80; перепечатано: [2, с. 401–412], далее цит. без сносок), заглавие которого объяснил следующим образом: «Всего правильнее назвать современного русского поэта “эклектиком”». «Эклектиков» Брюсов как любитель классификаций, в свою очередь, разделил на

«нео-декадентов» и «нео-реалистов», отнеся Рыбинцева к первым в следующем контексте:

В конце концов, при кажущемся разнообразии сюжетов, стихи нео-декадентов до чрезвычайности схожи между собой. У всех поэтов один и тот же подход к теме, выбор одних и тех же эффектов, зачастую сходные мысли, почти везде одинаковый (и довольно скудный) словарь. Однообразие метрических приемов окончательно сливается, казалось бы, самых чуждых поэтов в какой-то один тип «современного (среднего) русского поэта». Перечитываешь их стихи и не знаешь, читал ли их раньше или прежде читал что-то подобное; вспоминаешь строки и не знаешь, откуда они: из «эротики» В. Эльснера или из елейных воздыханий Ю. Анисимова, из самых страстных «*Orientalia*» М. Шагинян или из рассудительных стихов «Лирики» (сборник одноименной группы. — *Е.Б., В.М.*). Весьма характерно, что даже темы стихотворений у разных поэтов нередко совпадают. Так, напр., В. Шершеневич целый отдел своих «*Carmina*» посвятил описаниям Коломбины, Арлекина, Пьерро — фигурам старой итальянской комедии. У В. Курдюмова тоже находим четыре стихотворения о Коломбине, Арлекине и Пьерро. В книге А. Журина опять шесть стихотворений о Коломбине, Арлекине, Пьерро. И у г. Рыбинцева также Коломбина и Арлекин (впрочем, без Пьерро).

Это всё, чего, насколько нам известно, удостоилась первая книга Рыбинцева в печати, но поэт был доволен. «Брюсов как-то даже похвалил меня, каково?» — писал он 8 октября 1913 г. Архиппову в цитированном выше письме. Считать ли Рыбинцева модернистом, эпигоном модернистов или «массовым» поэтом, испытавшим влияние модернизма [8, с. 37, 39–41], но уже в первой книге очевидна его литературная ориентация на Брюсова и Блока. Посвященные Блоку стихотворения есть в обоих сборниках Рыбинцева.

Когда годом позже появился второй сборник стихов Рыбинцева, его положение в литературном мире заметно изменилось. «Осеннюю просинь» выпустило издательство «Альциона» — то есть, автор был принят в избранное общество молодой, модернистской и пост-символистской, поэтической Москвы. Круг его *личных* знакомств пока определен не полностью. Судя по переписке Рыбинцева с Архипповым, не позднее января 1913 г. он познакомился с Б.А. Садовским, который, возможно, ввел его в круг «Альционы» или, по крайней мере, познакомил с А.М. Кожебаткиным. Владелец «Альционы» любил лично, причем неформально, общаться с авторами, которых

издавал. «Деньги у Кожебаткина, кажется, есть, хотя он огорчен тем, что конфисковали альманах (об этом далее. — *Е.Б., В.М.*), — делился московскими новостями близкий к “Альционе” В.Ф. Ходасевич 23 февраля 1914 г. с Б.А. Садовским, выпускавшим в “Альционе” книгу стихов “Самовар”. — Впрочем он, кажется, на днях сопьется: там происходят непрерывные заседания Рыбинцевых, Якуловых, Шершеневичей, Милиотей (так. — *Е.Б., В.М.*), Топорковых и т. д. Все это пьет и играт в карты. Ему не до книг» [20, с. 344].

Рыбинцев также познакомился с признанными мэтрами, как Вяч.И. Иванов и М.А. Кузмин (в дневнике Кузмина за это время он не упомянут). В его связях с литературным миром важную роль играл Архиппов, который, в частности, рекомендовал стихи друга А.А. Альвингу. Однако, вопреки имеющимся в литературе утверждениям, нет оснований считать Рыбинцева принадлежащим к кругу издательства «Жатва», которым руководил Альвинг, поскольку лично они не были знакомы. Таким образом, литературные интересы Рыбинцева в это время связаны почти исключительно с модернизмом. В свою очередь, именно модернисты откликнулись на «Осеннюю просинь» как на новинку «Альционы». Не то что первая книга: автор с неизвестной, но не слишком благозвучной для эстетов фамилией, претенциозное заглавие, коммерческая типография Н.Л. Казецкого, издателя бульварных газет, — типичный самиздат дебютанта без определенного литературного лица. «В 1900–1910-е гг. едва ли не каждый стихотворец мог и считал нужным выпустить за свой счет или за счет сердобольных родственников авторский сборник» [8, с. 8].

Отзывы собратьев по перу из числа модернистов оказались неровными. Видимо, хронологически первым на «Осеннюю просинь» откликнулся Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939) в московской иллюстрированной газете «Новь», которую издавал А.А. Суворин (А. Порошин). В этом эстетически всеядном издании сотрудничали такие разные люди, как анархист А.А. Боровой, бывший сотрудник «Весов» М.Ф. Ликиардопуло, друг юности Брюсова беллетрист М. Криницкий (М.В. Самыгин), теоретик «четвертого измерения» П.Д. Успенский и даже футуристы, так что ее можно считать благожелательно расположенной к модернистам. Рецензия Ходасевича никогда не перепечатывалась. Приведем ее полностью (Новь. 1914. 8 марта. № 46. С. 11):

Георгий Рыбинцев. «Осенняя просинь».
Стихи. К-во «Альциона». М. 1914. Ц. 1 р.

По первой книге опасно судить о поэте, если он не стихийно талантлив и не вопиюще бездарен. Имени г. Рыбинцева нам ещё не случалось встречать нигде, и, повидимому, «Осенняя просинь» есть первый опыт начинающего стихотворца. Путь подражания почти неизбежен в таких случаях. Не избежал его и г. Рыбинцев. Поэзия Александра Блока имеет на него влияние почти непреодолимое. В некоторых стихотворениях молодой автор пытается бороться с этим влиянием, в других — покорно уступает ему, и слово за словом повторяет Блока. (Напр., стихи «О тайной деве, мехами окрыленной»). Кое-где встречаются образы и эпитеты, заимствованные у того же поэта, напр., «матовый вечер», «глухие тайны».

К несомненным достоинствам книги г. Рыбинцева стоит отнести ее подлинный лиризм. Видимо, автор искренно переживает свои чувства, и только ещё не умеет выражать их во всей полноте. В каждом поэте есть нечто, присущее только ему: оригинальность поэзии, таким образом, зависит лишь от умения полно и точно передать это неповторяемое. Будем надеяться, что со временем г. Рыбинцев научится собственным языком говорить о том, что составляет содержание его души. Но для этого предстоит ему упорно и долго совершенствоваться в своем «святом ремесле» — прекраснейшем и труднейшем. И, во всяком случае, г. Рыбинцев принадлежит к тем, кому хочется пожелать удачи.

Рецензия подписана псевдонимом «Ф. Маслов», которым Ходасевич пользовался нечасто, но в литературном мире знали, кто за ним скрывается. Автор входил в круг «Альционы», которая в 1914 г. опубликовала его второй сборник «Счастливый домик», и неоднократно писал о выпускаемых издательством поэтических книгах. Почему в данном случае он использовал не общеизвестный псевдоним, а не полную подпись или прозрачное «В. Х-чь»? Похвалил книгу дружественного издательства, которая ему самому не нравилась? Вероятно, это мы уже не узнаем.

В обстоятельном обзоре «Год русской поэзии. (Апрель 1913 г. — апрель 1914 г.). Продолжатели» (Русская мысль. 1914. № 7. Отд. III. С. 19–23) Брюсов удостоил автора «Осенней просини» (который, видимо, не посылал книгу мэтру) единственной фразой, звучавшей как слегка смягченный приговор: «Не всегда плох Г. Рыбинцев» [2, с. 451].

Эстетически нейтральный петербургский журнал «Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии» включил отклик на книгу Рыбинцева

в анонимный обзор поэтических новинок (аргументированных предположений о возможном авторе у нас нет). Обзор был посвящен модернистам: вместе с «Осенней просинью» в нем рассмотрены «Арго» Эллиса, «Счастливый домик» Ходасевича и «Стихи» Антона Сибиряка (Антония Сычева). Приведем его основную часть (Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. Год XVII. № 4. (Апрель 1914). Стлб. 85–86):

Четыре поэта, четыре разнородных дарования, четыре приема думать и писать, но на всех на них одна печать, печать современности, т. е. холодного изящества и изысканной надуманности. Наиболее интересен из этих четырех поэтов г. Эллис. У него ряд стихов, могущих вполне удовлетворить любителя современной поэзии. <...> Г. Эллис часто религиозно настроен, и это настроение у него достаточно искренно, что выгодно отражается на его стихах, особенно на поэме «Мария», читающейся с большим удовольствием и отличающейся теплотой чувства и красотой стиха.

Автор «Счастливого домика» тоже дает временами музыкальные, очень милые стихи, но как-то ухитряется подчас прекрасную строку испортить одним словом. <...> Очень хорош отдел «Латы» (так! правильно: «Лары». — *Е.Б., В.М.*), а последнее в отделе стихотворение «Ворожба» можно безошибочно назвать превосходным.

Гораздо проще Георгий Рыбинцев в его «Осенней просини». Его чувства не глубоки, темы монотонны (так! — *Е.Б., В.М.*), стих не всегда гибок, но книжку в общем можно прочесть не без удовольствия.

Все эти три книжки изданы очень хорошо. Сборничек же Антона Сибиряка на вид невзрачен, но содержит прелестные стихотворения. <...> Мы советуем поэту писать, а читателю ознакомиться с его миленькими и безусловно даровитыми строфами.

Развернутый отрицательный отзыв о сборнике Рыбинцева дал Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) в обзоре-фельетоне «Праздное занятие», опубликованном в петербургской кадетской газете «Речь» (1914. 23 июня. № 168. С. 3), благожелательной к модернистам. Автор высмеял новые книги полудюжины стихотворцев, ныне не то чтобы забытых, но вовсе неизвестных (Александр Гамма, Модест Дружинин, Василий Гайдебуров, Геон [Г.К. Ордин], Константин Флуг, Д. Юрский), причем открыл этот парад Рыбинцевым:

Время от времени выход стихотворных сборников принимает характер оргийный. Но смысл этих оргий только один — статистиче-

ский: можно видеть, сколь много празднопишущих среди пишущих и праздноиздающих среди издателей.

1) Кому, кроме изд. «Альционы» (в теперешнем его виде), придет в голову раскрасить обложку так, как и заборы в провинции не красят: полоса синяя, полоса рыжая, красная, зелёная, голубая, лиловая, жёлтая, опять зелёная? Не стихом, так колером хотя бы взять читателя! Но за удамой такой раскраской скрываются вирши самые худосочные, молокровные (так! — *Е.Б., В.М.*), бесцветные. Почитал автор стихотворений Александра Блока и пишет на них пародии, думая, что занимается делом и даже поэтическим. Что это, как не самая злостная пародия:

По вечерам пройдите вы бульварами.

Или:

А где-то там, — за дорогими сторами

Поют смычки о счастье на земле.

Ведь это просто восхитительно: «за дорогими сторами»! Какая роскошь! Какое внимательное знание быта кутил!

Ничуть не хуже строка:

А сердце, надышавшись угарами.

Но он не только бытовик, этот талантливый пародист, он и мистик, из тех, что выведены Блоком в его «Балаганчик». Он «тайно о тайне» поёт, для него «тайное тайно горит», он даже ходит не просто, а тайно («Тайно иду по уклонам»). И, конечно, по уклонам, как настоящий мистик. Повидимому, все тайны ему открыты, кроме одной — тайны грамотности. Иначе, он не пел бы «о тайной деве, мехами скрыленной»⁶, и не ставил бы ударения на словах там, где они стоять никак не могут. Имя его — не тайна: Георгий Рыбинцев.

Обращает на себя внимание выпад Городецкого против издательства «Альциона» «в теперешнем его виде». Это не просто еще один акт полемики между петербургскими и московскими модернистами или между акмеистами и символистами, но проявление

⁶ Так в книге Рыбинцева и в статье Городецкого. Авторы других рецензий и позднейших публикаций, очевидно, полагали это опечаткой и исправляли на «окрыленной». Не имея возможности сверить печатный текст с автографом, но исходя из метрического рисунка стихотворения, мы считаем вариант «скрыленной» авторским, не вдаваясь в обсуждение вопроса о его удачности.

личной обиды. Еще 23 января 1913 г. Ходасевич писал Садовскому: «Приезжал в Москву Городецкий. Об акмеизме лепетал невразумительно» [20, с. 335]. В середине февраля 1914 г. «Альциона» издала первый (и, как оказалось, единственный) выпуск одноименного альманаха. В помещенном там программном обзоре «Русская поэзия» Ходасевич дал уничижительную оценку творчеству Городецкого. «Его собственные стихи, изданные уже в 1913 году (сборник “Ива”. — *Е.Б., В.М.*), компрометируют всю школу. <...> Теперь Городецкий акмеист. Вероятно, пройдет и это. Но беда в том, что Сергей Городецкий, на которого возлагалось столько надежд, написал плохую книгу. <...> “Ива” написана кое-как, спустя рукава, словно все дело было в том, чтобы написать побольше. Появилась ненужная риторика, безалаберная расстановка слов, повторения самого себя, избитые, затасканные образы» [21, с. 134–135]. Альманах был сразу конфискован из-за цензурного запрета рассказа Брюсова «После детского бала» (во втором издании, вышедшем в июле, он был заменен стихами Брюсова). Однако уже в конце февраля экземпляры «Альционы» добрались до Петербурга. М.А. Кузмин получил его 28 февраля от В.И. Мозалевского, одного из авторов альманаха [7, с. 435]. 13 марта в «Биржевых ведомостях» появилась рецензия на него В.Ф. Боцяновского под псевдонимом «Анчар» (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 13 марта. № 14051. С. 5)⁷. Есть все основания полагать, что Городецкий ознакомился с альманахом до написания статьи «Праздное занятие», а Рыбинцев просто подвернулся под руку. Добавим, что в обзоре Ходасевича, посвященном сборникам 1912–1913 гг., Рыбинцев не упомянут. Судя по тексту рецензии на «Осеннюю просинь», Ходасевич не знал о его первой книге и, заключим, не был знаком с автором.

Другой резкий выпад против Рыбинцева сделал Сергей Павлович Бобров (1889–1971), занимавший в литературном мире московского модернизма особое положение. С одной стороны, он был связан с символистами: общался с Брюсовым, которого называл своим учителем, и с Андреем Белым, участвовал в кружке «Молодой Мусагет», печатался в журнале «Труды и дни». С другой стороны, Бобров стал заметной фигурой в футуристическом движении как один из организаторов кружка «Лирика», а после его раскола как лидер радикальной фракции, создавшей в январе 1914 г. группу «Центрифуга» и выпустившей в конце апреля того же года альманах

⁷ Указано А.В. Бурлешиным, которому приносим благодарность.

«Руконог». В разделе альманаха «Книжные новости», подписанном «Ц.ф.Г.», т. е. «Центрифуга», на с. 39 помещена следующая заметка:

К-во «Альциона» недавно выпустило две новые книги стихов: Н. (так! — *Е.Б., В.М.*) Рыбинцева «Осенняя просинь» и В. Ходасевича «Счастливый домик». — Первая книга замечательна полным отсутствием у автора ее хотя какого-нибудь дарования, самостоятельности, выучки и вкуса; вторая, несмотря на явный свой пассаизм, в некоторых своих частях производит приятное впечатление, которое, к сожалению, почти всегда приходит от автора, а не от его стихов.

Почему мы уверенно атрибутируем этот текст Боброву? Потому что второй залп по «Осенней просини» он — под своей фамилией и с повторением той же ошибки в имени Рыбинцева — дал несколько позже на страницах петербургского / петроградского журнала «Современник». В этом журнале — «левом» в политическом отношении (фактический редактор Н.Н. Суханов (Гиммер)) и эклектичном в литературном (социалисты и поздние народники соседствовали с модернистами) — Бобров за разными подписями публиковал статьи и заметки о современной поэзии. Они отражали его личные симпатии и антипатии, а не «линию» редакции, которой внутримодернистские «разборки» были безразличны. В разделе «Новые книги» появилась следующая заметка, жанр которой можно определить как «братская могила» (Современник. 1914. Кн. 13–15. С. 298)⁸:

Николай (так! — *Е.Б., В.М.*) Рыбинцев. Осенняя просинь. К-во «Альциона». М. 1914. Ц. 1 р. — Павел Сухотин. Стихотворения («Польнь»). К-во Н.В. (так! следует: К.Ф. — *Е.Б., В.М.*) Некрасова. М. 1914. Ц. 75 к. — Валериан Бородаевский. Уединенный дом («На лоне родимой земли» тож). К-во «Мусaget». М. 1914. Ц. 1 р. 50 к. — Эллис. Арго. К-ва «Мусaget». М. 1914. Ц. 2 р. — Леонид Лобачев. Подорожник. К-во «Звезда». М. 1914. Ц. 40 к. — Михаил Сандомирский. Марина Мнишек. К-во «Жатва». М. 1914. Ц. 50 к. — Николай Ашукин. Осенний цветник. К-во «Куранты». М. 1914. Ц. 50 к.

⁸ В 1914 г. журнал стал двухнедельным. Согласно сообщению от редакции перед оглавлением этого номера, на кн. 11 и 12 был наложен арест, кн. 13 (июльская) «не мог[ла] быть доставлена подписчикам своевременно по независящим от редакции обстоятельствам», поэтому «в виду столь исключительного положения редакция решила выпустить очередную книжку тройного размера». Кн. 13–15 вышла в июле, поскольку в объявлении в ней редакция «просит подписчиков, воспользовавшихся распродажкой подписной цены, озаботиться последним взносом денег к 1 августа».

Зачем написаны эти семь книг стихов — это, конечно, личный секрет каждого из авторов, и мы не в праве разбираться в этом вопросе, но для чего всем этим «Звёздам», «Курантам» и т. д. понадобилось издавать эту кучу макулатуры... об этом, разумеется мы можем рассуждать, но увы — никто не в силах ответить на этот вопрос. — Каким образом можно критиковать этот вздор? — Конечно, здесь могут иметь место лишь относительные оценки. — Самая скверная книга из всех семи принадлежит г. Лобачеву, второе место оспаривают друг у друга г. Рыбинцев и Сандомирский, добродетельно переписывающие модернистов⁹, третье занимает г. Ашукин, примешивающий к добродетели и крупинки трудолюбия, увы, совершенно бесцельно затраченного, четвертое место вновь имеет двух претендентов: г. Эллиса и г. Сухотина, — но оно достается им исключительно за то, что их книги имеют некоторый вес, однако, чисто внешний, — последним приходит к точке г. Бородаевский, о котором когда-то Вяч. Иванов писал, что он будет писать лучше... Бодлэра.

С перечисленными авторами, в основном символистами или близкими к символистскому кругу, Бобров расправлялся как с пассажирами. В обзорной статье «Русская поэзия в 1914 г.» в том же журнале он походя назвал «Осеннюю просинь» «книгой вовсе ничтожной» (Современник. 1915. № 1. С. 223).

Наиболее подробный и наиболее благожелательный отзыв об «Осенней просини» оставил представитель реализма, писатель и критик Василий Васильевич Брусянин (1867–1919), литературно и лично близкий к Леониду Андрееву, а политически — к социал-демократам, меньшевикам и большевикам. В разделе «Критика и библиография» декабрьского номера за 1914 г. журнала «Современный мир», одного из самых «левых» среди легальных изданий (редактор Н.И. Иорданский), опубликована его рецензия на книгу, проникнутая полемическим тоном по отношению к модернистам (Современный мир. 1914. № 12. С. 200–201).

Рыбинцев, Георгий. Осенняя просинь.

Стихи. Кн-во «Альциона», Москва, 1914 г., стр. 48, ц. 1 руб.

Поэты из «Альциона» издают свои книги нарядно, красочно, опрятно. И Георгий Рыбинцев придал своей книге стихов праздничную внешность, и на выставке книжного дела его книга несомненно

⁹ В работах Р.Д. Тименчика [18; 19] текст цитируется с искажением: «добросовестно пережевывающ[ие] модернистов».

обратит внимание. Но, нам думается, совсем особая судьба ожидает эту книгу на книжном рынке. Из многочисленной группы поэтов «Альциона» только не многие — Брюсов, З. Гиппиус, А. Белый, да пожалуй ещё Б. Садовской и М. Кузьмин (так! — *Е.Б., В.М.*) — ещё известны широкой читающей публике, а остальные, в том числе и г. Рыбинцев, долго ещё будут безвестны для широкой публики и «не читаемы», выражаясь термином из лексикона «альционистов». Слишком уже особенны, вычурны по-салонному все эти Клычковы, Мозалевские, Столицы, Шагиняны (так! — *Е.Б., В.М.*) и т. д. Кроме того, у всех них какое-то «одно» лицо таинственного незнакомца. Может быть, это и худо, что мы не признаем своими многие черты этого лица, но что же сделаешь, если мы не в состоянии подчиниться поэтической «волжбе» поэтов для не многих?

Георгий Рыбинцев — лирик, нежный, грустящий, и печаль, разлитая во многих его стихотворениях, найдет отклик в душе, сродной с поэтом. Лирика г. Рыбинцева — раздумье осени, когда облетит пожелтевший лист, когда «по небу, по синему-синему, как розы, плывут облака, и хочется счастья и радости, да сердце сковала тоска», как сказано в одном из стихотворений поэта. В одном из лучших своих стихотворений, озаглавленном «Поэма», г. Рыбинцев несколько подробнее раскрывает тайники своей души:

Моя душа всегда была печальной,
 Но в ответах печали и мечты
 Какой-то образ неземной, страдальный
 Являлся мне, — и чудные черты
 Его я сохранил в душе печальной.
 В моих глазах не раз сменялись весны,
 От многих сердце принимало яд,
 И только раз, в осенний вечер звездный,
 Я понял раз, что значит женский взгляд...
 С тех пор люблю я осень, а не весны.

Теперь ясно, почему в книге г. Рыбинцева так много осенних мотивов и даже название её «Осенняя просинь». Ясна для читателя и причина, оказавшая влияние на весь его духовный облик: он только раз понял, что значит женский взгляд, и вся жизнь для него стала одной сплошной осенью, с синими просветами, и превратилась в «скуку назойливых будней», как говорит сам же поэт в одном из стихотворений. В другой красиво написанной пьеске поэт вызывает к женщине: «Вернись, вернись!.. Возьми цветы — печальников

разлуки. Дай взгляд зацеловать печалию твоей, душе дай высветить твои печали». Женщина в печальных представлениях г. Рыбинцева какое-то особенно, пожалуй, даже преувеличенное, можно сказать всемирное и всестехийное существо, если в другом стихотворении он рисует такой образ женщины:

И там, где млечный путь отсвечен
Вуалью тонкой серебра,
Твои ещё дышали плечи
До золотистого утра.

Приведенные отрывки из двух стихотворений г. Рыбинцева дают нам возможность остановиться и на стиле поэта из «Альциона». Поэты этого издательства, обыкновенно, осуждают нас, рецензентов-реалистов, и за то, что мы не понимаем их, и за то, что будто бы мы незаслуженно придирчивы. Нам думается, это приговор поэтов из «Альциона» ошибочен. Разве мы, например, не признаем, что образ млечного пути в словах «млечный путь отсвечен вуалью тонкой серебра» — красивое определение, но нам неясен призыв «взгляд зацеловать печалью» или возможность «высветить печали». Непонятно нам также, как это можно «поголубеть от счастья» (стр. 27) или быть «мехами окрыленным» (стр. 9) или быть «в меха её влюбленным». Последнее, впрочем ещё понятнее: г. Рыбинцев весь во власти женщины, он — раб женщины, а есть такие безнадежные рабы, которые любят и свои оковы, если, разумеется, слишком уже сживаются с этими оковами. Поэты из «Альциона» претендуют на изобретение новых слов и, может быть, претензии их и основательны. Но зачем же г. Рыбинцев пользуется давно уже всем надоевшими и банальными эпитетами «божественная тень» и «виденью божества».

В книге г. Рыбинцева есть стихотворение «Васильки». Эта прелестная пьеска примиряет нас с безвыходной печалью поэта. Думается, что и он скоро снимет путы женщины. В заключительном стихотворении г. Рыбинцев ещё раз внушает к себе доверие на освобождение от пут женщины. «Проститься с песнями печали» обещает он и «рассыпать жемчуг новых слов». И далее обещает поэт:

Пройти весь черный путь свободы
До голубых его границ,
Свои торжественные годы
Запечатлеть в дыму страниц.

Вступив на «черный путь свободы» (хотя, почему «черный?»), г. Рыбинцев несомненно, приблизится к широкой читающей публике, а пока «в дыму страниц» многих изданий «Альциона» можно только задохнуться. Но г. Рыбинцев с своей книгой — приятное исключение.

В журнале этой рецензии непосредственно предшествует благожелательный отзыв Брусянина о «Стихотворениях» (1914) Н.М. Мешкова, изданных с посвящением «Ивану Алексеевичу Бунину в знак неизменной любви и глубокого уважения». Чуждые какой-либо «идейности» и политической тенденциозности, «в литературной ситуации 1910-х годов стихи Мешкова воспринимались в одном ряду с опытами других поэтов реалистической ориентации (Н.С. Ашукин, Н.Ф. Бернер, А.И. Булдеев, П.Н. Петровский и др.), в основном — круга сборников “Жатва”» [13]. Перечисленные авторы — в отличие от «пролетарских», «крестьянских» и «идейных» стихотворцев — рассматривались не как противники, но как «соседи» московских модернистов (разумеется, за исключением футуристов и их попутчиков). Произведения тех и других соседствовали на страницах сборников «Жатва», заслуживающих отдельного исследования. Рыбинцев находился в непосредственной близости к этой среде и мог бы стать одним из авторов «Жатвы», однако начавшаяся мировая война и мобилизация в действующую армию прервали его литературную деятельность.

Дальнейший жизненный путь Рыбинцева заслуживает отдельного исследования и описания, поэтому обозначим лишь его основные вехи. После демобилизации он вернулся в Пятигорск, где служил помощником бухгалтера в Государственном банке. С приходом ВСЮР (Вооруженных сил Юга России) стал младшим, затем старшим редактором в Отделе пропаганды, до августа 1920 г. редактировал газету «Голос фронта» (Мелитополь), затем до эвакуации армии П.Н. Врангеля служил начальником Мелитопольского отделения ЮРТА (Южно-Русское телеграфное Агентство). Эвакуированный в Турцию Рыбинцев в начале 1922 г. был соиздателем и редактором еженедельной газеты «Вечернее слово» в Константинополе, печатался в журнале «Наши дни», читал лекции о русской литературе. С декабря 1924 г. жил в Праге, где в начале 1926 г. издавал еженедельный политический и литературный журнал «Русская неделя» (известны два номера). Очевидно, в начале 1927 г. переехал во Францию и в мае был принят в Союз русских писателей и журналистов за рубежом по рекомендациям А.И. Куприна и И.Д. Сургучёва.

По неизвестным причинам оставил литературную деятельность. В годы оккупации Франции немцами работал поваром в русском ресторане.

Поиск и анализ материалов продолжается.

Литература

1. Блок в поэзии его современников / вступ. ст. и публ. Ю.М. Гельперина // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 540–597.
2. Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.
3. Бурлаченко Е.Б. Забытое имя: воссоздание библиографии поэта и журналиста, эмигранта Георгия Ивановича Рыбинцева. История поиска информации // Гражданская война в памяти русского зарубежья: К 100-летию Дальневосточного исхода и завершений вооруженного противостояния 1917–1922 гг. М.: Вифсаида, 2023. С. 543–554.
4. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
5. Круговая чаша. Русская поэзия «серебряного века» / сост. В. Кудрявцев. 2-е изд. Рудня; Смоленск: Мнемозина, 2004. Т. 1. 568 с.
6. Круговая чаша. Русская поэзия «серебряного века» / сост. В. Кудрявцев. 4-е изд. Рудня; Смоленск: Мнемозина, 2005. Т. 2. 488 с.
7. Кузмин М. Дневник. 1908–1915. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 864 с.
8. Лекманов О. Русская поэзия в 1913 году. М.: Восточная книга, 2014. 176 с.
9. Литературная Рязань. Альманах. Рязань: Изд. газеты «Приокская правда», 1957. Кн. 2. 336 с.
10. Молодяков В. Валерий Брюсов. Будь мрамором. М.: Молодая гвардия, 2020. 544 с.
11. Неизвестный Брюсов / публ. и примеч. В.Э. Молодякова // Новый журнал (Нью-Йорк). Кн. 231 (Июнь 2003). С. 139–148.
12. Обатнин Г.В. Еще раз о первом сонете из триптиха Вяч. Иванова «Розы» // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М.: Водолей, 2005. С. 312–332.
13. Поливанов К.М. Мешков Николай Михайлович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 39.
14. Русские поэты XX века. Материалы для библиографии / сост. Л.М. Турчинский. М.: Знак, 2007. 706 с.
15. Серебряный ковчег. Антология русской поэзии. 1890–1940 / сост. В. Кудрявцев. М.: Престиж Бук, 2022. Кн. 4. 704 с.
16. Тарасенков А.К. Русские поэты XX века. 1900–1955. Библиография. М.: Сов. писатель, 1966. 484 с.
17. Тарасенков А.К., Турчинский Л.М. Русские поэты XX века. Материалы для библиографии. М.: Языки славянской культуры, 2004. 896 с.
18. Тименчик Р.Д. Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х годов // А. Блок и его окружение: Блоковский сборник VI. Тарту: ТГУ, 1985. С. 101–116. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 680)

19. *Тименчик Р.Д.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2017. 776 с.

20. *Ходасевич В.* Некрополь. Воспоминания. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. М.: Совпадение, 1996. 460 с.

21. *Ходасевич В.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2010. Т. 2: Критика и публицистика. 1907–1926. 720 с.

Research Article

“Not Always Bad” or “Pleasant Exception”: The Poet Georgy Rybintsev and His Critics (1913–1914)

© 2024. Ekaterina B. Burlachenko, Vassili E. Molodiakov

Independent Researcher, Moscow, Russia

Takushoku University, Tokyo, Japan

Abstract: For the first time, the article examines the critical reception of the poetry of Georgy Ivanovich Rybintsev (1885–1944), an “unknown poet” who unwittingly became involved in the literary struggle of 1913–1914. Rybintsev’s first collection of poems, *A Necklace of Tears and Flowers* (1913), went unnoticed by reviewers but allowed the author to enter literary circles close to the publishing house “Alcyone” (“Altsiona”). The owner of “Alcyone” A.M. Kozhebatkin published collections of aspiring poets of modernist orientation at the expense of the authors, but the appearance of the book under this brand meant belonging to the circle of Moscow modernists, which was considered by critics. The second collection of Rybintsev’s poems, *Autumn’s Blueness* (1914), published by “Alcyone,” unlike his first collection, attracted the attention of critics. However, their reviews were dictated not so much by the advantages and disadvantages of the poems as by the logic of the literary struggle. V.F. Khodasevich, who published his collection of poems *Happy House* (1914) in the “Alcyone,” spoke approvingly about Rybintsev’s book. S.M. Gorodetsky, who was at enmity with “Alcyone” for personal and literary reasons, subjected Rybintsev to sharp criticism, putting him in a row of incompetent amateurs. The radical modernist S.P. Bobrov attacked Rybintsev’s book in his usual mocking manner, both in futuristic (almanac “Rukonog”) and non-modernist editions. The critic of the realistic orientation V.V. Brusyanin, on the contrary, gave a detailed positive review of Rybintsev’s poetry, contrasting it with modernist authors from the circle of “Alcyone.” Critics’ reviews of Rybintsev’s poetry are reproduced here in full for the first time.

Keywords: G.I. Rybintsev, publishing house “Alcyone,” V.F. Khodasevich, polemics, S.M. Gorodetsky, Acmeism, S.P. Bobrov, V.V. Brusyanin.

Information about the authors: Ekaterina B. Burlachenko, Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: nfje@yandex.com

Vassili E. Molodiakov, DSc in Political Science, PhD in History, Professor, Takushoku University, Otsuka 1-7-1 G210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473>

E-mail: dottore68@mail.ru

For citation: Burlachenko, E.B., and V.E. Molodiakov. “‘Not Always Bad’ or ‘Pleasant Exception’: Poet Georgy Rybintsev and His Critics (1913–1914).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 183–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-183-203>

References

1. “Blok v poezii ego sovremennikov” [“Blok in the Poetry of His Contemporaries”], introd. and publ. by Yu.M. Gelperin. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok. New Materials and Research], book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 540–597. (In Russ.)
2. Briusov, V. *Sredi stikhov. 1894–1924. Manifesty, stat'i, retsenzii [Among Poems. 1894–1924. Manifestos, Articles, Reviews]*. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1990. 720 p. (In Russ.)
3. Burlachenko, E.B. “Zabytoe imia: vossozdanie biobibliografii poeta i zhurnalista, emigranta Georgiya Ivanovicha Rybinsteva. Istoriia poiska informatsii” [“A Forgotten Name: Re-Creation of the Biobibliography of the Poet and Journalist, Emigrant Georgy Ivanovich Rybinste. History of Information Search”]. *Grazhdanskaia voina v pamiati russkogo zarubezh'ia: K 100-letiiu Dal'nevostochnogo iskhoda i zavershenii vooruzhennogo protivoborstva 1917–1922 gg. [The Civil War in the Memory of the Russia Abroad: To the 100th Anniversary of the Far Eastern Outcome and the End of the Armed Confrontations of 1917–1922]*. Moscow, Vifsaida Publ., 2023, pp. 543–554. (In Russ.)
4. Gasparov, M.L. *Metr i smysl [Meter and Meaning]*. Moscow, Fortuna EL Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)
5. *Krugovaia chasha. Russkaia poeziia “Serebriianogo veka” [Circular Bowl. Russian Poetry of the “Silver Age”]*, vol. 1, comp. V. Kudryavtsev. 2nd ed. Rudnya, Smolensk, Mnemosina Publ., 2004. 568 p. (In Russ.)
6. *Krugovaia chasha. Russkaia poeziia “Serebriianogo veka” [Circular Bowl. Russian Poetry of the “Silver Age”]*, vol. 2, comp. V. Kudryavtsev. 4th ed. Rudnya, Smolensk, Mnemosina Publ., 2005. 488 p. (In Russ.)
7. Kuzmin, M. *Dnevnik. 1908–1915 [Diary. 1908–1915]*. St. Petersburg, Ivan Limbach Publ., 2005. 864 p. (In Russ.)
8. Lekmanov, O. *Russkaia poeziia v 1913 godu [Russian Poetry in 1913]*. Moscow, Vostochnaia kniga Publ., 2014. 176 p. (In Russ.)
9. *Literaturnaia Riazan'. Al'manakh [Literary Ryazan. Almanac]*, book 2. Ryazan, Newspaper “Priokskaia Pravda” Publ., 1957. 336 p. (In Russ.)
10. Molodiakov, V. *Valerii Briusov. Bud' mramorom [Valery Bryusov. Be Marble]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2020. 544 p. (In Russ.)
11. “Neizvesnyi Briusov” [“Unknown Bryusov”], publ. and comm. by V.E. Molodiakov. *Novyi zhurnal (New York)*, no. 231 (June 2003), pp. 139–148. (In Russ.)

12. Obatnin, G.V. “Eshche o pervom sonete iz triptikha Vyach. Ivanova ‘Rozy’.” [“More About the First Sonnet from the Vyach. Ivanov’s Triptych ‘Roses’.”] *Shipovnik: Istoriko-filologicheskii sbornik k 60-letiiu Romana Davidovicha Timenchika* [Rosehip: Historical and Philological Collection for the 60th Anniversary of Roman Davidovich Timenchik]. Moscow, Vodolei Publ., 2005, pp. 312–332. (In Russ.)

13. Polivanov, K.M. “Meshkov Nikolai Mikhailovich” [“Meshkov Nikolay Mikhailovich”]. *Russkie pisately. 1800–1917: Biograficheskyi slovar’* [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary], vol. 4. Moscow, Bolshaiia Rossiiskaia Entsiklopediia Publ., 1999, pp. 39. (In Russ.)

14. *Russkie poety XX veka. Materialy dlia bibliografii* [Russian Poets of the 20th Century. Materials for Bibliography], comp. L.M. Turchinskii. Moscow, Znak Publ., 2007. 706 p. (In Russ.)

15. *Serebrianyi kovcheg. Antologiiia russkoi poezii. 1890–1940* [The Silver Ark. Anthology of Russian Poetry. 1890–1940], book 4, comp. V. Kudryavtsev. Moscow, Prestige Book Publ., 2022. 704 p. (In Russ.)

16. Tarasenkov, A.K. *Russkie poety XX veka. 1900–1955. Bibliografiia* [Russian Poets of the 20th Century. 1900–1955. Bibliography]. Moscow, Sovetskii Pisatel’ Publ., 1966. 484 p. (In Russ.)

17. Tarasenkov, A.K., and L.M. Turchinskii. *Russkie poety XX veka. Materialy dlia bibliografii* [Russian Poets of the 20th Century. Materials for Bibliography]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2004. 896 p. (In Russ.)

18. Timenchik, R.D. “Poeziia I. Annenskogo v chitatel’skoi srede 1910-kh godov” [“I. Annensky’s Poetry in the Reading Environment of the 1910s”]. *A. Blok i ego okruzhenie. Blokovskiy sbornik VI* [A. Blok and His Entourage. Blok Collection VI]. Tartu, Tartu State University Publ., 1985, pp. 101–116. (In Russ.)

19. Timenchik, R.D. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev* [Underground Classics: Innokenty Annensky. Nikolay Gumilev]. Moscow, Jerusalem, Mosty kul’tury Publ., Gesharim Publ., 2017. 776 p. (In Russ.)

20. Khodasevich, V. *Nekropol’. Vospominaniia. Literatura i vlast’. Pis’ma B.A. Sadovskomu* [Necropolis. Memoirs. Literature and Power. Letters to B.A. Sadovskoy]. Moscow, Sovpadenie Publ., 1996. 460 p. (In Russ.)

21. Khodasevich, V. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.], vol. 2: *Kritika i publitsistika. 1907–1926* [Criticism and Journalism. 1907–1926]. Moscow, Russkii Put’, 2010. 720 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.09.2023
Одобрена после рецензирования: 18.12.2023
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 04.09.2023
Approved after reviewing: 18.12.2023
Date of publication: 25.06.2024

Человек и машина: гендерная инверсия и проблема искусственного тела в рассказе А.А. Барковой «Стальной муж» (1926)

©2024, В.Б. Зусева-Озкан

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Рассказ А.А. Барковой «Стальной муж» исследуется в статье в целом ряде отношений: и как точка пересечения нескольких разных влияний («порнографическая проза» эпохи расцвета «женского вопроса»; поэзия пролеткультовцев, в частности, объединения «Кузница»; дискуссия о «половом вопросе» 1920-х гг. в рамках борьбы за «новый быт»), и в аспекте многовековой истории топики «искусственного тела», и с точки зрения мотивов творчества Барковой вообще, в частности автобиографических («психологического» толка), и в свете гендерных штудий, поскольку в рассказе имеет место гендерная инверсия традиционной топики. Устанавливаются сюжетные заимствования и переклички с рассказами А. Каменского «Идеальная жена» и А. Мирэ «Рамбеллино». Делается вывод о том, что, совершая в рассказе «Стальной муж» ряд инверсий, в том числе инверсию гендерную, проявляющуюся в первую очередь в использовании «перевернутого» соотношения мужской и женской ролей в пигмалионистском сюжете о создании «искусственного тела», А.А. Баркова в то же время ретранслирует существенные элементы маскулинного гендерного порядка, а в ее «техницистском» рассказе парадоксально побеждают вечные ценности.

Ключевые слова: А.А. Баркова, искусственное тело, автомат, гендерная инверсия, А.П. Каменский, А. Мирэ (А.М. Моисеева), Пролеткульт, «Кузница», «новый быт», «проблема пола».

Информация об авторе: Вероника Борисовна Зусева-Озкан — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9537-108X>E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. Человек и машина: гендерная инверсия и проблема искусственного тела в рассказе А.А. Барковой «Стальной муж» (1926) // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 204–226. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-204-226>

Рассказ А.А. Барковой «Стальной муж» представляет собой редкий образец ее ранней прозы, чья публикация не отстоит на десятилетия от момента создания: рассказ был опубликован в журнале «Красная нива» в № 21–22 за 1926 год. Интересен он в ряде отношений: и как точка пересечения нескольких разных влияний (это, как минимум, «порнографическая проза» эпохи расцвета «женского вопроса»; поэзия пролеткультовцев, в частности, объединения «Кузница»; дискуссия о «половом вопросе» 1920-х гг. в рамках борьбы за «новый быт»), и в аспекте многовековой истории топики «искусственного тела», и с точки зрения мотивов творчества Барковой вообще, в частности автобиографических («психологического» толка), и, разумеется, в свете гендерных штудий, поскольку здесь происходит гендерная инверсия традиционной топики. Мы постараемся изучить этот текст со всех названных точек зрения, хоть и с разной степенью подробности: до сих пор «Стальной муж» в этом ракурсе не рассматривался, и в целом исследование прозы Барковой проводилось в самой минимальной степени [3; 12; 13].

Вначале кратко напомним сюжет. Героиня-рассказчица «в сентябре 1922 года» просит своего «хорошего знакомого», гениального инженера-электрика и химика, создать для нее стального мужа, мотивируя свою просьбу тем, что «те, кто мог бы полюбить меня, мне даже не нравятся, а те, в кого я влюбляюсь, отвечают мне глубочайшим равнодушием...» [1, с. 251]. Героине нужна, говоря коротко, «машина любви» [1, с. 252]. Дав подробные указания относительно ее желаемой внешности, мировоззрения и занятий и получив заверения в полной верности стального мужа (поскольку механизм завода имеет секретные точки «надавливания»), героиня ровно через месяц обретает желаемое. Ее стальной муж абсолютно человекоподобен, что и восхищает, и «доводит до ужаса» героиню; особенно раздражает ее, когда все вокруг хвалят его гениальную игру на сцене (в соответствии с пожеланием героини, изобретатель дает ему «группу движений» артиста), упоминая, в частности, сказывающуюся в этой игре «великую и чистую душу русского актера» [1, с. 255]. «Красавец-механизм» страстно любит героиню, но чувствует, что она не может примириться с «торжеством этой машины», заставляет ее машину «уничтожить»: она рассказывает стальному мужу, что он всего лишь гениально сделанный автомат, «машина-человек, приготовленная старичком-инженером» [1, с. 260]. Несколько дней стальной муж не выходит из своего кабинета, а потом исчезает, оставив героине прощальное «письмо самоубийцы», которым, в частности,

утверждает свою человечность, одушевленность — последние оказываются не мучившей героиню иллюзией, а парадоксальной правдой:

Я уйду, чтобы убить себя. <...> Я уйду далеко. Я не хочу уничтожить вместе с собой столь сильным электрическим разрядом сотни людей, с вашими мясом, нервами и костями.

Что же, я не такой чужой лесу. Все возвращается в свой черед в неиссякаемое материнское лоно космической энергии.

Я говорю: «Я любил, я чувствовал, я был вполне психическим существом <...>» Как произошло это чудо? <...> Я был мертв первый месяц, два, я был машиной, подчиненной твоей жестокой упрямой и страдающей руке. <...> Ты хотела, не сознаваясь себе самой в этом, одушевить машину. И ты достигла цели. Любовь сильнее смерти, сильнее железного мертвого упорства машин. Я ожил для любви и для творчества. <...> ...без твоей любви и не могу, и не хочу жить.

Старик ошибся. Его машина с «единой системой органических движений» не завоевать мира. Первая же смиренно уходит, уступая место человеку. <...> Ну не первый ли это случай в истории человечества, когда машина добровольно, из одной любви к своему творцу, уступает ему место и удаляется? [1, с. 261].

Рассказав об этом старику инженеру, который с гораздо большим основанием мог бы называться бездушной машиной, чем его творение, героиня получает ответ, что «внепространственные призраки, слова без плоти¹, губят не только мясных людей, но и механических» [1, с. 260].

Прежде чем переходить к анализу мотивов, к индивидуальной «отделке» Барковой традиционного сюжета о любви человека и машины (или статуи, куклы, любого другого «искусственного тела»), скажем несколько слов о сюжетном каркасе как таковом. В недавнем коллективном труде, посвященном образам «искусственного тела», А.В. Голубков указывает: при всей их многочисленности и разнообразии, они, как правило, связаны с рефлексией того, что есть, собственно, человек как таковой:

В западной традиции топос искусственного (т. е. созданного человеком) человека или животного получил огромную популяр-

¹ Имеются в виду «психическое, панпсихическое и, наконец, божественное», т. е. «иллюзии» относительно Бога, души, духа, любой идеологии.

ность с античности, вспомним здесь птиц, изобретенных Героном Александрийским, ходячие статуи Дедала, созданную Гефестом (вместе с Афиной) зловещую и обольстительную Пандору <...>. Ряд андроидов можно продолжать: Галатея, позднейшие статуи-любовницы и куклы-убийцы, Голем, самодвижущиеся автоматы Гаргантюа, гомункулы Парацельса и И.В. Гете, Снегурочка, Пиноккио / Буратино, голливудский Терминатор. <...> Образы андроидов или оживших статуй безусловно важны для рефлексии о пределах человеческой воли и возможностях. <...> автоматы Вокансона оказываются примерами-иллюстрациями в труде И. Канта «Критика практического разума», где именно флейтист (один из автоматов мастера XVIII в. Ж. де Вокансона. — В.З.-О.) предстает воплощением идеи абсолютного детерминизма, простирающегося на тело и разум <...>. Нарратив о созданном человеком искусственном теле оказывается в не меньшей степени повествованием о искусно отделанном (природой или богами) теле самого человека <...> Повествование об искусственном теле неизбежно смыкается и с рассказом об искусственном интеллекте и вместе они предстают нарративом о возможностях изменения природы человека, его усовершенствования [6, с. 15–19].

Одной из постоянных вариаций сюжетов с участием подобного существа является, по выражению А.В. Голубкова, «пигмалионизм», выражающийся в «теме любви и сексуальных отношений с искусственным телом» [7, с. 88] и нашедший воплощение в таких произведениях, как «Метаморфозы» Овидия (рассказ о Пигмалионе и Галатее), многочисленные античные тексты, упоминаемые в статье «Статуи» в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, «Сага о Тристане» (1226) — скандинавский извод истории о Тристане и Изольде, «Зимняя сказка» Шекспира, лирическая сцена «Пигмалион» (1762) Ж.Ж. Руссо, новеллы Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек», Й. Эйхендорфа «Мраморная статуя», Г. Гейне «Флорентийские ночи», «Градива» В. Йенсена, роман Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» и мн. др., включая — в интересующий нас период русской литературы — «Историю парикмахерской куклы, или Последнюю любовь московского архитектора М.» (1918) А.В. Чайнова, причем «в конце XIX в. наблюдается проникновение кукол в порнографическую литературную продукцию, свидетельством чему оказывается анонимная <...> пьеса “Уснувшая женщина” (“La femme endormie”; Paris, 1899). Ее главная героиня — кукла в виде дремлющей женщины, которая при использовании не оказывает мужчине сопротивления, предоставляя ему абсолютную свободу» [7, с. 95].

Следует обратить внимание, что обычное распределение ролей в таких сюжетах соответствует изначальному мифу о Пигмалионе: человек — мужчина, статуя / кукла — женщина. Это, безусловно, отвечает веками доминировавшему маскулинному гендерному порядку, питавшемуся глубоко укорененным эссенциализмом, в рамках которого женщина может быть только объектом, но не субъектом (в том числе субъектом мысли, творчества), музой, но не автором, Беатриче, но не Данте, как писала З.Н. Гиппиус в знаменитой статье «Зверобог» (1908): «Что же такое Беатриче, как не объект в высшей степени, существующий лишь постольку, поскольку существует субъект — Данте? <...> Она жила *в нем* и он делал, при ее помощи, свое человеческое дело, женского же дела тут никакого не было, уже потому, что “женское” никогда ничего не “делает”» [5, с. 327]. И, конечно, Пигмалион идеально вписывается в эту структуру: Галатея — «объект в высшей степени», а он делает «при ее помощи свое человеческое дело», дело созидания.

Тем не менее, европейская литература знает редкие случаи гендерной инверсии в интересующих нас сюжетах. Так, в сборнике сказок Дж. Базиле «Пентамерон» («Сказка сказок, или Забава для малых ребят», 1634) есть сказка «Сияющий самоцвет» (“Pintosmalto”), героиня которой Бетта буквально выпекает из теста жениха, Сияющего Самоцвета, и Венера, склонившись к ее мольбам, оживляет его. В «Щелкунчике» Гофмана Мари испытывает любовь — правда, сострадательную, «бескорыстную, жертвенную, христианскую» [7, с. 95] — к Щелкунчику, поэтому возможным становится «оживление рукотворного образа и соединение влюбленных, хотя это соединение и происходит в игрушечном, конфетном царстве» [7, с. 95]. Совсем другой вариант этого сюжета — более близкий к «Стальному мужу» — реализуется в рассказе Д. Дю Морье «Кукла» (1927), где героиня Ребекка «предается сладострастью с искусственным мужчиной» [7, с. 95]. Но, разумеется, Баркова не могла знать этого рассказа, хотя хронологическая дистанция между ними минимальная.

Анонимный рецензент сравнивал «стального мужа» Барковой с «резиновой женщиной» А. Каменского [1, с. 526] из его рассказа «Идеальная жена», впервые опубликованного в 1910 г.², и это наблюдение представляется нам весьма ценным. В рассказе этого популярного писателя, который «еще до массового увлечения “проблемой пола” (период 1907–1910 гг.) <...> обратился к художе-

² Каменский А. Кукла // Пробуждение. 1910. № 23. Также вошел в сборник А. Каменского «Легкомысленные рассказы» (СПб., 1910).

ственному исследованию психологии и психопатологии страсти» и который «был записан критикой в писатели-порнографы» [8, с. 11, 14], двое банковских чиновников, живущих «душа в душу на общей квартире» и не брезгующих общими женщинами³, однажды решают на деньги, откладываявшиеся для покупки пианолы, приобрести «идеальную жену» — «резинovou женщину в натуральную величину, красавицу, с чудесным телом» [11, с. 120]. Заказав куклу в Вене, они получают ее через месяц и называют Матильдойкой:

Жизнь Матильдойки тянулась томительно однообразно. Целыми днями она лежала на спине в придуманной для нее двумя ее пыльными мужьями «любимой» позе — с закинутыми за голову руками и согнутыми коленями. <...>

Полосу безумств сменила полоса привычных нежностей и ласк.

Но не прочна даже резиновая любовь. В один прекрасный день Назаров мужественно выдержал некий слегка укоризненный взгляд своего друга Захарова и сказал:

— Что делать, должен признаться, что поднадоела. Главное, мне ее характер разонравился. Черт ее знает. Лежит, молчит. Уж очень безропотна. Скука [11, с. 123].

То, что поначалу персонажи считали идеальным женским характером — быть вполне вещью⁴, наконец им надоедает, и они решают обманом перепродать куклу сослуживцу, заманив к себе в квартиру в свое отсутствие, что благополучно и прodelывают:

— Теперь пора! — тихо и как-то торжественно сказал Назаров, беря Захарова за руку и подводя его к неплотно притворенной двери (они выжидали целый час на кухне, откуда им было видно все).

— Bravo, bravo, bravo! — раздались над Плезинским оглушительные голоса. — Великолeпно, нечего сказать!.. Хорош, черт побери, гость! Вот и доверь ему свою квартиру. <...>

³ «<...> иногда за целый вечер не удавалось познакомиться с новенькими или новенькой (две или одна — тоже не играло роли, так как и в этом вкусы Назарова и Захарова почти не расходились)» [11, с. 119].

⁴ — А вдруг пришьют черт знает что. Пианола, по крайней мере, вещь.

— А женщина не вещь?

— Пианола можно потом продать, а попробуй продать эдакую штуку.

— Да, но ты забыл самое существенное: у нас будет общая идеальная жена, и единственный пробел в нашем с тобою союзе будет окончательно заполнен [11, с. 121].

Плещинский, переконфуженный, обалделый, готовый провалиться сквозь землю, <...> согласился на все. Согласился не только на меню, но даже прибавил к вытребованной у него пианоле чистую разницу деньгами — триста рублей [11, с. 125].

Два рассказа — «Стальной муж» и «Идеальная жена» — совпадают в ряде деталей, так что знакомство Барковой с этим текстом Каменского в высшей степени вероятно, хотя она и осуществляет гендерную инверсию по отношению к претексту. Совпадает общая сюжетная схема: заказ «искусственного тела» как объекта для любви — краткое обладание им, вроде бы в полном соответствии с первоначальным намерением, — неудовлетворенность — избавление от «искусственного тела». Обращает на себя внимание, что в обоих случаях от заказа «искусственного тела» до его получения проходит ровно месяц, что подчеркивается нарративом:

<...> мы бы могли ее видеть у себя, ну, скажем... через месяц.
— Почему через месяц?
— Надо списаться, послать денег [11, с. 120];

— <...> А скоро он будет готов?
— Через месяц. <...>

Ровно через месяц я прогуливалась по московским улицам уже не в одиночестве. Под руку меня вел стальной муж [1, с. 253].

В обоих рассказах появляется выражение «чертова кукла»⁵, хотя и в разных смыслах:

— Эй ты, глухонемая! Да делай же что-нибудь!.. Стыдись!.. Ревнуй!.. Попроси двадцать пять рублей на шляпку... Ну, хоть пожалуйся на усталость или на головную боль!.. У-у! Чертова кукла! [11, с. 123];

Это сплошное безумие. Понимаете, я с ума сойду, я норму потеряю. Да, я живой человек, а не чертова кукла. Я не хочу видеть попиранье естества [1, с. 256].

⁵ Возможно, у Барковой это выражение имеет другим своим источником роман З.Н. Гиппиус «Чертова кукла» (1911), где проблема гендерных инверсий тоже существенна.

В обоих случаях заказчики стремятся получить в первую очередь «машину любви», сексуальный объект, что очевидно у Каменского, но и у Барковой сказано вполне ясно:

Психология мне надоела. Повторяю вам: сделайте мне стального мужа.

<...> состав всех движений, входящих в эту группу, вы потрудитесь изложить мне подробно в письменном виде. Я — ученый, холостяк, знаю все это лишь в общих чертах <...>.

Женский вопрос, материальная сторона любви, половая проблема переламывают хребет женщинам нашего переходного периода, а для меня они разрешились с механической <...> легкостью. <...> Особенно мучительную, яростную и хмельную страсть дарили женщине и машине зимние выюжные вечера и весенние жаркие грозы [1, с. 251, 253, 256].

При этом в обоих случаях герои не просто заказывают безотказный объект для телесных нужд, но и решают вопросы социально-философского порядка. Попроще — у Каменского, в чьем рассказе возникает контекст той дискуссии о «женском вопросе» и «проблеме пола», которая была особенно активна в период написания и публикации рассказа:

Чаепитие сопровождалось разговорами на одну и ту же излюбленную тему — о женщинах. <...> Конечно, женщина — низшее существо, орудие наслаждения, не больше. Никакой духовной связи между мужчиной и женщиной существовать не может. <...> Нет, все эти рассуждения о душе совершенная ерунда. Ясно как палец, что мужчину с женщиной может соединять только тело. <...> Никогда мужчине не понять женщины и в особенности женщине не понять мужчины: тут все разное — и методы мышления, и отправные точки, и психология <...>.

— Извольте видеть, — говорил Назаров, — идеальная общая жена: тут тебе <...> и остроумнейшее разрешение проблемы брачного союза втроем <...> [11, с. 119, 124].

У Барковой философский контекст сложнее: речь идет о власти над человеком и даже машиной априорных представлений и навязанных идеологий: «— “Любовь”, “идеология”, да уж тем, что ты употребляешь эти слова, шелуху без ядра, ты доказываешь, что тебя давным-давно завели, еще в школе, еще в родном доме, и те-

перь твой язык автоматически повторяет словесные формулы» [1, с. 257], — таковы слова инженера по отношению к героине. Кроме того, в «Стальном муже» важен утопический слой, которого мы коснемся позднее:

Пролетариат — могильщик буржуазии, а стальной человек — могильщик старого мясного человечества. Пролетариат очищает путь этому проэлектризованному, бессмертному организму, лишенному классовых, национальных расовых признаков [1, с. 252] (это кредо ученого — создателя стального мужа);

В будущем — царство духа. И пролетарская революция — правда, надежда и мука всего мира — помимо воли своих вождей приведет к воскресению мертвых, к торжеству святой поруганной Психеи, Софии, Души [1, с. 254] (речь стального мужа).

В обоих случаях заходит речь о душе, причем оказывается, что, хотя герои изначально заказывали только (у Каменского) или по преимуществу (у Барковой) тело, душа оказывается тем элементом, без которого они не получают полного удовлетворения: «Ведь она совсем как настоящие, только что без души»; «Главное, мне ее характер разонравился. Черт ее знает. Лежит, молчит. Уж очень безропотна. Скука» [11, с. 123, 124]. У Барковой эта тема становится центральной — героиня «уничтожает» стального мужа не только потому, что боится его («Вдруг от переизбытка действия этот высокоорганизованный механизм испортится? Я буду убита первым же вырвавшимся наружу электрическим зарядом» [1, с. 256]), но и потому, что думает, будто «у него нет души»: «Я не могу примириться с тем, что эта машина обманывает всех и самое себя своей мнимой одушевленностью» [1, с. 257, 255]. Она «не хочет потерять последние остатки веры в <...> младенца, уносимого ангелом» [1, с. 258] (традиционная иконография души умирающего).

Помимо очевидных, далеко простирающихся сходств двух рассказов, не менее важны и различия. Первое существенное из них — это разница между самими «искусственными телами»: если резиновая кукла остается безжизненным объектом, не способным даже к механическому движению, то стальной муж гораздо более совершенен технически. Он решительно во всем похож на человека:

С одной стороны, жалкое чувствице морали беззубым шепотом корило меня за нарушение законов природы. Я готова была искать в уголовном кодексе статей, карающих за противоестественные

половые отношения к машине; с другой стороны, я получала каждый день по лошадиной дозе уверенности, что мой стальной муж — самый настоящий, самый подлинный человек со всеми реакциями, присущими человеку, со всеми интересами и склонностями человека [1, с. 257].

Он оказывается более человечен и более доступен чувству любви, чем собственно создавший его человек — старик инженер, как свидетельствует финал. Если, избавляясь от куклы, героини «Идеальной жены» перепродают ее сослуживцу, как вещь, то, избавляясь от стального мужа, героиня узнает, что он действительно стал вполне человеком, обрел душу, способную на любовь и самопожертвование — вопреки ее попытке «вернуть» машину «в разряд вещей» [1, с. 259].

Отсюда возникает второе существенное различие двух рассказов, лежащее не только в сфере персонажей, но и в авторской сфере. Героиня «Стального мужа», наделенная рядом психологических автобиографических черт, отличается напускным цинизмом, который оказывается разоблачен в ходе развития сюжета. Баркова ставит над своей героиней-«альтер эго» и над собой как автором эксперимент на животрепещущую тему, которую, если воспользоваться словами героев Каменского, можно сформулировать так:

Другое дело, когда люди сходятся только для наслаждения... Тогда все хорошо и просто. Если и происходят конфликты на этой почве, то исключительно от неумения женщины уравниваться с мужчиной в простоте взгляда на любовь — сошлись, получили что нужно, и до свиданья [11, с. 119–120].

Героиня рассказа не способна «сойтись только для наслаждения» и оставить все «хорошо и просто», а автор не способна «уравниваться» с Каменским в «простоте взгляда». Если «Идеальная жена» проникнута не напускным, а вполне настоящим цинизмом (это не требует пояснения в сфере персонажей, а в авторской сфере определяется, по нашему мнению, однозначной анекдотичностью текста⁶), то «Стальной муж» разрушает заданную изначально интенцию

⁶ Поэтому «Идеальную жену», вопреки устоявшемуся именованию, точнее было бы называть не рассказом, а новеллой (которая, как известно, произрастает из анекдота [16]); текст обладает таким признаком анекдота и новеллы, как пуант — здесь это «ловушка» для Плещинского, которая образует переломную точку между длинной «восходящей» и короткой «нисходящей» линиями развития сюжета.

и осуществляет не только гендерную инверсию сюжета с участием «искусственного тела», но и семантическую инверсию по оси «человек — машина»: механизм «оживает для любви», получает душу, тогда как создавший его человек вполне демонстрирует отсутствие оной. Таким образом, сюжет об удовлетворении женщиной своей «половой проблемы» с простотой и легкостью, недоступными автору в реальной жизни, поворачивается совсем иной стороной.

Поскольку мы уже несколько раз упоминали об автобиографизме «я»-рассказчицы «Стального мужа», поясним: «половая проблема», как ее обозначает здесь героиня, в этот период была крайне актуальной для самой Барковой, это постоянный мотив ее эпистолярия, а также — разумеется, в более завуалированном виде — ее лирики тех лет. В молодости Баркова очень комплексовала из-за своей внешности, в стихах называла себя «чувствительной уродиной» [1, с. 99], в письме К.И. Соколовой от 18 октября 1922 г. признавалась:

Главное для меня сейчас, в двадцать один год, при моем темпераменте, неприятно осложненном скверностью моей физиономии, главное — это самым грубым <...> образом жить. Понимаете Вы это слово? Не мерехлюндию разводить с остроумными Пьеро, а с медведями ломаться, на быков в красном плаще выходить, любить так, чтобы кости хрустели. А это не удается мне [1, с. 392].

Или в другом письме К.И. Соколовой (лето 1923 г.):

«Познала ли я жизнь до конца?» Это Вы насчет чего?

Насчет «половой» проблемы, что ли? <...> Значит, познала ли я до конца... что? Непристойный каламбур выскочил из каких-то темных переулочков мозга. Вот он. Доставляю Вам случай покраснеть. Познала ли я до конца конец известного органа противоположного пола?

Нет. Ни начала, ни конца, дорогая многоопытная женщина [1, с. 398].

В письмах молодой Барковой обнаруживается то же, что и в «Стальном муже», сочетание напускного цинизма, признаний в страстности натуры — и в то же время в девственности поневоле (ср. с мотивировкой «заказа» мужа-механизма, приведенной выше):

Меня, конечно, никакие моральные соображения не остановили бы, не таковская [1, с. 388];

А я сейчас, подобно буриданову ослу, стою перед двумя охапками сена, обе заманчивы, и аппетита хватит на обе. <...> И оба идеально, божественно глупы и, вероятно, нежны и пушисты, как ангорские коты. <...> И почему бы, напр<имер>, если бы я подмигнула, не придти им ко мне

Я — умна чертовски <...>, остроумна, страстна, цинична и девственна, бесстыдна и целомудренна одновременно, согласитесь сами — соединение, не лишённое пикантности. А что такое они? Так, предмет потребления, с головой, набитой душистой, наивной, умильной и — невозможной дрянью⁷ [1, с. 400–401].

Баркова в своих мечтаниях занимает традиционно маскулинную позицию силы и власти, тогда как мужчины оказываются редуцированы до традиционно женской роли красивого объекта, лишённого ума, собственной воли и нужного фактически лишь для украшения жизни⁸, т. е. распределение ролей здесь такое же, как в «Стальном муже», где писательница наделяет свою героиню полной инициативой и полной властью над мужским персонажем. В рассказе фактически выражается ее мечта быть страстно любимой вопреки тем качествам, которые кажутся ей препятствием в этом — некрасивости и едкости характера, колючести:

Ясно вижу, что мой скверный характер и моя не первоклассная наружность послужат неустранимой помехой для романа с настоящим одушевленным представителем другого пола [Баркова, с. 251];

Стальной муж шептал:

— Я люблю тебя, я люблю тебя, моя милая, угрюмая девочка. <...>

— За что же ты меня любишь? Я очень упряма, очень зла. Эти свойства, увы, не искупаются и красотой. Я похожа на всех чертей [1, с. 256].

Это Баркова пишет после нескольких безответных влюбленностей и односторонних признаний, так что «Стальной муж» на одном из уровней является своего рода компенсацией или сублимацией. Схожие мотивы можно отметить во фрагменте дневниковой тетради Барковой 1917 г. «Признания внука Подпольного человека», где

⁷ Из писем К.И. Соколовой от 14 июля 1922 г. и 27 сентября 1923 г.

⁸ Ср. также письмо В.Д. Зельдовичу от 20 октября 1923 г., где ему отводится вроде бы та же роль при том, что фактически Баркова отдает себя в его волю: «Мне ничего не нужно от Вас, кроме любви. <...> Что ж делать: я все-таки женщина, мне нравится Ваша тонкая фигура, Ваше бледное и правильное лицо, Ваши кудри...» [1, с. 404].

напускной цинизм постепенно разрушается и обнажается тайное стремление дайаристики и к романтизму, и к «вечной» любви, и к высокой поэзии, т. е. ко всему тому, в чем, по собственным ее ощущениям, ей отказано. Те же глубокие противоречия составляют ядро дебютной (и оставшейся единственной) книги стихов Барковой «Женщина» (1922), которая строится на борьбе полюсов, борьбе противоречий в душе лирической героини: это, с одной стороны, стремление стать «новой» женщиной, отринувшей все цепи прошлого — в том числе нормативные фемининные качества, культивировавшиеся веками (нежность, жалость, хрупкость, а также тяга к материнству), и неспособность вполне это осуществить, с другой (подробнее см.: [9]).

В качестве еще одного возможного претекста «Стального мужа» можно было бы назвать рассказ А. Мирэ «Рамбеллино» из ее сборника «Черная пантера» (1909)⁹. Там есть и герой-автомат, что немаловажно — тоже артист (в данном случае великий пианист, что, конечно, напоминает о знаменитых автоматах XVIII в.), и ищущая его любви женщина, и изобретатель автомата, возмущенный тем, что из-за любви его создание обрело собственную волю и покинуло его (тоже с самоубийственными намерениями: «Моя жизнь на земле теперь кончена» [15, с. 94], и тоже потому, что женская любовь обманула его). То есть сюжетный каркас весьма похож. Но во всех остальных отношениях сложно представить себе более разные тексты. «Рамбеллино» всецело принадлежит декадансу, имитирует «большие нарративы» модерна и кажется почти комичным в нагромождении красотостей, а его героиня, «маленькая графиня», являет собой тип пресыщенной, тоскующей женщины, романтической красавицы, которой всё подвластно и которая, хотя и усомнилась в идеале, способна на великие чувства:

Маленькая графиня, шатаясь, прошла по залам и, очутившись на улице, с душой, терзаемой невыразимым страданьем, подумала, что и ее жизнь на земле тоже кончена.

И в ту же минуту она стала смутно и радостно на Что-то надеяться... [15, с. 94].

Возможно, именно такой тип героини вызывал у едкой, внутренней ироничной Барковой, которая к тому же не побоялась вложить в свой текст собственные комплексы и передать его «я»-рассказчи-

⁹ Благодарю профессора М.В. Михайлову за это соображение.

це, столь сильное чувство раздражения, что ее рассказ на схожий сюжет обрел совершенно иную тональность. Не случайно обращает на себя внимание финал — своей неконвенциональностью: хотя героиня сожалеет о том, что причинила боль стальному мужу, его уход и «самоубийство» совершенно не становятся для нее жизненной катастрофой. Скорее, это повод для философского спора со «старым ослом» изобретателем. Тогда как в «Рамбеллино», по всем канонам жанра, уход автомата становится для героини неким лиминальным опытом: хотя испытание любви и веры она проваливает, само наличие такового открывает перед ней иные сферы, в том числе сферу великой, неземной, вечной любви. Как ехидно замечал М. Кузмин в новелле «Исполненный совет» (1918), где он изобразил писательницу-эмансипе (он вообще скептически относился к женскому творчеству, да и к женщинам в целом [10]), «чем пыльнее и грязнее было вокруг нее, чем больше к ней приставали с хозяйственными невзгодами, тем больше ей хотелось выводить в своих повестях богатых молодых великосветских людей со сложными эротическими переживаниями, изысканных, свободных и современных» [14, т. 5, с. 215]. Именно так поступает Мирэ в «Рамбеллино» и в сборнике «Черная пантера» в целом. Напротив, Баркова имеет достаточно внутренней честности, чтобы поступить иначе — придать своей героине реальные автобиографические черты и снять всякий флер красоты с истории отношений женщины и автомата (примечательно, что у Мирэ героиня не является Пигмалионом, так как не инициирует создание автомата, и «Рамбеллино» не рефлексировало гендерную проблематику, столь важную для «Стального мужа»).

На ином уровне, не автобиографическом, «Стальной муж» является, как справедливо отмечает Л.Г. Качалова, «художественной полемикой с идеями Пролеткульта о механизации человечества» [12, с. 157]. Напомним контекст: поэзия пролеткультовцев, которые в 1920 г. образовали объединение «Кузница» (эту поэзию Баркова, разумеется, знала, о чем свидетельствуют, в частности, ее выступления в печати¹⁰), «несла на страницы газет и журналов романтику завода: несмолкающий гул моторов, “заревое вагранок”, звонкий скрежет металла, ослепительный блеск выплавляемой стали» [4, с. 251]. Если раньше в русской поэзии XIX–XX вв. человек пред-

¹⁰ См. ее статьи и рецензии: *А. Б-ва*. Пролеткульт // Рабочий край. 1918. 20 сент. № 161; *А. Б-ва*. [Рец. на журнал:] Пролетарская культура. М., 1918. №№ 1–3 // Рабочий край. 1918. 8 окт. № 174; *А. Б-ва*. Пролетарская поэзия // Рабочий край. 1918. 16 окт. № 179; *А. Б-ва*. [Рец. на:] Грядущее. Изд. Пролеткульта. Пг., 1918. № 9 // Рабочий край. 1919. 27 марта. № 68; *А. Б-ва*. [Рец. на:] Пламя. Пг., 1919. № 38 // Рабочий край. 1919. 2 апр. № 73, и др.

ставал перед природой как созерцатель, то в пролетарской поэзии, утопичной по своему характеру, направленной на полное преобразование мира и человека и планетарной по своим масштабам, человек оказывается деятелем, устроителем космоса:

<...> шествие по миру представало воображению пролетарских поэтов чередой ослепительных побед — сначала над врагами-капиталистами, а потом — над стихийными природными бедствиями, нарушающими полноту счастья людей на земле, над болезнью, временем, смертью. <...> Речь шла <...> о бытийных преобразованиях, охватывающих не только общество, но и природу, Землю, Вселенную. Пролетариату, «Железному Мессии», подвластно все [4, с. 256–257].

Железный порядок машины противопоставлялся несовершенству и беспорядку природы, и мечтой торжествующего homo faber стало «максимально расширить сферу искусственного, а в пределе — заменить им природное, расхлябанное, жалкое, смертное, расчислить и упорядочить бытие» [4, с. 258], причем «не только мир, но и человек, венец восходящего развития органических форм», в стихах поэтов «Кузницы» «“растет из железа”, в его жилы “льется новая, железная кровь”» [4, с. 260]. Эта утопичность машинного идеала преобразования мира, как ни странно, порой сочеталась с утопизмом прежней эпохи: так, виднейший поэт «Кузницы» М. Герасимов в поэме «Монна Лиза» воспевал «вечно женственное».

В «Стальном муже» Барковой ощущается явная полемика с «железным мессианизмом» поэтов-пролеткультовцев — при той же глубинной утопичности. Будущее в виде машинной цивилизации защищает старик-инженер, который сам представлен как не вполне живой человек, в теле которого ум совершенно подавил все остальные качества и чья внешность описывается посредством «механических» метафор:

Маленький старичок, огромнолобый, со скромно и трусливо прилепившейся ко лбу крохотной остальной частью лица, поднял голову от чертежей, и я увидела бледно-голубые глаза с просверленными чем-то узенькими, вероятно, очень глубокими, дырочками черных зрачков и толстую изогнутую морщину, пересекавшую лицо над бровями и переносьем, место, где, очевидно, приклеилась несчастная, съезженная и жалкая рабыня диктатора-лба — нижняя часть лица [1, с. 251].

Он мечтает, по сути, о «восстании машин» (о котором с тревогой писал В.Я. Брюсов еще в 1908 г.):

<...> это — наши наследники. Если бы я имел материальные средства, <...> я сделал бы тысячу таких организмов, заставил бы их завоевать мир, научил бы создавать себе подобных и убил бы себя. Моя миссия <...> была бы выполнена [1, с. 252].

Примечательно, что машина, напротив, отстаивает у Барковой примат творческого духа над техникой: «<...> что такое машина без рабочего, аэроплан без авиатора?» [1, с. 254]. И, хотя изобретатель утверждает, что это лишь результат программирования («Вы же сами хотели, чтобы я придал ему органические речевые движения, принадлежащие людям старой эпохи. Конечно, голосовые связки его вырабатывают слова: “душа”, “София”, “Аполлон”, “Христос”, “Дионис”, “Мировой дух”, слова, выдуманные эксплуататорами» [1, с. 255]), своей добровольной смертью и «чудом» обретения души механизм опровергает его слова. Пожалевав о своем порыве рассказать стальному мужу о том, что он всего лишь машина, и увидев в его взгляде вполне человеческие любовь и горе, героиня нажимает «на лбу точку интеллекта, желая отвлечь мысли автомата в другую сторону» [1, с. 260], но программа не действует. А в своем прощальном письме стальной муж бросает многозначительную фразу о том, что он «не такой чужой лесу», что «все возвращается <...> в неиссякаемое материнское лоно космической энергии» [1, с. 261]. Механика и органика оказываются разными проявлениями одной материи и / или одной энергии. И не человек превращается в «железного мессию», в высокоорганизованный механизм, как это зачастую воспевалось в поэзии пролеткультовцев, а наоборот, машина превращается в человека. При этом «прежний» утопизм, который порой проявлял себя и в ней — в основном через образы «вечной женственности», оказывается вполне живым и для героев «Стального мужа».

Все эти утопические чаяния, безусловно, проистекали из того «кризиса искусства», который обозначил в своей публичной лекции 1917 г. Н.А. Бердяев и который возник, по его мнению, потому, что «в мир победоносно вошла машина и нарушила вековечный лад органической жизни. С этого революционного события все изменилось в человеческой жизни, все надломилось в ней. <...> Возрастание значения машины и машинности в человеческой жизни означает вступление в новый мировой эон» [2, с. 13]. Бердяев

считал механизацию и механизацию «неотвратимым космическим процессом»:

Нельзя удержать старую органическую плоть от гибели. Лишь на поверхностный взгляд механизация представляется материализацией, в которой погибает дух. <...> Машина сама по себе не может убить духа, она скорее способствует освобождению духа из плена у органической природы. Машина есть распятие плоти мира. Победное ее шествие истребляет всю органическую природу <...> Так свершается судьба плоти мира, она идет к воскресению и к новой жизни через смерть [2, с. 13–14].

Любопытно, что Бердяев апеллирует к опыту гностицизма (откуда, собственно, и идет образ Софии, Души Мира, «убитой материей» [1, с. 255], значимый в рассказе Барковой):

К новой жизни, к новому творчеству, к новому искусству прорываются те гностики нового типа, которые знают тайну цельности и тайну раздвоения, знают одно и знают другое, ему противоположное. <...> Выходом <...> может быть лишь тот переход в новый мировой эон, в котором всякое творчество будет уже продолжением Божьего творения мира [2, с. 27–28].

Помимо утопических идей о религиозном смысле техники и диалога с поэтами «Кузницы», в «Стальном муже» нашла выражение так называемая дискуссия о «половом вопросе» 1920-х гг. («комплекс выступлений видных советских партийных деятелей, писателей, ученых, юристов о проблемах сексуальности, брака в молодежной среде) в рамках политики культурничества и борьбы за новый быт» [17, с. 199]: «Большевики стремились сломить бытовые традиции, которые угрожали затуханию революции. Для этого необходимо было по-другому подойти к трактовке семейных отношений» [17, с. 202].

«Радикальный, с точки зрения морали, переход от пуританских нравов царской России к авангардным» [17, с. 208] находит двойственное выражение в «Стальном муже». Баркова конструирует образ раскрепощенной женщины, во главу угла ставящей решение своей «половой проблемы» и радующейся тому, что детей от стального мужа родиться не может. При этом данный образ всячески подрывается изнутри: такая позиция героини объясняется в первую очередь ее, как она считает, неспособностью нравиться «одушев-

ленным представителям другого пола», причем оказывается, что ей важен не только телесный аспект, но и психологический — она нуждается не просто в удовлетворении физических потребностей, но в любви и страсти. Наконец, не случайно в качестве своего идеала она представляет образ вполне «старорежимный» (актер в пенсне, «избалованный женщинами, усталый, но еще сильный и жадный <...> интеллигентный вивёр» [1, с. 254]) и даже просит исключить из «клавиатуры убеждений» стального мужа «экономический материализм и коммунизм» (правда, объясняя это тем, что «слишком много чести для машины» [1, с. 253]). Таким образом, полемика — правда, вопрос, насколько сознательная, — ведется не только с поэзией пролеткультовцев и их идеалом «железного Мессии», но и с «новым бытом».

Сам образ героини оказывается двойственным. С одной стороны, это действительно женщина нового типа, берущая на себя инициативу и становящаяся как бы «новым Адамом» для «новой Евы» в лице автомата-мужчины, новым Пигмалионом по отношению к новой Галатее — не случайно в прощальном письме стальной муж говорит о том, что машина «добровольно, из одной любви к своему творцу, уступает ему место и удаляется» [1, с. 261]. «Творцом» здесь герой называет не старичка-инженера, собственно, и создавшего механизм, а именно героиню, имея в виду, что она вдохнула в него душу («Ты хотела, не сознаваясь себе самой, одушевить машину. И ты достигла цели» [1, с. 261]). С другой стороны, как «ветхая Ева», как женщина вполне «нормативная», героиня мечтает о романтической любви. В уста стального мужа Баркова вкладывает, очевидно, и свою тайную мечту быть любимой при всех своих «недостатках» и достоинствах, как она их понимает:

— Да за это я и люблю тебя. За твой ум великолепного зверька, непоследовательный, эгоистичный, по-женски чувственный. Люблю за то, что ты непременно хочешь выскочить из женщины и не можешь. Ты суетна, ленива, стараешься быть интеллектом, а остаешься стихией, столь же непонятной, как непонятен и загадочен зверь <...> [1, с. 256].

И здесь мы возвращаемся к традиционнейшим топосам маскулинного гендерного порядка, ассоциирующим женщину с природой и стихией: в андроцентричном мире женщина воспринимается как существо природное, а не культурное, иррациональное, а не интеллектуальное [18, с. 43]; она может быть, по выражению З.Н. Гиппи-

ус, не человеком, а «зверем» или «богом», т. е. «другим», «иным» по отношению к человеку как существу цивилизации и культуры. Конечно, в «Стальном муже» эти топосы транслирует герой, причем герой-автомат. Но характерно, что этот персонаж оказывается в конечном итоге представлен как наделенный последней правотой, что позволяет предполагать релевантность и этого его суждения. Кроме того, эти же топосы транслирует лирическая героиня Барковой, в частности, в поздней поэме «Нечто автобиографическое» (1953), например:

Полустертые мои страницы,
 Может быть, отыщет кто-нибудь.
 И придется чудаку по нраву
 Едкость злых царапающих строк¹¹,
 И решит он: «Вот достойный славы
 Полугений и полупророк. <...>
 О коллеги, не мужской ли ум?
 О душа, отмеченная хладом,
 Нрав сухой и жгучий, как самум.
 С женственностью это всё не схоже. <...>»
 Тут с негодованьем мои кости
 О чужие кости застучат:
 «<...> В пол мужской за гробом записали...
 Я всегда, всю жизнь была она...» [1, с. 93–94].

Таким образом, А.А. Баркова, совершая в рассказе «Стальной муж» ряд инверсий, в том числе инверсию гендерную, проявляющуюся в первую очередь в использовании «перевернутого» соотношения мужской и женской ролей в сюжете об «искусственном теле», в то же время ретранслирует существенные элементы маскулинного гендерного порядка, а в ее «техницистском» рассказе (напомним о сравнении с гораздо более «старомодным» претекстом — «Идеальной женой» Каменского¹²) парадоксально побеждают, так сказать, вечные ценности.

¹¹ Эта самохарактеристика как «злой», «едкой» природы сохранялась на всем протяжении жизни А.А. Барковой.

¹² Сами материалы, из которых сделаны искусственные муж и жена в этих произведениях, воплощают традиционные топосы маскулинного гендерного порядка: женщина «резиновая», т. е. «мягкая», «гибкая», «изменчивая», «непрочная», «дешевая», даже «грязная» (поскольку из резины делались разнообразные предметы, связанные с материально-телесным низом), мужчина — «стальной», т. е. «жесткий», «крепкий», «постоянный», «сильный», «драгоценный», «чистый» и т. п.

Литература

1. Баркова А. ...Вечно не та. М.: Фонд Сергея Дубова, 2002. 624 с.
2. Бердяев Н.А. Кризис искусства. (Репринтное издание). М.: Интерпринт, 1990. 48 с.
3. Близняк О.М. Мотивные комплексы как системная характеристика прозы А. Барковой // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 118–119.
4. Гачева А.Г. Поэты «Кузницы» // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 1. С. 244–390.
5. Гитциус З.Н. Зверобог. О половом вопросе // Гитциус З.Н. Собр. соч.: в 15 т. М.: Русская книга, 2003. Т. 7. С. 322–332.
6. Голубков А.В. Вокруг Мэри Шелли и «Франкенштейна»: куклы, роботы, автоматы // Искусственное тело в мировой интеллектуальной и художественной культуре / отв. ред. А.В. Голубков, М.А. Штейнман. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 10–28.
7. Голубков А.В. Пигмалионизм на Западе: любовь небесная vs любовь земная? // Искусственное тело в мировой интеллектуальной и художественной культуре / отв. ред. А.В. Голубков, М.А. Штейнман. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 85–98.
8. Грачева А.М. Игра в Зарагустру, или Литературная карьера Анатолия Каменского // Каменский А.П. Мой гарем. М.: Ладомир, 1999. С. 5–18. (Русская потаенная литература).
9. Зусева-Озкан В.Б. «Я женщина — твердый воин...»: образ воительницы в лирике А.А. Барковой // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 184–201. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-184-201>
10. Зусева-Озкан В.Б. Типология женских персонажей в прозе М.А. Кузмина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 194–220. doi: 10.17223/19986645/87/11
11. Каменский А.П. Мой гарем. М.: Ладомир, 1999. 488 с. (Русская потаенная литература).
12. Качалова Л.Г. Творчество А.А. Барковой 1920-х – начала 1930-х годов в культурной парадигме эпохи: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004. 177 с.
13. Коновалов К.П. Поэтика рассказа, или Как сделан «Стальной муж» А. Барковой // Анна Баркова: Поэт и его время. Материалы второй международной научной конференции «Калуга на литературной карте России», Калуга, 10–12 марта 2009 года. Калуга: Калужский гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2009. С. 129–133.
14. Кузмин М.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Книжный клуб Книгобек, Терра, 2017.
15. Мирэ <Моисеева А.>. Черная пантера: Рассказы. М.: Гриф, 1909. 168 с.
16. Тамарченко Н.Д. Анекдот // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 22.
17. Чечнёв Я.Д. Конструирование образа раскрепощенной женщины в рамках политики борьбы за новый быт 1920-х гг. (Малашкин, Гумилевский, Романов). Часть 1 // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 199–211.
18. Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М.: НЛЮ, 2011. 400 с.

Research Article

Human and Machine: Gender Inversion and the Problem of Artificial Body in the Short Story by Anna Barkova “The Steel Husband” (1926)

© 2024. Veronika B. Zuseva-Özkan

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article considers the short story by Anna Barkova, “The Steel Husband,” in many ways: as a point of intersection of several different influences (“pornographic prose” from the heyday of the “women’s question”; the poetry of the Proletcultists, in particular, the association “Kuznitsa”; discussion of the 1920s about the “sexual question” within the framework of the struggle for a “new way of life”); in the aspect of the centuries-old history of the “artificial body” topic; from the point of view of the motifs of Barkova’s work in general, in particular autobiographical (“psychological” ones); and in the light of gender studies, since in the story there is a gender inversion of the traditional topic. The research reveals plot borrowings and echoes with the short stories of Anatoly Kamensky’s “The Ideal Wife” and A. Mire’s “Rambellino.” The article concludes that by performing several inversions in the story “The Steel Husband,” including gender inversion, which manifests itself primarily in the use of an “inverted” ratio of male and female roles in the Pygmalionist plot about the creation of an “artificial body,” Anna Barkova, at the same time, relays essential elements of the masculine gender order, and in her “technical” story the “eternal values” still paradoxically win.

Keywords: Anna Barkova, artificial body, automaton, gender inversion, Anatoly Kamensky, Mire (Alexandra Moiseeva), Proletcult, “Kuznitsa,” “new way of life,” “sexual question.”

Information about the author: Veronika B. Zuseva-Özkan, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9537-108X>E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

For citation: Zuseva-Özkan, V.B. “Human and Machine: Gender Inversion and the Problem of Artificial Body in the Short Story by Anna Barkova ‘The Steel Husband’ (1926).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 204–226. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-204-226>

References

1. Barkova, A. ...*Vechno ne ta* [...Always Not the One]. Moscow, Fond Sergeia Dubova Publ., 2002. 624 p. (In Russ.)
2. Berdiaev, N.A. *Krizis iskusstva. (Reprintnoe izdanie)* [The Crisis of Art. (Reprint Edition)]. Moscow, Interprint Publ., 1990. 48 p. (In Russ.)
3. Blizniak, O.M. “Motivnye komplekсы kak sistemaia kharakteristika prozy A. Barkovoi” [“Motif Complexes as a Systemic Characteristic of Anna Barkova’s Prose”]. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 2, pp. 118–119. (In Russ.)
4. Gacheva, A.G. “Poety ‘Kuznitsy’.” [“Poets of ‘Kuznitsa’.”] *Russkaia literatura 1920–1930-kh godov. Portrety poetov: v 2 t.* [Russian Literature of the 1920s–1930s. Portraits of Poets: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 244–390. (In Russ.)
5. Gippius, Z.N. “Zverebog. O polovom voprose” [“Beastgod. On the Question of Sex”]. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 7. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2003, pp. 322–332. (In Russ.)
6. Golubkov, A.V. “Vokrug Meri Shelli i ‘Frankenshteina’: kukly, roboty, avtomaty” [“Around Mary Shelley and ‘Frankenstein’: Dolls, Robots, Automata”]. Golubkov, A.V., and M.A. Shteinman, editors. *Iskusstvennoe telo v mirovoi intellektual’noi i khudozhestvennoi kul’ure* [Artificial Body in the World Intellectual and Artistic Culture]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 10–28. (In Russ.)
7. Golubkov, A.V. “Pigmalionizm na Zapade: liubov’ nebesnaia vs liubov’ zemnaia?” [“Pygmalionism in the West: Sacred vs Profane Love?”]. Golubkov, A.V., and M.A. Shteinman, editors. *Iskusstvennoe telo v mirovoi intellektual’noi i khudozhestvennoi kul’ure* [Artificial Body in the World Intellectual and Artistic Culture]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 85–98. (In Russ.)
8. Gracheva, A.M. “Igra v Zaratustru, ili Literaturnaia kar’era Anatoliia Kamenskogo” [“Playing Zarathustra, or the Literary Career of Anatoly Kamensky”]. Kamenskii, A.P. *Moi garem* [My Harem]. Moscow, Ladomir Publ., 1999, pp. 5–18. (In Russ.)
9. Zuseva-Özkan, V.B. “‘Ia zhenshchina — tverdyi voin...’: obraz voitel’nitsy v lirike A.A. Barkovoi” [“‘I Am a Woman and a Hard Warrior...’: The Figure of Female Warrior in the Lyrical Works of Anna Barkova”]. *Vestnik slavianskikh kul’ur*, vol. 62, 2021, pp. 184–201. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-184-201> (In Russ.)
10. Zuseva-Özkan, V.B. “Tipologiya zhenskikh personazhei v proze M.A. Kuzmina” [“Typology of the Female Characters in the Fictional Prose by Mikhail Kuzmin”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 87, 2024, pp. 194–220. doi: 10.17223/19986645/87/11 (In Russ.)
11. Kamenskii, A.P. *Moi garem* [My Harem]. Moscow, Ladomir Publ., 1999. 488 p. (“Russkaia potaennaia literature” Series). (In Russ.)
12. Kachalova, L.G. *Tvorchestvo A.A. Barkovoi 1920-kh – nachala 1930-kh godov v kul’turnoi paradigme epokhi* [The Work of Anna Barkova of the 1920s and the Beginning of the 1930s in the Cultural Paradigm of the Epoch: PhD Dissertation]. Ivanovo, 2004. 177 p. (In Russ.)
13. Konovalov, K.P. “Poetika rasskaza, ili Kak sdelan ‘Stal’noi muzh’ A. Barkovoi” [“Poetics of the Short Story, or How Barkova’s ‘The Steel Husband’ Was Made”]. *Anna Barkova: Poet i ego vremia. Materialy vtoroi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Kaluga na literaturnoi karte Rossii”, Kaluga, 10–12 marta 2009 goda* [Anna Barkova: Poet and Her Time. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference “Kaluga

on the Literary Map of Russia,” *Kaluga, March 10–12, 2009*]. Kaluga, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski Publ., 2009, pp. 129–133. (In Russ.)

14. Kuzmin, M.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t. [Collected Works: in 6 vols.]*. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., Terra Publ., 2017. (In Russ.)

15. Mire <Moiseeva, A.>. *Chernaia pantera: Rasskazy [Plack Panther: Short Stories]*. Moscow, Grif Publ., 1909. 168 p. (In Russ.)

16. Tamarchenko, N.D. “Anekdot” [“Anecdote”]. Tamarchenko, N.D., editor. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii [Poetics: Dictionary of Relevant Terms and Notions]*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ., Intrada Publ., 2008, p. 22. (In Russ.)

17. Chechnev, Ia.D. “Konstruirovaniie obraza raskreposhchennoi zhenshchiny v ramkakh politiki bor'by za novyi byt 1920-kh gg. (Malashkin, Gumilevskii, Romanov). Chast' 1” [“Constructing the Image of an Emancipated Woman in the Framework of the Policy of Struggle for a New Way of Life in the 1920s (Malashkin, Gumilevsky, Romanov). Article 1”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (55), 2020, pp. 199–211. (In Russ.)

18. Ekonen, K. *Tvoret, sub'ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russskom simvolizme [Creator, Subject, Woman: Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 400 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.04.2024
Одобрена после рецензирования: 07.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 15.04.2024
Approved after reviewing: 07.05.2024
Date of publication: 25.06.2024

Новое о Мандельштаме в Грузии¹

© 2024, О.А. Лекманов

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека,
Ташкент, Узбекистан

Аннотация: В статье дается развернутый комментарий к впервые публикуемой на русском языке записи из дневника грузинского поэта Галактиона Табидзе от 31 октября 1930 года, связанной с Осипом Мандельштамом, Борисом Пастернаком и грузинской поэтической группой «Голубые роги». Эта запись позволяет выяснить, что путешествие Пастернака в Грузию, осуществившееся в 1931 г., задумывалось еще в предыдущем 1930 г. Также запись из дневника Табидзе содержит важную информацию об отношении Мандельштама к Пастернаку в конце 1920-х – начале 1930-х гг. — Мандельштам воспринял приглашение грузинскими поэтами Пастернака в Тифлис как личную обиду. Наконец, из этой же записи можно понять, почему участники группы «Голубые роги», Тициан Табидзе, в первую очередь, не поддерживали контактов с Мандельштамом, когда он в третий раз в своей жизни приехал в Грузию осенью 1930 г.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, Борис Пастернак, «Голубые роги», русская поэзия, грузинская поэзия

Информация об авторе: Олег Андершанович Лекманов — доктор филологических наук, профессор, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Университетская ул., д. 4, Ташкент, 100174 г. Ташкент, Узбекистан.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

E-mail: lekmanov@mail.ru

Для цитирования: Лекманов О.А. Новое о Мандельштаме в Грузии // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 227–238. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-227-238>

¹ О пребывании Мандельштама в Грузии см., в первую очередь: [10; 13; 9].

31 октября 1930 г. грузинский поэт, недолгий участник объединения «Голубые роги» Галактион Табидзе внес в дневник следующую запись:

Паоло привозит Пастернака. Он уже написал письмо Тициану, где, оказывается, заранее приносит благодарность за прием. Приезд Пастернака, оказывается, обижает Мандельштама, который говорит: «Значит, меня хотят окончательно выжить из Тифлиса». Гаприндашвили говорит, что Тициану до сих пор противен Мандельштам (за то письмо, которое он опубликовал сначала в Батуме, а потом в «Огоньке» в 1921 г.)².

Эта небольшая по объему запись, тем не менее, добавляет новые и важные оттенки в историю долгих и сложных взаимоотношений Осипа Мандельштама с Борисом Пастернаком, а также с грузинскими поэтами из группы «Голубые роги». Кроме того, запись содержит неизвестные исследователям факты, касающиеся контактов Пастернака с этими поэтами.

Как известно, Пастернак впервые приехал в Грузию летом следующего 1931 г. по инициативе Паоло Яшвили, упомянутого в дневнике Галактиона Табидзе³. О пастернаковской переписке с Тицианом Табидзе 1930 г. ничего неизвестно, как и о попытке Яшвили привезти Пастернака в Грузию тогдашней осенью. Теперь мы знаем, что намерение, осуществившееся в 1931 г., восходит еще к 1930 г.

Отношения Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака, до 21 мая 1929 г. дружеские и безоблачные (поэты познакомились в конце апреля или в начале мая 1922 г.), ощутимо испортились после участия Пастернака в заседании Исполнительного бюро Федерации объединений советских писателей, посвященном разбору чрезвычайно болезненного для Мандельштама «дела о плагиате» у переводчиков А. Горнфельда и В. Карякина⁴.

В номере от 13 мая 1929 г. «Литературная газета» поместила обращение пятнадцати московских поэтов и прозаиков в поддержку

² Данный текст наряду с другими записями из дневника Галактиона Табидзе размещен на сайте, посвященном его творчеству: <https://galaktion.ge/?page=Diaries&id=3317>. Оригинал записи — на грузинском языке; перевод Д. Масхарашвили, которому приносим глубокую благодарность за указание на эту запись.

³ См., например: [12, с. 481–491].

⁴ См.: [5, с. 326]. О так называемом деле «Горнфельда — Мандельштама» подробнее см., например: [4, с. 212–238].

Мандельштама, под которым подписался и Пастернак. Но уже 30 мая Пастернак жаловался на Мандельштама в письме к Марине Цветаевой:

...сам он удивителен. Правда, надо войти в его положение, но его уверенности в своей правоте я завидую. Вру — смотрю, как на нежданно-чужое. Объективно он не сделал ничего такого, что бы хоть отдаленно оправдывало удары, ему наносимые. А между тем он сам их растит и множит отсутствием всего того, что бы его спасло и к чему я в нем все время взываю. На его и его жены взгляд, я — обыватель, и мы почти что поссорились после одного разговора [14, с. 508–509].

Этот «один разговор» почти наверняка состоялся по итогам упомянутого выше заседания, о ходе которого Пастернак рассказал в письме к Николаю Тихонову от 14 июня 1929 г.:

Мандельштам превратится для меня в совершенную загадку, если не почерпнет ничего высокого из того, что с ним стряслось в последнее время. В какую непоучительную, неудобоваримую, граммофонно-газетную пустяковину превращает он это дареное, в руки валящееся испытанье, которое могло бы явиться источником обновленной силы и вновь молодого, нового достоинства, если бы только он решился признать свою вину, а не предпочитал горькой прелести этого сознания совершенных пустяков, вроде «общественных протестов», «травли писателей» и т. д. и т. д. Тут на днях собиралась конфликтная комиссия. Его на ней не было, и я, защитник, первый признал его виновным, весело и по-товарищески, и тем же тоном напомнил, как трудно временами становится читать газеты (кампания по «разоблачению бывших людей» и пр. и пр.), и вообще, насколько было в моих силах, постарался дать движущий толчок общественнической лавине, за прокатом и паденьем которой широко и звучно очистился воздух, обвиняемому подобающий и заслуженно присущий. И теперь вся штука в том, воспользуется ли Осип Эмильевич этой чистотой и захочет ли он ее понять [11, с. 277].

Мандельштам понимать то, что с ним происходило, как «высокую болезнь» решительно отказался и достаточно жестко сформулировал свое отношение к Пастернаку и его позиции. Его формулировку воспроизвела в одной из своих записей конца 1920-х гг. Л.Я. Гинзбург: «Будто бы М<андельштам> сказал:

“Я не могу иметь ничего общего с Борисом Леонидовичем — у него профбилет в кармане”» [1, с. 117]. С жаргона того времени реплику Мандельштама можно перевести так: Пастернак советский писатель, а я — нет.

Это, конечно, не означает, что Мандельштам разочаровался в Пастернаке как в поэте. Достаточно сказать, что поводом для знакомства (мгновенно перешедшего в дружбу) Мандельштама с Борисом Кузиным летом 1930 г. в Эривани послужили поэтические строки именно Пастернака. Кузин так вспоминал о своей первой беседе с Мандельштамом:

Она вертелась около кошенили. Я заметил, что все же он спрашивал меня о ней с интересом, по крайней мере к ее национально-культурной истории. Вероятно, это и заставило меня сказать, что кошениль попала и в нашу поэзию. — «Кто же о ней писал?» — Я сказал, что о ней упоминает Пастернак и, как видно, грамотно. Я имел в виду

И в крови моих мыслей и писем
Завелась кошениль.
Этот пурпур червца от меня независим.
Нет, не я вам печаль причинил.

В ответ было: «Да, Борис Леонидович всегда грамотен в своих стихах».

Тут во мне как бы сработал спусковой механизм. Мгновенно пронеслась в голове цепь мыслей. — Разве этот человек похож на тех, кто ездит в творческие командировки и хватается без церемонии каждого, кто может дать что-то для расцветивания имеющего появиться в результате командировки слащаво-лживого репортажа, очерка, романа? Он называет Пастернака по имени и отчеству. И опять-таки он явно не из тех, кто хотел бы показать постороннему, что он с Пушкиным на короткой ноге. <...> Я ничего не анализировал, ни секунды не колебался. Вскочил, как ошпаренный, и закричал: «Да ведь я же вас знаю!» Не было ли это единственным во взрослой моей жизни случаем полной потери самообладания? Я не задумывался, как будет принят этот мой почти вопль. А принят он был наипростейшим образом. — О.Э. встал и, опять протянув мне руку, сказал все с той же улыбкой: «Ну, давайте теперь знакомиться заново» [3, с. 162–163].

Тем не менее, из записи в дневнике Галактиона Табидзе становится ясно, что в октябре 1930 г. отношение Мандельштама

к Пастернаку продолжало оставаться сложным, и «дружеским» его назвать не получается. Совершенно очевидно, что реакция Мандельштама на сообщение о приезде в Тифлис, например, Анны Ахматовой была бы кардинально иной.

Обо всех этих (разумеется, и некоторых других) обстоятельствах стоит помнить, когда мы пытаемся ответить на вопрос, почему в телефонном разговоре с И.В. Сталиным 13 июня 1934 г. Пастернак не смог решительно ответить: «Да!» на вопрос вождя: «Но ведь Мандельштам ваш друг?».

Разговор о взаимоотношениях Мандельштама с грузинскими поэтами из группы «Голубые роги», в которую входили упомянутые в записи из дневника Галактиона Табидзе Валериан Гаприндашвили, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили и некоторые другие стихотворцы, нужно начать с прояснения библиографической путаницы, завершающей эту запись. Галактион Табидзе сообщает о «письме», которое Мандельштам «опубликовал сначала в Батуме, а потом в “Огоньке” в 1921 г.».

Журнал «Огонек» в 1921 г. еще не выходил. Дебютный его номер датируется 1 апреля 1923 г.; а в № 20 за этот год, выпущенном 12 августа, Мандельштам напечатал очерк «Меньшевики в Грузии». Именно его Тициан Табидзе, прежде всего, имел в виду, когда осенью 1930 г. говорил, что Мандельштам до сих пор ему «противен».

Однако в Батуме очерк «Меньшевики в Грузии» Мандельштам «сначала» не публиковал. О какой же статье тогда идет речь?

Внятный ответ на этот вопрос дает обращение к разысканной Г. Джохадзе и впервые в переводе на русский язык републикованной П.М. Нерлером памфлетной заметке Тициана Табидзе «Чонтолигастролер», напечатанной на грузинском языке в номере тифлисской газеты «Рубикони» от 25 августа 1923 г. В этой заметке Табидзе с негодованием цитирует очерк «Меньшевики в Грузии» и упоминает еще об одной статье Мандельштама, отправленной на исходе 1921 г. в газету «Батумский час», но там, очевидно, не напечатанной:

... в поисках судьбы он уезжает в Батум. И там, увидев его, люди переходили с одной стороны улицы на другую. А потом он пустился в путь в Адессу (это его настоящий родной город). Перед отъездом в Батумской газете «Час», оказывается, он оставил письмо, которое содержит лишь поношение голубороговцев. Мы на это даже не ответили. Неужели достоин ответа человек, который только из чувства жалости много раз спасался от настоящего ответа? Этот змееныш не смог навредить грузинским поэтам, а сегодня, изменив лицо, стал

великодержавником. В «Огоньке» он пишет о Грузии: «Маленькое независимое государство, выросшее на чужой крови, хотело быть бескровным. Оно надеялось чистеньким войти в историю, сжатое грозными силами, стать чем-то вроде Швейцарии, нейтральным от рождения, невинным клочком земли». От чьего имени говорит Мандельштам? Неужели он позабыл, что он сам еврей и насильно представляется русским? Мы удивлялись, когда Величко и его братья⁵ надменничали, но почему этот бедный Мандельштам не помнит о судьбе своего народа? Неужели нужно в сегодняшней России позволять Мандельштаму писать такие слова? Грузия росла не на чужой крови, об этом все знают, но для тебя, Мандельштам, в кровь превратится все, что ты принял от Грузии. Такие проныры и босяки портят имя русских писателей в Грузии, но кто спрашивает Мандельштама о делах русской поэзии? Скоро, наверное, и «Огонек» узнает о его роли Хлестакова, а мы по-другому потребуем ответ от Мандельштама и Терентьева [9, с. 324–325].

Это же мандельштамовское, вероятно, неопубликованное в газете «Батумский час» «письмо», содержавшее «поношение голубороговцев», Тициан Табидзе имел в виду в статье на грузинском языке «Директор 41° Терентьев», напечатанной в той же газете «Рубикони» 17 июня 1923 г., то есть еще до появления в «Огоньке» очерка «Меньшевики в Грузии». В переводе на русский язык статья Табидзе была републикована Л. Магоротто. Приведем важный для нас фрагмент:

Первым среди русских поэтов в Тифлисе поселился Осип Мандельштам. Благодаря человеколюбию грузин этот голодный бродяга, Агасфер, пользовался случаем и попрошайничал. Но когда он уже всем надоел, поневоле пошел по своей дороге. Этот Хлестаков русской поэзии в Тифлисе потребовал такого к себе отношения, как будто в его лице представлена вся русская поэзия. Когда ему указали его место и он получил по заслугам на улицах Батуми, он с парохода прислал батумской газете «Час» похабное письмо, ответа на которое не дождался [6, с. 241].

Таким образом, в дневниковой записи Галактиона Табидзе от 31 октября 1930 г. речь на самом деле шла о двух разных статьях Мандельштама — очерке «Меньшевики в Грузии», напечатанном

⁵ Подразумевается писатель-черносотенец Василий Львович Величко и его единомышленники.

в «Огоньке» в 1923 году, и каком-то «письме» с «поношением голубороговцев», не опубликованном газетой «Батумский час» в декабре 1921 или в январе 1922 г.

Но какое конкретно мандельштамовское «письмо» подразумевалось? Ответить на этот вопрос просто. Тициан Табидзе имел в виду статью «Кое-что о грузинском искусстве», где голубороговцам была дана такая характеристика:

Молодая грузинская поэзия перенесла Важа Пшавела, как бурю, и теперь не знает, что делать с его наследством. В настоящее время она представлена так называемой группой «Голубых Рогов», имеющей резиденцию в Тифлисе, с Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе во главе. «Голубые Роги» почитаются в Грузии верховными судьями в области художественной, но самим им Бог судья. Воспитанные на раболепном преклонении перед французским модернизмом, к тому же воспринятым из вторых рук, через русские переводы, они убажуют себя и своих читателей дешевой риторической настойкой на бодлеризме, дерзаниях Артура Рембо и упрощенном демонизме; все это сдобрено поверхностной экзотикой быта. Мимо них прошло все огромное цветение русской поэзии за последнее двадцатилетие. Для нас они Пенза или Тамбов... Единственный русский поэт, имеющий на них бесспорное влияние, — это Андрей Белый, эта мистическая русская Вербицкая для иностранцев [8, т. 3, с. 18].

Почему газета «Батумский час» не решилась напечатать эту статью, вполне понятно — редакции не хотелось вступать в конфликт с грузинскими «верховными судьями в области художественной». В итоге Мандельштам опубликовал «Кое-что о грузинском искусстве», уже переехав из Батума в Ростов-на-Дону, в номере местной газеты «Советский юг» от 19 января 1922 г. Через два дня, в номере от 22 января, Мандельштам напечатал в этой же газете заметку «Письмо о русской поэзии». А вот ее «Батумский час» перепечатать не побоялся — статья появилась в номере «Часа» от 11 февраля 1922 г. Скорее всего, в сознании Тициана Табидзе не напечатанная в «Батумском часе» статья «Кое-что о грузинском искусстве» совместилась с напечатанной — «Письмом о русской поэзии», и он начал считать и называть статью «Кое-что о грузинском искусстве» — мандельштамовским *письмом*. Эта очередная путаница могла произойти еще и потому, что между статьями «Кое-что о грузинском искусстве» и «Письмо о русской поэзии» обнаруживается множество мотивных переключек. В частности,

в «Письме о русской поэзии» Мандельштам так варьировал оскорбительное уподобление любимого голубороговцами Андрея Белого «мистической русской Вербицкой для иностранцев»: «Белый неожиданно оказался дамой, просияв нестерпимым блеском мирового шарлатанства — теософией» [8, т. 2, с. 55–56].

Уподобление Андрея Белого Вербицкой и название его дамой, по-видимому, восходят к тому фрагменту гоголевских «Мертвых душ», который цитировался Мандельштамом в позднейшей заметке все того же 1922 г. «Литературная Москва»: «Помните, у Гоголя, — подъезжая к Плюшкину, сразу не разберешь, мужик или баба, нет, баба, нет, мужик» [8, т. 2, с. 111]⁶. Может быть, в ответ на эти, содержащие гоголевские аллюзии фрагменты статей «Кое-что о грузинском искусстве» и «Письмо о русской поэзии» Тициан Табидзе и в заметке «Директор 41° Терентьев», и в фельетоне «Чонтоли-гастролер» обозвал Мандельштама Хлестаковым?

В этих своих фельетонах Табидзе саркастически изображал пребывание Мандельштама (и его неупомянутой жены) в Грузии в июле 1921-го — январе 1922 г. Тогдашние, сначала — дружеские, споры Мандельштама с голубороговцами неуследимо для обеих сторон перетекли в жесткое противостояние. Об этих спорах вспоминала Надежда Мандельштам в мемуарном эссе «Моцарт и Сальери», описывая свою и мужа жизнь в тифлисском Доме искусств и исподволь оправдывая возмущение грузинских поэтов:

Этот особняк, брошенный владельцами, передали во владение поэтам из любимой в Грузии группы «Голубые роги». Мы самочинно, без разрешения властей и новых хозяев особняка, «Голубых рогов», заняли один из небольших кабинетов на нижнем этаже, где были приемные, гостиные и террасы. На втором этаже жили Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. Возмущенные нашим самочинством, слуги бегали жаловаться комиссарам просвещения, за которыми числился особняк, и время от времени по приказанию комиссаров Канделаки и Брехничева не пускали нас в дом. Тогда с верхнего этажа спускался Яшвили и, феодальным жестом отшвырнув слугу, пропускал нас в дом. Мы продержались там около месяца. Поэты раздобыли Мандельштаму перевод Важа Пшавелы, и на террасах нижнего этажа время от времени между ними и Мандельштамом вспыхивали споры, в которые обе стороны вкладывали южную

⁶ У Гоголя в первом томе «Мертвых душ»: «Ой, баба, подумал он про себя и тут же прибавил: Ой, нет! Конечно, баба! наконец сказал он, рассмотрев попристальнее» [2, с. 114].

ярость и пыл. Мандельштам напал на символистов, а Яшвили именем Андрея Белого клялся уничтожить всех врагов символистов. Антисимволистского пыла у Мандельштама хватило на все статьи 1922 года. Доводы оттачивались в тифлиссских спорах. Младшие «Голубые роги», Гаприндашвили и Мицишвили, тайно сочувствовали Мандельштаму, но старшие были непримиримы. Под конец Яшвили восклицал: «Кто вы такой, чтобы нас учить!» А ведь правильно — что за миссионерский пыл обуял Мандельштама, чтобы громить то, что он считал ересью, в чужой и незнакомой ему поэзии... Зато сходились все на одном: в оценке Важа Пшавелы. Комиссары, убедившись, что примитивно — ручным способом — выгнать нас нельзя из-за сопротивления Яшвили, дали нам ордер на какую-то гостиницу с разбитыми стеклами. Мы побыли там несколько дней, выпили вина с соседями — грузинскими милиционерами — и через Батум уехали в зиму — на север. Новый двадцать второй год мы встретили на пароходе в Сухуми [7, с. 807–808].

Очевидно, что свое несогласие с голубороговцами Мандельштам в результате оформил в виде абзаца статьи «Кое-что о грузинском искусстве» и что это глубоко возмутило Тициана Табидзе — одно дело устные споры за стаканом вина и совсем другое — отповедь в печати.

Между прочим, о том, как Мандельштам покинул Дом искусств, Тициан Табидзе в заметке «Чонтоли-гастролер» рассказал совсем по-другому, чем вдова поэта:

Наглость Мандельштама дошла до того, что он присвоил комнату Союза русских писателей в Доме Искусства и в два дня превратил ее в свинарник. После протеста русских писателей и постановления комиссариата по образованию Котэ Макашвили был вынужден выгнать его оттуда [9, с. 307].

В итоге контакты Мандельштама с бывшими голубороговцами в 1930 г., когда поэт прожил в Тифлисе несколько осенних месяцев, были минимизированы. Минимизированы, но, по-видимому, не прекращены, ведь кому-то из них поэт высказал свою обиду из-за приглашения в столицу Грузии Бориса Пастернака.

В заключение отметим, что отнюдь не это приглашение стало основной причиной возвращения Мандельштамов из Грузии в Ленинград. 23 января 1931 г. литератор Лев Нитобург писал из Тифлиса в Москву Вячеславу Полонскому о пребывании поэта в грузинской столице осенью прошлого года:

Приехал сюда Мандельштам. Дали ему какую-то командировку, чтобы тут читать какой-то курс. Приезжает, представляется, коммандант, помещают его в гостинице, где он должен платить двенадцать рублей в сутки. Платит, живет, проживается, ждет назначения. Тянут неделю, тянут другую. Ему нечего есть, он продает штаны на базаре. Из Москвы подтверждают командировку, торопят с назначением. Тогда ему дают должность вроде делопроизводителя. Распродавшись в пух, он вынужден уехать. Когда уехал, являются пригласить в профессора. Извиняются, произошло недоразумение (из Москвы грозный окрик). Разумеется, он не вернулся [5, с. 346].

Очевидно, Тициан Табидзе сотоварищи в этот приезд Мандельштама в Тифлис облегчать его бытовые трудности не пытались.

Литература

1. *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство, 2002. 770 с.
2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. 6. 920 с.
3. *Кузин Б.* Воспоминания. Произведения. Переписка. *Мандельштам Н.* 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: Инапресс, 1999. 790 с.
4. *Лекманов О.А.* Осип Мандельштам: ворованный воздух. Биография. М.: АСТ, 2016. 463 с.
5. *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* 3-е изд., испр. и доп. / сост. А. Мец; при участии С. Василенко, Л. Видгофа, Д. Зубарева, Е. Лубянской, П. Мицнера. СПб.: Электронное издание, 2019. 512 с.
6. *Магаротто Л.* Полемика Т. Табидзе с О. Мандельштамом и И. Терентьевым // *Русский литературный авангард: материалы и исследования.* Тренто: Ун-т Тренто, 1990. С. 227–240.
7. *Мандельштам Н.* Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: Гонзо, 2014. Т. 1. 919 с.
8. *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2010–2011.
9. *Нерлер П.М.* Осип Мандельштам и Грузия. Новые материалы // *Текст и традиция.* Альманах. СПб.: Росток, 2019. Вып. 7. С. 231–340.
10. *Парнис А.Е.* Заметки о пребывании Мандельштама в Грузии в 1921 году // *L'avanguardia a Tiflis.* Venezia: Università degli Studi di Venezia, 1982. P. 211–223.
11. *Пастернак Б.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 5. 723 с.
12. *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989. 694 с.
13. *Тименчик Р.Д.* Осип Мандельштам в Батуми в 1920 году // «Сохрани мою речь...»: Записки Мандельштамовского общества. М.: РГГУ, 2000. Вып. 3. Ч. 2. С. 147–150.
14. *Цветева М., Пастернак Б.* Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М.: Вагриус, 2004. 719 с.

Research Article

Mandelstam in Georgia: New Information

© 2024. Oleg A. Lekmanov
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract: The article provides a detailed commentary on the first-ever publication in Russian of an entry from the diary of Georgian poet Galaktion Tabidze, dated October 31, 1930. This entry refers to Osip Mandelstam, Boris Pasternak, and the Georgian poetic group “The Blue Horns.” It reveals that Pasternak’s journey to Georgia in 1931 was conceived as early as the preceding year, 1930. Additionally, Tabidze’s diary entry contains crucial information about Mandelstam’s attitude toward Pasternak in the late 1920s to early 1930s. Mandelstam perceived the invitation extended by Georgian poets to Pasternak to Tiflis as a personal offense. Finally, from this entry, one can understand why members of the “Blue Horns” group, particularly Titsian Tabidze, did not maintain contact with Mandelstam when he visited Georgia for the third time in his life in the autumn of 1930.

Keywords: Osip Mandelstam, Boris Pasternak, The Blue Horns, Russian poetry, Georgian poetry.

Information about the author: Oleg A. Lekmanov, DSc in Philology, Professor, National University of Uzbekistan, Universitetskaya St., 4, 100174 Tashkent, Uzbekistan.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

E-mail: lekmanov@mail.ru

For citation: Lekmanov, O.A. “Mandelstam in Georgia: New Information.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 227–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-227-238>

References

1. Ginzburg, L.Ia. *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse* [Notebooks. Memories. Essays]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2002. 770 p. (In Russ.)
2. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.], vol. 6. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1951. 920 p. (In Russ.)
3. Kuzin, B. *Vospominaniia. Proizvedeniia. Perepiska* [Memories. Works. Correspondence]. Mandel'shtam, N. *192 pis'ma k B.S. Kuzinu* [192 letters to B.S. Kuzin]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1999. 790 p. (In Russ.)
4. Lekmanov, O.A. *Osip Mandel'shtam: vorovannyi vozdukh. Biografiia* [Osip Mandelstam: Stolen Air: Biography]. Moscow, AST Publ., 2016. 463 p. (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama* [Chronicle of the Life and Work of O.E. Mandelstam]. 3rd ed., rev. and enl., comp. A. Mets, with the participation

of S. Vasilenko, L. Vidgof, D. Zubarev, E. Lubiannikova, and P. Mitsner. St. Petersburg, Elektronnoe izdanie Publ., 2019. 512 p. (In Russ.)

6. Magarotto, L. “Polemika T. Tabidze s O. Mandel’shtamom i I. Terent’evym” [“Tabidze’s Polemic with O. Mandelstam and I. Terentyev”]. *Russkii literaturnyi avangard: materialy i issledovaniia* [*Russian Literary Avant-Garde: Materials and Studies*]. Trento, University of Trento Publ., 1990, pp. 227–240. (In Russ.)

7. Mandel’shtam, N. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Collected Works: in 2 vols.*], vol. 1. Ekaterinburg, Gonzo Publ., 2014. 919 p. (In Russ.)

8. Mandel’shtam, O. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 3 t.* [*Complete Works and Letters: in 3 vols.*]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2010–2011. (In Russ.)

9. Nerler, P.M. “Osip Mandel’shtam i Gruziiia. Novye materialy” [“Osip Mandelstam and Georgia. New Materials”]. *Tekst i traditsiia. Al'manakh* [*Text and Tradition. Almanac*], issue 7. St. Petersburg, Rostok Pub., 2019, pp. 231–340. (In Russ.)

10. Parnis, A.E. “Zametki o prebyvanii Mandel’shtama v Gruzii v 1921 godu” [“Notes on Mandelstam’s Stay in Georgia in 1921”]. *L'avanguardia a Tiflis* [*The Avant-Garde in Tiflis*]. Venezia, Università degli Studi di Venezia Publ., 1982, pp. 211–223. (In Russ.)

11. Pasternak, B. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [*Collected Works: in 5 vols.*], vol. 5. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1992. 723 p. (In Russ.)

12. Pasternak, E.B. *Boris Pasternak. Materialy dlia biografii* [*Boris Pasternak. Materials for a Biography*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 694 p. (In Russ.)

13. Timenchik, R.D. “Osip Mandel’shtam v Batumi v 1920 godu” [“Osip Mandelstam in Batumi in 1920”]. “Sokhrani moi rech'...”: *Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva* [“Save My Speech...”: *Notes of the Mandelstam Society*], issue 3, part 2. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2000, pp. 147–150. (In Russ.)

14. Tsvetaeva, M., and B. Pasternak. *Dushi nachinaiut videt'. Pis'ma 1922–1936 godov* [*Souls Begin to See. Letters from 1922–1936*]. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 719 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.12.2023
Одобрена после рецензирования: 15.03.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 20.12.2023
Approved after reviewing: 15.03.2024
Date of publication: 25.06.2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-239-262>
<https://elibrary.ru/KHMBEV>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века

© 2024, А.С. Пахомова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)» (<https://rscf.ru/project/19-78-10012>).

Аннотация: В статье делается попытка определить влияние фигуры и творчества М.А. Кузмина на неофициальную ленинградскую культуру второй половины XX в. Произведения писателей 1930–1950-х гг., таких как Л.Л. Раков, В.Н. Петров, А.Н. Егунов и др., рассматриваются как тексты представителей единой творческой традиции, близких друзей и учеников Кузмина. На основе анализа текстов и практик их трансмиссии делается вывод, что эти писатели образовывали своего рода эмоциональное сообщество, скрепленное памятью о Кузмине и знанием ключевых текстов старшего поэта. Многие произведения Егунова, Петрова и Ракова своего рода «закодированы» тем или иным текстом или образом Кузмина. В свою очередь молодые друзья Кузмина во второй половине XX в. сами принимают на себя роль «мэтров», передавая практики, тексты и дореволюционную литературную культуру представителям следующих поколений — филологам, поэтам и писателям 1950–1960-х гг. Фигура и тексты Кузмина в эти годы формируют иную, неофициальную литературу, будучи восприняты авторами, которые ищут альтернативу советской культуре. Выявляются историко-культурные причины, повлиявшие на формирование культа Кузмина после его смерти. Долгие годы находящаяся на периферии кузминоведения тема позволяет поставить вопрос о влиянии личности и творчества Кузмина на литературную культуру и литературный процесс XX в.

Ключевые слова: М.А. Кузмин, Л.Л. Раков, В.Н. Петров, А.Н. Егунов (Николев), литературная репутация, неофициальная культура, эмоциональное сообщество.

Информация об авторе: Александра Сергеевна Пахомова — PhD, старший преподаватель, департамент филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, наб. Канала Грибоедова, 119–121, 123, лит. А, 190069, г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2145-754X>

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

Для цитирования: Пахомова А.С. Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 239–262. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-239-262>

В первой половине 1940-х гг. независимо друг от друга были написаны два художественных текста. Оба несколько лет пролежали «в столе» и остались ненапечатанными при жизни их авторов. Ленинградский искусствовед, сотрудник Эрмитажа Лев Раков написал повесть «Les Promenades dans Les Environs de L'Amour: Прогулки в окрестностях любви» в 1942–1943 гг. «в период тревожных разъездов по боевым частям Ленинградского фронта» [15, с. 183]. Первая часть этой романтической повести называется «Любовь этого лета» и снабжена узнаваемым эпиграфом «Где слог найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду... М. Кузмин»; вторая, под названием «Сентиментальное воспитание», начинается с эпиграфа: «Но эти дни, меж днем и тенью... М. Кузмин»¹. Автор второй повести, Всеволод Петров — также ленинградский искусствовед, служащий в другом культурном центре города, Русском музее. Петров пишет свою «Турдейскую Манон Леско» в 1943–1944 г., осмысляя собственный фронтовой опыт, и посвящает ее «памяти Михаила Алексеевича Кузмина».

На этом сходства двух текстов не заканчиваются. Повесть Ракова представляет собой лирический дневник, описывающий едва ли не поденно зарождение любовного чувства автобиографического героя. Иногда герой переходит с прозы на стихи, как, например, в этом фрагменте:

— А знаете, у Лидочки есть подруга с невероятно пышной фамилией, такой, что она рискует называть только первую половину — Баллен де Ла Моль.

Что говорить, в наши дни это звучало несколько необычно. <...> встречая эту фамилию, я представлял себе блестящую семью, словно воплощение в жизни строк:

¹ Повесть опубликована: [15, с. 184–218].

Моряки старинных фамилий,
 влюбленные в далекие горизонты,
 пьющие вино в темных портах,
 обнимая веселых иностранок... [15, с. 184]

Частота цитирования стихов нарастает вместе с влюбленностью: в кульминационном эпизоде, первых прогулках с возлюбленной, подряд цитируются три стихотворения одного автора в характерных контекстах. Приведем один из них:

Мы еще отлично прошлись по темнеющему городу. По поводу подобных ощущений можно сказать только словами того же автора:

Листья, цвет и ветка, —
 Все заключено в одной почке... [15, с. 193]

Всего стихотворения «того же автора», а именно Михаила Кузмина, упоминаются в небольшой повести 11 раз. Постепенно автобиографический герой Ракова сам начинает сочинять стихи для своей возлюбленной: «Для книжки “Сентиментальное воспитание” подкапливались стишки — плохие, но их единственной целью было заставить Ирину разочек улыбнуться» [15, с. 205]. Словно оправдываясь за несколько своих поэтических опытов, включенных в повесть, автор помещает эпизод оценки своих стихотворений «покойным NN» — раскрывая зашифрованное имя уже несколькими абзацами ниже: «Я помню, как Кузмин сам объяснял конец одного довольно-таки непонятого стихотворения» [15, с. 205, 206]. Таким образом, за Кузминым в художественном пространстве «Les Promenades dans Les Environs de L'Amour» остается безусловное право на поэтическое выражение любовного чувства.

В повести Петрова стихотворения Кузмина не цитируются прямо, однако сама ситуация — проекция влюбленности в медсестру Веру на любовную историю XVIII в. — отсылает к стилизациям Кузмина (см. у Петрова воспоминание о Кузмине как об «аббате XVIII столетия» [27, с. 166]), а название — к кузминскому рондо 1909 г. «Надпись на книге». Сюжетная ситуация повести, погружение героя в книжный XVIII в., отчасти задана началом стихотворения Кузмина «Конец второго тома»: «Я шел дорожкой Павловского парка, / Читая про какую-то Элизу / Восьмнадцатого века ерунду» [13, с. 509].

Более того, герой Петрова (которому приданы автобиографические черты) рассуждает о XVIII в. следующим образом: «Значит, есть и в восемнадцатом веке — таком совершенном и обреченном смерти — черты юности и несовершенства, которые тянутся в будущее и разрешаются в романтизме» [26, с. 75]; или: «Восемнадцатый век был таким же живым, как наш; ведь Вера не стилизованная пастушка, в ней по-настоящему живет Манон Леско, в ней нет ничего, кроме любви и готовности принимать любовь» [26, с. 94]. В этих фразах отчетливо видно влияние позиции Кузмина по отношению к предромантической культуре, которую поэт считал особенно витальной и оптимистической, о чем писал, например, в рецензии на постановку «Слуги двух господ» (1921):

Ни важное, героическое искусство XVII века, ни шарахнувшийся действительности, ушедший в отвлеченности и причуды романтизм начала XIX века не имеют этого влюбленного трепета жизни, как произведения второй половины XVIII века. <...> Конечно, это явление было бессознательным, бессознательной была эта торопливость и жадность к настоящим и вздорным радостям и горестям будничной жизни [12, с. 568];

или в характеристике Л.В. Собинова, написанной годом позже:

Вторая отличительная черта этого удивительного артиста — это его обреченная молодость и влюбленность. Особенно влюбленность восемнадцатого века, легкая, сладостная и сентиментальная [12, с. 442].

Впрочем, последняя цитата из критической статьи Кузмина исчерпывающе описывает также художественную атмосферу и прагматику повести Ракова.

Обращение к наследию Кузмина было стимулировано в первую очередь личными контактами: и Раков, и Петров были молодыми друзьями поэта, завсегдатаями его дома. Ракову, с которым Кузмин познакомился осенью 1923 г., посвящена книга «Новый Гуль» (1924) и несколько стихотворений. Петров стал постоянным посетителем Кузмина значительно позже, в начале 1930-х (см. частое упоминание его в дневнике 1934 г. [14, с. 403–404]²). Однако если внимательнее присмотреться к скрытым проявлениям, своего рода кузминским

² См. также воспоминания Петрова о Кузмине «Калиостро. (Воспоминания и размышления о М.А. Кузмине)»: [27, с. 127–181].

«подземным ручьям» отсутствующей в публичном пространстве 1930–1960-х гг. культуры, становится заметным более широкое влияние личности и творчества Кузмина на ее представителей. Об этой незамеченной традиции, ее прагматике и ее агентах и пойдет речь в настоящей статье.

Но прежде нужно вернуться на несколько десятилетий назад и обратиться к первым опытам Кузмина в создании собственных литературных кружков и направлений. Исследователями неоднократно отмечалось, что изолированность Кузмина от литературных направлений и групп — скорее конструкт, сформированный во многом под влиянием поздних высказываний автора³. На деле Кузмин не только не чуждался групповых форм существования литературы, но активно использовал их; по всей видимости, роль «мэтра» всегда была для него привлекательна. Первую попытку собрать вокруг себя молодых поэтов Кузмин предпринял сразу после выхода своих первых книг, осенью 1907 г. Шестеро гимназистов, из которых доподлинно известен только один (будущий критик и литературовед Д.П. Святополк-Мирский), были привлечены Кузминым к постановке вокального цикла «Куранты любви». Постановка состоялась 30 ноября 1907 г. и оглушительно провалилась⁴.

В этом предприятии впервые была отражена позиция Кузмина по отношению к литературному наставничеству. Во-первых, хотя Кузмин очевидно был душой и организационным центром этого кружка, в своих дневнике и письмах он демонстративно отказывается брать на себя роль идеологического «центра», подчеркивая равноправность участников постановки и общность их интересов («Был на репетиции, видел и Дмитриева, и Локкенберга, последний просил, будто ничего не зная, ничего не менять в эскизах. Обстановка даже любительской репетиции меня волнует» — запись от 27 ноября 1907 г. [11, с. 428]). Во-вторых, Кузмин организует кружок осенью 1907 г., сразу после разгромной кампании в прессе, направленной против его «порнографической» повести «Крылья»⁵. В атмосфере критики появление группы молодых последователей не только было эпатажным заявлением, но и показывало прочность позиций Кузмина. Однако положительной программы сама группа не имела, Кузмина интересовала мало и вскоре распалась.

³ См. об этом: [16, с. 45–50]. О взглядах Кузмина на литературные группы см.: [25, с. 161–165].

⁴ Подробнее об этой истории см.: [3, с. 99–116].

⁵ См. его письмо В.Ф. Нувелю от 3 июля 1907 г. [3, с. 267]. О ситуации 1907 г. в контексте литературной репутации Кузмина см.: [25, с. 173–174].

Но именно в те годы закладывается представление Кузмина о литературном объединении как о кружке «любящих и ценящих друг друга людей <...> потому что где же и расцветать искусству, как не в атмосфере дружбы и любви?» — как он напишет позже в статье «Раздумья и недоумения Петра Отшельника» (1914) [12, с. 361].

Вторым опытом собственного литературного кружка стала группа «Марсельские матросы», организация которой относится к весне-лету 1917 г. В группу вошли молодые поэты Ю.Е. Деген, М.М. Бамдас, Л.В. Берман, В.В. Курдюмов, Б.Е. Рапгоф (писавший под псевдонимом Евгеньев) и Ю.И. Юркун. К 1917 г. это были авторы, уже обладавшие некоторым опытом и ищущие лидера, вокруг которого они могли бы сплотиться. Принципы объединения отчасти проговорены в предисловии, которое Кузмин предпослал сборнику Бамдаса «Предрассветный ветер»: в нем он хвалит прежде всего «тон, свой тон, скорее даже человека, чем поэта» [12, с. 487]. На желаемые отношения между мэтром и его протеже намекает финал предисловия: «Может быть, г-ну Бамдасу надоест писать песни и он займется торговлей, путешествиями — кто знает?» [12, с. 487]. Сравнивая молодого поэта с Артюром Рембо, Кузмин принимает на себя роль Верлена — авторитета, но не наставника в творчестве. Однако из наблюдений над поэзией «матросов» следует ровно противоположное: их «уникальный» голос во многом был перенят у самого Кузмина. По всей видимости, репутация «матросов» как группы, каждый член которой был внутренне независим в своем творчестве, отвечала представлениям Кузмина об идеальном литературном содружестве, и ради этого он готов был не замечать своего реального влияния на молодых поэтов. Кроме того, «Марсельские матросы» были затеяны, как и кружок гимназистов, в кризисный для репутации Кузмина этап: его творчество 1917 г. подвергалось осмеянию, и круг последователей мог упрочить пошатнувшееся положение⁶.

Во многом эти же причины лежали в основе третьего проекта Кузмина, объединения эмоционалистов, собранного в первой половине 1920-х гг. По сравнению с предыдущими кружками это была более солидная группа, собранная по правилам группового выступления 1920-х: у эмоционалистов был свой печатный орган (альманахи «Часы» и «Абраксас»), манифесты, публичные выступления. Ядро группы составили известные писатели (А.Д. Радлова, С.Э. Радлов), в том числе с устоявшейся репутацией (в альманахах вышли про-

⁶ Подробнее о «матросах» см.: [9; 24].

изведения В.Б. Шкловского, А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама) или даже отчасти культовые (В. Хлебников)⁷. Однако и эта группа просуществовала недолго.

Если попытаться выделить причины неудач кузминских кружков, то можно наметить следующие тенденции: отсутствие общей идеи; дисбаланс между ярким харизматичным лидером и эпигонами; искусственное соединение принципиально разных талантов. Кроме того, ни одно из объединений в полной мере не отвечало требованиям Кузмина к литературной группе как к кругу единомышленников. Желаемая Кузминым форма сталкивалась с реалиями: эпоха требовала заметных проектов и ярких выступлений, но ничто не противоречило духу свободного содружества больше, чем выпуск манифестов и альманахов.

В середине 1920-х гг. историко-культурная ситуация заметно изменилась, что отразилось на репутации Кузмина. Некогда бывший одним из главных деятелей культуры Петрограда, он постепенно теряет свой статус: сборник «Условности: Статьи об искусстве» (1923) прошел незамеченным, как и сборник стихов «Новый Гуль» (1924). Главная поэтическая книга Кузмина тех лет, «Параболы», была выпущена в Берлине в конце 1922 г. и до советской России так и не добралась⁸. Закончилось долгое сотрудничество Кузмина с газетой «Жизнь искусства»; количество рецензий неуклонно снижалось, как и число опубликованных художественных произведений. Кузмин все больше уходил из публичной сферы в интимную, домашнюю, почти незаметную.

Но именно с середины 1920-х гг. в доме Кузмина складывается новое содружество. В 1922 г. Кузмин знакомится с поэтом и прозаиком К.К. Вагиновым⁹ и с переводчиком И.А. Лихачевым¹⁰. В октябре 1923 г. — со студентом Львом Раковым¹¹. В начале 1924 г. в доме Кузмина впервые появляется А.И. Введенский, а в конце 1925-го — и Даниил Хармс; со временем «чинари» приводят в этот круг Л.С. Липавского и Н.А. Заболоцкого¹². В 1924 г. Кузмин знакомится

⁷ Об объединении эмоционалистов см.: [25, с. 195–204].

⁸ Историю сборника см.: [30, с. 403–406].

⁹ См. в дневниковой записи от 6 апреля 1922 г.: «Юр. приташил Вагинова». Здесь и далее дневник Кузмина 1922–1926 гг. (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 59–65) цит. по материалам, подготовленным к печати Н.А. Богомоловым, А.С. Пахомовой и К.В. Яковлевой.

¹⁰ Этот год называет сам Лихачев: «С Кузминым я познакомился в 1922 году — кто меня к нему привел, не помню» [17, с. 161].

¹¹ Впервые Раков упоминается в дневнике в записи от 9 октября 1923 г.

¹² О контактах Кузмина с «чинарями», впоследствии — обэриутами, см.: [31].

с А.И. Егуновым, который станет часто бывать у него уже ближе к концу 1920-х¹³. Наконец, в 1933 г. в круг Кузмина вошел Всеволод Петров [27, с. 130]. При ближайшем рассмотрении этих людей объединяет несколько факторов. Во-первых, несмотря на разницу в возрасте (заметно старше всех Егунов (1895 г. р.) и младше — Петров (1912 г. р.)), это представители одного литературного поколения. В литературу они вошли уже в 1920-е гг., в момент усиливающегося идеологического диктата, и почти не застали свободной литературной жизни 1910-х. Следовательно, эти писатели отстоят от Кузмина на два шага: это не следующее поколение, каким были «матросы» или эмоционалисты, а поколение через поколение — своего рода литературные внуки.

Другим существенным обстоятельством оказывается то, что для этого поколения писателей Кузмин более не воспринимается как образец для подражания. В то время как у «Марсельских матросов» можно найти прямое следование поэтике Кузмина¹⁴, в произведениях молодых писателей конца 1920-х гг. нет заимствования кузминских тем и мотивов, есть скорее их творческая переработка. Такой «двойной разрыв» (поколенческий и творческий) обеспечивает значительную самостоятельность каждого из авторов.

Немаловажным фактором в установлении этой общности становится контекст эпохи, в которой постепенно проявляется расслоение культуры на «официальную» и «неофициальную». Постановление политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. объявило писателя «социально-классовым явлением», а «руководство в области литературы» препоручалось «рабочему классу в целом». Годом спустя, в 1926 г., выходит книга стихов малоизвестного поэта Е.Г. Геркена, к которой Кузмин написал предисловие. В нем Кузмин размышляет о статусе поэта и приходит к следующей мысли: «Я не берусь сказать, что

¹³ Первое упоминание Егунова см. в дневниковой записи от 7 апреля 1924 г.

¹⁴ См., например, поэзию Ю. Дегена, который старательно перечислял в своих стихах свойства ранней кузминской лирике («мелочи»: «...завиток оранжевый узора, / он поймет, он поймет! — / <...> мне остались рыжие перчатки / с милых рук, с милых рук») («На обоях плоские лошадки...») (Деген Ю. Поэма о солнце. [Тифлис], 1918. С. 17) или начальное стихотворение из «Предрасветного ветра» М. Бамдаса «В переполненной маленькой комнате...», которое отсылает к «Моим предкам», заглавному стихотворению первой книги стихов Кузмина. Ср. у Кузмина: «Моряки старинных фамилий, / влюбленные в далекие горизонты, / пьющие вино в темных портах, / обнимая веселых иностранок; / франты тридцатых годов...» [13, с. 57]; у Бамдаса: «В переполненной маленькой комнате / так странно шумят / по французски и итальянски / актеры из цирка и варьете, / клерки иностранных контор...» (Бамдас М. Предрасветный ветер: Стихи. Пг., 1917. С. 7).

поэзия — вся жизнь Геркена, но что он поэт — это несомненно» [12, с. 492]. Поэт для Кузмина — категория, не подлежащая внешнему анализу, а поэзия — автономная область, которая минимально соприкасается с текущей действительностью:

...всякий, кто даст себе труд по стихам Геркена представить себе характер поэта, должен будет счесть за особую тактичность с его стороны то, что он и не берется за темы специально современные, политические и революционные. Темы его — дружба, любовь, чувство природы — всегда современны. Может быть, в 1918–1919 году, когда временно мысли были заняты совсем другим, эта книжка была бы несколько неуместной или лишней, но теперь, в 1926 году, через пламенные призывы к борьбе можно уже различать голос простых человеческих чувств, вовсе не подлежащих упразднению, а наоборот, утверждающих радостную и крепкую жизнь [12, с. 492].

В этом предисловии Кузмин фактически повторяет свою статью десятилетней давности «Скачущая современность» (1916), где он также провозглашал право художника на независимость мнения и взгляда от актуальных требований эпохи: «Если художник изображает себя, даже творит (потому что он — не отражатель, не изобразитель, не описатель) свой мир, то он несомненно будет современен, находясь в известном времени» [12, с. 607]. Однако в 1926 г. такие идеи звучат заметно более идеологизировано. Кузмин негласно создает совершенно определенную творческую атмосферу: не просто изолированную от «пламенных призывов» 1920-х, но прямо противостоящую ей. Способы, с помощью которых Кузмин организует свой круг, демонстративно архаичны и наследуют атмосфере дореволюционных салонов: так, формирующим фактором для этого круга становится не групповая платформа, манифест или альманах, а устное чтение и обсуждение текстов, в том числе интимных (дневник). Таким образом, появляется возможность говорить о круге Кузмина конца 1920-х – начала 1930-х гг. как о своеобразном эмоциональном сообществе (в терминах Б. Розенвейн)¹⁵, члены которого разделяют общие эмоциональные и телесные практики как

¹⁵ Предлагая такое соотнесение, мы во многом следуем подходу Д.М. Бреслера, который пишет: «В некотором смысле история советской литературы предстает историей тех эмоциональных сообществ, которые Барбара Розенвейн называет текстуальными, в силу интерпретационных практик, формирующих не столько писательские стратегии, сколько нормы выражения литературных впечатлений и эмоций» [4, с. 240].

наиболее неподконтрольные внешним институциям и незаметные для власти.

Однако в конце 1920-х гг. эмоциональная матрица, предлагаемая Кузминым и его кругом, приобретает выраженную идеологическую подоплеку. По наблюдению О.А. Юрьева, культура, существовавшая в пореволюционном Ленинграде, неуклонно расслаивалась на «официальную» и «потаенную», и дом Кузмина «в Ленинграде конца двадцатых – начала тридцатых годов [был] одним из центров (можно, пожалуй, сказать: главным центром) этой параллельной культуры» [32, с. 64], которая становилась уделом тех, кто не хотел отвергать старое во имя социалистического строительства. Одно из объяснений этому феномену предлагает, в частности, Е.Ю. Андреева: «...в 1920–1930-е в городе не утратили свое влияние художники и литераторы из других по отношению к советскому миров: из “Мира искусства” и “Аполлона”, из круга акмеистов, из общества эмоционалистов и т.д. И они не только “живут и работают” <...> но и создают свои главные шедевры, достаточно вспомнить “Форель разбивает лед” Кузмина или “Поэму без героя” и “Реквием” Ахматовой...» [2, с. 20]. Неофициальная, «домашняя» культура была в первую очередь сферой влияния «бывших» — некогда знаменитых, а теперь оттесненных на обочину культурного процесса писателей и художников, каковыми были в те годы Кузмин, Ахматова, Сологуб и др. Важным свойством этой культуры стала устремленность в прошлое, которое, превратившись в деидеологизированное пространство свободного творчества, обрело новый ценностный статус. Это вело к повышению ценности медиаторов, связующих с дореволюционной эпохой. По воспоминаниям Петрова: «В начале тридцатых годов Кузмин был, мало сказать, очень известен — он был знаменит. <...> Литературные и околотитературные юноши моего поколения отлично знали книги Кузмина» [27, с. 131–132].

Перемены в эти годы происходят и в творчестве Кузмина. Сложившаяся после выхода его первых литературных произведений репутация поэта «прекрасной ясности», одновременно «монаха» и «порнографа», «древнего александрийца» и «апостола эстетов» оказалась удивительно устойчивой и долгие годы препятствовала восприятию новых текстов писателя, каждый раз словно отбрасывая его назад, к славе 1900-х¹⁶. Творчество Кузмина с середины 1910-х по середину 1920-х гг. можно представить как постоянное сражение с собственной устоявшейся славой, которое раз за разом терпело

¹⁶ См. об этом: [25, с. 22–40].

поражение, когда рецензенты осмыслили новую поэтику автора как продолжение «Сетей» или «Осенних озер»¹⁷. Однако в конце 1920-х гг. Кузмин очевидно меняет тенденцию. Знаком этого становится центральная одноименная часть сборника «Форель разбивает лед» и ее ориентация на культурный контекст 1900–1910-х гг., что задано уже во «Втором вступлении»:

Художник утонувший
Топочет каблучком,
За ним гусарский мальчик
С простреленным виском...

А вы и не дождались,
О, мистер Дориан, —
Зачем же так свободно
Садитесь на диван?

Ну, память-экономка,
Воображенье-boy,
Не пропущу вам даром
Проделки я такой! [13, с. 532]

Этот текст, как и сон, вдохновивший Кузмина на создание «Форели»¹⁸, обращается к событиям и героям начала 1910-х гг.

¹⁷ См.: *Голлербах Э.* Радостный путник. (О творчестве М. Кузмина) // Книга и революция. 1922. № 3 (15). С. 42–45. Приведем характерную цитату: «С тех пор прошло 15 лет. Кузмин не изменил своему *grado*. По-прежнему неясные и странные желанья владеют его душой, по-прежнему смутно и мятежно бьется его сердце. <...> Я не верю (искренне и упорно), что М.А. родился в Ярославле, 6-го октября 1875 г., что вырос он в Саратове и Петербурге. Это только приснилось ему в “здешней” жизнь. Он родился в Египте, между Средиземным морем и озером Мареотие, на родине Эвклида, Оригена и Филона, в солнечной Александрии, во времена Птолемея. Он родился сыном эллина и египтянки, и только в XVIII-ом веке влилась в его жилы французская кровь, а в 1875-ом году — русская. Все это забылось в цепи перевоплощений, но осталась вещая память подсознательной жизни: он любил Александрию и вот — не в силах разлюбить ее на берегах Невы» (с. 43).

¹⁸ См. запись в дневнике Кузмина от 4 августа 1926 г.: «Вчера страшный сон. Комната новая, большая, но очень уединенная, ничего ни извне ни из нее не слышно. <...> Гость. Незнакомый, смутно что-то вспоминаю. Обычное “Вы меня не узнаете, мы встречались там-то и там-то”. Чем-то мне не нравится, вызывает страх и отвращенье. Еще стук. “Наверное, Сапунов” говорит. Ужас. Действ<ительно>, Сапунов. Юр. <Ю. Юркун> уже тут каким-то чудом. Ник<лай> Ник<олаевич Сапунов> тот же, только постарел и немного опух. Я в крайнем ужасе крещу его “Да воскр<еснет> Бог” и “Отче наш”. Он весь перекосялся от злости. — Однако вы любезно, Мигуэль, встречаете старых друзей. — Вот еще будут ко мне таскаться всякие покойники! — Теперь я ясно знаю, что я первый умерший. <...> Новый

(гибель Н.Н. Сапунова — 1912 г., В.Г. Князева — 1913). Возвращаясь к 1910-м гг. из конца 1920-х, Кузмин словно изымает из собственной (и культурной) истории около полутора десятков лет, на которые пришлось самые тяжелые события — война, революция, установление новой власти. Память становится основным пространством для творчества и его источником. Главным текстом, отражающим эту тенденцию, можно назвать дневник 1934 года, значительно отличающийся от дневников, которые Кузмин вел десятилетиями ранее: вместо скупых подневных записей, фиксирующих рутину и быт, дневник 1934 года выстроен как художественное произведение, центральной темой которого становится рефлексия над прожитой жизнью. Вероятно, похожими Кузмин видел и свои будущие книги. Так, например, он пишет о (несостоявшемся) сборнике «Урок ручья»:

Урок ручья. Так будет называться следующая книга стихов. Я знаю, что там будет, пусть говорят стихи, но я никогда не забуду прогулки к этому ручью вдоль Тярлевского шоссе под вечер. Конкретно я вспоминал о Сомове, но под этим предлогом тихо, тепло и весело вскипали надежды, силы, чувства, прозрачные и умиротворенные, и чудесная жизнь, каждый поворот которой волшебен, если у нее центр — любовь [14, с. 72]¹⁹.

Здесь нужно отметить сразу несколько важных тенденций. Кузмин перестает противиться собственной репутации, отсылающей к началу XX в., а напротив — делает эту эпоху полноправным актором своего творчества, а себя — ее репрезентантом и хранителем. Иными словами, Кузмин запускает процесс мемориализации, превращения себя, своего творчества и своей эпохи в воплощенную память, к которой приобщает небольшой круг молодых последователей, обеспечивая трансмиссию как поэтической, так и культурной традиции в целом. Поэт связывал молодых писателей с культурой, которую те не застали, но которая представлялась им единственной альтернативой все более советской литературе.

Наше предположение иллюстрирует рецепция в кругу Кузмина цикла «Форель разбивает лед». Его можно назвать подтекстом романа Андрея Николева (А.Н. Егунова) «По ту сторону Тулы» (1931).

гость. Заведомый покойник. <...> Расспросил о друзьях. “Да, мы слышали от того-то и того-то (недавно умерших)”. Как они там говорят, шепчутся, злобствуют, ждут, манят. “У нас вас очень ценят”. Будто в другой стране. Загробная память еще при жизни...».

¹⁹ О памяти как творческом принципе поэтики позднего Кузмина см.: [33].

Как название, так и содержание романа закодировано в строчке из «Первого удара» кузминского цикла: «Исландия, Гренландия и Тулэ, / Зеленый край за паром голубым...» — неслучайно, помимо других контекстов, что Сергей, герой романа, специалист по древне-исландской литературе. Гомоэротический подтекст отношений Федора и Сергея из романа Егунова, усиленный мотивом двойничества, своеобразно преломляет сюжетную коллизию «Форели». Однако еще более отчетливо «Форель» видна в подтексте поэмы «Беспредметная юность» Егунова, где уже прямо проигрывается сюжет кузминского цикла: любви-двойничеству героев (Унтера и Фельда) препятствует влюбленность Унтера в девушку Лизу. О схожем конфликте в кузминском цикле Л.Г. Панова пишет так: «Мужской союз не только испытывается на прочность женщиной по имени Эллинор, которую партнер-1 разглядывает в опере (Первый удар), но и как бы “осеняется” ею» [23, с. 117]²⁰. Образ самого унтера, в котором читаются отсылки к Всеволоду Князеву («гусарскому мальчику» из «Форели»), тесно связан с водой — как и в «Форели», где водная стихия как становится препятствием для любящих, так и соединяет их в финале²¹.

«Форель разбивает лед» выступает кодирующим текстом и для части произведений Л. Ракова — например, для стихов, сочиненных им в тюрьме в 1938–1939 гг., где есть такие, например, строки:

Так проводил я старый год,
Так встретил нового приход.
Я счастья нового не звал:
Возврата старого желал...

Я провожаю день за днем,
Брожу по камере кругом;
Не жизнь, не смерть, не ночь, не день.
И даже собственная тень
Казаться стала мне чужой,
Как будто брошена не мной.
Хожу по камере один,
А рядом странный господин:
Усов колечки, борода... [15, с. 168]

²⁰ См. также классический анализ кузминского цикла в: [8].

²¹ Множество кузминских подтекстов учтено М. Маурицио: [18, с. 17–18, 142, 158, 173], однако влияние на поэму цикла «Форель разбивает лед» осталось за рамками этого исследования.

В этом тексте заметны следы «Двенадцатого удара» и сцены празднования нового года, а также тема двойничества и собственной «тени». Впрочем, двойничество становится в эти годы центральной темой произведений и К.К. Вагинова, что особенно ярко проявилось в его позднем сборнике «Звукоподобие» в таких, например, текстах: «Он не был пьян, он не был болен — / Он просто встретил сам себя» («Нарцисс») или «Он с юностью своей, как должно, распрощался / И двойника, как смерти, испугался...» [6, с. 146, 147].

Знание «Форели» и о «Форели» приобретает для представителей кузминского круга особую консолидирующую силу. Так, Егунов в последние годы жизни хотел написать комментарий к «Форели», о чем сохранилось его письмо вдове Юркуна О.Н. Гильдебранд-Арбениной:

Глубокоуважаемая Ольга Николаевна! Если бы дело не касалось русской литературы, я бы не посмел Вас беспокоить. Творчество М.А. Кузмина привлекает теперь внимание исследователей. Я пытаюсь, в помощь молодому поколению, прокомментировать первую пьесу в сборнике «Форель», т. е. вскрыть многочисленные там литературные, музыкальные и иные реминисценции, явные и глухие ссылки и т. п.... (письмо от 1 декабря 1967 г., цит. по: [5, с. 133]).

Комментарий к кузминскому циклу примерно в те же годы давал и Лихачев: «Иван Алексеевич помог мне составить реальный комментарий к поэме Кузмина “Форель разбивает лед”. Сказал, в частности, что “красавица, как полотно Брюллова” — Анна Радлова, герои “Четвертого удара” — Клюев и Есенин и что в “Четвертом ударе” Кузмин описывает в зашифрованном виде поездку Есенина к Клюеву во Льгов, которая состоялась в 1915 или 1916 году, что “кавалер умученных Жизелей” — намек на убийцу балерины Лидочки Ивановой» [21, с. 253–254]. Даже учитывая спорность некоторых трактовок Лихачева, заметны следы общего процесса — мемориализации ушедшей эпохи, хранителями которой в 1960-е гг. стали себя ощущать молодые друзья Кузмина, на чьи плечи легла ответственность передать память новому поколению.

Однако трансмиссия памяти приобретала не только литературный характер. Оказавшись в роли наследников эпохи, бывшие посетители кузминского дома транслировали модель литературного кружка, которую усвоили от своего мэтра. Почти каждый посетитель дома Кузмина из обозначенного нами круга, переживший войну и репрессии, стал центром уже своего домашнего объедине-

ния. В первую очередь это справедливо по отношению к Егунову и Лихачеву: они превратились в мэтров для ленинградских поэтов и филологов 1960-х гг. (Л.Н. Черткова, Т.Л. Никольской, Анри Волохонского и др.). Егунов печатался в журнале поэтов-трансфуристов «Транспонанс», а также в ключевом для ленинградского андеграунда 1970–1980-х гг. журнале «Часы». Раков стал патроном фотографа и поэта Е.М. Шадрова (писавшего под псевдонимом Игорь Нерцев). О посещении Петрова Н.И. Николаев оставил такие воспоминания:

С конца 1960-х мы ходили к замечательному искусствоведу Всеволоду Николаевичу Петрову <...> В одну из последних встреч, весной 1978 года (вскоре Всеволода Николаевича не стало), я привел к нему А. Миронова, чтобы послушать «Фонтанный Дом». <...> Когда А. Миронов прочитал, Вс.Н. вдруг встал, ни слова не говоря подошел к письменному столу у окна, взял листки и, вернувшись, прочитал отрывок — страничку — из «Фонтанного Дома», где он описывает свое впечатление от первой встречи с Анной Ахматовой. Это место он всякий раз читал с необыкновенным волнением, которое передавалось слушателям... [20, с. 380–381].

Круг друзей Кузмина наследовал той модели, которую некогда завел в своем доме старший поэт — дружеского собрания людей всех возрастов, взаимного подшучивания, неизменного чая и чтения вслух:

В доме Ивана Алексеевича <Лихачева> не было ни малейшей чопорности. Разницы в возрасте между хозяином и гостями не чувствовалось. Царил стиль добродушно-иронического обхамления [21, с. 256];

Беседы обычно текли плавно и неторопливо. Тон задавал хозяин, которого я ни разу не видела раздраженным, возмущенным или восторженным. Казалось, девизом Андрея Николаевича <Егунова> были слова Архилоха: «В меру радуйся удаче, в меру в горестях тужи». <...> В комнате было тесновато, и когда настало время пить чай, хозяин обычно говорил: «А теперь займемся столоверчением». Письменный стол задвигался в угол, а на середину комнаты выдвигался небольшой круглый стол, за которым происходило чаепитие. Чай Андрей Николаевич всегда заваривал сам и сам разливал гостям. Обязательной частью вечера было чтение вслух [21, с. 262].

Можно осторожно обобщить, что именно кружковая культура сыграла большую роль в формировании неподцензурной литературы, представители которой были объединены не только набором общих имен и текстов, но и общей памятью и эмоциональной матрицей — ощущением живой связи с давно ушедшими авторами.

Разумеется, культ Кузмина не был единственным примером ретрансляции утерянных смыслов и поддержания традиции. В 1950–1960-е гг. повсеместно возникают подобные точки схождения — едва ли не каждый писатель, начавший свою деятельность в 1910–1920-е гг., притягивает молодых авторов, которые видят в нем возможность прикоснуться к несоветской культурной традиции. Общеизвестно обращение молодых писателей к мэтрам: Б.Л. Пастернаку²², А.А. Ахматовой²³. Квартира Н.Я. Мандельштам становится центром трансляции знания о литературе и быте первой трети XX в.²⁴ Деятели русского литературного авангарда превращаются в знаковые фигуры для нового поколения авангардистов: так, Г.Н. Айги тесно общался с А.Е. Крученых²⁵, Н.Н. Асеев написал предисловие к книге В.А. Сосноры «Январский ливень» (1962), И.В. Бахтерев и Василиск Гнедов были включены авторами альманаха «Транспонанс» Сергеем Сигеем и Ры Никоновой в число поэтов-трансфуристов, а Крученых — в число их предшественников²⁶ и т. д. Однако, по наблюдению Е. Андреевой, подобная изузстная передача наследия и сохранение культурной памяти более характерны для культуры Ленинграда: «...в искусстве Ленинграда на переходах от 1910-х к 1920-м и далее <...> наблюдается не столько наследование в рамках школы и институтов, сколько свободный ток творческой энергии, ее передача заумным — нерегистрируемым от учителя к ученику — путем» [2, с. 40]. В 1960-е гг. Я.С. Друскин становится хранителем и комментатором неизвестного литературной молодежи

²² См. об этом воспоминания А.А. Вознесенского «Мне 14 лет» и описания камерных литературных чтений в доме Пастернака в Переделкине [7, с. 573–577]

²³ Здесь уместно вспомнить не только близкий круг поэтов, сложившийся вокруг Ахматовой (Е. Рейн, А. Найман, Д. Бобышев, И. Бродский), но и мемуары о ее посещениях начинающими литераторами, например, Т.Л. Никольской в 1962 г. [22, с. 3–4].

²⁴ См. в воспоминаниях Л. Сергеевой: «С Надеждой Яковлевной дружили многие люди, знаменитые и не очень, старые и молодые, богатые и бедные — все толклись на ее кухне: появилась в Москве не только “ахматовка”, но и “мандельштамовка”. К ней стали приходить иностранцы, слависты из Европы и США...» [28, с. 402].

²⁵ См. об этом в статье об А.Е. Крученых, подготовленной Г.Н. Айги для вышедшей антологии русского поэтического авангарда: [1, с. 79–84].

²⁶ См. состав журнала «Транспонанс» (№ 9), в который включены стихи Гнедова, воспоминания Вл. Эрля о встрече с А.Е. Крученых, стихи А. Таршис «Памяти Крученых», а также статья С. Сигея «Изобретение Гнедова».

тех лет наследия поэтов группы ОБЭРИУ²⁷. Культовой фигурой для поколения писателей 1950–1960-х был даже не слишком известный при жизни К.К. Вагинов [4].

Почему фигура полузабытого к тому времени Кузмина приобрела консолидирующий потенциал? Первым важным обстоятельством стала непредставленность Кузмина в официальной печати и в литературном каноне середины XX в. Как писал В.Б. Кривулин, для него и представителей его поколения «любое слово, проникшее в печать, воспринималось <...> с недоверием и едва ли не с омерзением, как фарш, пропущенный сквозь цензорскую мясорубку. Независимая культура выростала из фундаментального недоверия к любым подцензурным формам художественной деятельности» [10, с. 186]. Уже после 1924 г. стихотворения и статьи Кузмина появляются в печати исчезающе редко, проза не печатается вовсе; последний прижизненный сборник вышел в свет в 1929 г., а первые посмертные книги — только в 1989 г.²⁸ Совокупно это создавало ситуацию значимого отсутствия текстов, которое заполнялось «догуттенберговским способом» — устным рассказыванием. Так, первоначально исключительно в памяти Лихачева сохранился текст стихотворения 1926 г. «Переселенцы», Петров запомнил стихотворение «Не губернаторша сидела с офицером...» и отрывок, посвященный историку А.А. Степанову [27, с. 160, 167]²⁹. Лихачев оставил чрезвычайно ценные воспоминания о заглавиях несохранившихся стихотворений, циклов и сборников Кузмина: «После “Форели” он написал несколько циклов — “Тристан”, “Простой мир”, “Фугу” — очевидно, они пропали при обыске, — которые охотно читал. Как охотно читал и дневник последних лет...» [17, с. 162]. Транслируемый в кругу бывших посетителей кузминского дома набор его текстов, таким образом, отличался от «официального» не только по степени (не) представленности, но и по способу трансмиссии — устная передача

²⁷ См., например, преамбулу М.Б. Мейлаха к «Вестникам и их разговорам» Друскина: «В середине 60-х годов, работая в доме Я.С. Друскина с архивом Введенского и Хармса, я заинтересовался ранними произведениями самого Якова Семеновича, который был настолько щедр, что в течении двух лет читал их со мною “ex cathedra”, сопровождая чтение своими пояснениями <...> Пояснения Якова Семеновича мною записывались — так был зафиксирован ценнейший автокомментарий к его философским сочинениям 20-х – 30-х годов» [19, с. 90].

²⁸ *Кузмин М.А.* Стихи и проза / вступ. ст. Е.В. Ермиловой. М.: Современник, 1989; *Кузмин М.А.* Стихотворения. Поэмы / сост., вступ. ст. и примеч. С.С. Куняева. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1989. За границей произведения Кузмина были опубликованы чуть раньше: *Кузмин М.А.* Собрание стихов: [в 3 т.]. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977.

²⁹ См. там же историю «Переселенцев»: [27, с. 177–180].

должна была ощущаться более подлинной и достоверной с точки зрения молодых неподцензурных поэтов, не доверявших советской печати.

В то же время Кузмин не был официально запрещен в Советском Союзе. Хотя фамилия Кузмина уничижительно упоминается в докладе А.А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»³⁰, некоторые его переводы продолжали выходить (прежде всего, «Метаморфозы» Апулея³¹ или «Хроника времен Карла IX» Проспера Мериме). Можно предположить, что поэтому цитирование и публичное чтение произведений Кузмина в 1960-е гг. не несло тех последствий, которые могло иметь обращение, например, к творчеству однозначно запрещенного Н.С. Гумилева [29, с. 426–428]. Кузмин был идеальным поэтом «для узкого круга», безопасным как с точки зрения трансляторов его текстов, так и с точки зрения реципиентов: возможно, именно поэтому старшие поэты не боялись его цитировать, а младшие — слушать.

Наконец, Кузмин действительно находился у истоков формирования кружковой культуры начала XX в.: она была наиболее свойственной ему формой бытования творчества. Свободное отношение Кузмина к разным писателям и различным творческим платформам привело к тому, что именно вокруг Кузмина во многом группировалась петроградская, а затем и ленинградская литература, уже в 1921 г. лишенная своих культовых фигур — Блока и Гумилева. Кузмин, один из самых старших поэтов своего поколения, стал важным творческим ориентиром уже для первых постсимволистов — именно предисловие Кузмина открывает дебютную книгу Ахматовой «Вечер» (1912). Далее его авторитет лишь нарастает, и влияние Кузмина в той или иной мере можно увидеть в поэзии 1920-х гг., в редких творческих побегах 1930-х (Вагинов, Егунов), в произведениях поэтов группы ОБЭРИУ и далее — вплоть до неофициальной литературы времен оттепели. Не пытаюсь представить Кузмина «крестным отцом» всей неофициальной культуры,

³⁰ «Ее <Ахматовой> произведения за последнее время появляются в ленинградских журналах <...>. Это так же удивительно и противоестественно, как если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузьмина <sic!>, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зиновьевой-Аннибал и т. д. и т. п., т. е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве» (Жданов А. Доклады о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов товарища А.А. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. М.: Госполитиздат, 1952. С. 8).

³¹ С 1950-го по 1960 г. вышло минимум четыре издания романа.

мы все же хотим заострить внимание на той роли, которую сыграл его дом, его круг и его влияние на многих значимых поэтов первой трети – середины XX в. Во многом именно Кузмин как культовая фигура был центром того клубка, от которого расходились ниточки, связывающие разные традиции и разных авторов.

Циркуляция памяти внутри замкнутого круга людей способствовала формированию единого смыслового пространства андеграундной литературы, в которой Кузмин в числе прочих воспринимался как мэтр, один из основателей и создателей текстов, знание которых позволяло отличать «своих». Как кажется, именно поэтому тексты Кузмина появляются в редких неподцензурных изданиях: в журнале «Часы» (1980. № 24) были представлены его ранее не опубликованные стихотворения «Переселенцы» и «Не губернаторша сидела с адъютантом <sic!>». В культовом альманахе «Аполлонь-77» Кузмин с ненапечатанной при жизни прозой «Печка в бане» будет единственным представителем старшего поколения. Писатели неофициальной литературы выстраивают себе генеалогию, назначая в качестве предков в том числе и Кузмина — его творчество и публичный образ мемориализуются и становятся пространством общей памяти, альтернативным каноном. Однако в случае Кузмина общность памяти усиливается еще и материальностью ее трансмиссии, передачей через совместные практики собраний, дружеских кружков, чаепития и чтения вслух.

Таким образом, отсутствие Кузмина в официальном литературном дискурсе середины XX в. оборачивается его присутствием в литературе неофициальной, в создании и оформлении которой он косвенным образом принял участие.

Литература

1. *Айги Г.Н.* «Творцы будущих знаков»: Русский поэтический авангард. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2011. 157 с.
2. *Андреева Е.Ю.* Мультиэкранное время: Искусство XX – начала XXI веков. СПб.: ДА, 2023. 272 с.
3. *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы. М.: НЛЮ, 1995. 367 с.
4. *Бреслер Д.М.* Советские «эмоционалисты»: Чтение Вагинова в 1960–1980-е // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 233–259.
5. *Бреслер Д., Константинова К.* Андрей Егунов в 1920–1930-е годы // Николов А. По ту сторону Тулы. М.: Носорог, 2022. С. 131–145.
6. *Вагинов К.К.* Песня слов / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. А.Г. Герасимовой. М.: ОГИ, 2012. 368 с.

7. *Вознесенский А.А.* Мне 14 лет // *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч. с приложениями: в 11 т. М.: Слово, 2005. Т. XI. С. 570–609.
8. *Гаспаров Б.М.* Еще раз о прекрасной ясности: Эстетика М. Кузмина в зеркале ее символического воплощения в поэме «Форесть разбивает лед» // *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin* / ed. by J.E. Malmstad. Wien: E. Zeuner Publ., 1989. P. 83–114.
9. *Дмитриев П.В.* «Капитан один не в счет...»: М. Кузмин и «Марсельские матросы» // *Литературный факт.* 2021. № 1 (19). С. 163–180. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-163-180>
10. *Кривулин В.* У истоков независимой культуры // *Звезда.* 1990. № 1. С. 184–188.
11. *Кузмин М.А.* Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.
12. *Кузмин М.А.* Проза и эссеистика: в 3 т. М.: Аграф, 2000. Т. 3: Эссеистика. Критика / сост., подгот. текстов и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. 768 с.
13. *Кузмин М.А.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1999. 832 с.
14. *Кузмин М.* Дневник 1934 года / под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
15. Лев Львович Раков: Творческое наследие. Жизненный путь / авт.-сост. А.Л. Ракова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 464 с.
16. *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. 703 с.
17. *Лихачев И.А.* О Кузмине / публ., вступ. заметка и примеч. Ж. Шерона // *Звезда.* 2014. № 9. С. 161–163.
18. *Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Егунова: Текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. 254 с.
19. *Мейлах М.* Яков Друскин: «Вестники и их разговоры» // *Логос.* 1993. № 4. С. 89–90.
20. *Николаев Н.И.* Воспоминания о поэзии Александра Миронова // *Петербургская поэзия в лицах: Очерки* / сост. Б. Иванов. М.: НЛЮ, 2011. С. 369–389.
21. *Никольская Т.Л.* Авангард и окрестности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 320 с.
22. *Никольская Т.Л.* Спасибо, что вы были. СПб.: Юолукка, 2014. 220 с.
23. *Панова Л.Г.* «Форесть разбивает лед» (1927): Диалектика любви. Статья 1. Сюжет, структура, эстетика // *Седьмая международная Летняя школа по русской литературе: статьи и материалы.* 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Свое изд-во, 2012. С. 111–129.
24. *Пахомова А.С.* Кудаплыли «Марсельские матросы» в 1917 году? // *Литературный факт.* 2021. № 1 (19). С. 181–199. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-181-199>
25. *Пахомова А.С.* Писательская стратегия и литературная репутация М.А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.). Tartu: University of Tartu Press, 2021. 288 с.
26. *Петров В.Н.* Турдейская Манон Леско; Дневник 1942–1945. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022. 264 с.
27. *Петров В.Н.* Турдейская Манон Леско: История одной любви; Воспоминания. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 269 с.

28. «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / сост. П.М. Нерлер. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 733 с.

29. *Тименчик Р.Д.* История культа Гумилева. М.: Мосты культуры, 2018. 640 с.

30. *Тимофеев А.Г.* Комментарии // *Кузмин М.А.* Арена: Избранные стихотворения / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. А.Г. Тимофеева. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 365–470.

31. *Устинов А.* «Чинари» в дневниках Михаила Кузмина // *Литературный факт.* 2021. № 1 (19). С. 200–252. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-200-252>

32. *Юрьев О.А.* Писатель как сотоварищ по выживанию: статьи, эссе и очерки о литературе и не только. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 264 с.

33. *Malmstad J.E.* “You Must Remember This”: Memory’s Shorthand in a Late Poem of Kuzmin // *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin* / ed. by J.E. Malmstad. Wien: E. Zeuner Publ., 1989. P. 115–140.

Research Article

Mikhail Kuzmin’s Circle and the Creation of Unofficial Literature in Leningrad in the Latter Part of the 20th Century

© 2024. Aleksandra S. Pakhomova

National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 19-78-10012 “Writer — Critic — Reader (Mechanisms of Literary Reputation in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries)” (<https://rscf.ru/project/19-78-10012>).

Abstract: The literary reputation and creativity of M.A. Kuzmin has been determined to be influential on the unofficial Leningrad culture of the second half of the 20th century, such as works by L.L. Rakov, V.N. Petrov, A.N. Egunov, and others. The analysis of the texts shows that Kuzmin has a shared creative tradition with close friends and young people. Based on the analysis of their texts and the practice of their transmission, the article concludes that these writers formed a kind of emotional community, a bonded memory of Kuzmin, and knowledge of the crucial texts of the elder poet. Many works of Egunov, Petrov, and Rakov of this kind are “coded” by one text or another or by Kuzmin’s method. In turn, Kuzmin’s young friends in the second half of the 20th century themselves take on the role of “masters,” allowing practices, texts, and pre-revolutionary literary culture that support the following representatives, philologists, poets, and writers of the 1950s–1960s. The figure and texts of Kuzmin in these years form a different, unofficial literature, being perceived by authors who are looking for an alternative to Soviet culture. The structure of Kuzmin’s cult was shaped by historical and cultural factors following his demise. For many years, the

topics that have been advancing on the periphery of Kuzmin's work allow us to raise the question of the real influence of Kuzmin's personality and creativity on the literary culture and literary process of the 20th century.

Keywords: M.A. Kuzmin, L.L. Rakov, V.N. Petrov, A.N. Egunov (Nikolev), literary reputation, unofficial culture, emotional community.

Information about the author: Aleksandra S. Pakhomova, PhD, Senior Lecturer, Department of Philology, St. Petersburg School of Humanities and Arts, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), Kanal Griboyedov Emb., 119–121, 123 A, 190069 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2145-754X>

E-mail: aleks.pakhomova@gmail.com

For citation: Pakhomova, A.S. “Mikhail Kuzmin's Circle and the Creation of Unofficial Literature in Leningrad in the Latter Part of the 20th Century.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 239–262. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-239-262>

References

1. Aigi, G.N. “*Tvortsy budushchikh znakov*”: *Russkii poeticheskii avangard* [*Makers of Future Sights. Russian Poetry Avant-Garde*]. [S. 1.]: Salamandra P.V.V. Publ., 2011. 157 p. (In Russ.)
2. Andreeva, E.Iu. *Mul'tiekrannoe vremia: Iskusstvo XX – nachala XXI vekov* [*Multiscreen Time: Art of the 20th – Early 21st Century*]. St. Petersburg, DA Publ., 2023. 272 p. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. *Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy* [*Mikhail Kuzmin: Works and Materials*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995. 367 p. (In Russ.)
4. Bresler, D.M. “Sovetskie ‘emotsionalisty’: Chtenie Vaginova v 1960–1980-e” [“Soviet ‘Emotionalists’: Reading of K. Vaginov Works in 1960–1980”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, 2020, pp. 233–259. (In Russ.)
5. Bresler, D., and K. Konstantinova. “Andrei Egunov v 1920–1930-e gody” [“Andrey Egunov in 1920–1930”]. Nikolev, A. *Po tu storonu Tuly* [*On the Other Site of Tula*]. Moscow, Nosorog Publ., 2022, pp. 131–145. (In Russ.)
6. Vaginov, K.K. *Pesnia slov* [*The Song of the Words*], comp., text prep., introd. article and notes by A.G. Gerasimova. Moscow, OGI Publ., 2012. 368 p. (In Russ.)
7. Voznesenskii, A.A. “Mne 14 let” [“I Am Fourteen”]. Pasternak, B.L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami: v 11 t.* [*Complete Works with Supplements: in 11 vols.*], vol. 11. Moscow, Slovo Publ., 2005, pp. 570–609. (In Russ.)
8. Gasparov, B.M. “Eshche raz o prekrasnoi iasnosti: Estetika M. Kuzmina v zerkale ee simvolicheskogo voploshcheniia v poeme ‘Forel’ razbivaet led.” [“About Beautiful Clarity: M. Kuzmin's Aesthetics in the Mirror of its Symbolic Embodiment in the Poem ‘The Trout Breaks the Ice.’”] Malmstad, J.E., editor. *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*. Wien, E. Zeuner Publ., 1989, pp. 83–114. (In Russ.)
9. Dmitriev, P.V. “Kapitan odin ne v schet...”: M. Kuzmin i ‘Marsel’skie matrosy.’” [“The Captain Doesn't Count Alone...”: M. Kuzmin and ‘The Sailors of Marseilles.’”] *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 163–180. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-163-180> (In Russ.)

10. Krivulin, V. “U istokov nezavisimoi kul’tury” [“At the Origins of Independent Culture”]. *Zvezda*, no. 1, 1990, pp. 184–188. (In Russ.)

11. Kuzmin, M.A. *Dnevnik 1905–1907* [*The Diary. 1905–1907*], foreword, text prep. and comm. by N.A. Bogomolov, and S.V. Shumikhin. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)

12. Kuzmin, M.A. *Proza i esseistika: v 3 t.* [*Essays and Prose: in 3 vols.*], vol. 3: *Esseistika. Kritika* [Essays. Critics], comp., text prep. and comm. by E.G. Domogatskaya, and E.A. Pevak. Moscow, Agraf Publ., 2000. 768 p. (In Russ.)

13. Kuzmin, M.A. *Stikhovoreniia* [*Poems*], introd. article, text prep. and notes by N.A. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 832 p. (In Russ.)

14. Kuzmin, M. *Dnevnik 1934 goda* [*The Diary. 1934*], ed., introd. article and notes by G. Morev. 2nd ed. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2011. 416 p. (In Russ.)

15. *Lev L’vovich Rakov: Tvorcheskoe nasledie. Zhiznennyi put’* [*Lev Lvovich Rakov: Creative Heritage. Life Path*], comp. by A.L. Rakova. St. Petersburg, The Hermitage Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)

16. Lekmanov, O.A. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [*Book about Acmeizm and Other Works*]. Tomsk, Vodolei Publ., 2000. 703 p. (In Russ.)

17. Likhachev, I.A. “O Kuzmine” [“About Kuzmin”], publ., introd. and notes by Zh. Sheron. *Zvezda*, no. 9, 2014, pp. 161–163. (In Russ.)

18. Mauritsio, M. “*Bespredmetnaia iunost’*” A. Egunova: *Tekst i kontekst* [*The Pointless Youth by A. Egunov: Text and Context*]. Moscow, Kulagina Publ., 2008. 254 p. (In Russ.)

19. Meilakh, M. “Iakov Druskin ‘Vestniki i ikh razgovory.’” [“Yakov Druskin: ‘Messengers and Their Conversations.’”] *Logos*, no. 4, 1993, pp. 89–90. (In Russ.)

20. Nikolaev, N.I. “Vospominaniia o poezii Aleksandra Mironova” [“Memories About the Poetry of Aleksandr Mironov”]. Ivanov, B., editor. *Peterburgskaia poeziia v litsakh: Ocherki* [St. Petersburg Poetry in Faces: Essays]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 369–389. (In Russ.)

21. Nikol’skaia, T.L. *Avangard i okrestnosti* [*Avant-Garde and Surroundings*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)

22. Nikol’skaia, T.L. *Spasibo, chto vy byli* [*Thank You for Your Being*]. St. Petersburg, Iuolukka Publ., 2014. 220 p. (In Russ.)

23. Panova, L.G. “‘Forel’ razbivaet led’ (1927): Dialektika liubvi. Stat’ia 1. Siuzhet, struktura, estetika” [“‘Trout Breaks the Ice’ (1927): Dialectics of Love. Article 1. Plot, Structure, Aesthetics”]. *Sed’maia mezhdunarodnaia Letniia shkola po russkoi literature: stat’i i materialy* [7th International Summer School on Russian Literature: Articles and Materials]. 2nd ed., rev. and. enl. St. Petersburg, Svoe Izdatel’stvo Publ., 2012, pp. 111–129. (In Russ.)

24. Pakhomova, A.S. “Kuda plyli ‘Marsel’skie matrosy’ v 1917 godu?” [“Whither Drifted ‘The Sailors of Marseilles’ in 1917?”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 181–199. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-181-199> (In Russ.)

25. Pakhomova, A.S. *Pisatel’skaia strategii i literaturnaia reputatsiia M.A. Kuzmina v rannesovetskii period (1917–1924 gg.)* [*Writing Strategy and Literary Reputation of Mikhail Kuzmin in Early-Soviet Period (1917–1924)*]. Tartu, University of Tartu Press, 2021. 288 p. (In Russ.)

26. Petrov, V.N. *Turdeiskaia Manon Lesko; Dnevnik 1942–1945* [*Tourdean Manon Lescaut; Diary. 1942–1945*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2022. 264 p. (In Russ.)

27. Petrov, V.N. *Turdeiskaia Manon Lesko: Istoriia odnoi liubvi; Vospominaniia* [*Tourdean Manon Lescaut; The History of One Love; Memories*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2016. 269 p. (In Russ.)
28. “*Posmotrim, kto kogo pereupriamit...*”: *Nadezhda Iakovlevna Mandel'shtam v pis'makh, vospominaniakh, svidetel'stvakh* [“*Let's See Who Will Out-Stubborn Whom...*”: *Nadezhda Yakovlevna Mandelstam in Letters, Memoirs, Evidences*], comp. by P.M. Nerler. Moscow, AST, Elena Shubina Publ., 2015. 733 p. (In Russ.)
29. Timenchik, R.D. *Istoriia kul'ta Gumileva* [*The History of Gumilev's Cult*]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2018. 607 p. (In Russ.)
30. Timofeev, A.G. “Kommentarii” [“Notes”]. Kuzmin, M.A. *Arena: Izbrannye stikhotvoreniia* [*Arena: Selected Poems*], comp., introd. article, text prep. and comm. by A.G. Timofeev. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1994, pp. 365–470. (In Russ.)
31. Ustinov, A. “‘Chinari’ v dnevnikakh Mikhaila Kuzmina” [“‘Chinary’ in Mikhail Kuzmin’s Diaries”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 200–252. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-200-252> (In Russ.)
32. Iur'ev, O.A. *Pisatel' kak sotovarishch po vyzhivaniuu: Stat'i, esse i ocherki o literature i ne tol'ko* [*The Writer as a Companion to Survival: Articles, Essays and Essays on Literature and More*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2014. 264 p. (In Russ.)
33. Malmstad, John E. “‘You Must Remember This’: Memory’s Shorthand in a Late Poem of Kuzmin.” Malmstad, John E., editor. *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*. Wien, E. Zeuner Publ., 1989, pp. 115–140. (In English)

Статья поступила в редакцию: 20.03.2024
Одобрена после рецензирования: 07.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 20.03.2024
Approved after reviewing: 07.05.2024
Date of publication: 25.06.2024

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

Литературный факт.
2024. № 2 (32)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (32), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-263-291>
<https://elibrary.ru/JYDBZN>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Шмелев в СССР

(Статья первая: издания и рецепция в довоенный период)

© 2024, Д.Д. Николаев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается литературно-критическая и публицистическая рецепция творчества И.С. Шмелева в СССР, а также история публикации и творческого переосмысления его произведений в довоенный период. Анализируются статьи, очерки и рецензии, опубликованные в газетах «Правда», «Известия», «Литературная газета», журналах «Печать и революция», «Красная новь», «Бюллетень книги», «Прожектор» и т. д., сборниках произведений Шмелева, посвященные ему фрагменты в «историях русской литературы» В.Л. Львова-Рогачевского, В.Е. Евгеньева-Максимова, Б.В. Михайловского, иные упоминания писателя в центральной советской прессе. Показывается, что Шмелева достаточно активно издавали до 1929 г., несмотря на резкую позицию, занятую писателем в эмиграции. Негативные отзывы, которые начали появляться в СССР после публикации эпопеи «Солнце мертвых», не означали вычеркивания имени Шмелева из истории литературы и из современного литературного процесса. Он по-прежнему воспринимается в СССР как один из наиболее значительных русских писателей и даже входит в учебную программу университетов и педагогических вузов.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, рецепция, литературная критика, литературоведение, публицистика, Б.В. Михайловский, В.Л. Львов-Рогачевский.

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

Для цитирования: Николаев Д.Д. Шмелев в СССР. (Статья первая: издания и рецепция в довоенный период) // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 263–291. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-263-291>

Название статьи — «Шмелев в СССР» — позволяет четко обозначить не только хронологические, но и концептуальные границы исследования. За его пределами остается пребывание И.С. Шмелева в Советской России, которого мы отчасти уже касались в статье об оценках его творчества русской критикой начала 1920-х гг. [5].

Отъезд писателя за границу практически совпадает по времени с созданием СССР: он уехал в ноябре 1922 г. О том, что писатель находится в Берлине, сообщается в десятом номере берлинского журнала «Новая русская книга»¹. 17 января 1923 г. Шмелев приезжает в Париж. С февраля 1923 г. он сотрудничает в газете «Звено», где 19 февраля публикуется рассказ «Музыкальное утро» (с подзаголовком «Из Крымских рассказов»), а в апреле, июне и июле — фрагменты из книги «Солнце мертвых» — «Утро», «Волчье логово» и «Человечий голос». В четырнадцатом номере парижского журнала «Современные записки» печатается рассказ Шмелева «Чужой крови».

Таким образом, нам предстоит проанализировать восприятие Шмелева на родине уже после того, как он ее покинул. Причем надо сразу отметить, что отъезд из России не превращал уехавшего автоматически в эмигранта. Спустя несколько лет, в 1926 г., Н. Смирнов утверждал, что «Шмелев, как и Зайцев, уехал за границу с советской командировкой и на советские деньги». И хотя, по словам Смирнова, «он очень быстро, на пограничном рубеже, сбросил маску обещаний», публикации в советской прессе показывают, что в СССР значительно позже узнали, «какое судорожно-искаженное, какое злобное лицо обнаружилось под этой маской!»².

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все издания Шмелева и все публикации о нём — выделяются ключевые этапы литературно-критической и публицистической рецепции. И это этапы, связанные именно с эмигрантским «статусом» писателя и его влиянием на оценку творчества Шмелева, а не с интерпретацией творчества Шмелева как такового — об этом написаны истории вопроса в диссертационных исследованиях, в частности, у Е.А. Осьминой [6].

Речь идет не только о рецепции: на первом месте стоит само присутствие в СССР произведений Шмелева, издание новых книг и доступность прежних, а также культурное «освоение» шмелев-

¹ Новая русская книга. 1922. № 10. С. 38.

² Смирнов Н. На том берегу: Заметки об эмигрантской литературе // Новый мир. 1926. № 6. С. 146.

ских текстов — в экранизациях, инсценировках и т. д. И, наконец, третья составляющая — исследовательское, научное осмысление творчества Шмелева, предполагающее его включенность в историю русской литературы, в том числе доступность для изучения, обязательность или нет для обучения, если речь идет о подготовке специалистов-филологов.

В истории публикации и рецепции Шмелева в СССР следует выделить три периода: первый — с отъезда Шмелева до начала Великой Отечественной войны, второй — послевоенный — до начала 1980-х гг. и третий, связанный с перестройкой и тем, что в связи с ней и за ней последовало.

В данной статье рассматривается первый из выделенных периодов. Если говорить об издании книг и публикации произведений Шмелева, то его можно, в свою очередь, разделить на три части. В 1923 г. в СССР выходит большое, если не сказать огромное, количество книг Шмелева, а он, только что уехавший, фактически еще не воспринимается ни издателями, ни читателями как эмигрант.

В конце 1922 г. издательство «Новая Москва» в «Библиотеке современников» под редакцией Н.С. Ангарского (Клестова) выпускает «Гражданина Уклейкина». Рекламное объявление, где сказано о поступлении книги в продажу, а заодно и анонсирован выход литературно-художественного сборника «Недра» с участием Шмелева (под редакцией все того же Ангарского), печатается на страницах газеты «Правда» уже после того, как Шмелев оказывается в Берлине, — 16 декабря 1922 г.³

В 1923 г. издаются сборники Шмелева «Догоним солнце» (Книгоиздательство писателей в Москве), «К светлой цели: 1-й сборник рассказов» и «Виноград» (Москва; Петроград: Книга), «Они и мы» (Москва; Петроград: Госиздат), повесть «В новую жизнь» (Книгоиздательство писателей в Москве), отдельными книжками в Москве в издательстве «Земля и фабрика» выходят рассказы «Липа и пальма», «Одной дорогой», «Последний выстрел». Последние три тоже рекламируются в «Правде» вместе с другими «зифовскими» изданиями и в списке книг серии «Библиотека подрастающего поколения» стоят в феврале 1924 г. на первом месте⁴.

В девятом номере журнала «Россия» в 1923 г. появляется сказка Шмелева «Сладкий мужик»⁵, а в первом сборнике «Недра» — «Это

³ Правда. 1922. 16 декабря. № 285. С. 6.

⁴ Правда. 1924. 17 февраля. № 39. С. 8.

⁵ Россия. 1923. № 9. С. 1–2.

было. Рассказ странного человека». Значится Шмелев и в числе сотрудников двухнедельного художественно-иллюстрированного и литературного журнала «Петроград»⁶.

Госиздат выпускает в 1923 г. третье издание повести «В новую жизнь» и рассказ «Рваный барин», издательство «Новая Москва» в серии «Библиотека современников» — сборник «Гражданин Уклейкин: Рассказы», куда также вошли «Забавное приключение», «На большой дороге» и «Ненастье». Сразу несколько сборников выходит в издательстве «Книга» — это «Виноград», включивший помимо титульного произведения «Распад» и «Волчий пережат», «К светлой цели: 1-й сборник рассказов» и «Сборник рассказов», включивший «Письмо без марки и штемпеля», «Пряник», «Полочку» и «К солнцу» — в «Библиотеке молодой России» под редакцией И.В. Владиславлева.

Надо обратить внимание не только на количество книг, но и на количество и разнообразие включенных в них произведений. В течение года выходят рассказы Шмелева и 1900-х, и 1910-х гг. Кроме того, среди изданий — много книг для детей. Книгоиздательство писателей в Москве выпускает драматическую сказку Шмелева «Догоним солнце», Государственное издательство — «Они и мы: Рассказы для детей», включившие «Мой “Марс”» и «Мэри». Сразу несколько выпусков серии «Библиотека подрастающего поколения» издательства «Земля и фабрика» отведены под Шмелева: это «Липа и пальма», «Одной дорогой», «Последний выстрел».

1925–1928 гг. — время, когда Шмелева продолжают печатать в СССР, пусть и не с такой интенсивностью, как в 1923 г. Созданные уже в эмиграции произведения Шмелева внимания издателей не привлекают, но дело не в его антисоветской позиции — доказательство тому, к примеру, выходящие в эти годы в Москве и Ленинграде многочисленные книги А.Т. Аверченко или перепечатки эмигрантских рассказов Н.А. Тэффи. Просто у Шмелева нет ни идеологического — с точки зрения саморазоблачения «язв эмиграции», ни достаточного коммерческого потенциала.

В 1925 и 1926 гг. произведения Шмелева включаются в антологии рассказов разных писателей, которые составляет для издательства «Молодая гвардия» И.С. Рабинович, — «В “мальчиках”» («Библиотека молодого рабочего. Дети труда и борьбы») и «Строители» («Серия производственных сборников. “Рабочий в мировой литературе”»). Отметим, что Шмелев в этих книгах — единственный эми-

⁶ См.: Известия. 1923. 12 мая. № 104. С. 8.

грант среди авторов, если таковым не считать Горького. А рассказ «Иван Кузьмич» входит в сборник «1905 год в русской литературе» (М.; Л.: Изд. Ал. Богданов, 1926), где представлен целый ряд писателей-эмигрантов. В 1926 г. в Ленинграде в «Библиотеке для всех» (№ 94–100) издательства «Прибой» в очередной раз переиздается «Человек из ресторана».

Самые значительные «советские» сборники Шмелева в межвоенный период появляются в 1927 и 1928 гг. В книгу «Забавное приключение: Рассказы», выпущенную в 1927 г. Госиздатом тиражом 4000 экземпляров, вошли «Волчий перехват», «Виноград», «Поденка», «Друзья», «Гости», «Слепые», «Три часа», «Лихой кровельщик» и «Забавное приключение». Этот сборник примечателен тем, что в нем, помимо произведений Шмелева, есть статья Г. Горбачева «Реалистическая проза 1910-х гг. и творчество Ив. Шмелева» (к ней мы вернемся позже) и даже отдельно вынесенная в оглавление страничка «Литература о творчестве И.С. Шмелева», в которой, правда, всего три позиции: «Рабочий класс и русская литература» И.Н. Кубикова (Ивано-Вознесенск: Основа, 1924), «Новейшая русская литература» В. Львова-Рогачевского и статья Н. Смирнова «Солнце мертвых» в журнале «Красная новь».

А в 1928 г. объемный (327 страниц) том Шмелева тиражом 5000 экземпляров выпускает «Земля и фабрика». В него кроме давшей книге название «Стены» вошли также «Распад», «Гражданин Уклейкин» и предисловие, подписанное инициалами «Л.К.»

Наконец, отдельно следует выделить 1929 г. Это связано с тем, что после 1928 г. на издание в СССР писателей-эмигрантов был фактически наложен запрет. Тем не менее, в 1929 г. появляются две книги Шмелева. Почему для них сделано исключение? «К солнцу» Шмелева Государственное издательство публикует для детей среднего возраста с указанием «сокращено и обработано». Здесь на первый план выносятся не текст, а оформление и иллюстрации К.В. Кузнецова. Вторую книгу — «Человек из ресторана» — выпускает «Прибой». Это переиздание мы связываем с экранизацией — фильмом Якова Протазанова «Человек из ресторана», который вышел на экраны в 1927 г., когда издание произведений эмигрантов еще не запретили. Ставить цензурную преграду на пути выхода книги, когда в советском культурном пространстве присутствует более массовый с точки зрения аудитории кинофильм, не имело смысла.

Что касается «культурного освоения» шмелевских текстов, то наряду с «Человеком из ресторана» Протазанова выделим не столь значимое с точки зрения художественной, но важное с точки зрения

хронологии издание 1930 г. В выпущенной отдельной книгой пьесе в 4-х действиях Ю.В. Болотова «Российский анекдот» Шмелев тоже значится на титульном листе, где указано: «По повести Шмелева “Гражданин Уклеикин”»⁷.

Останавливаться подробнее на пьесе не будем — о ней есть статья С.В. Шешуновой «Иван Шмелев как революционный агитатор (по поводу одной инсценировки)» [7]. Отметим лишь, что и фильм, и пьеса достаточно далеко отходят от текстов Шмелева, но в данном случае важно, что они содержат отсылки к его произведениям, которые сравнительно недавно переизданы по новой орфографии и доступны для читателей (как и остающиеся в библиотеках дореволюционные издания).

Издаваемый в 1923–1929 гг. круг текстов Шмелева не включает ключевые его произведения, созданные в эти годы в эмиграции, но в критических высказываниях о творчестве писателя они учитываются. Хотя тональность оценок в большей степени определяется не содержанием конкретных новых произведений, а самим эмигрантским статусом Шмелева и занятой им общественной позицией — с одной стороны, и сложившейся уже традицией рецепции творчества — с другой.

В 1923 г. в советской печати продолжают появляться положительные отклики на его произведения. И если рецензия Юрия Соболева на изданную «Задругой» в 1922 г. «Неупиваемую Чашу» была опубликована в журнале «Печать и революция» в самом начале года (№ 1. Январь. С. 224–225), т. е. когда о новом, эмигрантском статусе Шмелева еще мало кто знал, то про «Это было» Соболев писал уже в марте. И ставил «Рассказ странного человека» Шмелева выше опубликованных в том же сборнике «Недр» произведений В. Вересаева, М. Герасимова, В. Кириллова, М. Козырева, С. Клычкова, А. Яковлева, П. Радимова, Н. Тихонова и др.

«Лучшая вещь сборника, конечно, рассказ Ив. Шмелева “Это было” — жуткий, я не знаю как назвать, бред или кошмар, рисующий страшный, почти фантазмагоричный эпизод войны, — подчеркивал Соболев в статье “Об альманахах”. — В обычной для Шмелева манере очень тускло наложенных красок ведется повествование

⁷ Болотов Ю.В. Российский анекдот: Пьеса в 4 действ / По повести Шмелева «Гражданин Уклеикин». [Москва]: Теакинопечать, 1930. 67 с.

в форме как бы записок того офицера, которому пришлось стать героем этого необычного приключения»⁸.

Соболев в 1923 г. вообще пишет о Шмелеве много — еще две рецензии публикуются в журнале «Печать и революция» в июне–июле (№ 4. С. 271–272) и августе–сентябре (№ 5. С. 294–296). В первой речь идет о повести «Служители правды», выпущенной Госиздатом, во второй — формально о книге «Виноград», но фактически — еще и о переизданиях Шмелева в целом. Начинается она с того, что Шмелева «начали усердно переиздавать», так что «до современного читателя доходит этот крепкий и сильный писатель и в прежнем, и <в> теперешнем своем облиции».

В этой рецензии Соболева нужно выделить два важных положения. Во-первых, он ставит новые, пореволюционные произведения Шмелева выше прежних, отмечая, что «как художник, как мастер и, главным образом, мастер, владеющий в совершенстве языком, — Шмелев в последних своих произведениях (“Неупиваемая чаша” и “Это было”) чрезвычайно убедительно доказывает органический рост дарования, еще неясные контуры которого намечались в ранних его вещах». Во-вторых, подчеркивает, что читатель «теперешнего Шмелева должен принять как бы сквозь призму прежнего», поскольку «Гражданин Уклеikin», «Распад» и т. д. слагают «глубоко правдивую, художественно яркую и социально верную картину разложения целого класса» и «являются для историка русской общественности документом первостепенной важности» (С. 294).

Идея художественного текста как документа позволяет «отделить» созданные до эмиграции произведения писателя от его сегодняшней политической позиции, поскольку в документе зафиксированная в момент его создания действительность рассматривается как объективное отражение. В дальнейшем, характеризуя эмигрантское творчество Шмелева, критики будут, напротив, делать акцент на позиции автора, которая, впрочем, также чаще всего трактуется как «объективное» отражение, но не действительности, а антисоветской и антинародной сущности эмиграции.

Пять заметок о новых изданиях произведений Шмелева были опубликованы с января по октябрь 1923 г. в ежемесячном журнале «Бюллетень книги», выходившем под редакцией Ст.С. Кривцова в качестве печатного органа Главполитпросвета. Рецензировались «Виноград» (№ 1/2. Стлб. 10–12), «Неупиваемая Чаша» (№ 3. Стлб. 41), «Гражданин Уклеikin» (№ 4. Стлб. 32), «Одной дорогой»

⁸ Россия. 1923. № 7. Март. С. 29.

(№ 4. Стлб. 32–33), «Они и мы» (№ 9/10. Стлб. 88). И все они были рекомендованы для приобретения библиотекам.

«Книга Шмелева должна, конечно, найти себе место во всех библиотеках. следовало бы собранные в одной книге три разнородные рассказа издать в отдельности для более целесообразного их использования», — писали в журнале про «Виноград». «Книга Шмелева, вдумчиво и художественно запечатлевшая пережитое, необходима во всех библиотеках», — так рекомендовался «Гражданин Уклеikin». «В читателе же религиозно настроенном “житие” может укрепить его мистицизм, — в этом будет, конечно, его отрицательное значение», — отмечал рецензент «Неупиваемой Чаши», но затем следовало заключение: «Книгу следует иметь в центральных библиотеках».

Обратим внимание на модальность: «должна», «следует», «необходима». Рассказ «Одной дорогой» объявлялся «прекрасным материалом для детского чтения»: «Не “жалостливый”, как обычно это бывает, он заставляет задумываться в эту убогую и бесконечно богатую запасом сил жизнь». Про книгу «Они и мы» журнал писал: «Рассказы написаны художественно и увлекательно. Пригодны для детей старшего возраста, преимущественно городских. <...> Очень рекомендуется для приобретения в детских библиотеках».

В рецензиях отмечалась не только художественность произведений Шмелева, но их идеологическое соответствие советским установкам: «Гражданин Уклеikin» «дает переживания полупролетарских слоев 1905 г.»; «В рассказе “Забавное приключение” хорошо передано нарастающее раздражение против буржуазии под влиянием войны в атмосфере 1916 г. (издательства лесника и солдата над заводчиком)». О «Неупиваемой Чаше» критик писал: «Эта повесть — сказ о жизни крепостного художника-иконописца с его наивной верой в русского бога как защитника угнетенных, с его мечтой послужить убогой родине своим искусством. На ярком фоне крепостного произвола проходит перед читателем его детство, учение, сначала у “богомаза”, потом за границей, личная драма — увлечение женой помещика и в результате списанная с нее икона богородицы “Неупиваемая Чаша”, будто бы получающая силу творить чудеса». А в рецензии на сборник «Виноград» отмечалось, что в рассказе «Распад» «единственный сын неожиданно для всех становится революционером».

Шмелева не просто хвалят в 1923 г., его противопоставляют писателям-эмигрантам. В начале «Литературных заметок», опубликованных в газете «Известия» 8 мая 1923 г., Н. Смирнов отмечает,

что «под шквалом революции обнажились подпочвенные родники классовости, из которых черпал “вдохновение” “межклассовый” писатель Иван Бунин — лучший из предреволюционных писателей — в своей новой повести (“Гибель”), отрывками печатаемой в милюковской газете (“Звено”), доказывает это нагляднейшим образом». Далее в этом ряду называются Борис Зайцев — «один из тончайших современных лириков», который теперь «печатает публицистические статьи в эсеровском журнале», и Александр Куприн, сотрудничающий в «погромных газетах». Шмелев же отделен от выстроенного эмигрантского ряда артелью писателей «Круг», и творчество его, которому посвящена заключительная часть «заметок», оценивается в ином ключе: «Ив. Шмелев — большой художник. Это он доказал еще первыми своими вещами “Под небом”, “Весенним шумом” и т. д. Это же подтверждается и его позднейшими трудами: “Неупиваемой Чашей” и помещенным в альманахе “Недра” рассказом “Это было”». Смирнов подчеркивает, что «Это было» — «насквозь психологический (а значит, и особенно трудный) рассказ», который «написан с поразительной глубиной, глубокой лиричностью и тонкостью рисунка», а стиль Шмелева — «вместе с Ал. Толстым — лучший образец для современного беллетриста»⁹.

В статье Н. Чужака «По новейшей литературе», опубликованной в «Известиях» 8 августа и посвященной первым двум выпускам сборника «Недра», Шмелев тоже критикуется не как эмигрант, а как один из представителей «типичной литературы бывших людей»: «Не каких-нибудь заядлых контрреволюционеров или пакостников эсэро-белогвардейского толка, а седовласых людей в крылатках, в стиле энеса или марксиста-ликвидатора, привыкших к постоянно почетному углу в каком-нибудь этаком “Русском богатстве”, “Современном мире”, загнанных прямолинейной революцией в “тупик” и старчески недоумевающих» (№ 191. С. 5).

Перемена в оценках происходит в конце 1923 г. — в связи с публикацией «Солнца мертвых». В пятом номере журнала «Печать и революция» Юрий Соболев отмечал, что значение Шмелева «очень велико», писал о его «чуткой наблюдательности» и «огромной выразительности» (С. 294, 295). А в следующем номере, за октябрь–ноябрь, «Печать и революция» помещает большой отзыв И.А. Аксенова на второй выпуск парижского литературного «трехмесячника» «Окно». И Аксенов утверждает, что Шмелеву «не

⁹ Смирнов Н. Литературные заметки // Известия. 1923. 8 мая. № 100. С. 3.

интересна действительность», а «своим сожителям по аквариуму он привез из СССР новый запас писательской ненависти» (№ 6. С. 257).

Несмотря на то, что отзыв печатается среди рецензий, его точнее было бы назвать фельетоном. Эмигранты сравниваются с лягушками, головастиками и т. д., а «Окно» — с аквариумом: «Сначала они просто дичают, потом из позвоночных переходят в черепокожих (насекомых), потом — в слизняков и так далее до амёбы и через разложение протоплазмы восходят к Мережковскому. Можно поблагодарить издателей “Окна” — в их аквариуме подобрана достаточно полная коллекция по данному опыту» (С. 255).

Надо сказать, что в выстраиваемой Аксеновым «антииерархии» Шмелев достаточно далек от «самого дна», на котором помещаются «философы» — Д. Мережковский и Л. Шестов. За ними следуют З. Гиппиус, И. Бунин, Е. Трубецкой — и лишь затем Шмелев: «Этот попал в банку сравнительно недавно и усиленно пускает пузыри» (С. 256). Но с точки зрения идеологической, Шмелев получает оценку крайне резкую, причем ему приписывается и авторство очерка И.Д. Сургучева «Большевики в Ставрополе», так что именно Шмелев предстает в итоге создателем «самых остервенелых противосоветских агиток в белой литературе»: «Шмелеву не интересна действительность. Он весь в ненависти к “тупорылому красноармейцу” и к тем, кто пришел с ним. Большой ненависти к “красной звезде” вы не найдете ни у одного зарубежника» (С. 256, 257).

Выступление Аксенова можно считать крайней негативной точкой в отношении к Шмелеву в СССР, своего рода апофеозом отрицания (или утверждения его «противосоветской» сущности). В дальнейшем происходит постепенное смягчение оценок (даже если они являются сугубо отрицательными), несмотря на то, что после выступления Шмелева в Париже на вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. его в СССР причисляют еще и к числу монархистов.

25 марта 1924 г. в газете «Известия» печатается передовая статья Ю. Стеклова под названием «Весенние мотивы». Обличая монархическую эмиграцию, редактор «Известий», в частности, пишет: «Огромная часть бывших кадетов, октябристов, националистов определенно перешла в ряды монархической партии. Даже такие элементы, как бывший социал-демократ Алексинский, бывший народоволец Бурцев, писатели: Бунин, Куприн, Шмелев — и те сейчас работают вкупе с монархистами»¹⁰.

¹⁰ Стеков Ю. Весенние мотивы // Известия. 1924. 25 марта. № 69. С. 1.

Обличался Шмелев и в статье Н. Смирнова «Маскарад мертвецов», опубликованной в «Известиях» 16 марта 1924 г. (она была подписана инициалами «Н.С.»). Причем текстов выступлений участников вечера «Миссия русской эмиграции» в распоряжении советских критиков и публицистов не было, и ориентировались они прежде всего на отчет о вечере в парижской газете «Последние новости» и опубликованную там же передовую статью П.Н. Милюкова, где содержание выступлений трактовалось в полемически-тенденциозном ключе [4]. Смирнов саркастически писал о «той миссии», о которой говорили «крупнейшие предреволюционные писатели» — Бунин, Мережковский и Шмелев: «Первые два — старые белогвардейцы: Мережковский уже пять лет мечтает о железном шлеме “крестonosца”. Бунин редактировал в Крыму газету деникинского “Освага”, приветствуя воинственных галлов позорнейшими виршами, но третий — Шмелев — “приобщился” к чаше белого “подвижничества” только в прошлом году и до отъезда за границу печатался в наших издательствах». В отличие от Мережковского и Бунина, Шмелев для Смирнова — «не крепостник, а народник», для которого народ — «сахарная бонбоньерка», «крылатый серафим», «религиозный золотоискатель», «миллионно-ликий Платон Каратаев». Идеализируя народ, Шмелев во всех бедах винит интеллигенцию, несущую «дух злобы и разрушения»¹¹.

В том же 1924 г. в третьем номере журнала «Красная новь» (апрель–май) появилась большая статья Н. Смирнова под названием «Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе» (С. 250–267). Но хотя Смирнов и использовал в заглавии название эпопеи Шмелева, сказано о нем в статье гораздо меньше, чем о Буnine. Правда, слова говорятся не менее резкие:

Не приходится жалеть и об остальных, угасающих и угасших в эмиграции писателях. А наиболее талантливым среди них следует признать Шмелева, только в прошлом году эмигрировавшего за границу. В тех же сборниках «Окно» печатается его эпопея — название («Солнце мертвых») мы выписали как заголовок наших заметок — о голодных днях, пережитых Крымом в 1920–1921 годах. Приходится сознаться: в смысле чисто художественном эпопея, особенно в местах внутренне-субъективных, написана хорошо: есть в ней какая-то органическая лиричность, озаряющая ее тихим

¹¹ Н.С. [Смирнов Н.] Маскарад мертвецов // Известия. 1924. 16 марта. № 63. С. 3.

светом осени, но в целом это — погромная, мстительнейшей злобой пылающая, вещь. <...>

Злоба, обнявшаяся с бессмертной глупостью, и глупость, поддерживаемая искусственной близорукостью, ведут автора, замаскированного в пропахший йодоформом халат, по крымским горам и ущельям, показывая ему какую-то апокалипсическую страну, где умирает все сущее: и люди — грустный татарин и его прекрасная, как Шехеразада, дочь, — и изумрудные виноградники, и животные. Автор всюду слышит лишь костяную поступь смерти.

Конечно, никто не отрицает, что в Крыму был голод — одна из величайшей скорбей новой России. Но приписывать голод злым чарам пляшущей по российским просторам бабы-яги (а для писателя революция — только «баба-яга») может лишь убежденный и непримиримый, одноглазый, до наивности глупый и до глупости злобный реакционер, каким образцово показал себя в своей эпопее Шмелев. Описывая умирающий Крым, писатель просмотрел существенное: то, что умирающий татарин проклинал стоптавших его виноградники воинственного галла и остервенелого, выгнанного из родной усадьбы, дворянина-офицера; то, что прошедшая по Крыму смерть шла под руку с призраком старой, действительно сметенной в черноморские глубины, Россией. «Вода и камни. Огромное окно — море. Синее небо пусто. Окно в безнадежность, синева равнодушной пустоты». Пустотой и безнадежностью — безнадежностью памфлетизированной художественности, художественностью галлюцинаций и воображаемых ужасов проникнута народо-ненавистническая эпопея Шмелева¹².

«Солнцу мертвых» уделяет внимание и Александр Воронский в статье «Вне жизни и вне времени. (Русская зарубежная художественная литература)», опубликованной 15 июля 1925 г. в журнале «Прожектор». Центральной фигурой в этом обзоре является Бунин, а Шмелев в другом разделе статьи объединен с Куприным и Мережковским, причем про Шмелева Воронский пишет больше, чем про Куприна и Мережковского вместе взятых. В своих оценках Воронский ближе к Аксенову, чем к Смирнову. Он согласен с Аксеновым в том, что «по своему неумемному ненавистничеству и беспредельной злости произведение Шмелева является совершенно исключительным пасквилем на республику советов». И отрицает художественную значимость текста, о которой писал

¹² Смирнов Н. Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе // Красная новь. 1924. № 3 (20). Апрель–май. С. 256.

Смирнов. Но при этом «Солнце мертвых» рассматривается с точки зрения не только идеологической, но и художественной, сопоставляется с произведениями советских писателей о голоде и расстрелах и в ряд встраивается не политический, а литературный: «Когда читаешь это противное словоточение, где-то совсем близко маячат Иудушка Головлев и Фома Опискин» (№ 13 (59). С. 21). Отвергая идеологические установки автора, Воронский все же пишет (пусть и уничижительно) о жанре, о стиле:

Произведение Шмелева — не рассказ, не повесть и не роман, а скорее записки, в которых изобразительность явно уступает публицистике. На протяжении страниц наряду с картинами голодания автор взывает, изобличает, рассуждает. Истеричность тона, сладкая словесная сантиментальность с уменьшительными, ласкательными именами и елейность, бессильное ехидство, доходящее до юродства, беспросветность, безнадежность, взывания к господу богу и к «культурным» людям запада, глумление над собой, над народом, над интеллигенцией и, прежде всего, над большевиками, бесконечные умствования — сплетаются в нечто нудно-вязкое и злобно-тупое.

И в финале Воронский от отрицания «этого памфлета, за который жалко писателя», фактически приходит к утверждению значимости текста, «пасквиля», не отражающего объективно происходившее в Крыму, но зато раскрывающего определенный тип «из стана белых»:

Иван Бунин показал нам образ человека в стане белых, дотлевающего в могильной яме. Он ничего не любит, ничего не ждет впереди и знает, что чуждое новое на Руси стоит уже крепко.

Ив. Шмелев показывает другой тип из того же стана: бессильного кликушу, юродивого, дошедшего до иступления в своей ненависти к этому новому (№ 13 (59). С. 22).

Еще один обзор эмигрантской литературы, в котором Шмелеву отводится важная роль, публикуется год спустя, в июне 1926 г., в журнале «Новый мир». Статья Н. Смирнова «На том берегу: Заметки об эмигрантской литературе» построена иначе, чем у Воронского. Тот сразу выбирал наиболее значимые имена, Смирнов, напротив, начинает с литературно-эмигрантской молодежи, выделяя Вл. Пиотровского. Затем следуют К.Д. Бальмонт, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева, З.Н. Гиппиус, упоминаются Глеб

Струве, Вл. Сирин и Нина Берберова, о которых «лучше промолчать» (С. 142). Из прозы достаточно подробно анализируются «Суд» А.И. Куприна и «Николай Переслегин» Ф. Степуна, «Золотой узор» и «Преподобный Сергей Радонежский» Б.К. Зайцева, называется «Тайна» С.Р. Минцлова (который, правда, по недосмотру именуется «Минуловым»).

Но в итоге, как и у Воронского, Шмелев в выстраиваемой «иерархии» русской зарубежной литературы стоит совсем рядом с И.А. Буниным, которого выделяют оба советских критика. Смирнов движется «по нарастающей». Разделом о Бунине — пятым — статья завершается. А Шмелева, «одного из даровитых эмигрантских писателей», критик решает «отметить» «вслед за Зайцевым»: в четвертом разделе помимо Шмелева есть только небольшая характеристика стоящего в эмигрантской литературе «несколько в стороне» М.А. Алданова и перечисление «прочих русских писателей, пребывающих в эмиграции (Немирович-Данченко, Амфитеатров, Арцыбашев, Чириков, Лазаревский и др.)», «не подающих никаких признаков жизни за исключением редкой публицистической воркотни» (С. 147).

«Солнце мертвых» теперь уже не единственное опубликованное в эмиграции произведение Шмелева, которое включается в анализ. Более того, Смирнов предпочитает вообще не останавливаться на шмелевской эпопее, определяя ее лишь как точку отсчета: «Писатель в последних своих повестях, начиная с “Солнца мертвых”, безвозвратно растерял дары подлинного художника: чувство меры, чуткость, спокойствие, жизненность и силу слова. Все его произведения есть нечленораздельное завывание кликуши или, в лучшем случае, язвительный шепоток желчного, мелкого обывателя» (С. 146).

Подробнее рассказывается в статье о повести «На пеньках», очерке «Сидя на берегу» и рассказе «Новый год», так что советский читатель действительно получает представление о творческой «эволюции» Шмелева, которая воспринимается как идеологически неприемлемая. «Рабство, возведенное в достоинство», и «лакей как положительный литературный тип» противопоставляются Смирновым «Человеку из ресторана», саркастически названному «юношеским заблуждением» (С. 147).

О достоинствах прозы Шмелева речь вообще не идет. «Столица и деревня эпохи 1920-х годов изображены им с глубочайшей ненавистью и клеветой, совершенно недостойной писателя. Она более уместна на устах какой-нибудь старой замоскворецкой сводни. Ли-

ричность повести — а в повести очень много лиризма — производит отвратное впечатление, ибо она только ярче оттеняет всю мелочность, ограниченность, скудоумие и отсутствие элементарно-человеческого достоинства этого профессора с мировым именем. Он, в изображении Шмелева, вызывает не жалость, а брезгливость», — пишет Смирнов о «На пеньках» (С. 146).

Негативные отзывы в центральной прессе не означали вычеркивания имени Шмелева из истории литературы и — более того — из современного литературного процесса. Он по-прежнему воспринимается в СССР как один из наиболее значительных русских писателей, а потому в советской публицистике его эмигрантское творчество приводят как яркий пример «упадка» тех, кто покинул родину и выступил против советской власти.

4 июля 1926 г. «Правда» печатает на первой странице фельетон Михаила Кольцова «Человеки из ресторана». Шмелев в фельетоне упоминается лишь вскользь, но именно название его произведения трансформируется в заглавии:

Вся литература эмиграции посвящена трактирному быту. Недаром во главе белых литераторов стоит Шмелев, автор «Человека из ресторана».

Все заботы эмиграции — вокруг ресторана. И все события связаны с ним. И даже иностранцы имеют суждение о белой России только по кабацкой литературе¹³.

Для знающих литературу эмиграции очевидно, что она не посвящена вся трактирному быту и что Шмелев «во главе белых литераторов» не стоит, а знающим шмелевское творчество понятно, что «Человек из ресторана» не заслуживает определения «кабацкая литература». Но фильм Протазанова, актуализирующий антибуржуазный пафос повести и приносящий его на службу советской власти, появится только год спустя, а потому Кольцов может исходить из того, что название аудитории известнее, чем содержание.

В июле 1926 г. о Шмелеве вновь вспоминает и «Красная новь». В статье Д. Горбова «Мертвая красота и живучее безобразие» (1926. № 7. С. 234–245) рецензируются три номера парижского журнала «Современные записки» (1925–1926, № 25–27). Горбов пишет не только о Шмелеве, но и о других писателях русского зарубежья: оцен-

¹³ Мих. К. [Кольцов М.] «Человеки из ресторана» // Правда. 1926. 4 июля. № 151. С. 1.

ка произведений и авторов определяется заданным идеологическим контекстом. Однако среди прочих всё же выделяется И.А. Бунин, который «один ставит себе подобающую ему, как художнику, задачу: раскрыть внутреннюю жизнь среды, наиболее ему родственной, в эпоху, напитавшую корни его художественного творчества».

Поскольку Бунин один «осуществляет» «начало подлинного искусства, свободного от внехудожественных пристрастий, мелкой злобы, личной заинтересованности» (С. 235), остальные — Мережковский, Алданов, Зайцев, Цветаева, Ремизов и Шмелев — осуществляют нечто иное, но главным антигероем в статье представлен именно Шмелев: «Дымка мертвой красоты тает и испаряется. Мы с головой погружаемся в омут живучего безобразия. Первое место здесь, несомненно, принадлежит Шмелеву» (С. 241).

Вывод этот делается на основе повестей «На пеньках», «Каменный век» и рассказа «Въезд в Париж». Не фокусируясь на конкретных претензиях критика к каждому из произведений, обратим внимание на главное: Горбов резко противопоставляет Шмелева до отъезда из России (уклончиво названного «прежним») и Шмелева эмигрантского, не перенося ни достоинств первого на второго, ни недостатков второго на первого: «Когда-то Шмелев был в первых рядах лучших наших беллетристов. Его “Человек из ресторана”, “Неупиваемая Чаша” — произведения художественного и честного реализма. На какой же отравленной почве взрастил писатель свою повесть “На пеньках” — эту кошмарную смесь ханжества, лицемерного умиления и лютого человеконенавистничества?».

Схожие или те же слова используются и для характеристики других произведений:

Несмотря на целый ряд ярких деталей (описание горной природы, образы татар-бандитов, образы и быт чабанов) повесть проникнута внутренней фальшью, ослабляющей ее убедительность даже в желательном для автора направлении. В результате — мрачный, человеконенавистнический, мертвенный колорит, которого не могут скрыть щедро положенные яркие краски. И тут перед нами опять пестро-разряженный, но ядовитый мухомор, взращенный крупным художником на тучной почве ненависти и слепого озлобления, которые всегда были дурными советчиками для художника.

Последний рассказ (точнее, очерк) Шмелева «Въезд в Париж» совершенно незначителен художественно, но характерен тем разлагающим влиянием, которое оказывает предвзятая идея даже на крупного художника (С. 244).

Творчество Шмелева словно рассекается на две части не только идеологически, но и с точки зрения художественной, чего, отметим, не происходит ни с кем из других писателей-эмигрантов, о которых говорится в статье. Исходной ее посылкой, напротив, являются литературные достоинства обманчивой мертвой красоты:

Здесь тоже есть «все, что полагается»: только в трех лежащих перед нами книжках (точнее, томах, так как в каждой от 550 до 600 страниц, из которых половина приблизительно отведена художественной литературе и критике) собран цвет дооктябрьской литературы в России: Бунин, Ремизов, Б. Зайцев, Шмелев, Мережковский, Гиппиус.

Надо заранее сказать, что многое здесь не уступает лучшему, что давали некоторые перечисленные художники в пору своего расцвета и в более благоприятной для творчества обстановке, чем та, в которой они пишут теперь. Но подлинная красота, имеющаяся на этих страницах, очень похожа на мертвую красавицу Бунина; она производит тем более сильное впечатление, что принадлежит миру, навсегда исчезнувшему: многое в ней на наших глазах «каменеет, блекнет» и красота делает мертвое еще страшней.

Правда, красота сочетается с безобразием, что и дало название статье, но всё же именно она связывает эмигрантское творчество «цвета дооктябрьской литературы» с прежним: «Однако даже поверхностное обозрение материала уводит нас далеко в сторону от красоты, хотя бы и мертвой. Сплетня, клевета и донос, процветающие в журнале (и, как увидим, далеко не у одних второстепенных писателей), блудословие, играющее в психологизм и лирику, — все это вещи, трудно соединимые с понятием красоты. Напротив, все эти явления скорее подходят под рубрику безобразия, причем здесь оно отнюдь не мертвое, а очень даже живучее» (С. 234). И всё же, отвергая созданное Шмелевым в эмиграции, Горбов дважды в двух соседних предложениях называет его «крупным художником». Подобных прямых оценок в адрес конкретных писателей в статье почти нет: лишь Бунин — «художник первой величины» (С. 239), да Цветаева — «неплохая поэтесса» (С. 244).

А вот в статье Г. Горбачева «Реалистическая проза 1910-х годов и творчество Ив. Шмелева» значение и масштаб дарования писателя, напротив, оцениваются не слишком высоко, что вызывает некоторое недоумение, поскольку опубликована она в качестве предисловия к сборнику Шмелева 1927 г. «Забавное приключение:

Рассказы». Можно было бы предположить, что Горбачев просто стремится оправдать издание сборника, цель которого привлечь внимание не к творчеству писателя-эмигранта, а к особенностям предреволюционной реалистической литературы, но среди авторов более совершенных и значительных произведений он называет других эмигрантов — Бунина, Куприна, Зайцева.

Шмелев представляется в статье «одним из характернейших представителей реалистической прозы» (С. III), «весьма типичным прозаиком» (С. VII), которому «далеко до классической четкости и ясности бунинских описаний, до проникновенного, заражающего своим настроением лиризма Б. Зайцева, до полугротескной выпуклости чудовищных фигур Толстого и Замятина» (С. XI). «Широких обобщающих типов большой значимости» Шмелев за редкими исключениями, как считает Горбачев, не дает, демократизм у него «своеобразный» и «очень условный», «социальное мировоззрение и политические симпатии <...> отличаются крайней расплывчатостью», «общий смысл бытописательства» неопределенен, «нет четко поставленных общих проблем», но всё же он порою «достигает почти равенства с каждым из этих писателей: лирика и пейзаж “Под небом” и “Волчьего переката” достойны Зайцева; неторопливая, спокойная четкость “Пугливой тишины”, “Леса” равна бунинским; соперничал в свое время с “Уездным” Замятина сказ “Человека из ресторана”, могли быть написанными Чеховым “Лихорадка” и “Поденка”, Горьким — “Распад”».

Ну и, наконец, в «незабываемый “железный” фонд» русской литературы, по мнению Горбачева, вошли «Человек из ресторана» и «Гражданин Уклеikin», достойны этого — «Росстани» и «Забавное приключение» (С. XI–XII). С точки зрения явного выделения «Человека из ресторана» и «Гражданина Уклеикина» статья Горбачева и вызывает в контексте нашей статьи наибольший интерес. Горбачев выстраивает «иерархию» шмелевских произведений, которая постепенно станет базовой в СССР. При этом он ссылается и на широкие читательские круги, которым Шмелев «известен преимущественно как автор больших повестей — “Человек из ресторана” и “Гражданин Уклеikin”, заслонивших 8 томов сочинений Шмелева, изданных книгоиздательством писателей в Москве, в которых упомянутые повести занимают лишь восьмую часть и в которые не вошли некоторые дореволюционные рассказы, все детские рассказы, “Неупиваемая Чаша”, “Это было”, появившиеся после революции, и произведения, написанные Шмелевым в эмиграции, после 1922 г.» (С. XIV).

Первое упоминание эмиграции в статье, как мы видим, противопоставления в себе не содержит: эмигрантское творчество Шмелева предстает просто как очередной его этап. Но в заключительном абзаце Горбачев возвращается к эмиграции: «Как и многие писатели-интеллигенты, связанные со стабилизационной эпохой 10-х гг., Шмелев не принял Октябрьскую революцию. Он эмигрировал и пишет теперь антихудожественные в своей тенденциозности обличительные повести о “большевистских зверствах” (“На пеньках”). Но произведения Шмелева эпохи его расцвета любопытны и как этап нашего литературного развития, и как отражения ушедшего быта и психологии» (С. XV).

Финал вступительной статьи строится как раз на противопоставлении эмигрантского и «прежнего», если использовать формулировку Горбова, творчества, причем Шмелев как современный эмигрантский писатель отвергается, а его «прежние» произведения, ставшие уже частью истории литературы, заслуживают внимания, прочтения и переиздания.

Эта модель отношения к писателям, выбравшим эмиграцию, но до революции не принадлежавшим к консервативному лагерю, отразилась и в рецензиях на сам сборник 1927 г. «Забавное приключение: Рассказы». «Шмелев — один из самых видных и талантливых бытописателей-реалистов предреволюционных лет. Он владеет даром писать увлекательно. Язык его произведений сочный, густой, живо передающий быт, среду и людей, которых писатель описывает. Его симпатии на стороне угнетенных, униженных (вспомним его крупнейшие вещи: “Человек из ресторана” и “Гражданин Уклейкин”), и произведения проникнуты большой любовью к маленьким людям, — отмечал Л. Дашков в журнале “Книга и профсоюзы”. — По языку и манере рассказы Шмелева доступны самому широкому читателю. ГИЗ имел основания издать книгу избранных вещей этого писателя, несмотря на то, что писатель находится в стане белой эмиграции» (1927. № 5. С. 48).

А 22 июля 1927 г. о книге Шмелева написала «Правда». Раздел «Библиография» открывался отзывом М. Ольминского о брошюре «История “Правды” в датах и числах. 1912–1927», а завершался рецензией на «Забавное приключение». Без идеологии в «Правде», конечно, не обходится, но упрекают Шмелева в том, что «никаких социальных бурь его творчество не знает» и что хотя «в словах лесника и солдата звучат грозные нотки классовой ненависти», «не чувство классовой ненависти, а лишь пьяную блажь разглядел здесь Шмелев»: «Вот почему получилось только “Забавное приключение”» (№ 114. С. 5).

Хотя с подобной «внеклассовой» интерпретацией конфликта можно и поспорить, важнее иное — из рецензии вообще нельзя понять, что писатель является противником советской власти и живет в эмиграции. Точно такой же текст мог быть написан и о сборнике дореволюционных произведений кого-то из живущих в СССР.

Период «ограниченного» приятия Шмелева, как и в случае с другими писателями-эмигрантами, завершается в 1928 г. Запрет на публикацию любых их произведений, в том числе и написанных до отъезда из России, приводит к тому, что в 1930-е гг. имя Шмелева практически исчезает из литературно-критического поля. Но оно продолжает упоминаться постольку, поскольку литература и писатели остаются важными фигурами в общественно-политическом противостоянии СССР и эмиграции. Показательна с этой точки зрения статья в «Литературной газете» 15 мая 1931 г., рассказывающая о приезде в Москву Максима Горького. Горький в ней сразу противопоставляется, причем его же устами, Шмелеву и Бунину: «Творчество писателей-эмигрантов, — рассказывает Алексей Максимович, — находится сейчас на очень низком уровне. Шмелев и Бунин сошли на нет, стали писать совсем плохо».

А 14 февраля 1932 г. в «Правде» в статье «Литература “парижского” уезда» В. Волин пересказывает обзор Марка Слонима в пражском журнале «Воля России»: «Бунин, Зайцев, Куприн, Шмелев, Чириков пишут о прошлом. Они, — рассказывает Марк Слоним, — в эмиграции как бы “доживают” свой литературный век. Любопытно, что не только тематически, но и формально их произведения связаны с прошлым».

Внутренние разногласия русского зарубежья позволяют советским публицистам использовать критические высказывания одних эмигрантов (в данном случае — Слонима) в адрес других, но важна не только негативная оценка. «Правда» ведь таким образом и информирует, сообщает читателям, что и в 1930-е гг. Бунин, Зайцев, Куприн, Шмелев, Чириков не исчезли, не оставили литературную деятельность, а продолжают писать в эмиграции. И связь их с прошлым, неприемлемая для Слонима, для Волина и для редакции «Правды», может быть вполне приемлема для какой-то, пусть и небольшой, части газетной аудитории.

Спустя несколько месяцев о Шмелеве вспоминает «Литературная газета». 29 июля 1932 г. один из видных американских коммуни-

стов Окли Джонсон в статье «“Чистая пропаганда” белогвардейцев и “чистое искусство” советских писателей» пишет:

В предисловии к «Неупиваемой Чаше» И. Шмелев, который является одним из врагов коммунистического режима, говорит о своем произведении: «Я писал эту поэму, — я позволю себе так назвать мою книгу, — в очень трудное для меня время, а именно летом 1918 года, когда я покинул Москву, — не мою старую родную Москву, а Москву, плененную злыми силами!». Все это сказано совершенно просто, точно автор не ожидает, что кто-нибудь станет возражать против подобной характеристики Советского Союза. Роман сам по себе — весьма сентиментальная повесть из дореволюционной России — не содержит непосредственно пропаганды, если не считать установки, данной в предисловии. Но автор, без сомнения, пропагандист. Невольно возникает вопрос: как он стал бы трактовать тему современной России?

Отметим, что именно Шмелев упоминается в статье первым из «белых писателей», а за ним следуют И. Наживин, М. Осоргин и роман «Мы» недавно уехавшего Е. Замятина (№ 34. С. 3).

Все упоминания Шмелева в советской прессе здесь нет возможности перечислить, но выделим еще два, в которых Шмелев предстает не только враждебным советской власти эмигрантом, но и «прославленным писателем», даже «классиком», знакомство с произведениями которого необходимо и советскому читателю.

18 января 1938 г. В. Ильенков в «Правде» в статье «Серафимович: к 70-летию» пишет: «Конец 1917 года. На Большой Дмитровке — собрание литераторов и художников “Среды”. Здесь — прославленные писатели: Бунин, Чириков, Шмелев, Зайцев, виднейшие художники и артисты; много гостей — врачи, какие-то пышно разодетые дамы. “Среда” из небольшой группы литераторов превращалась в прибежище для всех, кто бешено ненавидел Великую Октябрьскую революцию» (С. 4). А 15 июня 1939 г. в номере «Литературной газеты» среди материалов к третьей годовщине смерти Горького печатается список произведений, составленный им в 1928 г. в ответ на записку Н.К. Крупской о пятилетнем перспективном плане издания классиков, в котором отмечено: «Гаршин, Степняк, Левитов, Шмелев, Мопассан, Шоу, Бьернсон показаны в списке изданными»¹⁴.

¹⁴ Горький М. По поводу замечаний Н.К. Крупской // Литературная газета. 1939. 15 июня. № 33. С. 1.

Исследовательская рецепция Шмелева в 1920–1930 гг. формировалась изначально именно на основе литературно-критических выступлений, но не советского времени, а еще дореволюционных. Впрочем, это касается не только Шмелева. Как я показывал ранее, советская научная традиция изучения литературы конца XIX – начала XX вв. генетически была связана с книгой В. Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература», выдержавшей в 1920-е гг. несколько изданий (см.: [5]). Книга дорабатывалась и дополнялась, но изначально составлялась она Львовым-Рогачевским на основе его публиковавшихся до революции журнальных литературно-критических статей.

На рубеже 1922–1923 гг., когда появилось цитируемое далее издание «Новейшей русской литературы» (на титуле значится 1922 г., а на обложке уже 1923 г.), никаких идеологических препятствий для включения в него Шмелева еще не было, хотя посвященная ему отдельная глава и завершалась словами: «В 1922 году Иван Шмелев уехал за границу» [2, с. 221]. Перед этим Львов-Рогачевский, кстати, упоминает «тяжелое личное горе», которое потрясло художника в годы революции, о чем затем в СССР долгое время вспоминать не будут.

До революции Львов-Рогачевский опубликовал в журнале «Современный мир» ряд рецензий на книги Шмелева или сборники с его участием¹⁵, а в основу главы, которая называется «Иван Шмелев <с неправильным указанием года рождения в скобках — 1875>. — Духовный сын 1905 года» [2, с. 213–221], лег переработанный очерк «Художник обездоленных» (Современный мир. 1912. № 11. С. 308–321). Однако в 1912 г. Львов-Рогачевский, хотя и писал о том, что Шмелева «захватил» бурный 1905 год, и о «внутренней перемене» в нем, которую этот год завершил, но всё же от 1905 года не отталкивался. А в книге 1905 год вынесен в подзаголовок, о нем говорится в первом же абзаце, а во втором, состоящем всего из одного короткого предложения, прямо и категорично утверждается: «Революция 1905 года родила и выдвинула этого писателя» [2, с. 213]. И поставленная в центр краткого очерка жизни и творчества связь Шмелева с революционными событиями показательна — она и в дальнейшем постоянно выделялась исследователями.

¹⁵ Современный мир. 1911. № 10. С. 334–335; Современный мир. 1912. № 3. С. 327–329; и др.

Из ранних произведений Шмелева Львов-Рогачевский упоминает не только «На скалах Валаама», но и дебютный рассказ «На мельнице», напечатанный в «Русском обозрении», и публиковавшийся в журнале «Детское чтение» рассказы для детей — «Догоним солнце», «Служители правды», «О светлых страницах детства», «В новую жизнь». И всё же он представляет Шмелева как одного из тех писателей, что «в 1905 году родились для новой жизни, почувствовали себя частью разбушевавшейся стихии и оторвались от будней обывательщины»: «К таким художникам принадлежит талантливый, темпераментный, глубоко искренний художник И.С. Шмелев. Этот коренной москвич явился выразителем настроений городской демократии, захваченной в водоворот 1905 года» [2, с. 213].

Поскольку, как уже сказано, книга готовилась, когда Шмелев еще не заявил о своей позиции эмигранта, мы здесь отметим только ключевые положения, важные для понимания дальнейшего развития советского шмелеведоведения. Это связь с Горьким и «Знанием», «новизна быта» и типа в «Человеке из ресторана», внутренняя перемена героев, временное перерождение «Гражданина Уклейкина», повесть «Распад» и «привязанность к предкам, похожим на Стеньку Разина и Пугачева, и людям мятежным, цельным и сильным», что «не мешало художнику радостно приветствовать грядущее и ту бурю нового, которая все сметает» [2, с. 217], мечта городского жителя о «тихом небе», отразившаяся в рассказах «Под небом», «Под горами», «Пугливая тишина», «На том берегу», «Стена», своеобразии романтика, который в героях своих видит почти в каждом по «два существа: мечтателя-романтика и обывателя, отравленного суетой», любит легенду и сказку и чья легенда, сказка, и «мечта о новой жизни и новых людях просвечивают сквозь грубо-реалистическую, подчеркнуто-некрасивую оболочку», [2, с. 219], демократизм в годы войны, «прекрасные живые очерки» «Суровые дни», в которых «было возмущение» и «жило предчувствие», нарастающее возмущение народа в «Забавном приключении» и пессимизм произведений 1922 г.

Показательны здесь не только интерпретация, но и круг названных произведений: кроме уже перечисленных упомянуты рассказы «Патока», «Нора» и «Иван Кузьмич». Он достаточно широк и фиксирует целый ряд текстов, которые и в дальнейшем в исследованиях и учебных пособиях будут приводиться в качестве ключевых для понимания творчества Шмелева. Хотя частично список, естественно, будет варьироваться, в том числе и за счет появления произведений, созданных после отъезда Шмелева из России.

Концептуальные изменения в отношении к Шмелеву, обусловленные его эмиграцией, новую оценку его места в русской литературе во второй половине 1920-х гг. мы можем зафиксировать в «Очерках истории новейшей русской литературы» В. Евгеньева-Максимова. В четвертом издании, вышедшем в Государственном издательстве в 1927 г., в разделе, посвященном 1890-м гг. и началу 1900-х, Шмелев лишь упоминается в качестве одного из авторов «Знания». «Персональные» главы здесь посвящены В. Вересаеву, Горькому, А. Куприну, Ф. Сологубу, К. Бальмонту и В. Брюсову. Нет Шмелева «персонально» и в разделе о предоктябрьском периоде 1905–1917 гг. (здесь выделены Л. Андреев и пара А. Блок и А. Белый). Однако в этом разделе о Шмелеве написано, как об одном из наиболее ярких писателей, связанных с «возрождением реалистической традиции» в годы, предшествующие первой мировой войне [1, с. 148]. Евгеньев-Максимов выделяет демократические, «иногда даже полусоциалистические тенденции» в «Человеке из ресторана», «Распаде», «Гражданине Уклейкине».

Зато в разделе «Послеоктябрьский период» есть специальная глава, которая названа «Писатели-зарубежники — И. Бунин, Б. Зайцев, Д. Мережковский, И. Шмелев и др.». Под «и др.» скрываются Алданов, Куприн, Чириков, Юшкевич, Савинков, так что само упоминание Шмелева в названии уже является значимым, равно как и посвященный ему объем текста. Из четырех страниц, которые занимает глава, Шмелеву отведена почти целая страница.

Он противопоставлен Бунину, Зайцеву, Мережковскому и Алданову как один из тех эмигрантских писателей, что «видят свою главную задачу» в откликах на современную действительность [1, с. 257]. Шмелев представлен как «писатель большого художественного дарования, о котором нам уже приходилось упоминать, как об авторе в прекрасной реалистической манере написанных, проникнутых демократическими настроениями повестей “Человек из ресторана” и “Господин Уклейкин”». Обратим здесь внимание, во-первых, на искаженное название «Гражданина Уклейкина» — вероятно, именно из Евгеньева-Максимова оно затем переместится в подготовленный ИРЛИ РАН четвертый том «Истории русской литературы» (1983), к которому мы обратимся в продолжении этой статьи, когда перейдем к послевоенному периоду. И, во-вторых, — на повторяющийся акцент на демократизме Шмелева.

Переходя к пореволюционному творчеству Шмелева, Евгеньев-Максимов называет «Неупиваемую Чашу», «Солнце мертвых» и «На пеньках», причем в характеристике «Солнца мертвых» он

опирается на оценки Смирнова, а «На пенях» оценивает в соответствии с Горбовым:

В начале революции, до своей эмиграции, Шмелев написал превосходную повесть из времен крепостного права «Неупиваемая Чаша». Эмигрировав, он в ряде произведений из эпохи революции и гражданской войны изобразил революционную современность в духе исключительно враждебного к ней отношения. Так, в большой повести — эпопее «Солнце мертвых» он говорит о голодных днях, пережитых Крымом. «В смысле чисто художественном эпопея особенно в местах внутренне объективных написана хорошо», но в целом это — вещь, «пылающая мстительнейшей злобой» (Смирнов), направленной против революции [1, с. 257].

В 1927 г., как уже было отмечено, писателей-эмигрантов еще печатали в СССР, поэтому особый интерес представляют исследования, появившиеся позже. И прежде всего книга Б.В. Михайловского «Русская литература XX века с девяностых годов XIX века до 1917 г.». Она вышла в 1939 г. в Государственном учебно-педагогическом издательстве Наркомпроса РСФСР в Москве, была рекомендована для студентов, т.е. по сути являлась учебником, так что позицию Михайловского можно считать «верифицированной» советской властью.

Замечательно это учебное пособие не только уровнем осмысления литературного процесса, но и тем, что в нем представлены как оставшиеся после революции в СССР писатели, так и вернувшиеся из эмиграции, и последовательные эмигранты, причем главы о творчестве Куприна и Бунина предшествуют главам о Горьком и Серафимовиче. Сразу отметим, что специальной главы о Шмелеве нет — из остающихся в эмиграции отдельно вынесен только Бунин, но упоминается как яркая и значимая фигура литературного процесса Шмелев не раз.

Уже в первом абзаце первой аналитической главы на с. 22 назван в числе представителей реалистического направления (с оговоркой — после 1905 г.), а на с. 25 упоминается (с названием произведений в сноске) в перечислениях в числе писателей, которые критиковали «застойность, отсталость, бескультурье русской провинции, обличали обывательщину, затягивающую в свое болото интеллигенцию».

Затем Михайловский дает характеристику повести «Распад», «рисующей конец патриархального торгового мира», и рассказа

«Иван Кузьмич», в котором Шмелев «отождествляет правду совершающейся революции 1905 г. с правдой купца старого закала» [3, с. 29], пишет, что в «рассказах Шмелева о деревне проявляется идеализация деревни», а потому они, в отличие от произведения Бунина, «лишены познавательной ценности, фальшивы». В сноске здесь указываются «Росстани» и «Миرون и Даша» [3, с. 30].

Абзац на с. 33 посвящен «Человеку из ресторана», и там же в сноске приводятся «Распад» и «Стена» как пример того, как «отсталые слои пролетариата» попадают в поле зрения прогрессивно-демократической литературы. Отмечая, что «конфликты рабочих с хозяевами у натуралистов не получили резкой выраженности. У Шмелева эти противоречия оказываются легко устранимыми», Михайловский приводит в пример «Распад». На с. 34–35 он пишет, что бывший революционер в рассказе Шмелева «Поденка» «примиряется с мещанством», на с. 37 — что «бедные, страдающие, придавленные, подчас опустившиеся на “дно” люди целой вереницей проходят в произведениях Телешова, Шмелева, Чирикова, Айзмана и др.». Цитаты можно приводить и дальше, но приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что Шмелев рассматривается как значимая фигура литературного процесса, а многогранность его творчества демонстрируется и за счет количества упомянутых Михайловским произведений Шмелева: их значительно больше, чем в позднейших учебниках.

Михайловский анализирует не только тематику и пафос, но и принципы художественного отражения, характерные для Шмелева: «Для Шмелева, например, характерно, что он становится на точку зрения персонажей, лишь смутно чувствующих социальные противоречия: отношения хозяина к рабочим воспринимаются глазами детей в “Распаде”, события 1905 г. даны через восприятие старозаветного купца в “Иване Кузьмиче” или через восприятие “маленького человека” в “Гражданине Уклейкине»» [3, с. 44].

Как и у Львова-Рогачевского, особо выделяется связь творчества писателя с первой русской революцией. В главе «Литература критического реализма в период революционного подъема» Михайловский пишет, что «из произведений, посвященных 1905 году, художественным мастерством отличается “Гражданин Уклейкин” Шмелева» [3, с. 188]. А вот оценки произведений периода Первой мировой войны у Михайловского уже иные. В главе «Литература военных лет» он зачисляет Шмелева в ряды тех, чьи произведения проникнуты «квасным ура-патриотизмом»: «Из писателей-натуралистов сугубо фальсифицированное освещение войны и крестьянского отношения

к войне дал Шмелев. Война в изображении Шмелева не страшна: в армии царит довольство, крестьяне вполне понимают и одобряют цели войны, охотно идут на нее, охвачены энтузиазмом» [3, с. 411, 413–414]. Ссылается при этом Михайловский на сборник «Суровые дни», цитирует рассказы «Под избой» и «Мирон и Даша», причем первый из них не называется.

При этом чуть позже Михайловский отмечает у Шмелева в некоторых рассказах и «ноты осуждения “тыла”, обывателей, у которых жизнь течет по-прежнему, буржуа, которые жиреют от военных поставок». В качестве примера приводятся «Забавное приключение» и «Лик скрытый» [3, с. 416].

Подчеркнем, что отбор произведений у Михайловского определяется не только исследовательскими установками, но и учебно-методическими целями книги. При этом в качестве «положительных примеров» приводятся только те произведения, что переиздавались в 1920-е гг. в СССР по новой орфографии: не раз выходявшие «Распад», «Человек из ресторана», «Гражданин Уклекин» и «Забавное приключение», «Поденка» из сборника «Забавное приключение: Рассказы» (1927), «Стена» из сборника «Стена» (1928), «Иван Кузьмич», перепечатанный в сборнике «1905 год в русской литературе», а в качестве «отрицательных» — произведения, для чтения которых надо обращаться к дореволюционным изданиям.

Таким образом, отъезд Шмелева из России в конце 1922 г. и публикация вскоре во Франции эпопеи «Солнце мертвых», после которой в СССР его зачислили в ряды белогвардейцев, монархистов и «злых реакционеров», не препятствовали изданию в СССР на протяжении 1920-х гг. его дореволюционных произведений и изучению его творчества в вузах в 1930-е. А созданные в эмиграции произведения писателя, хотя и не переиздавались в Советском Союзе, все же оценивались и анализировались и в публицистике, и в литературной критике, и в очерках истории русской литературы. Заложенные в 1920–1930-х гг. тенденции во многом определили подход к изданию, анализу и интерпретации произведений Шмелева на протяжении значительной части послевоенного периода, к которому мы обратимся в продолжении этой статьи.

Литература

1. *Евгеньев-Максимов В.* Очерки истории новейшей русской литературы. 4-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 336 с.
2. *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература. М.: Изд. Всероссийского Центрального союза потребительских обществ, 1922 [на обложке 1923]. 324 + IV с.
3. *Михайловский Б.В.* Русская литература XX века с девяностых годов XIX века до 1917 г. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 420 с.
4. *Николаев Д.Д.* Комментарии // Публицистика И.А. Бунина (1918–1952 годов). М.: Наследие, 1998. С. 535–581.
5. *Николаев Д.Д.* Творчество И.С. Шмелева в русской критике 1920-х гг. // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С.368–380.
6. *Осьминина Е.А.* Проблемы творческой эволюции И.С. Шмелева: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 166 с.
7. *Шещунова С.В.* Иван Шмелев как революционный агитатор (по поводу одной инсценировки) // Трансформации русской классики. URL: <http://transformations.russian-literature.com/ivan-shmelev-kak-revoljucionnyj-agitator> (дата обращения: 04.02.2024).

Research Article

Shmelev in the USSR. (Chapter One: Editions and Reception in Pre-War Period)

© 2024. Dmitry D. Nikolaev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article examines the literary-critical and journalistic reception of I.S. Shmelev's works in the USSR, along with the history of publication and interpretation of his works in the pre-war period. The subject of the analysis is the corpus of articles, essays, and reviews published in the newspapers "Pravda," "Izvestiia," "Literaturnaia Gazeta," the journals "Pechat' i Revoliutsiia," "Krasnaia Nov," "Prozhektor," "Biulleten' Knigi," etc., collections of works by Shmelev, abstracts dedicated to him in the "Histories of Russian Literature" by V.L. Lvov-Rogachevsky, V.E. Evgeniev-Maksimov, B.V. Mikhailovsky, and others mentions of the writer's name in the central Soviet press. Shmelev actively published until 1929, despite the writer's anti-Soviet position in emigration. The negative reviews that began to appear in the USSR after the publication of the "Solntse Mertvykh" did not delete Shmelev's name from the history of literature and the modern literary process. He was still considered one of the most significant Russian writers and even included in the study program of universities.

Keywords: I.S. Shmelev, reception, literary criticism, journalism, B.V. Mikhailovsky, V.L. Lvov-Rogachevsky.

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

For citation: Nikolaev, D.D. “Shmelev in the USSR. (Chapter One: Editions and Reception in Pre-War Period).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 263–291. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-263-291>

References

1. Evgen'ev-Maksimov, V. *Ocherki istorii noveishei russkoi literatury* [*Essays on the History of Modern Russian Literature*]. 4th ed. Moscow. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1927. 336 p. (In Russ.)
2. L'vov-Rogachevskii, V. *Noveishaia russkaia literatura* [*The Modern Russian Literature*]. Moscow, Izdanie Vserossiiskogo Tsentral'nogo Soiuza Potrebitel'skikh Obshchestv Publ., 1922 [1923 on cover]. 324 + IV p. (In Russ.)
3. Mikhailovskii, B.V. *Russkaia literatura XX veka s devianostykh godov XIX veka do 1917 g.* [*Russian Literature of the 20th Century from the 90s of the 19th Century to 1917*]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR Publ., 1939. 420 p. (In Russ.)
4. Nikolaev, D.D. “Kommentarii” [“Comments”]. *Publitsistika I.A. Bunina (1918–1952 godov)* [*I.A. Bunin's Journalism (1918–1952)*]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 535–581. (In Russ.)
5. Nikolaev, D.D. “Tvorchestvo I.S. Shmeleva v russkoi kritike 1920-kh gg.” [“I.S. Shmelev's Works in Russian Criticism of the 1920s”]. *Nasledie I.S. Shmeleva: problemy izuchenii i izdaniia* [*I.S. Shmelev's Heritage: Problems of Study and Publication*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 368–380. (In Russ.)
6. Os'minina, E.A. *Problemy tvorcheskoi evoliutsii I.S. Shmeleva* [*Problems of I.S. Shmelev's Creative Evolution: PhD Dissertation*]. Moscow, 1993. 166 p. (In Russ.)
7. Sheshunova, S.V. “Ivan Shmelev kak revoliutsionnyi agitator” [“Ivan Shmelev as a Revolutionary Agitator”]. [*Transformations of Russian Classics*]. Available at: <http://transformations.russian-literature.com/ivan-shmelev-kak-revoljucionnyj-agitator> (Accessed 04 February 2024). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.03.2024
Одобрена после рецензирования: 28.04.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 04.03.2024
Approved after reviewing: 28.04.2024
Date of publication: 25.06.2024

«Панталоне» и «Коломбина» в Стране Советов: визит Б. Шоу и Н. Астор в СССР в 1931 г.

© 2024, Ю.А. Скальная

МГУ имени М.В. Ломоносова,

ВУ имени князя Александра Невского МО РФ

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Аннотация: Исследование посвящено знаковому визиту ирландского драматурга Бернарда Шоу и члена британского парламента леди Нэнси Астор в СССР в 1931 г. Однако оно стремится уйти от шаблонного изложения общеизвестных фактов их пребывания в Стране Советов и предлагает сосредоточиться на ранее не известных обстоятельствах подготовки этой поездки представителями НКВД и дипмиссии СССР в Лондоне, а также информационном противостоянии, порожденном данным визитом в советской и зарубежной прессе. Новизна исследования обусловлена привлечением большого количества архивных материалов (АВП РФ, РГАЛИ), а также не переведенной на русский язык частной переписки Шоу и дневников его подруги Беатрис Уэбб. Методологической основой работы служат биографический и культурно-исторический подход; используются нарративный метод при воссоздании исторического фона визита Шоу, метод контент-анализа при работе с публикациями в СМИ. По итогам рассмотрения комплекса этих документов становится очевидно, что, несмотря на живой интерес Шоу к России, его визит носил скорее стихийный характер, что в совокупности с непредсказуемым поведением его спутницы леди Астор не раз ставило советскую сторону в затруднительное положение. Тем не менее, разнообразие предложенной британской делегации программы, а также удовлетворение как разумных запросов, так и прихотей драматурга, в совокупности произвели на компанию благоприятное впечатление, способствуя появлению положительных отзывов о посещении СССР со стороны спутников Шоу и восторженных комментариев от самого драматурга. В результате победа «мягкой силы» Советов спровоцировала волну публикаций в британских СМИ, призванных дискредитировать Шоу и леди Астор как центральные фигуры поездки. Однако нельзя сказать, что на тот момент они нанесли существенный ущерб их репутации или повлияли на взгляды Шоу и Астор на СССР.

Ключевые слова: Бернард Шоу, Нэнси Астор, западно-советские литературные и культурные контакты, НКВД, секретариат М.М. Литвинова, информационная война.

Информация об авторе: Скальная Юлия Андреевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 119991, г. Москва, Россия; доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, ул. Б. Садовая, 14, 123001, г. Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6330-6793>

E-mail: julycat@mail.ru

Для цитирования: Скальная Ю.А. «Панталоне» и «Коломбина» в Стране Советов: визит Б. Шоу и Н. Астор в СССР в 1931 г. // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 292–319. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-292-319>

Ирландский драматург, острослов, полемист, театральный и музыкальный критик, член Фабианского общества, убежденный социалист и коммунист, женившийся на ирландской миллионерше Шарлотте Пейн-Таунсенд (не столько по своей воле, сколько под напором неумолимой женской энергетике), — Бернард Шоу был фигурой разносторонней и противоречивой. Его любовь к поэтике контрастов и знание законов театра, согласно которым, без конфликта не бывает действия, не только завоевали сердца множества поклонников его литературного таланта и единомышленников в социально-политической сфере, но и неизбежным образом привлекли к его персоне внимание откровенно враждебно настроенных критиков.

Пока речь шла о реформе английского театра, за которую ратовал Шоу, ему удавалось изящно и остроумно отбивать удары и предупреждать нападки недоброжелателей в пространных предисловиях и послесловиях к своим драмам; при помощи произведений, написанных непосредственно против ограниченного мышления консервативных театралов (например, «Первая пьеса Фанни» — *Fanny's First Play*, 1911); а также благодаря открытым письмам в печати и в целом значительной доле самоиронии. Однако когда Шоу стал энергично ратовать за изменение взглядов британцев на Советскую Россию, ему пришлось противостоять не только консерваторам от искусства, но и всему консервативному правительству Британии во главе с Уинстоном Черчиллем.

Визит Шоу в составе британской делегации в СССР в 1931 г. — событие известное и часто упоминаемое как в научных работах (биографами писателя [4; 8; 11; 13, vol. 3; 16], историками литературы [9; 14; 20; 21], историографами [6; 12; 19]), так и в различных электронных медиа — будь то качественная пресса¹, частные блоги или же издания, носящие таблоидный характер. Тем не менее, подавляющее большинство подобных публикаций оперирует ставшим стандартным набором фактов, списком мест, которые он посетил, расхожими цитатами из многочисленных интервью, данных писателем по возвращении на родину, общими утверждениями, сводящимися к «слепоте» Шоу в отношении недостатков советской системы, его симпатии к В.И. Ленину и И.В. Сталину. Именно поэтому данная сторона вопроса интересует нас в меньшей степени, а основное внимание в статье мы уделим закулисной подготовке визита писателя в СССР и той медийной войне, которая разразилась в советской и зарубежной печати вокруг него.

1.

Когда в 1917 г. в России произошел Октябрьский переворот и Запад с напряженным вниманием наблюдал за дальнейшим развитием событий, британские власти приложили все усилия для того, чтобы пресечь распространение революционных идей в Соединенном Королевстве — особенно на фоне подавленного Пасхального восстания 1916 г. в Ирландии и последовавшей за ним ирландской войны за независимость 1919–1921 гг., а также общей внутренней ослабленности Великобритании по итогам Первой мировой войны. В этих условиях консервативные печатные издания стали главной площадкой для осуждения действий большевиков и трансляции антисоветских настроений.

Чтобы проиллюстрировать позицию и основной вектор приложения усилий консерваторов, профессор Д. Лейн в статье «Восприятие русской Октябрьской революции в Великобритании» цитирует один из архивных документов британского Министерства иностранных дел: Уинстон Черчилль направил « всю свою бурную энергию и <политический> гений на организацию вооруженной интервенции против России» [15]. В 1919 г. тезис Черчилля: «Из всех тираний в истории тирания большевиков является самой ужасной, самой разрушительной, самой унижительной. И притворяться, что она чем-то лучше немецкого милитаризма, — полнейший вздор» [15] —

¹ Например: *Weintraub S. GBS and the Despots // The Times Literary Supplement. 2011. 22 August. P. 1–9.*

стал основой, на которой строилась не только объективная критика большевизма, но и самые невероятные измышления о зверствах советского режима.

Риторика Черчилля кардинально изменится во время Второй мировой войны, когда русские станут «великими союзниками» Соединенного Королевства в борьбе против фашизма (о чем премьер-министр упомянет даже в обращенной к британскому народу речи 8 мая 1845 г.). Однако до этого, как заметит Шоу в интервью 1939 г., пройдет двадцать лет, в течение которых «мы <англичане> боролись с Советским Союзом и рисовали его чернильными красками»².

На протяжении всего этого времени сам Шоу неизменно стоял на позиции, шедшей вразрез с официальной пропагандой и, напротив, приветствовал русскую революцию как конец тирании династии Романовых, а предпринятый Лениным «социальный эксперимент» — как надежду для мира изжившего себя капитализма на перерождение и сохранение цивилизации.

Еще до революции, полемизируя с собратом по перу и Фабианскому обществу Гербертом Уэллсом в печати, Шоу писал: «Гогенцоллерны, как и Романовы, подобны синильной кислоте, но Гогенцоллерны были укрощены социальной демократией, Французской революцией и Наполеоном, в то время как Романовы не допустили революцию в свои границы, победили Наполеона, а когда наконец столкнулись с бомбами и террористами, обнаружили, что их авторитет, как замечает мистер Уэллс, от этого лишь укрепился, а вовсе не ослаб». Заканчивалось обращение Шоу к широкой общественности фразой: «Наше наилучшее пожелание России — избавиться от русских царей, так же как мы желаем Германии избавиться от прусской гегемонии»³.

Поэтому, когда в 1917 г. это желание осуществилось, Шоу от души приветствовал перемены в России как в частной переписке, так и в публичных лекциях. И много позже в предисловии к изданию «Фабианских эссе» (*Fabian Essays*) 1931 г. он не изменил своему мнению, назвав русскую революцию «самым благотворным (beneficent) событием, несмотря на отдельные ужасные эпизоды, которые сопровождают все слишком долго откладываемые революции» [10, p. 264].

Однако именно Уэллс первым совершил поездку в Советский Союз, где получил весьма неоднозначные впечатления, отразившие-

² Интервью было напечатано в шведской газете «*Ny Dag*» 5 сентября 1939 г. Цит. по рус. пер.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 188. Л. 2.

³ *Daily Chronicle*. 23 December, 1914. P. 3.

ся в знаменитом травелоге «Россия во мгле» (*Russia in the Shadows*, 1921). Разумеется, что официальных лиц Великобритании критика Уэллсом состояния постреволюционной России вполне устраивала, хоть писатель и не был готов полностью возлагать ответственность за текущее положение вещей на большевиков:

...я старался изложить свои впечатления от происходящего в России — стране, где цивилизация, не имевшая достаточно глубоких корней, благодаря бездарному царскому правительству, невежественности и, наконец, изнурительной шестилетней войне пришла в окончательный упадок. Я рассказал о безнадежном состоянии науки и искусства, о почти полном исчезновении жизненных благ и удобств. Надо сказать, что <...> если бы Англии пришлось вынести еще четыре года войны, почти то же самое происходило бы и в Лондоне. <...> Большевистское правительство не несет ответственности ни за то, что эти бедствия произошли, ни за то, что они продолжаются [3, с. 51].

Более того, Уэллс по достоинству оценивал усилия большевиков по сохранению целостности государства и отражению внешних нападок:

Я не разделяю их убеждений, мне смешон их пророк Маркс, но я понимаю и уважаю их стремления <...> Почти все их силы поглощены глубоко патриотической борьбой с нападениями, вторжениями, блокадой и всякого рода другими бедствиями, которые западные державы с жестоким упорством обрушивают на потрясенную трагической катастрофой страну. Остаток сил уходит у них на то, чтобы спасти Россию от голодной смерти и установить какой-то общественный порядок среди всеобщего развала. Я уже говорил, что большевики исключительно неопытны как государственные деятели <...> история не знала еще такого дилетантского правительства. <...> Но их, а следовательно, и Россию спасает одно — их коммунистические убеждения [3, с. 51–52].

Что касалось Шоу, на все нелестные наблюдения из книги Уэллса о социальном эксперименте, предпринятом Лениным, он реагировал весьма спокойно, подчеркивая, что Уэллс совершил свой вояж слишком рано. Действительно, как признавал и сам Уэллс, сложно было ожидать процветания и порядка в стране, только что пережившей революцию, гражданскую войну и в целом коллапс всей социальной

инфраструктуры. Необходимо было время, и Шоу терпеливо ждал. Даже когда начали появляться первые положительные опыты путешествий по РСФСР, он сам не торопился собираться в дальний путь. Тем не менее драматург внимательно изучал книги и очерки современных путешественников, стремясь вывести из разношерстных свидетельств объективную картину.

Именно объективность в отношении советского строя (а не его положительная оценка) была принципиальна для Шоу, о чем свидетельствует и его письмо к бельгийскому дипломату, профессору Эдинбургского университета и автору ряда книг о политической и культурной истории России Шарлю Саролеа в 1922 г.:

Возможно, московскому правительству подлинно независимые наблюдатели не больше по вкусу, чем всяким другим правительствам. Вы воспитаны в традициях благородной школы космополитического либерализма, а не в традициях доктринерского марксизма. Но именно по этой причине, как я надеюсь, Вам и разрешат приехать в Россию и своими глазами увидеть все, что Вы хотите там увидеть. Если не считать документов, являющихся фактически официальными публикациями, мы здесь не получаем о России никаких сведений, кроме возмутительного реакционного вздора вроде того, что цитирует Черчилль, с одной стороны, и таких благостных описаний прелестей коммунизма, что невозможно поверить в их правдивость, — с другой. Мы хотим что-нибудь узнать от умелого наблюдателя и опытного писателя, который не является ни фанатичным коммунистом, ни скандализованным буржуа и который, помимо того, занимая высокое положение в обществе и научных кругах и имея прочную литературную репутацию, может обеспечить для своей публикации заметное место в капиталистической прессе, без чего у нас невозможна подлинно широкая огласка.

Я тут не упускаю случая выступить в защиту советского режима, но мое влияние существенно подрывает тот факт, что я открытый сторонник коммунизма с репутацией фрондера и человека эксцентричных взглядов; убежден, что Ваш отчет⁴, каким бы он ни был критическим, помог бы внести ясность [5, с. 348].

Но неумолимо приближавшаяся старость, а также политическое и культурное любопытство заставили драматурга летом 1931 г. при-

⁴ Свой «отчет» Саролеа действительно представил — в виде книги «Впечатления от советской России» (*Impressions of Soviet Russia*), которая была опубликована в 1924 г.

ехать в Советский Союз лично, приурочив визит к празднованию своего 75-летия.

2.

Судя по частной переписке Шоу, решение о поездке носило довольно спонтанный характер. В письме к англо-ирландскому писателю и политическому деятелю Горацию Планкетту от 16 июля 1931 г. читаем:

Я отправляюсь в Москву в субботу и ожидаю прибыть туда во вторник, если только меня не остановит революция в Берлине. Визит будет недолгим; я вернусь к <родным> берегам 2 августа: в том случае, если Советы не отправят меня в противоположном направлении в Сибирь. То, что я еду, до некоторой степени случайность: Асторы внезапно забрали себе в голову лично удостовериться в том, правда ли Россия такой рай земной, каким я ее объявил; и они бросили мне вызов, предложив отправиться вместе с ними. Я, с учетом моего возраста, почувствовал, что если не воспользуюсь этой возможностью сейчас, то рискую никогда не увидеть Россию вовсе; так что я согласился [17, vol. 4, p. 242]⁵.

В советском посольстве в Лондоне спонтанность сборов и разношерстность подобравшейся компании (помимо Шоу в поездке должны были принять участие лорд и леди Асторы, либеральный член палаты лордов маркиз Лотиан, а также корреспондент и местный глава Центра христианской науки Теннант) спровоцировали некоторый ажиотаж. Глава НКИД М.М. Литвинов ратовал за приезд Шоу как давнего друга страны Советов, однако его совершенно не устраивала кандидатура леди Нэнси Астор в качестве сопровождающей.

Леди Астор — американка и первая женщина в британском парламенте — не только обладала внутренним стержнем, благодаря которому успешно отстаивала свою позицию перед консервативно настроенными мужчинами в палате лордов, но и великолепно владела искусством провокации, которое часто выводило из себя ее оппонентов. Острый язык, непредсказуемость и бескомпромиссность во взглядах леди Нэнси, а также ее крайний скепсис (если не открытая враждебность) к коммунистическому строю делали ее персоной *non grata* для советских властей.

⁵ Здесь и далее цитаты из личной переписки Шоу приводятся в нашем переводе.

В секретном послании полпреду СССР в Великобритании Г.Я. Сокольникову от 26 апреля 1931 г. Литвинов пишет:

Мы вообще считаем эту крайне реакционную, взбалмошную леди Астор нежелательной гостьей в СССР. Мы могли бы отвести ее хотя бы ссылкой на известное ее предложение о посылке в СССР на свой счет английских рабочих, желающих ознакомиться с «ужасной жизнью в СССР»⁶. Это предложение носило явно пропагандистский анти-советский характер. Но, помимо этого, меньше всего было бы желательно нам встречать здесь Б. Шоу в подобном окружении. Мы готовы были бы оказать Шоу самый сердечный прием, но мы никак не можем распространить своих любезностей также и на леди Астор. Установить же различное отношение к членам одной и той же группы, притом еще столь малочисленной, значило бы оскорблять всю группу, чего мы тоже не хотели бы.

Необходимо полпредству со своей стороны принять все меры к тому, чтобы Б. Шоу либо приехал один (с женой, конечно), либо же в окружении, более приемлемом для нас. Можно найти подходящих посредников, которые шепнули бы ему о нашем отношении к леди Астор⁷.

Однако в секретном письме первому замнаркома Н.Н. Крестинскому Сокольников сообщил о полной невозможности исключить леди Астор из группы, так как это испортит отношения с Шоу

⁶ Речь идет о весьма интересном эпизоде, описанном М. Коллизом в XIV главе «неформальной» биографии Н. Астор. В 1925 г. во время визита в Дарем, где многие оставшиеся без работы шахтеры открыто выражали свое недовольство политикой британских властей, противопоставляя ее советскому строю, находчивая леди Нэнси заявила, что если среди них найдется тот, кто верит, что Россия — рай на земле, и действительно готов прожить под властью большевиков два года, она сама оплатит ему переезд в Россию. Рассчитывая на то, что данный вызов никто не примет, леди Астор была весьма удивлена, когда получила тридцать заявок на подобную авантюру. Тем не менее она сдержала слово. Выбрав из претендентов ливерпульца по фамилии Мортон, она оплатила расходы на переезд не только ему, но и его семье. Однако поставила условие, что на обратную дорогу он должен будет заработать сам. Вокруг отъезда Мортон в Советский Союз британская пресса подняла большую шумиху и, когда спустя полгода пребывания там, было опубликовано интервью с Мртоном, заявившим, что он никогда не был так счастлив и что в России гораздо лучше, чем в Англии, в одном из заголовков его назвали «человеком, раскрывшим блеф леди Астор». Однако, по замечанию Коллиза, финал у этой истории был не столь счастливый: сам Мортон умер примерно год спустя, а его вдова долго не могла вернуться на родину. Когда же это произошло, леди Астор лично навестила ее, чтобы узнать подробности пребывания Мртонов в коммунистическом раю, и оказалось, что женщине пришлось претерпеть немало страданий, так что «в итоге леди Астор оказалась права» [7, р. 161–165].

⁷ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 7. Д. 020/Ан. (27312). Л. 17.

и может даже привести к потере такого верного идеологического союзника. Советский полпред подчеркивал, что несмотря на эксцентричный характер леди Нэнси, она тем не менее была одним из двух членов парламента, которые в тот кризисный для англо-советских отношений период голосовали за возобновление дипломатического взаимодействия с СССР (вторым был Роберт Бутби). И в целом как раз тандем Шоу и Астор, по мнению Сокольников, должен был вносить известное равновесие в публичные выступления представительницы британского истеблишмента: «...ее участие в поездке вместе с Б. Шоу само по себе дает известную гарантию того, что, вернувшись, она будет держать себя во всяком случае прилично»⁸.

Надо сказать, что позиция Сокольников по данному вопросу в дальнейшем себя оправдала. И пока Нэнси заботилась о пожилом драматурге вместо оставшейся в Лондоне жены Шоу — Шарлотты, он сглаживал острые углы ее поведения при помощи неисчерпаемого юмора и искренних похвал советскому народу и властям за их достижения. Опубликованное в «Вечерней Москве» рабкором И. Шагальевым подробное изложение визита высоких гостей на «Электрозавод» (запущен в 1928 г.) дает яркий тому пример. Если «с Бернардом Шоу электрозаводцы сразу стали приятелями», то

...туристка леди Астор также загорелась желанием высказаться. Но она не смогла ничего сказать лучшего, как преподать электрозаводцам несколько правил «умеренности».

— У вас есть успехи, это правда. Но у вас много гордости, слишком много гордости, — заявила она с платформы, исполнявшей роль трибуны.

Стоявший рядом трансформаторщик спокойно ответил через переводчика:

— Нам есть, чем гордиться, мы выполнили нашу пятилетку в 2 ½ года!

Леди Астор вежливо кивнула:

— Я понимаю. Но вы должны знать, что заграничные государства с меньшей скоростью двигаются вперед...

Тут кто-то задал леди Астор вопрос:

— А сколько у вас безработных?..

Отвлекая внимание на себя, Шоу взобрался на платформу и в ответ на саркастический вопрос одного из рабочих о том, как англий-

⁸ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 8. Д. 500/Ан. (23313). Л. 15.

ским гостям нравится «принудительный» труд в Советском Союзе, выступил с пламенной речью так, что «переводчик еле успевал» за ним:

— У нас в Англии не мешает ввести такой «принудительный» труд, — сказал он под дружный хохот окружающих. — У нас два миллиона безработных. <...> То, что я увидел за эти дни здесь, в СССР, заставит меня агитировать среди английских рабочих, чтобы они последовали вашему примеру. <...> Как много молодости, как много энтузиазма, — возбужденно говорил он, садясь в автомобиль.

На память электрозаводцам Шоу оставил собственное наставление с неизменной долей самоиронии:

Мой отец слишком много пил.

Я слишком много работаю.

Товарищи, выполняйте пятилетний план в три года, а *потом* вам будет легче.

Г. БЕРНАРД ШОУ.

Москва, 23 июля 1931 г.⁹

Разумеется, что подобные случаи были не единичными. Так, на аудиенции со Сталиным (первоначально не предполагавшейся в плане визита Шоу) Нэнси Астор задавала советскому лидеру множество неудобных вопросов; согласно распространенному слуху, она в лицо бросила ему обвинение в том, что он убийца, однако на данный момент документов, содержащих верbatim аудиенции, не найдено, и что именно Нэнси сказала советскому вождю, наиболее точно можно восстановить лишь по воспоминаниям ее мужа¹⁰. Зато всеми участниками аудиенции был подтвержден и предан широкой огласке другой предмет разговора, заботивший Нэнси не меньше, чем репрессии: «Она сказала ему <Сталину>, что Советы не умеют обращаться с детьми. Сталин, убежденный в том, что Россия жертвует всем ради воспитания подрастающего поколения,

⁹ Шагалов И. Шоу у электрозаводцев // Вечерняя Москва. 1931. 24 июля. № 175. С. 1.

¹⁰ Согласно дневникам Уолдорфа Астора, Нэнси спросила Сталина, до каких пор он будет расправляться с политическими оппонентами, отправляя их в ссылки в Сибирь, на что Сталин ответил: «...до тех пор, пока это будет необходимо <государству>» — реплика, на которую сам Уолдорф отреагировал замечанием, что у советского вождя было примечательное чувство юмора. Подробнее см.: *Wilson B. Musical Chairs with Ribbentrop* // London Review of Books. 2012. 20 December.

неожиданно нахмурился и, не скрывая удивления и досады, показал рукой удар хлыста, воскликнув с чувством: «В Англии детей бьют!»» [2, с. 333]. (Действительно, если в России телесные наказания были полностью запрещены после революции 1917 г., то в британских государственных школах официальный запрет на их использование был введен лишь в 1986 г., а в частных — в 2003 г.) «Если бы там была вся Россия, вся Россия растерялась бы и прикусила язык, — продолжает рассказ Шоу. — Но попытка смутить леди Астор или заткнуть ей рот имела не больше шансов на успех, чем попытка мухи устоять против урагана. Пылкая и бесстрашная женщина заставила Кремль ходить ходуном. Он (Сталин) не знает, что говорит. Она (Нэнси Астор) за свои слова отвечает. Не зря же она в самом деле пестовала и финансировала экспериментальный лагерь сестер Макмиллан в Детфорде. <...> “Пришлите ко мне в Лондон женщину с головой, — приказала она Сталину, — пусть поучится, как надо обращаться с ... живыми пятилетками!”» [2, с. 333].

Нужно сказать, что Сталин не растерялся и попросил адрес леди Астор, чтобы направить к ней на обучение группу советских женщин. К великому удивлению аристократки, спустя некоторое время после их возвращения в Англию соответствующая группа действительно прибыла на стажировку. А вот во время официального приема в британском посольстве леди Астор совершенно обескуражила М.М. Литвинова, у всех на глазах опустившись перед ним на колени и умоляя его принять живое участие в судьбе некоей гражданки Крыниной — супруги переехавшего в Соединенный Штаты советского инженера Д.П. Крынина, который остался там на правах политического беженца и стал профессором Йельского университета, а при помощи заступничества знатных и влиятельных британских гостей рассчитывал вывезти жену из СССР.

Драматизма этой сцене придала обращенная к Литвинову речь леди Астор: «Я предстою перед Вами, как крестьянка перед царем. И как в былые времена, я передаю петицию вашему правительству на коленях. Смирненно прошу вас во имя человечности спасти эту страдающую семью» [18, р. 22].

Несмотря на выросту из этой эскапады бурную переписку между супругами Астор, А.Б. Халатовым и Литвиновым¹¹, положительного разрешения ситуация вокруг Крынина так и не получила. Напротив, шумиха, поднятая Асторами вокруг его жены, сделала ее легкой добычей для журналистов, а впоследствии след мадам

¹¹ См.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 75. Д. 36 (500/Ан. (25981 и 25984)). Л. 14–15; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 65–68.

Крыниной окончательно потерялся. Шоу же, описавший ситуацию в одном из подробных писем к супруге, сохранял нейтралитет в данном вопросе, с одной стороны, понимая заведомую безуспешность попыток частных граждан другого государства вмешаться во внутреннюю политику СССР, а с другой, считая реакцию Нэнси, принявшей ходатайство Крыниных близко к сердцу, чрезмерной, так как «голова ее полна мыслей об ужасах большевизма» [17, vol. 4, p. 251].

Сам же Шоу демонстрировал крайнее легкомыслие в отношении слухов, ходивших на Западе о деятельности ЧК, о чем свидетельствует его письмо супругу Нэнси, Уолдорфу Астору, написанное еще до отъезда из Англии:

Я сказал С[окольникову], что мы будем ждать салют по крайней мере из 101 ружья по прибытии в Москву и что, поскольку нам хочется увидеть застенки ЧК, ему следует предупредить их, что придется иметь наготове одну или две жертвы, чтобы мы смогли лицезреть процесс [пытки] [17, vol. 4, p. 104].

Разумеется, что данное требование Сокольников в донесениях начальству благоразумно опустил. Зато об остальных пожеланиях Шоу советское руководство было уведомлено, и они не остались без внимания. Об этом свидетельствует секретное письмо первого секретаря полпредства СССР в Великобритании С.Б. Кагана Крестинскому от 2 июля 1931 г.:

Бернард Шоу прислал т. Сокольникову письмо, в котором, между прочим, сообщает, что во время пребывания его в Москве ему исполнится 75 лет и в шутку добавляет, что он ждет салютов и т. д. В этих шутках сквозит некоторый намек на то, что он ждет чествования в той или иной форме, что вполне в его характере. Мы считали бы нужным, чтобы группе Бернарда Шоу было оказано внимание и максимальное содействие как в осмотре желательных для них объектов, так и облегчении переезда с места на место и обеспечении помещения в гостиницах. Кроме того, мы считали бы необходимым привлечь к этому делу наши литературные организации, чтобы они в той или иной форме отметили приезд Бернарда Шоу, и чтобы это нашло также отражение в нашей прессе, что будет для нас несомненно полезным¹².

¹² АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 8. Д. 500/Ан. (23313). Л. 22.

В результате, несмотря на отдельные острые моменты, спровоцированные леди Астор, и то, что путешествие пришлось сократить по сравнению с исходным планом, предполагавшим также посещение Нижнего Новгорода и юга России¹³, в целом английская делегация во главе с Шоу получила множество впечатлений.

3.

Драматург увидел главные достопримечательностям Москвы и Ленинграда, с большим пиететом посетил мавзолей Ленина, прошел «несколько километров картин в Эрмитаже и присовокупленных к нему дворцов. Я до сих пор не восстановил силы после этого марафона по галереям» [17, vol. 4, p. 251]. В сопровождении А.В. Луначарского, К.Б. Радека и Арт. Халатова Шоу посетил ОГИЗ¹⁴, позавтракал в «Европейской» гостинице с виднейшими ленинградскими писателями (А. Толстым, М. Казаковым, М. Слонимским, Ю. Тыняновым, М. Зощенко, Вс. Вишневским и др.), записал речь для фильма о Ленине на студии «Союзкино», нанес визит Н.К. Крупской¹⁵, съездил в сельскохозяйственную коммуну имени Ленина в Кирсановском районе (где даже искупался в местной реке), посетил исправительное учреждение для малолетних преступников, посмотрел постановку своей трагедии «Святая Иоанна» в исполнении труппы Камерного театра под руководством А.Я. Таирова и специальный кинопоказ отрывков из лучших советских фильмов (включая вызвавший восхищение Шоу «Броненосец “Потемкин”») и, разумеется, с размахом отпраздновал свое 75-летие в Колонном зале Дома Союзов.

Все это время пожилой драматург практически не спал из-за жары (поездка была «испытанием на жароустойчивость даже для Вельзевула» [17, vol. 4, p. 251]) и еле успевал есть между ответами на вопросы и произнесением речей. Судя по всему, лавина вопросов и настойчивых просьб к живому классику сказать свое веское слово по любому аспекту советской жизни была спровоцирована тем же С. Каганом, который в упомянутом выше письме Крестинскому акцентировал внимание на их необходимости для поднятия престижа СССР в глазах Запада:

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ); основано в 1930 г.

¹⁵ Это была еще одна незапланированная аудиенция, которой Шоу добился настоятельными просьбами уже находясь в СССР.

Как вы знаете, Бернард Шоу неоднократно в своих выступлениях останавливался на вопросе об СССР и высмеивал отношение Англии и других стран к СССР, и не мешало бы, может быть, попросить его высказаться в нашей прессе, в форме ли интервью с ним или в другой, какую Вы найдете наиболее подходящей¹⁶.

В результате, как Шоу пишет жене, за весь многочасовой завтрак-обед с ленинградскими писателями «за исключением тарелки томатного супа, <появившейся> в последний момент, мне достался только кусок черного хлеба и сваренное вкрутую яйцо» [17, vol. 4, p. 251]. Жадное внимание прессы к Шоу доставляло неудобства не только самому драматургу, но и Константину Уманскому¹⁷, который выступал гидом-переводчиком Шоу в Москве и в то же время был исполняющим обязанности заведующего отделом печати НКВД.

Дело в том, что медийное освещение пребывания Шоу в СССР в целом и публикация его речи о Ленине, а также выступления в Доме Союзов стали причиной серьезного внутреннего конфликта между ТАСС и отделом печати НКВД.

В письме от 2 августа 1931 г. врид заведующего Иностранным отделом ТАСС Карл Гофман бросил отделу печати обвинение, что в их практике «имело место систематическое создание особо привилегированных и благоприятных условий для отдельных инкоров за счет ТАСС»¹⁸, и по пунктам изложил претензии:

1. Вопреки инструкциям, разосланным Отделом печати НКВД через ТАСС о том, что вся информация должна даваться исключительно после визирования ее в Отделе печати НКВД, Отдел печати не обеспечил своевременного визирования этих материалов для ТАСС'а, в то время как для инкоров эта виза была обеспечена своевременно. В результате этого, о факте прибытия Шоу ТАСС дал <сообщение> с опозданием на 4 часа против инкоров.

2. Информация о речи Шоу на торжественном заседании в Доме Союзов была задержана Отделом печати НКВД для ТАСС'а на 24 часа под предлогом правки стенограммы, между тем, как видно из сводки инкоров от 26-го, вечером т. Уманским были пропущены

¹⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 8. Д. 500/Ан. (23313). Л. 22.

¹⁷ Константин Александрович Уманский (1902–1945) — советский дипломат и журналист, в 1920-е гг. работавший преимущественно в РОСТА и ТАСС; в первой половине 1930-х гг. заведовал отделом печати и информации НКВД, после чего служил в советском полпредстве в США. В начале 1940-х гг. был чрезвычайным и полномочным послом СССР в США, Мексике и Коста-Рике.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 63 об.

телеграммы инкоров об этом выступлении тотчас же после выступления Шоу без всякой задержки. Узнав об этом, ТАСС послал в тот же вечер текст речи Шоу по имеющейся в распоряжении редакции стенограмме за границу с опозданием против инкоров около 3-х часов. Несмотря на это т. Уманский счел возможным на следующий день в крайне резкой форме обвинить одного из сотрудников исходящей редакции т. Курносова, выполнившего свой долг, в «краже» стенограммы.

3. Речь Шоу о Ленине была передана инкорами за границу раньше ТАСС, так как они получили эту речь от Отдела печати НКВД до получения ее ТАСС'ом.

4. Ни на один прием, организованный в честь Шоу, на которые приглашались иностранные корреспонденты, представители иностранного отдела ТАСС не были приглашены. В особенности это относится к приему, устроенному НКВД¹⁹.

В результате, как раздраженно заключает Гофман, прикрываясь принципом «равного доступа» в предоставлении информации журналистам ТАСС и иностранным корреспондентам, «Отдел печати фактически подрывает авторитет ТАСС'а как агентства вообще и срывает этим возможность продвижения через ТАСС сообщений, которые и Отдел печати считает политически важными»²⁰.

Насколько праведным был гнев Гофмана, судить сложно, так как незадолго до этого в 1929 г. его склонность к официальным жалобам уже поставила имя журналиста в центр скандала вокруг репортажа о европейском перелете советского самолета «Крылья Советов». Не попав на борт из-за ограниченного количества мест для представителей СМИ, Гофман заявил протест в присутствии советских и иностранных корреспондентов, который послужил поводом для развернутой дискуссии на страницах не только советской, но и зарубежной прессы. В результате, как установили историки советской журналистики, Гофман получил партийный выговор [1, с. 31].

Ответ Уманского на обвинения, выдвинутые Гофманом, по тону был жестким и не допускающим дальнейших пререканий. В нем указано, что речь Шоу о Ленине иностранные корреспонденты получили на 1 час позднее репортера ТАСС; никакого отдельного приема для Шоу НКВД не устраивал, а на прочие официальные мероприятия представителям прессы приглашения в принципе не рассылались.

¹⁹ Там же. Л. 63.

²⁰ Там же. Л. 64.

Исключением был упомянутый выше завтрак с ленинградскими писателями, куда индивидуальное приглашение получил руководитель ТАСС Я.Г. Долецкий. Того же Долецкого Уманский упоминает как лицо, признавшее бездействие репортеров ТАСС и приложившее усилия к его устранению. Что же касалось речи Шоу в Доме Союзов, то никакой задержки не было. Более того:

О том, что эта информация не была задержана, приходится только пожалеть, ибо, если бы ТАСС, в соответствии с нарушенным им в данном случае указанием об обязательном визировании всех телеграмм о Шоу Отделом печати, согласовал бы с последним информацию о речи Шоу, то Отдел печати принял бы все меры к тому, чтобы за границу была послана не невыправленная сырая стенограмма, как это к сожалению имело место, а стенограмма исправленная и по существу усиленная в просоветском смысле самим Шоу²¹.

Комментируя заявление Гофмана о протезировании отделом печати НКИД иностранных корреспондентов, Уманский подчеркивает, что отдел не только «точно придерживается установленного порядка обслуживания ТАСС и инкоров, всегда задерживает, по согласованию с ТАСС'ом в каждом отдельном случае, информацию, которая должна быть в первую очередь передана за границу по линии ТАСС'а», но, в отношении визита Шоу, еще «в порядке добровольного репортажа» снабжал ТАСС дополнительной информацией²².

Однако Гофман продолжил переписку, настаивая на справедливости своих претензий и привлекая в свидетели корреспондента «Associated Press» Ричардсона. Исход этого ведомственного противостояния был не столь важен — тем более, что Шоу уже покинул Советский Союз. Но Гофману, очевидно, хотелось, чтобы последнее слово осталось именно за ним. «Настоящим разъяснением мы считаем переписку по этому вопросу законченной», — сообщал он в НКИД после многодневной бюрократической перепалки²³.

4.

Тем временем для Уманского, как и всего Народного комиссариата иностранных дел, гораздо важнее было выиграть медийное противостояние на международном уровне, в связи с чем пресс-ат-

²¹ Там же. Л. 68.

²² Там же. Л. 68–68 об.

²³ Там же. Л. 71 об.

таше советского полпредства в Лондоне А.Ф. Нейман отслеживал все выступления Шоу и его спутников по возвращении в Великобританию. Из его отчета следует, что первое время леди Астор воздерживалась от публичных заявлений, в то время как ее супруг «хотя и осторожно, отзываясь положительно о “коммунистическом эксперименте”, однако настаивает на том, что коммунистические методы для Англии не применимы». Пятилетку Уолдорф Астор оценил как вполне жизнеспособный проект и подчеркивал, что «жизненным интересом Англии является получение советских заказов для сокращения безработицы. Астор заявил также, что чем скорее будет ликвидирована мысль о том, что коммунизм можно убить путем вторжения в Россию, тем лучше»²⁴. Из этого Нейман делал вывод, что визит в СССР способствовал изменению взглядов лорда Астора.

Что касалось маркиза Лотиена, то ключевой мыслью его интервью «News Chronicle» было то, что «“русский эксперимент” заключает в себе уроки, которыми Запад должен воспользоваться, но нужно найти метод использования этих уроков без нарушения принципа свободы»²⁵. Последний тезис кардинально отличал взгляд Лотиена от позиции Шоу и, по мнению Неймана, привлек к маркизу больше симпатий либеральной печати.

После ряда кратких интервью, данных Шоу представителям польских и немецких СМИ по пути домой, первым развернутым комментарием драматурга по поводу посещения Страны Советов стало выступление на летних курсах Независимой Рабочей партии, организованных Фабианским обществом. Полный текст речи так и не был зафиксирован ни одним печатным изданием, но известно, что доклад Шоу вызвал волну возмущения. Косвенно и очень отрывочно о его содержании можно судить по упомянутой выше «неформальной» биографии Нэнси Астор за авторством М. Коллиза, а также по дневниковым записям одной из старейших соратниц и друзей Шоу Беатрис Уэбб (1858–1943).

G.B.S. [Шоу] провел у нас две ночи и обратился со своей приятной и непринужденной речью о России к [участникам] Фабианской летней школы. Он был утомлен и взволнован своим визитом в Россию, увлеченный новизной и жестокостью (violence) произведенных изменений: вот великолепно и с большим размахом поставленная трагикомическая мелодрама. Это *должно быть*

²⁴ Там же. Л. 69.

²⁵ Там же.

правильно! <Главный> парадокс его речи: русская революция была чистым фабианством — Ленин и Сталин признали «*неизбежность постепенности*»! А еще они отказались от «рабочего контроля» в пользу концепции Уэббов о тройственном государстве, основанном на трех столпах — гражданах, потребителях и организации производителей. Что нельзя приписать влиянию Уэббов или Запада, так это объединение всех трех <столпов> под властью олигархии, состоящей из двух миллионов верующих в свое *кредо*, которые доминируют над населением в 120 миллионов равнодушных, лишенных энтузиазма или активно враждебно настроенных людей. В этом самая суть полемики между теми, кто одобряет и порицает Советскую Россию. Странно, что именно это господство некоего кредо кажется таким привлекательным для G.B.S.; будучи великим разрушителем существующих кодексов, доктрин и условностей, кажется, в преклонном возрасте он жаждет, чтобы какое-то кредо было *введено подобно закону* (enforced) с рождения и на всю жизнь всему населению»²⁶.

В письме к Уманскому Нейман пишет, что прилагает наиболее полный вариант фиксации доклада Шоу, но, к сожалению, в соответствующей архивной папке данный текст отсутствует. Тем не менее, в сопроводительном письме Нейман по памяти добавляет следующее:

Основное положение в докладе Шоу — то, что осуществление социализма в Советском Союзе методом диктатуры является правильным путем и именно тем путем, который придется применять в Англии, — встретило со стороны некоторых слушателей возражения и сомнения. В особенности обратило на себя внимание утверждение Шоу, что политика советского правительства является осуществлением политики фабианцев. Когда Шоу указали на противоречия между фабианской и большевистской точками зрения по вопросу о взятии власти, то он ответил, что противоречий-де нет, ибо и фабианцы никогда не отвергали насильственных методов в случае, если правящие классы не откажутся добровольно от своих привилегий... Несколько вопросов было задано Шоу насчет того, как он поведет себя в случае войны против СССР. Он ответил сначала, что вопрос не в том, как он, достаточно старый человек, будет себя

²⁶ Запись в дневнике от 8 августа 1931 г. в: Diary of Beatrice Webb. Typewritten Transcript: Vols. 43–45, 30 May 1929 – 25 December 1931. LSE Digital Library. P. 5151. URL: <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:qux395wip> (дата обращения: 1.02.2024).

вести, но как поведут себя молодые, которые должны отдать себе отчет в том, что является их долгом, и выполнить этот долг, когда потребуется. Вернувшись в дальнейшем к тому же вопросу, Шоу заявил, что Советский Союз воспитывает молодежь в духе интернационализма, и воспитание в таком же духе английской молодежи сделало бы войны невозможными²⁷.

Наблюдавшая за выступлением Шоу Беатрис Уэбб понимала, что во многом его очарованность поездкой в СССР была обусловлена тем обстоятельством, что он постоянно «находился в центре внимания восхищенной толпы, окруженный исполненными уважения знаменитостями и хорошей прессой»²⁸; несмотря на легкое удивление увлеченностью своего друга коммунистическим «кредо», она не находила доклад Шоу избыточно провокативным и, напротив, наслаждалась той притягательностью, которая сквозила в его «внешности, голосе, подаче и жестике — взгляде на других людей — все это создавало образ Совершенного Старца, подлежащего восхищению толпы»²⁹. Однако, как свидетельствует отчет Неймана, реакция аудитории была далека от восхищения, а в официальной печати Совершенный Старец превратился в паяца:

В выступлениях некоторых курсантов Шоу подвергался очень строгому порицанию за то, что он де до сих пор занимался только шутками и балагурством и серьезное слово от него слышали впервые. Некоторые даже предъявили Шоу требование прекратить раз навсегда писать пьесы для буржуазии и пойти на рабочие собрания говорить об СССР. Шоу в ответ заявил, что пьесы будет по-прежнему писать, ибо думает, что этим он полезнее всего, а что касается требования писать в органе Независимой Рабочей партии «Нью Лидере», то он предпочитает продавать свои статьи Херсту, который обеспечивает ему большой тираж и, кроме того, по доллару за слово. <...>

Выступления Шоу и его спутников, в особенности выступления самого Шоу, вызвали обильные и в значительной части враждебные комментарии в печати. В особенности консервативная печать стремится дискредитировать заявление Шоу, обзывая его на все лады

²⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 69.

²⁸ Запись в дневнике от 4 августа 1931 г. в: *Diary of Beatrice Webb*. Typewritten Transcript: Vols. 43–45, 30 May 1929 – 25 December 1931. LSE Digital Library. P. 5149. URL: <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:qux395wip> (дата обращения: 1.02.2024).

²⁹ *Ibid.* P. 5151.

шутом, паяцом и т. д. Это, однако, является прежде всего признаком того, что его выступление произвело сильное впечатление³⁰.

Действительно, выступления как самого Шоу, так и четы Астор в печати вызвали бурю противоречий в английском обществе³¹. Чтобы не допустить перевеса прокоммунистических настроений, 16 августа 1931 г. Уинстон Черчилль опубликовал разгромную статью в «Sunday Pictorial», употребив все свое красноречие для дискредитации любого положительного отклика, который приписывался вернувшейся из путешествия группе. Он указывал на двойственность позиции Шоу, который, будучи «богатым и корыстным капиталистом», в то же время умудряется быть искренне убежденным коммунистом и, заявляя о том, что «Россия — его духовная родина», с большим комфортом живет в Англии.

Обладая мягким, дружелюбным и гуманным нравом, он сочетает его с защитой и даже прославлением самых гнусных политических преступлений и жестокостей. Он позволяет себе все вольности безответственного болтуна <...> дразня и сбивая с толку любую аудиторию, к которой обращается, подвергая насмешкам и дискредитируя любую высшую цель, которую он когда-либо брался отстаивать [7, p. 170–171].

Не обошел Черчилль вниманием и леди Астор, назвав ее «двухголовым хамелеоном», старающимся усидеть на двух стульях, благосклонно «принимая гостеприимство и лесть коммунистов» и в то же время оставаясь консервативным членом британского парламента от Плимута [7, p. 171].

Подводя итог своим рассуждениям, британский премьер-министр нанес исполненный насмешки и презрения финальный удар и по русскому менталитету, и по наивности своих соотечественников.

Русские всегда любили странствующие балаганы и цирки, и вот <к ним прибыли> самый известный в мире клоун-интеллектуал и старый дуралей Панталоне в одном лице и очаровательная Коломбаина из капиталистической пантомимы. Итак, толпа зрителей

³⁰ АВП РФ. А. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 69–70.

³¹ Согласно отчету помощника заведующего Бюро печати в Лондоне Виноградова, даже публичные выступления Уэллса после визита Шоу и Астор в Москву «по тону были враждебны» в отношении СССР, где правит «автократический государственный русский капиталист». Подробнее см.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 72. Д. 13 (25971). Л. 127.

выстроена, тысячи людей снабжены красными шарфами и флагами, комиссар Литвинов, не обращая внимания на очереди за едой на задворках <парадного представления>, приготовил роскошный банкет, а архикомиссар Сталин, человек из стали, распахнул тщательно охраняемое святилище Кремля и, отложив в сторону свой утренний список смертных приговоров и *lettres de cachet* <писем с приказами о внесудебных арестах>, встречает своих гостей с улыбкой непридуманного товарищества [7, p. 171].

Отрывки из этой исполненной яда и горечи статьи вошли в сборник очерков Черчилля «Мои великие современники» (*Great Contemporaries*, 1937), где в более поздней редакции отдельные пассажи были сглажены, а какие-то места, напротив, дополнены и расширены, так что в итоговом виде очерк производил более спокойное впечатление, чем сжатый и весьма агрессивный оригинал. Тем не менее ни Колумбина-Астор, ни Панталоне-Шоу не восприняли выпад Черчилля как сколько-нибудь серьезную угрозу своему *renommée*, и каждый из них остался при своей позиции: Нэнси — спокойного скепсиса, а Шоу — воодушевленной надежды. В конце концов, как он сказал двухтысячной толпе на праздновании своего 75 дня рождения в Доме Союзов:

Идея всего путешествия в советскую Россию была не в том, чтобы я смог сказать англичанам что-то, чего до этого не знал, а в том, чтобы в тех случаях, когда они попрекнут меня: «Итак, вы считаете советскую Россию замечательной страной, но ведь вы лично никогда там не были, вы не видели всех ее ужасов», — теперь, после моего возвращения, я мог бы ответить: «Да, я видел все ее “ужасы”, и они мне ужасно понравились».

Возвращаясь в Англию, мы уносим с собой глубокие впечатления. Несмотря на все, что я только что сказал о моем знакомстве с происходящим в России, я не собираюсь утверждать, что даже самое лучшее знакомство понаслышке может сравниться с впечатлениями из первых рук, лицом к лицу с фактами. <...> Еще неделю тому назад мне было хорошо известен Луначарский по имени, а теперь он для меня живой человек. И в нем я нашел не только члена партии и коммуниста, но, помимо этого, то, что могут дать мне русские и только русские: я говорю об их способности понимать и ценить мои драматические произведения с такой глубиной и тонкостью, какой — должен признаться — я ни разу не встретил в Западной Европе. <...> Когда вы доведете свой эксперимент до триумфаль-

Бернард Шоу и леди Нэнси Астор в Москве, июль 1931

Посещение музея «Подпольная типография 1905–1906 гг.»

С. К. Радеком, А. Луначарским, Арт. Халатовым, Дж. Джерманетто, Л. Сейфуллиной, Б. Иллешем, А. Фадеевым (?), Вс. Ивановым, Вл. Лидиным, Вс. Мейерхольдом и др.

ного завершения — а я уверен, что вы это сделаете — тогда мы на Западе, мы, все еще просто играющие в социализм, должны будем последовать вашему примеру — хотим мы этого или нет [17, vol. 4, p. 257–258].

Таким образом, можно заключить, что несмотря на живой интерес Шоу к России, его визит в СССР был скорее спонтанным, нежели тщательно спланированным (однако его импровизационный характер вполне соответствовал жанру комедии дель арте, который приписал этой поездке Черчилль). То, что этот визит в принципе состоялся, и всем гостям, включая леди Астор, в срочном порядке были одобрены визы, не в малой степени обусловлено дружеским расположением к Шоу советского полпреда Григория Сокольникова, бывшего вхожим в дом драматурга, а также его ближайших друзей Беатрис и Сидни Уэббов. Близкое знакомство с Шоу, с одной стороны, и прекрасное понимание внутренних политических процессов в Англии, с другой, позволили Сокольникову настаивать на допуске Нэнси Астор в Советский Союз, и это в перспективе оказалось правильным решением. Внешне спокойная реакция советского руководства на провокативное поведение аристократки хоть и не смогла убедить ее в полной безгрешности большевиков, но по крайней мере внушила ей большую сдержанность в оценках по возвращении из СССР. Эта сдержанность имела двойственные последствия — она давала повод консерваторам обвинять ее в симпатиях к Советскому Союзу, но она же делала эти обвинения голословными. Поэтому в 1931 г. (в целом непростого времени для леди Нэнси из-за ареста ее сына Бобби) данная тактика в значительной мере позволила ей сохранить лицо. (Основной же причиной постепенного заката ее политической карьеры на рубеже 1930–1940-х гг. стала ее позиция по еврейскому вопросу накануне второй мировой войны.)

Что касается Шоу, его открытое восхищение Советским Союзом в целом и Сталиным в частности нанесло гораздо больший ущерб его репутации уже после смерти драматурга, нежели при жизни³².

³² Говорящее название имеет одна из последних монографий, посвященных драматургу, — «Judging Shaw: The Radicalism of GBS» (что можно перевести как «Суд над Шоу: Радикализм GBS») Ф. О'Тулла (2017). Характерно и название полемической статьи Дж.К. Неструк «Was George Bernard Shaw a Monster?» («Были ли Джордж Бернард Шоу монстром?»), опубликованной в «The Globe and Mail» в 2011 г. (URL: <https://www.theglobeandmail.com/arts/theatre-and-performance/was-george-bernard-shaw-a-monster/article585209/>) (дата обращения: 01.02.2024).

Тем более что шедшие вразрез с официальной пропагандой тезисы о советской утопии вполне соответствовали созданному им самим амплу парадоксалиста и разрушителя консервативных устоев, о котором упоминает Беатрис Уэбб в приведенном выше отрывке из дневника. Это амплу, равно как и почтенный возраст драматурга служили «буфером» между ним и враждебно настроенными оппонентами, и даже поставленное Черчиллем клеймо паяца не могло в одночасье сбросить Шоу с созданного им пьедестала, так как в основе его лежало как раз шутовство и балагурство. Более того, как известно, нелицеприятные для Великобритании сопоставления с Советским Союзом были инструментом, к которому Шоу прибегал в пьесах 1930-х гг. не с целью пропаганды коммунизма, но в стремлении спровоцировать изменения к лучшему внутри своей страны. Таковы пьесы «На мели», «Горько, но правда», «Простачок с Нежданных островов», «Женева», «Миллионерша» — все они с той или иной стороны критикуют консерватизм и апатию, бездействие и бессовестность, трусость и недостойное поведение, отсутствие изобретательности и стремления к самосовершенствованию, которые Шоу наблюдал среди своих соотечественников в предвоенное время и которым он противопоставлял инициативность, деятельность, самоуважение и стремление к новым высотам, воплощенные в персонажах, напрямую или косвенно имевших отношение к Стране Советов, превращавшуюся в некую землю обетованную.

Как показывает последняя приведенная нами цитата, Шоу важно было не только и не столько то, что культурная программа его визита в Москву и Ленинград была максимально насыщенной, что практически любое его желание немедленно исполнялось, что на каждом шагу он был обласкан вниманием прессы или что в его честь устроили грандиозное торжество, льстившее его самолюбию, но велика была роль личного примера людей — в первую очередь, культурных деятелей, с которыми ему довелось свести знакомство, чьи и без того известные имена обрели для него плоть, кровь и уникальный характер, который он, как драматург, не мог не оценить.

Литература

1. *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Из истории журналистики конца 1920-х – начала 1930-х гг.: показания А.Н. Гарри // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология.* 2017. № 7 (28). С. 18–35.
2. *Пирсон Х.* *Бернард Шоу* / пер. В. Харитоновой и М. Марецкой. М.: Искусство, 1951. 447 с.
3. *Уэллс Г.Дж.* *Россия во мгле* / пер. В.А. Хинкиса. М.: Агентство ФТМ, 2021. 360 с.
4. *Хьюз Э.* *Бернард Шоу* / пер. Б. Носика. М.: Молодая гвардия, 1966. 287 с.
5. *Шоу Б.* Автобиографические заметки. Статьи. Письма: сборник / пер., сост. А. Образцовой и Ю. Фридштейна. М.: Радуга, 1989. 496 с.
6. *Caute D.* *The Fellow-Travelers: Intellectual Friends of Communism.* New Haven; London: Yale UP, 1988. 458 p.
7. *Collis M.* *Nancy Astor: An Informal Biography.* London: Faber and Faber, cop. 1960. 235 p.
8. *Ervine St.J.* *Bernard Shaw: His Life, Work and Friends.* London: Constable and Company Limited, 1956. 628 p.
9. *Evans T.F.* Myopia or Utopia? Shaw in Russia // *Shaw.* 1985. Vol. 5. P. 125–45.
10. *Fabian Essays.* London: Allen and Unwin, 1962. 322 p.
11. *Gibbs A.M.* *Bernard Shaw: A Life.* Gainesville, Florida: Florida UP, 2005. 576 p.
12. *Hollander P.* *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978.* Oxford: Oxford UP, 1981. 524 p.
13. *Holroyd M.* *Bernard Shaw: in 4 vols.* London: Penguin, 1993.
14. *Hummert P.A.* *Bernard Shaw's Marxist Utopias* // *The Shaw Review.* 1959. Vol. 2, № 9. P. 7–26.
15. *Lane D.* *Perceptions of the Russian October Revolution in the Great Britain / Sociology Research* // University of Cambridge. 6 Oct. 2017. URL: <https://research.sociology.cam.ac.uk/news/perceptions-russian-october-revolution-great-britain> (дата обращения: 27.01.2024).
16. *Pearson H.* *George Bernard Shaw: A Full Length Portrait.* New York: Harper & Brothers, 1942. 390 p.
17. *Shaw B.* *Collected Letters: in 4 vols.* / ed. by Dan H. Lawrence. New York: Dodd, Mead & Company, 1965–1988.
18. *Shaw B.* *The Rationalization of Russia* / ed. with an introd. by Harry M. Geduld. Bloomington: Indiana UP, 1964. 134 p.
19. *Soboleva O., Wrenn A.* *The Only Hope of the World: George Bernard Shaw and Russia.* Oxford; Bern; New York: Peter Lang, 2012. 231 p. <https://doi.org/10.3726/978-3-0353-0331-5>
20. *Wisenthal J.L.* *Shaw's Utopias* // *Shaw.* 1997. Vol. 17. P. 53–64.
21. *Yde M.* *Abiding Love: Shaw and Russia* // *Shaw.* 2013. Vol. 33, № 1. P. 220–23.

“Pantaloen” and “Columbine” in the Land of the Soviets: Bernard Shaw and Nancy Astor’s Visit to the USSR in 1931

© 2024. Yulia A. Skalnaya

Lomonosov Moscow State University,

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, 20th Century” (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>).

Abstract: The research is dedicated to the well-known visit of the Irish dramatist Bernard Shaw and the British MP Lady Nancy Astor to the USSR in 1931. However, it seeks to avoid the format of a clichéd observation of commonly known facts concerning their stay in the Land of the Soviets and aims to concentrate on previously unknown circumstances of the preparation of that trip organised by representatives of the People’s Commissariat for Foreign Affairs and diplomats of the Soviet Embassy in London, on the one hand, and the media struggle evoked by that visit within the Soviet and the British press. The novelty of the research is provided by the use of numerous archival documents (AVP RF, RGALI) as well as quoting Bernard Shaw’s private correspondence and his friend Beatrice Webb’s diaries that have not been translated into Russian. The methodological foundation of this article is built upon the biographical and cultural-historic approaches; it also employs narrative techniques in recreating the historical background of Shaw’s visit, and content analysis in commenting on the media publications, and methods of archival research *per se*. Having considered the abovementioned documents, one can conclude that despite Shaw’s avid interest in Russia, his visit there was to a large extent spontaneous, which, together with Nancy Astor’s unpredictable escapades, caused considerable difficulties to the Soviet officials. Nevertheless, the variety of experiences offered to the British guests as well as the satisfaction of both reasonable and whimsical requests made by the dramatist managed to produce a favourable impression on the company and lead to Shaw’s companions giving generally positive feedback of the trip to the USSR whereas Shaw himself exalted in rave reviews. As a result, the victory scored by the Soviet soft power instigated a deluge of publications in the British media that aimed to discredit Shaw and Lady Astor as central figures of the trip. However, it cannot be said that those angry and even harsh commentaries caused any serious damage to their reputation or influenced their opinions of the USSR at the time.

Keywords: Bernard Shaw, Nancy Astor, Western-Soviet literary and cultural contacts, People’s Commissariat for Foreign Affairs, M.M. Litvinov’s Secretariat, media war.

Information about the author: Yulia A. Skalnaya, PhD in Philology, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory GSP-1, bld. 13A, 119991, Moscow, Russia; Associate Professor, Military University of the Ministry

of Defense of the Russian Federation, Bolshaya Sadovaya St., 14, 123001, Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6330-6793>

E-mail: julycat@mail.ru

For citation: Skalnaya, Yu.A. “‘Pantaloon’ and ‘Columbine’ in the Land of the Soviets: Bernard Shaw and Nancy Astor’s Visit to the USSR in 1931.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 292–319. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-292-319>

References

1. Kiianskaia, O.I., and D.M. Fel’dman. “Iz istorii zhurnalistiki kontsa 1920-kh – nachala 1930-kh gg.: pokazaniia A.N. Garri” [“Excerpts from the History of Journalism at the Turn of the 1920s – 1930s: A.N. Garri’s Testimonies”]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul’turologiia*, no. 7 (28), 2017, pp. 18–35. (In Russ.)
2. Pirson, Kh. *Bernard Shou* [*Bernard Shaw*], trans. by V. Kharitonov and M. Maretskaia. Moscow, Iskusstvo Publ., 1951. 447 p. (In Russ.)
3. Uells, G.Dzh. *Rossiia vo mgle* [*Russia in the Shadows*], trans. by V.A. Khinkis. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2021. 360 p. (In Russ.)
4. Kh’iuz, E. *Bernard Shou* [*Bernard Shaw*], trans. by B. Nosik. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1966. 287 p. (In Russ.)
5. Shou, B. *Avtobiograficheskie zametki. Stat’i. Pis’ma: sbornik* [*Autobiographical Notes. Articles. Letters: A Compilation*], trans. and comp. by A. Obraztsova and Iu. Fridshtein. Moscow, Raduga Publ., 1989. 496 p. (In Russ.)
6. Caute, David. *The Fellow-Travelers: Intellectual Friends of Communism*. New Haven, London, Yale UP, 1988. 458 p. (In English)
7. Collis, Maurice. *Nancy Astor: An Informal Biography*. London, Faber and Faber, cop. 1960. 235 p. (In English)
8. Ervine, St. John. *Bernard Shaw: His Life, Work and Friends*. London, Constable and Company Limited, 1956. 628 p. (In English)
9. Evans, Tom F. “Myopia or Utopia? Shaw in Russia.” *Shaw*, vol. 5, 1985, pp. 125–45. (In English)
10. *Fabian Essays*. London, Allen and Unwin, 1962. 322 p. (In English)
11. Gibbs, Anthony Matthews. *Bernard Shaw: A Life*. Gainesville, Florida, Florida UP, 2005. 576 p. (In English)
12. Hollander, Paul. *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978*. Oxford, Oxford UP, 1981. 524 p. (In English)
13. Holroyd, Michael. *Bernard Shaw: in 4 vols*. London, Penguin, 1993. (In English)
14. Hummert, Paul A. “Bernard Shaw’s Marxist Utopias.” *The Shaw Review*, vol. 2, no. 9, 1959, pp. 7–26. (In English)
15. Lane, David. “Perceptions of the Russian October Revolution in the Great Britain.” *Sociology Research. University of Cambridge*, 6 October 2017. Available at: <https://research>.

sociology.cam.ac.uk/news/perceptions-russian-october-revolution-great-britain (Accessed 27 January 2024). (In English)

16. Pearson, Hesketh. *George Bernard Shaw: A Full Length Portrait*. New York, Harper & Brothers, 1942. 390 p. (In English)

17. Shaw, Bernard. *Collected Letters: in 4 vols.*, ed. by Dan H. Lawrence. New York, Dodd, Mead & Company, 1965–1988. (In English)

18. Shaw, Bernard. *The Rationalization of Russia*, ed. with an introd. by Harry M. Geduld. Bloomington, Indiana UP, 1964. 134 p. (In English)

19. Soboleva, Olga; Wrenn, Angus. *The Only Hope of the World: George Bernard Shaw and Russia*. Oxford, Bern, New York, Peter Lang, 2012. 231 p. <https://doi.org/10.3726/978-3-0353-0331-5> (In English)

20. Wisenthal, Jonathan L. “Shaw’s Utopias.” *Shaw*, vol. 17, 1997, pp. 53–64. (In English)

21. Yde, Matthew. “Abiding Love: Shaw and Russia.” *Shaw*, vol. 33, no. 1, 2013, pp. 220–23. (In English)

Статья поступила в редакцию: 01.02.2024
Одобрена после рецензирования: 18.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 01.02.2024
Approved after reviewing: 18.05.2024
Date of publication: 25.06.2024

Первые визиты писателей ФРГ в СССР

© 2024, А.В. Добряшкина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук при поддержке гранта Российской государственной научной фонды № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Аннотация: Первые визиты западногерманских писателей в Советский Союз после 1955 г. практически не освещены в исследовательской литературе. Статья основана на документах РГАЛИ: письмах немецких писателей и отчетах, сделанных консультантами и переводчиками для Союза советских писателей.

Налаживание официальных контактов с западногерманскими писателями стало одним из магистральных направлений советской литературной политики в послевоенный период. До 1955 г., времени установления дипломатических отношений между ФРГ и СССР, писатели Западной Германии в СССР не приезжали. Иностранная комиссия Союза советских писателей располагала недостаточной информацией о литературной жизни современной ФРГ: новые авторы и их произведения, новые литературные группы и художественные тенденции были в СССР не известны. Первые западногерманские гости Союза советских писателей — малоизвестные авторы и журналисты, а также писатели, симпатизировавшие СССР. На III Съезд советских писателей (1959) были приглашены Генрих Бёлль и Стефан Андрес. Бёлль отказался от приглашения, а Андрес приехал в СССР неофициально. В Москве Андресу удалось при встрече с послом ФРГ в СССР затронуть тему сотрудничества западногерманских и советских писателей. Осенью 1959 г. в Москве также находился по приглашению своего сына, сотрудника посольства ФРГ, известный писатель Герман Казак, который принял участие в организации первой московской писательской делегации в ФРГ (1960).

Ключевые слова: Леонгард Франк, Вольфганг Кёппен, Стефан (Штефан) Андрес, Генрих Бёлль, Ханс Хенни Янн, Герман Казак, советско-германские контакты, Союз советских писателей, Иностранная комиссия.

Информация об авторе: Анна Владимировна Добряшкина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>

E-mail: annica@list.ru

Для цитирования: *Добряшкина А.В.* Первые визиты писателей ФРГ в СССР // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 320–340. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-320-340>

Одним из магистральных направлений советской литературной политики послевоенного периода было, в том числе, налаживание официальных контактов с западногерманскими писателями. Если диалог Союза советских писателей (СП) с авторами Восточной Германии, по сути, не прерывался, то авторы Западной Германии относились к возможному сотрудничеству с советскими коллегами в условиях холодной войны сдержанно. В СССР по-прежнему издавалась немецкая классика, однако литература современной Западной Германии оказалась недоступной не только для советского читателя, но и для советских германистов: актуальной информации о новых авторах и их произведениях, новых литературных группах и художественных тенденциях было крайне мало.

Перед Иностранной комиссией СП стояла задача организовать обмен писательскими делегациями. До 1955 г., времени установления дипломатических отношений между ФРГ и СССР, авторы Западной Германии Москву не посещали¹. С 1955 г. в советской столице начали появляться первые представители западногерманской журналистики и литературы; ФРГ, согласно справке о работе Иностранной комиссии СП в 1955 г.², была в списке тех зарубежных стран, с писателями которых велась переписка (правда, не интенсивная: всего за год было отправлено 8 писем, четыре в первом полугодии и четыре — во втором)³.

Первыми немецкими гостями СП были, как правило, малоизвестные писатели или писатели, симпатизировавшие Советскому Союзу. Одним из первых в 1955 г. в Москву приехал никому не известный журналист и писатель Ханс Шерер, автор статей по музыке и нескольких небольших рассказов, напечатанных в журналах.

¹ Условное исключение — писатель Гюнтер Вайзенборн, приехавший в Москву в 1948 г. в составе первой послевоенной немецкой делегации и проживавший на тот момент в западном секторе Берлина.

² См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 43. Л. 5.

³ Отчет о работе консультанта по немецкой литературе В. Стеженского за 1955 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1354. Л. 1–2.

Из имеющихся архивных документов известно лишь, что его визит в СССР не планировался заранее и решение посетить Советский Союз было скорее спонтанным. Его выступление 20 мая 1955 г. на заседании Иностранной комиссии, которое проводили заместитель председателя Иностранной комиссии СП М.Я. Аплетин и консультант по немецкой литературе В.И. Стеженский, «генеральный консул немецкой литературы»⁴, носило типичный для последующих писательских визитов характер: гость подчеркнул необходимость неофициальности своего пребывания в Москве, поделился впечатлениями о восприятии советским читателем литературы в разделенной Германии и сделал короткое сообщение о литературной ситуации в ФРГ.

По мнению Шерера, советский читатель хорошо знал современную литературу ГДР — и даже лучше, чем сам Шерер, однако современная западногерманская литература была в СССР «неизвестна или, во всяком случае, мало известна»⁵. Сообщение немецкого гостя было посвящено теме «Новые пути к читателю» в Западной Германии. Шерер указал на наиболее яркие тенденции современной западной литературы: популярность творчества Кафки и возрастающая популярность Генриха Бёлля. После Томаса Манна, писателя обеих Германий, первым среди самых читаемых на Западе писателей Шерер назвал Германа Казака — «крупного последователя Кафки»⁶. «Кроме писателя Казака, — добавил Х. Шерер, — в Западной Германии имеется еще несколько последователей Кафки, которые действуют нам на нервы»⁷.

Особого внимания, считал Шерер, заслуживало творчество двух писателей — Генриха Бёлля и Ирмгард Койн, произведения которых издавались и в ФРГ, и в ГДР. Бёлль к этому времени уже был известен в Советском Союзе: в 1952 г., за десять лет до его приезда в СССР, был опубликован на русском языке его рассказ, и, поскольку его имя всегда звучало в связи с современной западногерманской литературой, писатель постепенно становился легендой:

⁴ Так председатель Инокомиссии Б. Полевой представил В.И. Стеженского, бывшего военного переводчика, журналистам на пресс-конференции 13 сентября 1955 г. (Стенограмма беседы во время приема в Иностранной комиссии немецких, швейцарских и шведских журналистов // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 47. Л. 2.)

⁵ Стенограмма заседания в Иностранной комиссии по обсуждению сообщения Ганса Шерера о литературной жизни Западной Германии // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3125. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 5.

Ему 38 лет, и он написал уже очень много книг. Он является лауреатом многих премий. Я не могу сказать наверняка, но знаю, что он является лауреатом солидных премий. Он очень интенсивно работает и выступает с докладами у себя на родине и за границей, и, по-видимому, его деятельность поддерживается государством <...>. Это сразу становится ясным, когда узнаешь, что он является католиком. Аденауэр и его правительство, как известно, является католическим, и в Западной Германии этот факт имеет большое значение. Далее получается нечто странное: Генрих Бёлль не ходит в церковь. Его религиозность является подлинной, искренней. Он является решительным борцом против войны, поэтому несколько неугоден правительству. <...> он заявил, что государству, которое делает из них солдат после двух таких больших катастроф, он не может доверять воспитание своих детей. Этими словами он как бы нападает на правительство.

Кроме того, он очень резко выступает против духовенства. Этот писатель является борющимся католиком, который ни с политической, ни с религиозной точки зрения не дает себя запугать.

Его литературные формы конкретны, реалистичны, дают себя осязать. <...> Метафизические элементы в его творчестве играют только второстепенную роль. Но этот момент в его требованиях также должен быть учтен⁸.

Шерер подтвердил, что в Западной Германии по-прежнему любят русскую классику: Гоголя, Лескова, Тургенева, Чехова, Горького, но особенно Достоевского. В современной советской литературе гость Инокомиссии ориентировался плохо. Из советских писателей он назвал лишь И. Эренбурга: «Сейчас одна книга, не помню ее названия, готовится в Западной Германии к изданию». Вспомнил Шерер и Зощенко: «Но мы не знаем, является ли он эмигрантом или проживает здесь»⁹. В конце встречи М.Я. Аппетин подчеркнул необходимость сотрудничества СП с представителями западногерманской литературы и получения книг немецких авторов, а Шерер выразил надежду на то, что «Советский Союз пошлет свое посольство в Западную Германию»¹⁰.

8 июня и 13 сентября 1955 г. были организованы встречи советских писателей (Б. Полевого, А. Чаковского, Б. Рюрикова) с немецкоговорящими журналистами. Пресс-конференция 13 сентя-

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 11.

бря, состоявшаяся после Женевского совещания глав правительств четырех государств, проходила более оживленно: журналисты интересовались литературной жизнью Советского Союза, издательским делом, тиражами, гонорарами писателей, изданием зарубежной литературы на русском языке¹¹. Ожидаемый интерес гости СП проявили к «сущности социалистического реализма», «проблеме типичности», спрашивали, «действительно ли <...> социалистический реализм как метод губит творческие возможности писателей», высказывали мнение, что «метод Горького несколько отличен от метода» современных советских писателей, у которых «человеческая личность остается в тени». Прощаясь с гостями, Б. Полевой подчеркнул важность состоявшейся встречи, на которой уже второй раз за этот год встретились «немцы Запада и немцы Востока»¹².

Осенью того же года Москва принимала известного гостя из ФРГ — Леонгарда Франка, пробывшего вместе со своей женой в СССР с 16 октября по 4 ноября. В. Стеженский, сопровождавший Франка и написавший впоследствии о нем монографию, вспоминал, что «поездка в нашу страну была мечтой всей жизни Франка» [5, с. 134]. Первый писатель ФРГ, ступивший на советскую землю, не был типичным западногерманским автором. Франком, получившим в 1952 г. германское гражданство после возвращения из американской эмиграции, еще десять лет интересовались службы ФБР, считая его близким коммунистическим кругам. Писатель проживал в Мюнхене, однако в Восточной Германии его книги издавались большими тиражами; в 1955 г., незадолго до поездки в Москву, Вильгельм Пик вручил ему Национальную премию ГДР первой степени, что не помешало писателю еще через два года получить орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (Большой крест заслуг — *Großes Verdienstkreuz*). В характеристиках СП Франк фигурировал как «один из крупнейших немецких демократических писателей старшего поколения», который в своем автобиографическом романе «Слева, где сердце» (*Links, wo das Herz ist*, 1952) «с большой симпатией пишет <...> о Советском Союзе, о людях труда Европы и Америки»¹³.

«Нет никаких известных свидетельств Франка об этом путешествии» [8, S. 300], — замечает исследователь германско-совет-

¹¹ Стенограмма беседы во время приема в Иностранной комиссии немецких, швейцарских и шведских журналистов // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 47.

¹² Там же. Л. 20, 27, 17, 31, 36.

¹³ Биографические сведения о немецких писателях ФРГ, 1956. Леонгард Франк // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3131. Л. 4, 5.

ских литературных связей А. Деген и указывает примерные даты прибытия Франка в СССР — с 23 или 25 октября, и примерную продолжительность визита — десять дней. Франка с супругой встретили Аппетин и Стеженский, проводив их в гостиницу «Москва», 18 октября о приезде немецкого писателя известила «Литературная газета», 25 октября газета опубликовала интервью с Франком, 31 октября их официально принял первый секретарь Союза писателей А.А. Сурков, и в начале ноября, получив в подарок роскошно изданную книгу «Московская Оружейная палата Кремля», гости советской столицы отбыли на родину. В Москве Франк успел встретиться «со своими старыми друзьями К. Фединым и И. Эренбургом» [5, с. 136], со студентами МГУ, читателями Библиотеки иностранной литературы, побывать в Институте мировой литературы. 9 декабря, через месяц после возвращения домой, Франк написал достаточно поэтическое письмо Аппетину, которое содержало не только слова благодарности и впечатления от поездки, но и постскрипtum: «Вы знаете, почему это письмо не может быть опубликовано»¹⁴. Письмо было переведено В. Стеженским, с незначительными модальными неточностями в пассаже о Шолохове:

Мой дорогой, дорогой Аппетин!

<...> Москва — чудесный и огромный город, ее жители, ее спокойствие, простота и, прежде всего, ее теплота чувств произвели на меня неизгладимое впечатление.

Я вспоминаю о нашей встрече в доме Союза писателей, где я должен был рассказать о новой немецкой литературе, но сказал только две фразы о литературе, а два часа говорил о политическом положении в мире, что в присутствии экспертов марксизма было, разумеется, несколько неуклюжим («*tolpatschig*»).

Я вспоминаю забавный рассказ об авторе всемирно известного романа «Тихий Дон», которому предложили поехать куда-нибудь за границу, и он в конце концов решил поехать в Данию¹⁵, где есть хорошие быки, и привез одного бычка для своего колхоза. Я от души смеялся. Передайте, пожалуйста, ему мое восхищение его за-

¹⁴ Письмо Леонгарда Франка о пребывании в Москве, 9.12.1955 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3128. Л. 3.

¹⁵ В оригинале: «от которого настойчиво требовали наконец-то совершить поездку за границу, в Париж, Лондон, Нью-Йорк. И вот в конце концов он поехал — в Данию (или это была Швеция?), где, как говорили, должны были быть особенно хорошие быки. <...> Пожалуйста, передайте ему мое восхищение его непревзойденным шедевром, а также мое полное понимание того, что он предпринял “заграничную поездку” в западный мир быка ради» (Там же. Л. 1).

мечательным романом и то, что я вполне понимаю, что он поехал в «Западный мир» ради быка.

Каждый день из окна гостиницы я видел бесконечные ряды советских людей, идущих на Красную площадь, чтобы увидеть своих освободителей от преступного нацизма. Волнующий знак благодарности!

Огромным событием для меня было посещение Большого театра. В центральной ложе Булганин, Хрущев, Молотов и почетные гости Советского Союза — премьер-министр Бирмы и его жена. И весь театр был все же заполнен рабочими и крестьянами. Вы смеетесь надо мной, дорогой Аплетин, ведь для Вас это само собой разумеющееся, и Вы удивляетесь, что я этому так радостно удивляюсь. Но я рассказываю об этом всем своим знакомым, и как велико их удивление. Ибо такое бывает только в Советском Союзе и других странах социалистической демократии и нигде больше на нашей планете.

Но мне невозможно рассказать на примере названных деталей о том незабываемом впечатлении, которое произвели на меня советские люди. Ставшие само собой разумеющимися спокойствие и уверенность советского народа произвели на меня самое большое впечатление¹⁶.

Переписка с Франком и его супругой продолжилась после их визита в СССР, она касалась, прежде всего, издания произведений писателя и выплаты гонораров, которые после продолжительных переговоров со Стеженским и Сурковым переводились на швейцарский счет Франка.

В январе 1960 г. в беседе с сотрудниками советского посольства супруга писателя, вспоминая об их путешествии в СССР,

рассказала, что по возвращении в Мюнхен она написала статью о Москве и попросила главного редактора «Зюддойче цайтунг» Фридмана, с которым Франки хорошо знакомы, опубликовать эту статью в своей газете. Фридман отказался под тем предлогом, что она-де «слишком уж восторженно написана»¹⁷.

Во время той же встречи писатель жаловался на почти полную изоляцию:

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Запись беседы с писателем Леонгардом Франком. Из дневника Р.А. Сергеева, И.С. Сафрончука. 3 февраля 1960 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3177. Л. 3.

Издатели ФРГ не печатают ни одной строчки Франка, в то время как в ГДР его книги расходятся огромными тиражами. Знакомые также сторонятся Франка, посещают его лишь немногие. По существу, единственный человек, с которым Франки поддерживают хорошие отношения, — это писатель Эрих Шумахер, о котором Франк отзывается как о настоящем коммунисте¹⁸.

Эрнст Шумахер, мюнхенский театровед и редактор мюнхенской газеты, о котором тепло отзывался Франк, был членом баварской компартии и поэтому симпатизировал Советскому Союзу. В 1956 г. он также посетил Москву по приглашению СП. Стеженский вел с ним не один год интенсивную переписку, и Шумахер, помимо своих собственных стихов, отправлял в СССР по его просьбе литературные новинки и просто необходимые для изучения произведения.

В списке писателей ФРГ, которых в конце 1956 г. В. Стеженскому надо было поздравить с наступающим новым годом, было уже три имени: к «друзьям СССР» Л. Франку и Э. Шумахеру примкнул Ханс Хенни Янн.

На 1956 г. Инокомиссия СП запланировала проведение вечера, посвященного столетию со дня смерти Г. Гейне, и приглашение группы писателей из ФРГ. 17 февраля 1956 г. СП совместно с Советским комитетом защиты мира, министерством культуры и ВОКС организовали вечер памяти Г. Гейне в Большом зале Московской консерватории, на котором выступили Б. Полевой, посол ГДР И. Кениг, писатель ГДР Куба (Курт Бартель) и писатель ФРГ Ханс Хенни Янн, который прилетел в Москву 12 февраля на десять дней для участия в торжестве. 19 и 20 февраля Янн вместе с писателями Кубой и М. Шеером провел в Ленинграде, 23 февраля вылетел обратно в Германию.

Янн в известной степени был признан в обеих Германиях, часто ездил в Восточную, был членом Художественной академии ГДР и принимал участие в конгрессах Союза писателей ГДР. Вопрос о приезде Янна решался через секретаря Союза писателей ГДР Эдуарда Клаудиуса, именно он вел переписку с Сурковым. Янну был предложен традиционный экскурсионный маршрут в Москве и Ленингаде. «Первые дни своего пребывания в Москве Г.Г. Янн держался довольно замкнуто и настороженно»¹⁹, — сообщал в отчете

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Докладная записка консультанта по немецкой литературе В. Стеженского о пребывании Ганса Генни Яна в Советском Союзе, 29.2.1956 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3129. Л. 1.

те В. Стеженский. Затем, хотя и неохотно, писатель начал делиться своими впечатлениями. Особенно его удивило уличное движение в Москве, московское и ленинградское метро. Янн отметил большую покупательную готовность москвичей, слишком высокие цены на одежду и обувь, доступность бытовой техники; обратил внимание на то, что «многие прохожие на улицах одеты безвкусно и однообразно»²⁰. Высказывания гостя относительно литературной и общественной жизни Западной Германии не отличались особой информативностью.

Ян рассказал, что писатели Западной Германии, выступающие за идеи мира и взаимопонимания, подвергаются травле со стороны реакционной печати, их произведения бойкотируются. Такому бойкоту подвергался, по его словам, и сам Ян. В настоящее время занимаемый им пост президента Академии искусств в Гамбурге не дает возможности идейным противникам бойкотировать Яна. Его новая пьеса «Томас Чаттертон» готовится сейчас к постановке в крупнейшем западногерманском театре. <...>

По словам Яна, в Западной Германии издается ряд газет (в частности, «Дойче фольксцайтунг»), которые получают финансовую поддержку из ГДР. Эти газеты, отмечает Ян, не пользуются никакой популярностью и влиянием, т. к. ведут неуклюжую пропаганду, «превозносят успехи ГДР и не замечают никаких положительных сторон в жизни Западной Германии»²¹.

Писатель также рекомендовал СП пригласить в Москву Ханса Эриха Носсака, которого считал «одним из наиболее талантливых писателей ГФР, убежденным противником милитаризма»²². Перед отъездом Янн обещал написать очерк о поездке в СССР и опубликовать его в журнале «Зинн унд форм» — издании, доступном в обеих Германиях.

Однако опубликовать отчет о поездке писателю не удалось. Лишь в сентябре 1956 г. Стеженский получил от Янна отправленное из Дании письмо, написанное от руки неразборчивым почерком, в котором недавний гость СП признавался, что у него

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же.

²² Там же.

после возвращения в Германию возникли всевозможные неприятности, поскольку газеты сообщали частично искаженную информацию о цели и стиле моего путешествия. Особенно меня обвиняли в том, что я путешествовал в сопровождении или сопровождая одно известное лицо, с которым я в действительности не имею и не имел никаких дел. Лишь потратив много времени, я смог прояснить эти недоразумения, так что дело не закончилось для меня видимыми и ощутимыми потерями. Но мне придется отказаться от идеи сделать отчет о моей поездке, как бы мне этого ни хотелось. Поэтому я ничего не стал писать, а рассказывал и объяснял только близким людям.

В конце концов мое путешествие пришлось на исторический момент, который принес перемены как у вас в СССР, так и у нас на Западе. О событиях на Вашей родине мне придется молчать, вы лучше осведомлены, чем мы на Западе, и мне не хотелось бы распространять информацию ложную или нелепую. Достаточно того, что я скажу о растущем отчуждении, которое исходит, прежде всего, от Федеративной республики. Запрет коммунистической партии — лишь один признак. Формирование и вооружение немецких военных частей представляет гораздо большую опасность. Я считаю это чем-то роковым. И я помню выражение одного из Ваших друзей: нужно бояться не Америки, а немцев. <...>

Но вернемся к литературе. Несмотря на сложности, о которых я говорил вначале, моя драма «Томас Чаттертон», поставленная Густавом Грюндгенсом, с большим успехом прошла в Гамбурге. Немного позднее мне была присуждена гамбургская премия Лессинга. Я был очень рад этому поощрению, но оно не стало для меня настоящим стимулом. Реакция была незначительна, и это не придало мне мужества²³.

Гамбург встретил писателя не особо радушно: пресса обвиняла его в том, что он официально представлял на вечере Гейне Академию искусств, что ему было важно выступить вместе с В. Ульбрихтом и писателями ГДР. Янну пришлось оправдываться, чтобы получить обещанную ему премию Лессинга. Отчет о поездке в Москву был опубликован через много лет после смерти писателя — в 1987 г. [9].

В самом начале 1956 г. была запланирована на весну встреча в Москве первой немецкой делегации из ФРГ. О своем участии в «образовательной поездке»²⁴ в СССР заявили западногерманские

²³ Hans Henny Jahnn an V. Steshensky, 15.09.1956 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3138. Л. 1–2.

²⁴ Докладная записка, 10.2.1956 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1374. Л. 30.

писатели Вольфганг и Сильвия Хильдесхаймеры, Вальтер и Инге Йенсы, Вольфганг Кёппен и его супруга, Вольфдитрих Шнурре и его супруга, Ханс и Гертруд Вирцы, Херберт Лист. «О писателях Хильдесхаймере и Вирце известно, что они были противниками гитлеровского режима и находились в эмиграции. Все участники планируют опубликовать максимально подробное оценочное описание поездки»,²⁵ — говорилось в докладной записке СП. «Образовательная поездка» так и не состоялась, и в начале мая 1956 г. Б. Полевой от имени секретариата правления СП пригласил Вольфганга Кёппена, Вальтера Йенса и Вольфганга Хильдесхаймера посетить СССР в летние месяцы. Однако это путешествие оказалось тоже сложно спланировать, и визит уже второй делегации «сорвался из-за трудностей в сроке»²⁶. Лишь Кёппен, весьма заинтересованный в поездке, сообщал, что готов приехать практически в любое время, и «по согласованию со своими спутниками предложил»²⁷ отправиться в Советский Союз после 10 октября. В итоге Москва встречала одного Кёппена.

Визит Вольфганга Кёппена стал событием не только 1957 г., но и, пожалуй, всей «добёллевской» эпохи литературных контактов СССР и ФРГ (см. также: [3]). Кёппен предпринял путешествие с целью продолжить свою серию тревелогов, обещанных им Южногерманскому радио, с которым у писателя был заключен контракт. Писатель приехал в Москву на поезде 10 июня 1957 г., однако пригласивший его Б. Полевой находился в это время в Греции, и сопровождать гостя столицы пришлось переводчику и консультанту по итальянской литературе Г.С. Брейтбурду, который получил в воспоминаниях писателя имя Бернардус. 12 июня Кёппен посетил с ним Инокомиссию и беседовал с М.Я. Аплетиным, «человеком, похожим на Хрущева» [4, с. 71]. Писатель также дал интервью «Литературной газете», перешедшее, судя по его книге о поездке в СССР, в дискуссию о реализме. Кёппену предлагалось ответить на стандартные вопросы, которые задавались любому писателю из ФРГ: отношение западногерманских писателей к возможной войне, развитие литературы после войны и проч.

Они хотели знать, что я думаю о Ремарке, они расхваливали его роман «Время жить и время умирать» <...> я не читал этого

²⁵ Там же.

²⁶ Вольфганг Кёппен советнику Посольства СССР в ФРГ Твердохлебову, 16.06.1956, Мюнхен // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3133. Л. 3.

²⁷ Там же.

романа. Это привело их в замешательство. Но и в других случаях мне казалось, что мои собеседники оценивают книгу отчасти по тому, насколько им нравится ее содержание, точнее, сюжет. Кто-то спросил о зарубежных влияниях в западногерманской литературе, и я спросил о том же в отношении русской литературы. Мы сошлись на Хемингуэе, но он был исключением, белой вороной, к которой все благосклонны, они знали Джойса и Пруста, наверняка даже восхищались ими, впрочем, сдержанно, ведь ни «Улисс», ни «Потерянное время» не рекомендовались в СССР для распространения, к Фолкнеру относились недоверчиво, хотя подчас и сочувственно, а когда я упомянул о Кафке, мои собеседники ужаснулись, как будто я преподнес им соблазнительное, но смертельное снадобье, что меня опять-таки подзадорило, и я заговорил о романах Самюэля Беккета, и в Москве это вызвало такой же ужас, как в Париже, Лондоне или Мюнхене. Это подвело нас к вопросу о неприкаянности человека, о его одиночестве в толпе, сексуальном поведении, темных, потаенных инстинктах, об изображении в романе эротических отношений, и сотрудники «Литературной газеты» сказали, что описаний такого рода советский народ не примет, что в русской литературе не найти примеров подобной фривольности и что издавать в СССР такие книги — совершенно недопустимо [4, с. 72].

Кёппен констатировал отсутствие взаимопонимания между участниками беседы [10, S. 168], интервью в итоге не было напечатано. С Б. Полевым Кёппен встретился лишь 28 июня, и в тот же день он был приглашен домой к «советскому миллионеру» [10, S. 242] С. Михалкову. 30 июня В. Кёппен улетел в Мюнхен с «нарушенным восприятием времени, не в последнюю очередь из-за Turulow²⁸, который уносит любого из Вашей страны с комфортом, водкой и икрой, но также и со стремительностью выпущенной стрелы»²⁹. В ноябре 1957 г. было готово его двухчасовое эссе для радио — «Господин Полевой и его гость» (*Herr Polevoi und sein Gast*), несколько позже, уже в 1958 г., текст был опубликован. В ФРГ и радиоэссе, и написанная в гротескно-ироничной манере книга имели успех. Кёппен, как и обещал, отправил книгу Г. Брейтбурду, Б. Полевому и И.М. Фрадкину, «и ни от кого из них не получил отзыва, никто

²⁸ Кёппен имеет в виду пассажирский самолет разработки А. Туполева, скорее всего, речь идет об обсуждаемой в Европе реактивной модели Ту-104.

²⁹ Wolfgang Koeppen an Georg Breitbourd (Письмо В. Кёппена Г. Брейтбурду), München, 7.8.1957 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 62. Ед. хр. 3144. Л. 1.

из советских коллег не сказал ему ни слова»: ³⁰ в СССР высокохудожественный травелог немецкого писателя никого не воодушевил и издан не был. При этом на заседании Иностранной комиссии в январе 1960 г., посвященном изданию литературы ФРГ, И.М. Фрадкин, ведущий советский германист, назвал Кёппена одним из трех крупнейших западногерманских писателей современности (после Бёлля и Ханса Вернера Рихтера):

Вольфганг Кёппен — самый антифашистский и антимилиитаристский писатель ФРГ, писатель с темпераментом памфлетиста, писатель яркого таланта, на признании которого сходятся люди самых различных вкусов. Помимо романа «Теплица», надо обратить внимание на его роман «Смерть в Риме».

Как один из наиболее демократических и прогрессивных писателей Западной Германии, он был замечен нашей Иностранной комиссией, был приглашен в гости в Советский Союз, были предприняты шаги для взаимного сближения. Он совершил поездку по Советскому Союзу, познакомился с рядом советских товарищей, завязалась и продолжается с ним переписка. <...> Кстати, ему было обещано, что будет издан его роман, но он не издан. И в результате начатое дело с точки общественного смысла оказалось бессмысленным³¹.

И.И. Анисимов, директор ИМЛИ АН СССР, возглавивший советскую делегацию в ФРГ в том же 1960 г., вспоминал, как «с некоторым смущением Кёппен спрашивал» о реакции на его очерк.

Я прочел эти очерки уже в Москве. Они, во всяком случае, не содержат ничего враждебного Советскому Союзу. Хотя автор и приехал к нам явно предубежденным и старался выразить свою предубежденность в ироническом освещении некоторых сторон советского быта, все его выпады против изобилия плюша, против плохого покроя одежды, против извечных чехлов на мебели, против не нравящихся ему картин, которые он видел в отелях, — все это довольно мелко, и следовало откровенно сказать автору об этом, а не отмалчиваться.

³⁰ Отчет И.И. Анисимова о пребывании делегации советских писателей в ФРГ с 25 ноября по 16 декабря 1960 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3175. Л. 30.

³¹ Стенограмма заседания в Иностранной комиссии по обсуждению современной немецкой художественной литературы в русском переводе и критике 6 января 1960 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3176. Л. 17–18.

Видимо, следовало об этом написать и в газете какому-нибудь литературному критику, высмеяв довольно комическую предубежденность талантливого западногерманского писателя, который, со своей маленькой «кочки», брался судить об очень серьезных вещах, и попал впросак. Но, во всяком случае, эта книга не является книгой враждебной, что очень существенно³².

Роман «Смерть в Риме» (*Der Tod in Rom*, 1954), который в 1957 г. Кёппену «было обещано» издать по-русски, появился в журнале «Иностранная литература» в октябре 1965 г., а очерк «Господин Полевой и его гость» был впервые переведен лишь в 1999 г. [4].

1959 год можно считать предпоследней вехой перед началом «эпохи Бёлля». Несмотря на возрастающее количество договоров, которые заключались между СССР и ФРГ, западногерманские писатели по-прежнему сохраняли дистанцию в вопросах возможного диалога с советскими коллегами, и даже подписанное 30 мая 1959 г. соглашение между ФРГ и СССР о культурном сотрудничестве, предусматривавшее обмен творческими делегациями, не сразу ускорило процесс сближения. В Москве с 18 по 23 мая 1959 г. проходил III Всесоюзный съезд советских писателей, на который были приглашены из ФРГ Генрих Бёлль, Стефан (Штефан) Андрес и Карл Людвиг Опиц. Бёлль и Андрес, которые считались самыми известными западногерманскими авторами и участвовали в антиядерной кампании, активно выступая за разоружение Бундесвера, получили личное приглашение Александра Корнейчука, лауреата пяти Сталинских премий, который весной 1959 г. побывал «в гостях у крупнейших католических писателей»³³.

Если Стефан Андрес вместе со своей женой проявили по отношению ко мне большую любезность и искреннее гостеприимство, но по некоторым важным вопросам были сдержаны, то Генрих Бёлль был откровенным и не раз подчеркивал, что, несмотря на тяжелые условия в Западной Германии, он всегда стоял и будет стоять за дружбу с Советским Союзом. Он высоко оценил советскую литературу и, конечно, произведения русской классики³⁴.

³² Отчет И.И. Анисимова о пребывании делегации советских писателей в ФРГ с 25 ноября по 16 декабря 1960 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3175. Л. 30–31.

³³ Памятная записка А.Е. Корнейчука о поездке в ФРГ в 1959 г. 18.04.1959 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3166. Л. 1. О визите Андресов в СССР см. подробнее: [2].

³⁴ Там же. Л. 2.

Однако оба автора отказались от участия во Всесоюзном съезде, опасаясь за свою репутацию; ФРГ на Съезде представлял только К. Опиц. По просьбе Корнейчука СП предложил Бёллю и Андресу посетить СССР неофициально, Стефан Андрес с супругой приняли приглашение. Андрес считал русских классиков (прежде всего, Достоевского) своими литературными предшественниками, и путешествие в советскую Россию он предпринял в том числе с целью убедиться, что Россия Гоголя и Достоевского еще существует.

В опубликованных в 2009 г. мемуарах Доротее Андрес, изданных Кристофером Андресом, внуком писателя, и литературоведом Михаэлем Брауном, автором монографии об Андресе [7], информации о посещении СССР нет:

Это путешествие в Россию Доротее Андрес сохранила в кратких заметках, которые она делала каждый день, так что в конце концов они заняли тридцать страниц. Если их включить в издание, они нарушат рамки этой редакции воспоминаний [6, S. 275].

Один из доступных документов, сохранивших информацию о пребывании Андресов в СССР, — составленный их переводчиком отчет для СП.

Стефан и Доротее Андрес приехали в Москву 11 сентября 1959 г., накануне запуска к Луне второй космической ракеты, за несколько дней до визита Хрущева в США. Писателю был предложен проверенный временем экскурсионный маршрут, позволивший выражать восхищение архитектурой Москвы, университетом и строительством юго-западного района столицы, кукольным театром. При знакомстве с секретарем правления СП Сурковым гость подтвердил свое намерение «установить связи между писателями Западной Германии и Советского Союза»³⁵. Во время своего пребывания в СССР Андрес, хотя и придерживался составленной для него программы, часто удивлял сопровождавшего его переводчика: прежде всего, он захотел «увидеть, где народ молится и как отдыхает»³⁶. Посещая монастыри и действующие храмы Москвы и Загорска, писатель «выражал свое удовлетворение тем, что много верующих, что “русская душа не погибнет” и что вера русских проявляется искренне и открыто». В Ленинграде, где он «беседовал с писателем

³⁵ Отчет В. Ивановой о работе с Стефаном Андресом и его супругой Доротти Андрес во время их пребывания в Советском Союзе с 11 сентября по 2 октября 1959 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3164. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 2.

В. Рождественским об идее Бога и русской истории», стиль высказываний католического автора заметно изменился. До самого отъезда в Германию гость СП в разных вариациях повторял, «что теперь многое понял, а также и то, что революция в России была необходимостью, дальше народ терпеть не мог, и коммунизм — это именно то, что нужно России»³⁷. И все же особенно впечатлила Андреса поездка по Армении, где писатель беседовал с католиком и встречался с семинаристами.

У Андреса дважды брали интервью: 15 сентября для газеты «Литература и жизнь», печатного органа правления СП РСФСР, и 19 сентября для популярного журнала «Советская женщина». В газете «Литература и жизнь» статья под названием «Войны не должно быть» появилась уже на следующий день. Она начиналась с христианской позиции Андреса, но далее впечатления гостя столицы соответствовали ожиданиям советской стороны. Андреса поразила «тяга к знаниям, культуре» советских людей, приятной неожиданностью было для него встретить в комнате отдыха на Брестском вокзале «Зимнюю сказку» Гейне и «Верноподанного» Генриха Манна³⁸. Интервью для «Советской женщины» напечатано не было, скорее всего потому, что корреспонденту Андрес

заявил, что может говорить все, что хочет, и что у нас неверные представления о порядках в Западной Германии. Далее он заявил, что считает коммунизм необходимым и пригодным для России — но только для России, так же как западный капиталистический строй — для Запада³⁹.

Последними собеседниками Андреса стали московские критики и переводчики. Отвечая на стандартные вопросы, которые до этого задавались В. Кёппену, Андрес

заявил, что Ремарк на Западе не считается крупным писателем. Он говорил, что там иной подход к творчеству, чем у нас. Основным критерием считается «магия слова», умение привести читателя в определенное состояние. Про И. Бехера С. Андрес говорил, что сонеты его прекрасны, потом он стал писать хуже и последние его

³⁷ Там же.

³⁸ Литература и жизнь. 1959. 16 сентября. № 111. С. 4.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3164. Л. 4.

стихи с рефреном «партия всегда права» стоят вне литературы и называться стихами не имеют права⁴⁰.

Андрес рекомендовал некоторые свои произведения для перевода на русский язык, однако ни одно из них так и не было переведено. О своей поездке в СССР писатель дал интервью Южногерманскому радио и выступил с докладом в католической гимназии. Подчеркнутого интереса в Германии его путешествие не вызвало, а в его биографиях этот факт всегда замалчивался.

Во время своего визита Андрес, выполняя обещание, данное Суркову, встречался с послом ФРГ в СССР Хансом Кроллем, который «проявил большой интерес к приглашению советских писателей в ФРГ»⁴¹. 2 декабря 1959 г. Иностранная комиссия СП, ссылаясь на Адреса, направила запрос в посольство СССР в ФРГ относительно возможности «организовать приглашение в ФРГ группы советских писателей с целью установления творческих контактов»⁴². В беседе с советником советского посольства 1 февраля 1960 г. Андрес дал понять, что ни одна западногерманская писательская организация пригласить в ФРГ советских коллег не сможет, однако выразил надежду на поддержку Ханса Кролля: «Андрес подчеркнул, что Кролль обещал взять это дело в свои руки»⁴³.

Одновременно шла переписка с еще одним писателем ФРГ, посетившим СССР. 14 декабря 1959 г., как сообщал Стеженский секретарю правления СП М. Турсун-заде, «на приеме, устроенном Посольством ФРГ по случаю гастролей в Москве Гамбургского драматического театра», его «познакомили с известным западногерманским реакционным писателем Германом Казаком, который находится в Москве в качестве гостя своего сына»⁴⁴, работника Посольства ФРГ». Несмотря на то, что Г. Казак, президент Германской академии языка и литературы, стал известен благодаря своему роману «Город за потоком», «проповедовавшему идеи пессимизма

⁴⁰ Там же. Л. 8–9.

⁴¹ Запись беседы с западногерманским писателем Стефаном Андресом. 14.02.1960 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3178. Л. 2.

⁴² Справка о литературной жизни ФРГ в 1959 г. Сост. В.И. Стеженский // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3167.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3178. Л. 2.

⁴⁴ Вольфганг Казак (1927–2003) — впоследствии известный немецкий славист и переводчик русской и советской литературы.

и антигуманизма, неверие в творческие силы народа»⁴⁵, в беседе со Стеженским он

говорил о необходимом объединении миролюбивых сил с целью «предотвратить возможность возникновения новой войны». Он выразил также желание встретиться с советскими писателями для «свободного обмена мнениями»⁴⁶.

Результатом этого знакомства стали переписка и обмен изданиями с Германской академией языка и литературы. Уже 5 января 1960 г. Казак сообщал Стеженскому, ссылаясь на их встречу в Москве, что «оставил в секретариате Академии <...> указание на необходимость переслать для библиотеки Союза писателей некоторые издания нашей Академии»⁴⁷. В октябре 1960 г. Казак запрашивал информацию об участниках первой советской делегации в ФРГ, а с 25 ноября по 16 декабря 1960 г. «именно он был настоящим шефом»⁴⁸ организованной поездки.

Состоявшийся визит советской делегации в ФРГ означал начало совершенно нового этапа в истории литературных связей между СССР и ФРГ. Были организованы встречи со многими западноевропейскими писателями, в том числе с побывавшими в Москве Л. Франком, В. Кёппеном и С. Андресом. Глава делегации И.И. Анисимов лично познакомился с Генрихом Бёллем, который выразил советским гостям свое намерение приехать в СССР. С 1962 г. началась «эпоха» визитов Бёлля в СССР, ставшая важнейшей страницей истории советско-западных литературных, культурных и общественных контактов (см., в частности: [1, с. 284–301]).

Литература

1. *Азадовский К.М.* Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М.: Литфакт, 2019. 320 с.

2. *Добряшкина А.В.* Паломничество в страну Востока: Визит Стефана Андреса в СССР // *Rossica. Литературные связи и контакты.* 2023. № 4. С. 67–98. https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_67_98

⁴⁵ В. Стеженский — М. Турсун-заде, 15.12.1959 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3165.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Г. Казак — В. Стеженскому, Штуттгарт, 5.1.1960 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3181. Л. 5.

⁴⁸ Отчет И.И. Анисимова о пребывании делегации советских писателей в ФРГ с 25 ноября по 16 декабря 1960 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3175. Л. 20.

3. *Зачевский Е.А.* Путешествие Вольфганга Кёппена в СССР // Россия — Германия: Литературные встречи (после 1945 года) / отв. ред.-сост. Т.В. Кудрявцева, А.А. Стрельникова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 287–331.
4. *Кёппен В.* В Россию и другие страны. Сентиментальные путешествия: (Господин Полевой и его гость) / пер. К.М. Азадовского // Всемирное слово. 1999. № 12. С. 70–76.
5. *Стеженский В.И.* Леонгард Франк: очерк жизни и творчества. М.: Худож. лит., 1983. 150 с.
6. *Andres D.* «Carpe diem!» Mein Leben mit Stefan Andres. Bonn: Bouvier, 2009. 412 S.
7. *Braun M.* Stefan Andres. Leben und Werk. Bonn: Bouvier, 1997. 191 S.
8. *Degen A.* Reisen im Kalten Krieg. Hans Henny Jahnn, Wolfgang Koeppen und Leo Weismantel in Moskau (1956/57) // Deutschland / Russland. Topographien einer literarischen Beziehungsgeschichte / Gansel C. Berlin: Verbrecher Verl., 2020. 613 S.
9. *Jahnn H.H.* Reisen nach Moskau // *Jahnn H.H.* Späte Prosa / Schweikert U. Hamburg: Hoffmann und Campe. 1987. 533 S.
10. *Koeppen W.* Nach Russland und anderswohin. Stuttgart: Henry Goverts Verl., 1958. 267 S.

Research Article and Publication of Archival Documents

The First Trips of West German Writers to the Soviet Union

© 2024. Anna V. Dobryashkina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgement: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Abstract: The first trips of West German writers to the Soviet Union after 1955 are practically not highlighted in the research literature. The article relies on RGALI documents: letters of German writers and reports made by their translators for the Soviet Writers’ Union. Establishing official contacts with West German writers became the main direction of Soviet literary policy in the post-war period. Before 1955, when diplomatic relations between the FRG and the USSR began, the writers of West Germany did not come to the USSR. The Foreign Commission of the Soviet Writers’ Union had insufficient information about contemporary German literature:

new authors and their works, new literary groups, and artistic trends were not known in the USSR. The first West German guests of the Soviet Writers' Union were little-known authors and journalists, as well as writers who sympathized with the USSR. In 1959, two famous West German authors, Heinrich Böll and Stefan Andres, were invited to the Third USSR Writers' Congress. Böll refused the invitation, and Andres came to the USSR unofficially. In Moscow, Andres succeeded in meeting with the German Ambassador to the USSR to touch upon cooperation between West German and Soviet writers. Hermann Kasack, one of the most prominent German writers, was also in Moscow in the autumn of 1959, at the invitation of his son, an employee of the German embassy, and took part in the organization of the first Moscow delegation to the FRG in 1960.

Keywords: Leonhard Frank, Wolfgang Koeppen, Stefan Andres, Heinrich Böll, Hermann Kasack, Hans Henny Jahnn, Soviet-German literary contacts, Soviet Writers' Union, Foreign Commission.

Information about the author: Anna V. Dobryashkina, PhD. in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>

E-mail: annica@list.ru

For citation: Dobryashkina A.V. "The First Trips of West German Writers to the Soviet Union." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 320–340. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-320-340>

References

1. Azadovskii, K.M. *Siuzhety i sud'by: Nemetsko-russkie otrazheniia [Plots and Fates: German-Russian Reflections]*. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 320 p. (In Russ.)

2. Dobriashkina, A. "Palomnichestvo v stranu Vostoka: Vizit Stefana Andresa v SSSR" ["Journey to the East: Stefan Andres' Visit to the USSR"]. *Rossica. Literaturnye sviazi i kontakty*, no. 4, 2023, pp. 67–98. https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_67_98 (In Russ.)

3. Zachevskii, E.A. "Puteshestvie Vol'fganga Keppena v SSSR" ["Wolfgang Koeppen's Journey to the USSR"]. Kudriavtseva, T.V., and A.A. Strel'nikova, editors. *Rossiiia — Germaniia: Literaturnye vstrechi (posle 1945 goda) [Russia and Germany: Literary Meetings (after 1945)]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 287–331. (In Russ.)

4. Keppen, V. "V Rossiui i drugie strany. Sentimental'nye puteshestviia: (Gospodin Polevoi i ego gost')" ["To Russia and Other Countries. Sentimental Journeys: (Mr. Polevoy and His Guest)"], trans. By K.M. Azadovskii. *Vsemirnoe slovo*, no. 12, 1999, pp. 70–76. (In Russ.)

5. Stezhenskii, V.I. *Leonard Frank: ocherk zhizni i tvorchestva [Leonhard Frank: An Essay on His Life and Work]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983. 150 p. (In Russ.)

6. Andres, Dorothee. "Carpe diem!" *Mein Leben mit Stefan Andres*. Bonn, Bouvier, 2009. 412 S. (In Deutsch)

7. Braun, Michael. Stefan Andres. Leben und Werk. Bonn, Bouvier, 1997. 191 S. (In Deutsch)
8. Degen, Andreas. "Reisen im Kalten Krieg. Hans Henny Jahnn, Wolfgang Koeppen und Leo Weismantel in Moskau (1956/57)." Gansel, Carsten (Hg.). *Deutschland / Russland. Topographien einer literarischen Beziehungsgeschichte*. Berlin, Verbrecher Verl., 2020. 613 S. (In Deutsch)
8. Jahnn, Hans Henny. "Reisen nach Moskau." Jahnn, Hans Henny. *Späte Prosa*, Hrsg. Uwe Schweikert. Hamburg, Hoffmann und Campe, 1987. 533 S. (In Deutsch)
10. Koeppen, Wolfgang. *Nach Russland und anderswohin*. Stuttgart, Henry Goverts Verl., 1958. 267 S. (In Deutsch)

Статья поступила в редакцию: 10.12.2023
Одобрена после рецензирования: 15.03.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 10.12.2023
Approved after reviewing: 15.03.2024
Date of publication: 25.06.2024

«Испытанный союзник»: советские контакты Ф. Боноски

© 2024, О.И. Щербинина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Аннотация: В статье восстанавливаются литературные контакты американского писателя и публициста Филипа Боноски (1916–2013) с СССР. После глубокого кризиса, постигшего компартию США в 1956 г., Ф. Боноски остался «другом СССР», зарекомендовав себя преданным коммунистом и «защитником устоев». На основе архивных материалов из фондов РГАЛИ мы демонстрируем, что такая просоветская позиция сулила писателю особые предпочтения, которыми он с удовольствием пользовался. Ф. Боноски многократно бывал в СССР — как с рабочими, так и культурно-туристическими визитами. Пуская в ход личные знакомства, он неоднократно пытался ускорить публикацию своих сочинений на русском языке и получить за них гонорар. Однако повести и «пролетарские» романы Боноски не имели большой литературной судьбы ни в СССР, ни в США: они остались маргинальным явлением и едва ли воспринимались как значимая культурная величина в оттепельную эпоху, несмотря на декларируемый советскими критиками интерес к произведениям о жизни и борьбе американских рабочих.

Ключевые слова: советско-американские литературные контакты, Ф. Боноски, Третий съезд советских писателей, холодная война и «оттепель», архивные материалы.

Информация об авторе: Ольга Ивановна Щербинина — младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, кор. 2, 119571 г. Москва Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2102-547X>

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru

Для цитирования: *Щербинина О.И.* «Испытанный союзник»: советские контакты Ф. Боноски // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 341–361. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-341-361>

После XX съезда КПСС, на котором был зачитан секретный доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» (1956), компартия США, и шире — левое движение, оказались на грани гибели. Положение усугубляли внутривнутрипартийный раскол, массовый отток активистов, потеря подписчиков партийной прессы, ограниченные финансовые ресурсы. «Прогрессивный» лагерь покинули Джон Гейтс — главный редактор «Daily Worker», Говард Фаст — лауреат международной Сталинской премии, ставший главным писателем десятилетия 1947–1957 гг. в СССР, Джозеф Старобин — иностранный корреспондент «Daily Worker», Сэмюэль Силлен и Мильтон Говард — главные редакторы «Masses and Mainstream» и др. После ухода этих харизматичных и опытных коммунистов, обладавших большим репутационным капиталом, много лет стоявших у руля партийной прессы и во многом определявших просоветскую повестку в Америке, стало ясно, что «прогрессивная» литература США вступила в пору своего заката.

Наблюдая за этими процессами из-за океана, советские инстанции, однако, не спешили признавать очевидное. В справке для служебного пользования, подготовленной в это время Иностранной комиссией Союза писателей (СП), мы находим:

В прогрессивном лагере американских литераторов остались и активно действуют испытанные ветераны рабочего движения — старейший пролетарский поэт и публицист Майкл Голд, поэт Уолтер Лоуенфелс, публицист и писатель Джо Норс, честно, с достоинством держатся Альберт Мальц, поэт и писатель Томас Макграт, романист Филипп Боноски, писатели Альва Бесси и В. Джером. Активно выступают по вопросам негритянской культуры и истории негритянского народа «отец негритянского народа», старейший учёный, писатель и общественный деятель Уильям Дюбуа, писательница Ширин Грехем, Ллойд Браун.

Среди писателей, близких рабочему классу и объединённых прогрессивным мировоззрением, можно назвать также имена Меридель Лесмер, публициста Альберта Кана, писателей Александра Сакстона, Ларса Лоуренса, Дороти Стерлинг, Абрагама Полонского, сценаристов и драматургов Дальтона Трамбо и Лоусона, поэтесс Ив Мерризм, Ирэны Поли, Марты Миллет, Маргарет Уолкер, находящейся в Китае журналистки Анны Луизы Стронг и других менее известных американских писателей, журналистов и критиков¹.

В этой разношерстной когорте малоизвестных широкой аудитории авторов мы обнаруживаем и имя Филипа Боноски (1916–2013), звезда которого зажглась на небосклоне левой литературы США во второй половине 1950-х гг. После низвержения Г. Фаста с писательского Олимпа, Ф. Боноски взял на себя обязанности по созданию дружественной просоветской публицистики. В 1960–1970-е гг. он плотно сотрудничал с «Литературной газетой», «Известиями», «Иностранной литературой». Автор многочисленных рассказов и двух «пролетарских» романов («Долина в огне» (*Burning Valley*, 1953), «Волшебный папоротник» (*Magic Fern*, 1961)), Боноски имел писательские амбиции, однако вырасти в автора мирового масштаба ему не удалось. В 1960-х и 1970-х гг. властителями дум, кумирами советских читателей оказались Э. Хемингуэй, Дж. Сэлинджер, Дж. Апдайк, К. Воннегут², а вот интерес к сочинениям Боноски, созданным в традициях «красных тридцатых», был невысок. Отчасти он искусственно подогревался советскими критиками, стремившимися доказать, что пролетарская литература США жива и плодоносна, а рабочий вопрос, вопреки «теориям буржуазной печати», далек от своего разрешения³. Об усилиях Иностранной комиссии СП, направленных на создание образа Филипа Боноски — «писателя-реалиста», друга СССР и врага американского империализма, свидетельствуют многочисленные документы, отложившиеся в фондах РГАЛИ (личная и рабочая переписка, отчеты гидов, биографические справки, интервью и т. п.), а также материалы прессы. Этот документальный массив внушителен по объему и рассредоточен по разным источникам. В данной работе

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3991. Л.1.

² Имена этих писателей встречались почти в каждом ответе на анкету Р. Орловой, обратившейся к советским литераторам с вопросом: «Какую роль в Вашей жизни сыграла американская литература?» [3].

³ *Елистратова А.* Операция «Тэрпен» получает огласку // Литературная газета. 1961. 7 сентября.

мы провели работу по его первичному сбору, освоению и аналитическому осмыслению.

«Сын литовского народа»

В молодости Филип Боноски — литовец по происхождению, выходец из бедной иммигрантской семьи — работал на сталелитейном заводе и принимал активное участие в профсоюзном движении. С 1947 г. в прокоммунистическом журнале «Mainstream» начали появляться его рассказы и статьи⁴, а в 1951 г. он вошел в редколлегию издания.

Первый литературный успех Боноски был ознаменован выходом его романа «Долина в огне». В центре повествования — Бенедикт Блуманис, юноша из эмигрантской семьи, планирующий стать священником. Он оказывается участником острого социального конфликта: заводская компания, в чьей собственности находятся жалкие хибары, заселенные рабочими и неграми, решила выселить своих арендаторов, лишив тем самым их единственного жилья. Роман был восторженно воспринят левой прессой⁵. В своей рецензии главный редактор «Masses and Mainstream» Ч. Гумбольдт отмечал писательское мастерство Боноски, который написал убедительный, яркий и высокохудожественный роман, а не очередное «красное читиво» (red pulp). Иллюстрируя своеобразие образов «Долины в огне», Ч. Гумбольдт приводил ряд понравившихся ему метафор: это «сгусток крови, выпрыгнувший, как красный мяч» изо рта избитого активиста Добрика; мертвая птичка со сломанным крылом — пытаюсь спастись, в оцепенении отец Бенедикта так крепко сжал ее в кулаке, что нечаянно раздавил; «отвратительная вонь» из печи, где сжигают падаль — новоприбывшему священнику, брезгливому снобу и мизантропу, она не дает покоя, но сам Бенедикт ее будто не чувствует⁶. Завершая рецензию, Ч. Гумбольдт сравнивает персонажей «Долины в огне», настоящих потомков Джо Магарака⁷, и героя повести Хемингуэя «Старик и море» — сильного и упорного борца, но свидетелями его сражения оказываются только звезды и бескрайние воды:

⁴ См., например: *The Picnic* (March, 1948. P. 21–27), *A Quiet Summer's Day* (August, 1948. P. 15–23), *Dickie and the Fat Lady* (June, 1950. P. 65–76) и др.

⁵ *Brown L. Men of Steel // Political Affairs*. 1954. April. P. 61–65; *Gold M. A Memorable Novel by a Son of a Steelworker // Daily Worker*. 1953. December, 3. P. 8.

⁶ *Humboldt Ch. Steel Worker's Son // Masses and Mainstream*. 1953. December. P. 54.

⁷ Вымышленный псевдофольклорный герой, стальной человек, родившийся и выросший под землей.

Старик не представляет угрозы для правящего класса. Он не может ни внушить угнетенным массам надежду, ни чему-либо их научить. Эксплуататоры хотят, чтобы борьба рабочих изображалась именно в таком ключе. <...> Если критики, поющие осанну «Старику и морю», обделят роман Боноски вниманием, они только обнаружат свою продажность и полную неспособность выносить как моральные, так и литературные суждения⁸.

Несмотря на лестное сравнение со «Стариком и морем», «Долина в огне» так и не завоевала популярности в США, а в СССР роман был напечатан только после двух лет напряженных переговоров. Реальная издательская практика красноречиво говорит о той художественной ценности, которую в глазах советских редакторов имели сочинения американских авторов. Если «Старика и море» напечатали в «Иностранной литературе» вне очереди⁹, то Боноски — автору, чьему перу принадлежали «незабываемые образы коммунистов» и «великолепные массовые сцены забастовок, классовых битв и горячих дебатов» [1, ч. 2, с. 314], не раз приходилось напоминать о себе и своем романе.

Литературные контакты Боноски с СССР стали особенно интенсивными после 1956 г. В переломный для всего американского левого движения момент он занял охранительно-просоветскую позицию, примкнул к «фостеровской» фракции компартии США и выступил против сторонников Дж. Гейтса, «раскачивавших лодку». Участвуя в кампании по разоблачению «предательской деятельности» Фаста, Боноски зарекомендовал себя преданным коммунистом, «защитником устоев». Он охарактеризовал поступок Фаста как «дезертирство под огнем»; советская пресса взяла эту формулу на вооружение, использовав в заглавии редакционного обзора «Литературной газеты» — о решении американского писателя разорвать с левым движением¹⁰. Вступая в заочный спор с Фастом, Боноски повторял: «Красная Армия в одиночку уничтожила гитлеризм», «вытащила из гитлеровских печей» тысячи евреев, эвакуировала их¹¹. Это выступление на страницах «Masses

⁸ *Humboldt Ch. Steel Worker's Son*. P. 57.

⁹ Р. Орлова свидетельствует, что своеобразной санкцией на публикацию стало переданное И. Эренбургом редакции утверждение В. Молотова, что книгу не запрещали, а сам Молотов просто ее не читал и слышал, что «она глупа» [4, с. 40].

¹⁰ Дезертирство под огнем. По страницам прогрессивной печати США // Литературная газета. 1957. 24 августа.

¹¹ *Bonosky P. More Comments on Howard Fast // Masses and Mainstream*. 1957. April. P. 47–51.

and Mainstream» и «непримиримая, резко принципиальная позиция по отношению к Фасту после его ренегатского ухода из компартии США»¹² были восприняты советской стороной как доказательство лояльности и благонадежности Боноски.

«Чудесное лето» 1959 г.: III съезд советских писателей

В 1959 г. глава Иностранной комиссии СП Б. Полевой пригласил Боноски посетить III съезд советских писателей. Американский писатель прибыл в Москву с женой Фейс, оказавшись единственным делегатом от США. На третий день съезда он выступил с докладом, в котором повторял эстетические клише, сформулированные еще в сталинские времена. В соответствии с этим нарративом, в американской популярной культуре царили «пессимизм, отчаяние, неверие в человека, безрадостная и болезненная эротика, декаданс». Однако эта печальная картина, по мнению Боноски, говорила не о «полном разложении», а о «потере перспективы и цели». Завершая свое выступление на оптимистичной ноте, писатель провозглашал:

Я твердо верю, что творческое начало в американской культуре — то начало, представителями которого являются Марк Твен, Уолт Уитмен, Теодор Драйзер и многие другие — снова возродится. Несмотря на то, что ревизионисты, те, кто порвал с левым движением в Америке, оказали большую услугу реакции, дух американского рабочего класса остается здоровым¹³.

На съезде Боноски познакомился с ведущими советскими писателями: П. Нилиным, чья книга «Товарищ Венька» была недавно издана в США¹⁴, В. Дудинцевым, А. Сурковым, К. Фединым, В. Катаевым, И. Эренбургом, Л. Соболевым, Б. Полевым и др. По словам Боноски, с Дудинцевым он встретился «совершенно случайно, проходя по Красной площади в перерыве между заседаниями»¹⁵. Два года назад, когда в СССР был опубликован роман «Не хлебом единым», фигура Дудинцева приковала к себе внимание западной прессы¹⁶. Вокруг кампании по его травле, учиненной его

¹² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3991. Л. 5.

¹³ Третий съезд писателей СССР, 18–23 мая 1959 г. Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1959. С. 142.

¹⁴ *Nilin P. Comrade Venka*. New York: Marzani and Munsell, 1959. Пер. повести «Жестокость» (1956).

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4283. Л. 5.

¹⁶ См.: *Whitney T. The Novel that Upsets the Kremlin* // *New York Times*. 1957. March 24; *Ingalls L. Soviet Attempts to Block the Book* // *New York Times*. 1957.

же коллегами по указке свыше, возник настоящий ажиотаж. Однако скоординированными усилиями советской стороне удалось потушить разгоравшийся пожар: автора отгородили от самостоятельного общения с внешним миром, и дабы не расплыть еще больший интерес к роману за рубежом, «Международная книга» заключила контракты с иностранными «прогрессивными» издательствами на его перевод и публикацию, после чего «пропагандистские спекуляции на нем резко пошли на убыль» [2, с. 96]. В беседе с Дудинцевым Боноски высказал предположение: немногие на Западе поверят в то, что он лично разговаривал с писателем, чье имя совсем недавно поливали грязью. В ответ на это Дудинцев якобы рассмеялся, как смеются «многие советские люди над тем глубоким непониманием советской жизни, которое типично для Соединенных Штатов»¹⁷. В статье, написанной для журнала «Worker», Боноски замечал:

К критике, направленной против него лично, он <Дудинцев> отнесся очень серьезно, но считает ее слишком односторонней. Что касается критики вообще, он сказал, что она нужна человеку ежедневно. Сталин должен был получать причитающуюся ему долю критики ежедневно. А так как этого не происходило, то в конце концов всё это привело к результатам, которые общеизвестны.

Дудинцев поздравил меня с тем, что я живу среди «пиратов», которые заграбастали его книгу и попытались превратить ее в оружие против его же собственного народа¹⁸.

После окончания работы съезда для делегатов был устроен торжественный прием в Кремле. На нем Боноски представили Хрущеву и Микояну — вместе они выпили за мир и взаимопонимание между народами:

Мы стояли под эмблемами царских орденов. На стенах красовались надписи, прославляющие военные победы царей, и я сказал Хрущеву, что, по-моему, не надо лучшего доказательства, что рабочие стали подлинными хозяевами этой страны, чем тот факт, что мы с ним — бывший сталевар и бывший шахтер — стоим здесь, в Кремле, и подымаем бокалы в общем тосте. Хрущев согласился со

March 3; Trials of a Lone Inventor // Times. 1956. December 10; Lawsuit over Book // Times. 1957. June 25 и др.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4283. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 5–6.

мной и ответил словами «Интернационала»: «Мы были ничем, мы стали всем»¹⁹.

По приглашению Союза литовских писателей сразу после съезда Боноски отправился на родину своих отцов. Став участником стандартной программы культпоказов, он посетил цементный завод, Каунасскую гидроэлектростанцию, исторические места древнего города Тракай и т. п. Демонстрируя Боноски «красивые, новые заводы, построенные Советской властью, где еще десять лет назад кричали болотные чибисы», «прекрасные школы», в которых «сыновья и дочери бывших неграмотных батраков и рабочих получали образование», «чудесные, общими усилиями построенные колхозные села, где дети в освещенных электричеством домах слушали рассказы старших о сравнительно недавних временах, когда шведскую спичку, экономя ее, делили на четыре доли»²⁰, литовские чиновники стремились доказать американцу: Литва — не заложница Москвы, а сплетни о том, что под русским игом «литовский народ оказался между молотом национального выживания и наковальной национального вымирания»²¹, множились исключительно горсткой буржуазных националистов, врагами и вредителями. Рабочие, фермеры, бывшие партизаны, представители творческой интеллигенции и все, кого бы Боноски ни встречал на своем пути, твердили об одном: будущее Литвы неразрывно связано с Советским Союзом. Даже с трибуны III съезда писателей, призывая Боноски в свидетели, поэт Эдуардас Межелайтис провозглашал:

Мне не позволит ввести вас в заблуждение присутствующий здесь коллега Боноски, который мог бы подтвердить, сколь отвратительно было поведение этих реакционеров во время венгерских событий <1956 г.>. Литовские буржуазные националисты за рубежом, лелеющие мечту об идеологической инфильтрации, всячески чернили достижения нашей литературы, пытались путем клеветы, шантажа, угроз и духовного террора вызвать смятение среди наших писателей, заронить в них зловредное семя сомнения. К чести наших писателей, надо сказать, что они с твердостью и решительностью

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ *Беляускас А.* Веление сердца // Литературная газета. 1959. 21 июля. А. Беляускас — литовский писатель, сопровождавший Боноски в поездке по Литве.

²¹ *Bonosky P.* *Beyond the Borders of Myth, from Vilnius to Hanoi.* New York: Praxis Press, 1967. P. 33.

выдержали это идейное испытание. И никому не повернуть нас вспять. Тщетные усилия! ²²

Как и десятки писателей, журналистов, интеллектуалов до него, Боноски оказался заложником своих собственных идеалистических представлений и избирательного восприятия. Материалы, изданные по итогам его поездки, свидетельствуют о том, что он усвоил тезис о «нерушимости союза» свободных республик. Удивляясь контрасту между «Литвой своих родителей — страной невежества и суеверий, страха и нищеты» и «новой Литвой — страной молодости, людей, вдохновенных ясной мечтой, творцов»²³, Боноски выступил против «непрощенных освободителей», кучки эмигрантов, «вопивших об “освобождении” народов» Латвии, Литвы и Эстонии, давно уже свободных:

В советских республиках Прибалтики свобода не является пустым словом. Она дает людям все возрастающее процветание, рост материальной и духовной культуры. Те отщепенцы, нашедшие жалкий приют в «свободной Америке», исповедуют только одно: смерть. Советская Литва вместе со всеми свободными республиками Советского Союза отрицает смерть. Она строит жизнь. Хорошую жизнь, справедливую, достойную человека²⁴.

Вернувшись из Литвы, Боноски посетил подмосковный Крюков, где располагался лагерь для заключенных. Сопровождал его Лев Шейнин — один из советских обвинителей на Нюрнбергском процессе, который потом оставил профессию юриста и стал профессиональным писателем — автором криминальных детективов. В позднесталинские годы сам Шейнин находился под следствием как участник «сионистского заговора». Он активно сотрудничал с органами и докладывал о преступных замыслах «еврейских националистов» [2, с. 18–19]. Такие пикантные подробности биографии своего экскурсовода Боноски, очевидно, не знал. Шейнина он охарактеризовал как человека с «живым и острым умом»:

²² *Межелайтис Э.* Лучшая традиция — поиск. Выступления участников съезда // Литературная газета. 1959. 23 мая.

²³ *Боноски Ф.* Я увидел новую страну // Советский Союз. 1959. № 8. С. 40.

²⁴ *Боноски Ф.* Непрощенные «освободители» // Огонек. 1960. С. 25.

Он близко знаком с изнанкой как до-, так и послереволюционной жизни и сохраняет эту твердую уверенность в способность исправления человека, независимо от его проступков, независимо от совершенных им преступлений, исключением являются разве только фашисты, которых он, как еврей, имеет больше оснований ненавидеть²⁵.

Боноски был в восторге от того, что увидел в Крюкове. Как и другие иностранные гости, посетившие колонию, он отметил образцовые условия содержания заключенных:

Лагерь охранялся слабо, обнесен всего лишь деревянным забором, поверх которого протянута проволока, чтобы не выламывали доски. В мастерских за работой следил бригадир. Бригады соревновались между собой, за выработку назначались премии, что создавало ощущение обычных условий работы, как на любом советском заводе²⁶.

Как рассказывает Боноски, приметив иностранца, заключенные окружили его и начали расспрашивать о жизни в Америке. Писатель развернул перед ними неприкрашенную картину американской пенитенциарной системы. После этого у одного из заключенных вырвалось: «Боже мой! Хорошо, что я нахожусь в советском лагере!»²⁷

Материал, прославляющий советскую систему колоний — по мнению Боноски, самую гуманную в мире, был напечатан двумя годами позже в журнале «*Masses and Mainstream*»²⁸.

Общее впечатление писателя об СССР было крайне восторженным. В письме первому секретарю СП А. Суркову Боноски благодарил за возможность воочию увидеть достижения социализма:

Каким счастьем являлась для меня возможность лично побывать здесь и своими собственными глазами засвидетельствовать ту истину, которую мы защищали, основываясь на вере и верности рабочему классу. Социализм не только существует в Советском Союзе, но

²⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4282. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 22.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ *Bonosky P. A Visit to Soviet Prison Camp // Mainstream. 1961. November. P. 15–38.*

он быстро сменяется первыми проявлениями коммунизма. Только глухой и слепой может не заметить этого. Но даже глухой и слепой знает об этом. Лишь только люди полные злобы и яда, напитанные мизантропией не способны понять наличия ваших достижений и цели, которую Вы поставили перед собой и всем миром²⁹.

Переписка с Союзом писателей: рабочие контакты

После отъезда из Москвы Филип и Фейс Боноски поддерживали связь с СП через консультанта Фриду Лурье и зам. председателя Иностранной комиссии Елену Романову. В своей переписке они обсуждали творческие планы и материальные трудности. Боноски сообщал, что из-за кризиса, настигшего «Masses and Mainstream», ему перестали выплачивать зарплату и теперь выполнять обязанности редактора ему приходилось на безвозмездной основе³⁰. В связи с этим он просил Ф. Лурье выступить в качестве его литературного агента и разузнать, как обстоят дела с публикацией его романов на русском языке, ведь причитавшийся ему гонорар был бы как нельзя кстати. Рукопись «Волшебного папоротника», который на тот момент еще не вышел в Америке, Боноски передал в СССР летом 1959 г. «Издательством иностранной литературы» роман был принят к публикации, и в личной беседе директор издательства П.А. Чувилов пообещал Боноски перевести часть гонорара в валюте США³¹. «Долину в огне» писатель выслал в СП по почте 30 сентября 1959 г. Помимо личных договоренностей, у Боноски были все основания полагать, что оба романа в скором времени выйдут в СССР. В 1954–1964 гг., которые М. Фридберг окрестил «десятилетием эйфории», сочинения писателей, продолжавших линию соцреализма и традиции «красных тридцатых», стали активно переводиться в СССР. На полках книжных магазинов и библиотек появились книги, вышедшие в США десятью, двадцатью и даже тридцатью годами ранее³². Таким образом, Боноски явно вписывался в тренд, оформившийся с приходом «оттепели».

Попытки Ф. Лурье и Е. Романовой навести справки по поводу публикации «Долины в огне» не увенчались успехом. Однако Боноски продолжал гнуть свою линию:

²⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3999. Ф. Боноски — А. Суркову, 24 августа 1959 г.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4055. Ф. Боноски — Е. Романовой, 28 октября 1959 г.

³¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4042. Л. 6.

³² Ср.: А. Мальц «Крест и стрела» (*Cross and Arrow*, 1944, рус. пер. 1961); М. Додд «Посеешь ветер» (*Sowing the Wind*, 1945, рус. пер. 1959); Р. Кент «Саламина» (*Salamina*, 1935, рус. пер. 1962), «Курс N by E» («*N by E*», 1930, рус. пер. 1962) и др.

Сейчас мой роман у <А.>Трахтенберга, который охает и ахает по поводу его внушительного объема. Издательство <New Century Publishers> не подтвердило свое намерение напечатать роман, но я думаю, что рано или поздно это произойдет. Конечно, П. Чувилов, директор Издательства иностранной литературы, мог бы ускорить этот процесс, если бы выслал мне обещанный гонорар. Очень жаль, что такие вещи зависят от денег — но это факт³³.

Спустя несколько месяцев ситуация с гонораром грозила перерасти в скандал, о чем СП был вынужден сигнализировать в ЦК КПСС. В докладной записке от 12 января 1960 г. секретарь правления СП М. Турсун-заде сообщал:

Как свидетельствуют многочисленные письма Ф. Боноски с выражениями крайнего недоумения по поводу отсутствия в банке денежного перевода от издательства, обещание осталось невыполненным. Наши попытки получить от т. Чувилова П.А. ясный ответ о сроках выполнения Издательством данного обещания успехом не увенчались. Теперь уже Издательство намеревается произвести выплату гонорара лишь после выхода книги, т. е. не ранее 1961 года.

Горькое недоумение, которое вызывает у писателя-коммуниста Ф. Боноски сложившаяся ситуация и невозможность появления книги на родине писателя заставляет нас обратиться к Вам с убедительной просьбой вмешаться в это дело и дать Издательству соответствующие указания³⁴.

Наконец, аванс был выплачен, и Боноски решил лично приехать в Москву летом 1960 г. Писатель надеялся дособрать материал для книги о своем путешествии по странам соцлагеря под рабочим названием «Третий мира». В письмах переводчице Е. Голышевой он подчеркивал необходимость ближе познакомиться с жизнью простых советских людей, а также побывать в Грузии, Армении:

Мой материал о России оказался слишком однобоким: я слишком много написал о культуре и слишком мало о социальной и индустриальной жизни. В Москве я часто говорил Фриде <Лурье>, что хотел бы посетить сталзаводы, суды, колхозы, пообщаться с профсоюзными активистами³⁵.

³³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4055. Ф. Боноски — Е. Романовой, 28 октября 1959 г.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4042. Л. 6.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4055. Л. 21.

В этот раз Боноски не был гостем СП — а это означало, что поездка будет сопряжена с большими расходами. И все же писатель планировал покрыть часть затрат за счет рублевых гонораров от двух издательств: «Иностранной литературы» (за роман «Волшебный папоротник») и ГИХЛ (за роман «Долина в огне») — на тот момент ни один из них еще не вышел из печати. При этом обеспечивать гостю комфортные условия проживания, организовывать культурную программу, кормить вкусной едой, то есть пускать в ход проверенные «техники гостеприимства», советская сторона в полном объеме не собиралась. В письме Боноски от 12 мая 1960 г. Е. Романова сообщала:

В Литве и в Москве Ваш роман выйдет из печати не раньше следующего года. Иногда наши издательства выплачивают аванс — в этом Вы убедились на своем опыте. Однако они четко соблюдают правило, согласно которому только после издания книги с автором производятся финальные расчеты. Боюсь, Ваш счет в рублях этим летом будет пуст. Кроме того, прошлым летом для Вас было сделано множество исключений, и Вам было предоставлено больше количество возможностей. Такое не часто случается в жизни, и среди наших общих друзей предостаточно таких примеров³⁶.

Этот категоричный тон, столь отличный от льстивого заискивания, был не характерен для советских институций. Объясняться он может целым рядом причин — в том числе, настоящим бумом иностранного туризма в СССР в 1960-е гг. Гости из-за рубежа буквально заваливали СП письмами, в которых изъявляли желание приехать в Москву. Особый интерес был проявлен еврейскими писателями — в ходе своих «инспекционных» поездок они наводили справки о своих пропавших родственниках, следили за ходом кампании по возрождению еврейской культуры (П. Новик, Х. Суллер); учеными-гуманитариями, которым были необходимы материалы советской прессы и другие первоисточники (Д. Браун, автор монографии «Американская литература в Советском Союзе» [5], Ирвин Уайл и Ден Левин, исследователи творчества М. Горького [6; 7] и др.); а также целой плеядой известных писателей, отношения которых с СССР ранее были прохладными или вовсе натянутыми (Дж. Стейнбек, Э. Олби (1963), Дж. Апдайк (1964), А. Гинзберг (1965) и др.).

³⁶ Там же. Л. 18.

Судя по ответу Е. Голышевой, в очереди желающих посетить Москву Боноски стоял далеко не первым. Это, однако, не заставило писателя отказаться от своих планов, и в июне 1960 г. без согласования с СП он отправился в Чехословакию. Узнав, что Боноски находится в «дружественной стране», Е. Романова была вынуждена решать вопрос с оплатой транспортных расходов в ручном режиме. Обращаясь к начальству с просьбой покрыть часть затрат из фонда СП, она сообщала, что писателю необходимо собрать материал для травелога — потенциально он мог иметь пропагандистский резонанс и серьезное рекламное значение. В итоге Боноски пригласили в Москву, где он провел неделю (26 сентября — 3 октября). Из отчета его гида И. Йоффе следует:

Вечера Ф. Боноски проводил в театре — смотрел в Большом театре балет «Бахчисарайский фонтан», оперы «Аида» и «Отелло» и др.

В субботу 1 октября он имел деловое свидание с М.О. Мендельсоном <!>, с которым беседовал о современной американской литературе.

Свою сберегательную книжку Ф. Боноски увез с собой. После расчетов за гостиницу, авиационный билет и др., у него остался вклад размером около 13.000 рублей. По словам Ф. Боноски, он остался очень доволен пребыванием в Москве и надеется в будущем году снова побывать здесь вместе с семьей³⁷.

По-видимому, Боноски так и не осуществил запланированное: не посетил сталзаводы, суды, колхозы, мало общался с профсоюзными активистами. Свое время в Москве он посвятил организации личных дел, приведению в порядок сберсчета и общению с литературными чиновниками СП.

Ознакомиться с романами Боноски советский читатель смог только в конце 1961 г. После двух лет настойчивого и нетерпеливого вопрошания автор получил заветную новость: «Волшебный папоротник» и «Долина в огне» наконец вышли в свет. Реакция советских литературных критиков на них была доброжелательной, но достаточно сдержанной. Анонсируя появление «Волшебного папоротника», А. Елистратова сообщала:

<...> роман американского писателя Филиппа Боноски — наглядное опровержение широко рекламируемых в американской

³⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4039. Л. 1. Упомянут возглавивший в том году группу американистов ИМЛИ АН СССР М.О. Мендельсон (1904–1982).

буржуазной печати теорий, согласно которым возможности реалистического романа о рабочем классе Америки исчерпаны. Года два тому назад профессор иллинойского университета Д. Браун счёл нужным посвятить особый доклад на международном съезде славистов доказательству того, что американская пролетарская литература 30-х годов представляла собой не более как частный и скоропреходящий «эпизод» в литературном развитии США (к тому же эпизод, чуть ли не выдуманный или инспирированный советской литературной критикой!)³⁸. В то самое время, когда чикагский профессор предпринял эту попытку отменить на будущее, «за ненадобностью», одну из самых жизненных и плодотворных традиций реалистической литературы США, Боноски заканчивал работу над своей книгой, в которой явственно ощущается прямая, кровная связь с наследием боевого социального романа 30-х годов³⁹.

В сходном ключе писал и П. Балашов — автор предисловий к «Волшебному папоротнику» и «Долине в огне». Он подчеркивал «злободневность» социальных романов Боноски, в которых «верно воссоздается общая атмосфера в стране». По мнению Балашова, общественная жизнь Америки конца 1950-х — начала 1960-х гг. сводилась к «ожесточенной борьбе внутри профсоюзов, закулисным маневрам хозяев», слежке и доносам⁴⁰.

Несмотря на то что советская критика воздавала Боноски похвалы и прочила успех, его карьера романиста завершилась к 1960-м гг. Из анкеты журнала «Иностранная литература» мы узнаем, что писатель работал над романом о нью-йоркском художнике «Я улыбаюсь, хоть и слеп», пьесой «Пиранья», однако так и не закончил их⁴¹. В 1960–1980-е гг. он всецело обратился к публицистике.

«Грани широкой панорамы»: Боноски-публицист

В 1960 г. Боноски отправился в Ханой, где увидел те же сцены, что и в Литве: юношей и девушек, увлеченно трудящихся на полях, новые фабричные центры, залитые солнцем села. По возвращении в США он издал травелог «За границами мифа: от Вильнюса до Ханоя» (1967), в котором суммировал свои впечатления от

³⁸ Эдвард Джеймс Браун (1909–1991) — уже упоминавшийся американский литературовед, автор ряда фундаментальных книг, в том числе «Пролетарский эпизод русской литературы, 1928–1932» [6].

³⁹ *Елистратова А.* Операция «Тэрпен» получает огласку.

⁴⁰ *Боносский Ф.* Долина в огне. М.: Худож. лит., 1961. С. 12.

⁴¹ *Боноски Ф.* Ответ на международную анкету // Иностранная литература. 1964. № 1. С. 240.

посещения советской Литвы и Демократической Республики Вьетнам. Разоблачая «миф об освободительной миссии США», Боноски повторял:

Надежды всего мира — включая надежды на американское будущее — связаны с победой вьетнамцев. Пытаясь «убить коммунизм», мы уничтожаем Джефферсона и Линкольна. Стремясь завоевать мир, мы только теряем собственные души⁴².

Этот травелог не был переведен на русский язык, однако в советской прессе печатались его отрывки⁴³. В 1960-е гг. не только коммунисты (Г. Аптекар), но и целый ряд других представителей американского общества, культуры (литературный критик Мэри Маккарти, писательница Сьюзан Зонтаг), многочисленные правозащитники и журналисты побывали в Северном Вьетнаме. Засвидетельствовав несправедливый и антигуманный характер военной интервенции, паломники в Ханой призывали американских политиков к скорейшему окончанию войны. В этом смысле позиция Боноски мало отличалась от позиции многих западных интеллектуалов, выступавших с пацифистскими лозунгами.

В августе 1963 г. журнал «Mainstream», редактируемый Боноски, перестал выходить в свет. Лишь в 1968 г. Боноски получил схожую должность, став заведующим отделом культуры коммунистической газеты «Daily World». Этот «наблюдательный пункт», который писатель занимал в течение шести лет, дал ему возможность следить за тем, как «кипяток культурной активности бьет через край, затопляя страну»⁴⁴. На основе своих газетных публикаций Боноски составил книгу «Две культуры», вышедшую только на русском языке в издательстве «Прогресс». В 1970-е гг. «Прогресс» выпустил целый ряд подобных сборников американских литераторов — советских симпатизантов («Дом со многими окнами» М. Каули (1973), «Ответственность критики» Ф. Маттисена (1972), «Американские современники» М. Гайсмара (1976)).

«Две культуры» Боноски — книга-попури о «новых левых», негритянском театре, Бродвее, Голливуде, телевизионных программах, американских выборах. Из нее советский читатель, которого раньше партийные цензоры оберегали от неподобающего

⁴² Панов Н. Путешествие за правдой // Литературная газета. 1969. 4 июня.

⁴³ Боноски Ф. За пределами мифа // Известия. 1968. 14 ноября; За пределами мифа. Отрывки из книги // За рубежом. 1968. 19–25 июля. С. 9–10.

⁴⁴ Боноски Ф. Две культуры. М.: Прогресс, 1978. С. 19.

чтива, мог почерпнуть шокирующие факты о калифорнийской «наркотической культуре», хиппи и гомосексуалах. Сборник буквально изобилует натуралистическими подробностями:

В своем стремлении стереть границы между реальностью и иллюзией, между грехом и любовью, преступлением и бунтом, психическим здоровьем и аффектом они <хиппи>, увы, слишком далеко зашли. Новая волна подростков уже не просто играла в патологию, но жила ею. Теперь, когда «дети-цветы» доверчиво ложились в постель первого встречного, случалось, что им не суждено было проснуться. А в наркотик, который они столь же доверчиво приобретали бог знает у кого, нередко подсыпали битое стекло или сахар, а то и песок, от чего их страшно рвало <...>. Кроме всего прочего, со временем их стали преследовать несчастья и более зауярдного свойства. В их длинных, слишком давно не мытых волосах завелись вши, которые в свою очередь приводили к болезням. Иглы, с помощью которых они вводили себе в вены наркотик, часто оказывались нестерильными, что приводило в лучшем случае к гепатиту⁴⁵.

Таким образом, писатель-коммунист Боноски одним из первых приоткрыл перед неискушенным советским читателем завесу над ранее табуированными темами. Примечательно, но «Две культуры», обладавшие громадным взрывным потенциалом, не произвели сильного впечатления на советскую публику и не стали настольной книгой советских «неформалов», по крупицам собиравших сведения о жизни своих американских допельгангеров.

На рубеже 1960–1970-х гг. Боноски многократно бывал в СССР: 23 июля – 6 августа 1969 г. как гость международного кинофестиваля; с 14 июля по 16 августа 1970 г. как исследователь, работающий над книгой о национальной политике Советского Союза; с 26 сентября 1972 г. — в рамках десятидневной творческой поездки. С 1978 г. он подолгу жил в Москве в качестве иностранного корреспондента «Daily World».

Заключение

Своеобразный, но одновременно типичный «кейс» Боноски — левого литератора, расцвет карьеры которого пришелся на 1950-е гг., позволяет уточнить разрабатываемую нами функциональную

⁴⁵ Там же. С. 76–77.

модель, описывающую особенности идеологической и творческой эволюции американских писателей — сторонников советской идеи.

Как и другие «прогрессивные авторы», Боноски с энтузиазмом воспринимал перспективы творческого сотрудничества с СССР. В эпоху «оттепели» авторы разного масштаба и политических симпатий разделяли эти настроения. Так, П. Новик вел переговоры с СП по поводу издания в Советском Союзе произведений еврейских писателей⁴⁶, А. Мальц просил рассмотреть возможность публикации его романа «Крест и стрела» в русском переводе⁴⁷, Дж. Дайс предлагал свои романы «Вашингтонская история» и «Синие осколки»⁴⁸, А. Бесси — роман «Антиамериканцы»⁴⁹, М. Додд — книги «Под лучом прожектора», «Записки посла»⁵⁰ и т. д. Боноски не входил в число писателей, чьи романы советские издатели были готовы отправить в печать вне очереди. Напротив, его переписка с Е. Гольшевой и Ф. Лурье свидетельствует, что Боноски приходилось постоянно держать руку на пульсе: наводить справки, требовать гарантий, проявлять настойчивость, и даже назойливость, вопрошая, когда же его сочинения дойдут до читателя и он получит заслуженный гонорар.

Как и другие лояльные авторы, многократно бывавшие в СССР, Боноски восхвалял достижения социалистического строительства, апеллируя к своему личному опыту. Отказываясь признавать, что его оценки были или могли быть продуктом манипуляций и самообмана, писатель повторял:

...я собственными глазами увидел народ, настойчиво строящий новую жизнь. Это были живые люди, их руки касались моих, я слышал их слова и вглядывался в их глаза. Когда я ощупывал собственными руками цементную кладку на большой плотине, сооруженной возле Каунаса, это, право же, была не иллюзия, а самая неопровержимая реальность⁵¹.

Боноски был в числе тех паломников, кто «с лучезарным оптимизмом» путешествовал по небогатым селам и с «непоколебимой

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3979.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3876.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3914.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4107.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3947.

⁵¹ *Боноски Ф.* Непрошенные «освободители». С. 25.

верой вслушивался в штампы» гидов⁵². В 1920–1930-е гг. такое поведение западных интеллектуалов и писателей, посещавших новое пролетарское государство, было скорее нормой, чем исключением. Однако в 1960–1970-е гг., когда на Западе скопился огромный массив свидетельств иностранных корреспондентов, перебежчиков, невозвращенцев, бывших заключенных лагерей, дискредитировавших советский режим; когда появилась наука советология и сочинения «дружественных» СССР авторов стали объектом исследовательского критического интереса; и наконец, когда сами, некогда лояльные режиму писатели, начали вглядываться в свое «красное» прошлое, писать мемуары и книги воспоминаний, подвергая мучительной ревизии прожитую жизнь⁵³, позиция Боноски значительно выделялась на общем фоне. Иными словами, писатель двигался по пути, который его предшественники уже не раз признавали тупиковым.

Можно предположить, что восхищение Боноски СССР объясняется «оттепельными» настроениями, когда маятник общественного мнения на Западе вновь качнулся на Восток. Тогда многие интеллектуалы, литераторы и журналисты (Лилян Хеллман, Альберт Мальц, Хаим Суллер, Жан-Поль Сартр) отправились «в гости к советской власти». Обремененные багажом горьких прозрений, они все же надеялись на десталинизацию и демократизацию СССР после XX съезда КПСС. Протягивая руку за океан, эти «верные путаники» словно выходили на новый виток спирали своей идеологической и творческой эволюции. Из разряда «сталинистов» они перешли в стан «скептических паломников» и сблизилась с советской либеральной интеллигенцией. В отличие от них Боноски двигался не по спирали, а по плоскости, в которой существуют два измерения: по оси абсцисс располагался лагерь «прогресса», по оси ординат — лагерь «империалистической реакции». От этой терминологии, отражавшей его видение мира, писатель не отказался вплоть до своей смерти.

⁵² *Muggeridge M. Chronicles of Wasted Time. London: Collins, 1973. P. 244.* Малкольм Маггеридж (1903–1990) — британский журналист; посетив СССР, он написал книгу «Зима в Москве» (1934).

⁵³ См., например: *Gates J. The Story of an American Communist. New York: Thomas Nelson, 1958; Starobin J. American Communism in Crisis, 1943–1957. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972; Hellman L. Pentimento. Scarborough, Ontario: The New American Library of Canada Limited, 1974; Hellman L. Scoundrel Time. London: Macmillan, 1976 и др.*

Литература

1. История американской литературы: в 2 ч. / под ред. Н.И. Самохвалова. М.: Просвещение, 1971.
2. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012. 528 с.
3. *Орлова П.* Мосты (русско-американские литературные связи) / вступ. ст., публ. и коммент. В.Н. Абросимовой // Науч.-образоват. центр «Эрудит». М., 2021. URL: <https://eruditonline.ru/library/doc/449.html> (дата обращения: 07.03.2024). DOI: 10.22455/2541-7894-2019-6-296-378
4. *Орлова П.* Хемингуэй в России. Ann Arbor: Ardis, 1985. 86 с.
5. *Brown D.* Soviet Attitudes toward American Writing. Princeton: Princeton University Press, 1962. 338 p.
6. *Brown E.J.* The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. New York: Columbia University Press, 1953. 311 p.
7. *Levin D.* Stormy Petrel: The Life and Work of Maxim Gorky. New York: Appleton-Century, 1965. 332 p.
8. *Weil I.* Gorky: His Literary Development and Influence on Soviet Intellectual Life. New York: Random House, 1966. 238 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

“A Trusted Ally”: Phillip Bonosky’s Soviet Contacts

© 2024. Olga I. Shcherbinina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Acknowledgement: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 “Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Abstract: The article reconstructs the literary contacts of the American writer and publicist Phillip Bonosky (1916–2013) with the USSR. When the US Communist Party reached its crisis point in 1956, Bonosky did not renege on his political commitments to the USSR, having established himself as a devoted communist and “defender of the foundations.” Based on archival materials deposited in RGALI, we demonstrate that such a pro-Soviet position promised the writer personal preferences, which he enjoyed with pleasure. Bonosky visited the USSR many times — both workwise and with cultural and entertainment visits. On many occasions, he tried using his acquaintances and pulled a few strings when it came to speeding up the publication of his works in Russian and receiving royalties for them. However, as

a writer of short stories and “proletarian” novels, Bonosky enjoyed great success neither in the USSR nor in the USA: his writings remained a marginal phenomenon and were hardly perceived as a significant cultural value in the Khrushchev thaw era, despite the declared interest of Soviet critics in works about the life and struggle of American workers.

Keywords: Soviet-American literary contacts, Phillip Bonosky, the Third Congress of Soviet Writers, the Cold War and the Thaw, archival documents.

Information about the author: Olga I. Shcherbinina, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, 121069 Moscow, Russia; Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Vernadsky Ave., 82/2, 119671 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2102-547X>

E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru

For citation: Shcherbinina, O.I. “A Trusted Ally’: Phillip Bonosky’s Soviet Contacts.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 341–361. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-341-361>

References

1. Samokhvalov, N.I., editor. *Istoriia amerikanskoi literatury: v 2 ch. [History of American Literature: in 2 parts]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. (In Russ.)
2. Kostyrchenko, G.V. *Tainaiia politika Khrushcheva. Vlast', intelligentsiia, evreiskii vopros [Khrushchev's Secret Policy. Power, Intelligentsia, Jewish Question]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012. 528 p. (In Russ.)
3. Orlova, R. “Mosty (russko-amerikanskii literaturnye svyazi)” [“Bridges (Russian-American Literary Ties)”], introd., publ. and comm. by V.N. Abrosimova. *Nauchno-obrazovatel'nyi tsentr “Erudit” [Scientific and Educational Center “Erudite”]*. Moscow, 2021. Available at: <https://eruditonline.ru/library/doc/449.html> (Accessed 07 March 2024). DOI: 10.22455/2541-7894-2019-6-296-378 (In Russ.)
4. Orlova, R. *Kheminguei v Rossii [Hemingway in Russia]*. Ann Arbor, Ardis Publ., 1985. 86 p. (In Russ.)
5. Brown, Deming. *Soviet Attitudes Toward American Writing*. Princeton, Princeton University Press, 1962. 338 p. (In English)
6. Brown, Edward J. *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932*. New York, Columbia University Press, 1953. 311 p. (In English)
7. Levin, Dan. *Stormy Petrel: The Life and Work of Maxim Gorky*. New York, Appleton-Century, 1965. 332 p. (In English)
8. Weil, Irwin. *Gorky: His Literary Development and Influence on Soviet Intellectual Life*. New York, Random House, 1966. 238 p. (In English)

Литературный факт.
2024. № 2 (32)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (32), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-362-378>
<https://elibrary.ru/JGKVJO>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Неизданная статья историка-медиевиста В.Т. Сиротенко о Гоголе

© 2024, И.А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: По авторизованной архивной копии печатается статья о Гоголе историка-медиевиста Василия Трофимовича Сиротенко (1915–2006), профессора Пермского, Днепропетровского и Армавирского университетов. Статья В.Т. Сиротенко «Раннее Средневековье в освещении Н.В. Гоголя» написана в 1978 г., депонирована в 1990 г., однако в настоящее время недоступна для читателя. Профессиональный историк отмечает широкие познания Гоголя в истории европейского Средневековья, оценивает значимый вклад писателя в изучение мировой истории. Статья является продолжением трудов многочисленных исследователей и историков, Ф.А. Витберга, С.А. Венгерова, Г.П. Георгиевского, С.И. Машинского, М.П. Алексеева, В.Ф. Семенова и других, отмечавших, вопреки шаржевым отзывам о Гоголе некоторых его студентов-слушателей в Петербургском университете (в 1834–1835 гг.), основательную историческую эрудицию писателя, высокий научный уровень его университетских лекций, а также художественных произведений Гоголя из мировой и отечественной истории. Публикация способствует возвращению в научный оборот неизвестной современным исследователям статьи профессора В.Т. Сиротенко и может служить дополнением к нашей статье «Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции», напечатанной в первом номере журнала «Литературный факт» за 2022 г.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, интерпретации, лекции, история Средних веков, историография, научное наследие.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: info@imli.ru

Для цитирования: Виноградов И.А. Неизданная статья историка-медиевиста В.Т. Сиротенко о Гоголе // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 362–378. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-362-378>

Статья известного историка-медиевиста Василия Трофимовича Сиротенко (1915–2006) «Раннее Средневековье в освещении Н.В. Гоголя» написана в 1978 г.¹ В том же году В.Т. Сиротенко отправил свою работу в один из научных журналов, но ответа на «просьбу о возможности ее напечатать <...> не получил» (письмо В.Т. Сиротенко к М.Я. и А.В. Сюзюмовым от апреля 1978 г., Пермь; [8, с. 56]). Спустя несколько лет, в 1989 г., В.Т. Сиротенко подготовил машинопись статьи (возможно, в расширенной редакции) для депонирования в Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН). Публикация состоялась 7 июня 1990 г.² В настоящее время, после пожара библиотеки ИНИОН в 2015 г., статья стала недоступной для читателя. Неизвестно даже, сохранилась ли она; уцелевшие рукописи ИНИОН находятся до сих пор в холодильных камерах и не разобраны.

В связи с изъятием статьи В.Т. Сиротенко из научного оборота ее текст печатается здесь по авторской копии, хранящейся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) (Екатеринбург)³. Статья В.Т. Сиротенко «Раннее Средневековье в освещении Н.В. Гоголя» находится в фонде историка-византиноведа М.Я. Сюзюмова (1893–1892). С последним В.Т. Сиротенко состоял в научной и дружеской переписке с 1966 по 1982 г. Судя по дате, поставленной автором под статьей: «9.VI.1978», — машинопись была отправлена В.Т. Сиротенко М.Я. Сюзюмову в июне 1978 г. (возможно, по просьбе последнего), вслед за сообщением Сиротенко в апрельском письме того же года (см. выше) о том, что «месяц назад послал» в журнал «небольшую статью о Гоголе как историке раннего Средневековья» [8, с. 56].

Взглядам Гоголя как историка посвящен целый ряд общих и специальных работ. Обширная библиография, включающая труды Ф.А. Витберга (1892), С.А. Венгерова (1902, 1907, 1913), И.М. Каманина (1902), Н.З. Керова (1909), И.Ф. Ерофеева (1911), Н.И. Коробки (1913), Н.И. Мордовченко (1939), С.И. Машинского

¹ Отметим возросший в последнее время интерес к научному наследию профессора В.Т. Сиротенко, см.: [4; 8, с. 10–11].

² *Сиротенко В.Т.* Раннее Средневековье в освещении Н.В. Гоголя // Государственный комитет СССР по народному образованию. Днепропетровский гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. Днепропетровск, 1989. 26 с. Библиография: с. 23–26. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 42047 от 07.06.1990 г. [14, с. 31. № 661].

³ *Сиротенко В.Т.* Раннее Средневековье в освещении Н.В. Гоголя // ГАСО. Ф. Р-802. Сюзюмов Михаил Яковлевич — ученый-византиновед, доктор исторических наук, профессор Уральского гос. ун-та им. А.М. Горького (1893–1981 гг.). Оп. 1. № 111. Л. 1–15.

(1940, 1951), И.Я. Айзенштока (1952), представлена в указателе Н.Н. Кириковой и Л.А. Розиной [9], на который В.Т. Сиротенко делает ссылку в первом примечании к своей статье. Известны также важные публикации о Гоголе-историке Г.П. Георгиевского (1909) [15], М.П. Алексеева (1936, 1949) [1; 2], Г.М. Фридлиндера (1952) [17], Н.Е. Андреева (1989) [3], А.Б. Куделина (1996, 2003) [12; 13] и др.

Работа В.Т. Сиротенко о Гоголе, как и аналогичная статья другого известного историка-медиевиста, В.Ф. Семенова⁴, «Гоголь — историк-медиевист» (опубликована в 1972 г.; см.: [16]), содержит высокую оценку обширных трудов Гоголя как историка Средних веков.

Свидетельства специалистов в области истории европейского Средневековья заставляют еще раз [7] серьезно усомниться в достоверности шаржевых отзывов о Гоголе некоторых из студентов-слушателей в Петербургском университете (в 1834–1835 г. он состоял здесь адъюнкт-профессором кафедры всеобщей истории), а также ангажированных суждений последующих критиков о том, будто писатель «нисколько не был приготовлен читать университетские лекции истории» (В.В. Григорьев), «ничего не смыслил в истории» (И.С. Тургенев) (см.: [5, с. 350]). Позднейшие предвзятые оценки являются продолжением идеологической борьбы за интерпретацию гоголевского наследия, которая была развернута западниками после издания в 1847 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «самой патриотической книги нашей словесности» [6].

Статья В.Т. Сиротенко носит на себе неизбежную печать советской терминологии и методологии. Текст печатается в соответствии с нормами современной орфографии.

Сиротенко В.Т.

Раннее средневековье в освещении Н.В. Гоголя

Важную роль в развитии исторических знаний в России в 30-х гг. XIX в. сыграл Н.В. Гоголь. После окончания Нежинской гимназии высших наук Гоголь занялся углубленным изучением первоисточников и исследований по истории [поздней] античности и [раннего] Средневековья. В 1831–1835 гг. он читал курс всеобщей

⁴ В память историка-медиевиста Виктора Федоровича Семенова (1896–1973) в Москве регулярно проводятся Семеновские чтения.

истории в Женском Патриотическом институте и курсы истории Средних веков (в 1834–35 учебном году) и первом семестре 1835–36 учебного года) и Древней истории (во втором семестре 1834–35 учебного года) в Петербургском университете. У Гоголя была задумка написать девяти томную историю Средних веков¹.

До нас дошли исторические заметки и конспекты Гоголя, показывающие его серьезное увлечение средневековой историей. Гоголь опубликовал статьи «О Средних веках», «О преподавании всеобщей истории», «О движении народов в конце V века». Сохранились его многочисленные подготовительные материалы и наброски, конспекты и заметки, полный текст десяти университетских лекций по истории раннего Средневековья и «Библиография Средних веков»⁵.

Исторические взгляды Гоголя сложились под влиянием передовой русской и западноевропейской исторической мысли. В их основе лежит идея историзма и прогресса. Гоголь придавал огромную роль историческому образованию. Он писал: «нужно теперь знание истории более полное и более глубокое, чем когда-либо прежде. Корни и семена всех нынешних явлений там»². Он рассматривал историю как процесс культурного, материального и духовного обогащения человечества. В его взглядах имеются элементы диалектики. Зарождение средневекового общества Гоголь видел в недрах античного общества («в ветхом мире зарождается новый»³). Он предпринял попытку показать развитие феодализма во всей сложности и многообразии его форм. Особое внимание уделял Гоголь единству и противоположности старого и нового, их взаимной борьбе, отрицанию новым старого и, вместе с тем, преемственности в развитии — процессу слияния клочков римских форм, обломков, дряхлых умирающих стихий старого мира с дикими и мощными стихиями варварских племен⁴.

В составленной Гоголем программе по истории Средних веков намечается изучение важнейших проблем истории последнего пятидесятилетия существования Западной Римской империи и соседних народов, выяснению причин невозможности существования империи и ее разрушения⁵.

В лекции «О Средних веках» Гоголь отстаивает принцип историзма и резко выступает против взгляда на средневековую историю

⁵ В настоящее время установлено, что сохранившиеся десять лекций Гоголя по истории европейского Средневековья, с вступительной «Библиографией Средних веков», представляют собой первый том задуманной писателем в 1834 г. книги — учебного пособия по преподаваемому в университете курсу [7]. — *И.В.*

«как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити», и показывает, что в раннее средневековье такой невиданной <так! = невидимой> нитью, определяющей его содержание, явилось развитие феодализма⁶. Гоголь рассматривает Средневековье как необходимый этап в развитии человечества и указывает на важнейшие проблемы его истории, и, прежде всего, на проблему «слияния двух жизней» и на значение римского и варварского наследия в дальнейшем развитии общества⁷. Вместе с тем, Гоголь выступает и против идеализации Средневековья реакционными историками и показывает его темные стороны — многочисленные войны и вторжения, приносившие настоящие бедствия народным массам, и деятельность инквизиции, «выпускавшей из-под монашеских мантий свои железные когти, хватавшие всех без различия»⁸.

Много сделал Гоголь для выяснения причин падения Западной Римской империи. Он отметил упадок земледелия в Италии, который, как известно, был вызван деятельностью крупных денежных и земельных магнатов, поглотивших земельную собственность мелких свободных крестьян. Он обратил внимание на жестокую эксплуатацию Римом провинций («поглощал и тянул в себя “все”»⁹). Он обратил внимание на обострение внутренней борьбы в империи, вследствие чего Константин был вынужден отозвать войска с границ империи и разместить их внутри государства, а границы империи стали открытыми для нападений¹⁰. Гоголь так же отмечает, что потребности внутренней и внешней безопасности империи вели к увеличению войск, а «увеличение войск произвело непомерные налоги и подати»¹¹. Гоголь подметил, что разделение империи, являвшееся единственным средством сохранить ее, «дало новое средство и силы европейским варварам ее разрушить»¹², поскольку с каждым годом обострялись противоречия между правящими группировками двух ее частей, обращавшихся за варварской помощью друг против друга. Наиболее ярко это проявилось в деятельности Стилихона, который замышлял использовать вестготов против Византии, и в деятельности опекунов византийского императора, которые способствовали усилению вестготов и их походу в Италию¹³. Гоголь обратил внимание на растущую варваризацию римской армии и на постоянно увеличивающееся приглашение императорами варварских племен на римскую службу¹⁴.

Подробно характеризует Гоголь хозяйственное и общественное развитие соседних с империей племен — германцев и славян на севере и арабов на востоке и отводит им равнозначную роль в раз-

рушении империи¹⁵. При этом, он отмечает, что чем ближе к западу и юго-западу, к границам империи, тем было больше племен, занимающихся земледелием, и чем ближе к востоку, тем больше преобладала у них пастушеская жизнь¹⁶. Отсюда и недалеко до понимания того явления, что чем дальше на восток от границ Римской империи, тем медленнее развивались процессы феодализации.

Гоголь обратил внимание на то, что накануне массовых вторжений в римские провинции, у германских племен грабеж стал целью. Ради грабежа они вели постоянные войны с соседями и «бандитствовали в дикой Европе», а самые предприимчивые из них были настоящими пиратами¹⁷.

Ко времени Гоголя многие историки подметили качественные различия между античностью и Средневековьем, но не могли правильно объяснить их. Поскольку историки тогда еще не занимались выяснением экономических условий этих перемен, не спускались с поверхности политических форм в недра социальной жизни, не занимались выяснением различных фаз развития земельной собственности в римской республике и империи и не обратили внимание на процессы феодализации, им казалось, что эти различия были вызваны германскими завоеваниями римских провинций. Поэтому германские завоевания они назвали «великим переворотом» (Гиббон, Робертсон). Дворянские реакционные (Шатобриан, Ф. Шлегель, И. Кайданов) и прогрессивные (Тьерри, Гизо) романтики придерживались сходных взглядов. Немецкие националистические историки с величайшим рвением разрабатывали и пропагандировали эти взгляды ради обоснования претензий на политическое господство в Европе немецких юнкеров и буржуа, объявивших себя наследниками древних германцев.

Гоголь не придавал такого значения германским завоеваниям и не принял термина «великий переворот» при выяснении их последствий. Он только использовал термин «переворот», но придал ему совершенно другое значение. Он говорит о перевороте в отношениях между римлянами и варварами¹⁸. И действительно, со второй половины IV века, когда закончился период равновесия сил Римской империи и варваров, продолжавшийся двести пятьдесят лет, с относительно устойчивыми условиями жизни по обе стороны границы, когда варвары стали сильнее, отношения между ними и империей изменились коренным образом. Выяснению этих перемен, их причин, Гоголь посвятил отдельные разделы своих университетских лекций и назвал их «переворот произведенный готами», «переворот произведенный гуннами»¹⁹.

Выясняя предпосылки такого переворота, Гоголь не только выявил причины ослабления Римской империи, но и занялся изучением варварских племен. Это дало ему возможность правильно подойти к пониманию причин вторжения кочевых племен Азии в Европу. Как известно, такие племена занимались кочевым скотоводством, охотой и войной. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства, и поэтому избыточное население было вынуждено совершать великие переселения. А поскольку одним из условий таборного кочевого скотоводства является потребность в безлюдных пастбищах, кочевники опустошали населенные местности и превращали их в пастбища, разрушая производительные силы тех областей, которые оказались на пути их кочевий и переселений. Вот как образно рисует Гоголь это явление: «Патриархальные обитатели степей питались только молоком, сыром, доставляемыми их полудикими животными, и редко питались мясом. Оттого стада их множились необыкновенным образом; владельцы их чаще должны были переходить с места на место; степей требовалось с каждым годом более и более — и те земли, которые ужасают донныне своею неизмеримостью, земли, бывшие вдвое более тогдашнего образованного мира, земли, с которыми бы земледельцы всего света не знали, что делать — эти земли сделались тесными. Сильнейшие властители должны были вытеснить слабейших. Народы пастушеские, не имея неподвижной собственности, укрепленной давностью владения, легко уступают первому напору и уходят со своими стадами далее. И таким образом Азия сделалась народовержущим вулканом. С каждым годом выбрасывала она из недр своих новые толпы и стада, которые в свою очередь сгоняли с мест низверженных прежде. Они перешли горы и потянулись в Европу»²⁰. Далее Гоголь показывает, что поскольку Азия продолжала извергать новые толпы, которые теснили прежних, а предыдущие последующих, на границах империи накопилось множество народов, теснивших ее и становившихся с каждым годом сильнее. Поскольку во времена Гоголя развитие производительных сил у соседних с империей племен еще не изучалось, он связывал усиление этих племен только с приходом новых пришельцев. Вместе с тем, Гоголь подошел к пониманию того явления, что когда кочевники встречали сильный отпор, они были вынуждены переходить к оседлости и отчасти к земледелию, способствовавшим их дальнейшему развитию. Именно такой путь прогрессивного развития кочевников.

В отличие от реакционного историка И. Кайданова, утверждавшего, будто римский народ радовался при вторжении неприятелей и почитал их нашествия великим благодеянием²¹, Гоголь не допускал и мысли о таком отношении народных масс к завоевателям. Он подошел к пониманию вины за варварские вторжения в римские провинции господствующего класса империи, который, употребляя все силы, чтобы спасти себя, составлял из варваров себе войско защитников, потом отдал им одну за другой свои провинции, наконец предал Рим²². Гоголь показал, какие огромные бедствия принесли народным массам варварские вторжения: деревни были разрушены, весь низший класс был или истреблен, или продан в рабство, или бежал в неприступные для варваров города, пополнив ряды их жителей²³.

Картину варварских вторжений в римские провинции Гоголь нарисовал, опираясь на материалы первоисточников и на исследования Я. Рубана, А. Тьерри, Э. Гиббона, Ф. Гизо, Г. Галама, И. Мариани, С. Пуфендорфовича⁶⁾. Сказалось и влияние Вольтера, который крайне отрицательно относился к варварам и их вторжениям

Гоголь показывает, что во время восстания в 378 г. вестготы «опустошительно прошли владения императора до Адрианополя»²⁴, однако, несмотря на такие их действия, «необходимость защиты против гуннов, против бунтовавших правителей была причиною, что империя терпела в недрах своем эти дикие орды, давала им привилегии и употребляла в войска»²⁵.

Гоголь рассказывает об опустошении вестготами Фракии, Македонии, беотийских и пелопоннесских городов, после чего император назначил Алариха начальником им же ограбленных провинций с титулом повелителя войск Иллирийской префектуры. Тем самым Гоголь верно связал вестготский поход в Грецию с политикой византийского правительства, пытавшегося с их помощью упрочить свою власть в префектуре Иллирии, недавно перешедшей под его управление. Вымыслы реакционных историков о том, что народные массы видели в варварах «благодетелей» и оказывали им свою поддержку, Гоголь не принял во внимание, поскольку они противоречили известным ему фактам.

В 401 г., по мнению Гоголя, а в действительности, согласно Равеннским анналам, отличающимся точностью датировки событий, — в ноябре 399 г. Аларих повел вестготов в Италию, где войска Стилихона разбили их у Полленции (402 г.), после чего Стилихон

⁶⁾ Так в источнике. Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694), немецкий историк, юрист и философ. — *И.В.*

заставил Алариха отступить с остатками вестготов из Италии, предоставив ему титул римского военачальника.

Гоголь не располагал многими фактами первоисточников, которые свидетельствует об усиленной подготовке правительством Западной Римской империи войны против Византии в 402–408 гг., ради чего были стянуты в Северную Италию войска с рейнской и дунайской границ, а Италия и Галлия оказались открытыми для варварских вторжений. Поэтому он не видел связи между такой недальновидной политикой правительства Западной Римской империи и теми последствиями, к которым она привела. Военные планы этого правительства и меры, направленные на их осуществление, окончательно подорвали боеспособность Западной Римской империи и способствовали успешному вторжению вестготов в Италию, аланов, вандалов и севов в Галлию, а затем в Испанию.

Гоголь верно нарисовал картину вторжения алан, вандалов и севов 31 декабря 406 г., которые «опустошили Галлию, где бунтовали римские правители, и прошли Испанию, наполнив ее цветущие провинции дикими толпами»²⁷. Далее Гоголь рассказывает, как Аларих вступил с вестготами в Италию, дважды осаждал Рим, провозгласил городского префекта Аттала императором, затем сверг его, захватил Рим и «обратил целые толпы жителей в рабов»²⁸. Следуя за точными и бесспорными фактами первоисточников, Гоголь не говорит об открытии рабами ворот города Рима. Подобный вымысел появился в многочисленных исторических компиляциях после крайне тенденциозного и необоснованного утверждения Фюстель де Куланжа, будто рабы открывали варварам ворота римских городов²⁹.

Весьма удовлетворительно рисует Гоголь неудачную попытку Алариха переправиться из Италии в Африку и политику Равеннского двора, сумевшего направить вестготов во главе с Атаульфом в Галлию, против Константина и Иовина, провозглашенных там императорами, а затем в Испанию против алан, вандалов и севов, после чего они получили для поселения Юго-Западную Галлию и основали там Тулузское королевство вестготов. О выступлении багаудов в 407–409 гг. против аланов, вандалов и севов, вторгшихся в Галлию, и против римского господства Гоголь не упоминает. Вероятно ему не были известны свидетельства Зосима и Галльской хроники.

Поселение бургундов в Юго-Восточной Галлии Гоголь относит к 415 гг. Такое мнение нуждается в поправке. Как свидетельствует Проспер Тирон, бургунды в 413 г. подошли к Вормсу и «получили для поселения часть Галлии, ближайшую к Рейну»³⁰ и только в 456 г.,

как это засвидетельствовано Марием Авентиком и Фредегарием, они утвердились в Юго-Восточной Галлии³¹.

Вторжение вандалов в Африку Гоголь связывает только с обращением к ним за помощью римского наместника Африки Бонифация. Из свидетельств Проспера Тирона известно, что звали их туда друг против друга Бонифаций и Равеннский двор³².

Господство вандалов в Северной Африке Гоголь рисует на основании рассказов Виктора Витенского, Квондвультдеуса, Посидия Каламского, Феодорита, Ферранда, Прокопия Кесарийского [и показывает, что вандалы ограбили дома и уничтожили его обителетей]. Он такими красками рисует правление Гензейриха: «Быстрые успехи разожгли его хищное честолюбие. Скоро весь северный берег Африки подвергнулся его вандальскому владычеству. Огнем и мечом окрестил он его в арианство и составил в этот мятежный и темный век государство. С этого времени разгулялся Гензейрих. Страшный флот его рассыпался по Средиземному морю и прекратил своим корсарством всякое плавание. Каждый год этот нумидийский лев появлялся у всех берегов Средиземного моря от Греции и Иллирии до Гибралтара, собирая, как жатву на собственном поле, все, что могла только произвести цветущая населенность их. Испания, Сицилия, Сардиния, Далмация попеременно чувствовали ужасную, разрушительную руку этого венчанного пирата, который так быстро воздвигнул первое государство христианских корсаров»³³. В этой характеристике четко показан паразитический характер вандальского королевства и вскрыто, что это королевство стало преградой для развития производительных сил всех народностей вокруг Средиземного моря.

Весьма убедительно рисует Гоголь картину гуннских вторжений в римские провинции и показывает их грабительский характер. Гунны, по его словам, «производили набеги на соседей, которые обыкновенно состояли в хищничестве жен, детей и в угонке стад в свои пределы»³⁴.

Описывая поход Атиллы в Галлию и Каталаунскую битву, Гоголь верно подметил широкий состав антигуннской коалиции, включавшей римлян, вестготов, армориканцев, бреонов, бургундов, саксов, айан и франков, однако, без каких-либо оснований полагал, что на стороне гуннов выступили некоторые славянские племена под начальством своих князей³⁵. Известные до сих пор источники свидетельствуют о том, что славяне не принимали участие в походе Атиллы и даже выступили против гуннов. Приск Павийский называет среди племен, поднявшихся на борьбу против гуннов, акациров,

скифов и тех, кто «занимал лежащую при Понте землю скифскую»³⁶. Согласно свидетельств<у> Иордана, акацирские поселения занимали большие пространства от эстов на севере до Понта Евксинского на юге и, следовательно, под этим именем скрывались многочисленные племена Восточной Европы и среди них — славяне.

Таким образом, в освещении западноевропейского раннего средневековья Н.В. Гоголь опирался на большой фактический материал первоисточников и работы современных ему исследователей, что дало ему возможность нарисовать сложную картину этого периода, не устаревшую во многих своих местах до настоящего времени, и сыграть значительную роль в развитии исторических знаний в России и в том числе по проблемам падения Западной Римской империи и образования раннефеодальных государств.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: «Гоголь. Статьи и материалы», Л., 1954, стр. 389–391 (библиография на тему «Гоголь в Петербургском университете»); *И.Я. Айзеншток*. Н.В. Гоголь и Петербургский университет (Вестник Ленинградского университета, 1952, № 3, стр. 17–38); *Н.И. Коробко*⁷. «Арабески» и профессорская деятельность Гоголя (в кн. Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч. под ред. Н.И. Коробко, т. 3. Спб., б.г., стр. 5–18); *Л.В. Черепнин*. Исторические взгляды Гоголя (Вопросы истории, 1964, № 1, стр.75–97).

2. *Н.В. Гоголь*. Полн. собр. соч., т. 8, АН СССР, 1952, стр. 23.

3. Там же, т. 8, стр. 32.

4. Там же, стр. 15.

5. Там же, т. 9, стр. 94.

6. Там же, т. 8, стр.16

7. Там же, стр. 15.

8. Там же, стр. 23.

9. Там же, т. 9, стр. 157

10. Там же, стр. 109.

11. Там же, стр. 108.

12. Там же, стр. 109.

13. Там же, т. 8, стр. 132 и т. 9, стр. 113.

14. Там же, т. 8, стр. 125.

15. Там же, т. 9, стр. 109–111, 131–132, 138–139.

16. Там же, т. 8, стр. 124.

17. Там же.

⁷ Так в источнике. Имеется в виду критик и историк литературы Николай Иванович Коробка (1872–1920). — *И.В.*

18. Там же, т. 9, стр. 112.

19. Там же.

20. Там же, т. 8, стр. 116.

21. *И. Кайданов*. Древняя история. Спб., 1823, стр. 226;
И. Кайданов. История средних веков. Спб., 1823, стр. 3.

22. *Н.В. Гоголь*. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 32.

23. Там же, т. 9, стр. 117.

24. Там же, стр. 112–113.

25. Там же, стр. 113.

26. Там же.

27. Там же, стр. 114.

28. Там же.

29. *Фюстель де Куланж*. История общественного строя древней Франции, т. 2, Спб., 1904, стр. 694–695: «Когда германский вооруженный отряд проходил с мечом через какую-нибудь область империи, то множество туземных жителей сами сбегались к варварам и увеличивали собою их ряды. Это были беглые рабы, оставившие свои участки, колонны, люди, потерявшие свое состояние, вообще всякого рода недовольные... Они подстрекали варваров к грабежу, направляя их к наиболее богатым городам или открывая варварам их ворота». *И.М. Гревс*. Аларих и вестготы (в кн. «Книга для чтения по истории Средних веков», вып. 1, М., 1901, стр. 156): «Аларих не отважился на открытый приступ, а воспользовался изменою рабов, которые открыли готам одни из ворот и 24 августа 410 г., среди ночи, страшные враги с диким криком ворвались в вечный город...» *К.А. Иванов*. История Средних веков. П., 1915, стр. 22: «Рабы изменили своим господам и открыли ворота варварам». Напомним, что И.М. Гревс перевел упомянутую работу Фюстель де Куланжа на русский язык.

30. *Prosperi Tiromis*. Epitoma de Chronicon, 1250. Monum. Germ. Hist. Auctorum antiquiss, t. IX, Chronica Minora, I, Berolimi, 1882, p. 467: an. 413. Burgundiones partem Gallia propinquam Rheo optinuerunt.

31. *Marii Episcopi Aventicensis*. Chronica, am. 456. Monum. Germ. Hist. Auctor. antiquiss, t. XI, Chronica Minora II, p. 232: «Eo anno Burgundiones partem Galliae occupaverunt terrasque eorum Gallias senatoribus diviserunt».

Согласно записи Фредегара, в 456 г. «галло-римляне Лионской провинции, Волосатой и Цизальпинской Галлии, чтобы избавиться от римских налогов, пригласили бургундов, которые обосновались среди них с женами и детьми». См.: *Fredegarii et aliorum Chronica*, II, 46. Monum. Germ. Hist. Script. rer. Merov. II, Berolini. 1888.

См. также исследование этого вопроса: *Rene Guichard. Essai sur l'Histoire du peuple Burgonde*. Paris, 1965, p. 216.

32. См. анализ свидетельств Проспера Тирона, Иоанна Антиохийского, Августина, Ферранда, Виктора Витенского и др., относящихся к этому вопросу в кн.: *В.Т. Сиротенко. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в.* Пермь, 1975, стр. 134–137.

33. *Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч.*, т. 8, стр. 134.

34. Там же, стр. 130.

35. Там же, стр. 136.

36. *Priscos Panites. Fragmenta*, 8. Müller C. *Fram. Hist. Graecorum*, IV, Paris, 1868, p. 77–94. *Jordanis. Getica*, 36. *Иордан. О происхождении и деяниях гетов*. М., 1960, стр. 72.

37. *Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч.*, т. 8, стр. 140.

38. Там же, т. 9, стр. 128

39. Там же, стр. 129

40. *J. des Cagigas. Loss mozarabee*, t. I, Madrid, 1947, p. 45.

41. *Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч.*, т. 9, стр. 118,161,162.

42. Там же, стр. 174.

43. Там же, стр. 177.

44. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 21, стр.152, 153: «Через пятьдесят лет после Карла Великого империя франков столь же беспомощно лежала у ног норманов, как за четыре столетия до того Римская империя лежала у ног франков... И всех же за эти четыреста лет был сделан шаг вперед. Если и в конце периода мы встречаем почти те же основные классы, что и в начале, то люди, составлявшие эти классы, все же стали другими. Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие».

Доктор исторических наук
профессор
9.VI.1978

В.Т. Сиротенко

Пожелание корректору: этнич<еские> имена, геогр<афические> названия, личные имена, даты, не исправлять. У меня правильно. В.Т. Сиротенко.

Литература

1. *Алексеев М.П.* Драма Гоголя из англо-саксонской истории // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования / под ред. В.В. Гиппиуса; отв. ред. Ю.Г. Оксман. М.; Л.: АН СССР, 1936. Т. 2. С. 242–285.
2. *Алексеев М.П.* Альфред. <Комментарий> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>. АН СССР, 1949. Т. 5 / тексты и коммент. подгот. М.П. Алексеев, Н.И. Мордовченко, А.А. Назаревский, А.Л. Слонимский. С. 499–503.
3. *Андреев Н.Е.* Гоголь как историк // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк: [Б. и.], 1986. Т. 19. С. 189–202.
4. *Венгер А.Г.* Образы медиевиста та медиевістики: Василь Сиротенко. Вінниця: Нілан-ЛТД, 2021. 244 с.
5. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2: 1829–1836. С. 672 с.
6. *Виноградов И.А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. № 5. С. 416–426. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426>
7. *Виноградов И.А.* Неизвестная книга Н.В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 8–54. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54>
8. *Кансалыкова К.Р.* «Германистам нужно дать битву»: переписка В.Т. Сиротенко и М.Я. Сюзюмова (1960–1970-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 4 (29). С. 32–65. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-4-32-32>
9. *Кирикова Н.Н., Розина Л.А.* Гоголь в Петербургском университете. (Библиографический указатель) // Гоголь. Статьи и материалы / отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1954. С. 389–391.
10. *Крих С.Б.* Между восхищением и презрением: В.Т. Сиротенко как провинциальный историк // Вестник Пермского ун-та. История. 2022. № 1 (56). С. 144–149. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-1-144-149>
11. *Крих С.Б.* Региональные версии советского нарратива: к проблеме издания архивных материалов // Вестник Пермского ун-та. История. 2023. № 2 (61). С. 41–48. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-2-41-48>
12. *Куделин А.Б.* К характеристике исторических взглядов Гоголя: От «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // Контекст 1993. М.: Наука, 1996. С. 296–313.
13. *Куделин А.Б.* К характеристике исторических взглядов Гоголя: От «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // *Куделин А.Б.* Арабская литература. Поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 414–432.
14. Новая советская литература по общественным наукам. Литературоведение. Библиографический указатель. М.: ИНИОН АН СССР, 1990. № 11. 36 с.
15. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. (Гоголевские тексты. Изданы Г.П. Георгиевским.) СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1909. Вып. 3. 466 с.

16. Семенов В.Ф. Гоголь — историк-медиевист // Из истории западноевропейского Средневековья: сб. ст. М.: [Б. и.], 1972. С. 3–20.

17. Фридлиндер Г.М. Исторические наброски, материалы, лекции. <Комментарий> // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Л.: АН СССР, 1952. Т. 9 / тексты и коммент. подгот. И.Я. Айзеншток, А.А. Назаревский, Г.М. Фридлиндер. С. 622–640.

Research Article

An Unpublished Article by Medievalist Historian V.T. Sirotenko About Gogol

© 2024. Igor A. Vinogradov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: Based on an authorized archival copy, an article about Gogol by medievalist historian Vasily Trofimovich Sirotenko (1915–2006), a professor at Perm, Dnepropetrovsk and Armavir universities, is being published. The article by V.T. Sirotenko, “The Early Middle Ages in the light of N.V. Gogol,” was written in 1978 and deposited in 1990 but is currently inaccessible to the reader. A professional historian notes Gogol’s extensive knowledge of the history of the European Middle Ages and evaluates the writer’s significant contribution to the study of world history. The article is a continuation of the works of numerous researchers and historians, F.A. Vitberg, S.A. Vengerov, G.P. Georgievsky, S.I. Mashinsky, M.P. Alekseev, V.F. Semenov and others, who noted, despite the cartoonish reviews of Gogol by some of his students at St. Petersburg University (in 1834–1835), the writer’s thorough historical erudition, the high scientific level of his university lectures, as well as works of art from world and national history. The publication contributes to the return into scientific circulation of an article by Professor V.T. Sirotenko, unknown to modern researchers, and can serve as a supplement to our article “The Unknown Book of N.V. Gogol 1834: Plan, Context, Reminiscences,” published in the first issue of the journal “Literary Fact” for 2022.

Keywords: Gogol, biography, creativity, interpretations, lectures, history of the Middle Ages, historiography, scientific heritage.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: info@imli.ru

For citation: Vinogradov, I.A. “An Unpublished Article by Medievalist Historian V.T. Sirotenko About Gogol.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 362–378. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-362-378>

References

1. Alekseev, M.P. “Drama Gogolia iz anglo-saksonskoi istorii” [“Gogol’s Drama from Anglo-Saxon History”]. Gippius, V.V., and Yu.G. Oksman, editors. *N.V. Gogol’. Materialy i issledovaniia* [N.V. Gogol. Materials and Research], vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1936, pp. 242–285. (In Russ.)
2. Alekseev, M.P. “Al’fred. Kommentarii” [“Alfred. A Comment”]. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.], vol. 5, texts and comm. prep. by M.P. Alekseev, N.I. Mordovchenko, A.A. Nazarevsky, A.L. Slonimsky. Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1949, pp. 499–503. (In Russ.)
3. Andreev, N.E. “Gogol’ kak istorik” [“Gogol as a Historian”]. *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [Bulletin of The Association Of Russian American Scholars in the U.S.A.], vol. 19. New York, [S. n.], 1986, pp. 189–202. (In Russ.)
4. Venger, A.G. *Obrazi medievista ta medievistiki: Vasil’ Syrotenko* [Image of a Medievalist and Medieval Studies: Vasil Sirotenko]. Vinnytsia, Nilan-LTD Publ., 2021. 244 p. (In Ukrainian)
5. Vinogradov, I.A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): v 7 t.* [Chronicle of Life and Work of N.V. Gogol (1809–1852): in 7 vols.], vol. 2: 1829–1836 [1829–1836]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 672 p. (In Russ.)
6. Vinogradov, I.A. “Samaia patrioticheskaia kniga nashei slovesnosti (‘Vybrannye mesta iz perepiski s druz’iami Nikolaia Gogolia’)” [“The Most Patriotic Book of Our Literature (‘Selected Passages from Correspondence with Friends’ by Nikolai Gogol’)”]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 5, pp. 416–426. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426> (In Russ.)
7. Vinogradov, I.A. “Neizvestnaia kniga N.V. Gogolia 1834 g.: zamysel, kontekst, reminitsentsii” [“N. V. Gogol’s Unknown Book, 1834: Intention, Context, Reminiscences”]. *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 1 (23), pp. 8–54. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54> (In Russ.)
8. Kapsalykova, K.R. “‘Germanistam nuzhno dat’ bitvu’: perepiska V.T. Sirotenko i M.Ia. Siuziumova (1960–1970-e gg.)” [“‘The Germanists Need to Give Battle’: Correspondence of V.T. Sirotenko and M.Ya. Syuzumov (1960–1970s)’”]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, vol. 9, no. 4 (29), 2021, pp. 32–65. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-4-32-32> (In Russ.)
9. Kirikova, N.N., and L.A. Rozina. “Gogol’ v Peterburgskom universitete. (Bibliograficheskii ukazatel’)” [“Gogol at St. Petersburg University. (Bibliographic Index)”]. Alekseev, M.P., editor. *Gogol’. Stat’i i materialy* [Gogol. Articles and Materials]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1954, pp. 389–391. (In Russ.)
10. Krikh, S.B. “Mezhdu voskhishcheniem i prezreniem: V.T. Sirotenko kak provintsial’nyi istorik” [“Between Admiration and Contempt: V.T. Sirotenko as a Provincial Historian”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia*, no. 1 (56), 2022, pp. 144–149. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-1-144-149> (In Russ.)
11. Krikh, S.B. “Regional’nye versii sovetskogo narrativa: k probleme izdaniia arkhivnykh materialov” [“Regional Versions of the Soviet Narrative: On the Problem of Publishing Archival Materials”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia*, no. 2 (61), 2023, pp. 41–48. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-2-41-48> (In Russ.)

12. Kudelin, A.B. “K kharakteristike istoricheskikh vzgliadov Gogolia: Ot ‘Arabesok’ k ‘Vybrannym mestam iz perepiski s druž’iami’.” [“On the Characterization of Gogol’s Historical Views: From ‘Arabesques’ to ‘Selected Places from Correspondence with Friends’.”] *Kontekst 1993* [*Context 1993*]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 296–313. (In Russ.)

13. Kudelin, A.B. “K kharakteristike istoricheskikh vzgliadov Gogolia: Ot ‘Arabesok’ k ‘Vybrannym mestam iz perepiski s druž’iami’.” [“On the Characterization of Gogol’s Historical Views: From ‘Arabesques’ to ‘Selected Places from Correspondence with Friends’.”] Kudelin, A.B. *Arabskaia literatura: poetika, stilistika, tipologii, vzaimosviazi* [*Arabic Literature: Poetics, Stylistics, Typology, Interrelations*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2003, pp. 414–432. (In Russ.)

14. *Novaia sovetskaia literatura po obshchestvennym naukam. Literaturovedenie. Bibliograficheskii ukazatel’* [*New Soviet Literature on Social Sciences. Literary Studies. Bibliographic Index*], no. 11. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1990. 36 p. (In Russ.)

15. *Pamiati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolia. (Gogolevskie teksty. Izdany G.P. Georgievskim)* [*In Memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol. (Gogol’s Texts. Published by G.P. Georgievsky)*], issue 3. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1909. 466 p. (In Russ.)

16. Semenov, V.F. “Gogol’ — istorik-medievist” [“Gogol as a Medievalist Historian”]. *Iz istorii zapadnoevropeiskogo Srednevekov’ia: sbornik statei* [*From the History of the Western European Middle Ages: Collection of Articles*]. Moscow, [S. n.], 1972, pp. 3–20. (In Russ.)

17. Fridlender, G.M. “Istoricheskie nabroski, materialy, leksii. Kommentarii” [“Historical Sketches, Materials, Lectures. Comment”]. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [*Complete Works: in 14 vols.*], vol. 9, texts and comm. prep. by I.Ya. Aizenstock, A.A. Nazarevsky, and G.M. Friedlander. Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1952, pp. 622–640. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.12.2023
Одобрена после рецензирования: 07.02.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 22.12.2023
Approved after reviewing: 07.02.2024
Date of publication: 25.06.2024

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Литературный факт.
2024. № 2 (32)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (32), 2024

Научная статья
УДК 82-3
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-379-428>
<https://elibrary.ru/JULGEP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Русские писатели как прототипы литературных персонажей (Материалы для словаря прототипов в русской литературе XIX – начала XX века)

© 2024, А.И. Рейтблат

Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: Среди произведений русских писателей немалую долю составляют такие, в которых при создании персонажа автор в той или иной мере описывал конкретного человека (его внешность и/или привычки, взгляды, поведение, случаи из его жизни и т. п.). Однако явление прототипизации почти не изучается, а многочисленные работы о конкретных прототипах не обобщаются. Одним из условий этой работы является каталогизация прототипов. Подобная работа была начата в 1960-х гг. М.С. Альтманом, но не нашла продолжателей. Предлагаемый указатель прототипов персонажей литературных произведений, которыми послужили русские писатели XIX – начала XX в., включает прототипы, которые не были учтены в публикациях М. Альтмана. Указатель может быть использован для биографических разысканий об упомянутых писателях-прототипах, для изучения поэтики конкретных авторов, которые использовали прототипы, а также для исследования общих механизмов прототипизации.

Ключевые слова: литературные справочники, научные словари, прототип, русская литература XIX – начала XX в., писатель как литературный персонаж, М.С. Альтман.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, редактор журнала «Новое литературное обозрение», Тверской бульвар, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: *Рейтблат А.И.* Русские писатели как прототипы литературных персонажей. (Материалы для словаря прототипов в русской литературе XIX – начала XX века) // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 379–428. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-379-428>

Среди произведений русских писателей немалую долю составляют такие, в которых при создании персонажа автор в той или иной мере описывал конкретного человека (его внешность и/или привычки, взгляды, поведение, случаи из его жизни и т. п.). Мотивы могли быть разными: обличение махинаций и пороков, стремление вызвать скандал и привлечь тем самым внимание к книге, желание сделать персонажа более «жизненным» и решить тем самым художественные задачи.

Можно назвать ряд литераторов (П.Д. Боборыкин, В.П. Буренин, В.П. Мещерский, И.И. Ясинский и др.), в произведениях которых такие опознаваемые персонажи появлялись очень часто. Вот, например, что писал в своих воспоминаниях писатель и издательский деятель С.Ф. Либрович:

Для завсегдатаев великосветских салонов произведения <Б.М.> Маркевича представляли огромный интерес прежде всего потому, что в выведенных в них типах легко узнавали «героев дня», представителей петербургского и московского большого света. Вращаясь в великосветских салонах как свой человек, зная отлично всю ту знать, которая в них бывала, обладая несомненно наблюдательностью и бесспорным талантом, Маркевич с фотографической точностью изображал всевозможных деятелей петербургского «бомонда». И, как верно заметил один из рецензентов, великосветские читатели в книгах Маркевича находили всегда «свое общество», «свой мир» со всеми его характерными особенностями. Но и для читателей других слоев в романах Маркевича было много привлекательного, так как в них описывалась интимная жизнь высокопоставленных лиц, выводились, под прозрачными псевдонимами, видные государственные деятели, рассказывались их амурные приключения¹.

Действительно, читатели нередко осознавали связь персонажа с тем или иным современником и проявляли усиленный интерес к таким произведениям. Так, рецензент «Вестника Европы», откликаясь на книги подобного типа, отмечал, что «достаточно было одного слуха, что в “Петербургских трущобах” г. Крестовского описываются “личности” и мошеннические подвиги, бывшие “на самом деле”, — чтобы доставить этому пустейшему произведению огромный успех, то есть сбыт (что для подобной литературы одно-

¹ Либрович С.Ф. На книжном посту. Пг.; М.: Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1916. С. 355–356.

значуще)»². Случалось, что читатели на полях или обложке книги раскрывали, с кого «списан» тот или иной персонаж. Так, например, в секторе редких книг Российской государственной библиотеки искусств хранится конвюлют, содержащий четыре части второго издания цикла романов А.А. Соколова «Театральные болота» (СПб., 1881–1882). На обороте форзаца, обороте листа, вплетенного перед титульным листом, и на внутренней стороне нахзаца владелец книги А. Никольский (сведениями о нем мы не располагаем) сделал записи, указывающие ряд прототипов романов и содержащие воспоминания о них (см.: [11]).

Хотя называть человека, чьи черты опознавались в персонаже, по имени и фамилии в прессе не было принято, но рецензенты нередко намекали на него в своих откликах на книгу, давая некоторые сведения для его идентификации.

Критики и литературоведы, чтобы зафиксировать связь литературного персонажа и реально существующего человека, нередко пишут, что писатель «вывел» (или «изобразил») его, но чаще используется термин «прототип». При этом обобщающих статей о прототипах у того или иного писателя немало, однако специальных работ, посвященных роли прототипа в создании литературного произведения, его соотношению с тем или иным человеком, возможности извлечь из текста произведения информацию о нем и т. п. в отечественной научной литературе нет, если не считать нескольких словарных статей в литературоведческих энциклопедиях и словарях. На мой взгляд, подобные работы весьма важны для понимания генезиса и поэтики многих произведений, способов конструирования персонажей, их номинации, с одной стороны, и могут дать в ряде случаев ценную информацию о прототипе, отсутствующую в других источниках, с другой. Общие методологические рассуждения по данной теме см. в статье: [10], см. также ценные наблюдения в: [14; 15].

Нужно учитывать, что для изучения механизмов прототипизации и разных видов прототипов нужен достаточно большой их корпус. Однако подобная работа затрудняется отсутствием как библиографических списков работ о прототипах, так и каталогов самих прототипов. Собираение их, начатое М.С. Альтманом еще во второй половине прошлого века³, никто, по сути, не продолжил⁴.

² Рец. на: [Топоров. Изнанка на лицо. СПб., 1868; Колосов М. Очерки с натуры. СПб., 1867] // Вестник Европы. 1868. № 6. Стлб. 903.

³ См. его публикации: [3; 5; 6; 4; 1; 7, с. 5–33; 2, с. 11–136]. См. также: [16].

⁴ В качестве исключения можно назвать следующую работу: [9].

Настоящая публикация призвана дополнить работы М.С. Альтмана в той их части, которая касается писателей как прототипов. Она сложилась на основе круга моего чтения (как литературоведческих текстов, так и художественных произведений), написания многочисленных статей для многотомного словаря «Русские писатели. 1800–1917» [12], а также специальных разысканий при подготовке предлагаемого читателям списка. Он включает прототипы в литературных произведениях, опубликованных в 1800–1917 гг.

Каждая запись состоит из имени, отчества и фамилии писателя или его широко известного псевдонима, имени литературного персонажа, для которого он послужил прототипом, краткого библиографического описания наиболее ранней известной мне публикации произведения, в котором действует этот персонаж, и (в скобках) наиболее раннего источника сведений, из которого почерпнуты мной сведения о прототипе⁵. Если имелись мемуарные или эпистолярные свидетельства, с одной стороны, и исследовательская атрибуция, с другой, указывались оба источника.

Если сведения об источнике отсутствуют, это означает, что прототип установлен мной и ранее информация об этом не публиковалась. Вполне возможно, что другие лица ранее уже печатно указывали на тот или иной включенный в список прототип, заранее прошу у них прощения за то, что не знаком с соответствующей их работой и не указал ее.

Если писатель послужил прототипом персонажей разных произведений, записи о нем размещены в хронологии публикации произведений.

Следует оговорить, что я не проводил экспертизу правильности атрибуции прототипа, моя задача состояла только в регистрации указания на него в научной литературе (так же, как библиограф не проверяет правильность выводов автора научной работы, а просто описывает публикацию). Кроме того, при знакомстве со списком не следует забывать, что у персонажа может быть несколько прототипов. Поэтому пусть не удивляют читателя случаи (немногочисленные), когда в списке одному и тому же персонажу разные исследователи указывают разные прототипы. Например, И.С. Чистова сочла, что прототипом Архипа Андреевича Барбосова в водевиле П.А. Каратыгина «Авось, или Сцены в книжной лавке» (1841) является О.И. Сенковский [13, с. 416], а А.Ю. Балакин — что Н.И. Полевой [8, с. 274].

⁵ Ссылки на статьи словаря «Русские писатели» [12] даются сокращенно: РП, номер тома, номер страницы.

О всех представленных в указателе литераторах, ставших прототипами, имеются статьи в словаре «Русские писатели. 1800–1917» [12].

Учитывая возможный объем журнальной публикации, я не вносил в список сведения о персонажах, прототипом которых являлся сам автор произведения, так как подобный прототип представляет собой очень специфический случай. Ведь существует масса автобиографических повестей и романов, а также произведений, в которых литератор в той или иной мере воспользовался личным опытом и придал персонажу свои черты. Прототипичность тут носит принципиально иной характер, так как автор знает прототипа «изнутри», располагает информацией о его мыслях и чувствах (что, конечно, не означает, что он достоверно передает их).

Литература

1. *Альтман М.С.* Декабристы — прототипы литературных героев // Освободительное движение в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1971. Вып. 2. С. 56–62.

2. *Альтман М.С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.

3. *Альтман М.С.* Министры последних трех Романовых под пером беллетристов и историков // Ученые записки Горьковского университета. 1964. Вып. 99. Т. 2. С. 897–902.

4. *Альтман М.С.* Русские историки — прототипы литературных героев // История СССР. 1971. № 3. С. 139–147.

5. *Альтман М.С.* Русские писатели и ученые в русской литературе XIX века (Материалы для словаря литературных прототипов) // Н.А. Добролюбов: статьи и материалы. Горький: Изд-во Горьковского ун-та, 1965. С. 287–340.

6. *Альтман М.С.* Русские революционные деятели XIX века — прототипы литературных героев // История СССР. 1968. № 6. С. 128–148.

7. *Альтман М.С.* Читая Толстого. Тула: Приокское кн. изд-во, 1966. 168 с.

8. *Балакин А.Ю.* Близко к тексту. СПб.: Пальмира, 2017. 357 с.

9. *Меламед Е.И.* Прототипы героев В.Г. Короленко (Опыт библиографического словаря) // Russian Studies. 1995. Vol. 1. № 3. С. 408–421.

10. *Рейтлат А.И.* «Прототип» как научная категория // Новое литературное обозрение. 2024. № 1 (185). С. 175–189. DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_175

11. *Рейтлат А.И.* Роман А.А. Соколова «Театральные болота» как мемуарный источник (на основе экземпляра из фонда Сектора архивных документов и книжных памятников РГБИ) // Театральная мемуаристика. М.: Три квадрата, 2015. С. 84–97.

12. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия; 1989–2019. Т. 1–6.
13. *Чистова И.С.* Водевиль 1830–1840-х годов // История русской драматургии: XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 402–425.
14. *Чудаков А.П.* Поэтика и прототипы // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 182–193.
15. *Чудакова М.О.* Где спрятался лев? // И время, и место: Историко-филологический сборник к 60-летию Александра Львовича Осповата. М.: Новое изд-во, 2008. С. 488–512.
16. *Яковлева Н.* «От имени к прототипу»: (Картотека прототипов М.С. Альтмана) // Русский модернизм и его наследие. М.: НЛЮ, 2021. С. 668–684.

Research Article

Russian Writers as Prototypes of Literary Characters (Materials for the Dictionary of Prototypes in Russian Literature of the 19th – Early 20th Centuries)

© 2024. Abram I. Reitblat
New Literary Review,
Moscow, Russia

Abstract: Among the works of Russian writers, a considerable share, when creating a character, to one degree or another, described a specific person (his appearance and/or habits, views, behavior, incidents from his life, etc.). However, the phenomenon of prototyping is rarely studied, and numerous works on specific prototypes are not generalized. One of the conditions of this work is the cataloging of prototypes. Similar work was started in the 1960s by M.S. Altman but did not find successors. The proposed index of prototypes of characters in literary works, which were Russian writers of the 19th – early 20th centuries, includes prototypes that Altman did not take into account in his publications. The index can serve for biographical research on the mentioned prototype writers, studying the poetics of specific authors who used prototypes and investigating general mechanisms of prototyping.

Keywords: literary reference books, scientific dictionaries, prototype, Russian literature of the 19th – early 20th centuries, writer as a literary character, M.S. Altman.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD in Pedagogy, “New Literary Review” Publishing House, Tverskoy Blvd., 13, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>

E-mail: reitblat@nlbooks.ru

For citation: Reitblat, A.I. “Russian Writers as Prototypes of Literary Characters (Materials for the Dictionary of Prototypes in Russian Literature of the 19th – Early 20th Centuries).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. pp. 379–428. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-379-428>

References

1. Al'tman, M.S. "Dekabristy — prototypy literaturnykh geroev" ["The Decembrists — Prototypes of Literary Characters"]. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii* [*The Liberation Movement in Russia*], issue 2. Saratov, Saratov University Publ., 1971, pp. 56–62. (In Russ.)
2. Al'tman, M.S. *Dostoevskii. Po vekham imen* [*Dostoevsky. By Milestones of Names*]. Saratov, Saratov University Publ., 1975. 280 p. (In Russ.)
3. Al'tman, M.S. "Ministry poslednikh trekh Romanovykh pod perom belletristov i istorikov" ["Ministers of the Last Three Romanovs as Written by Writers and Historians"]. *Uchenye zapiski Gor'kovskogo universiteta*, issue 99, vol. 2, 1964, pp. 897–902. (In Russ.)
4. Al'tman, M.S. "Russkie istoriki — prototypy literaturnykh geroev" ["Russian Historians as Prototypes of Literary Characters"]. *Istoriia SSSR*, no. 3, 1971, pp. 139–147. (In Russ.)
5. Al'tman, M.S. "Russkie pisateli i uchenye v russkoi literature XIX veka (Materialy dlia slovaria literaturnykh prototipov)" ["Russian Writers and Scholars in Russian Literature of the 19th Century (Materials for a Dictionary of Literary Prototypes)"]. *N.A. Dobroliubov: stat'i i materialy* [*N.A. Dobrolyubov: Articles and Materials*]. Gorky, Gorky University Publ., 1965, pp. 287–340. (In Russ.)
6. Al'tman, M.S. "Russkie revoliutsionnye deiateli XIX veka — prototypy literaturnykh geroev" ["Russian Revolutionary Figures of the 19th Century as Prototypes of Literary Characters"]. *Istoriia SSSR*, no. 6, 1968, pp. 128–148. (In Russ.)
7. Al'tman, M.S. *Chitaia Tolstogo* [*Reading Tolstoy*]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'svo Publ., 1966. 168 p. (In Russ.)
8. Balakin, A.Iu. *Blizko k tekstu* [*Close to the Text*]. St. Petersburg, Pal'mira Publ., 2017. 357 p. (In Russ.)
9. Melamed, E.I. "Prototypy geroev V.G. Korolenko (Opyt biobibliograficheskogo slovaria)" ["Prototypes of V.G. Korolenko's Characters (An Attempt at a Biobibliographic Dictionary)"]. *Russian Studies*, vol. 1, no. 3, 1995, pp. 408–421. (In Russ.)
10. Reitblat, A.I. "'Prototip' kak nauchnaia kategoriia" ["'Literary Character Prototype' as a Scientific Category"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (185), 2024, pp. 175–189. DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_175 (In Russ.)
11. Reitblat, A.I. "Roman A.A. Sokolova 'Teatral'nye bolota' kak memuarnyi istochnik (na osnove ekzempliara iz fonda Sektora arkhivnykh dokumentov i kniznykh pamiatnikov RGBI)" ["A.A. Sokolov's Novel 'Theatrical Swamps' as a Memoir Source (Based On a Copy from the Collection of the Sector of Archival Documents and Book Monuments of the Russian State Library)"]. *Teatral'naia memuaristika* [*Theatrical Memoirs*]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2015, pp. 84–97. (In Russ.)
12. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vols. 1–6. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989–2019. (In Russ.)
13. Chistova, I.S. "Vodevil' 1830–1840-kh godov" ["Vaudeville of the 1830–1840s"]. *Istoriia russkoi dramaturgii: XVII – pervaiia polovina XIX veka* [*History of Russian Drama: 17th – First Half of the 19th Century*]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 402–425. (In Russ.)

14. Chudakov, A.P. “Poetika i prototipy” [“Poetics and Prototypes”]. *V tvorcheskoi laboratorii Chekhova [In Chekhov's Creative Laboratory]*. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 182–193. (In Russ.)

15. Chudakova, M.O. “Gde spriatalsia lev?” [“Where Did the Lion Hide?”]. *I vremia, i mesto: Istoriko-filologicheskii sbornik k 60-letiiu Aleksandra L'vovicha Ospovata [Time and Place: Historical and Philological Collection for the 60th Anniversary of Alexander Lvovich Ospovat]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 488–512. (In Russ.)

16. Iakovleva, N. “‘Ot imeni k prototipu.’ (Kartoteka prototipov M.S. Al'tmana)” [“From Name to Prototype.’ (Card Index of Prototypes by M.S. Altman)”]. *Russkii modernizm i ego nasledie [Russian Modernism and Its Legacy]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 668–684. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы для словаря прототипов в русской литературе XIX — начала XX века

Авсеенко Василий Григорьевич — *Лакеенко*. Буренин В.П. Роман в Кисловодске: повесть // Буренин В.П. Мертвая нога; Роман в Кисловодске. СПб., 1886.

Аксаков Иван Сергеевич — *Николай Павлович Салазкин*. К.В.М. [Мещерский В.П.]. Один из наших Бисмарков: фантастический роман. СПб., 1874; Он же. Граф Обезьянинов на новом месте: фантастический этюд в 5 ч. СПб., 1879.

Аксаков Константин Сергеевич — *Иван Алексеевич Грибанов*. Панаев И.И. Великосветский хлыщ: [очерк] // Современник. 1854. № 11. (*Степина М.Ю.* Повесть И.И. Панаева «Великосветский хлыщ»: к вопросу о прототипах // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. Коломна, 2001. С. 124–131.)

Аксакова (урожд. Тютчева) Анна Федоровна — *Марья Павловна Салазкина*. Мещерский В.П. Граф Обезьянинов на новом месте: фантастический этюд в 5 ч. СПб., 1879.

Амфитеатров Александр Валентинович — *Никита Фомич Борцов*. Тихонов В.А. Карьера: роман // Современник. 1911. № 1, 2, 4–6. (*Пильский П.М.* А.В. Амфитеатров // Сегодня (Рига). 1938. 1 марта.)

Андреев Леонид Николаевич — *Григорий Иванович Праотцев*. Трахтенберг В.О. Сегодня: сцены в 4 д. // Библиотека Театра и искусства. 1904. № 23. (Леонид Николаевич Андреев: библиография / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1998. Т. 2. С. 66.)

Андреев-Бурлак Василий Николаевич — *Андрей Николаевич Васильев-Рыбак*. Гейнце Н.Э. В тине адвокатуры: роман. СПб., 1893. Т. 1–2.

Андреевский Сергей Аркадьевич — *Кидошенцев*. Карабчевский Н.П. Господин Арсков: роман // Вестник Европы. 1893. № 6–8. (*Ратгауз М.Г.* Н.П. Карабчевский // РП. Т. 2. С. 465.)

Андреевский Сергей Аркадьевич — *Петроний*. Мережковский Д.С. Отверженный: роман // Северный вестник. 1895. № 1–6. (Перезидавался под названием «Смерть богов (Юлиан Отступник)»). (Подольская И.И., Чёрный К.М. С.А. Андреевский // РП. Т. 1. С. 72.)

Анненков Павел Васильевич — *Федор Семенович Розанов* или *Родион Михайлович Святухин*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // Эпоха. 1864. № 5–7. (Козлов А.Е. «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 231.)

Апухтин Алексей Николаевич — *Раевский*. Гиппиус З.Н. Чертова кукла: [роман] // Русская мысль. 1911. № 1–3. (Королева Н.В. Примечания // Гиппиус З.Н. Опыт свободы. М., 1996. С. 516.)

Арсеньев Илья Александрович — *Илюшка Мартемьев*. Суворин А.С. Всякие: очерки современной жизни. СПб., 1866. (Динерштейн Е.А., Рейтлат А.И. А.С. Суворин // РП. Т. 6. С. 111.)

Арсеньев Илья Александрович — *Петр Филипович Берсеньев*. Колосов М. Современное редакторство // Колосов М. Очерки с натуры. СПб., 1867. С. 27–37.

Арсеньев Илья Александрович — *Илья Арсеньевич Почтамский*. Колосов М. Стрижи // Колосов М. Очерки с натуры. СПб., 1867. С. 171–254.

Арсеньев Константин Константинович — *Семен Петрович Нескладин*. Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге // Отечественные записки. 1872. № 1–6, 8, 10–12. (Ланской Л.Р. Комментарии // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1970. Т. 10. С. 760.)

Аскоченский Виктор Ипатьевич — *Вонифатий Игнатъевич Прескоченский*. Спиридонов Иван [Буренин В.П.]. Бес в столице: (литературные фантазии). М., 1872. (Рейтлат А.И. Книга «Бес в столице» и ее автор: (Неизвестный роман-памфлет В. Буренина) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 208–216.)

Ауслендер Сергей Абрамович — *Лаврик Пекарский*. Кузмин М.А. Плавающие—путешествующие: роман. Пг., 1915. (Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. VI. № 3. С. 213–305.)

Ахматова Анна Андреевна — *Анна Полянская*. Чулков Г.И. Слепые: повесть // Вестник Европы. 1910. № 11. (Марченко А. Ахматова: жизнь. М., 2009. С. 318.)

Ахматова Анна Андреевна — *Маргарита Николаевна Чарова*. Чулков Г.И. Маргарита Чарова: повесть // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к «Ниве». 1912. № 4, 5. (Михайлова М.В. Г.И. Чулков // РП. Т. 7 (в печати).)

Ахматова Анна Андреевна — *Зоя Лиlienфельд*. Кузмин М.А. Плавающие—путешествующие: роман. Пг., 1915. (Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. VI. № 3. С. 213–305.)

Ашешов Николай Петрович — *Петр Николаевич Антонов*. Гарин-Михайловский Н.Г. В сутолоке провинциальной жизни: очерки // Мир божий. 1900. № 2–4, 9, 11, 12. (Юдина И.М. Примечания // Гарин-Михайловский Н.Г. Собр. соч. М., 1958. Т. 4. С. 703.)

Бажин Николай Федотович — *Бичин*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Бакунин Михаил Александрович — *Николай Всеволодович Ставрогин*. Достоевский Ф.М. Бесы: роман // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9–11; 1872. № 11, 12. (*Гроссман Л.П.* Бакунин и Достоевский // Печать и революция. 1923. Кн. 4. С. 82–112.)

Бальмонт Константин Дмитриевич — *Гиацинт*. Лохвицкая М.А. На пути к Востоку: драматическая поэма // Лохвицкая М.А. Стихотворения. СПб., 1900. Т. 3. (*Александрова Т.Л.* Истаять обреченная в полете. СПб., 2007. С. 105–108, 160.)

Батюшков Федор Дмитриевич — *Петр Константинович Гурин*. Ходотов Н.Н. «Госпожа» пошлость: пьеса в 4 д. СПб., 1909. (*Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1966. С. 293–294.)

Башкин Василий Васильевич — *Марусин*. Арцыбашев М.П. Миллионы: повесть // Сборник художественной литературы «Жизнь». СПб., 1908. Т. 1. (*Грачева А.М.* Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века. СПб., 2011. С. 180.)

Бегичев Владимир Петрович — *Владимир Петрович Ашанин*. Маркевич Б.М. Четверть века назад: правдивая история [роман] // Русский вестник. 1878. № 4, 6–8, 10–12. ([Некролог В.П. Бегичеву] // Исторический вестник. 1892. № 1. С. 291.)

Белинский Виссарион Григорьевич — *Светлинский*. Воскресенский М.И. Черкес: роман. М., 1839. Ч. 1–4.

Белинский Виссарион Григорьевич — *Кутейкин*. Навроцкий С.Н. Новый недоросль: комедия в 2 д. // Маяк. 1840. Ч. 6. (*Зайцева И.А.* С.Н. Навроцкий // РП. Т. 4. С. 201.)

Белинский Виссарион Григорьевич — *Алексей Александрович Крапивин*. Каратыгин П.А. Авошь, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1. (*Чистова И.С.* Водевиль 1830–1840-х годов // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 416.)

Белинский Виссарион Григорьевич — *Линский*. [Соловьев Ф.Н.]. Неизвестная: роман: В 2 ч. М., 1842. (*Рейтблат А.И.*, при участии *М.К. Евсеевой*. Ф.Н. Соловьев // РП. Т. 5. С. 759.)

Белинский Виссарион Григорьевич — *журналист Медведка*. Бурачок С.А. Герой нашего времени // Маяк. 1845. Ч. 19. (*Сартаков Е.В.* Второй «Герой нашего времени» // Известия вузов. Уральский регион. 2014. № 4. С. 93–94.)

Белинский Виссарион Григорьевич — *Иван Вихляев* (выдающий себя за Виссариона Кесаревича Недостойна). [Каратыгин П.]. Натуральная школа: шутка-водевиль в одном действии. СПб., 1847. ([Достоевский Ф.М.] Ответ «Русскому вестнику» // Время. 1861. № 5. Отд. V. С. 22; *Рейсер С.А.* Примечания // Добролюбов Н.А. Собр. соч. Л., 1961. Т. 8. С. 657.)

Белинский Виссарион Григорьевич — *Яков Иванович Пасынков*. Тургенев И.С. Яков Пасынков: [рассказ] // Отечественные записки. 1855. № 4. (*Кийко Е.И.* Примечания // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 537.)

Белинский Виссарион Григорьевич — *Василий Григорьевич Бубнов*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // Эпоха. 1864. № 5–7. (*Козлов А.Е.* «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 231.)

Белинский Виссарион Григорьевич — *Григорий Аполлонович*. Андреев Л.Н. Милые призраки: драма в 4 д. // Литературно-художественные альманахи

издательства «Шиповник». Пг., 1917. Кн. 26. (*Чирва Ю., Чуваков В.* Комментарии // Андреев Л.Н. Собр. соч. М., Художественная литература, 1996. Т. 6. С. 635.)

Белов Евгений Александрович — *Евгений Александрович Чернов*. Мордовцев Е.Л. Профессор Ратмиров: роман // Книжки Недели. 1889. № 1, 2. (*Бобров Е.* Материалы для биографии Е.А. Белова // Сборник учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1907. Т. 12. С. 69.)

Белый Андрей (наст. имя и фамилия Борис Николаевич Бугаев) — *граф Генрих*. Брюсов А.Я. Огненный ангел: повесть // Весы. 1907. № 1 ... 1908. № 8. (*Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 530–589.)

Бенедиктов Владимир Григорьевич — *Кудрин*. Кроль Н.И. Комедия из современной жизни: [пьеса]. СПб., 1849. (*Ямпольский И.Г.* Лермонтов и Бенедиктов в пьесе Н.И. Кроля // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 335–336.)

Бестужев Александр Александрович — *Безграмотный*. И. [Измайлов А.Е.] Сатирические ведомости // Благонамеренный. 1824. № 1. (*Рейтлат А.И.* Комментарии // Булгарин Ф.В. Воспоминания. Мемуарные очерки. М., 2021. Т. 2. С. 444.)

Бестужев Александр Александрович — *дворяшка Завирашка*. Измайлов А.Е. Слон и собаки: [басня] // Литературная газета. 1831. № 23. 21 апр. (*Ермакова-Битнер Г.В.* Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 694.)

Бестужев Николай Александрович — *Сергей Ветлин*. Греч Н.И. Черная женщина: роман. СПб., 1834. Ч. 1–4. (*Иванов-Разумник, Пинес Д.М.* Комментарии // Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 788.)

Бичурин Никита Яковлевич (Иакинф) — *Агафон Терентьевич Чувашин*. (*Родионов В.* О прототипе одного героя водевиля «Натуральная школа»: (к 210-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина) // Дружба: литературно-художественный альманах. 1987. № 2 (53). С. 236–241.)

Благовещенский Николай Александрович — *Благоспешенский*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Благосветлов Григорий Евлампиевич — *Лука Благоприобретов*. Крестовский В.В. Панургово стадо: [роман] // Русский вестник. 1869. № 2–12. (*Сорокин Ю.* К историко-литературной характеристике антинигилистического романа // Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ]. 1947. Вып. 3. С. 85.)

Благосветлов Григорий Евлампиевич — *Светлоблагов*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Блок Александр Александрович — *Александр Александрович Герт*. Чулков Г.И. Парадиз: рассказ // Образование. 1908. № 7. (*Котрелев Н.В., Лавров А.В., Лоцинская Н.В., Тименчик Р.Д.* [Комментарии к публикации «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»] // Литературное наследство. М., 1982. Т. 93, кн. 3. С. 333.)

Блок Александр Александрович — *граф Беиметьев*. Чулков Г.И. Слепые: повесть // Вестник Европы. 1910. № 11. (*Михайлова М.* Пристрастный летописец эпохи // Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С. 13, 17.)

Блок Александр Александрович — *поэт с красивым деревянным лицом*. Гиппиус З.Н. Чертова кукла: [роман] // Русская мысль. 1911. № 1–3. (*Королева Н.В.* Примечания // Гиппиус З.Н. Опыт свободы. М., 1996. С. 516.)

Блок Александр Александрович — *Бликов*. Городецкий С.М. Адам: [повесть] // Жатва. М., 1915. № 6/7. (*Лекманов О.* [Рец. на кн.: Philologia. Рига, 1997. Вып. 2] // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 385.)

Боборыкин Петр Дмитриевич — *Поль Скоробрыкин*. 666 [Буренин В.П.] Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12.

Боборыкин Петр Дмитриевич — *Антрекотов*. Буренин В.П. Роман в Кисловодске: повесть // Буренин В.П. Мертвая нога; Роман в Кисловодске. СПб., 1886. (*Михайловский Н.К.* О г. Буренине // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 6. С. 425.)

Боборыкин Петр Дмитриевич — *Иван Васильич Лопаревский*. Ясинский И.И. Лицемеры: роман // Наблюдатель. 1893. № 1–4. СПб., 1894. (*Ньмм Е.* Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003. С. 89.)

Богданова-Бельская Паллада Олимповна — *Полина Аркадьевна Добролюбова-Черникова*. Кузмин М.А. Плавающие—путешествующие: роман. Пг., 1915. (*Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. VI. № 3. С. 213–305.)

Богданович Ангел Иванович — *Андрей Иванович*. Короленко В.Г. За иконой: (этнографические наброски с натуры) // Северный вестник. 1887. № 9; Он же. Птицы небесные: рассказ // Русские ведомости. 1889. № 224, 229, 233, 236. (*Богданович Т.А.* В.Г. Короленко в Нижнем // В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 101.)

Бодянский Осип Максимович — *Матвей Матвеевич Бобов*. Мещерский В.П. Один из наших Бисмарков: фантастический роман. СПб., 1874; Он же. Граф Обезьянинов на новом месте: фантастический этюд в 5 ч. СПб., 1879.

Боткин Василий Петрович — *Александр Иванович Шепетильников*. Григорович Д.В. Школа гостеприимства: повесть // Библиотека для чтения. 1855. № 9. (*Алдонина Н.Б.* Повесть Д.В. Григоровича «Школа гостеприимства» в контексте литературной борьбы 50-х годов XIX века // Русская критика XIX века: проблемы ее теории и истории. Самара, 1993. С. 73–74.)

Брант Леопольд Васильевич — *Кинаревич*. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (В книжном издании — «Литературная тля»). (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 101–103.)

Брешко-Брешковский Николай Николаевич — *Плешко-Плешковский*. [Мейснер А.Ф.] Один из Лопуховых. Отрывки из анонимной рукописи, найденной Егором Забиякиным // Север. 1910. № 1–38.

Брюсов Валерий Яковлевич — *Андрей Кириллович Тобольцев*. Вербицкая А. Дух времени: роман: В 2 т. М., 1907. (*Грачева А.М.* Символизм в эпоху революции 1905 года в зеркале романа А. Вербицкой «Дух времени» // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1988. Вып. 813. С. 138–146.)

Брюсов Валерий Яковлевич — *Ксенофонт Андреевич Полуярков*. Ауслендер С.А. Последний спутник: роман. М., 1913. (*Грачева А.М.* Вступ. статья; комментарии // Ауслендер С.А. Петербургские апокрифы. СПб., 2005. С. 28, 668, 670.)

Брюсов Валерий Яковлевич — *Джулио*. Ходасевич В.Ф. Заговорщики: рассказ // Аргус. 1915. № 10. (Зельченко В. Ключ к «Заговорщикам» // Новый журнал (СПб.). 1996. № 2. С. 101–106.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *польский пес Брылан*. Ф.А. [Полевой Н.А.?] Медвежья травля: [очерк] // Московский телеграф. 1825. № 21. (*Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 287.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Эмилия Венедиктовна Критиковская*. Бестужев-Рюмин М.А. Сплетница: [памфлет] // Северный Меркурий. 1830. № 49, 50. 23, 25 апр. (*Алешикевич А.А.* М.А. Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 141.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Сарказмов*. Каратыгин П.А. Знакомые незнакомцы: комедия-водевиль в 1 д. СПб., 1830. (*Ф.* [Булгарин Ф.В.] Петербургские новости // Северная пчела. 1830. № 116. 27 сент.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *пес Брылан*. Измайлов А.Е. Слон и собаки: [басня] // Литературная газета. 1831. № 23. 21 апр. (*Ермакова-Битнер Г.В.* Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 693–694.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Фаддей Фадеевич Щупалец*. Орлов А.А. Марфа Ивановна Выжимкина: нравственно-сатирический роман. М., 1831. (*Березкина С.В.* А.А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830–1833 гг. // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л., 1987. Вып. 21. С. 183.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Патриотов*. Полевой Н.А. (8?). Беседа у молодого литератора // Московский телеграф. 1831. № 21. (*Березина В.Г.* Критика Н.А. Полевого в «Московском телеграфе» (жанр, композиция, стиль) // Русская литература. 1996. № 3. С. 35.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Любский Филофей Вицентьевич*. Сигов Д.И. Граф Любский, или Любовь и кокетство: русский нравоописательный роман: В 2 ч. М., 1832. (*Рейтлат А.И.* Д.И. Сигов // РП. Т. 5. С. 605.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Репетилов*. Грибоедов А.С. Горе от ума: Комедия в 4 д. М., 1833. (*Черный И.В.* Прототип Репетилова? // Литературная учеба. 1984. № 5. С. 221–222.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Ф.* Лебедев К.Н. О Царе Горохе: когда царствовал государь Царь Горох, где он царствовал, и как Царь Горох перешел в преданиях народов до отдаленного потомства. М., 1834. (Подарок ученым на MDCCCXXX год. О царе Горохе / Сообщил Д.Ф. Кобеко // Русская старина. 1878. № 6. С. 352.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Пху-Лалин*. Сенковский О.И. Фансу, плутовка-горничная: китайская комедия // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35. Ч. 2. Август. (*Каверин В.А.* Барон Брамбеус: история Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 133–136.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *несносный человек*. Кукольник Н.В. Корделия: повесть в четырех городах // Сын Отечества. 1840. Т. 5.

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Петр Иванович Загвоздкин*. Л.Л. [Межевич В.С.], Григорьев П.И. Друзья-журналисты, или Нельзя без шарлатанства: водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1840. № 11. (*Балакина А.Ю.* «Литературный» водевиль 1830–1840-х годов: водевиль как средство журнальной и литературной полемики // Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 55–71.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Иван Семенович Зажигин*. Каратыгин П.А. Авось, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1. (*Балакин А.Ю.* «Литературный» водевиль 1830–1840-х годов: водевиль как средство журнальной и литературной полемики // Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 55–71.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *редактор газеты Ф.Ф. Панаев И.И.* Русский фельетонист // Отечественные записки. 1841. № 3. (В книжном издании — «Петербургский фельетонист».) (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 96.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Плутницкий*. Дершау Ф.К. Русский стихотворец: повесть // Дершау Ф.К. Записки покойного Колечкина. Або, 1843. (*Рейтблат А.И.* Примечания // Видок Фиглярин: Письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтבלата. М., 1998. С. 526.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Шиндер*. Дершау Ф.К. Несколько слов о покойном друге моем Шиндере, журналисте немецкого города Н: [рассказ] // Дершау Ф.К. Записки покойного Колечкина. Або, 1843. (*Рейтблат А.И.* Примечания // Видок Фиглярин: Письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтבלата. М., 1998. С. 526.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Антон Фетюков*. Панаев И.И. Тля: повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 103–104.)

Булгарин Фаддей Венедиктович — *Никандр Петрович Кобылятников*. Федоров С.Н. Воспитатели: драматическая картина // Современник. 1858. № 9. [Письмо в III отделение] // ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 98.

Буренин Виктор Петрович — *Родион Романович Раскольников*. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман // Русский вестник. 1866. № 1, 2, 4, 6–8, 11, 12. (*Баршт К.А.* Философское эссе В.П. Буренина и статья Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 112–123.)

Буренин Виктор Петрович — *Дуренин*. Соколов А.А. Театральные болота: хроника-роман. СПб., 1869. Ч. 1. (*Рейтблат А.И.* Роман А.А. Соколова «Театральные болота» как мемуарный источник // Театральная мемуаристика. М., 2015. С. 92.)

Буренин Виктор Петрович — *Петр Петрович Аристов*. Смирнова-Сазонова С.И. У пристани: роман // Отечественные записки. 1879. № 10–12. (*Макарова О. А.С.* Суворин в дневниках С.И. Смирновой-Сазоновой // Новое литературное обозрение. 2014. № 130. С. 119.)

Буренин Виктор Петрович — *Бахвалин*. Годлевский С.Ф. Литературная оргия. СПб., 1880.

Буренин Виктор Петрович — *Матрешкин*. Потапенко И.Н. Не герой: роман // Северный вестник. 1891. № 9–12.

Буренин Виктор Петрович — *Виктор Дуренин*. Застрельщик. Утро в редакции «Чего изволите»: [сатирическая сценка] // Народ. 1899. № 792.

Бурнашев Владимир Петрович — *Волчков*. Каратыгин П.А. Авось, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1.

Бухарев Александр Матвеевич — *Алексей Федорович Карамазов*. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман // Русский вестник. 1879. № 1–2, 4–6, 8–11; 1880. № 1, 4, 7–11. (*Новикова Е.Г., Серебrenников Н.В.* А.М. Бухарев как возможный прототип Алеши Карамазова // Достоевский и современность. Старая Русса, 1996. С. 96.)

Валуев Дмитрий Александрович — *Лев Николаевич Мышкин*. Достоевский Ф.М. Идиот: роман // Русский вестник. 1868. № 1–2, 4–12 (окончание было разослано подписчикам в виде приложения). (*Батталова А.Н.* Д.А. Валуев как прототип князя Мышкина // Казанская наука. 2013. № 2. С. 113–115.)

Валуев Петр Александрович — *Петр Андреевич Гринев*. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Современник. 1836. № 4. (*Оксман Ю.Г.* От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959. С. 32, 107–108.)

Валуев Петр Александрович — *граф Иван Обезьянинов*. Мещерский В.П. Один из наших Бисмарков: фантастический роман. СПб., 1874; Он же. Граф Обезьянинов на новом месте: фантастический этюд в 5 ч. СПб., 1879. (*Викторович В.А.* В.П. Мещерский // РП. Т. 4. С. 45.)

Валуев Петр Александрович — *Лев Иванович Бебиков*. Гончаров И.А. Литературный вечер // Русская речь. 1880. № 1. (*Денисенко С.В.* О прототипах и персонажах «Литературного вечера» И.А. Гончарова // Русская литература. 2012. № 2. С. 90–97.)

Валуев Петр Александрович — *Валдаев*. Мещерский В.П. Дневник Ольги Николаевны. СПб., 1885. (*Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 210.)

Введенский Арсений Иванович — *Иринарх Плутархов*. Белинский М. [Ясинский И.И.] Иринарх Плутархов: роман // Наблюдатель. 1886. № 3–7. (*Ньлмм Е.* Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003. С. 46.)

Введенский Иринарх Иванович — *Иринарх Иванович Божоявленский*. Фет А.А. Семейство Гольц: рассказ // Русский вестник. 1870. № 9. (*Макеев М.С.* Афанасий Фет. М., 2020. С. 308–309.)

Венгеров Семен Афанасьевич — *Мадьяров*. Городецкий С.М. Адам: [повесть] // Жатва. М., 1915. № 6/7.

Венгерова Зинаида Афанасьевна — *Юлия Николаевна Бонч*. Гиппиус З.Н. Златоцвет: петербургская новелла: [повесть] // Северный вестник. 1896. № 2–4. (*Иванова Е.В.* «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. М., 1982. С. 122.)

Вильде Николай Евстафьевич — *Гильде*. Соколов А.А. Театральные болота: хроника-роман. СПб., 1869. Ч. 1. (*Рейтлат А.И.* Роман А.А. Соколова «Театральные болота» как мемуарный источник // Театральная мемуаристика. М., 2015. С. 93.)

Веселитская Лидия Ивановна — *Ольга Семеновна Племянникова*. Чехов А.П. Душечка: [рассказ] // Семья. 1899. № 1. (*Мелкова А.С.* Кто был прав?: Толстой или Чехов? // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. М., 2005. С. 413–425.)

Воейков Александр Федорович — *муж госпожи Сантимаан*. Булгарин Ф.В. Философский камень, или Где счастье?: (Сказка) // Северный архив. 1825. № 4–8. (Дневниковая запись В.А. Жуковского о пасквиле Ф.В. Булгарина на семейство Воейковых (1825) / Вступ. статья С.В. Березкиной, подгот. текста и коммент. С.В. Березкиной и О.Б. Лебедевой // Русская литература. 2019. № 1. С. 37.)

Воейков Александр Федорович — *Вампиров*. Булгарин Ф.В., Полевой Н.А. Счастье лучше богатства: [роман] // Библиотека для чтения. 1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80–82.

Волокитин Николай Иванович — *Исай Селифаныч Землеройка*. Исквечамол [Ломачевский А.И.] Петербургская литературня: (подпольные очерки) // Петербургский листок. 1868. № 12. 25 янв.

Волокитин Николай Иванович — *Ветошкин*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Волокитин Николай Иванович — *Молодин*. Мамин-Сибиряк Д.Н. Черты из жизни Пепко: роман // Русское богатство. 1894. № 1–10. (*Рейтблат А.И.* Волокитин Николай Иванович // РП. Т. 1. С. 474.)

Волошин Максимилиан Александрович — *Борис Николаевич Плахов*. Косоротов А.И. Весенний поток: драматический этюд в 4 д. М., 1905. (*Купченко В.П.* М. Горький и М. Волошин // Русская литература. 1976. № 2. С. 144.)

Волынский Аким Львович — *Бердичевский*. Ясинский И.И. Карьера: рассказ // Наблюдатель. 1892. № 10. (*Буренин В.П.* Портрет израилева сына // Новое время. 1892. № 5975. 16 окт.)

Волынский Аким Львович — *Владимир Иванович Новоскольцев*. Ясинский И.И. Горный ручей: роман. СПб., 1895. (*Толстая Е.* Мерцанье и бурление: Чехов и декаденты в изображении И. Ясинского // Чеховский сборник. М., 1999. С. 42–44.)

Волынский Аким Львович — *Кириллов*. Гиппиус З.Н. Златоцвет: петербургская новелла [повесть] // Северный вестник. 1896. № 2–4. (*Иванова Е.В.* «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. М., 1982. С. 122.)

Вяземский Петр Андреевич — *Лезвинский*. Головин В.И. Писатели между собой: комедия в 5 д. М., 1827. (*Проскурина В.Ю.* В.И. Головин // РП. Т. 1. С. 612.)

Вяземский Петр Андреевич — *Л. Лебедев К.Н.* О Царе Горохе: когда царствовал государь Царь Горох, где он царствовал, и как Царь Горох перешел в преданиях народов до отдаленного потомства. М., 1834. (Подарок ученым на MDCCCXXX год. О царе Горохе / Сообщил Д.Ф. Кобеко // Русская старина. 1878. № 6. С. 352.)

Гейнце Николай Эдуардович — *Эдуард Вольфович Гельман*. Окрейц С.С. Мыканье: роман // Романы оригинальные и переводные: бесплатное приложение к газете «Луч». 1892. № 12.

Герцен Александр Иванович — *Андрей Петрович Версилов*. Достоевский Ф.М. Подросток: роман // Отечественные записки. 1885. № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12. (*Долинин А.* Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963. С. 104–113.)

Герцен Александр Иванович — *Николай Всеволодович Ставрогин*. Достоевский Ф.М. Бесы: роман // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11. 1872. № 11, 12. (*Кантор В.К.* Герцен как прототип Ставрогина // Человек. 2014. № 3. С. 148–159.)

Гиляровский Владимир Алексеевич — *Золотарский*. Немирович-Данченко Влад.И. На литературных хлебах: роман // Новости дня. 1890. № 2383–2504.

Гиляровский Владимир Алексеевич — *Платоновский*. Апраксин А.Д. Тернистый путь: роман: В 2 ч. СПб., 1903.

Гиппиус Зинаида Николаевна — *Рима Николаевна Брындзовская*. Ясинский И.И. Горный ручей: роман. СПб., 1895. (Толстая Е. Мерцанье и бурление: Чехов и декаденты в изображении И. Ясинского // Чеховский сборник. М., 1999. С. 48–49.)

Гиппиус Зинаида Николаевна — *юноша*. Вольтинский А.Л. В поисках за Леонардо да Винчи // Северный вестник. 1897. № 9–12. (Строганов М.В. Из истории «Северного вестника»: комментарий к комментарию // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 261–277.)

Гиппиус Зинаида Николаевна — *Валентина Ниловна Чибисова*. Червинский Ф.А. Сильфида // Живописное обозрение. 1899. № 42–44. (Сапожков С.В., при участии Гучкова С.М. Ф.А. Червинский // РП. Т. 6. С. 614.)

Гиппиус Зинаида Николаевна — *Альма (Александра Васильевна Лунина)*. Минский Н. Альма: трагедия из современной жизни в 3 д. СПб., 1900. (Сапожков С. Поэзия и судьба Николая Минского // Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы. СПб., 2005. С. 61–62.)

Гиппиус Зинаида Николаевна — *Ольга Павловна фон Шлиттенбах*. Ясинский И.И. Прекрасные уроды: роман // Русский вестник. 1900. № 1–6. (Пильд Л. Иероним Ясинский и русские декаденты: (О прототипах в романе «Прекрасные уроды») // В.Я. Брюсов и русский модернизм. М., 2004. С. 146–157.)

Гиппиус Зинаида Николаевна — *Зоя Николаевна Горбунова*. Кузмин М.А. Высокое искусство: рассказ // Грех. М., 1911. (Морев Г.А. Полемический контекст рассказа М.А. Кузмина «Высокое искусство» // А. Блок и русский символизм: проблемы текста и жанра. Тарту, 1990. С. 92–100.)

Гиппиус Зинаида Николаевна — *Пирожковская*. Сологуб Ф. Творимая легенда: роман // Сологуб Ф. Собр. соч. СПб., 1913–1914. Т. 18–20. (Голлербах Э.Ф. Алексей Н. Толстой. Л., 1927. С. 35.)

Говоруха-Отрок Юрий Николаевич — *Алексей Алексеевич Оладушкин*. Михайловский Н.К. Из романа «Карьера Оладушкина» // Сборник в пользу недостаточных студентов Университета Св. Владимира. СПб., 1895. С. 187–210; Он же. Из романа «Карьера Оладушкина» // Сборник журнала «Русское богатство». СПб., 1899. С. 1–99. (Иванова Евг. Ю.Н. Говоруха-Отрок: судьба и идеи // Говоруха-Отрок Ю.Н. Во что веровали русские писатели? СПб., 2012. Т. 1. С. 38.)

Гоголь Николай Васильевич — *Фома Фомич Опискин*. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели: Из записок неизвестного: повесть // Отечественные записки. 1859. № 11, 12. (Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Пг., 1921. С. 28–48.)

Гольцев Виктор Александрович — *Николай Сергеевич Заречный*. Станюкович К.М. Жрецы: роман // Русское богатство. 1897. № 5–7, 9–12. (Письмо В.Г. Короленко к Е.С. Короленко от 10 сентября. 1897 // Литературное наследство. М., 2022. Т. 107, ч. 1. С. 511.)

Горбунов Иван Федорович — *Федор Иванович Прямыков*. Соколов А.А. Театральные болота: хроника-роман. СПб., 1869. Ч. 1. (Рейтлат А.И. Роман А.А. Соколова «Театральные болота» как мемуарный источник // Театральная мемуаристика. М., 2015. С. 92.)

Горский Петр Никитич — *Игнат Тимофеевич Лебядкин*. Достоевский Ф.М. Бесы: роман // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9–11; 1872. № 11, 12. (Долинин А.С. Примечания // Достоевский Ф.М. Письма. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 422.)

Горький Максим — *Егор Тимофеевич Померанцев*. Андреев Л. Призраки: рассказ // Правда. 1904. № 11. (*Кен Л.Н., Рогов Л.Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 135–136.)

Горький Максим — *Николаев*. Арцыбашев М.П. Миллионы: повесть // Сборник художественной литературы «Жизнь». СПб., 1908. Т. 1. (*Грачева А.М.* Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века. СПб., 2011. С. 180.)

Горький Максим — *Андрей Викторович Берлога*. Амфитеатров А.В. Сумерки божков: роман: [в 2 т.]. СПб., 1908–1909. (*Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 1. С. 203.)

Горький Максим — *Шарик*. Сологуб Ф. Сергей Тургенев и Шарик: ненапечатанные эпизоды из романа «Мелкий бес» // Речь. 1912. № 102, 109, 116, 15, 22, 29 апр. (*Бялик Б.А.* Эстетические взгляды Горького. Л., 1939. С. 60.)

Горький Максим — *Николай Васильевич Заречный*. Скиталец С.Г. Метеор: [рассказ] // Русское богатство. 1913. № 1–2. (*Селиванов К.Н.* Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1953. С. 98.)

Градовский Григорий Константинович — *Иринарх Плутархов*. Белинский М. [Ясинский И.И.] Иринарх Плутархов // Наблюдатель. 1886. № 3–7. (*Нымм Е.* Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003. С. 46.)

Гребенка Евгений Павлович — *Потылица*. Ковалевский П.М. Итоги жизни: повесть // Вестник Европы. 1883. № 1–3. (*Ямпольский И.Г.* Примечания // Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 380.)

Греч Алексей Николаевич — *Черк Алексей Никодимович*. Сигов Д.И. Граф Любский, или Любовь и кокетство: русский нравоописательный роман: В 2 ч. М., 1832.

Греч Николай Иванович — *Рецензин*. Федоров Б.М. Наказанная ханжа, или Урок каждому в очередь: оригинальная комедия в 2 д. в стихах. СПб., 1817. (*Сухомлинов М.И.* История Российской академии СПб., 1885. Вып. 7. С. 524.)

Греч Николай Иванович — *сухощавый немец*. Θ.А. [Полевой Н.А.?] Медвежья травля: [очерк] // Московский телеграф. 1825. № 21. (*Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 187.)

Греч Николай Иванович — *пудель Брех*. Измайлов А.Е. Слон и собаки: [басня] // Литературная газета. 1831. № 23. 21 апр. (*Ермакова-Битнер Г.В.* Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 694.)

Греч Николай Иванович — *Черк Никодим Ипполитович*. Сигов Д.И. Граф Любский, или Любовь и кокетство: русский нравоописательный роман: В 2 ч. М., 1832. (*Рейтблат А.И.* Д.И. Сигов // РП. Т. 5. С. 605.)

Греч Николай Иванович — *Мавра Ивановна Крупина*. Бестужев-Рюмин М.А. Сплетница: [памфлет] // Северный Меркурий. 1830. № 49, 50. 23, 25 апр. (*Алешкевич А.А.* М.А. Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 141.)

Греч Николай Иванович — *Иван Семенович Зажигин*. Каратыгин П.А. Авань, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1. (*Чистова И.С.* Водевиль 1830–1840-х годов // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 416.)

Греч Николай Иванович — редактор газеты Н.Н. Панаев И.И. Русский фельетонист // Отечественные записки. 1841. № 3. (Ямпольский И.Г. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 96.)

Греч Николай Иванович — Леонид Эрастович Милосердов. Федоров С.Н. Воспитатели: драматическая картина // Современник. 1858. № 9. ([Письмо в III отделение] // ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 98.)

Грибоедов Александр Сергеевич — Талантин. Булгарин Ф.В. Литературные призраки: [памфлет] // Литературные листки. 1824. № 16. (Грибоедов А.С. Письмо Ф.В. Булгарину от начала октября 1824 г. // Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. / Под ред. И.А. Шляпкина. СПб., 1889. Т. 1. С. 192.)

Грибоедов Александр Сергеевич — Александр Сергеевич Световидов. Булгарин Ф.В. Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни: [роман]. СПб., 1835. 2 т. (Вацуро В.Э. Грибоедов в романе В.С. Миклашевича «Село Михайловское» // А.С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 252–253.)

Григорьев Аполлон Александрович — Федор Иванович Лаврецкий. Тургенев И.С. Дворянское гнездо: роман // Современник. 1859. № 1. (Саррина М.Я. К вопросу о прототипах героев «Дворянского гнезда» (в продолжение темы «Тургенев и Аполлон Григорьев») // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2016. Вып. 4. С. 431–450.)

Григорьев Аполлон Александрович — Васильев. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.] Не одного поля ягоды: повесть // Русский вестник. 1868. № 8. ([Генералова Н.П. Примечания к публикации писем С.В. Энгельгардт к А.А. Фету] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 48–49.)

Григорьев Прокофий Василикович — повествователь (кличка Читатель). Успенский Глеб Иванович. Очень маленький человек: (Страницы из одних записок) // Отечественные записки. 1874. № 2, 5. (Дикман М.И. Примечания // Успенский Г.И. Собр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 578.)

Грингмут Владимир Андреевич — Войцех Войцехович Трепачек. Трубецкой С.Н. Правдивая история «Здорового слова»: [памфлет] // Трубецкой С.Н. Собр. соч. М., 1907. Т. 1. (Иванникова В.В. Из истории литературных «окраин» русского консерватизма. Саратов, 2001. С. 17–19.)

Гумилев Николай Степанович — Иван Иванович Гуцин. Гиппиус З.Н., Мережковский Д.С., Философов Д.В. Маков цвет: пьеса. СПб., 1908. (Суперфин Г.Г., Тименчик Р.Д. Письма А. Ахматовой к В.Я. Брюсову // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1974. Vol. 15, № 1/2. P. 190.)

Гурлянд Илья Яковлевич — Зильбергланд. Юрьев М. [Морозов М.А.] В потемках: роман. М., 1895.

Давыдов Иван Иванович — Г. Лебедев К.Н. О Царе Горохе: когда царствовал государь Царь Горох, где он царствовал, и как Царь Горох перешел в преданиях народов до отдаленного потомства. М., 1834. (Подарок ученым на MDCCCXXX год. О царе Горохе / Сообщил Д.Ф. Кобеко // Русская старина. 1878. № 6. С. 351.)

Данилевский Григорий Петрович — столичный литератор, автор романа «Белые в Сиракузии, или Патагонии». Дмитриев И.И. Провинциальная газета, ее редактор и сотрудники: [рассказ] // Современник. 1863. № 1/2.

Дельвиг Антон Антонович — Аделаида Антоновна Габенихтсина. Бестужев-Рюмин М.А. Сплетница: [памфлет] // Северный Меркурий. 1830. № 49, 50, 23, 25

апр. (*Алешкевич А.А.* М.А. Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 141.)

Дельвиг Антон Антонович — *барон Шнапс фон Габенихтс*. Коврижкин П., сочинитель тысячи и одного предисловия [Булгарин Ф.В.?]. Запоздалое предисловие к «Альдебарану» // *Сын Отечества* и Северный архив. 1830. № 16. (*Потапова Г.Е.* Примечания // Пушкин в прижизненной критике, 1828–1830. СПб., 2001. С. 520.)

Дельвиг Антон Антонович — *барон Шнапс фон Габенихтс*. Булгарин Ф.В. Предок и потомки // Булгарин Ф.В. Сочинения. СПб., 1830. Ч. 12. (*Китанина Т.А.* Примечания // Пушкин в прижизненной критике, 1828–1830. СПб., 2001. С. 521.)

Демерт Николай Александрович — *Любвеобильный*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // *Дело*. 1875. № 9, 10, 12.

Демерт Николай Александрович — *Григорий Петрович Крамской*. Стацевич А. [Тимофеева В.В.] Идеалистка: повесть // *Слово*. 1878. № 4, 5. (*Тюнькин К.* Комментарии // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 511.)

Дершау Федор Карлович — *Чухонский*. Булгарин Ф.В., Полевой Н.А. Счастье лучше богатства: [роман] // Библиотека для чтения. 1845. Т. 80. (*Немзер А.С.* Ф.К. Дершау // РП. Т. 2. С. 112.)

Дершау Федор Карлович — *барон-редактор*. Григорьев А.А. Человек будущего: Рассказ без начала и без конца, а в особенности без «морали» // Репертуар и Пантеон. 1845. № 6. (*Егоров Б.Ф., Основат А.Л.* Комментарии // Григорьев А. Сочинения. М., 1990. Т. 1. С. 581.)

Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович — *Опальский*. Боратынский Е.А. Перстень: [рассказ] // *Европеец*. 1832. № 2. (*Лотман Ю.М.* Повесть Баратынского о русском Дон-Кихоте // Классицизм и модернизм. Тарту, 1994. С. 15–21.)

Добролюбов Александр Михайлович — *Александр Елисеев*. Гиппиус З.Н. Победители: роман // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Живописное обозрение». 1898. № 1. (*Юрченко Т.Г.* Комментарии // Гиппиус З. Сочинения. М., 2001. С. 364–365.)

Добролюбов Александр Михайлович — *Писатель*. Сорокин А.С. Золото: стилизованная монодрама-примитив в 3 актах. Киев, 1911. (Надпись автора на подаренном З. Гиппиус экземпляре: «Местами проведен взгляд на жизнь Александра Добролюбова»). Книга хранится в отделе редких книг Российской государственной библиотеки искусств.)

Добролюбов Александр Михайлович — *странник Григорий Петрович*. Чулков Г.И. Сережа Нестроев: роман // *Русская мысль*. 1915. № 5–8. (*Кобринский А.А.* Александр Добролюбов в романе Георгия Чулкова «Сережа Нестроев» // *Озерная школа: труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе*. Поселок Поляны (Усукирко) Ленинградской области, 2009. С. 43–50.)

Добролюбов Николай Александрович — *Правдолюбов*. Достоевский Ф.М. Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах: [памфлет] // *Эпоха*. 1864. № 5. (*Никитина Н.С.* Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1980. Т. 20. С. 322.)

Добролюбов Николай Александрович — *Сергей Никанорович Иверский*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // *Эпоха*. 1864. № 5–7. (*Козлов А.Е.* «Очерк из летописей русской словесности»:

рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 231.)

Долгоруков Всеволод Алексеевич — *Аркадий Макарович Долгорукий*. Достоевский Ф.М. Подросток: роман // Отечественные записки. 1875. № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12. (*Борисова В.В.* «Бывший князь» Всеволод Долгоруков как прототип и читатель романа Достоевского «Подросток» // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. 2021. № 1. С. 149–167.)

Долгоруков Всеволод Алексеевич — *Евгений Алексеевич Невежин*. Томский Н. [Станюкович К.М.]. Не столь отдаленные места: роман // Сибирская газета. 1886. № 36–52; 1887. № 2–17; 1888. № 19–56.

Дорошевич Влас Михайлович — *Родошевич Влас Михайлович*. Риваль В. [Прохоров В.А.]. Певца кафе-шантана: повесть // Театр и жизнь. 1885. № 210. 11 нояб. ... 1886. № 34. 4 февр. (*Николаева М.А.* В.А. Прохоров // РП. Т. 5. С. 165.)

Дорошевич Влас Михайлович — *Власов*. Апраксин А.Д. Тернистый путь: роман: В 2 ч. СПб., 1903.

Дорошевич Влас Михайлович — *Андрей Викторович Берлога*. Амфитеатров А.В. Сумерки божков: роман: [в 2 т.]. СПб., 1908–1909. (*Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 1. С. 203.)

Дорошевич Влас Михайлович — *Сагайдный*. Амфитеатров А.В. Десятилетки: роман: В 2 т. СПб., 1910–1911. (*Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 1. С. 300.)

Достоевский Федор Михайлович — *Александр Иванович Херувимский*. Ясинский И.И. Исповедь: [рассказ] // Новое время. 1888. № 4415. 15 июня. (*Федоренко Б.В.* Из разысканий о Достоевском: Из творческой истории романа «Бесы» // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 259–263.)

Дружинин Александр Васильевич — *Аркадий Иванович Бодасов*. Григорович Д.В. Школа гостеприимства: повесть // Библиотека для чтения. 1855. № 9. (*Алдоница Н.Б.* Повесть Д.В. Григоровича «Школа гостеприимства» в контексте литературной борьбы 50-х годов XIX века // Русская критика XIX века: проблемы ее теории и истории. Самара, 1993. С. 73–74.)

Дружинин Александр Васильевич — *Федор Семенович Розанов* или *Родион Михайлович Святухин*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // Эпоха. 1864. № 5–7. (*Козлов А.Е.* «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 231.)

Дуров Сергей Федорович — *Степан Трофимович Верховенский*. Достоевский Ф.М. Бесы: роман // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9–12; 1872. № 11, 12. (*Туниманов В.А.* Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. М., 1975. Т. 12. С. 218.)

Дуров Сергей Федорович — *Даров*. Пальм А.И. Мирные времена: роман // Дело. 1882. № 8–12. (*Тхоржевский С.С.* С.Ф. Дуров // РП. Т. 2. С. 196.)

Евстигнеев Михаил Евдокимович — *Гейним*. Чехов А.П. Писатель: сценка // Петербургская газета. 1885. № 310. 11 нояб. (*Рейтлат А.И.* М.Е. Евстигнеев // РП. Т. 2. С. 216.)

Елисеев Григорий Захарович — *Лицмеров*. Z. [Буренин В.П.]. Ради скуки // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 331. 1 дек. (*Денисюк Н.* [Примечания] //

Критическая литература о произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1905. Вып. 2. С. 228.)

Елисеев Григорий Захарович — *Лукавый генерал*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12.

Ершов Петр Павлович — *Платон Павлович Е.* Ярославцов А.К. Любовь музыканта: роман: в 3 ч. СПб., 1842. (*Ярославцов А.К.* Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок» <...>. СПб., 1872. С. 105.)

Животов Николай Николаевич — *Колоколов*. Окрейц С.С. Мыканье: роман // Романы оригинальные и переводные. Бесплатное приложение к газете «Луч». 1982. № 12.

Жуковский Василий Андреевич — *брат госпожи Сантиман*. Булгарин Ф.В. Философский камень, или Где счастье?: сказка // Северный архив. 1825. № 4–8. (Дневниковая запись В.А. Жуковского о пасквиле Ф.В. Булгарина на семейство Воейковых (1825) / Вступ. статья С.В. Березкиной, подгот. текста и коммент. С.В. Березкиной и О.Б. Лебедевой // Русская литература. 2019. № 1. С. 37.)

Жулёв Гавриил Николаевич — *Жилин*. Чернышев И.Е. Уголки театрального мира: очерк нравов // Отечественные записки. 1862. № 9–11. ([Письмо И.Е. Чернышева к Г.Н. Жулёву от 29 сентября 1861 г.]//Записки Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки. СПб., 2006. Вып. 6/7. С. 16.)

Заблоцкий-Десятковский Андрей Парфеньевич — *Петр Иванович Адуев*. Гончаров И.А. Обыкновенная история: роман // Современник. 1847. № 3, 4. (*Старчевский А.В.* Один из забытых журналистов // Исторический вестник. 1886. № 2. С. 378.)

Зайцев Варфоломей Александрович — *Анцифров*. Крестовский В.В. Панургово стадо: роман // Русский вестник. 1869. № 2–12. (*Сорокин Ю.* К историко-литературной характеристике антинигилистического романа // Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ]. 1947. Вып. 3. С. 85.)

Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна — *Людмила Савинова*. Чулков Г.И. Полунощный свет: [повесть] // Чулков Г.И. Рассказы. Книга вторая. СПб., 1910. (*Михайлова М.В.* Комментарии // Чулков Г.И. Годы странствий. М., 1999. С. 787.)

Зотов Владимир Рафаилович — *гном с мочалкой на голове*. Апполиний** [Панаев И.И.] Литературные гномы и знаменитая артистка (Фантастическая сцена из подземной литературы) // Современник. 1854. № 3. (*Добролюбов Н.А.* Собр. соч. М.; Л., 1964. Т. 8. С. 472.)

Иванов Вячеслав Иванович — *Петр Иванович Биров*. Башкин В.В. Красные маки // Башкин В.В. Рассказы. СПб., 1910. Т. 2. (*Яковлева Н.А.* Богема и ее герои в русской литературе // Varietas et Concordia: Essays in honour of professor Pekka Pesonen. On the occasion of his 60-th birthday. Helsinki, 2007. С. 549–550.)

Иванов Вячеслав Иванович — *Сергей Савинов*. Чулков Г.И. Полунощный свет: [повесть] // Чулков Г.И. Рассказы. Книга вторая. СПб., 1910. (Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской // Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 253.)

Иванов Вячеслав Иванович — *Вячеславов*. Гиппиус З.Н. Чертова кукла: [роман] // Русская мысль. 1911. № 1–3. (*Королева Н.В.* Примечания // Гиппиус З.Н. Опыт свободы. М., 1996. С. 516.)

Иванов Вячеслав Иванович — *Кирилл Гаврилович Яшевский*. Дымов О. Томление духа: роман // Литературно-художественные альманахи издательства

«Шиповник». СПб., 1912. Кн. 17 (отдельное издание: Бегущие креста. Берлин, [1911]). (*Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 222–223.)

Иванов Вячеслав Иванович — *Александр Николаевич Ивяков*. Ауслендер С.А. Последний спутник: роман. М., 1913. (*Грачева А.М.* Вступ. статья; комментарии // Ауслендер С.А. Петербургские апокрифы. СПб., 2005. С. 28, 671–672.)

Иванов Вячеслав Иванович — *Павел Ильич Прозоров*. Кузмин М.А. Покойница в доме: повесть // Русская мысль. 1913. № 7, 8. (*Богомолов Н.А., Шумихин С.В.* Комментарии // Кузмин М.А. Дневник 1908–1915. СПб., 2005. С. 733.)

Измайлов Владимир Васильевич — *Пронский*. Шаховской А.А. Новый Стерн: комедия в 1 д. СПб., 1807. (*Гозенпуд А.А.* А.А. Шаховской // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. М., 1961. С. 13.)

Ильин Николай Иванович — *Николай Иванович Пустяков*. Ростопчин Ф.В. Вести, или Убитый живой: комедия в 1 д. М., 1808. (*Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 96.)

Иоанн Кронштадтский (в миру Иоанн Ильич Сергиев) — *отец Ферапонт*. Короленко В.Г. Глушь // Волжский вестник. 1885. № 140, 142, 151, 157, 167, 179, 181. (*Морозова Т.Г.* На перепутье (повесть В.Г. Короленко «Глушь») // Русская литература. 1984. № 2. С. 172.)

Карабчевский Николай Платонович — *Опереткин*. Буренин В.П. Мертвая нога // Буренин В.П. Мертвая нога; Роман в Кисловодске. СПб., 1886.

Каратыгин Василий Андреевич — *Иван Петрович Арлекинадов*. Соколов А.А. Театральные болота: хроника-роман. СПб., 1869. Ч. 1. (*Рейтлат А.И.* Роман А.А. Соколова «Театральные болота» как мемуарный источник // Театральная мемуаристика. М., 2015. С. 93.)

Карлгоф Вильгельм Иванович — *Коленцов*. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 103.)

Каррик Александра Григорьевна (урожд. Маркелова) — *Лидия Алексеевна Рулева*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // Эпоха. 1864. № 5–7. (*Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха» 1864–1865. М., 1975. С. 137.)

Катков Михаил Никифорович — *Михайло Михайлович Лежнёв*. Тургенев И.С. Рудин: роман // Современник. 1856. № 1, 2. (*Санькова С.М.* М.Н. Катков как прототип одного из героев романа И.С. Тургенева «Рудин» // Седьмые Денисьевские чтения. Орел, 2011. С. 195–199.)

Катков Михаил Никифорович — *Николай Всеволодович Ставрогин*. Достоевский Ф.М. Бесы: роман // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11. 1872. № 11, 12. (*Никитин Т.Н.* М.Н. Катков как возможный прототип Ставрогина // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2016. С. 119–131.)

Катков Михаил Никифорович — *Никодим Крошечкин*. Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге // Отечественные записки. 1872. № 1–6, 8, 10–12. (*Ланской Л.Р.* Комментарии // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1970. Т. 10. С. 758–759.)

Катков Михаил Никифорович — *Никита Матвеевич Атроций*. Спиридонов Иван [Буренин В.П.] Бес в столице. М., 1872. (*Рейтлат А.И.* Книга «Бес в столице»

и ее автор: (Неизвестный роман-памфлет В. Буренина) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 208–216.)

Катков Михаил Никифорович — *Сергей Сергеевич Долгов*. Мещерский В.П. Один из наших Бисмарков: фантастический роман. СПб., 1874; Он же. Граф Обезьянинов на новом месте: фантастический этюд в 5 ч. СПб., 1879.

Катков Михаил Никифорович — *Семен Степанович Раздеришин*. Годлевский С.Ф. Литературная оргия. СПб., 1880.

Катков Михаил Никифорович — *Трезор*. Салтыков-Щедрин М.Е. Верный Трезор: сказка // Книжки Недели. 1885. № 2. (*Бухштаб Б.Я.* Сказка Щедрина «Верный Трезор» // Вестник Ленинградского университета. 1951. № 3. С. 42–51.)

Каченовский Михаил Трофимович — *Педантов*. [Макаров М.Н.]. Обращенный Славянофил: комедия в 1-м д. Р-а-т-а // Журнал драматический. 1811. Кн. 4. (*Рогов К.Ю.* Портреты и карикатуры (О комедии «Обращенный Славянофил») // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 157–161.)

Киреевский Иван Васильевич — *Иван Васильевич*. Соллогуб В.А. Тарантас: путевые впечатления. СПб., 1845. (*Янковский Ю.З.* Из истории русской общественно-литературной мысли 40–50-х годов XIX столетия. Киев, 1972. С. 63.)

Ключевский Василий Осипович — *Аристарх Яковлевич Найденев*. Станюкович К.М. Жрецы: роман // Русское богатство. 1897. № 5–7, 9–12.

Клюшников Иван Петрович — *Василий Васильевич*. Тургенев И.С. Гамлет Щигровского уезда: [рассказ] // Современник. 1849. № 2. (*Бродский Н.Л.* Избранные труды. М., 1964. С. 216.)

Князев Всеволод Гаврилович — *Дмитрий Лаврентьев*. Кузмин М.А. Плавающие—путешествующие: роман. Пг., 1915. (*Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. VI. № 3. С. 213–305.)

Князев Всеволод Гаврилович — *Лаврик Пекарский*. Кузмин М.А. Плавающие—путешествующие: роман. Пг., 1915. (*Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. VI. № 3. С. 213–305.)

Ковалевская Софья Васильевна — *Аделаида Ивановна Епанчина*. Достоевский Ф.М. Идиот: роман // Русский вестник. 1868. № 1–2, 4–12 (окончание было разослано подписчикам в виде приложения). (*Назирова Р.Г.* Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2. С. 120–121.)

Коган Наум Львович — *Абрам Борисович Каценбоген*. Новиков А.И. Единственная повесть Каценбогена. Баку, 1903. (*Меламед Е.И.* «Пропавший» писатель // Советская библиография. 1988. № 4. С. 54–55.)

Козлов Алексей Александрович — *Петр Николаевич Бычков*. Лесков Н.С. Некуда: [роман] // Библиотека для чтения. 1864. № 1–5, 7, 8, 10–12. (*Ермичев А.А.* Об Алексее Александровиче Козлове—нигилисте, который раскаялся // Соловьевские исследования. Иваново, 2016. Вып. 3(51). С. 117.)

Козлов Алексей Александрович — *Ховрев*. Ясинский И.И. Обыкновенный профессор // Наблюдатель. 1891. № 1–5. (*Ермичев А.А.* Об Алексее Александровиче Козлове—нигилисте, который раскаялся // Соловьевские исследования. Иваново, 2016. Вып. 3(51). С. 123.)

Кокорев Василий Александрович — *Тарас Васильевич Частоколов*. Каратыгин П.П. Ледяной город: рассказы из столичного быта // Всемирный труд. 1868. № 6–11.

Кокошкин Федор Федорович — *Аркадий Иванович*. Милюков А.П. Посмертные записки одного скитальца // Эпоха. 1864. № 8. (Максимова М.М. А.П. Милюков // РП. Т. 4. С. 63.)

Колошин Сергей Павлович — *Сапогов*. Воронов М. Московская литературная (Из записок умершего литератора) // Русское слово. 1864. № 4. (*Чешихин-Ветринский В.Е.* Глеб Иванович Успенский: биографический очерк М., 1929. С. 40–41.)

Комаров Виссарион Виссарионович — *Василий Васильевич Мухин*. Шабельская Е.А. Красные и черные: роман. СПб., 1911–1913. Ч. 1–3. (*Рейтлат А.И.* Е.А. Шабельская-Борк // РП. Т. 7. (в печати).)

Кони Федор Алексеевич — *Иван Иванович Шариков*. Л.Л. [Межевич В.С.], Григорьев П.И. Другая-журналисты, или Нельзя без шарлатанства: водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1840. № 11. (*Балакин А.Ю.* «Литературный» водевиль 1830–1840-х годов: водевиль как средство журнальной и литературной полемики // Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Усукирко) Ленинградской области, 2010. С. 55–71.)

Кони Федор Алексеевич — *Дмитрий Петрович*. Некрасов Н.А. Необыкновенный завтрак: [рассказ] // Отечественные записки. 1843. № 11; Вихрев Иван [Некрасов Н.А.] Очерки литературной жизни // Финский вестник. 1845. № 2. (*Гаркави А.М.* О новонайденном рассказе Н.А. Некрасова «Очерки литературной жизни» // Ученые записки / Ленингр. гос. ун-т. 1949. Сер. филол. наук. Вып. 16. С. 130–132; *Мостовская Н.Н.* Комментарии // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1983. Т. 7. С. 576–577.)

Кони Федор Алексеевич — *Александр Петрович Д**. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 107.)

Кони Федор Алексеевич — *гном в золотых очках*. Апполиний** [Панаев И.И.]. Литературные гномы и знаменитая артистка (Фантастическая сцена из подземной литературы) // Современник. 1854. № 3. (*Добролюбов Н.А.* [Дневник 1856 года] // Добролюбов Н.А. Собр. соч. М.; Л., 1964. Т. 8. С. 472.)

Коровкин Николай Арсеньевич — *Бычков*. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 107.)

Короленко Владимир Галактионович — *писатель Всеволод Гаврилович*. Новиков А.И. Единственная повесть Каценбогена. Баку, 1903. (*Меламед Е.И.* «Пропавший» писатель // Советская библиография. 1988. № 4. С. 54–55.)

Короленко Владимир Галактионович — *Вихляев*. Фонвизин С.И. В смутные дни: роман. СПб., 1911. (*Дубинин А.И.* С.И. Фонвизин // РП. Т. 6. С. 479.)

Корсаков Петр Александрович — *Евламтий Аристархович Беневольский*. Грибоедов А.С. Студент: комедия в 3 д. // Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. / Под ред. И.А. Шляпкина. СПб., 1889. Т. 2. (*Фомичев С.А.* К творческой предыстории «Горя от ума». Комедия «Студент» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 88–98.)

Костомаров Всеволод Дмитриевич — *Теломаров*. Суворин А.С. Всякие: очерки современной жизни. СПб., 1866. (*Динерштейн Е.А., Рейтлат А.И.* А.С. Суворин // РП. Т. 6. С. 111.)

Костомаров Николай Иванович — *Любомудров*. К.В.М. [Мещерский В.П.]. Тайны современного Петербурга: [в 4 т.]. СПб., 1876–1877. (*Викторович В.А.* В.П. Мещерский // РП. Т. 4. С. 45.)

Краевский Андрей Александрович — *Алексей Александрович Крапивин*. Каратыгин П.А. Авань, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1.

Краевский Андрей Александрович — *хозяин учено-литературной энциклопедии*. Брант Л.В. Жизнь как она есть: записки неизвестного. СПб., 1843. 3 т. (*Мостовская Н.Н.* Комментарии // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1984. Т. 8. С. 722.)

Краевский Андрей Александрович — *журналист*. [Некрасов Н.А.]. Беседа журналиста с подписчиком // Современник. 1851. № 8. (*Виноградов В.В.* Об авторе сатиры на А.А. Краевского и его газету «Голос» // Русская литература. 1969. № 3. С. 80.)

Краевский Андрей Александрович — *Петр Васильич*. [Панаев И.И.]. Петербургская жизнь: заметки Нового поэта. Очерк петербургского литературного промышленника // Современник. 1857. № 12. (*Виноградов В.В.* Об авторе сатиры на А.А. Краевского и его газету «Голос» // Русская литература. 1969. № 3. С. 80.)

Краевский Андрей Александрович — *антрепренер Александр Петрович*. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные: роман // Время. 1861. № 1–7. (*Орлов В.* Пути и судьбы. Л., 1971. С. 503.)

Красов Василий Иванович — *Субботин*. Тургенев И.С. Рудин // Современник. 1856. № 1, 2. (*Гайденов Н.М.* Примечания // Тургенев И.С. Собр. соч. М., 1954. Т. 2. С. 318.)

Крестовский Всеволод Владимирович — *Иосаф Платонович Висленев*. Лесков Н.С. На ножах: роман // Русский вестник. 1870. № 10–12; 1871. № 1–8, 10. (*Викторович В.А.* В.В. Крестовский // РП. Т. 3. С. 149.)

Кугель Александр Рафаилович — *Науш Степанович Чичибабин*. Шебуев Н.Г. Собр. соч. Пг., 1915. Т. 6: Прекрасная Елена: роман. (*Варнеке Б.В.* Редакция «Театра и искусства» и А.Р. Кугель / Публ., примеч. А.И. Рейтבלата // Театральная периодика в России. М., 2009. С. 225.)

Кузмин Михаил Алексеевич — *Эдгар Карлович Старк*. Наградская Е.А. Гнев Диониса: роман. СПб., 1910. (*Кушлина О.Б.* Е.А. Наградская // РП. Т. 4. С. 203.)

Кузмин Михаил Алексеевич — *Юонов*. Ауслендер С.А. Последний спутник: роман. М., 1913. (*Грачева А.М.* Вступ. статья; комментарии // Ауслендер С.А. Петербургские апокрифы. СПб., 2005. С. 28, 674.)

Кукольник Павел Васильевич — *Павел Луковкин*. Рахманный [Веревкин Н.Н.]. Катенька: повесть // Библиотека для чтения. 1837. Т. 25. (*Федута А.И.* Письма прошедшего времени: материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск, 2009. С. 142–146.)

Кукольник Нестор Васильевич — *Кукушкин*. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 103.)

Кукольник Нестор Васильевич — *Кастор Васильевич Несторкин*. Ковалевский П.М. Итоги жизни: повесть // Вестник Европы. 1883. № 1–3.

Куликов Николай Иванович — *Скворцов*. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 107.)

Кулиш Пантелеймон Александрович — *Лемши*. Мордовцев Е.Л. Профессор Ратмиров: роман // Книжки Недели. 1889. № 1, 2. (*Бобров Е.* Материалы

для биографии Е.А. Белова // Сборник учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1907. Т. 12. С. 68.)

Кульчицкий Александр Яковлевич — *Вральчицкий*. Григорьев П.И. Макар Алексеевич Губкин, или Продолжение Студента, артиста, хориста и афериста: шуточная оперетта в 1 д. // Текущий репертуар русской сцены. 1841. № 1. (Прил. к «Пантеон русского и всех европейских театров»). (*Ходанен Л.А.* А.Я. Кульчицкий // РП. Т. 3. С. 226.)

Куприн Александр Иванович — *Опалов*. Арцыбашев М.П. Миллионы: повесть // Сборник художественной литературы «Жизнь». СПб., 1908. Т. 1. (*Грачева А.М.* Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века. СПб., 2011. С. 180.)

Куприн Александр Иванович — *Андрей Викторович Берлога*. Амфитеатров А.В. Сумерки божков: роман: [в 2 т.]. СПб., 1908–1909. 2 т. (*Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 1. С. 203.)

Куприн Александр Иванович — *Гаврило Гаврилович Гаврилов*. Ходотов Н.Н. «Госпожа» пошлость: пьеса в 4 д. СПб., 1909. (*Сукенников М.* Петербургская гниль. Berlin, 1913. С. 22.)

Курочкин Василий Степанович — *Курицын*. Ясинский И.И. Лицемеры: роман // Наблюдатель. 1893. № 1–4. (*Нымы Е. А.П.* Чехов в восприятии И.И. Ясинского // Молодые исследователи Чехова. М, 2001. Вып. 4. С. 399–406.)

Кушелев-Безбородко Григорий Александрович — *Лев Николаевич Мышкин*. Достоевский Ф.М. Идиот: роман // Русский вестник. 1868. № 1–2, 4–12 (окончание было разослано подписчикам в виде приложения). (*Назирова Р.Г.* Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2. С. 115–119.)

Кушелев-Безбородко Григорий Александрович — *князь Сапово-Неплохово*. Крестовский В.В. Панургово стадо: роман // Русский вестник. 1869. № 2–12. (*Сорокин Ю.* К историко-литературной характеристике антинигилистического романа // Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ]. 1947. Вып. 3. С. 85.)

Кушелев-Безбородко Григорий Александрович — *граф Илья Матвеевич Изгорский*. Полонский Я.П. Дорогая елка: [рассказ] // Полонский Я.П. На высотах спиритизма. СПб., 1889. ([Комментарии Т.Г. Динесман и М.И. Трепалиной к публикации переписки А.А. Фета с Я.П. Полонским] // Литературное наследство. Т. 103. Кн. 1. С. 692.)

Кушевский Иван Афанасьевич — *Щевский*. Окредец С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович — *сухощавый студент*. Узбек ...ий ой [Яковлев П.Л.]. Молодые журналисты: повесть // Благонамеренный. 1821. № 15. (*Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 225.)

Кюхельбекер Вильгельм Карлович — *Владимир Ленский*. Пушкин А.С. Евгений Онегин. СПб., 1833. (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. С. 384; Тынянов Ю. Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 321–378.)

Ландау Георгий Александрович — *Сандерс*. Аверченко А.Т. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. Пг., 1915. (*Никоненко С.С.* Комментарии // Аверченко А.Т. Собр. соч. М., 2012. Т. 2. С. 458.)

Левитов Александр Иванович — *Александр Силантьевич Петухов*. Успенский Н.В. Литературный омут: драма // Успенский Н.В. Картины из русской жизни. СПб., 1872. Т. 3. (*Деревягина Е.В.* «Литературный омут» Н.В. Успенского: Герои и прототипы // *Карабиха: историко-литературный сборник*. Ярославль, 2006. Вып. 5. С. 149–156.)

Левшин Алексей Ираклиевич — *Петр Степаныч*. Чернышевский Н.Г. Пролог: роман // СПб., 1906. (*Скафтымов А.П.* Исторические пояснения к персонажам романа // Чернышевский Н.Г. Пролог. М.; Л., 1936. С. 529–531.)

Лейкин Николай Александрович — *Баев*. Слободин П. Герои литературного шантажа: повесть. СПб., 1877.

Лентовский Михаил Валентинович — *Матвей Степанович Верстаков*. Немирович-Данченко Вас.И. Семья богатырей: роман // Наблюдатель. 1887. № 1–10. (*Барнеке Б.В.* Письмо Н.А. Попову // РГАЛИ. Ф. 837. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.)

Леонтьев Константин Николаевич — *Семен Яковлевич Ворошилов*. Тургенев И.С. Дым: [роман] // Русский вестник. 1867. № 3. (И.С. Тургенев (подготовительные материалы к роману «Дым») / Публ. и послесл. П. Уоддингтона // *Русская литература*. 2000. № 3. С. 107, 132.)

Лесков Николай Семенович — *Яков Эсперович Мондровский*. Ясинский И.И. Великий человек: роман // Ясинский И.И. Собрание романов. СПб., 1888. Т. 2. (*Толстая Е.* Мерцанье и бурление: Чехов и декаденты в изображении И. Ясинского // *Чеховский сборник*. М., 1999. С. 42.)

Литвин Савелий Константинович (наст. имя и фамилия Шеель Хаимович Эфрон) — *Семен Кириллович Левин*. Гейнце Н.Э. По пятачку: роман. СПб., 1900.

Лихачёва Елена Осиповна — *Агафья Консерваторова*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12.

Ломачевский Дмитрий Платонович — *Данило Петрович Перемачский*. Летописец XIX века [Волокитин Н.И.]. Литературная ярмарка. СПб., 1867.

Лонгинов Михаил Николаевич — *Антропофагов*. Дружинин А.В. Заметки петербургского туриста // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 8...280; 1856. № 3...97. (*Трунин М.* Из комментария к «Чернокнижникову» А.В. Дружинина: М.Н. Лонгинов как вероятный прототип профессора Антропофагова // *Alexandro Pušino septuagenario oblate*. М., 2011. С. 276–279.)

Лохвицкая Мария Александровна — *Анна Николаевна Ловская*. [Мейснер А.Ф.] Один из Лопуховых. Отрывки из анонимной рукописи, найденной Егором Забиякиным // Север. 1910. № 1–38. (*Гитович И.Е.* А.Ф. Мейснер // РП. Т. 3. С. 570.)

Лундберг Евгений Германович — *странник Евгений*. Ремизов А.М. Исаяч: [рассказ] // Речь. 1915. № 355. 25 дек. С. 6–7. (*Обатнина Е.Р.* «Магический реализм» Алексея Ремизова // Ремизов А.М. Собр. соч. М., 2000. Т. 3. С. 588; см. также с. 639.)

Любич-Романович Василий Игнатьевич — *Валентин Исидорович Рифмович*. Искренский [Бурнашев В.П.] Валентин Исидорович Рифмович // Северный Меркурий. 1831. № 11. 26 янв. (*Супрунюк О.К.* Н.В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Киев, 2009. С. 115.)

Магницкий Михаил Леонтьевич — *Капитон Кузьмич Волочков*. Греч Н.И. Черная женщина: роман. СПб., 1834. Ч. 1–4. (*Маркасова Е.В.* «Черная женщина»: прототипы персонажей // Греч Н.И. Черная женщина. М., 2020. С. 439–440.)

Майков Аполлон Николаевич — *Иван Алексеевич Грибанов*. Панаев И.И. Великосветский хлыщ: [очерк] // Современник. 1854. № 11. (*Осват А.Л. Примечания // Панаев И.И. Избранная проза. М., 1988. С. 474–475.*)

Марков Михаил Александрович — *Павел Яковлевич Павлюков*. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 104–105.*)

Марко Вовчок (наст. имя — Мария Александровна Вилинская, по первому мужу — Маркович, по второму — Лобач-Жученко) — *Анна Сергеевна Одинцова*. Тургенев И.С. Отцы и дети: роман // Русский вестник. 1862. № 2. (*Лобач-Жученко Б.Б. М.А. Маркович (Марко Вовчок) — один из прототипов А.С. Однцовой в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 81–86.*)

Межевич Василий Степанович — *Пустевич*. Каратыгин П.А. Авось, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1. (*Чистова И.С. Водевиль 1830–1840-х годов // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 416.*)

Межевич Василий Степанович — *фельетонист Григорий Семенович*. Панаев И.И. Русский фельетонист // Отечественные записки. 1841. № 3. (*Ямпольский И.Г. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 93–98.*)

Межевич Василий Степанович — *Хапкевич*. Некрасов Н.А. Необыкновенный завтрак: [рассказ] // Отечественные записки. 1843. № 12. (*Кармазинская М.А. Литературный поденщик, или превращения Межевича // Лица: биографический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 4. С. 36.*)

Мей Лев Александрович — *Дедиков*. Воронов М. Московская литературня (Из записок умершего литератора) // Русское слово. 1864. № 4. (*Чешихин-Ветринский В.Е. Глеб Иванович Успенский: Биографический очерк М., 1929. С. 40–41.*)

Мельгунов Сергей Петрович — *Петр Семенович Долганов*. Бобрыкин П.Д. Обмирщение: роман. М., 1912. (*Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 184.*)

Мережковский Дмитрий Сергеевич — *Загарин*. Бобрыкин П.Д. На ущербе: роман // Русская мысль. 1890. № 1–6. (*Толстая Е. Поэтика раздражения. М., 1994. С. 383.*)

Мережковский Дмитрий Сергеевич — *Нарцис Панталонский*. Буренин В.П. Хвост: реально-фантастическая поэма [в прозе] // Буренин В.П. Хвост. СПб., 1891.

Мережковский Дмитрий Сергеевич — *Иван Сергеевич Столярский*. Гиппиус З.Н. Златоцвет: петербургская новелла: [повесть] // Северный вестник. 1896. № 2–4. (*Иванова Е.В. «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. М., 1982. С. 122.*)

Мережковский Дмитрий Сергеевич — *старый энтузиаст*. Волынский А.Л. В поисках за Леонардо да Винчи // Северный вестник. 1897. № 9–12. (*Строганов М.В. Из истории «Северного вестника»: Комментарий к комментарию // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 261–277.*)

Мережковский Дмитрий Сергеевич — *Дмитрий Миронович Кудеяров*. Белый А. Серебряный голубь: повесть // Весы. 1909. № 3, 4, 6, 7, 10–12. (*Козьменко М. Автор и герой повести «Серебряный голубь» // Белый А. Серебряный голубь. М., 1989. С. 22.*)

Мережковский Дмитрий Сергеевич — *Иван Иванович Кассандров*. Чулков Г.И. Полнощный свет: [повесть] // Чулков Г.И. Рассказы. Книга вторая. СПб., 1910. (*Шишкин А.Б.* Вяч. Иванов и петербургское Религиозно-философское общество // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб., 2016. Вып. 2. С. 124.)

Мережковский Дмитрий Сергеевич — *Сергей Степанович Питомский*. Гиппиус З.Н. Чертова кукла: [роман] // Русская мысль. 1911. № 1–3. (*Королева Н.В.* Примечания // Гиппиус З.Н. Опыт свободы. М., 1996. С. 516.)

Мережковский Дмитрий Сергеевич — *Пирожковский*. Сологуб Ф. Творимая легенда: роман // Сологуб Ф. Собр. соч. СПб., 1913–1914. Т. 18–20. (*Голлербах Э.Ф.* Алексей Н. Толстой. Л., 1927. С. 35.)

Мерзляков Алексей Федорович — *Подзобков*. [Макаров М.Н.]. Обращенный Славянофил: комедия в 1-м д. Р-а-т-а // Журнал драматический. 1811. Кн. 4. (*Рогов К.Ю.* Портреты и карикатуры (О комедии «Обращенный Славянофил») // Новобасманная, 19. М., 1990. С. 153–180.)

Мещерский Владимир Петрович — *князь Оболдуй-Тараканов*. Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге // Отечественные записки. 1872. № 1–6, 8, 10–12. (*Ланской Л.Р.* Комментарии // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1970. Т. 10. С. 739.)

Мещерский Владимир Петрович — *Контский*. Коялович М.М. Литературные хищники: повесть // Театральный мирок. 1886. № 3–9.

Мещерский Владимир Петрович — *Цитерошкин*. Барятинский В.В. Карьера Наблюдочного: комедия в 4 д. // Барятинский В. В. Драматические сочинения. СПб., 1903. Т. 1. (*Черниченко Л.* Князь В.В. Барятинский. М., 2006. С. 224.)

Милькеев Евгений Лукич — *молодой поэт*. Павлова К.К. Двойная жизнь: очерк. М., 1848. (*Ямпольский И.Г.* Примечания // Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 391.)

Милоков Александр Петрович — *Сергей Васильевич Липутин*. Достоевский Ф.М. Бесы: роман // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9–12; 1872. № 11, 12. (*Туниманов В.А.* Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. М., 1975. Т. 12. С. 218.)

Минаев Дмитрий Дмитриевич — *Минин*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Минский Николай Максимович (наст. фамилия Виленкин) — *Неизвестный*. Бежецкий [Маслов А.Н.]. Неприятный посетитель // Новое время. 1888. № 4562. 9 нояб. (*Сапожков С.В.* К.М. Фофанов и репинский кружок писателей // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 155–156.)

Минский Николай Максимович — *Онан Мордохайский*. Буренин В.П. Хвост: реально-фантастическая поэма [в прозе] // Буренин В.П. Хвост. СПб., 1891.

Минский Николай Максимович — *Владимир Иванович Новоскольцев*. Ясинский И.И. Горный ручей: роман. СПб., 1895. (*Толстая Е.Д.* Бедный рыцарь: интеллектуальное странствие Акима Волынского М.; Иерусалим, 2013. С. 73–79.)

Минский Николай Максимович — *Лев Львович Звягин*. Гиппиус З.Н. Златоцвет: петербургская новелла: [повесть] // Северный вестник. 1896. № 2–4. (*Иванова Е.В.* «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. М., 1982. С. 122.)

Минский Николай Максимович — *Прокл Семенович Любосказов*. Ясинский И.И. Прекрасные уроды: роман // Русский вестник. 1900. № 1–6. (*Пильд Л. Иероним Ясинский и русские декаденты: (О прототипах в романе «Прекрасные уроды») // В.Я. Брюсов и русский модернизм. М., 2004. С. 146–157.*)

Минский Николай Максимович — *Максим Самойлович Коген*. Гиппиус З.Н., Мережковский Д.С., Философов Д.В. Маков цвет: пьеса. СПб., 1908. (*Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: биографический альманах. М.; СПб., 1992. С. 366.*)

Мирэ А. (наст. имя и фамилия Александра Михайловна Моисеева) — *Шурочка*. Чулков Г.И. Шурочка и Веня: [рассказ] // Чулков Г.И. Люди в тумане. М., 1916. (*Лавров А.В. А. Мирэ // РП. Т. 4. С. 90.*)

Михайловский Николай Константинович — *Константин Савич Хвостиков*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12. (*Смирнов В.Б. Об авторе романа-фельетона «Розы прогресса» // Н.А. Некрасов и его время. Калининград. 1980. Вып. 5. С. 112.*)

Михайловский Николай Константинович — *Иринарх Плутархов*. Белинский М. [Ясинский И.И.] Иринарх Плутархов: роман // Наблюдатель. 1886. № 3–7. (*Ныльм Е. Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003. С. 46.*)

Михайловский Николай Константинович — *Базиль Козьявка*. Буренин В.П. Пипа и Пуся, или Горе от любви // Буренин В.П. Пипа и Пуся: рассказы и комедии во вкусе «Fin de siècle». СПб., 1894.

Михневич Владимир Осипович — *Гастон Тряпичкин*. Буренин В.П. Хвост: реально-фантастическая поэма [в прозе] // Буренин В.П. Хвост. СПб., 1891; Он же. Пипа и Пуся, или Горе от любви. СПб., 1894.

Морозов Михаил Абрамович — *Ларион Денисович Рыдлов*. Сумбатов А.И. Дженгльмен: комедия в 5 д. // Сцена: драматический сборник. М., 1896. Вып. 18. (*Амфитеатров А.В. В.П. Далматов // Амфитеатров А.В. Собр. соч. СПб., [1913]. С. 198.*)

Морозов Михаил Абрамович — *Шустриков*. Арсений Г. [Гурлянд И.Я.]. Особый мир: повесть. М., 1897.

Мясницкий Иван Ильич (наст. фамилия Барышев) — *Мусницкий*. Дядя Митяй [Тогольский Д.Д.]. «Бить или не бить» одного литератора: [юмористический рассказ] // Новости дня. 1885. № 207.

Нагродская Евдокия Аполлоновна — *Аглая Степановна Несветская*. Краснопольская Т.Г. [Шёнфельд Т.Г.]. Над любовью: современный роман // Петроградские вечера. Пг., 1914. Кн. 3. (*Парнис А., Тименчик Р. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. М., 1985. С. 225.*)

Нагродская Евдокия Аполлоновна — *Елена Александровна Царевская*. Кузмин М.А. Плавающие—путешествующие: роман. Пг., 1915. (*Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. 6. № 3. С. 213–305.*)

Нагродская Евдокия Аполлоновна — *Анна Леопольдовна Львинцева*. Острожский К. [Гогель К.С.] Все хороши: шутка в 4 д. СПб., [1915].

Надеждин Николай Иванович — *Желтяк*. Бенигна [Полевой Н.А.] Литературные опасения кое за что // Московский телеграф. 1828. № 23. (Манн Ю.В. Н.И. Надеждин // РП. Т. 4. С. 330. С. 207.)

Надеждин Николай Иванович — *Лев Александрович Томский*. Тур Евгения. Старушка: повесть // Русский вестник. 1856. Т. 1, кн. 1, 2. (*Эмир-Велиева Я.С.* Авторское мифотворчество в автобиографической и художественной прозе (на материале историко-литературного мифа о Н.И. Надеждине и Е.В. Сухово-Кобылиной). Статья 2 // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. № 4 (12). С. 89–90.)

Надсон Семен Яковлевич — *Дмитрий Николаевич Шадров*. Соборный К.И. [Симонова Л.Х.]. На поисках за богатством: роман // Живописное обозрение. 1884. № 34–52. (*Надсон С.Я.* Письмо госпоже N.N. (М.В. Ватсон ?) от 20 января 1885 г. // Надсон С.Я. Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 2. С. 518.)

Надсон Семен Яковлевич — *Воробей Чижикович Нытиксон*. Буренин В.П. Хвост: реально-фантастическая поэма [в прозе] // Буренин В.П. Хвост. СПб., 1891.

Надсон Семен Яковлевич — *Сидрах Самуилович Чижик*. Буренин В.П. Пипа и Пуся, или Горе от любви // Буренин В.П. Пипа и Пуся: Рассказы и комедии во вкусе «Fin de siècle». СПб., 1894.

Назаров Егор Иванович — *Кузьма Красов*. Бунин И.А. Деревня: [повесть] // Современный мир. 1910. № 3, 10, 11. (*Полякова С.Г.* Е.И. Назаров // РП. Т. 4. С. 218.)

Невахович Лев Николаевич — *Лев Львович*. Зотов Р. Приезд вице-губернатора: повесть // Сто русских литераторов. СПб., 1839. Т. 1. (*Вайскопф М.Я.* Покрывало Моисея: еврейская тема в эпоху романтизма. М.; Иерусалим, 2008. С. 296.)

Некрасов Николай Алексеевич — *Куропаткин*. Булгарин Ф.В., Полевой Н.А. Счастье лучше богатства: [роман] // Библиотека для чтения. 1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80–82. (*Стенина М.Ю.* Н.А. Некрасов и Н.А. Полевой // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000. С. 69.)

Некрасов Николай Алексеевич — *Тетеркин*. Масальский К.П. Рассказ о том, как три гения сочиняли натуральную повесть // Сын Отечества. 1848. № 11. Приложение. (*Мельгунов Б.В.* Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. // Некрасовский сборник. СПб., 2008. Вып. 14. С. 100–101.)

Некрасов Николай Алексеевич — редактор журнала *Павел Николаевич*. Писемский А.Ф. Тысяча душ: роман // Отечественные записки. 1858. № 1–6. (*Зубков К.Ю.* Писемский, Погодин и Некрасов в 1850-х гг.: редакторская профессия в России и ее репрезентация // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 2016. Вып. 9. С. 221–234.)

Некрасов Николай Алексеевич — *Касимов*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // Эпоха. 1864. № 5–7. (*Козлов А.Е.* «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 231.)

Некрасов Николай Алексеевич — *народный поэт*. Спиридонов Иван [Буренин В.П.]. Бес в столице. М., 1872. (*Рейтблат А.И.* Книга «Бес в столице» и ее автор: (Неизвестный роман-памфлет В. Буренина) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 208–216.)

Некрасов Николай Алексеевич — *Никита Андреевич Шильников*. Успенский Н.В. Литературный омут: драма // Успенский Н.В. Картины из русской жизни. СПб., 1872. Т. 3. (*Чуковский К.И.* Под литературным бойкотом // Звезда. 1929. № 11. С. 209.)

Некрасов Николай Алексеевич — *Клубноодов*. Z. [Буренин В.П.]. Ради скуки // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 331. 1 дек. (*Денисюк Н.* [Примечания] //

Критическая литература о произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1905. Вып. 2. С. 228.)

Некрасов Николай Алексеевич — *Платон Егорович Пеготин*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12. (Смирнов В.Б. Об авторе романа-фельетона «Розы прогресса» // Н.А. Некрасов и его время. Калининград. 1980. Вып. 5. С. 112.)

Некрасов Николай Алексеевич — *Кувалдов*. Ковалевский П.М. Итоги жизни: повесть // Вестник Европы. 1883. № 1–3.

Некрасов Николай Алексеевич — *Гезиод*. Кулиш П.А. Омуг: рассказ приятеля // Русское обозрение. 1897. № 3–5. (Ямпольский И.Г. Повесть о поэте Гезиоде // Н.А. Некрасов и его время. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 62–74.)

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович — *барон Вольмар*. Шаховской А.А. Урок кокеткам, или Липецкие воды: комедия в 5 д., в стихах. СПб., 1815. (Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 132–137.)

Немирович-Данченко Василий Иванович — *Сергей Иванович Верховцев*. Верещагин В.В. Литератор: повесть // Русская мысль. 1894. № 1–3.

Нестеров Александр Кононович — *Нил Кононыч Око*. Летописец XIX века [Волокитин Н.И.]. Литературная ярмарка. СПб., 1867.

Нечаев Степан Дмитриевич — *Мусорин*. Одоевск. [Одоевский В.Ф.] Следствия сатирической статьи (отрывок из романа) // Мнемозина. 1824. Кн. 3. (Снегирев И.М. Дневник. М., 1904. С. 107.)

Новиков Иван Алексеевич — *Александр Петрович Христофоров*. Зайцев Б.К. Голубая звезда: повесть [1917] // Слово. М., 1918. Сб. 8. (Грачева А.М. Диалоги Януса. СПб., 2011. С. 262–265.)

Новосильцева Екатерина Владимировна — *одна из сестер Ярославцевых*. Лесков Н.С. Некуда: роман // Библиотека для чтения. 1864. № 1–5, 7, 8, 10–12. (Тотубалин Н.И. [Преамбула к примечаниям] // Лесков Н.С. Собр. соч. М., 1956. Т. 2. С. 718.)

Новосильцева Екатерина Владимировна — *Евгения Михайловна Бельская*. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Не одного поля ягоды: повесть // Русский вестник. 1868. № 8.

Нотович Осип Константинович — *Мардохай Мардохеевич Гешефт*. Буренин В.П. Хвост: реально-фантастическая поэма [в прозе] // Буренин В.П. Хвост. СПб., 1891.

Оболенский Леонид Егорович — *Дмитрий Степанович Славский*. Годлевский С. Литературная оргия. СПб., 1880.

Огарев Николай Платонович — *Лев Николаевич Мышкин*. Достоевский Ф.М. Идиот: роман // Русский вестник. 1868. № 1–2, 4–12 (окончание было разослано подписчикам в виде приложения). (Борисова В.В. Н.П. Огарев как прототип князя Мышкина // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М.; Иркутск, 2009. Вып. 21. С. 85–89.)

Одоевский Владимир Федорович — *Николай Иванович Запутин*. [Хомяков А.С.]. Разговор в подмосковной // Русская беседа. 1856. Кн. 2. (Меморандум В.Ф. Одоевского / Публ. и комм. М.И. Медового // Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 57.)

Одоевский Владимир Федорович — *Лев Николаевич Мышкин*. Достоевский Ф.М. Идиот: роман // Русский вестник. 1868. № 1–2, 4–12 (окончание было разослано подписчикам в виде приложения). (*Левина Л.А.* Тот самый князь? (О возможном прототипе князя Мышкина) // Достоевский и современность. Старая Русса, 1996. С. 80–85.)

Одоевский Владимир Федорович — *князь О.* Чаев Н.А. Подспудные силы: роман // Русский вестник. 1870. № 2–7.

Омулевский Иннокентий Васильевич (наст. фамилия Федоров) — *Муловский*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Орлов Михаил Федорович — *Турухтанов*. Загоскин М.Н. Недовольные: комедия в 4 д. М., 1836. (*Усакина Т.И.* Pamфлет Загоскина на П.Я. Чаадаева и М.Ф. Орлова // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 162–184.)

Остен-Сакен Екатерина Кирилловна (урожд. Зыбина) — *Стази Аладина*. Позняк Д.М. Под облаками: повесть // Русский вестник. 1882. № 5. (*Жиркевич-Подлесских Н.Г.* Е.К. Остен-Сакен // РП. Т. 4. С. 462.)

Островский Александр Николаевич — *известный драматург*. Садовский М.П. Высокое призвание: [рассказ] // Артист. 1891. № 12–14. (*Варнеке Б.* Актер-писатель // Ежегодник императорских театров. 1910. Вып. 4. С. 24.)

Острогорский Виктор Петрович — *Василий Павлович Оловянский*. [Мейснер А.Ф.]. Один из Лопуховых. Отрывки из анонимной рукописи, найденной Егором Забиякиным // Север. 1910. № 1–38. (*Гитович И.Е.* А.Ф. Мейснер // РП. Т. 3. С. 570.)

Павлов Михаил Григорьевич — *Е. Лебедев К.Н.* О Царе Горохе: когда царствовал государь Царь Горох, где он царствовал, и как Царь Горох перешел в преданиях народов до отдаленного потомства. М., 1834. (Подарок ученым на MDCCCXXX год. О царе Горохе / Сообщил Д.Ф. Кобеко // Русская старина. 1878. № 6. С. 352.)

Павлова Каролина Карловна (урожд. Яниш) — *Эвелина Конрадовна Ятаганова (урожд. Ванкухен)*. Лесницкий Б. [Маркевич Б.М.]. Типы прошлого: роман // Русский вестник. 1867. № 8–12. (*Файнштейн М.Ш., Гёнферт Ф.* Из истории издания литературного наследия К.К. Павловой // Russian studies. 1996. Т. II. № 3. С. 317.)

Пальм Александр Иванович — *Сергей Иванович Камеев*. Ковалевский П.М. Непрактические люди: повесть // Современник. 1864. № 11, 12. Он же. Итоги жизни: повесть // Вестник Европы. 1883. № 1–3. (*Дрейлинг Л. А.И.* Пальм // РП. Т. 4. С. 510.)

Панаев Иван Иванович — *автор памфлетов*. Брант Л.В. Жизнь как она есть: записки неизвестного. СПб., 1843. 3 т. (*Мостовская Н.Н.* Комментарии // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1984. Т. 8. С. 722.)

Панаев Иван Иванович — *Иван Вихляев*. [П. Каратыгин]. Натуральная школа: шутка-водевиль в одном действии. СПб., 1847. (*Вольф А.* Хроника петербургских театров. СПб., 1877. Ч. 1. С. 125.)

Панаев Иван Иванович — *Лев Иванович Балдеев*. Дружинин А.В. Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника по петербургским дачам // Современник 1850. № 8. (*Трунин М.В.* Из комментария к «Чернокнижнику» А.В. Дружинина: М.Н. Лонгинов как вероятный прототип профессора Антропофагова // Alexandro P'ušino septuagenario oblata. М., 2011. С. 272–281.)

Панаев Иван Иванович — *Тартаев*. Григорович Д.В. Школа гостеприимства: повесть // Библиотека для чтения. 1855. №9. (*Алдолина Н.Б.* Повесть Д.В. Григоровича «Школа гостеприимства» в контексте литературной борьбы 50-х годов XIX века // Русская критика XIX века: проблемы ее теории и истории. Самара, 1993. С. 73–74.)

Панаев Иван Иванович — *Бубнов*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // Эпоха. 1864. № 5–7. (*Козлов А.Е.* «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 231.)

Панаев Иван Иванович — *Иван Фомич Кривин*. [Мещерский В.П.]. Десять лет из жизни редактора журнала: рассказ в диалогах. СПб., 1869.

Панаев Иван Иванович — *Мотаев*. Ковалевский П.М. Итоги жизни: повесть // Вестник Европы. 1883. № 1–3.

Панаев Иван Иванович — *Невозмутимый*. Кулиш П.А. Омут: рассказ приятеля // Русское обозрение. 1897. № 3–5. (*Ямпольский И.Г.* Повесть о поэте Гезиоде // Н.А. Некрасов и его время. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 62–74.)

Панаева Авдотья Яковлевна — *Софья Ивановна Кривина*. [Мещерский В.П.]. Десять лет из жизни редактора журнала: рассказ в диалогах. СПб., 1869.

Панаева Авдотья Яковлевна — *Фаина Егоровна Стегнушкина*. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Отечественные записки. 1877. № 2–4; 1878. № 2–4; 1882. № 9, 10, 12; 1883. № 1, 5. (*Строганова Е.Н.* А.Я. Панаева как портретный прототип Фаинушки в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия» // XXIV зональная конференция литературоведческих кафедр университетов и пединститутов Поволжья. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 38–40.)

Панаева Авдотья Яковлевна — *жена Невозмутимого*. Кулиш П.А. Омут: рассказ приятеля // Русское обозрение. 1897. № 3–5. (*Ямпольский И.Г.* Повесть о поэте Гезиоде // Н.А. Некрасов и его время. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 62–74.)

Пастухов Виктор Николаевич — *Бабуров*. Амфитеатров А.В. Десятидесятники: роман: [в 2 т.]. СПб., 1910–1911. (*Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 1. С. 284.)

Пастухов Николай Иванович — *Пастырев*. Дядя Митяй [Тогольский Д.Д.]. «Бить или не бить» одного литератора: [юмористический рассказ] // Новости дня. 1885. № 207.

Пастухов Николай Иванович — *Сапогов*. Буренин В.П. Роман в Кисловодске: повесть // Буренин В.П. Мертвая нога; Роман в Кисловодске. СПб., 1886.

Пастухов Николай Иванович — *Николай Ильич Петухов*. Гейнце Н.Э. В тине адвокатуры. СПб., 1893. Т. 1–2.

Пашино Петр Иванович — *Животино*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12.

Петров Василий Петрович (псевдоним Василько-Петров) — *Худенко-Жолченко*. Соколов А.А. Театральные болота: хроника-роман. СПб., 1869. Ч. 1. (*Рейтлат А.И.* Роман А.А. Соколова «Театральные болота» как мемуарный источник // Театральная мемуаристика. М., 2015. С. 93.)

Петровская Нина Ивановна — *Кэт*. Брюсов В.Я. Сестры // Золотое руно. 1906. № 10. (*Лавров А.В.* Валерий Брюсов и Нина Петровская: Биографическая канва и к переписке // Валерий Брюсов — Нина Петровская. Переписка. 1904–1913 /

Вступ. статьи, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М., 2004. С. 13.)

Петровская Нина Ивановна — *Рената*. Брюсов А.Я. Огненный ангел: [роман] // Весы. 1907. № 1 ... 1908. № 8. (*Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 530–589.)

Петровская Нина Ивановна — *Юлия Михайловна Агатова*. Ауслендер С.А. Последний спутник: роман. М., 1913. (*Грачева А.М.* Вступ. статья; комментарии // Ауслендер С.А. Петербургские апокрифы. СПб., 2005. С. 28, 668–669, 672–674, 676–679.)

Печерин Владимир Сергеевич — *Степан Трофимович Верховенский*. Достоевский Ф.М. Бесы: роман // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9–11; 1872. № 11, 12 (*Местергази Е.Г.* В.С. Печерин — прототип Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах» Достоевского // Достоевский: дополнения к комментарию. М., 2005. С. 455–480.)

Печерин Владимир Сергеевич — *Андрей Петрович Версилов*. Достоевский Ф.М. Подросток: роман // Отечественные записки. 1885. № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12. (*Галаган Г.Я.* Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 17. С. 288.)

Пильский Петр Мосеевич — *Стальский*. Ходотов Н.Н. «Госпожа» пошлость: пьеса в 4 д. СПб., 1909. (*Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1966. С. 293–294.)

Писарев Дмитрий Иванович — *Скрибов*. Достоевский Ф.М. Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах // Эпоха. 1864. № 5. (*Никитина Н.С.* Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1980. Т. 20. С. 322.)

Писарев Дмитрий Иванович — *Ардальон Михайлович Поляров*. Крестовский В.В. Панургово стадо: роман // Русский вестник. 1869. № 2–12. (*Сорокин Ю.* К историко-литературной характеристике антинигилистического романа // Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ]. 1947. Вып. 3. С. 85.)

Писемский Алексей Феофилактович — *очень известный писатель*. Садовский М.П. Высокое призвание: [рассказ] // Артист. 1891. № 12–14. (*Варнеке Б.* Актер-писатель // Ежегодник императорских театров. 1910. Вып. 4. С. 24.)

Плещеев Алексей Николаевич — *Лука Аверьянович Кремнев*. Ясинский И.И. Горный ручей: роман. СПб., 1895. (*Толстая Е.* Мерцанье и бурление: Чехов и декаденты в изображении И. Ясинского // Чеховский сборник. М., 1999. С. 42–43.)

Победоносцев Константин Петрович — *Топоров*. Толстой Л.Н. Воскресение: роман // Нива. 1899. № 11–25, 27–29, 31–38, 49, 50, 52. (*Срезневский В.И.* Заметка к дневнику Т.Л. Сухотиной // Л.Н. Толстой. Памятники творчества и жизни. М., 1923. Т. 3. С. 74–79.)

Погодин Михаил Петрович — *турист, возвратившийся из-за границы*. Вихрев Иван [Некрасов Н.А.]. Очерки литературной жизни // Финский вестник. 1845. № 2. (*Мостовская Н.Н.* Комментарии // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1983. С. 598–600.)

Полевой Николай Алексеевич — *Вампиров*. Одоевск. [Одоевский В.Ф.]. Следствия сатирической статьи // Мнемозина. 1824. Кн. 3. (*Дрыжакова Е.Н.* Из полемики «Мнемозины» // Русская литература. 1975. № 4. С. 99.)

Полевой Николай Алексеевич — *Меркатуров*. Сигов Д.И. Граф Любский, или Любовь и кокетство: русский нравоописательный роман: В 2 ч. М., 1832.

Полевой Николай Алексеевич — *Варфоломей*. Лажечников И.И. Басурман: В 4 ч. М., 1838. (*Пеньковский А.Б.* «Я знаю Русь и Русь меня знает» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. № 6. С. 545–546.)

Полевой Николай Алексеевич — *Ми-Лаиунь*. Сенковский О.И. Фансю, плутовка-горничная: китайская комедия // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35. Ч. 2. Август. (*Каверин В.А.* Барон Брамбеус: история Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 133–136.)

Полевой Николай Алексеевич — *Архип Андреевич Барбосов*. Каратыгин П.А. Авось, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1. (*Балакин А.Ю.* «Литературный» водевиль 1830–1840-х годов: водевиль как средство журнальной и литературной полемики // Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 55–71.)

Полевой Николай Алексеевич — *Николай Николаевич Гребешков*. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 108.)

Потапенко Игнатий Николаевич — *Авдий Алексеевич Онуприенко*. Ясинский И.И. По горячим следам: роман // Труд. 1892. № 1–8. (*Дудаков С.* Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России. М., 2000. С. 451.)

Потапенко Игнатий Николаевич — *Юрий Ермилович Коровка*. Ясинский И.И. Лицемеры: роман // Наблюдатель. 1893. № 1–4. (*Нымм Е. А.П.* Чехов в восприятии И.И. Ясинского // Молодые исследователи Чехова. М, 2001. Вып. 4. С. 399–406.)

Потапенко Игнатий Николаевич — *Вадим Николаевич Отрубев*. Тихонов В.А. Карьера: роман // Современник. 1911. № 1, 3–6.

Праволамский Петр — *Иван Иванович Грибовников*. Перепельский Н.А. [Некрасов Н.А.]. Без вести пропавший пиита: рассказ // Пантеон. 1840. № 9. (*Мельгунов Б.В.* «Всему начало здесь...»: Некрасов и Ярославль. Ярославль, 1997. С. 92–99.)

Прыжов Иван Гаврилович — *Стрижов*. Воронов М. Московская литературная (Из записок умершего литератора) // Русское слово. 1864. № 4. (*Чешихин-Ветринский В.Е.* Глеб Иванович Успенский: Биографический очерк М., 1929. С. 40–41.)

Пушкин Александр Сергеевич — *мастерица Александра Сергеевна*. Бестужев-Рюмин М.А. Сплетница: [памфлет] // Северный Меркурий. 1830. № 49, 50. 23, 25 апр. (*Алешкевич А.А.* М.А. Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 141.)

Пушкин Александр Сергеевич — *Никандр Семенович Свистушкин*. Булгарин Ф.В. Предок и потомки // Булгарин Ф.В. Сочинения. СПб., 1830. Ч. 12. (*Китанина Т.А.* Примечания // Пушкин в прижизненной критике, 1828–1830. СПб., 2001. С. 521.)

Пушкин Александр Сергеевич — *Емельян Емельянович Корюшкин*. Издатель Литературной газеты С[еверный] М[еркурий] [М.А. Бестужев-Рюмин]. О самолюбии // Северный Меркурий. 1830. № 52. (*Ларионова Е.О.* Примечания // Пушкин в прижизненной критике, 1828–1830. СПб., 2001. С. 470.)

Пушкин Александр Сергеевич — *Мортирин*. Издатель Литературной газеты С[еверный] М[еркурий] [М.А. Бестужев-Рюмин]. О самолюбии // Северный Меркурий. 1830. № 52. (*Рейтлат А.И.* Неудавшийся Булгарин (М.А. Бестужев-Рюмин и его отношения с Ф.В. Булгариным) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 236.)

Пушкин Александр Сергеевич — *Ряпушкин*. Коврижкин П., сочинитель тысячи и одного предисловия [Булгарин Ф.В.?]. Запоздалое предисловие к «Альдебарану» // Сын Отечества и Северный архив. 1830. № 16. (*Китанина Т.А.* Примечания // Пушкин в прижизненной критике, 1828–1830. СПб., 2001. С. 521.)

Пушкин Василий Львович — *Спондей*. Шаховской А.А. Расхищенные шубы: ирои-комическая поэма // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1811. Кн. 3; 1812. Кн. 7; 1815. Кн. 19. (*Антонова А.И.* Ономастика творчества А.А. Шаховского. Воронеж, 2019. С. 37–38.)

Пушкин Василий Львович — *Угаров*. Шаховской А.А. Урок кокеткам, или Липецкие воды: комедия в 5 д., в стихах. СПб., 1815. (*Гозенпуд А.А.* А.А. Шаховской // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. М., 1961. С. 36–37.)

Пушкин Василий Львович — *Мушкин*. Одоевск. [Одоевский В.Ф.]. Следствия сатирической статьи (отрывок из романа) // Мнемозина. 1824. Кн. 3. (*Снегирев И.М.* Дневник. М., 1904. С. 107; *Дрыжакова Е.Н.* Из полемики «Мнемозины» // Русская литература. 1975. № 4. С. 99.)

Пятковский Александр Петрович — *Пятницкий*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Рейснер Лариса Михайловна — *Лера*. Гумилев Н.С. Гондла: драма // Русская мысль. 1917. № 1. (*Жирмунская Т.* «Простота сего урока...» // Вопросы литературы. 1994. Вып. 4. С. 304–305.)

Рождественский Иван Александрович — *Порфирий Порфирович Селезнев*. Мамин-Сибиряк Д.Н. Черты из жизни Пепко: роман // Русское богатство. 1894. № 1–10. (*Дергачев И.А.* Книги и судьбы. Свердловск, 1973. С. 58–59.)

Розанов Василий Васильевич — *Ардальон Борисович Передонов*. Сологуб Ф. Мелкий бес: роман. СПб., 1907. (*Данилевский А.А.* В.В. Розанов как литературный тип // Классицизм и модернизм. Тарту, 1994. С. 115–117.)

Розанов Василий Васильевич — *Василий Вышибалов*. Трубецкой С.Н. Правдивая история «Здорового слова» // Трубецкой С.Н. Собр. соч. М., 1907. Т. 1. (*Иванникова В.В.* Из истории литературных «окраин» русского консерватизма. Саратов, 2001. С. 17–19.)

Розанов Василий Васильевич — *Иван Семенович Стратилатов*. Ремизов А.М. Неумный бубен: повесть // Альманах для всех. СПб., 1910. Кн. 1. (*Данилевский А.А.* Герой А.М. Ремизова и его прототип // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. Вып. 748. С. 150–165.)

Рославлев Александр Степанович — *Подгурский*. Арцыбашев М.П. Миллионы: повесть // Жизнь: сборник художественной литературы. СПб., 1908. Т. 1. (*Грачева А.М.* Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века. СПб., 2011. С. 180.)

Ростовцев Яков Иванович — *Петр Степаныч*. Чернышевский Н.Г. Пролог: роман // СПб., 1906. (*Скафтымов А.П.* Исторические пояснения к персонажам романа // Чернышевский Н.Г. Пролог. М.; Л., 1936. С. 529–530.)

Ростопчина Евдокия Петровна — *Муза Фуксиева*. Бонбонов Альфонс. Дубковы: очерк // Московский курьер. 1861. № 23, 24.

Руманов Аркадий Вениаминович — *Аркадий Вениаминович Этлинггер*. Брут [Сукенников М.А.?]. Петербург: роман. Берлин, 1914. (*Азадовский К.М.* Из словаря

«Русские писатели. 1800–1917» (М.А. Сукенников. С.Н. Шиль) // Литературный факт. 2018. № 7. С. 366.)

Салтыков Михаил Евграфович (пс. Николай Щедрин) — *Грызунов*. З. [Буренин В.П.]. Ради скуки // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 331. 1 дек. (*Денисюк Н.* [Примечания] // Критическая литература о произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1905. Вып. 2. С. 228.)

Салтыков Михаил Евграфович (пс. Николай Щедрин) — *Добродушный генерал Никита Петрович*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12. (*Смирнов В.Б.* Об авторе романа-фельетона «Розы прогресса» // Н.А. Некрасов и его время. Калининград. 1980. Вып. 5. С. 112.)

Сафонов Сергей Александрович — *Сергей Алексеевич Двинский*. Гейнце Н.Э. По пятакчу. СПб., 1900.

Сачков Козьма Иудович — *Облачков*. Горский П.Н. Высокая любовь // Время. 1863. № 4. ([Некролог К.И. Сачкову] // Иллюстрированная газета. 1865. № 27. С. 32; *Быков П.В.* Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930. С. 76.)

Свиньин Павел Петрович — *Павлушка-медный лоб*. Измайлов А.Е. Лгун: [басня] // Пантеон. 1814. Кн. 3. (*Ермакова-Битнер Г.В.* Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 693.)

Свиньин Павел Петрович — *Зарницкин*. Шаховской А.А. Не любо — не слушай, а лгать не мешай: комедия в 1 д., в вольных стихах. СПб., 1818. (*Гозентуд А.А.* Примечания // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. М., 1961. С. 782–783.)

Свиньин Павел Петрович — *Свинья*. Измайлов А.Е. Слон и собаки: [басня] // Литературная газета. 1831. № 23. 21 апр. (*Ермакова-Битнер Г.В.* Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 694.)

Свиньин Павел Петрович — *Иван Александрович Хлестаков*. Гоголь Н.В. Ревизор. СПб., 1836. (*Лернер Н.О.* Пушкинский замысел «Ревизора» // Речь. 1913. № 128.)

Сенковский Осип Иванович — *З. Лебедев К.Н.* О Царе Горохе: когда царствовал государь Царь Горох, где он царствовал, и как Царь Горох перешел в преданиях народов до отдаленного потомства. М., 1834. (Подарок ученым на МДСССXXX год. О царе Горохе / Сообщил Д.Ф. Кобеко // Русская старина. 1878. № 6. С. 351.)

Сенковский Осип Иванович — *Иван Александрович Хлестаков*. Гоголь Н.В. Ревизор. СПб., 1836. (*Гиппиус В.В.* Заметки о Гоголе. III. Вариант Хлестакова // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1941. Вып. 11. № 76. С. 9–12.)

Сенковский Осип Иванович — *Архип Андреевич Барбосов*. Каратыгин П.А. Авань, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1. (*Чистова И.С.* Водевиль 1830–1840-х годов // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 416.)

Сенковский Осип Иванович — *Алексей Александрович Крапивин*. Каратыгин П.А. Авань, или Сцены в книжной лавке: шутка-водевиль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1. (*Балакин А.Ю.* «Литературный» водевиль 1830–1840-х годов: водевиль как средство журнальной и литературной полемики // Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 55–71.)

Сенковский Осип Иванович — *высокий журналист*. Брант Л.В. Жизнь как она есть: записки неизвестного: [в 3 т.]. СПб., 1843. (*Мостовская Н.Н.* Комментарии // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1984. Т. 8. С. 722.)

Сенковский Осип Иванович — *Орест Михайлович Шляхтинский*. Машков П.А. Записки удивительного человека. СПб., 1843. Ч. 1.

Скабичевский Александр Михайлович — *Канчевский*. [Мещерский В.П.]. Десять лет из жизни редактора журнала: рассказ в диалогах. СПб., 1869.

Скабичевский Александр Михайлович — *Выпуклоутробин*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12.

Скабичевский Александр Михайлович — *Иринарх Плутархов*. Белинский М. [Ясинский И.И.]. Иринарх Плутархов: роман // Наблюдатель. 1886. № 3–7. (*Нымы Е.* Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003. С. 46.)

Скабичевский Александр Михайлович — *Владимир Семеныч Лядовский*. Чехов А.П. Сестра: [рассказ] // Новое время. 1886. № 3856. 22 нояб. (Перепечатывался под названием «Хорошие люди».) (Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / Сост., ст., подгот. текстов и примеч. А.С. Мелковой. М., 2005. С. 382.)

Скабичевский Александр Михайлович — *Кебич*. Ясинский И.И. Горный ручей: роман. СПб., 1895. (*Толстая Е.* Мерцанье и бурление: Чехов и декаденты в изображении И. Ясинского // Чеховский сборник. М., 1999. С. 43.)

Скальковский Константин Аполлонович — *Василий Петрович Маломальский*. Котелянский Л.О. Два дня (Из мемуаров литератора) // Слово. 1880. № 12.

Скиталец (настоящее имя и фамилия Степан Гаврилович Петров) — *Сергей Тургенев*. Сологуб Ф. Сергей Тургенев и Шарик: ненапечатанные эпизоды из романа «Мелкий бес» // Речь. 1912. № 102, 109, 116. 15, 22, 29 апр. (*Бялик Б.А.* Эстетические взгляды Горького. Л., 1939. С. 60.)

Слепцов Василий Алексеевич — *Касимов*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // Эпоха. 1864. № 5–7. (*Козлов А.Е.* «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 231.)

Словцов Петр Андреевич — *воевода верхнеудинский*. Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова: роман, извлеченный из иркутских преданий: [в 4 ч.]. СПб., 1831. (*Сергеев М.* Первый сибирский романист // Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова. Иркутск, 1985. С. 622.)

Словцов Петр Андреевич — *Петр Алексеевич Нейвин*. Калашников И.Т. Автомат: [роман]: В 3 ч. СПб., 1841. (*Сергеев М.* Первый сибирский романист // Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова. Иркутск, 1985. С. 622.)

Соболевский Сергей Александрович — *Сергей Александрович Сафьев*. Соллогуб В.А. Большой свет: Повесть в двух танцах // Отечественные записки. 1840. № 3. (*Панаев И.И.* Литературные воспоминания / Вступ. ст. и примеч. И. Ямпольского. М., 1950. С. 271.)

Соколов Александр Алексеевич — *А.А. Ястребцов*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4. (*Рейтблат А.И.*, при участии *Балакина А.Ю.* А.А. Соколов // РП. Т. 5. С. 705.)

Соколов Александр Алексеевич — *А.А. Ястребов*. Гейнце Н.Э. Герой конца века. СПб., 1896.

Соловьев Всеволод Сергеевич — *Константин Михайлович Солончаков*. Немирович-Данченко Вл.И. Цена жизни: драма в 4 д. // Театрал. 1896. № 100. (*Бурьяшкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 34.)

Соловьев Всеволод Сергеевич — *Валерьян Семенович Снегирев*. [Мейснер А.Ф.]. Один из Лопуховых. Отрывки из анонимной рукописи, найденной Егором Забиякиным // Север. 1910. № 1–38. (*Гитович И.Е.* А.Ф. Мейснер // РП. Т. 3. С. 570.)

Соловьев Владимир Сергеевич — *Сергей Сергеевич Лихутин*. Белый А. Петербург: роман // Сирин. СПб., 1913–1914. Сб. 1–3. (*Самарина М.А.* Вл. Соловьев в главном романе Андрея Белого // Предсимволизм — лики и отражения. М., 2020. С. 392–405.)

Соловьев Всеволод Сергеевич — *старый писатель*. Чулков Г. Отмщение: рассказ // Чулков Г. Люди в тумане. М., 1916. (*Михайлова М.* Пристрастный летописец эпохи // Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С. 19.)

Соловьев Сергей Михайлович — *Петр Дарьяльский*. Белый А. Серебряный голубь: повесть // Весы. 1909. № 3, 4, 6, 7, 10–12. (*Козьменко М.* Автор и герой повести «Серебряный голубь» // Белый А. Серебряный голубь. М., 1989. С. 11–14.)

Сологуб Федор (наст. имя и фамилия Федор Кузьмич Тетерников) — *Губосолов-Ретеников*. [Мейснер А.Ф.]. Один из Лопуховых. Отрывки из анонимной рукописи, найденной Егором Забиякиным // Север. 1910. № 1–38.

Сологуб Федор — *Глухарев*. Гиппиус З. Чертова кукла: [роман] // Русская мысль. 1911. № 1–3. (*Голлербах Э.Ф.* Алексей Н. Толстой. Л., 1927. С. 35.)

Сологуб Федор — *Евстифей Закивакин (пс. Смертяшкин)*. Горький М. Русские сказки. Сказка III // Русское слово. 1912. № 290. 16 дек. (*Бялик Б.А.* Эстетические взгляды Горького. Л., 1939. С. 60.)

Сологуб Федор — *Свиногуб*. Шабельская Е.А. Красные и черные: роман. СПб., 1911–1913. Ч. 1–3. (*Рейтлат А.И.* Из актрис в черносотенцы: бурная жизнь Елизаветы Шабельской // Рейтлат А.И. Классика, скандал, Булгарин... М., 2020. С. 544.)

Солоницын Владимир Андреевич — *Петр Иванович Адуев*. Гончаров И.А. Обыкновенная история: роман // Современник. 1847. № 3, 4. (*Старчевский А.В.* Один из забытых журналистов // Исторический вестник. 1886. № 2. С. 378.)

Сомов Орест Михайлович — *Василиса Михайловна Китова*. Бестужев-Рюмин М.А. Сплетница: [памфлет] // Северный Меркурий. 1830. № 49, 50. 23, 25 апр. (*Алешкевич А.А.* М.А. Бестужев-Рюмин — оппонент Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 141.)

Сомов Орест Михайлович — *Емельян Емельянович Корюшкин*. Издатель Литературной Газеты С[еверный] М[еркурий] [М.А. Бестужев-Рюмин]. О самолюбии // Северный Меркурий. 1830. № 52. (*Рейтлат А.И.* Неудавшийся Булгарин (М.А. Бестужев-Рюмин и его отношения с Ф.В. Булгариным) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 236.)

Сорнева Александра Алексеевна — *Марья Павловна Степанова*. Вербицкая А.А. Горе идущим! Горе ушедшим...: повесть. М., 1908. (*Зарипов Я.В.* А.А. Сорнева // РП. Т. 6. С. 11.)

Спасович Владимир Данилович — *Фетюкович*. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Русский вестник. 1879. № 1–2, 4–6, 8–11; 1880. № 1, 4, 7–11. (*Гроссман Л.П.* Последний роман Достоевского // Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1935. Т. 1. С. 24.)

Станкевич Николай Владимирович — *Неофит Платонович Ералашный*. Загоскин М.Н. Литературный вечер: [рассказ] // Загоскин М.Н. Москва и москвичи. Выход 2-й. М., 1844. (*Охотин Н.* Записки охотника с Пресненских прудов // Загоскин М.Н. Москва и москвичи. М., 1988. С. 12.)

Станюкович Константин Михайлович — *Станкович*. Летописец XIX века [Волокитин Н.И.]. Литературная ярмарка. СПб., 1867.

Стасов Владимир Васильевич — *Мамай Чингисханович Хайло*. Буренин В.П. Хвост: реально-фантастическая поэма [в прозе] // Буренин В.П. Хвост. СПб., 1891.

Стасов Владимир Васильевич — *Вавила Барабанов*. Буренин В.П. Пипа и Пуся, или Горе от любви // Буренин В.П. Пипа и Пуся: Рассказы и комедии во вкусе «Fin de siècle». СПб., 1894.

Стопановский Михаил Михайлович — *Стопский*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Страхов Николай Николаевич — *Иверский*. Ахшарумов Н.Д. Мудренное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // Эпоха. 1864. № 5–7. (*Козлов А.Е.* «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудренное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 231.)

Страхов Николай Николаевич — *Николай Александрович Климентов*. Стахеев Д.И. Пустынножитель // Русский вестник. 1891. № 3, 4. (*Стахеев Д.И.* Группы и портреты // Исторический вестник. 1907. № 1. С. 81.)

Строев Владимир Михайлович — *фельетонист Б.Б.Б.* Панаев И.И. Русский фельетонист // Отечественные записки. 1841. № 3.

Суворин Алексей Сергеевич (псевдоним Незнакомец) — *Незнакомец*. Соколов А.А. Театральные болота: хроника-роман. СПб., 1869. Ч. 1. (*Рейтблат А.И.* Роман А.А. Соколова «Театральные болота» как мемуарный источник // Театральная мемуаристика. М., 2015. С. 94.)

Суворин Алексей Сергеевич — *Андрей Степанович Молчалин 2-й*. Салтыков-Щедрин М.Е. Экскурсии в область умеренности и аккуратности. IV // Отечественные записки. 1876. № 9.

Суворин Алексей Сергеевич — *Алексей Михайлович Яковлев*. Смирнова-Сазонова С.И. У пристани: роман // Отечественные записки. 1879. № 10–12. (*Макарова О. А.С.* Суворин в дневниках С.И. Смирновой-Сазоновой // Новое литературное обозрение. 2014. № 130. С. 119.)

Суворин Алексей Сергеевич — *Аркадий Ардалионович Финтифлюшкин*. Годлевский С.Ф. Литературная оргия. СПб., 1880.

Суворин Алексей Сергеевич — *Петр Иванович Перехватов*. Котелянский Л.О. Два дня (Из мемуаров литератора) // Слово. 1880. № 12.

Суворин Алексей Сергеевич — *Котлецов*. Сибиряк Д. [Мамин-Сибиряк Д.Н.]. На улице: роман // Русская мысль. 1886. № 3–8.

Суворин Алексей Сергеевич — *Александр Семенович Лутвинов*. Ясинский И.И. // Наблюдатель. 1893. № 1–4. (Нымм Е. А.П. Чехов в восприятии И.И. Ясинского // Молодые исследователи Чехова. М, 2001. Вып. 4. С. 399–406.)

Суворин Алексей Сергеевич — *издатель газеты С. Тихонов В.А. Карьера*: роман // Современник. 1911. № 1, 3–6.

Сухотин Павел Сергеевич — *Бенедиктов*. Зайцев Б.К. Студент Бенедиктов: рассказ // Слово: сборник Книгоиздательства писателей в Москве. М., 1913. Вып. 1. (Темяков В.В. О прототипе героя рассказа Б.К. Зайцева «Студент Бенедиктов» // Res Philologica. Уч. зап. Северодвинского филиала Поморского гос. ун-та. Архангельск, 2004. Вып. 4. С. 237–242.)

Сушков Николай Васильевич — *Илья Андреевич Дубков*. Бонбонов Альфонс. Дубковы: очерк // Московский курьер. 1861. № 23, 24.

Тихомиров Лев Александрович — *Тигран Жердябов*. Трубецкой С.Н. Правдивая история «Здорового слова» // Трубецкой С.Н. Собр. соч. М., 1907. Т. 1. (Иванникова В.В. Из истории литературных «окраин» русского консерватизма. Саратов, 2001. С. 17–19.)

Толливерова Александра Николаевна (урожд. Сусоколова) — *Зурова*. Суворин А.С. Миллиард в тумане: роман-фельетон без начала и конца // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. 24 окт. ... 1872. 9 янв.

Толстой Лев Николаевич — *Халдеев*. Дружинин А.В. Заметки петербургского туриста // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 8...280; 1856. № 3...97. (Трунин М. Из комментария к «Чернокнижнику» А.В. Дружинина: М.Н. Лонгинов как вероятный прототип профессора Антропофагова // Alexandro Iušino septuagenario oblate. М., 2011. С. 273–276.)

Толстой Лев Николаевич — *Степан Трофимович Верховенский*. Достоевский Ф.М. Бесы // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11. 1872. № 11, 12. (Мондри Г. Вновь раскрытые литературные пародии. М., 1995. С. 5–19.)

Толстой Лев Николаевич — *граф Тоцкий*. Вагнер Н.П. Темный путь: роман. СПб., 1890. (Дудаков С. История одного мифа. М., 1993. С. 250.)

Толстой Лев Николаевич — *Герасим Петрович Большунов*. Ясинский И.И. Лицемеры: роман // Наблюдатель. 1893. № 1–4. (Нымм Е. А.П. Чехов в восприятии И.И. Ясинского // Молодые исследователи Чехова. М, 2001. Вып. 4. С. 399–406.)

Толстой Лев Николаевич — *Егор Мартынович Гагарин*. Сергеенко П.А. Дэзи: роман. М., 1898. (Головачева А.Г. Л.Н. Толстой и А.П. Чехов как прообразы героев романа П.А. Сергеенко «Дэзи» // Чеховские чтения в Ялте. Симферополь, 2011. Вып. 16. С. 48–68.)

Тур Евгения (наст. имя и фамилия Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир) — *Анджелика Фейстриц*. Надеждин Н.И. Сила воли: воспоминание путешественника // Сто русских литераторов. СПб., 1841. Т. 2. (Козмин Н. Н.И. Надеждин и Е.В. Сухово-Кобылина (Евгения Тур): (по новым данным) // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. № 2. С. 301–303.)

Тур Евгения — *Анна Павловна Кедрова*. Ольга Н. [Энгельгардт С.В.]. Не одного поля ягоды: повесть // Русский вестник. 1868. Вып. 8. ([Генералова Н.П. Примечания к публикации писем С.В. Энгельгардт к А.А. Фету] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 126.)

Тур Евгения — *Варвара Петровна Ставрогина*. Достоевский Ф.М. Бесы // Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11. 1872. № 11, 12. (Сараскина Л.И.

В.П. Ставрогина. Гипотеза о прототипе // Достоевский и современность. Старая Русса, 1996. С. 106–118.)

Турбин Сергей Иванович — *Сергей Иванович Дубрин*. Дмитриев И. Провинциальная газета, ее редактор и сотрудники // Современник. 1863. № 1/2. (Кулиш А.П. С.И. Турбин // РП. Т. 6. С. 312.)

Турбин Сергей Иванович — *Филетер Иванович Форов*. Лесков Н.С. На ножах: роман // Русский вестник. 1870. № 10–12; 1871. № 1–8, 10. (Кулиш А.П. С.И. Турбин // РП. Т. 6. С. 313.)

Турбин Сергей Иванович — *Петр Еггорыч Мелузов*. Островский А.Н. Таланты и поклонники // Отечественные записки. 1882. № 1. (Письма к Островскому актеров и театральных деятелей / Публ. Е.С. Мясниковой и Е.В. Филипповой // Литературное наследство. Т. 88, кн. 1. С. 286 (примеч. Е.С. Мясниковой).)

Тургенев Александр Иванович — *Бабослужкин*. Булгарин Ф.В. Иван Выжигин, или Русский Жилбаз: (отрывок из нового романа) // Северный архив. 1825. № 9. (Письмо Ал.И. Тургенева П.А. Вяземскому от 22 мая 1825 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 127.)

Тургенев Александр Иванович — *Эдуард Вейз*. Булгарин Ф.В. Философский камень, или Где счастье?: сказка // Северный архив. 1825. № 4–8. (Дневниковая запись В.А. Жуковского о пасквиле Ф.В. Булгарина на семейство Воейковых (1825) / Вступ. статья С.В. Березкиной, подгот. текста и коммент. С.В. Березкиной и О.Б. Лебедевой // Русская литература. 2019. № 1. С. 37.)

Тургенев Иван Сергеевич — *Овчаров*. Хвоцинская С. Городские и деревенские: роман // Отечественные записки. 1863. № 3, 4. (Строганова Е. Классики и современницы. М., 2019. С. 346.)

Тургенев Иван Сергеевич — *Петр Петрович Рябинин*. Мещерский В.П. Граф Обезьянинов на новом месте: фантастический этюд в 5 ч. СПб., 1879.

Тургенев Иван Сергеевич — *Семен Петрович Карагин*. Ясинский И.И. Исповедь: [рассказ] // Новое время. 1888. № 4415. 15 июня. (Федоренко Б.В. Из разысканий о Достоевском: Из творческой истории романа «Бесы» // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 259–263.)

Тютчев Федор Иванович — *граф Павел Ростовский*. Мещерский В.П. Хочу быть русскою: роман из большого петербургского света: [в 4 ч.]. СПб., 1877. (Викторович В.П. В.П. Мещерский // РП. Т. 4. С. 46.)

Тютчев Федор Иванович — *Дмитрий Иванович Чешнев*. Гончаров И.А. Литературный вечер: [очерк] // Русская речь. 1880. № 1. (Денисенко С.В. О прототипах и персонажах «Литературного вечера» И.А. Гончарова // Русская литература. 2012. № 2. С. 90–97.)

Тютчев Федор Иванович — *Андрей Петрович Версиров*. Достоевский Ф.М. Подросток: роман // Отечественные записки. 1885. № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12. (Гачева А.Г. Тютчев и Версиров (Еще к вопросу об источниках образа «русского европейца») // Гачева А.Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М., 2004.)

Тютчев Федор Иванович — *Тюнин*. Мещерский В.П. Дневник Ольги Николаевны: роман. СПб., 1885. (Викторович В.П. В.П. Мещерский // РП. Т. 4. С. 46.)

Уваров Сергей Семенович — *граф Ольгин*. Шаховской А.А. Урок кокеткам, или Липецкие воды: комедия в 5 д., в стихах. СПб., 1815. (*Гозенпуд А.А. А.А. Шаховской // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. М., 1961. С. 35–36.*)

Уваров Сергей Семенович — *Угаров*. Шаховской А.А. Урок кокеткам, или Липецкие воды: комедия в 5 д., в стихах. СПб., 1815. (*Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 129–132.*)

Урусов Александр Иванович — *Боровский*. Боборыкин П.Д. В чужом поле: роман // Русский вестник. 1866. № 10, 11. (*Боборыкин П.Д. Молодой Урусов // Князь Александр Иванович Урусов: Ст. о его театре, о лит. и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 2. С. 401–402.*)

Урусов Александр Иванович — *Фетюкович*. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Русский вестник. 1879. № 1, 2, 4–6, 8–11; 1880. № 1, 4, 7–11. (*Булахова М. О возможном прототипе Фетюковича в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского // Русская филология. 32: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2022. С. 65–73.*)

Урусов Александр Иванович — *Турусов*. Буренин В.П. Мертвая нога // Буренин В.П. Мертвая нога; Роман в Кисловодске. СПб., 1886.

Урусов Александр Иванович — *Георгий Александрович Тюльпанов*. Бибииков В. Чистая любовь: роман. СПб., 1887. (*Сапожков С.В. А.И. Урусов // РП. Т. 6. С. 378.*)

Урусов Александр Иванович — *граф Киселев*. Ясинский И.И. Лицемеры: роман // Наблюдатель. 1893. № 1–4. (*Нымм Е. А.П. Чехов в восприятии И.И. Ясинского // Молодые исследователи Чехова. М, 2001. Вып. 4. С. 399–406.*)

Урусов Александр Иванович — *Виктор Николаевич Лысевич*. Чехов А.П. Бабе царство: рассказ // Русская мысль. 1894. № 1. С. 154–189. (*Сахарова Е.М. Примечания // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 8. М., 1977. С. 498.*)

Урусов Александр Иванович — *Мерцалов*. Ясинский И.И. Горный ручей: роман. СПб., 1895. (*Толстая Е. Мерцанье и бурление: Чехов и декаденты в изображении И. Ясинского // Чеховский сборник. М., 1999. С. 45.*)

Урусов Александр Иванович — *князь Плицкий*. Сергеенко П.А. Дззи: роман. М., 1898.

Успенский Глеб Иванович — *Глеб Поспенский*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Успенский Глеб Иванович — *Аркадий Герасимович Тростников*. Немирович-Данченко Влад.И. На литературных хлебах: роман // Новости дня. 1890. № 2383–2504.

Успенский Глеб Иванович — *Борис Петрович*. Боборыкин П.Д. Василий Теркин: роман // Вестник Европы. 1892. № 1–6. (*Боборыкин П.Д. Милая тень (из воспоминаний о Г. Успенском) // Русское слово. 1908. № 129. 5 июня; Меламед Е. «На пароходе, на Волге» // Литературная Россия. 1987. № 51. 18 дек.*)

Ушаков Василий Аполлонович — *Василий Умный*. Сигов Д.И. Граф Любский, или Любовь и кокетство: русский нравоописательный роман: В 2 ч. М., 1832. (*Рейтлат А.И. Д.И. Сигов // РП. Т. 5. С. 605.*)

Ушаков Василий Аполлонович — *К. Лебедев К.Н. О Царе Горохе: когда царствовал государь Царь Горох, где он царствовал, и как Царь Горох перешел в преданиях народов до отдаленного потомства. М., 1834. (Подарок ученым на*

MDCCCXXX год. О царе Горохе / Сообщил Д.Ф. Кобеко // Русская старина. 1878. № 6. С. 352.)

Фаресов Анатолий Иванович — *Николай Петрович Ракузин*. Потапенко И.Н. Пылливый ум: [рассказ] // Исторический вестник. 1899. № 1.

Фёдоров Михаил Павлович — *Менефе*. Окрейц С.С. Во мраке: роман // Романы оригинальные и переводные: ежемесячное приложение к журналу «Луч». 1882. № 1–4.

Федоров Павел Степанович — *Иван Иванович Коровин*. Соколов А.А. Театральные болота: хроника-роман. СПб., 1869. Ч. 1. (*Рейтблат А.И.* Роман А.А. Соколова «Театральные болота» как мемуарный источник // Театральная мемуаристика. М., 2015. С. 93.)

Фет Афанасий Афанасьевич — *Вольдемар*. Григорьев А.А. Офелия: Одно из воспоминаний Виталина // Репертуар и Пантеон. 1846. № 1. (*Егоров Б.Ф.* Примечания // Григорьев А.А. Воспоминания. Л., 1980. С. 404.)

Фет Афанасий Афанасьевич — *Яков Иванович Пасынков*. Тургенев И.С. Яков Пасынков: [рассказ] // Отечественные записки. 1855. № 4. (*Асланова Г.Д.* Фет — один из прототипов образа гл. героя в рассказе И.С. Тургенева «Яков Пасынков» // Тургеневские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 134–141.)

Фофанов Константин Михайлович — *Леонид Васильевич Переснов*. Бежецкий [Маслов А.Н.]. Неприятный посетитель // Новое время. 1888. № 4562. 9 нояб. (*Сапожков С.В.* К.М. Фофанов и репинский кружок писателей // НЛЮ. 2001. № 52. С. 155–156.)

Фруг Семен Григорьевич — *Хозькин*. Боборыкин П.Б. Перевал: роман // Вестник Европы. 1894. № 1–6.

Хвостов Дмитрий Иванович — *Дамон*. Измайлов А.Е. Стихотворец и черт: [басня] // Пантеон. 1814. Кн. 3. (*Ермакова-Битнер Г.В.* Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 688.)

Хвостов Дмитрий Иванович — *рифмач*. Измайлов А.Е. Страсть к стихотворству: [басня] // Вестник Европы. 1815. № 16. (*Ермакова-Битнер Г.В.* Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 689.)

Хвостов Дмитрий Иванович — *Хлыстов*. Гнедич Н.И. Комедия, сочиненная и игранная в Приютине 5 сентября 1815 года // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1914. Т. 91. № 1.

Хвостов Дмитрий Иванович — *стихотворец*. Ивельев [Великопольский И.Е.]. Янетерской: трагедия в 5 д. СПб., 1841.

Хитрово Михаил Александрович — *Благов*. Леонтьев К.Н. Одиссей Полихрониадес: роман // Леонтьев К.Н. Из жизни христиан в Турции. М., 1876. Т. 2–3. (*Фетисенко О.Л.* Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 104–105.)

Хлебников Велимир — *Павел Плотников*. Ремизов А.М. Крестовые сестры: повесть // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1910. Кн. 13. (*Данилевский А.А.* Велимир Хлебников в «Крестовых сестрах» А.М. Ремизова // Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 385–390.)

Чаадаев Петр Яковлевич — *Сильвио*. Пушкин А.С. Выстрел // Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. СПб., 1831. (*Мондри Г.* Еще об одном

литературном и историческом прототипе Версилова // *Dostoevsky Studies*. 1985. № 6. С. 104–112.)

Чаадаев Петр Яковлевич — *Александр Андреевич Чацкий*. Грибоедов А.С. Горе от ума. М., 1833. (*Шаховский Д.И.* Грибоедов и Чаадаев / Предисл., публ. и коммент. М. Филина // *Литература в школе*. 1988. № 4. С. 19–21.)

Чаадаев Петр Яковлевич — *Радугин*. Загоскин М.Н. Недовольные: комедия в 4 д. М., 1836. (*Усакина Т.И.* Памфлет Загоскина на П.Я. Чаадаева и М.Ф. Орлова // *Декабристы в Москве*. М., 1963. С. 162–184.)

Чаадаев Петр Яковлевич — *Григорий Александрович Печерин*. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени: [в 2 ч.]. СПб., 1840. (*Яковченко С.Б.* Об одной прототипической версии образа Печорина // *Научное наследие Л.П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа*. Орджоникидзе, 1988. С. 51–58.)

Чаадаев Петр Яковлевич — *Андрей Петрович Версиров*. Достоевский Ф.М. Подросток: роман // *Отечественные записки*. 1885. № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12. (*Долинин А.* Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963. С. 113–125.)

Чаев Николай Александрович — *писатель с иноческим благообразным лицом*. Садовский М.П. Высокое призвание: [рассказ] // *Артист*. 1891. № 12–14. (*Варнеке Б.* Актер-писатель // *Ежегодник императорских театров*. 1910. Вып. 4. С. 24.)

Чеботаревская Анастасия Николаевна — *Нимфодора Завалишкина (в браке Закивакина)*. Горький М. Русские сказки. Сказка III // *Русское слово*. 1912. № 290. 16 дек. (*Бялик Б.А.* Эстетические взгляды Горького. Л., 1939. С. 60.)

Червинский Федор Алексеевич — *Челава*. Гиппиус З.Н. Время: сказка // Гиппиус З.Н. Новые люди. СПб., 1896. (*Сапожков С.В.*, при участии *Гучкова С.М.* Ф.А. Червинский // *РП*. Т. 6. С. 614.)

Чернышевский Николай Гаврилович — *Иверский*. Ахшарумов Н.Д. Мудреное дело: очерк из летописей русской словесности: [роман] // *Эпоха*. 1864. № 5–7. (*Козлов А.Е.* «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н.Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 65. С. 231.)

Чернышевский Николай Гаврилович — *Порфирий Павлович Мурзаханов*. Григорович Д.В. Два генерала: роман // *Русский вестник*. 1864. № 1, 2. (*Мондри Г.* Вновь раскрытые литературные пародии. М., 1995. С. 52.)

Чернышевский Николай Гаврилович — *Андрей Семенович Богоявленский*. Леонтьев К.Н. В своем краю // *Отечественные записки*. 1864. № 5–7. (*Мондри Г.* Вновь раскрытые литературные пародии. М., 1995. С. 51–74.)

Чехов Антон Павлович — *Мальшев*. Боборыкин П.Д. Ходок: роман // *Вестник Европы*. 1895. № 1–6. (*Толстая Е.* Поэтика раздражения. М., 2002. С. 335–337.)

Чехов Антон Павлович — *Мерцалов*. Ясинский И.И. Горный ручей: роман. СПб., 1895. (*Толстая Е.* Мерцанье и бурление: Чехов и декаденты в изображении И. Ясинского // *Чеховский сборник*. М., 1999. С. 42.)

Чехов Антон Павлович — *Антон Антонович Зайцев*. Гиппиус З.Н. Голубое небо: рассказ // Гиппиус З.Н. Новые люди. СПб., 1896. (*Гаранина О.В.* Личность и творчество А. Чехова в осмыслении З. Гиппиус // *Творчество А.П. Чехова: текст, контекст, интертекст*. Ростов-на-Дону, 2011. С. 34–41.)

Чехов Антон Павлович — *Михаил Николаевич Герливанов*. Сергеенко П.А. Дзэ: роман. М., 1898. (*Головачева А.Г.* Л.Н. Толстой и А.П. Чехов как прообразы

героев романа П.А. Сергеевко «Дэзи» // Чеховские чтения в Ялте. Симферополь, 2011. Вып. 16. С. 48–68.)

Чехов Антон Павлович — *Алексей Павлович Балагин*. Арцыбашев М. Из жизни маленькой женщины: [рассказ] // Новый журнал для всех. 1909. № 3. (*Бушканец Л.Е.* «Он между нами жил...»: А.П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века. Казань, 2012. С. 197–200.)

Чешихин Всеволод Евграфович — *Петр Степанович Бабичев*. Боборыкин П.Д. Братья: повесть // Вестник Европы. 1904. № 1. (*Чешихин Вс.Е.* Страничка воспоминаний о П.Д. Боборыкине // Вестник литературы. 1919. № 7. С. 6.)

Чуйко Владимир Викторович — *Поддевка*. 666 [Буренин В.П.]. Розы прогресса: современный роман-фельетон // Дело. 1875. № 9, 10, 12.

Чулков Георгий Иванович — *Семен Андронович Чухолка*. Белый А. Серебряный голубь: повесть // Весы. 1909. № 3, 4, 6, 7, 10–12. (*Козьменко М.* Примечания // Белый А. Серебряный голубь. М., 1989. С. 451.)

Чулков Георгий Иванович — *Друг Германа*. Блок А.А. Песня Судьбы // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1909. Кн. 9. (*Михайлова М.В.* Г.И. Чулков // РП. Т. 7. С. 46 (в печати).)

Шаликов Петр Иванович — *граф Пронский*. Шаховской А.А. Новый Стерн: комедия в 1 д. СПб., 1807. (*Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии. М., 1985. С. 199; *Иванов Д.* Творчество А.А. Шаховского — комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. С. 32.)

Шаликов Петр Иванович — *Турсис Иванович Посошков*. Загоскин М.Н. Роман на большой дороге: комедия в 1 д. СПб., 1819. (*Галахов А.Д.* Сочинения А.Е. Измайлова // Современник. 1850. № 10. Отд. 3. С. 99–100.)

Шаликов Петр Иванович — *Евгений Эрастович Слезкин*. П.Л. [Яковлев П.Л.] Бедный Макар: комедия в 1 д. // Благонамеренный. 1820. № 16. (*Галахов А.Д.* Сочинения А.Е. Измайлова // Современник. 1850. № 10. Отд. 3. С. 92–100.)

Шаликов Петр Иванович — *Эраст Лиодорович Чертополохов*. I [Яковлев П.Л.]. Несчастья от слез и вздохов // Благонамеренный. 1824. № 13–15; 1825. № 3, 4, 11–13. (*Галахов А.Д.* Сочинения А.Е. Измайлова // Современник. 1850. № 10. Отд. 3. С. 92–100.)

Шаликов Петр Иванович — *Ахалкин*. Одоевск. [Одоевский В.Ф.]. Следствия сатирической статьи // Мнемозина. 1824. Кн. 3. (*Дрыжакова Е.Н.* Из полемики «Мнемозины» // Русская литература. 1975. № 4. С. 99.)

Шарапов Сергей Федорович — *Иван Подхалимов*. Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Отечественные записки. 1880. № 9–11; 1881. № 1, 2, 5, 6. (*Макашин С.А.* Примечания // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1972. Т. 14. С. 571.)

Шахова Елизавета Никитична — *Елизавета Михайловна Калитина*. Тургенев И.С. Дворянское гнездо: роман // Современник. 1859. № 1. (*Белецкий А.И.* Тургенев и русские писательницы 30–60-х гг. // Творческий путь Тургенева. Л., 1923. С. 142–147.)

Шевченко Тарас Григорьевич — *Григорий Петрович Андреев*. Григорович Д.В. Неудачи: повесть // Отечественные записки. 1850. № 9. (*Степина М.Ю.* Т.Г. Шевченко в сюжете повести Д.В. Григоровича // Ф.Я. Прийма и вопросы филологии XX века. СПб., 2009. С. 96–118.)

Шевченко Тарас Григорьевич — *Опанас Тарасович Кравченко*. Мордовцев Е.Л. Профессор Ратмиров: роман // Книжки Недели. 1889. № 1, 2. (*Бобров Е.*

Материалы для биографии Е.А. Белова // Сборник учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1907. Т. 12. С. 68.)

Шевченко Тарас Григорьевич — *Алексей Алексеевич Березовский*. Репнина В.Н. [Повесть] // Русские пропилеи. М., 1916. Т. 2. (Гершензон М.О. Т.Г. Шевченко и кн. В.Н. Репнина // Там же. С. 186.)

Шевырев Степан Петрович — *Петр Степанович Шепелев*. Потехин Н.А. Наши в Париже // Потехин Н.А. Наши безобразники: сцены. СПб., 1864. (Зыкова Г.В., Найдич Л.Э. Н.А. Потехин // РП. Т. 5. С. 127.)

Шелгунова Людмила Петровна — *Людмила Григорьевна Атуева*. Полонский Я.П. Женитьба Атуева: рассказ // Русский вестник. 1869. № 5. (Ермилова Е.В., А.З. Грешный. Я.П. Полонский // РП. Т. 5. С. 58.)

Ширинский-Шихматов Сергей Александрович — *молодой чудак*. Измайлов А.Е. Шут в парике: [басня 1811 г.] // Измайлов А.Е. СПб., 1849. Т. 1. (Ермакова-Битнер Г.В. Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 687.)

Шишков Александр Семенович — *Славянофил*. [Макаров М.Н.]. Обращенный Славянофил: комедия в 1-м д. Р-а-т-а // Журнал драматический. 1811. Кн. 4. (Рогов К.Ю. Портреты и карикатуры (О комедии «Обращенный Славянофил») // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 153–180.)

Шишков Александр Семенович — *старый шут*. Измайлов А.Е. Шут в парике: [басня 1811 г.] // Измайлов А.Е. СПб., 1849. Т. 1. (Ермакова-Битнер Г.В. Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 687.)

Шрейер Юлий Осипович — *Фрей*. Мамин-Сибиряк Д.Н. Черты из жизни Пепко: роман // Русское богатство. 1894. № 1–10. (Дергачев И.А. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д.Н. Черты из жизни Пепко. Свердловск, 1984. С. 413.)

Щербина Николай Фёдорович — *Леокадий Леокадьевич Куликов*. Григорович Д.В. Проселочные дороги: роман // Отечественные записки. 1852. № 1–7.

Щербина Николай Фёдорович — *Елисей Павлович Бубнов*. Рабинович О.А. Калейдоскоп: [роман] // Русское слово. 1860. № 6, 7. (Маркиш Ш. Осип Рабинович // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1. С. 136.)

Элькан Александр Львович — *L. Cané*. Θ. [Бурнашев В.П.]. Новый год // Северный Меркурий. 1830. № 1–4.

Элькан Александр Львович — *Антон Антонович Загорецкий*. Грибоедов А.С. Горе от ума: комедия в 4 д. в стихах. М., 1833. (Н.Л. [Лернер Н.]. Прототип Загорецкого // Русская старина. 1908. № 12. С. 607–613.)

Элькан Александр Львович — *Штирх*. Сенковский О.И. Предубеждение: статья одного человека // Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. (Иванов С.В. М.Ю. Лермонтов: жизнь и творчество. М., 1964. С. 130.)

Элькан Александр Львович — *Хайлов*. Каратыгин П.А. Ложа третьего яруса на последний дебют Тальони: водевиль. СПб., 1838. (Данилов С.С. Русский театр в художественной литературе. Л.; М., 1939. С. 79.)

Элькан Александр Львович — *Шмулькан*. Ковалевский П.М. Итоги жизни: повесть // Вестник Европы. 1883. № 1–3.

Эмин Николай Федорович (ок. 1767 — 1814) — *Хорей*. Судовщиков Н.Р. Не знаешь, не ревнуй, а знаешь, так молчать: комедия в 1 д. // Журнал драматической. 1811. Ч. 3. № 11. (Макаров М.Н. Николай Родионович Судовщиков, автор комедии

«Неслышанное диво, или Честный секретарь» // Репертуар и Пантеон. 1844. № 11. С. 253.)

Энгельгардт Софья Владимировна (урожд. Новосильцева) — *Серафима Ярославцева*. Лесков Н.С. Некуда: роман // Библиотека для чтения. 1864. № 1–5, 7, 8, 10–12. (*Тотубалин Н.И.* [Препамбула к примечаниям] // Лесков Н.С. Собр. соч. М., 1956. Т. 2. С. 718.)

Эрн Владимир Францевич — *Николай Эдуардович*. Свенцицкий В.П. Антихрист (Записки странного человека). СПб., 1908. (*Алексеева Л.Ф.* Повесть Валентина Свенцицкого «Антихрист» (1908) в контексте литературного процесса // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 84. С. 70.)

Ювачёв Иван Павлович — *Степан*. Чехов А.П. Рассказ неизвестного человека: [повесть] // Русская мысль. 1893. № 2, 3. (*Сахарова Е.М.* Примечания // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения. М., 1977. Т. 8. С. 467.)

Юзефович Михаил Владимирович — *Змеевич*. Мордовцев Д.Л. Профессор Ратмиров: роман // Книжки Недели. 1889. № 1, 2. (*Бобров Е.* Материалы для биографии Е.А. Белова // Сборник учено-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1907. Т. 12. С. 68.)

Юрьев Сергей Андреевич — *Григорий Сергеевич Корнев*. Чаев Н.А. Подспудные силы: роман // Русский вестник. 1870. № 2–7. (Ровда К.И. Шекспировские кружки в Петербурге и Москве // Шекспир: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962. М., 1964. С. 593.)

Юрьев Сергей Андреевич — *Василий Илларионович Долгов*. Писемский А.Ф. Мещане: роман // Пчела. 1877. № 18–49. (*Могиланский А.П.* Примечания // Писемский А.Ф. Собр. соч. М., 1959. Т. 6. С. 453.)

Юрьев Сергей Андреевич — *Песцов*. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 1878. (*Гудзий Н.К.* История писания и печатания «Анны Карениной» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 20. С. 641.)

Юрьев Сергей Андреевич — *рассеянный литератор*. Садовский М.П. Высокое призвание: [рассказ] // Артист. 1891. № 12–14. (*Варнеке Б.* Актер-писатель // Ежегодник императорских театров. 1910. Вып. 4. С. 24.)

Якубович Лукьян Андреевич — *Валериан Антонович Скворевич*. Панаев И.И. Тля: не-повесть // Отечественные записки. 1843. № 2. (*Ямпольский И.Г.* Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 103.)

Якушкин Иван Дмитриевич — *Александр Андреевич Чацкий*. Грибоедов А.С. Горе от ума: комедия. М., 1833. (*Нечаев В.Н.* Письма И.Д. Якушкина к И.Д. Щербатову // Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1. С. 151.)

Якушкин Павел Иванович — *Долгушин*. Чаев Н.А. Подспудные силы: роман // Русский вестник. 1870. № 2–7.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2023 № 2 (32)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская

Подписано в печать 25.06.2024

Формат 60×90 1/16

Усл.-печ. л. 26,75

Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н